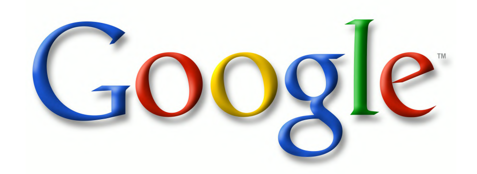
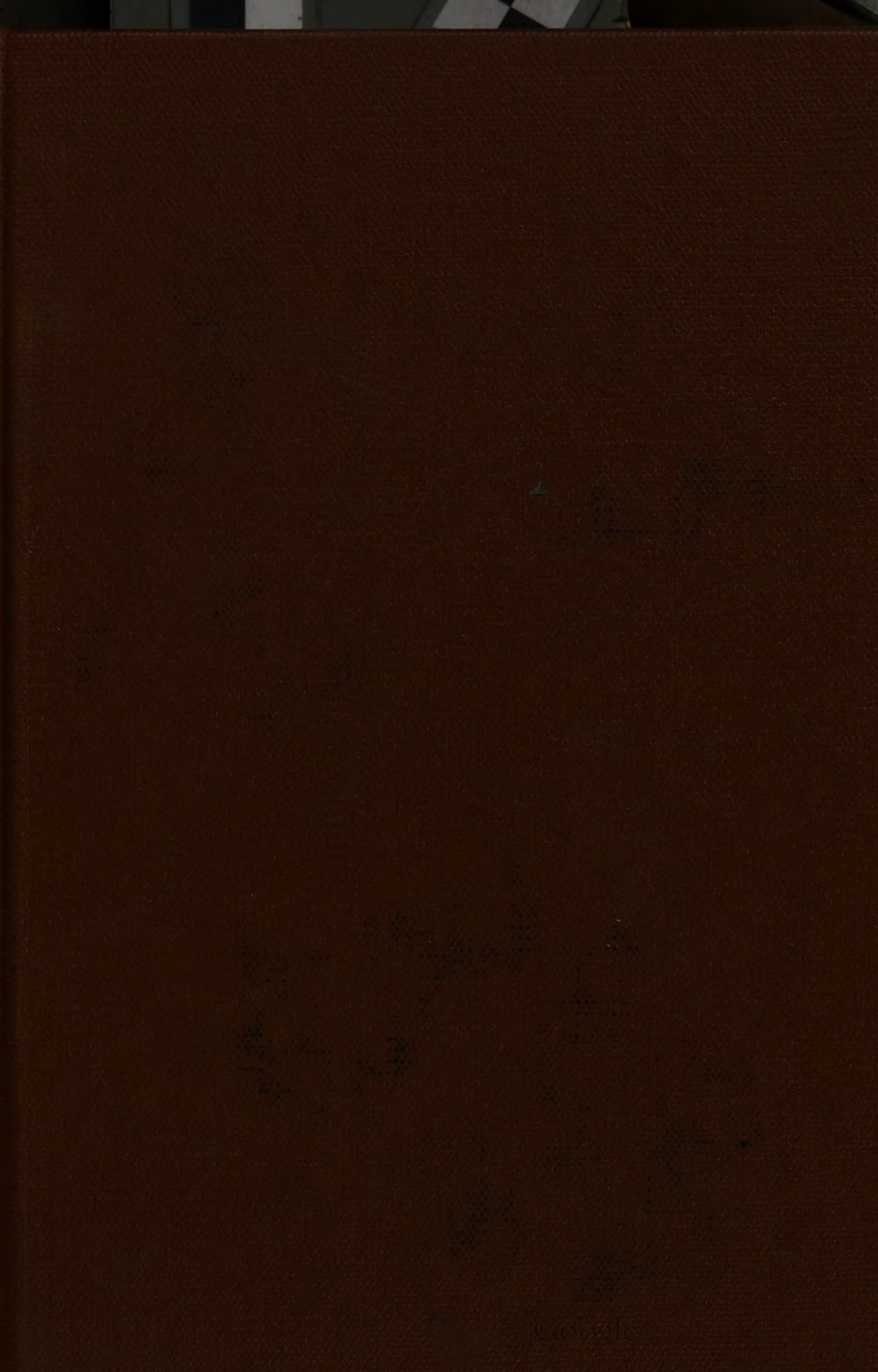

Google

ОКТЯБРЬ. 1900.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

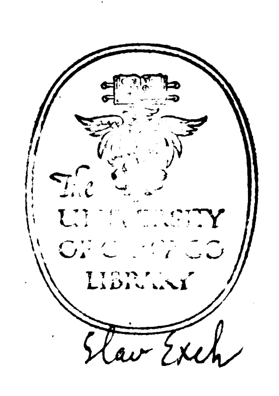
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 10.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія **Н. Н. Клобукова,** Пряжка, уг. Заводской, д. 1—3.
1900.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23-го октября 1900 года.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

СБОРНИКЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“,

подъ редакціей Н. К. Михайловскаго и Вл. Г. Короленко,

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Часть 1-ая. БЕЛЛЕТРИСТИКА. Цѣна 2 руб.

1. Изъ романа „Карьера Оладушкина“. Въ провинціи. ***Н. К. Михайловскаго***.—2. У святыхъ могилокъ. Эскизъ. ***Д. Н. Мамина-Сибиряка***.—3. На службѣ обществу. Разсказъ. ***Л. Мельшина***.—4. Современная Миньона (Изъ швейцарскихъ нравовъ). ***Н. Сѣверова***.—5. Бѣлыя крылья. Изъ разсказовъ стараго шахтера. ***В. І. Дмитріевой***.—6. Маруся. Разсказъ. ***В. Г. Короленко***.—7. Я видѣлъ трауръ молчаливый... Стихотвореніе. ***В. Г.***—8. Послѣдній выборъ. Романъ. ***Р. Штратца***. Переводъ съ нѣмецкаго А. Н. Анненской.

Часть 2-ая. ПУБЛИЦИСТИКА. Цѣна 1 руб.

1. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. I. Пушкинъ въ сознаніи русской литературы. II. Пѣвецъ гуманной красоты. ***П. Ф. Гриневича***.—2. Муки слова. ***А. Г. Горнфельда***.—3. А. С. Пушкинъ и его письма. ***Е. А. Ляцкаго***.—4. Изъ Пушкинской эпохи. ***В. А. Мякотина***.—5. Сербско-болгарскія отношенія по македонскому вопросу. ***П. Н. Милюкова***.—6. Покупательныя силы крестьянства. ***А. В. Пѣшехонова***.—7. О классицизмѣ филологическомъ и о классицизмѣ идейномъ. ***Н. К.***—8. Людвигъ Бюхнеръ. ***В. В. Лункевича***.—9. Неудавшійся праздникъ. ***А. Пѣшехонова***.—10. Правители и властители современной Европы. Очерки. ***С. Н. Южакова***.

ПРОДАЮТСЯ:

въ ***Петербургѣ*** — въ Конторѣ редакціи, уг. Спасской и Басковой ул., домъ № 1—9.

въ ***Москвѣ*** — въ Отдѣленіи конторы, Никитскія ворота, д. Гагарина.

Шесть томовъ соч. Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. Ц. 12 р.

СОДЕРЖАНІЕ I. Т. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

СОДЕРЖАНІЕ II. Т. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 6) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ. 7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

СОДЕРЖАНІЕ III Т. 1) Философія исторіи Луи Блана. 2) Вико и его «новая наука». 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма. 7) Записки Профана.

СОДЕРЖАНІЕ IV Т. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4) О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемежку. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

СОДЕРЖАНІЕ V. Т. 1) Жестокій талантъ. 2) Гл. И. Успенскій. 3) Щедринъ. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновъ. 6) Записки современника. I. Независящія обстоятельства. II. О. Писемскомъ и Достоевскомъ. III. Нѣчто о лицемѣрахъ. IV. О порнографіи. V. Мѣдные лбы и вареныя души. VI. Послушаемъ умныхъ людей VII. Три мизантропа. VIII. Пѣснь торжествующей любви и нѣсколько мелочей. IX. Журнальное обозрѣніе. X. Торжество г. Ціона чреда образованности и проч. XI. О нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ недоразумѣніяхъ. XII. Все французъ гадитъ. XIII. Смерть Дарвина. XIV. О доносахъ XV. Забытая азбука. XVI. Гамлетизированные поросята. 7) Письма посторонняго въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ».

СОДЕРЖАНІЕ VI. Т. 1. Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. 2) Графъ Бисмаркъ. 3) Предисловіе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ. 4) Иванъ Грозный въ русской литературѣ. 5) Палка о двухъ концахъ. 6) Романическая исторія. 7) Политическая экономія и общественная наука. 8) Дневникъ читателя. 9) Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

Для подписчиковъ **„Русскаго Богатства“**, вмѣсто 12 р., цѣна **9** руб. безъ пересылки. Пересылка за ихъ счетъ *наложеннымъ платежомъ*—товаромъ большой скорости, посылкой или заказной бандеролью.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ,** по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногородняго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 10 числа каждаго мѣсяца,** чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи,** обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1899 г., если авторы не потребуютъ ихъ обратно въ теченіе шести мѣсяцевъ съ 1-го ноября 1899 г., **будутъ уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

РАЗДѢЛЪ.

(Разсказъ изъ деревенской жизни).

I.

— Слухай, старикъ, я тѣ скажу. Я, вишь, не жилица на свѣтѣ: умирать пора. Да и ты не молоденькій. Надо-ть о дѣтяхъ подумать. А то умремъ... что тады?...

Такъ говорила старуха Матрена Ѳедюхина своему мужу Анисиму. Кромѣ нихъ въ избѣ изъ большихъ никого не было. Онъ сидѣлъ на печкѣ, распоясанный, босой, съ всклокоченной бѣлой бородой. Она на видъ была еще старше мужа. Все лицо ея казалось не больше кулака и представляло сплошную сѣтку глубокихъ морщинъ. Она сидѣла на лавкѣ и рукой обтирала со стола лужу какой-то жидкости. Маленькая дѣвочка возилась на полу, второй ребенокъ качался въ люлькѣ, третій лежалъ на задникѣ.

— Такъ-то такъ, старуха. Да больно годъ-то плохой. Вотъ кабы намъ вторую лошаденку объегорить, тады дѣйствительно отдѣлить бы Проньку. А таперича какая дѣлежка? Нищимъ его пустить не хотца, да и люди смѣяться будутъ.

— Вѣстимо такъ, да вишь я-то какая, и лечь не могу. Кашель такъ и двошитъ. Да и ты тоже съ поясницей. Какъ погода, такъ вѣдь ты чисто боровъ ревешь. Нѣтъ, не жильцы мы на этомъ свѣтѣ.

Старикъ почесывалъ въ затылкѣ, на которомъ еще оставались волосы, и молчалъ. Старуха продолжала:

— Коли намъ на поминъ корову оставить, да подтелка. Митька на старомъ кореню отстанется, а Пронькѣ лошадь, свинью съ поросятами, рыгу, анбаръ рубленный.

— И овецъ,—добавилъ старикъ.

— Нѣтъ, овецъ нельзя. Овцы мои. Овцы дѣвкамъ пойдутъ. Што-жъ дѣвокъ-то обиждать? Небось, тоже у нихъ дѣтки малыя.

— Такъ видишь? Лошадь, свинью, да и рыгу съ анбаромъ онъ продать долженъ на избу. И будетъ бобылемъ въ полѣ жить.

— Ну, а какъ мы помремъ, вѣкъ имъ не раздѣлиться Старшая-то во какая. А Пронька, что курица, во всемъ ей потакаетъ. Надо ихъ раздѣлить, пока мы живы. А имъ безъ насъ вѣкъ не раздѣлиться. Не спѣсись, старикъ. Я тѣ вѣрно говорю.

Въ это время вошелъ Пронька съ вязанкой соломы. Маленькій худой мужичишко, рябой, съ жиденькими бѣлокурыми усами и бородой и съ большими мягкими голубыми глазами, онъ производилъ впечатлѣніе робости. Положивъ солому, онъ снялъ шубу и присѣлъ къ матери. Онъ былъ въ грязной посконной рубахѣ съ вшитыми синими подмышками. На лѣвомъ рукавѣ было огромное дегтяное черное пятно.

— Што Митька не возвращался?—спросилъ старикъ.

— Нѣтъ еще. Нешто такъ скоро обернешь? Да иной разъ на площади цѣлый день простоишь съ возомъ. Купцы-то не вотъ торопятся для нашего брата.

— Слухай, Пронь, я тебя отдѣлить хочу, пока живъ.

— Воля ваша, только годъ плохъ. Да мы съ братомъ еще вмѣстѣ пожили бы. А помрешь ты съ мамушкой, мы честь-честью похоронимъ сообча и помянемъ васъ.

— Эхъ, Пронь, все это мы знаемъ, — сказала мать, — а скажи по Божью, станетъ твоя жена Митькиныхъ дѣтей жалѣть? Ихъ вѣдь трое у него, да одинъ къ тому неправый. Вы-то, я знаю, стали бы жить. А какъ бабы-то? А у тебя одна, да и та не махочкая. Вотъ ты и гляди тутъ.

— Мнѣ што, я перечить не могу. Отдѣлять, такъ отдѣлять. Вамъ виднѣе, да и вы больше нашего знаете. Вотъ только годъ...

— Какъ Митька подъѣдетъ, мы погуторимъ,—прервалъ его старикъ.

Вошла Ѳедосья, Пронькина жена, съ дѣвочкой лѣтъ одиннадцати. Будь она городская жительница, ей бы можно дать за сорокъ лѣтъ. Но въ деревнѣ женщины старѣютъ рано: ей и тридцати не было. Она тоже раздѣлась и оправляла повойникъ.

— Тьфу ты, Господи, говорила я невѣсткѣ, что ленъ надо убирать. Кума Дарья смѣется. Что, говоритъ, ленъ-то въ зиму подъ снѣгомъ оставили? Что бы мать твоя, покойница, сказала? А все изъ-за кого слухать это надотъ? Изъ-за молодой!

— Да, что ты, аль Бога не боишься? Вѣдь молодая родила осенью.

— Ну, что-жъ что родила? И я рожала, да ленъ въ зиму не шелъ.

— Ну возьми мого, коли думаешь, что онъ пропалъ.

— Я, мамушка, не обо льну. А люди въ глаза смѣются.

— Ну и пущай себѣ смѣются, коли зубы чесать охота. Баба родила какъ разъ, когда люди ленъ убирали. Она этому не причинна.

Ѳедосья еще что-то пробормотала и успокоилась.

Къ вечеру пріѣхалъ Дмитрій и привезъ деньги за проданный возъ овса. Отъ него сильно пахло водкой, и лицо его покраснѣло. Онъ не былъ похожъ на брата. Гораздо полнѣе его, онъ былъ темно-русый; лицо у него было чистое и бѣлое, борода еле пробивалась, а черные усы были густы. Глаза маленькіе и быстрые. На правой рукѣ у него не было указательнаго пальца, отчего онъ и былъ освобожденъ отъ солдатчины.

— Вотъ я вамъ сколько денегъ привезъ. Вы говорили двѣнадцать бы цѣлковыхъ, а я цѣлыхъ пятнадцать привезъ, да четвертакъ еще на радостяхъ пропилъ. И морозъ же! Продалъ-то я овесъ Егору Григорьевичу. Какъ всыпалъ онъ первую кадушку, вижу онъ карцемъ-то тыкаетъ въ овесъ, а я на гири погнулъ. Онъ было на меня цыкнулъ. А я ему: нѣтъ, господинъ купецъ, такъ, говорю, ненадоть. Походъ бери, да законный. И потянуло больше; мы мекали пять четвертей будетъ, анъ вышло съ осминой. Грозится еще: мотри, малый, попадешься и ты. Я, говорю, вы тутъ не одни, Егоръ Григорьевичъ. Въ обиду себя не дадимъ.

— Ну спасибо, Митя, спасибо, — сказалъ старикъ, долго считая деньги и передавая ихъ женѣ.—На, старуха, схорони.

— Да небось Митя ѣсть хочетъ. Ты бы, Ѳедосьюшка, его накормила. Онъ, хоша и выпилъ, небось, не закусывалъ.

— А то нешто? Я, мамушка, знаю. Почему за трешницу деверька не покормить?—смѣясь сказала Ѳедосья.

Въ углу сидѣла Дмитріева жена и, качая люльку, тянула монотонную пѣсню. Хотя у нея было трое дѣтей, но она казалась совсѣмъ еще молодой. Полная, круглолицая, она была погружена въ свое дѣло и весь вечеръ не проронила ни одного словечка.

Дмитрій похлебалъ пустыхъ щей, съѣлъ большую краюху хлѣба и чуть не заснулъ за столомъ.

— Пора спать, ребята,—сказала старуха;—нечего газъ жечь.

Всѣ стали на сонъ грядущій молиться Богу.

На слѣдующій день всѣ были въ сборѣ за обѣдомъ, и старикъ снова заговорилъ объ отдѣлѣ Прокофія. Дмитрій удивился.

— Нешто мы, батька, не дружно живемъ. Межъ нами ни какихъ глупостей нѣтъ. Вмѣстѣ насъ всетаки за людей почитаютъ и не за послѣднихъ. А раздѣлимся, куда мы годимс я?

— Ничего ты, Митька, не понимаешь. У тебя сколько дѣтей?

— Трое.

— Ну, видишь, да одинъ неправый, восемь лѣтъ ему, а на дворъ пройтить не можетъ. Кто-жъ будетъ дѣтей твоихъ покоить? Понимаешь таперича?

— Понимать-то я давно понимаю. Только никакихъ межъ нами этихъ глупостей нѣтъ. А, братъ, мнѣ охота съ тобой жить.

— Я-то батюшкѣ съ матушкой вчарась это самое говорилъ. Да годъ еще плохой. Людямъ въ пору сходиться, а не то дѣлиться.

— Слышь, старуха, что они баютъ?

Старуха покачала головой.

— Слышу... я не глухая... ну, а ты, Ѳедосьюшка, что скажешь?

— Я съ невѣсткой не брехала. Знамо дѣло, курица и та сердце имѣетъ, когда и скажешь слово съ досады. А только коли ты, мамушка, помрешь къ примѣру, я у печки быть должна. Корова и печка—вотъ мое дѣло, а молодая пущай все правитъ остальное. И по закону такъ.

— Ты ужъ вотъ, старшая, неладно сказала. У тебя Проска твоя сама вотъ-вотъ замужъ пойдетъ, а у Аннушки трое цыплятъ, а старшенькій не правый къ тому-жъ. По закону ей бы у печки быть, а не ей—такъ поденно. Вотъ какъ. При мнѣ-то вы ладно живете. Знаете,—не дамъ браниться. А безъ насъ ты не то заговоришь. Ну, а ты, молодая, какъ мекаешь?

— Я, мамушка, думаю, чего намъ дѣлиться, коли дружно живемъ? И вы помрете оба, мужики наши охальники что-ль какіе, что раздѣлиться безъ людей не можутъ? Прокофій насъ не обидитъ, я знаю.

— Вотъ что, старуха, мы видно съ тобой изъ ума выжили. Подождемъ-ка годикъ, а тамъ видно будетъ. Аль, право, они разбойники какіе? Раздѣлятся за милую душу и безъ насъ съ тобой. Такъ-то.

Старуха покачала головой, но новыхъ доводовъ не нашла.

II.

— Старуха-то умирать собралась,—говорили мужики, проходя мимо избы Ѳедюхиныхъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ описанныхъ нами разговоровъ.

— Вѣдь и пора ужъ ей: ей, небось, сто лѣтъ будетъ.

— Сто не сто, а семьдесятъ будетъ. Пожила и довольно съ нея.

Въ избѣ кромѣ семьи набрались разные родственники, да и такъ входили и выходили любопытные. И на дворѣ-то

жарко было, а въ избѣ духота прямо невыносимая. Здоровому и то нечѣмъ было дышать, не то что умирающей. Подъ образами лежала на постели старуха Матрена. Глаза у нея были открыты и сохраняли осмысленное выраженіе: она была въ памяти. Третій день она ничего не ѣла и не пила. Когда ей предложили:—Что-жъ ты, матушка, не пропустишь чего? Ты бы чего поѣла? Старуха сдѣлала головой знакъ отрицательный, а потомъ положительный. „Не хочу“, молъ, „спасибо“. Дышала она тихо, тихо, почти неуловимо и переводила глаза съ одного на другого изъ своихъ. Кругомъ стояли, а то и присаживались, старикъ, сыновья, снохи. Въ рукахъ у умирающей была зажженая свѣчка, которая то и дѣло вываливалась изъ рукъ. Старикъ ее поправлялъ. Вдругъ она сдѣлала движеніе, какъ будто хотѣла что-то сказать Головой она, смотря на мужа, сдѣлала знакъ въ сторону. Прокофія. Старикъ понялъ.

— Ничего, старуха, умирай себѣ съ Богомъ. Ты на счетъ дѣлежки? А?

Старуха сдѣлала утвердительный знакъ.

— Эй, вы, ребята, скажите же матери, что межъ вами не будетъ ничего такого.

— Чего ты, мамушка, боишься?—сказалъ Дмитрій,—все будетъ по доброму: и васъ помянемъ, и сами поживемъ, а не заладимъ, раздѣлимся честь честью. Ты знай себѣ умирай.

— Знамо дѣло у насъ до суріозу не дойдетъ,—вторилъ Прокофій.

Старуха глазами указала на Ѳедосью.

— Чего, ты мамушка? Аль я, правда, лиходѣйка какая? И ея дѣтей спокоить буду,—сказала Ѳедосья, указывая на Аннушку.

Старуха кивнула головой въ знакъ благодарности. Слеза потекла по морщинѣ.

Она дышала все тише и умерла такъ, что никто и не замѣтилъ минуты смерти. Даже не было обычныхъ глубокихъ вздоховъ. Снохи стали убирать ее, а старикъ вышелъ на дворъ и заплакалъ.

— Чего ты, батька, убиваешься?—сказалъ Прокофій.—Пожила мамушка, худого слова ни отъ кого не слыхала. Пришло, знать, время помирать. Все по добру. И сообщилась и соборовалась. А таперича-то—чисто заснула.

— Такъ-то такъ. А кто меня таперича покоить будетъ? Рубаху-то и то небось не вымоютъ. Вошь заѣстъ.

— Не грѣши, батька. Да коли наши бабы тебя, къ примѣру, почитать не будутъ, да ихъ на первую осину повѣсить стоитъ. Ты насъ плохому не училъ, да и бабъ не обиждалъ,—сказалъ Дмитрій.

Старуху похоронили, помянули. На поминкахъ старикъ немного выпилъ и всё плакалъ. Выпили и сыновья и добрымъ людямъ поднесли. Много хорошаго сказано было про старуху и видно было, что все говорилось отъ души, а не по заказу. Старуха была добрая и умная.

Жизнь потекла по прежнему. За старикомъ ходили, какъ слѣдуетъ.

— Ну, спасибо, спасибо,—говорилъ онъ, когда одна изъ снохъ искала у него въ головѣ.—И старуха моя бывало такъ-то искала. Вы, дѣти, помните, что она говорила на счетъ дѣлежки. Чтобъ все было тихо, скромно, благородно. Мы, когда дѣлились съ покойнымъ братомъ, не то, что начальство, сусѣдей и то не звали. Сусѣди узнали, что раздѣлились, ужъ потомъ, какъ новую избу ставить стали. Такъ и вы сдѣлайте. Ты, Пронька, пожалѣй Сашку: онъ и Богомъ обиженъ. Митька меньшой, ему на старомъ пазьмѣ отставаться.

— Да что ты, батюшка, насъ опять дѣлить началъ. Мы еще вмѣстѣ поживемъ. А тамъ видно будетъ.

— Знаю, знаю. Придетъ время—меня не будетъ. Вспомните мои слова. Затѣмъ и говорю, чтобъ помнили.

Вообще вопросъ о раздѣлѣ сыновей не шелъ изъ головы Анисима. Неподалеку отъ нихъ происходилъ раздѣлъ трехъ братьевъ. До мельчайшей бездѣлицы дѣлили не иначе, какъ при свидѣтеляхъ, да при начальствѣ. Дѣло тянулось нѣсколько мѣсяцевъ.

— Потому-то старуха и приказывала васъ раздѣлить при жизни, что боялась такого вотъ скандала. Сраму не возьмешь. Да и убытки. Цѣлый годъ не работаютъ. Только и норовятъ, что брата какимъ-нибудь манеромъ обидѣть.

— Вѣстимо убытки. Такъ не надоть.

Три года еще прожилъ старикъ Анисимъ. Года были порядочные; сыновья его работали дружно и хозяйство не только не шло на убыль, но и прибавлялось. Давно была куплена вторая лошадь, хорошая саврасая кобыла, которая на первый же годъ принесла прекраснаго жеребенка отъ рысака. Избу они перепpавили за-ново, изъ черной сдѣлали бѣлую. Только недоимку, бывшую за ними рублей въ пятьдесятъ, они не уплатили, все стремясь пріобрѣсти что-нибудь для хозяйства. Старикъ все слабѣлъ и уже не вставалъ съ печки всю зиму.

— Вотъ кабы еще пока я живъ недоимку бы уплатить, да второе пазьмо для Проньки купить на случай—тады и помирать бы мнѣ пора.

Но этого увидать старику было не суждено. Онъ все слабѣлъ и въ одинъ прекрасный день померъ также спокойно, какъ и жена его. Передъ смертью онъ дѣтей благословилъ и напутствовалъ.

— Ну, дѣти, вотъ и смерть пришла. Пора къ старухѣ. Вы живите, какъ жили при насъ. Ну, а не будете ладить— раздѣлитесь, какъ я вамъ говорилъ. Да смотри, Пронька, Митьку не обижай. Вотъ у него четвертый народился, а Сашка-то такъ калѣкой и отстанется.

— Будь я анаѳема проклятъ, батюшка, коль Митьку обижу. И жена моя, и я, мы гуторили. На Проску мы желаемъ зятя взять, тады и отдѣлимся, какъ быть должно, по Божію. А не придется зятя взять, отдадимъ ее, а сами съ братомъ жить будемъ. Пущай онъ насъ покоитъ на старости лѣтъ.

Помянули дѣда Анисима какъ слѣдуетъ. Выпили сыновья.

— Царствіе ему небесное,—говорилъ Прокофій, сдѣлавшійся разговорчивымъ.—Все хозяйство въ лучшемъ видѣ производилъ.

— Да,—отвѣчалъ сосѣдъ,—такихъ стариковъ поискать.

— Все насъ раздѣлить съ мамушкой хотѣли. Боязно имъ было, не начали бы межъ собою мы вздорить. Я ему говорилъ и Митька тоже: мы не ахальники какіе. На насъ крестъ есть. Сапроновы дѣлились. А онъ намъ все повторялъ: глядите, вамъ бы такъ не скандалить! Нешто мы не понимаемъ? Къ примѣру моя копѣйка перейдетъ къ брату, али его ко мнѣ, вѣдь это пустяки, плюнуть стоитъ. Кабы мы чужіе были.

— Вѣстимо, мы не чужіе,—говорилъ Дмитрій.—Вотъ, къ примѣру сказать, бабы. Ну Ѳедосья, правда, горяченька, да штожъ изъ этого? Зато сходчива. Накричитъ, нашумитъ и сама-жъ надъ собой разсмѣется. Моя баба моложе, промолчать должна. А мы съ братомъ еще того больше. Съ измалѣтства себѣ изъ хозяйства не брали ничего. Поѣдешь на базаръ, выпьешь—ну, что-жъ? Мы въ претензіи за это другъ на друга не были. Проска... мы отъ Проски худого слова не слыхали, даромъ, что скоро невѣста. Моихъ всѣхъ няньчила. Намъ, братъ, вмѣстѣ жить.

Дружно сообща хлопотали и бабы. Священникъ былъ на яоминѣ, но оставался недолго: онъ у крестьянъ никогда не позволялъ себѣ выпивать лишнее. Дьяконъ же и псаломщикъ оставались до конца и напились изрядно. Въ особенности дьяконъ часто наливалъ себѣ по полрюмочкѣ, а то и по рюмочкѣ, и каждый разъ приговаривалъ:

— Царствіе ему небесное. Кредитный старикъ былъ. Да и старуха его тоже.

Подъ конецъ охмелѣла и Ѳедосья.

— Проска, Проска, ты накорми молодухиныхъ дѣтокъ-то. Вѣдь они тебѣ не чужія. Братья, сестры прозываются, хоть и двоюродные. Батюшка умиралъ, ихъ жалѣть приказывалъ.

Такъ благодушно были всѣ настроены на поминѣ Анисима Ѳедюхина. А вѣдь, правда, хорошій былъ старикъ!

III.

Годъ спустя Өедюхины собирались справлять крестины пятаго ребенка Аннушки. Өедосья съ ногъ сбилась.

— Это чисто каторга. Ни дня, ни ночи покоя не знаешь. Ну хорошо дѣвка подсобляетъ. А вѣдь на Ивана Богослова ее выдавать. Что тады будетъ? Такъ и иди на вѣкъ въ батрачихи къ чужимъ дѣтямъ.

— Мы, невѣстка, вѣдь съ тобой дюже не связаны,—огрызнулся Дмитрій. — Взяли, да и разошлись, коль моихъ дѣтей покоить тебѣ не охота, а хочется бобылями жить вдвоемъ.

— У насъ дочь есть. Послѣ свадьбы зять мой отъ Артамошиныхъ отдѣлится и будемъ вмѣстѣ жить.

— Да, такъ для твоей Проски и отдѣлилъ Артамошинъ сына. Отдаешь къ богачу въ домъ, такъ ужъ и простись съ дѣвкой на вѣкъ.

— Анъ отдѣлитъ. Почему жъ ему не отдѣлить?

— Ладно, ладно, Өедосья. Тамъ видно будетъ,—вставилъ Прокофій.—Чего ты грызться вздумала? Еще поживемъ.

— Тебѣ хорошо говорить. Хочется дураку мять лямку на чужихъ дѣтей—дѣло твое. А я не буду хлопотать съ утра ранняго до глубокой ночи. А ну, какъ она еще дюжину наваляетъ?... Тьфу, пропасть... лапша-то у меня не поспѣетъ... сейчасъ они отъ батюшки придутъ... Проска, Проска... оглохла что-ль? Принеси съ погреба луку. Вѣдь надо гостей честь-честью встрѣтить и проводить. Митрій... подсоби-ка мнѣ малость... Вотъ такъ... Пріѣзжай хоть кто хочетъ... Въ грязь лицомъ не ударимъ.

Крестины сошли прекрасно. Өедосья все время хлопотала; изрѣдка лишь у нея вырывалось выраженіе про каторжную жизнь.

Вскорѣ послѣ этого (Аннушка была уже совсѣмъ здорова и, не смотря на пятерыхъ дѣтей, дѣлила съ Өедосьей всѣ труды по хозяйству), произошелъ новый инцидентъ, нѣсколько нарушившій мирное теченіе жизни въ семьѣ Өедюхиныхъ.

Дмитрій поѣхалъ на вокзалъ продавать возъ хлѣба. Мастеръ торговаться и не дать себя въ обиду купцу, онъ опять привезъ больше денегъ, чѣмъ на то разсчитывали.

— Ты почемъ продалъ рожь?—спросила его Өедосья при Прокофьѣ.

Дмитрій сказалъ почемъ.

— А сколько вышло пудовъ?

Дмитрій отвѣтилъ. Өедосья принялась считать. Считала она долго, почему-то переводя весь счетъ на четвертаки.

Наконецъ, она кончила считать: оказалось, что не хватаетъ тридцати копѣекъ.

— А тридцать копѣекъ гдѣ?—спросила она.

— Я три аршина ситцу купилъ Анюткѣ на занавѣску.

— Што-жъ это ты сталъ изъ семейскихъ денегъ своихъ одѣвать? Это какъ бы непорядки.

— Какіе тутъ непорядки? Хотѣлъ бутылку водки выпить на радостяхъ. Дай, думаю, за мѣсто этого дѣвчонкѣ занавѣску куплю. Она у меня чуть не нагишомъ ходитъ.

— Мало ли чего намъ нужно? Моя Проска вовсе просватана. Ей тоже и безрукавку нужно, и поддевку, и коты. Небось изъ семейскихъ денегъ я не ворую... Да чего-жъ ты молчишь? нюни-то распустилъ,—обратилась она къ мужу,—вишь дѣла-то? Братъ сталъ семейскія деньги потягивать. А ты молчишь, какъ пень.

— Чего-жъ мнѣ говорить-то? Вѣдь онъ замѣсто водки купилъ ситцу. Продалъ онъ рожь самымъ лучшимъ манеромъ. Ты-то чего ерепенишься? Сама не знаешь, съ чего...

— Вотъ что я тѣ скажу: Ѳалалѣюшка ты... Ѳалалѣюшка, понимаешь? А я этого терпѣть не буду. Не хочешь по честному жить, такъ и разойтиться можно. Мы не связаны.

— Погоди ты, дура,—отвѣчалъ мужъ.—Ишь разошлась. Погоди... выдадимъ Проску замужъ. Тады видно будетъ. Успѣемъ раздѣлиться.

Дмитрій молчалъ, и Ѳедосья скоро остыла на обѣщаньѣ купить Проскѣ французскій платокъ въ тридцать копѣекъ. Но не прошло трехъ дней, какъ миръ снова былъ нарушенъ.

Дмитрій вечеромъ приходитъ съ молотьбы и находитъ свою жену въ слезахъ. Сидитъ на крыльцѣ и фартукомъ обтирается.

— Ты объ чемъ?

— Да такъ.

— Да ты скажи, въ чемъ дѣло-то. Кто тебя обидѣлъ?

— Мы конопли дѣлили съ невѣсткой. Она говоритъ, ей дай и на Проску пай. Она, молъ, и въ полѣ, и дома съ нами равнялась.

— Ну, ты что-жъ?

— Да я ничего.

Дмитрій разсердился и быстро вошелъ въ избу.

— Ты что жъ это, невѣстка, вздумала мою жену обиждать? У тебя одна дочь, а у нея пятеро, изъ нихъ одинъ калѣка. Да ты жъ хочешь противъ нея два пая конопли, а ей одинъ пай? Это не по Божью. Такъ-то ты сулилась моихъ дѣтей спокоить?

— Ты, братъ, не очень-то расходись. А это по Божью, что

мою дѣвку и въ поле, и вы рыгу, и къ печкѣ всюду совать? она замужъ выходитъ; ее нужно собрать замужъ иттить.

— Э... невѣстка, невѣстка... и тебѣ не стыдно. И мать-то твоя богатая была... погляди-ка у себя въ хаткѣ, сколько всякаго добра... что холсты... что поневы... что всего. А у моей бабы сроду-то ничего припасено не было, да и теперича обшить насъ не поспѣваетъ. Такъ нà-жъ... завидущіе твои глаза... готова что есть обобрать. Чѣмъ ей на дѣтей дать пудъ лишній, такъ нѣтъ же, себѣ два пая хочетъ, а ей одинъ. Не хорошо, невѣстка!

— Ты чего разшелся? Побить меня хочешь, что-ль?

За Дмитрія вступилась Проска.

— Э, матушка. Право слово у насъ добра довольно. Надо же тетушкѣ дѣтей обшить. Буде съ насъ.

— Ты все раздашь... я тебя знаю... вѣдь тебѣ жъ припасаю... дура! Ну раздавай все, коли хочешь. Я не стою.

— Э... и не грѣхъ тебѣ, невѣстка, у нищаго суму отымать.

— Отвяжись ты отъ меня. Я такъ только сказала.

Рѣшено было коноплю раздѣлить пополамъ. Скоро высохли Аннушкины слезы, да и Ѳедосья забыла про конопли.

Такъ у нихъ шло все время. Ссоры становились все чаще и чаще. Проску на Іоанна Богослова выдали замужъ, причемъ Артамошинъ, какъ предсказывалъ Дмитрій, и слышать не хотѣлъ объ отдѣлѣ сына для совмѣстнаго житья съ тестемъ.

Ѳедосья становилась все болѣе и болѣе придирчивой. То посылала Аннушку на поденную съ тѣмъ, чтобы деньги имъ дѣлить пополамъ, причемъ ссылалась на то, что она кормитъ ея дѣтей. То ляжетъ больная и начнетъ ругать мужа за то, что ей приходится слушать шумъ чужихъ дѣтей, когда она могла бы быть спокойной у себя.

Разъ заболѣла Аннушка настолько серьезно, что, какъ ни крѣпилась, а должна была слечь въ постель. Волей-неволей Ѳедосьѣ пришлось ходить за ея дѣтьми. Она хотя и дѣлала, что надо было, но съ большой неохотой, ругала дѣтей ни за что ни про что и иначе не стала говорить, какъ съ жалобами на каторжную жизнь.

— Когда меня чортъ вынесетъ изъ этой каторги?—только и слышалось отъ нея.

Дмитрій все смотрѣлъ на это и молчалъ. Въ одинъ прекрасный день онъ сказалъ брату:

— Ну, братъ, пожили, поработали вмѣстѣ съ тобой и при батюшкѣ покойникѣ и послѣ. А теперича, видно, пришло времячко и врозь пожить.

— Полно, братъ, пустяки это. Ты вѣдь самъ знаешь. Такъ баба ворчитъ. Чего на нее смотрѣть?

— Нѣтъ, братъ, я вижу. Прежде, бывало, поосерчаетъ, поосерчаетъ, да и отойдетъ. А теперича она дюже ребятами моими недовольна. Что-жъ, вѣдь и мнѣ дѣлиться ухъ какъ не охота, да дѣлать нечего.

Прокофій въ душѣ самъ это сознавалъ. Онъ почесалъ въ затылкѣ.

— Ну, будь по твоему,—отвѣтилъ онъ,—дѣлиться, такъ дѣлиться. Лучше добромъ разойтись, чѣмъ со зломъ вмѣстѣ жить.

Рѣшили, что на другой день они начнутъ переговоры о дѣлежѣ. Участвовать въ этомъ разговорѣ должны были и бабы.

IV.

— Ну, что же, братъ, давай дѣлиться,—говорилъ на слѣдующій день Дмитрій, когда вся семья собралась къ обѣду.

— Да какъ ты-то жить будешь съ мелкотой?

— Какъ-нибудь проживемъ: работать будемъ. Анютка ужъ не махонькая: будетъ тѣхъ няньчить. Мало ли живетъ одинокихъ. Вѣдь не помираютъ же...

— Не помираютъ-то, не помираютъ... ну... давай толковать о дѣлежѣ.

Прокофій всталъ, обратился къ иконѣ и сталъ креститься.

— Ну, дай намъ, Господи, ума-разума, другъ друга не обижать, чтобъ чинно все было, какъ батюшка съ матушкой передъ смертью приказывали.

— Такъ-то лучше,—садясь сказалъ Дмитрій.—Ну, что-жъ, починъ сдѣлаемъ съ земли-кормилицы. Землю по душамъ что-ль?

— Вѣстимо по душамъ: мнѣ на душу, тебѣ на четыре. И посѣвъ такъ тоже убирать, а хлѣбъ какой убранъ по ѣдокамъ полагается. Его и родилось-то нонѣ чуть.

— Знамо дѣло, хлѣбъ по ѣдокамъ, а то какъ же? Да оно почесть то-жъ и выйдетъ. Тебѣ на двухъ, а мнѣ на семерыхъ. Мнѣ чуть не хватитъ противъ душъ-то. Ну, а пазьмо? На одномъ строиться не дадутъ.

— Хорошо бы на одномъ, да не дадутъ. Ну, что-жъ, ты, Митя, оставайся на старомъ кореню, а я у стариковъ буду просить новое пазьмо. Кое-какъ построюсь. Большой избы мнѣ не надоть. Такъ... семи-аршинной за глаза будетъ.

— Почему-жъ пазьмо-то старое имъ?—вставила Ѳедосья.— Пазьмо по жеребью надоть. Кому какой жеребій выйдетъ.

— Какой же тутъ жеребій, что ты зря болтаешь?—возразилъ ей мужъ.—По Божью ему на кореню оставаться. Гдѣ ему строиться съ мелкотой да съ калѣкой? Да и по закону меньшому на старомъ мѣстѣ. быть. А ты ужъ забыла, что батька приказывалъ, когда умиралъ, чтобъ по Божью все дѣло обдѣлать?

Ѳедосья замолчала. Доводы были убѣдительные.

— Теперича постройка,—заговорилъ Дмитрій,—какъ съ постройкой?

— Постройку, знамо дѣло, лучше бы не ломать. Ну, домъ ясно дѣло, долженъ на мѣстѣ остаться. Дворъ тоже только тронь—ни къ чему, а на мѣстѣ онъ еще сколько хошь простоитъ. Кизяковки тоже на мѣстѣ должны остаться. Вотъ только рыга да анбаръ рубленный. Какъ тутъ быть я и ума не приложу.

— Рыгу и анбаръ возьми, да приплатку съ меня положи.

— Нѣтъ... послухай... вотъ какъ сдѣлать надоть. Рыгу тебѣ не миновать строить, такъ оставь ее тоже себѣ. А анбаръ я возьму. Недоимку-жъ всю—ея теперича рублей семьдесятъ съ податями-то будетъ,—тоже тебѣ положимъ. Такъ кажись, равно будетъ.

— Такъ ему, значитъ, и землю, и хлѣбъ, и пазьмо, и строенье все, а намъ: возьми анбаръ, положи въ карманъ, да и ступай съ Богомъ куда глаза глядятъ,—сказала Ѳедосья.

— Такъ ты только брехать мастерица, да вздоръ молоть, какъ вѣтряная мельница,—отвѣтилъ ей мужъ.—Землю по душамъ, хлѣбъ по ѣдокамъ, пазьмо меньшому—вѣдь такъ по Божью полагается. Вѣдь ѣсть-то имъ на семерыхъ хлѣба надоть больше, нежели намъ на двоихъ, чего-жъ тутъ болтать? А въ строеніи мы анбаръ возьмемъ, такъ вѣдь семьдесятъ цѣлковыхъ нодоимки ему платить, вѣдь это не шутка. Теперича тоже къ примѣру коль сломать дворъ, кизяковки—такъ вѣдь имъ грошъ цѣна. Да и домъ потревожь—мало ли чего въ него потребуется еще.

— Ну, я знаю, я не такая дура непонятная. А вотъ коли ему пазьмо и строеніе все почесть, такъ на переносъ намъ что онъ положитъ?

— Это вѣрно,—вставилъ Дмитрій,—на переносъ полагается. Я вамъ на переносъ дамъ стригуна. Славная кобыла выйдетъ. Согласны?

— Что стригуна? Ты дай жеребца. Вотъ тогда такъ будетъ,—возразила Ѳедосья.

— Да вѣдь жеребецъ-то дороже избы стоитъ, ты чего опять безъ понятія забрехала?—остановилъ ее мужъ.—Стригуна, такъ стригуна; стригуна, значитъ, мнѣ на переносъ?

— Такъ теперича, значитъ, насчетъ скотины потолкуемъ.

Изъ лошадей меринъ, саврасая кобыла, да жеребецъ; тутъ ничего не выходитъ. Одному, коли меринъ, другому кобыла. Коли жеребца съ мериномъ, такъ оно жирно будетъ.

— Ты, Митя, слухай, что я тебѣ скажу. Жеребца оставимъ, вѣдь Богъ знаетъ, что за жеребца дадутъ. Оставимъ жеребца сообща. На Миколу его продадимъ, а денежки раздѣлимъ, тебѣ на подати надоть, а намъ на постройку. Теперича лошадей: кобыла шестьдесятъ цѣлковыхъ дана, а меринъ пятидесяти не стоитъ, въ придачу пестраго поросука что-ль, или изъ сбруи что.

— Изъ сбруи не придется, потому залишней у насъ нѣтути. А поросука такъ: онъ таперича пуда четыре вытянетъ. Такъ что-жъ тебѣ, мерина съ поросукомъ, аль кобылу?

— Насчетъ этого хоть жеребій-то киньте, — вмѣшалась Θедосья.

— Ну, давай, кинемъ жеребій. Это дѣло.

Кинули жеребій,—меринъ съ поросукомъ достались Прокофью, кобыла Дмитрію.

— И тутъ-то не везетъ,—не удержалась Θедосья,—какъ хотѣлось, чтобъ кобыла намъ досталась! Такъ нѣтъ же!

— Теперича изъ коровъ. Одному корову, а другому телку да теленка. Такъ что-ль?—спросилъ Прокофій.

— Какъ же мнѣ-то съ мелкотой безъ коровы?—возразилъ Дмитрій.—Я тебѣ, окромя телки да теленка, еще бѣленькаго поросучка дамъ, только корову бы мнѣ.

— Та-акъ... и корову ему. А намъ крестъ да корку хлѣба и ступай на всѣ четыре стороны.

— И не грѣхъ тебѣ, Θедосья?—отвѣтилъ мужъ.—Ну, по Божью, скажи: кому нужнѣе корова, ему, аль намъ? Намъ дѣтей малыхъ молокомъ-то кормить что-ль?

— Такъ-то такъ. Ему, вѣстимо, нужнѣе. Да мнѣ-то отъ этого полегчаетъ что-ль?

— Вѣдь онъ даетъ намъ за корову три штуки. Вѣдь три-то штуки, почитай, дороже коровы. Грѣхъ, Θедосья, такъ-то, грѣхъ. Помни батюшкины слова. Теперь обидишь его съ малыми дѣтьми, на томъ свѣтѣ Богъ тебя обидитъ. Такъ-то, бери, Митя, корову, бери: не для тебя, для дѣтокъ нужна. Богъ съ тобой.

Θедосья молчала. Аннушка фартукомъ обтерла глаза. Начался дѣлежъ сбруи и домашней утвари до самой баздѣлицы. Все дѣлили поровну, а когда приходилось уравнивать доли, бросали жребій. Впрочемъ, главное уже было подѣлено. Никакихъ дальнѣйшихъ пререканій не возникало, и Θедосья молчала. Только когда все кончили и повторили, что кому досталось, Θедосья не утерпѣла, чтобы не пожаловаться:

— Имъ-то хорошо. Усадьба готова, домъ, скотина, все

есть. А намъ-то каково? Домъ собирать съ самаго съ начала.

— Богъ поможетъ, Өедосьюшка. Дѣтей у насъ съ тобой нѣтъ. Будемъ покеда жить у Мити, понемногу построимся, обзаведемся. Хуже насъ дѣлятся. По лошадкѣ есть у насъ. Гдѣ я помогу брату въ полѣ, гдѣ онъ мнѣ при постройкѣ. Еще какъ заживемъ-то.

— Ну, братъ,—сказалъ Дмитрій,—на дѣлежѣ спасибо и на добрыхъ рѣчахъ тоже спасибо, а теперича помолимся Богу, чтобы все это вѣрно было и ненарушимо, чтобы и впередъ такъ шло.

Всѣ встали и помолились Богу.

— Ну, а коли-жъ мы врозь-то обѣдать будемъ?—спросила Аннушка.

— Да съ завтрашняго дня. Сегодня вмѣстѣ поужинаемъ еще, а завтра кажная ставь свой горшокъ, — отвѣтилъ Прокофій.

Такъ мирно раздѣлились братья Өедюхины, слѣдуя завѣту покойнаго Анисима.

V.

На другой день Өедосья и Анна поставили разные горшки и обѣдали врозь: впередъ Прокофій съ женой, а потомъ Дмитрій съ своимъ семействомъ. Дѣлили хлѣбъ, каждый кормилъ свою скотину, каждая баба устраивалась въ своемъ углу.

Деревушка, гдѣ жили Өедюхины, была небольшая, а потому сходы собирались легко и часто. Въ слѣдующее же воскресенье собрались старики потолковать на счетъ податей. Прокофій воспользовался случаемъ и объявилъ, что, молъ, они съ братомъ раздѣлились и что онъ проситъ усадьбу для себя.

— Вотъ молодцы,—похвалилъ ихъ старикъ,—какъ раздѣлились. Мы сусѣди и то не слыхали. Ну, молодцы! Гдѣ же вамъ пазьмо-то отвести? За прудомъ, что ль?

Прудомъ называлась сухая лощина, гдѣ когда-то, по преданію, была запруда. Теперь же вода въ прудѣ была только въ полую воду, какъ и во всѣхъ лощинахъ. За прудомъ селились неохотно: мѣсто было пустое, въ полѣ,—огороды плохіе, безъ растительности.

— Вы ужъ, старички, ублажите меня: дайте усадьбу Якова Косого. Вѣдь она слободная. Шаганъ ею владѣетъ за денежки.

— Ишь ты ловкій какой,—замѣтилъ грубымъ голосомъ Шаганъ, здоровый черный мужикъ съ просѣдью.—А ну, какъ Яковъ вернется? Двухъ лѣтъ нѣтъ, какъ онъ въ Томскую ушелъ.

— Не вернется онъ,—замѣтилъ староста,—надысь пришла

бумага въ правленіе, что, молъ, отказались. Да и сваха Марѳа письмо получила на Святую. Пишутъ, хорошо тамъ.

— А ну какъ вернется?—настаивалъ Шаганъ.

— Тебѣ говорятъ: не вернется. Да тебѣ-то что? Вѣдь ты по сажнямъ владаешь. А вернется, разыщемъ пазьмо.

— Я ничего. Я такъ себѣ. Хотите, давайте ему. Мнѣ-то что?

— Итакъ что же, старички, Пронѣ-то Якова усадьбу, такъ что ль, порѣшите?—спросилъ староста.

— Якова, Якова. Пущай владаетъ. Мужикъ хорошій,— порѣшилъ сходъ.

Послѣ схода староста обратился къ Ѳедюхинымъ.

— А вы, рябята, заявитесь старшинѣ. Надо приговоръ написать. Нонче на счетъ этого строго. Слышите?

— Ну что жъ? Мы хоть сейчасъ къ нему сходимъ. Мигомъ.

Пришли Прокофій съ Дмитріемъ въ волостное правленіе.

— Вы что, ребята? — спросилъ старшина, благообразный отставной фельдфебель. Онъ уже четвертый срокъ ходилъ и умѣлъ угодить и начальству, и мужикамъ.

— Къ вашей милости, Тимофей Агапычъ; мы раздѣлились съ братомъ, такъ приговоръ бы написать... староста нашъ послалъ насъ къ вашей милости.

— Ага... хорошо... что раздѣлились безъ скандала. Кому усадьба старая досталась?

— Да на моихъ дѣтокъ братецъ уступилъ съ домомъ, а мнѣ, значитъ, всю недоимку платить съ податями... семьдесятъ цѣлковыхъ.

— Такъ... ну хорошо, коль добромъ. А вы сходите къ господину земскому начальнику. Коль прикажетъ, мы мигомъ напишемъ. Ну ступайте, ребята, дай вамъ Богъ за вашу простоту.

— Спасибо, Тимофей Агапычъ, спасибо родимый... Такъ къ земскому сходить?

— Къ земскому начальнику, что онъ вамъ скажетъ.

Земскій начальникъ жилъ недалеко, всего въ пяти верстахъ. Отправились они къ нему. Часовъ и дней пріемныхъ у него не было. Онъ принималъ всегда. Онъ пилъ чай съ семействомъ, когда ему доложили, что его ждутъ два мужика; онъ вышелъ въ переднюю.

— Здравствуйте, ребята. Вамъ чего?

— Къ вашей милости старшина Тимофей Агапычъ прислалъ, что прикажете? Мы раздѣлилися. Такъ на счетъ приговора.

— Во первыхъ, вы не раздѣлились. Вы только могли составить проектъ раздѣла. Раздѣленными вы будете считаться,

только когда приговоръ будетъ написанъ и мною утвержденъ. Такъ по закону полагается. Понимаете?

— Слушаю-съ, значитъ можно дѣлиться?

— Я не знаю, другъ мой... Какой ты безтолковый. Увижу приговоръ: коли законный окажется, тогда можно.

— Чего жъ намъ старшинѣ доложить?

— Скажите, чтобъ писалъ приговоръ поскорѣе и мнѣ бы его представилъ на утвержденіе. Да онъ самъ знаетъ. Ступайте.

Мужики пошли нерѣшительно.

— Чего жъ теперь къ примѣру надоть?—спросилъ Прокофій.

— Ну, видишь, теперича пойдемъ къ старшинѣ доложимся. Бумаги, значитъ, нужно написать. Такъ, вишь, полагается.

— Ну, что, ребята, сходили къ земскому начальнику?—спросилъ старшина.

— Точно такъ, сходили. — Приказалъ къ вашей милости доложиться, приговоръ, значитъ, написать. Нельзя ли поскорѣй, Тимофей Агапычъ?

— Ну что жъ, въ воскресенье я буду у васъ на сходѣ. Все мигомъ сдѣлаемъ. Ступайте съ Богомъ. Мнѣ недосугъ.

Въ воскресенье старшина пріѣхалъ на сходъ съ писаремъ. Переписали все имущество и какъ оно дѣлится. Прокофію назначили усадьбу Якова Косого, мужики только поддакивали. Однимъ словомъ, все было сдѣлано, какъ слѣдуетъ.

Прошло нѣсколько дней, отправились Прокофій съ Дмитріемъ въ волостное правленіе писать условіе о подработкахъ на будущій годъ у мѣстнаго помѣщика. Написали условія, да кстати спросили старшину.

— А какъ, Тимофей Агапычъ, на счетъ приговора?

— На счетъ приговора вашего, что жъ? Все сдѣлано. Приговоръ тогда же былъ написанъ и подписанъ. Мы его отправили господину земскому начальнику.

— Чтожъ онъ теперь съ нимъ сдѣлаетъ?

— А вы сходите къ нему лучше всего. Узнайте. Мóжетъ, онъ его уже утвердилъ. А мое дѣло все сдѣлано.

Пошли Прокофій съ Дмитріемъ опять къ земскому начальнику. Опять попали во время чая. Вышелъ земскій начальникъ.

— Ага, вы опять?... вы на счетъ чего, бишь, ходите?

— На счетъ раздѣлу, ваше высокоблагородіе. Вы приказали приговоръ написать. Приговоръ написали. Старшина прислалъ насъ узнать у вашей милости.

— Та-акъ... Семка, сбѣгай къ Ивану Ѳедоровичу (Иванъ Ѳедоровичъ былъ письмоводитель земскаго начальника),

чтобъ пришелъ съ приговоромъ раздѣльнымъ.—Ваша фамилія какъ?

— Ѳедюхины, ваше высокоблагородіе.

— Та-акъ... Ѳедюхины... — Такъ слышь, приговоръ Ѳедюхиныхъ...

Семка побѣжалъ за Иваномъ Ѳедоровичемъ.

— Ѳедюхины... Ѳедюхины... помню, мнѣ на-дняхъ попадалась эта фамилія. Да столько теперь дѣлъ... не помню ужъ, что я рѣшилъ,—говорилъ земскій начальникъ какъ бы про себя.

Мужики стояли молча. Пришелъ письмоводитель съ бумагой въ рукахъ. Земскій начальникъ внимательно ее прочиталъ.

— Ага... такъ видите ли, я вашего приговора не утвердилъ.

— То есть какъ же, ваше высокоблагородіе?

— Да такъ же. Представилъ въ съѣздъ къ отмѣнѣ. Нечего вамъ врозь жить. У кого изъ васъ пятеро маленькихъ?

— У меня, ваше благородіе,—отвѣтилъ Дмитрій.

— Та-акъ... пятеро маленькихъ, да еще старшій калѣка?

— Точно такъ, калѣка, ваше благородіе.

— А ты вдвоемъ съ женой?

— Вдвоемъ съ женой, такъ точно, ваше высокоблагородіе.

— Такъ вотъ видите ли? Мы по закону нищихъ разводить не должны. Вы что будете изъ себя изображать вдвоемъ? Бобыли вы, больше ничего. А какъ состаритесь, кто васъ кормить будетъ!

— Какъ нибудь прокормимся, ваше благородіе.

— Какъ нибудь, какъ нибудь. Такъ нельзя говорить... какъ нибудь... а ты кто же будешь? Съ пятью малолѣтками, да калѣкой? Да еще на тебѣ вся недоимка. Развѣ съ недоимкой можно дѣлиться?.. дуракъ... вѣдь я для васъ же стараюсь...

— На счетъ недоимки старики не безпокоятся: жеребца продадимъ, все заплатимъ.

— А какъ сдохнетъ вашъ жеребецъ до ярмарки? Тогда что? Ты его впередъ продай, да заплати недоимку... Да и тогда нельзя. Что ты за хозяинъ будешь съ калѣкой, да съ мелюзгой? Вамъ дѣлиться нельзя. Слышите?

— Да мы ужъ и хлѣбъ врозь ѣдимъ. Мы давно подѣлены.

— Вы не раздѣлены, я вамъ говорю. Это самовольный раздѣлъ. Вы слышали, мой циркуляръ читали на сходѣ о самовольныхъ раздѣлахъ? Слышали?... Говорите...

— Никакъ нѣтъ; намъ что-то невдомекъ...

— Ну такъ должны были слышать... Приговоръ не утвер-

жденъ... Вы должны жить вмѣстѣ попрежнему... старшій—хозяинъ, съ него и подати будутъ спрашиваться, а не будете жить вмѣстѣ, я за неисполненіе моего законнаго требованія васъ подъ арестъ буду сажать, пока не сойдетесь. Поняли?

— Понять-то мы поняли,—отвѣчалъ Дмитрій,—да какъ же намъ быть-то? Вѣдь мы ужъ давно врозь живемъ. Теперь нешто можно опять сходиться? Пожалѣйте, ваше высокоблагородіе.

— Нечего мнѣ васъ жалѣть. Я васъ и жалѣю, чтобы вы нищими не были оба. Ступайте. Довольно я съ вами говорилъ. Сами поймете потомъ, что я хорошо сдѣлалъ.

И земскій начальникъ пошелъ допивать свой чай.

VI.

— Какъ же намъ быть-то теперича? — спросилъ уходя Прокофій.

— Ничего не пойму. Все бы ничего. Можно бы и безъ приговора раздѣлиться. Да не дадутъ строиться. Вотъ гдѣ бѣда-то.

— Да и такъ невозможно. Просто горе... скажу тебѣ.

По дорогѣ зашли къ старшинѣ.

— Тимофей Агапычъ, ты ужъ насъ выручи, родимый. Земскій-то начальникъ приговоръ не утвердилъ: говоритъ, живите, молъ, вмѣстѣ. А нешто вмѣстѣ опять сходиться можно? Ты самъ знаешь крестьянское дѣло. Отрѣзанный ломоть не приставишь. Вы ужъ какъ нибудь скажите ему...

— Да что я скажу-то? Нешто онъ меня послушаетъ? Я завтра передъ обѣдомъ у него буду. Приходите. Послушаю, что онъ говоритъ. Только разъ онъ что рѣшилъ, онъ на своемъ любитъ стоять. Вы ужъ какъ нибудь сойдитесь.

— Нешто можно? Тимофей Агапычъ, ты самъ знаешь...

Вечеромъ бабы никакъ не могли понять, какъ же это они не раздѣлены, когда раздѣлились. Поговорили, поужинали по обыкновенію каждый изъ своего горшка и легли спать.

На другой день съ ранняго утра Прокофій съ Дмитріемъ стояли у подъѣзда флигеля, въ которомъ помѣщалась камера земскаго начальника. Когда подъѣхалъ старшина съ писаремъ, Дмитрій ему шепнулъ:

— Тимофей Агапычъ, вы про насъ-то скажите слово.

— Хорошо, хорошо, стойте: я васъ позову.

Часа черезъ два появилась въ дверяхъ фигура старшины. Онъ обтиралъ потъ со лба.

— Ну, идите за мной, да не говорите, что я васъ призвалъ.

— Вы что опять? — спросилъ земскій начальникъ, когда они вошли.

— Мы опять къ вашей милости на счетъ раздѣла. Явите божескую милость. Разрѣшите строиться.

— Я вамъ сказалъ, что дѣлиться вамъ не дамъ... Ну, вотъ старшина вашъ здѣсь... Ну, скажи, старшина, можно имъ дѣлиться, по твоему?

— Не могу знать, ваше высокоблагородіе.

— Я немогузнаекъ не люблю. Скажи свое мнѣніе прямо

— По моему, ваше высокоблагородіе, почему бы имъ и не раздѣлиться? Хуже ихъ дѣлятся. Они все ужъ разверстали межъ собой.

— По твоему, могутъ?.. А?.. при семидесяти рубляхъ недоимки?.. при калѣкѣ?.. А?.. могутъ?.. А по моему, не могутъ; да-съ. Не могутъ. И, чтобы тебѣ это доказать, изволь къ завтрашнему же дню взыскать съ домохозяина хоть часть недоимки. Слышишь? Я имъ покажу, какъ нищимъ дѣлиться! А не заплатитъ—подъ арестъ его. А мнѣ доносить каждую недѣлю, живутъ ли вмѣстѣ и, если не слушаются, соединиться не хотятъ—подъ арестъ каждый разъ. Слышишь? Я не шучу. Ну, маршъ отсюда!

— Ну, ступайте, ступайте,—сказалъ старшина, разставивъ руки, точно хотѣлъ гусей загнать на дворъ.

— Впрочемъ, нѣтъ... подождите,—сказалъ земскій начальникъ.—Старшина остановился.—Семка, принеси толстый пучокъ прутьевъ. Вотъ такой,—онъ показалъ руками какой.

— Какихъ прикажете? Акаціевыхъ?

— Ну, хоть акаціевыхъ... Нѣтъ, ветловыхъ.

Семка ушелъ. Мужики бросились на колѣни.

— Ваше высокоблагородіе... ваше высокоблагородіе...

— Никакое „ваше высокоблагородіе" не поможетъ. Я для васъ же хлопочу. Чего вы на колѣняхъ-то стоите?

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе, мы не будемъ больше.

— Ага! Раздумали! То-то...

Семка принесъ пучокъ ветловыхъ прутьевъ.

— Ну, подойдите сюда,—сказалъ земскій начальникъ.

Мужики опять бросились на колѣни.

— Помилуйте, Христа ради... За что же это?

— Что за что? Я ничего не понимаю. Встаньте и подойдите сюда. Ну, ты возьми, разломай этотъ прутикъ.

Прокофій дрожащей рукой взялъ прутикъ и переломилъ его.

— Чего ты дрожишь? Что я тебя съѣсть что ли хочу?

— Они, ваше высокоблагородіе, вообразили, что вамъ угодно подвергнуть ихъ тѣлесному наказанію, — вмѣшался старшина.

— Тьфу! дурачье... развѣ вы не знаете, что я не имѣю права васъ пороть? Васъ пороть можетъ только волостной судъ, а не я. Дураки... чего вздумали... ну, ломай еще этотъ вотъ.

Прокофій уже посмѣлѣй сломалъ другой прутикъ. Въ камерѣ былъ кое-какой народъ. Послышался сдержанный смѣхъ. Старшина закашлялъ.

— Чего вы захихикали? Дураки вздумали, что я ихъ пороть хочу. А вы смѣетесь... Ну, теперь ты ломай.

Дмитрій сломалъ прутикъ... другой. Земскій начальникъ взялъ весь пучокъ и передалъ Прокофію.

— Ну, теперь ломай всѣ вмѣстѣ... А? Не сломаешь?.. Ну, ты сломай... Тоже не сломаешь?.. Такъ видите ли, такъ и дѣлиться: вмѣстѣ жить будете—прочнѣе будетъ... А они, дураки, вздумали что: будто я ихъ пороть хочу! Ха, ха, ха...

Земскій начальникъ самъ разсмѣялся.

— Ну, теперь ступайте... смѣхъ смѣхомъ, урокъ урокомъ, а дѣло дѣломъ: ты помни, старшина, что я тебѣ сказалъ насчетъ недоимки и самовольнаго раздѣла.

— Такъ точно, будетъ исполнено, ваше высокоблагородіе.

Всѣ вышли изъ камеры.

— Такъ помни жъ, что говорилъ господинъ земскій начальникъ,—повторялъ старшина, обращаясь къ Прокофію.

На другой день ни копѣйки недоимки имъ уплачено не было, и онъ былъ посаженъ подъ арестъ. Вечеромъ же къ старшинѣ явилась Ѳедосья.

— Тимофей Агапычъ... за что жъ ты моего хозяина-то въ тигулевку посадилъ. Вѣдь податя платить Митрію, а не намъ. Яви ты Божескую милость. Какіе же это порядки?

— Понимаешь ли ты, что приговоръ не утвержденъ? вы не раздѣлены. Это, чтобы онъ понималъ, что онъ старшій домохозяинъ и за все отвѣчаетъ. Съ него и подати будутъ взыскиваться.

— А Митрію за что же домъ-то? Ему, значитъ, все и пазьмо, и домъ, и все, а мы плати. Что жъ это такое?

— Тьфу, какая ты дура. Вы вмѣстѣ живете. Поняли? И домъ и все общее у васъ, недѣленое. Должны вмѣстѣ жить.

— Да мы и хлѣбъ врозь ѣдимъ. Все до нитки подѣлили.

— Съ тобой не сговоришься. Иди домой: послѣ все узнаешь.

Вернулась домой Ѳедосья не въ духѣ.

— Изъ-за васъ Прокофій въ холодной сидитъ,—набросилась она на Дмитрія и Аннушку. — Вы не платите, а онъ сиди.

— Что же я-то подѣлаю? Я бы продалъ жеребца, да нешто его продашь до ярмарки?

— А намъ-то что, околѣвать что ль въ холодной до ярмарки?

— Околѣвать, такъ околѣвать. Не я посадилъ, и не я тому причиной.

— Какъ? Ты намъ смерть нарекаешь? Ахъ, ты разбойникъ этакій. Самому тебѣ околѣвать со щенятами твоими.

— Ты не очень-то. Дѣти мои не щенята. А у тебя и щенятъ-то нѣтъ. Я тя скоро выкину изъ избы моей.

— Ты не дюже. Тимофей Агапычъ сказалъ, что и домъ, и хлѣбъ, и все имущество, все наше...

Черезъ сутки Прокофія выпустили изъ-подъ ареста.

— Помни, Прокофій, — говорилъ старшина, — земскій начальникъ велѣлъ вамъ вмѣстѣ жить, вмѣстѣ хлѣбъ ѣсть...

VII.

— Вы опять врозь живете? — нѣсколько времени спустя спросилъ Дмитрія старшина,—земскій начальникъ опять спрашивалъ, велѣлъ обоихъ посадить, коль не сошлись.

— Что жъ вы ему сказали?

— Сказалъ, что вмѣстѣ не живете. Не отъ меня, отъ другого узнаетъ. Мнѣ ему врать нельзя. Велѣлъ посадить обоихъ.

— Ну, что-жъ сажайте, а вмѣстѣ жить намъ нѣтъ возможности.

Оба брата двое сутокъ вмѣстѣ отсидѣли въ холодной. На второй день Аннушка, принося своему мужу поѣсть, обратилась къ Прокофію:

— Да дай ты укоротъ невѣсткѣ. Житья нѣтъ съ дѣтьми отъ нея.—Аннушка заплакала. — Мой Ванюшка кувшинъ съ квасомъ ея расшибъ, такъ она рогачемъ его чуть не убила... Что жъ она дѣтями помыкаться будетъ?..

— Да, братъ, нечего грѣшить,—невѣстка спѣсива стала. Дѣтей и щенятами, и чернымъ словомъ обзываетъ.

— А ей по твоему всѣмъ хвостъ подчищать что ли? Врозь такъ врозь жить. Кому хорошо будетъ, коли ребята нонѣ махотку расшибутъ, завтра кувшинъ?..

— А намъ-то за ней подчищать пристало, — разошлась Аннушка,—какъ она щи-то наши золой засыпала?

— Въ своемъ дому да грѣха-то сколько увидишь?—продолжалъ Дмитрій.

— Въ своемъ... въ своемъ...—передразнилъ его Прокофій,— еще чей домъ-то. Небось, слышалъ и знаешь, за что сидимъ?

— Да ты я вижу, братъ, назадъ пятиться хочешь? А?

— И попятишься, какъ такая жизнь будетъ...

разъ побилъ жену, вздумавшую его усовѣщивать. Дѣти начинали его бояться. Прежде они, бывало, его обступали, когда онъ откуда-нибудь приходилъ, а теперь прятались на печку или на полати, стараясь, чтобъ онъ ихъ не замѣтилъ. Теперь, когда онъ сталъ бить жену, дѣти его подняли ревъ.

— Бачка, бачка, не тронь мамушку,—кричали они.

— Мамушка,—закричалъ Семка, лежавшій въ углу на соломѣ и не владѣвшій до своихъ четырнадцати лѣтъ ногами,—мамушка, иди ко мнѣ; я не дамъ тебя обижать. Приди ко мнѣ.

— Ты что, ползушка, ротъ дерешь?—огрызнулся услыхавшій его пьяный отецъ.—Я тѣ задамъ, заступнику. А ты молчи: я тѣ всѣ виски обдеру, какъ меня учить будешь.

— Что съ нимъ идоломъ подѣлаешь?—потихоньку спросила своего мужа Ѳедосья, когда Дмитрій легъ.

— Завязалъ бы глаза, да бѣжалъ бы куда-нибудь безъ оглядки.

— Что-жъ и дать ему отцовское добро пропивать? Нашелъ чего. Надо къ одному концу держаться. А то ничего не останется.

— Эхъ, Ѳедосьюшка, и ума тутъ не приложу, какъ быть.

VIII.

Ссоры между братьями происходили почти ежедневно. То тотъ, то другой стали обращаться къ начальству. Земскій начальникъ разъ навсегда объявилъ, что онъ въ ихъ имущественныя дѣла вступаться не можетъ.

— Ты старшій домохозяинъ,—говорилъ онъ Прокофію,—распоряжайся, какъ знаешь. Съ тебя и подати будутъ взыскиваться.

Чаще всѣхъ, конечно, дѣла ихъ приходилось разбирать старостѣ. Онъ ихъ по своему понятію считалъ раздѣлившимся и мирилъ на этой почвѣ.

— Вѣдь меринъ-то Прокофьевъ, зачѣмъ же ты, Дмитрій, бралъ его. Запрягалъ бы свою кобылу. Чудакъ ты тоже!

Старшина тоже по себѣ склоненъ былъ считать ихъ живущими врозь, но долженъ былъ держаться точки зрѣнія земскаго начальника и тоже всегда становился на сторону Прокофія, какъ домохозяина. Онъ имъ все совѣтовалъ, разъ нельзя раздѣлиться окончательно, сойтись и жить по старому. Этому совѣту они не разъ рѣшались слѣдовать, но тотчасъ же начинались пререканія о расходахъ, уже произведенныхъ той или другой стороной.

Дмитрій попрекалъ Прокофія тѣмъ, что онъ продалъ часть

хлѣба и свиней, а купилъ восемь дубовъ для предполагавшейся постройки и ворота, которыя по случаю дешево продавались; Прокофій попрекалъ брата тѣмъ, что онъ пилъ, мало работалъ. Кончалось тѣмъ, что опять они говорили про „мое“ и „твое“. У печки разладъ между бабами былъ еще больше.

— И стану я съ ней теперича сообща жить — говорила Өедосья,—коли она успѣла всѣ огурцы пожрать.

Прежде онъ самъ всегда убиралъ скотину, зимой помогалъ ей принести воды изъ колодца или соломы съ гумна; теперь же, какъ напьется, и днемъ, и ночью посылалъ ее, иногда даже когда совсѣмъ не нужно было, лишь показат надъ ней свою власть.

— Эй, ты, принеси мнѣ напиться воды свѣжей изъ колодца.

Баба идетъ за водой ночью, въ морозъ, а когда принесетъ, онъ возьметъ кувшинъ, да ее же обольетъ.

— Вотъ тебѣ, чтобъ не жарко было.

Разъ въ мятель вернулся онъ безъ шапки, конечно, пьяный.

— Чортъ е знаетъ, куда шапку дѣвалъ. Баба, принеси мнѣ шапку. Я ее потерялъ.

— Да гдѣ же я теперича ее искать-то пойду? Нешто въ такую погоду ее найдешь? Небось, завтра самъ сходишь.

— Ты со мной еще разговоры вздумала разговаривать? Живо найди шапку или держи косу крѣпче.

Пошла Аннушка въ кабакъ, искала шапку по дорогѣ. Къ счастью, когда она вернулась, онъ уже спалъ. Шапка на другой день нашлась на гумнѣ, а въ кабакъ онъ ходилъ безъ нея.

Положеніе дѣтей ихъ было ужасно. Что было дѣлать съ ними матери, которой часто приходилось справлять и мужичью, и бабью работу и которая должна была дѣтей обшить, обмыть и къ тому же ходить за больнымъ сыномъ? Грязныхъ, рваныхъ, часто голодныхъ, ихъ иногда изъ жалости брали къ себѣ сосѣди. Иногда отецъ, трезвый, и заплачетъ надъ ними, но затѣмъ махнетъ рукой и скажетъ:

— Э, все равно околѣвать-то!

Больной Семка иногда скажетъ, какъ бы стараясь его утѣшить:

— Батюшка, можетъ, Богъ пошлетъ, и ножки мои будутъ ходить, я бы тебѣ помогать сталъ.

— Ну тебя! ишь помощникъ выискался какой.

Путаница, произшедшая въ ихъ имущественныхъ отношеніяхъ, не могла не отразиться самымъ гибельнымъ образомъ на ихъ благосостояніи. Часть доставшейся ему скотины Прокофій немедленно послѣ раздѣла продалъ и накупилъ разныхъ принадлежностей для будущаго дома. Все это теперь лежало безъ надобности, служа предметомъ постоянныхъ по-

прековъ его брата. Урожай былъ плохой. Хлѣба на годъ не хватило. Обыкновенно этотъ недостатокъ пополнялся работами у сосѣдняго помѣщика. Прежде рѣдкій день проходилъ, чтобы на поденную не ходили одинъ изъ братьевъ и одна изъ бабъ. Теперь объ этомъ не могло быть и рѣчи. Всѣ были дома или шлялись кто по судамъ, кто по кабакамъ.

Жеребца они продали на ярмаркѣ, деньги подѣлили было пополамъ, выпили магарычи. А Дмитрій собирался еще погулять, но староста за ними слѣдилъ по приказанію старшины и подъ предлогомъ податей привезъ ихъ домой. Подати взяли всѣ до копѣйки, а остальныя деньги были переданы старшему домохозяину, Прокофію. Это опять послужило поводомъ къ распрѣ между братьями. Прокофій говорилъ на этотъ разъ, что такъ и быть должно, такъ какъ подати надлежитъ платить Дмитрію, а Дмитрій, обиженный тѣмъ, что Прокофію дается больше правъ, чѣмъ ему, утверждалъ, что разъ вмѣстѣ жить, вмѣстѣ и подати платить.

Постомъ хлѣбъ у Дмитрія весь вышелъ и семейству его нечего было ѣсть. Аннушка назанимала печенаго хлѣба у сосѣдей. Надо было и этотъ долгъ отдавать, а Дмитрій пьянствовалъ. Помогала имъ, сколько могла, Аннушкина сестра, но мужъ ея ей запретилъ давать сестрѣ хоть крошку.

— Ты что, обязалась что ли ихъ кормить? Небось, у нея свой хозяинъ есть. Мы своимъ хлѣбомъ не дотянемъ до нови. Слышь? я тѣ задамъ таскать изъ дому.

Поплакали, поплакали двѣ сестры и потащила Аннушка продавать свою овцу. Ей же за это досталось отъ Дмитрія.

— Аль тяжело стало овцу-то кормить? Пригодилась бы...

— А хлѣба-то ты много досталъ въ кабакѣ?

— Когда былъ, берегла бы. На васъ нешто напасешься?

Въ довершеніе бѣдъ на второй день Пасхи у Дмитрія ни съ того, ни съ сего пала кобыла. Не болѣла, кормъ ѣла хорошо... Вдругъ съ ревомъ со двора прибѣгаетъ Аннушка.

— Митрій, Митрій, гляди, кобыла-то наша издохла.

— Не бреши. Съ чего ей издыхать?

— Иди скорѣе, погляди самъ... Право слово, издохла.

Въ этотъ день въ деревушкѣ ждали иконы. Дмитрій не только не пилъ ничего, но и не ѣлъ съ утра. Онъ пошелъ на дворъ и черезъ минуту вернулся. Онъ махнулъ рукой.

— Этого еще не доставало. Ну, одно къ одному. Жалко было кобылы. Эхъ... Такъ видно надоть. Ну, Аннушка, готова лапша-то?

Аннушка плакала, высморкалась въ фартукъ и сказала:

— Готова, теперь не до лапши.

— На чемъ же ты пахать будешь? — спросилъ его Прокофій.

— На свиньѣ. А тебѣ чего надо? Спроситься прикажешь?

Вскорѣ пришли иконы.

Узнавъ про послѣднее несчастье у Дмитрія, священникъ счелъ нужнымъ сказать ему нѣсколько словъ.

— Жаль, Ѳедюхинъ, жаль. Кобыла была хорошая; на то знать Божья воля. Богъ наказываетъ, зачѣмъ пьешь. Жили-бъ, какъ прежде жили, коли такъ начальство велитъ.

— Ты лучше, батюшка, присядь. Лапшицы похлебай. Не побрезгуй у бѣднаго человѣка.

— Некогда, некогда, Митя. Тороплюсь.

— Къ Артамошинымъ, значитъ. Ну вы похлебайте, православные,—обратился онъ къ народу.

Похлебали лапши, выпили и пошли дальше. Провожать иконы пошелъ и Дмитрій.

IX.

Тотчасъ послѣ святой начался сѣвъ овса. Весь народъ высыпалъ въ поле. Поѣхалъ и Прокофій. Обыкновенно при старикѣ они снимали десятины двѣ подъ рожь и столько же подъ яровое у мѣстнаго помѣщика, но теперь объ этомъ и думать было нечего. Сѣмянъ овсяныхъ Прокофій собралъ на свою душу четверть, а у Дмитрія зерна не было. Аннушка пробовала ему объ этомъ говорить.

— А тебѣ что за дѣло? Это не бабье дѣло.

Братъ его тоже разъ спросилъ, намѣренъ ли онъ самъ засѣвать свои четыре души и на чемъ онъ будетъ пахать.

— Тебя не спрошусь и кланяться тебѣ не стану. Захочу, самъ посѣю, не захочу—тоже дѣло мое.

Сѣвъ овсяный прошелъ, Прокофій засѣялъ свою полдесятину, а Дмитрій и не думалъ о своей землѣ.

— Знать сѣмянъ у него нѣтъ. Просомъ засѣитъ, — говорилъ Прокофій.—Да гдѣ онъ лошадь возьметъ?

Пришелъ и просяной сѣвъ; люди поѣхали, а Дмитрій сидѣлъ въ кабакѣ; на второй день тоже; на третій Прокофій пошелъ къ старшинѣ посовѣтоваться.

— Какъ тутъ быть и ума не приложу, Тимофей Агапычъ. Братъ въ кабакѣ сидитъ, вѣдь земля-то не паханой останется. Сѣвъ уходитъ.

— Бери да паши. У тебя сѣмена есть просяныя?

— Сѣмянъ-то нѣтъ, да эта штука недорогая.

— Ну, такъ зачѣмъ дѣло стало? Завтра и посѣй.

На другой день Прокофій рано утромъ занялъ проса, запрегъ въ телѣгу своего мерина и, привязавъ сзади соху, отправился на пашню. Народу въ полѣ было уже немного. До-

пахивали запоздавшіе сѣвомъ. Онъ распрегъ лошадь, привязалъ ее къ колу, далъ корму, а самъ пошелъ разсѣвать просо.

Не прошло часу, какъ на пашню пришелъ его братъ. Онъ не былъ пьянъ, но видно было, что онъ уже побывалъ въ кабакѣ.

— Что это ты вздумалъ чужую землю своимъ хлѣбомъ засѣвать?

— Чудакъ ты, братъ, не оставлять же ее пустою?

— Пустой ли ее оставлять, посѣять ли чѣмъ, это дѣло мое, а не твое.

— То-есть, какъ же не мое? Податя-то за нее съ меня спрашиваютъ, небось.

— Я тѣ говорю, что земля моя, и тебѣ сѣять я не дамъ.

— Послухай, братъ. Зря ты это затѣваешь. Вѣдь такъ останется.

— Пущай и останется. Я къ тебѣ не ходилъ на твою пашню, и ты ко мнѣ не залѣзай. Говорю, уйди: лучше будетъ.

— И Тимофей Агапычъ мнѣ приказалъ сѣять. Коли братъ твой, говоритъ, не сѣетъ, посѣй ты. Да, къ примѣру, коли ты въ кабакѣ сидѣть будешь, такъ и землѣ пропадать?

— Уйди, тебѣ говорятъ добромъ, уйди, пока цѣлъ. Хуже будетъ.

Дмитрій взялся за сѣялку и сталъ предъ Прокофіемъ, не давая ему идти дальше. Прокофій поставилъ сѣялку и сталъ въ оборонительную позу. Дмитрій плюнулъ.

— Погоди-жъ. Я тѣ покажу. Я старосту приведу.

Дмитрій пошелъ на деревню за старостой, но дома его не засталъ. Староста былъ мужикъ зажиточный и хлѣба сѣялъ много. Онъ былъ въ полѣ и пахалъ. Дмитрій зашелъ въ кабакъ, выпилъ водки и отправился въ поле разыскивать старосту.

— Я къ тебѣ опять. Прокофій мою землю сѣетъ.

— Ты опять ко мнѣ? Не пойду я больше. Стой при васъ, не отходи. Всего-то я пятнадцать цѣлковыхъ въ годъ жалованья получаю, а тутъ ни дня, ни ночи покою не знай.

— Да какъ же мнѣ-то быть? Коли мою землю пашутъ?

— И то сказать. Какъ ее и не пахать? Ты съ утра до ночи въ кабакѣ сидишь замѣсто того, чтобы работать, не лежать же землѣ пустой. Не пойду я, слышь?

— Пусть будетъ тебѣ извѣстно, я земли своей ему пахать не дамъ. Какъ знаешь. Я въ своей пашнѣ воленъ.

— Убирайся къ чорту, дѣлай что знаешь. Коли ты только опять буянить зачнешь, я тя въ тигулевку живымъ манеромъ отправлю. Съ вами добромъ ничего не подѣлаешь.

Дмитрій скоро, хотя пошатываясь немного, отправился снова на пашню, гдѣ пахалъ его братъ.

Прокофій уже кончилъ разсѣвать и началъ запахивать сѣмена. По походкѣ брата, онъ увидѣлъ, что тотъ выпилъ еще и сильно возбужденъ. При одномъ изъ поворотовъ, онъ съ сохой приблизился къ телѣгѣ и, какъ бы налаживая соху, остановился. Онъ предвидѣлъ ссору.

Дмитрій подошелъ.

— Я тѣ сказалъ убраться къ чорту съ моей пашни?

— А ты хотѣлъ старосту привести. Что-жъ не привелъ?

— Я и безъ старосты съ тобой справлюсь. Ну, убирайся отсюда!

— Братъ, да отставь ты. Не скандаль. Вѣдь хуже будетъ.

— Чего-жъ мнѣ хуже будетъ? Ты чего грозишься? Испугался я тебя, что ли?

При этомъ Дмитрій подошелъ къ лошади и сильно дернулъ ее въ сторону. Лошадь сломала обужу *).

— А... ты такъ? Ты мерина калѣчить вздумалъ?

Прокофій разсердился и подошелъ къ Дмитрію и взялъ его за руку. Дмитрій другой рукой ударилъ его въ бокъ. Оба повалились на землю. Дмитрій былъ посильнѣе и, порядочно отколотивъ брата, снова взялся выпрягать лошадь изъ сохи. Прокофій вышелъ изъ себя, началъ искать, чѣмъ бы ударить брата. Подъ руку попался стоявшій у телѣги глиняный кувшинъ съ водой. Онъ бросилъ имъ въ брата. Кувшинъ ударился объ его грудь и упалъ. Дмитрій же схватилъ валявшуюся дугу и что было силы ударилъ ею Прокофія по головѣ. Прокофій упалъ.

— Что думалъ, не справлюсь я съ тобой? Тоже драться лѣзетъ!

И сталъ выпрягать кобылу изъ сохи.

Между тѣмъ въ полѣ хоть народу было и немного, но всетаки кое-кто видѣлъ ихъ драку. Замѣтивъ, что Дмитрій повалилъ Прокофія и что тотъ не встаетъ, два-три мужика подбѣжали къ нимъ.

— Ты что-жъ это брата-то убилъ?

— А онъ зачѣмъ мою землю пашетъ?.. Ну, вставай!

И Дмитрій толкнулъ его ногой.

— Чего вставай, коли ты ему голову прошибъ. Не видишь кровь что-ль?

Дмитрій посмотрѣлъ: подъ вискомъ, на которомъ лежалъ Прокофій, образовалась лужа крови. Онъ взялся за голову, постоялъ немного и бросился къ трупу брата.

— Пронь, прости меня, окаяннаго!.. Ты всѣмъ ублаготворилъ меня. А я тебя убилъ!.. Батюшка, батюшка!.. Что ты насъ не раздѣлилъ при жизни?..

*) Сошную оглоблю.

Вечеромъ старшина счелъ долгомъ явиться къ земскому начальнику.

— А у насъ, ваше высокоблагородіе, неблагополучно. Ѳедюхины-то подрались въ полѣ. Дмитрій Прокофія на смерть убилъ. Я его велѣлъ связать и къ господину приставу отправить.

— Я всегда говорилъ, что это разбойники. Цѣлый годъ тягаются, чѣмъ мирно жить.

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе, люди были характерные, кляузные.

— Ну, разскажи, разскажи, какъ дѣло было. Да надо о дѣтяхъ его подумать.

Старшина началъ разсказывать.

А. Новиковъ.

Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія.

III.

Оброчные крестьяне. — Величина оброка. — Занятія оброчныхъ крестьянъ — Самоуправленіе.

Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что средніе надѣлы, какъ въ черноземныхъ, такъ и въ нечерноземныхъ губерніяхъ, въ лучшемъ случаѣ только обезпечивали существованіе крѣпостного населенія. Понятно, что при такихъ условіяхъ, всякія денежныя повинности падали всею тяжестью не на землю, а на подсобные промыслы.

Баронъ Гакстгаузенъ, такъ мѣтко и ярко характеризовавшій нѣкоторыя явленія въ помѣщичьемъ крѣпостномъ хозяйствѣ въ 40-хъ годахъ, подмѣтилъ и это обстоятельство „Оброкъ крѣпостныхъ — говоритъ онъ — лежитъ не на землѣ, которую помѣщикъ даетъ крестьянину, но на его рабочей силѣ и его промыслѣ“ *). Большее или меньшее соотвѣтствіе между оброками и земельными надѣлами можно замѣтить только въ мѣстностяхъ, гдѣ не были развиты подсобные промыслы, а потому оброкъ можно было взимать только давая лишнюю землю. Напримѣръ, въ Тульской и Тамбовской губ., какъ видно изъ примѣчаній въ приложеніяхъ къ „Трудамъ Ред. Ком.“, оброчнымъ давалось больше земли, сравнительно съ издѣльными. Въ Тамбовской губ., въ иныхъ мѣстахъ оброчные крестьяне получали отъ 6—$7^1/_2$ дес. въ душевой надѣлъ (въ томъ числѣ $1^1/_2$ дес. сѣнокоса) **). Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, какъ видно изъ тѣхъ же примѣчаній, самый оброкъ опредѣлялся количествомъ десятинъ, которое давалось въ надѣлъ оброчнымъ крестьянамъ; оброкъ взимался подесятинно, причемъ съ десятины брали около 2-хъ и болѣе рублей. Большею же частью оброкъ не находился въ связи съ даваемымъ количествомъ земли. Напримѣръ, въ селѣ Великомъ наслѣдниковъ Яковлевыхъ Ярославской губ. ***) на 1743 оброчныхъ

*) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 220.
**) Заблоцкій-Десятовскій, т. IV, стр. 285.
***) Приложенія къ Трудамъ Редакціонной Коммиссіи, т. IV, Ярославскій уѣздъ, № 35.

крестьянъ приходилось 1723 дес. удобной земли, т. е. по 0,98 дес. на душу; между тѣмъ въ этомъ имѣніи съ тягла брали по 21 р. или 17.230 р. со всего общества, да кромѣ того 10.037 р. 8 к. на мірскіе расходы и на подати. Въ другомъ имѣніи, гр. Панина, селѣ Порѣчьѣ той же Ярославской губ., при надѣлѣ въ 1,64 десят., брали оброку по 7 р. съ души (9 р. 30 к. съ тягла) и 5 рублей на мірскіе расходы. Въ одной деревнѣ кн. Гагарина Нижегородской губ., въ 30 верстахъ отъ Арзамаса, земельный надѣлъ былъ такъ незначителенъ ($1^1/_2$ дес. пашни и лугу на душу при необходимости покупать дрова на отопленіе), что полевое и домашнее хозяйство вели бабы, старики и дѣти, а большая часть здоровыхъ мужчинъ уходили изъ деревни весною и возвращались только къ зимѣ, занимаясь бурлачествомъ на Волгѣ. Имъ приходилось платить 50 р. асс. съ тягла *).

Въ XVIII вѣкѣ, во вторую половину царствованія Екатерины II, средняя величина оброка равнялась 5 р. съ души; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оброкъ повышался до 20 р. съ тягла (ежегодно). Для сравненія этихъ оброковъ съ оброками, взимавшимися съ крѣпостныхъ передъ освобожденіемъ, необходимо принять во вниманіе, что рубль 80-хъ и 90-хъ годовъ XVIII столѣтія равнялся самое большее $1^1/_2$ рублямъ 50-хъ годовъ XIX столѣтія. Слѣдовательно, при переводѣ денежныхъ оброковъ второй половины царствованія Екатерины II на деньги 50-хъ годовъ XIX столѣтія, средняя величина оброка будетъ равняться 7 р. 50 к. съ души, доходя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 30 р. съ тягла **).

---

*) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 220.

**) Для сравненія цѣнности рубля второй половины царствованія Екатерины II съ цѣнностью рубля въ половинѣ XIX столѣтія взяты среднія цѣны въ копѣйкахъ на 1 четверть ржи (Тульская, Тамбовская и Ярославская губ.), пшеницы и овса (Ярославская губ.) конца XVIII вѣка и 50-хъ годовъ XIX столѣтія. Данныя для XIX стол. взяты изъ Доклада Высоч. утв. Комм. для изслѣдов. полож. сельск. хоз. Прилож. II—V Спб. 1873). Получилось слѣдующее отношеніе цѣнъ:

	XIX в. XVIII в.		XIX в. XVIII в.
Тульская губ.		Ярославская губ.	
рожь въ 1780 гг. .	437:240=1,8	рожь въ 1780 гг. .	361:329=1,1
» » 1790 ». .	437:285=1,5	» » 1790 » . .	361:480=0,7
Тамбовская губ.		пшен. » 1780 » . .	698:500=1,4
рожь въ 1797 г. .	250:232=1	» » 1790 » . .	698:727=1
		овес. » 1780 » . .	237:162=1,5
		» » 1790 » . .	237:265=0,9
			1,2

Итакъ 1 рубль 50-тыхъ годовъ XIX столѣтія равнялся 1,2 рубля конца прошлаго столѣтія. Принимая во вниманіе недостаточность данныхъ, и во избѣжаніе опасности уменьшить средніе оброки XVIII и сдѣлать поэтому выводъ изъ сравненій оброковъ XVIII и XIX вѣковъ слишкомъ неблагопріятнымъ для послѣдняго,—можно принять, что цѣнность рубля конца XVIII вѣка самое большее была въ $1^1/_2$ раза выше цѣнности рубля половины XIX вѣка.

Въ XIX вѣкѣ средніе, чистоденежные оброки представляются въ слѣдующемъ видѣ *):

Губерніи.	Средній оброкъ съ тягла.	Губерніи.	Средній оброкъ съ тягла.
1. С.-Петербургская	27 р. 26 к.	11. Рязанская	19 р. 34 к.
2. Тульская	23 » 38 »	12. Нижегородская	18 » 76 »
3. Орловская	22 » 14 »	13. Воронежская	18 » 47 »
4. Пензенская	20 » 3 »	14. Вологодская	17 » 83 »
5. Ярославская	20 » 3 »	15. Московская	17 » 67 »
6. Калужская	19 » 77 »	16. Тверская	17 » 53 »
7. Тамбовская	19 » 75 »	17. Владимірская	17 » 27 »
8. Новгородская	19 » 55 »	18. Смоленская	16 » 82 »
9. Псковская	19 » 55 »	19. Курская	15 » 60 »
10. Костромская	19 » 40 »	20. Олонецкая	12 » 51 »

Изъ таблицы видно, что оброки сильно повысились съ конца XVIII вѣка; даже въ губерніи съ самымъ низкимъ оброкомъ (Курской) оброкъ увеличился болѣе, чѣмъ въ 2 раза.

Какъ видно, высота оброковъ сильно колебалась, и это зависѣло отъ разнообразныхъ причинъ. Какъ на самое распредѣленіе барщинной и оброчной системы помѣщичьяго хозяйства имѣли вліяніе удобства для земледѣлія, такъ и здѣсь выступаетъ вліяніе той же причины. При выгодности веденія сельскаго хозяйства, помѣщики переводили на оброкъ только тѣхъ крестьянъ, съ которыхъ можно было взять большой оброкъ, замѣняющій тотъ доходъ, который помѣщикъ получалъ бы съ него, заставляя крестьянина работать на барщинѣ. Дѣйствительно, на первыхъ мѣстахъ по величинѣ оброка мы видимъ черноземныя губерніи. Но здѣсь же вліяетъ и другая причина, понижающая оброкъ: малоземелье и перенаселеніе помѣщичьихъ имѣній. При малоземельѣ помѣщикъ былъ вынужденъ или переводить крестьянъ въ затяглые и не требовать съ нихъ почти никакихъ повинностей, или переводить на оброкъ, хотя бы и незначительный. Поэтому-то, вѣроятно, самый низкій оброкъ замѣчается въ Курской, плодородной земледѣльческой губерніи.

Необходимость отпускать иногда крестьянъ на незначителный оброкъ зависѣла также отъ другого обстоятельства: отъ наличности или отсутствія подсобныхъ промысловъ. Чѣмъ незначительнѣе были подсобные промыслы, тѣмъ труднѣе было брать съ оброчныхъ

*) Средніе оброки по 20 черноземнымъ и нечерноземнымъ губерніямъ вычислены на основаніи Приложеній къ Трудамъ Редакціонныхъ Коммиссій (т. I—IV), по образцу работы кн. Волконскаго («Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ», гл. III). Цифра по Рязанской губерніи взята изъ его работы. Низкій оброкъ въ Олонецкой губерніи объясняется малымъ количествомъ чисто-оброчныхъ имѣній и отсутствіемъ въ нихъ помѣщиковъ. Въ Олонецкой губ. въ смѣшанныхъ имѣніяхъ оброки были выше и колебались отъ 14—30 р. съ тягла.

крестьянъ высокій оброкъ и наоборотъ. Оттого-то мы видимъ на первомъ мѣстѣ по величинѣ оброка Петербургскую губернію. Подстоличные и столичные заработки позволяли брать съ крестьянъ этой губерніи высокіе оброки. Кавелинъ указываетъ, что одинъ господинъ бралъ съ каждаго изъ своихъ крестьянъ, торгующихъ по свидѣтельствамъ въ Петербургѣ, по 450 р. сер. Масса оброчниковъ платила по 60 р. сер. съ тягла *). Высокій оброкъ, отмѣчаемый въ Ярославской губ., безъ сомнѣнія также зависѣлъ отъ развитія отхожихъ и мѣстныхъ промысловъ. На величину оброка имѣли затѣмъ вліяніе размѣръ имѣнія и величина всего состоянія помѣщика. При невозможности успѣшно вести барщинное хозяйство безъ личнаго контроля при крупномъ размѣрѣ имѣнія, помѣщикъ долженъ былъ отпускать или всѣхъ, или часть крестьянъ хотя бы на низкій оброкъ. Богатство помѣщика также позволяло ему довольствоваться ничтожнымъ сравнительно оброкомъ. Это хорошо иллюстрируется примѣромъ Воронежской губерніи. По величинѣ средняго оброка эта черноземная губернія занимаетъ мѣсто среди нечерноземныхъ. Выключеніе одного имѣнія крупнѣйшаго помѣщика, гр. Шереметева, повышаетъ оброкъ до 28 р. 50 к. **) и ставитъ ее на первое мѣсто по величинѣ оброка.

Во многихъ имѣніяхъ къ чисто-денежному оброку, въ XIX столѣтіи такъ же, какъ и въ XVIII, прибавлялись поборы натурою, но, повидимому, они не играли большой роли и являлись незначительнымъ прибавкомъ къ чисто-денежному оброку.

Кромѣ чисто-оброчныхъ имѣній, въ XIX вѣкѣ было большое количество имѣній, гдѣ къ оброку присоединялось, при существованіи барщинной запашки, извѣстное количество барщинныхъ дней въ году и нѣкоторыя другія работы. Такъ, Заблоцкій-Десятовскій указываетъ, что въ большей части имѣній оброчные крестьяне были обложены сборомъ натурою, причемъ, если была въ имѣніи барщинная запашка, оброчные давали отъ 4—16 рабочихъ дней въ году. Оброкъ съ крѣпостныхъ, состоящихъ на смѣшанной повинности, обыкновенно былъ ниже, чѣмъ съ крестьянъ, состоящихъ на чистомъ оброкѣ. Въ имѣніяхъ, гдѣ часть крестьянъ находилась на чисто денежномъ оброкѣ, а часть отбывала тѣ или другія барщинныя работы, денежный оброкъ послѣднихъ соотвѣтственно понижался. Нельзя, однако, возводить это въ общее правило. Въ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне были частью на оброкѣ, частью на барщинѣ, часто жилъ самъ помѣщикъ, такъ какъ барщинная запашка требовала личнаго надзора за производствомъ работъ. Живя въ деревнѣ, помѣщикъ лучше зналъ состоятельность своихъ оброчныхъ крестьянъ и, стремясь къ

*) Кавелинъ, т. II, стр. 13.
**) Вычислено на основаніи Приложеній къ Тр. Ред. Ком., т. I.

наибольшему использованію рабочей силы крестьянъ, накладывалъ иногда высшіе оброки сравнительно съ оброками крестьянъ тѣхъ имѣній, гдѣ помѣщикъ лично не жилъ. Поэтому-то, вѣроятно, по вычисленіямъ хозяйственнаго отдѣленія редакціонной коммиссіи, касающихся 11 уѣздовъ Владимірской губ., средній оброкъ по уѣздамъ въ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне состояли на смѣшанныхъ повинностяхъ, былъ только въ одномъ случаѣ ниже, а въ остальныхъ уѣздахъ выше средняго оброка въ чисто-оброчныхъ имѣніяхъ *).

Иногда крестьяне лѣтомъ работали въ имѣніяхъ на барщинѣ и у себя, а зимою отпускались на оброкъ. Такія имѣнія встрѣчались часто, какъ видно изъ примѣчаній въ приложеніяхъ къ Труд. Ред. Ком., въ Новгородской, Тверской, Смоленской губ. Въ Псковской губ. смѣшанная система принимала иногда такой характеръ, что на одинъ дворъ накладывалось $^1/_2$ барщиннаго тягла и $^1/_2$ оброчнаго или на 1 дворъ—барщину, а на другой—оброкъ; это вело къ тому, что въ одной семьѣ часть мужчинъ шла на оброкъ, а другая оставалась на барщинѣ или для той же цѣли соединялись 2 тягла **). Иногда въ имѣніи ежегодно отпускалось на оброкъ нѣсколько тяголъ или по выбору владѣльца, или по свободному соглашенію между самими крестьянами.

Барщинная запашка, встрѣчаемая въ нечерноземныхъ губерніяхъ, какъ было указано выше, можетъ объясняться отчасти отсутствіемъ хорошихъ путей сообщенія, вслѣдствіе чего помѣщикъ нечерноземной полосы могъ выдерживать конкурренцію съ владѣльцемъ черноземнаго имѣнія. Кромѣ того мелкопомѣстные помѣщики должны были довольствоваться небольшими доходами и, за неимѣніемъ средствъ жить въ столицахъ, должны были поселяться въ имѣніяхъ и заводить хотя небольшія запашки для удовлетворенія своихъ ближайшихъ потребностей. Барщинную запашку заводили и для острастки крестьянъ, такъ какъ послѣдніе боялись барщины и исправнѣе выплачивали оброкъ. Въ имѣніи Шиповой ***), напримѣръ, въ Тверской губ. не платившіе недоимщики назначались на господскій хуторъ, обработываемый, обыкновенно, наймомъ.

Въ виду недостаточности, въ большинствѣ случаевъ, земельнаго надѣла для обезпеченія денежныхъ платежей крестьянъ, очевидно, что повышеніе оброковъ въ XIX вѣкѣ сравнительно съ XVIII могло произойти только вслѣдствіе развитія подсобныхъ промысловъ. Въ черноземнымъ губерніяхъ на помощь оброчнымъ

*) Первое изданіе Трудовъ Редакціонной Коммиссіи, т. XVI, кн. II, стр. 20.

**) Скребицкій, т. III, стр. 1203. Показаніе членовъ отъ губернскихъ комитетовъ.

***) Приложенія къ Трудамъ Ред. Ком., т. IV, Бѣжецкій уѣздъ, № 55.

крестьянамъ являлись земледѣльческіе отхожіе промыслы, такъ какъ, благодаря наличности подобныхъ земледѣльческихъ рабочихъ, могла производиться эксплуатація обширныхъ плодородныхъ пространствъ малонаселенныхъ южныхъ губерній со слабымъ процентомъ крѣпостного населенія. Въ лѣсныхъ губерніяхъ, гдѣ въ оброчныхъ имѣніяхъ зачастую вся земля отдавалась въ пользованіе крестьянъ, хотя земельный надѣлъ былъ относительно великъ, но земледѣліе также было мало развито. Оброчные крестьяне уплачивали оброкъ большею частью занимаясь лѣсными промыслами. Такъ, напримѣръ, въ Кологривскомъ уѣздѣ Костромской губ., по указанію барона Гакстгаузена, были сильно распространены дегтярный промыселъ, мочальное производство, постройка судовъ и т. п. *). Иногда крестьяне уплачивали оброкъ, благодаря наличности въ предоставленныхъ имъ всецѣло господскихъ имѣніяхъ выгодныхъ статей, напримѣръ, рыбныхъ озеръ и т. п. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне уплачивали оброки, благодаря льноводству. Въ Ростовскомъ уѣздѣ Ярославской губ. процвѣтало садоводство и птицеводство. Въ деревнѣ Порѣчьѣ гр. Паниной собиралось до 40,000 пудовъ цикорія, болѣе чѣмъ на 200,000 р. сер. **). Въ мѣстахъ, гдѣ было мало земли, были сильно развиты отхожіе промыслы. Иногда часть крестьянъ оставалась на мѣстѣ, при землѣ, а часть уходила на промыслы. Въ Юхотской вотчинѣ гр. Шереметева, въ Ярославской губ., изъ 9500 мужскихъ душъ только 2600 жили на мѣстѣ, а остальные промышляли по паспортамъ въ Москвѣ и Петербургѣ и др.***). Въ селѣ Висенѣ гр. Салтыкова Нижегородской губ., изъ 1820 душъ, занимавшихся большею частью сапожнымъ и башмачнымъ ремесломъ,—около 500 бывали постоянно въ отлучкѣ по паспортамъ ****). Они работали въ Саратовѣ, Астрахани, Уральскѣ и даже въ Сибири. Нѣкоторые уходили на 10—15 лѣтъ, другіе совсѣмъ поселялись въ чужихъ городахъ и никогда уже не возвращались на родину, хотя и не разрывали связей съ селомъ, уплачивая причитающіяся на нихъ подати и сохраняя за собою свой домъ, садъ, участокъ земли, хотя и сдавали его обыкновенно въ аренду. Значительная часть уходящихъ на промыслы направлялась въ столичные, портовые и другіе города. Многіе оброчные крестьяне бурлачили на Волгѣ. Гакстгаузенъ слышалъ, что большинство бурлаковъ (на Волгѣ) состояло изъ крѣпостныхъ, рѣдко изъ государственныхъ крестьянъ.

Часть оброчниковъ находила себѣ работу на фабрикахъ и заводахъ, но эти работы могли поглощать лишь небольшое количе-

*) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 192—195.
**) Ibid., т. I, стр. 123.
***) Ibid., т. II, стр. 126.
****) Ibid., т. I, стр. 214.

ство свободныхъ рукъ, такъ какъ даже въ 1858 г. число рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ равнялось лишь 548,921; причемъ въ этомъ же числѣ нужно считать работниковъ мелкихъ крестьянскихъ фабричекъ, на которыхъ зачастую рабочій сливался съ хозяиномъ. Въ числѣ фабричныхъ вольнонаемныхъ рабочихъ, какъ указываетъ г. Туганъ-Барановскій *), было много помѣщичьихъ крестьянъ. Фабриканты предпочитали нанимать ихъ, а не государственныхъ крестьянъ. Эти фабричные крѣпостные частью были невольные оброчники, т. е. помѣщичьи крестьяне, отданные самими помѣщиками за извѣстную плату на фабрику, частью самостоятельно нанимавшіеся крестьяне изъ оброчныхъ имѣній. Фабричные рабочіе должны были уплачивать изъ заработка оброкъ хозяину; при этомъ нерѣдко владѣльцы фабрикъ сами уплачивали его господину рабочаго. Это несомнѣнно должно было понижать заработки рабочихъ и держало ихъ въ полной зависимости отъ хозяевъ; подобные рабочіе назывались кабальными. Помѣщикъ, до 1835 года, могъ во всякое время потребовать оброчнаго крестьянина съ фабрики въ имѣніе, и только въ этомъ году законъ запретилъ помѣщику требовать рабочаго обратно до окончанія срока выданнаго паспорта. Но по окончаніи срока паспорта оброчникъ никогда не могъ быть увѣреннымъ, что онъ останется на свободѣ, и его не потребуютъ въ имѣніе. Нерѣдко оброчные крестьяне занимались торговлею по свидѣтельствамъ, уплачивая громадные оброки, доходящіе до 450 р. сер. съ души и выше **). Заработки оброчниковъ затруднялись тѣмъ, что помѣщики часто требовали взноса оброчной суммы впередъ. Для зажиточныхъ крестьянъ это не было обременительно, но бѣдные вынуждены были прибѣгать къ займамъ за громадные проценты (нерѣдко по 15% въ мѣсяцъ), такъ что многіе крестьяне оставались вѣчно въ долгу ***). Это-то обстоятельство ставило оброчныхъ крестьянъ въ полную зависимость отъ фабрикантовъ, уплачивавшихъ за нихъ оброки помѣщикамъ.

Положеніе оброчныхъ было тѣмъ тяжелѣе, что помѣщикъ могъ во всякое время повысить оброкъ; поэтому крестьяне нерѣдко скрывали отъ помѣщиковъ дѣйствительные размѣры своихъ заработковъ. Между тѣмъ между ними встрѣчались очень богатые люди, чему способствовали начавшіе быстро развиваться въ XIX вѣкѣ, особенно съ 40-хъ годовъ, кустарные промыслы.

Мелкія крестьянскія фабрички съ успѣхомъ конкуррировали съ большими частными, вотчинными и поссессіонными фабриками. Конечно это могло имѣть мѣсто только благодаря малому развитію техники производства, дешевизнѣ матеріала и вольному труду кустарей, работавшихъ для себя, самостоятельно, и имѣв-

*) Туганъ-Барановскій. Фабрика въ ея прошломъ и настоящемъ, стр. 92.
**) Кавелинъ, т. II, стр. 13.
***) Заблоцкій-Десятовскій, т. IV, стр. 288.

шихъ притомъ еще и подсобный заработокъ въ видѣ земледѣлія. Въ силу развитія мелкой кустарной промышленности въ 40-хъ годахъ замѣчается размельчаніе производства, а не концентрація. Число фабрикъ растетъ, а количество рабочихъ на каждой отдѣльной фабрикѣ падаетъ. Главный контингентъ такихъ крестьянъ-кустарей и крестьянъ-фабрикантовъ почерпался изъ оброчныхъ крестьянъ. Въ 40 и 50-хъ гг. выдвинулись такія богатыя промышленныя села, какъ Иваново Шуйскаго уѣзда, Ворсма и Павлово Нижегородской губ.—оба гр. Шереметева. Первое въ 40-хъ годахъ давало заработокъ на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ 42,000 человѣкъ и вырабатывало ежегодно 900,000 кусковъ бумажныхъ матерій на сумму 23.400.000 р. ассигн. *). Во всѣхъ этихъ селахъ встрѣчались богатые фабриканты, имѣвшіе собственныя села и собственныхъ крѣпостныхъ, хотя и пріобрѣтенныхъ на имя Шереметева. Такъ одному фабриканту, Ивану Горемыкину, принадлежало сельцо Спасское. Нѣкоторые крестьяне имѣли по 600—700 душъ своихъ крѣпостныхъ **). Изъ оброчныхъ крестьянъ вышелъ такой богачъ, какъ Савва Морозовъ; въ Ворсмѣ особенно извѣстенъ былъ фабрикантъ Завьяловъ. „Въ Костромской губ. основатели всѣхъ бумаготкацкихъ фабрикъ, дѣйствовавшихъ въ концѣ 50-хъ гг., говоритъ Туганъ-Барановскій, за немногими исключеніями были помѣщичьими крестьянами, начавшими дѣло съ небольшихъ кустарныхъ заведеній“ ***).

Не смотря на возможность достигнуть богатства, крестьянинъ все же не былъ независимъ отъ господина. Послѣдній могъ во всякое время возвысить оброкъ до такой степени, что оброчникъ долженъ былъ неминуемо разориться. Господинъ могъ лишить его всего имущества. Къ такимъ безчестнымъ поступкамъ прибѣгали даже богатые помѣщики. Господинъ могъ перевести оброчныхъ крестьянъ на барщину, запретить имъ заниматься тѣмъ или другимъ промысломъ. Вообще эта зависимость отъ произвола помѣщика, сдерживаемаго лишь личнымъ разсчетомъ, сильно понижала промышленную дѣятельность оброчныхъ крестьянъ и заставляла ихъ скрывать свои капиталы. Поэтому понятны стремленія оброчныхъ къ свободѣ и ненависть ихъ къ крѣпостному праву. Крестьяне были готовы пожертвовать половиною и болѣе своего капитала, лишь бы выкупиться на волю. Удавалось это лишь богатымъ крестьянамъ, при этомъ приходилось иногда выплачивать громадныя выкупныя суммы. Савва Морозовъ купилъ свою свободу у гр. Шереметева за 17.000 р. Заблоцкій-Десятовскій приводитъ 2 случая выкупа оброчныхъ крестьянъ: въ первомъ случаѣ помѣщикъ взялъ 16.000 р., въ другомъ—30.000 р. при капиталѣ у

*) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 391.
**) Туганъ-Барановскій, стр. 99.
***) Ibid., стр. 101.

крестьянина въ 45.000 р. У гр. Шереметева, который неохотно соглашался на выкупъ, средняя цѣна равнялась 20.000 р. за семейство. Вообще выкупныя цѣны были крайне разнообразны, такъ какъ ихъ размѣръ всецѣло зависѣлъ отъ добросовѣстности помѣщика, богатства мужика, а также и оттого, насколько извѣстно было помѣщику состояніе выкупающагося крѣпостного. Крестьянинъ стремился скрыть свое истинное состояніе отъ помѣщика, помѣщикъ—содрать какъ можно больше съ крестьянина. Впрочемъ, нѣкоторые помѣщики не желали давать выкупа изъ тщеславія имѣть въ своей власти богачей-крестьянъ. Заблоцкій-Десятовскій указываетъ, что помѣщики нерѣдко не желали выкупа богатыхъ крестьянъ изъ-за боязни потерпѣть убытки, такъ какъ при существованіи круговой поруки эти богачи выплачивали недоимки своихъ собратій: на этомъ основаніи нріостановилъ однажды отпускъ на волю гр. Шереметевъ. Князь Салтыковъ, владѣлецъ слободы Выѣздной Нижегородской губерніи, совершенно прекратилъ отпускъ крестьянъ на волю послѣ того, какъ онъ отпустилъ на волю крестьянина, казавшагося небогатымъ, а послѣ освобожденія выстроившаго въ Москвѣ большой каменный домъ и обширную фабрику. Одинъ крестьянинъ, очень богатый, предлагалъ ему 160.000 р. за себя и 7 сыновей, чтобы онъ отпустилъ ихъ на волю; помѣщикъ не согласился. Отецъ Шипова, автора воспоминаній, хотѣлъ выкупить на волю свою внучку за 10.000 р. и также получилъ отказъ *).

Кромѣ относительно большей матеріальной обезпеченности оброчныхъ крестьянъ сравнительно съ барщинными, оброчные пользовались большею самостоятельностью, большимъ самоуправленіемъ. Нужно отмѣтить, что, однако, въ этомъ отношеніи положеніе оброчныхъ ухудшилось въ XIX вѣкѣ сравнительно съ XVIII. Во многихъ мѣстахъ это произошло уже потому, что, благодаря распространеніюсмѣшанно-оброчныхъ имѣній, увеличилось вмѣшательство помѣщиковъ въ крестьянскую жизнь и ея распорядки. Въ этихъ имѣніяхъ помѣщикъ чаще лично раскладывалъ оброкъ, сообразуясь съ большею или меньшею самостоятельностью оброчниковъ. Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ всѣ крестьяне отпускались на оброкъ, помѣщикъ, не живя лично въ имѣніи, не зналъ своихъ крестьянъ и не могъ поэтому соразмѣрить величину оброка съ имущественною состоятельностью каждаго отдѣльнаго крестьянина. Въ такихъ случаяхъ крестьянамъ часто предоставлялось самостоятельно раскладывать оброчную сумму, назначаемую на все общество сразу. Вмѣстѣ съ раскладкою оброчной суммы помѣщикъ обыкновенно предоставлялъ крестьянамъ до извѣстной степени и внутреннее самоуправленіе. Кошелевъ указываетъ на

*) «Русская Старина», т. 31. Н. Шиповъ. «Исторія моей жизни» (Разсказъ бывшаго крѣпостного крестьянина), стр. 227.

самоуправленіе въ оброчныхъ имѣніяхъ *), судъ стариковъ, мірскія сходки. Крестьяне сами раскладывали между собою подати и оброки, рѣшали на сходкахъ возникающіе вопросы и дѣла повседневной жизни. Земля у нихъ находилась—въ большей части Великороссіи—въ общинномъ владѣніи **). Существованіе круговой поруки и самостоятельная раскладка оброчной суммы вели къ соразмѣрности оброка съ платежною способностью крестьянъ. Для примѣра приведемъ описаніе оброчнаго села Кубенскаго, Вологодской губ., принадлежавшаго г-жѣ Ярославлевой ***). „Во главѣ всей общины, считающей въ себѣ 800 душъ, поставленъ со стороны помѣщицы староста, получающій 500 р. ассигнаціями жалованья. Община выбираетъ ежегодно 5 посредниковъ и 12 старшинъ, которые подчинены старостѣ и вмѣстѣ съ нимъ творятъ общинный судъ, и для письмоводства нанимается писарь съ жалованьемъ въ 200 р. ассигнаціями. Судъ разбираетъ всѣ спорныя дѣла между поселянами о границахъ земли, о наслѣдствѣ и пр., налагаетъ въ случаѣ нужды опеку и пр. Этотъ судъ налагаетъ до 24 ударовъ розгой; уголовныя дѣла, конечно, ему не подлежатъ". Въ другомъ оброчномъ селѣ, Висенѣ, Нижегородской губ., кн. Салтыкова, оброкъ распредѣлялся слѣдующимъ образомъ. „Каждые 100 тяголъ выбираютъ одного старосту, слѣдовательно, на всю деревню приходится 18 старшинъ (въ с. Висенѣ—1820 душъ), которые раздѣлили всѣхъ членовъ общины на группы по ихъ имуществу и, сообразно этому, разложили на нихъ оброкъ, раздѣливши его на число душъ, такъ что, напримѣръ, одинъ богатый платитъ за 30 душъ, каждый изъ свѣчныхъ заводчиковъ платитъ за 20 душъ и вслѣдствіе этого нѣкоторые „платятъ за ½ души" ****). Въ селѣ Великомъ, Ярославской губерніи, принадлежавшемъ наслѣдникамъ Яковлевымъ, при незначительномъ количествѣ земли, не обезпечивавшемъ платежа оброка, крестьянское общество положило всю сумму оброка на землю, но не раздѣлило его равномѣрно между всѣми своими членами, а принудило богатыхъ взять больше земли, чѣмъ сколько имъ было нужно и чѣмъ сколько бы пришлось на ихъ долю при равномъ дѣлежѣ; черезъ такой раздѣлъ богатымъ пришлось вносить больше, чѣмъ что могла дать земля *****). Неравномѣрность обложенія въ оброчныхъ имѣніяхъ видна на примѣрѣ села Богородскаго, Нижегородской губ., гр. Шереметева. Въ этомъ селѣ minimum оброка равнялся 25 р. сер. съ души. Изъ окладной книги села за 1858 г. видно, что 9 человѣкъ платили въ годъ отъ 500 до 1530 р., всего 7560 р.;

*) Кавелинъ, стр. 61.
**) Заблоцкій-Десятовскій. «Графъ Киселевъ и его время», т. IV, стр. 288.
***) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 144—145.
****) Ibid., т. I., стр. 215.
*****) Ibid., стр. 74.

24 человѣка — отъ 200 до 375 р., всего 5707 р. и т. далѣе *).

Не всѣмъ помѣщикамъ нравилась общинная организація крестьянъ, быть можетъ, вслѣдствіе того, что при существованіи мірского самоуправленія труднѣе было эксплуатировать отдѣльныхъ крестьянъ; если только мірская организація была крѣпка, на всѣ вымогательства помѣщика, крестьянинъ могъ отвѣчать опредѣленно: „міръ велитъ", „міръ отвѣтитъ", „міръ рѣшилъ" и т. под. Противъ общины вооружается и Заблоцкій-Десятовскій, указывая, что круговая порука тяжелымъ бременемъ ложится на зажиточныхъ крестьянъ, лишаетъ ихъ предпріимчивости и стремленія къ увеличенію благосостоянія. Но съ точки зрѣнія интересовъ бѣднѣйшаго класса населенія необходимо нужно признать очень важное значеніе за круговой порукой и общиннымъ самоуправленіемъ; круговая порука умѣряла и уравнивала произвольные оброки крестьянина, а самоуправленіе общины охраняло личность крестьянина отъ эксплуатаціи и произвола помѣщика. Отдѣльная личность могла скрыться за міръ: каждаго отдѣльнаго крестьянина помѣщикъ могъ притѣснить, уговорить, но разъ дѣло касалось міра, то помѣщики должны были серьезно бороться съ его стойкостью. Крестьяне были привязаны къ своей общинѣ и съ трудомъ разставались съ нею. Заблоцкій-Десятовскій указываетъ, что попытки нѣкоторыхъ помѣщиковъ раздѣлить землю на отдѣльные участки и образовать родъ фермъ не удавались, если помѣщики лично не жили въ имѣніи.

Присматриваясь къ положенію оброчныхъ крестьянъ, нельзя не признать, что экономическая эксплуатація ихъ повысилась въ XIX вѣкѣ сравнительно съ XVIII, и отчасти уменьшилась ихъ самостоятельность. Но въ большинствѣ случаевъ по крайней мѣрѣ крѣпостное право въ этой формѣ всетаки не насиловало личности крестьянина, не обращало его въ безсловесное, пришибленное существо. Не то было у барщинныхъ крестьянъ, къ характеристикѣ положенія которыхъ я теперь и перехожу.

IV.

Крестьяне работающіе на барщинѣ.—Переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному и борьба помѣщиковъ съ невыгодными сторонами крѣпостного права. — Размѣръ барщины. — Тягла. — Общинный бытъ помѣщичьихъ крестьянъ.—Крѣпостные въ сѣверо- и юго-западномъ краѣ.—Крѣпостные, отбывающіе барщину на помѣщичьихъ фабрикахъ и заводахъ.

Выше, при разсмотрѣніи таблицъ о количествѣ барщинныхъ и оброчныхъ крестьянъ въ XIX и XVIII вѣкахъ, мы видѣли,

*) Дѣйствія Нижегородской Ученой Архивной Коммиссіи. Сборникъ статей, описей и документовъ, т. III, ст. Снѣжковскаго: «Крѣпостные крестьяне».

что число барщинныхъ увеличилось главныхъ образомъ въ черноземныхъ губерніяхъ. Помѣщики видимо считали для себя выгоднымъ переводить крестьянъ съ оброка на барщину. Уже изъ одного этого факта можно сдѣлать выводъ, что положеніе крестьянъ въ этихъ губерніяхъ ухудшилось. Барщинная обработка земли требовала тщательнаго надзора за подневольнымъ рабочимъ, такъ какъ только страхъ передъ наказаніемъ могъ заставить барщинника работать интенсивно. Для возможно большаго использованія труда крестьянина необходимо было кромѣ того тщательно регламентировать его жизнь. При наличности барщинной запашки помѣщикъ ближе соприкасался съ личностью крестьянина, слѣдовательно, чаще могли проявляться насиліе и произволъ со стороны владѣльца. Такимъ образомъ, чѣмъ больше вниманія обращали помѣщики на барщинную запашку, чѣмъ большую роль она играла въ помѣщичьемъ хозяйствѣ, тѣмъ хуже должно было становиться экономическое положеніе барщинныхъ крестьянъ.

Къ выводу объ ухудшеніи положенія барщинниковъ ко времени реформы можно подойти и другимъ путемъ. Положеніе крестьянъ зависѣло отъ величины имѣнія. Чѣмъ мельче были имѣнія, тѣмъ чаще жили въ нихъ сами помѣщики, а, слѣдовательно, сильнѣе могла проявляться съ ихъ стороны эксплуатація крестьянъ и тѣмъ тяжелѣе была зависимость крестьянина отъ владѣльца. Въ крупныхъ имѣніяхъ крестьяне чаще отпускались на оброкъ. Между тѣмъ, ко времени реформы произошло раздробленіе крупныхъ имѣній сранительно съ началомъ XIX вѣка. Барщинныя имѣнія можно раздѣлить на сельско-хозяйственныя и промышленныя, такъ какъ въ нечерноземныхъ промышленныхъ губерніяхъ помѣщики зачастую заводили фабрики, заводы, вообще занимались различными промышленными предпріятіями. Къ послѣдней группѣ мы перейдемъ ниже, теперь же остановимся на барщинныхъ имѣніяхъ сельскохозяйственной группы.

Барщинное хозяйство являлось во вторую половину XIX вѣка почти господствующимъ въ черноземныхъ губерніяхъ. Въ губерніяхъ Полтавской, Кіевской, Харьковской, Черниговской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической крестьяне почти поголовно были издѣльными. Въ самомъ характерѣ и способѣ веденія сельскаго хозяйства замѣчалась сильная разница между отдѣльными хозяйствами, а въ зависимости отъ этого была разница и въ положеніи крестьянъ.

Пока мѣновыя отношенія въ странѣ были мало развиты и потребности помѣщиковъ стояли на такомъ низкомъ уровнѣ, что онѣ могли быть удовлетворены продуктами собственнаго хозяйства,—

и помѣщики Нижегородской губ. наканунѣ 19-го февраля и въ первое время послѣ него», стр. 69.

до тѣхъ поръ господствовало натуральное хозяйство. Помѣщики не заводили барщинныхъ запашекъ, а довольствовались натуральными приношеніями крестьянъ, причемъ эти приношенія въ началѣ были даже въ готовомъ видѣ, напр., въ видѣ печенаго хлѣба, холста и т. д. Такія чисто натуральныя хозяйства врядъ ли сохранились ко времени реформы. По мѣрѣ роста своихъ потребностей помѣщикъ уже не довольствовался готовыми приношеніями крестьянъ, а требовалъ сборовъ въ видѣ сырья, которое переработывалось въ предметы, годные для удовлетворенія его вкусовъ,— дворнею. Дифференціація среди крестьянъ усилилась. Одна часть крестьянъ трудилась надъ выработкой сырья, другая—дворня, переработывала сырье въ предметы, которые могли быть потреблены бариномъ. При такомъ строѣ хозяйства извнѣ пріобрѣталось только то, чего нельзя было изготовить въ собственномъ хозяйствѣ; для этого нѣкоторая часть собираемыхъ съ крестьянъ продуктовъ шла на рынокъ. „Эта часть сельско-хозяйственныхъ произведеній“, говоритъ кн. Волконскій, „составляла, вмѣстѣ съ покупными предметами помѣщичьяго потребленія, то звено, которымъ крѣпостное населеніе привязывалось къ остальному обществу“ *). При такомъ строѣ помѣщичьяго хозяйства барщинная запашка была незначительна, а бо́льшую роль среди помѣщичьихъ крестьянъ игралъ натуральный оброкъ. Дворня являлась необходимою частью хозяйства и нерѣдко была очень велика. Крестьяне въ такомъ имѣніи сравнительно рѣдко приходили въ соприкосновеніе съ помѣщикомъ, и экономическая эксплуатація ихъ не могла сильно развиться, такъ какъ помѣщику было невыгодно тѣснить крестьянъ, съ благосостояніемъ которыхъ было связано его собственное. Хозяйства такого типа сохранились, повидимому, до самой реформы. Въ началѣ же XIX вѣка въ Рязанской губерній, гдѣ % барщинныхъ былъ великъ, въ южныхъ уѣздахъ (черноземныхъ) натуральное хозяйство, какъ указываетъ кн. Волконскій, являлось господствующимъ. Что такое было подобное натуральное хозяйство, можно показать на примѣрѣ, приводимомъ кн. Волконскимъ. Помѣщикъ Рязанской губ., Колобовъ, имѣвшій 500 д. м. п. и жившій приблизительно въ 30—40-хъ гг., такъ велъ свое хозяйство. Покупали лишь то, что невозможно было производить дома: покупались желѣзо, соль, деготь, лѣсной матеріалъ, если его не было въ имѣніи, пряности, сухіе плоды, изюмъ, миндаль и т. под., закуски, рыба, если не было рыбной рѣки или озера.

Все покупное очень цѣнилось и тратилось очень экономно. Дворня въ имѣніяхъ этого рода была многочисленна и разнообразна. Среди дворовыхъ нерѣдко были столяры, кузнецы, молотобойцы, портные, сапожники, кучера, далѣе дворецкіе, пекари,

---

*) Кн. Волконскій, «Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ». Рязань, 1898 г.

кондитеры, слесаря, музыканты, псари и штатъ псовой охоты, актеры, повитухи, даже профессіональные дураки. Конечно, не всѣ помѣщики были настолько богаты, чтобы позволять себѣ имѣть подобную многочисленную дворню, но каждую потребность помѣщики стремились удовлетворить по возможности при помощи труда своихъ крѣпостныхъ.

Но такъ какъ всѣ многочисленныя и постоянно растущія потребности не могли всетаки удовлетворяться исключительно натуральнымъ оброкомъ, то помѣщики увеличивали барщинныя запашки.

Распространеніе образованности въ Россіи, усилившіяся сношенія съ западомъ и расширеніе потребностей помѣщиковъ, какъ результатъ этихъ явленій, должны были смягчать нравы господъ, съ одной стороны, а съ другой, увеличивать экономическую эксплуатацію крестьянъ. Ростъ потребностей и ихъ разнообразіе приводили къ необходимости большую часть предметовъ, необходимыхъ для удовлетворенія этихъ потребностей, покупать на рынкѣ. Это вело къ необходимости повышать доходъ съ имѣнія, чтобы имѣть возможность выставлять на рынокъ продукты собственнаго хозяйства. Сельское хозяйство стало вестись не исключительно для производства продуктовъ, нужныхъ для *самого* помѣщика, а часть продуктовъ уже шла на *рынокъ*, чтобы при помощи продажи ихъ добыть нужныя для помѣщика деньги. Засѣвалось не то, что было нужно для *помѣщика,* не всего понемногу, какъ при натуральномъ хозяйствѣ, а хозяинъ приноравливался *къ спросу на рынкѣ* на тотъ или другой продуктъ и *къ свойствамъ почвы* въ своемъ имѣніи. Въ нечерноземныхъ губерніяхъ чаще отпускали крестьянъ на оброкъ, чѣмъ увеличивали барщинную запашку. Въ южныхъ же губерніяхъ, по преимуществу черноземныхъ, переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному приводилъ къ постепенному увеличенію барщинной запашки. Выступленіе сельскаго хозяйства на рынокъ характеризуется также введеніемъ культуръ, наиболѣе пригодныхъ для данной почвы, такъ что въ Вологодской губ. перестали сѣять пшеницу, а на черноземѣ ленъ. Впрочемъ это улучшеніе въ сельскомъ хозяйствѣ нарушалось нерѣдко требованіями рынка: если, напримѣръ, на рынкѣ требовалась пшеница, то хотя бы данная почва была пригоднѣе для какой-либо другой культуры, помѣщикъ принужденъ былъ вводить въ сѣвооборотъ пшеницу. Развитіе сельскаго помѣщичьяго денежнаго хозяйства въ крѣпостное время затруднялось и отсутствіемъ удобныхъ путей сообщенія. Гакстгаузенъ, внимательно наблюдавшій хозяйственную жизнь Россіи въ 40-хъ годахъ, говоритъ: *„Главнѣйшая потребность Россіи заключается въ улучшенныхъ путяхъ сообщенія“* *). „Россія, продолжаетъ онъ, пред-

*) Курсивъ Гакстгаузена.

ставляетъ обширную равнину, которой лучшія внутреннія губерніи удалены отъ моря, которой необильныя рѣки $^3/_4$ года несудоходны, дороги въ дождливое время непроѣзжаемы, шоссейныхъ дорогъ не существуетъ, о желѣзныхъ дорогахъ не начинаютъ думать" *). Какъ извѣстно, первая желѣзная дорога въ Россіи была открыта только незадолго до отмѣны крѣпостного права. Помѣщики въ силу этого никогда не могли разсчитывать на своевременную доставку хлѣба, что очень затрудняло торговые обороты. Слѣдствіемъ плохихъ путей сообщенія были рѣзкія колебанія хлѣбныхъ цѣнъ, нарушавшія разсчеты хозяевъ. При плохихъ путяхъ сообщенія цѣны сильно повышались и понижались въ зависимости отъ степени урожая и удаленности отъ рынка. Въ 1843 году въ Петербургской губ., напр., хлѣбъ былъ въ 5 разъ дороже, чѣмъ въ Курской (съ равномѣрнымъ урожаемъ). Въ 1845 г. въ то время, какъ въ Курской губерніи цѣна ржи равнялась 1 р. 50 к., въ Псковской же губерніи, на разстояніи 600 или 700 верстъ, цѣна доходила до 14 и 15 р. сер. **). По доставленнымъ Гакстгаузену свѣдѣніямъ, въ Харьковской губерніи „цѣна на хлѣбъ, смотря по тому, хороши или дурны дороги, близка или судоходна рѣка, разнится въ мѣстахъ, отстоящихъ другъ отъ друга на 50 верстъ, больше чѣмъ на половину" ***). Близость рынка для сбыта сельскихъ продуктовъ дѣлала, по указанію того же Гакстгаузена, чрезвычайно выгоднымъ занятіе земледѣліемъ около Одессы. Ему указывали, что, „если около Кіева 500 крестьянъ доставляютъ доходъ въ 20,000 руб. асс., то то же количество крестьянъ около Одессы дастъ 80,000 руб. асс. ****).

Затрудненіе, въ которое ставились помѣщики, занимавшіеся сельскимъ хозяйствомъ, облегчалось до извѣстной степени существованіемъ крѣпостного права. При паденіи хлѣбныхъ цѣнъ, помѣщикъ, не будучи вынужденъ продавать хлѣбъ, хотя бы за безцѣнокъ, лишь бы расплатиться съ вольнонаемными рабочими, могъ выжидать повышенія цѣнъ. Это замѣтилъ баронъ Гакстгаузенъ, говоря о Харьковской губерніи: „въ этихъ хлѣбородныхъ мѣстностяхъ помѣщики ни подъ какимъ видомъ не продаютъ своего хлѣба въ урожайные годы и въ большинствѣ случаевъ запрещаютъ продажу его и своимъ крестьянамъ. Поэтому въ такіе годы огромныя массы хлѣба не поступаютъ на рынокъ, и цѣны на него не падаютъ до minimum'а. Въ неурожайный годъ помѣщики и ихъ крестьяне продаютъ хлѣбъ по высокимъ цѣнамъ, и этимъ предотвращается голодъ" *****). Такъ, въ 1831, 32 и 33 неурожайные годы Тамбовская губернія не только удовлетво

*) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 413.

**) П. Б. Струве. Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ Россіи въ XIX вѣкѣ. Міръ Божій, 1899 г., кн. 12, стр. 280.

***) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 430.

****) Ibid., т. II, стр. 432.

*****) Ibid., т. I, стр. 430.

рила всѣмъ потребностямъ изъ запасовъ своихъ прежнихъ хорошихъ лѣтъ, но и продала въ сѣверныя и южныя губерніи болѣе 10 милліоновъ четвертей по такимъ высокимъ цѣнамъ, которыя обогатили помѣщиковъ, крестьянъ и купцовъ и подняли цѣнность земли на 50% *). Кромѣ возможности выжидать поднятія цѣнъ, была и другая выгода существованія крѣпостного права для помѣщиковъ, при плохихъ путяхъ сообщенія. При наемномъ трудѣ помѣщикамъ пришлось бы тратить массу денегъ на доставку сельскихъ продуктовъ на рынки. Но доставляя помѣщикамъ оружіе для борьбы съ низкими цѣнами, крѣпостное право въ то же время способствовало и пониженію ихъ до minimum'a. „Не имѣя возможности разсчитать, во сколько ему самому обошлось производство хлѣба (именно, во что обходится трудъ крѣпостныхъ), говоритъ Кавелинъ, помѣщикъ не въ состояніи опредѣлить и низшей наименьшей цѣны, ниже которой нельзя ему продать хлѣбъ, не получивъ убытка, и потому наибольшая часть помѣщиковъ сообразуется только съ торговыми цѣнами и своими потребностями" **).

Низкія цѣны вызывались и указанною въ цитованной выше статьѣ г. Струве недостаточностью внутренняго и внѣшняго рынка для сельскаго производства. По разсчетамъ статистиковъ дореформеннаго хозяйства, обыкновенный ежегодный урожай разнаго хлѣба въ Россіи составлялъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ до 250 милліоновъ четвертей. Изъ этого количества обращалось:

на продовольствіе земледѣльческаго населенія	132	милл.
„ „ городского населенія и войска	18	„
„ винокуреніе	10	„
„ обсѣмененіе	60	„
Итого	220	милл.

Значитъ, при среднемъ урожаѣ ежегодный остатокъ могъ простираться до 30 милліоновъ четвертей. Между тѣмъ въ 1845—1853 г. заграницу среднимъ числомъ отпускалось около $5^1/_2$ милліоновъ четвертей или только $^1/_6$ всего средняго производимаго излишка ***).

Подневольный трудъ, необходимость заботиться о продовольствіи крестьянъ также могли затруднять помѣщиковъ, хотя съ этимъ они кое-какъ справлялись. Всѣ эти причины должны были значительно тормозить переходъ помѣщичьихъ хозяйствъ къ типу чисто денежныхъ. Тѣмъ не менѣе попытки перехода къ

*) Ibid., стр. 413.
**) Кавелинъ, т. II, стр. 27.
***) П. Б. Струве, Основные моменты въ разв. крѣпостного хозяйства, «Міръ Божій», кн. 12, стр. 278—279.

болѣе интенсивному сельскому хозяйству, приноровленному къ сбыту продуктовъ на рынкѣ, всетаки встрѣчались.

О развитіи денежнаго хозяйства можно судить по росту внутренней и внѣшней торговли сельскими продуктами. О внутренней торговлѣ хлѣбомъ въ нашемъ распоряженіи нѣтъ данныхъ; что же касается торговли внѣшней, то цифры оффиціальной таможенной статистики указываютъ съ несомнѣнностью, что въ первой половинѣ текущаго столѣтія торговля собственно хлѣбомъ всюду, за исключеніемъ Персіи и Азіатской Турціи, возросла; особенно торговля съ Европою. Вывозъ хлѣба на рынокъ сталъ замѣтно рости съ 40-хъ годовъ и особенно съ начала 50-тыхъ. Конечно, этотъ хлѣбъ поставлялся не исключительно помѣщиками. На рынокъ вывозили хлѣбъ и крестьяне помѣщичьи, государственные, удѣльные, но помѣщики, въ виду большаго количества земли у нихъ въ рукахъ, поставляли и большую часть этого хлѣба. Ростъ хлѣбной торговли повліялъ до нѣкоторой степени и на измѣненіе въ системѣ веденія сельскаго хозяйства. Помѣщики, вмѣсто производства почти исключительно для себя, вывозятъ все больше и больше сельскихъ продуктовъ на рынокъ. О состояніи внутренняго рынка у насъ, какъ уже упомянуто выше, нѣтъ систематическихъ данныхъ; имѣются, однако, указанія, что внутренній рынокъ имѣлъ большее значеніе для торговли сельскими продуктами, чѣмъ внѣшній. Такъ, А. Семеновъ (въ книгѣ своей „Изученіе историческихъ свѣдѣній о внѣшней торговлѣ и промышленности съ половины XVII ст. по 1858 г.“) указываетъ на невыгоды внѣшней торговли сельскими продуктами. Прежде всего „большій или меньшій вывозъ хлѣба зависитъ отъ состоянія урожая за границею“ (стр. 310). Большій урожай понижаетъ спросъ, меньшій повышаетъ, такъ что эти колебанія дѣлаютъ невозможными для сельскихъ хозяевъ правильные разсчеты въ хозяйствѣ. Хлѣбной торговлѣ, по указанію Семенова, мѣшаетъ также соперничество Америки, Египта и Турціи (для пшеницы и кукурузы), въ сбытѣ др. сельскихъ продуктовъ др. страны. Кромѣ того заграничное требованіе простирается больше на пшеницу, слѣдовательно, на такого рода хлѣбъ, который въ средней полосѣ Россіи мало производится... Отпускъ пшеницы подверженъ случайностямъ войны, установленія таможенныхъ пошлинъ въ иностранныхъ государствахъ на привозный хлѣбъ; самая отдаленность нашихъ приморскихъ городовъ отъ заграничныхъ рынковъ замедляетъ отпускъ хлѣба въ иностранныя государства *). Между тѣмъ внутреннимъ губерніямъ въ виду отдаленности отъ рынковъ для заграничнаго отпуска хлѣба, заграничная торговля представляетъ менѣе выгодъ, чѣмъ сбытъ хлѣба внутри государства. Семеновъ особенно сильно напираетъ на значеніе для внутренняго рынка

*) Семеновъ, стр. 306.

именно сѣверныхъ промысловыхъ губерній. Принимая въ общемъ, что заграничный отпускъ равняется 5 милліонамъ четвертей хлѣба, Семеновъ считаетъ, что на внутренній рынокъ поставляется ежегодно до 40 мил. четв. хлѣба, т. е. въ 8 разъ больше, чѣмъ на внѣшній. Другія сельскія произведенія, по его словамъ, также сбываются главнымъ образомъ на внутреннемъ рынкѣ. Если даже принять половину его цифры, все же очевидно, что значеніе внутренняго рынка для сельскихъ хозяевъ, сравнительно съ внѣшнимъ,—было очень велико. Главными потребителями хлѣба, идущаго въ промысловыя губерніи, были оброчные крестьяне этихъ губерній. Отъ степени ихъ благосостоянія зависѣлъ и ростъ этого рынка, а тормазомъ для развитія этого благосостоянія было крѣпостное право. Такимъ образомъ сельскіе хозяева хлѣбороднаго района были въ извѣстной степени заинтересованы въ благосостояніи промысловыхъ губерній, а, насколько это благосостояніе связано было съ крѣпостнымъ правомъ, и въ паденіи послѣдняго. Слѣдовательно самый ростъ сельскаго хозяйства могъ до извѣстной степени доводить сельскихъ хозяевъ до сознанія выгодъ отмѣны крѣпостного права, если не въ ихъ губерніяхъ, то, по крайней мѣрѣ, въ промышленныхъ. Конечно, такое сознаніе могло явиться лишь у очень развитыхъ хозяевъ, способныхъ оцѣнивать выгоды и невыгоды положенія, откинувъ различныя традиціи, привязанность къ крѣпостному праву, и при томъ у хозяевъ, перешедшихъ уже къ исключительно денежному хозяйству. Такихъ хозяевъ не могло быть много.

Всѣ указанныя выше затрудненія помѣщичьяго сельскаго хозяйства вели къ тому, что обратились къ промышленнымъ предпріятіямъ, для переработки сельскихъ сырыхъ продуктовъ въ такіе, которые могли получить болѣе легкій сбытъ на рынкѣ. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, преимущественно на юго-западѣ, помѣщики, разводя свеклу, устраивали свеклосахарные заводы, въ другихъ, сѣверныхъ, по преимуществу, получили развитіе винокуренные заводы, распространились также суконныя фабрики и иныя т. под. заведенія.

Отсутствіе хорошихъ путей сообщенія вызывало и другія явленія въ сельско-хозяйственной практикѣ помѣщиковъ. Необходимость доставлять хлѣбъ хотя бы на ближайшіе рынки заставляла помѣщиковъ увеличивать извозную повинность. Такъ Самаринъ указываетъ, что по справкамъ, наведеннымъ въ имѣніяхъ Московской, Тульской и Рязанской губерній „почти постоянно, особенно, если въ теченіе послѣднихъ 60-ти лѣтъ имѣніе нѣсколько разъ переходило изъ рукъ въ руки, гдѣ съ тягла ставилась прежде одна подвода, тамъ теперь ставятъ двѣ, три и больше“ *). Насколько была велика разница въ отношеніи извозной повинности

*) Самаринъ т, II стр. 60.

при натуральномъ хозяйствѣ и денежномъ, приноровленномъ къ производству на рынокъ, видно изъ брошюры кн. Волконскаго. Помѣщикъ Колобовъ не прибѣгалъ къ увеличенію извозной повинности и предполагалъ продавать хлѣбъ дома, хотя бы и за болѣе дешевую цѣну. Этимъ онъ снискалъ себѣ среди крестьянъ большую популярность. Помѣщикъ Тепловъ въ Орловской губ., съ цѣлью освободить крестьянъ отъ обременительной извозной повинности, стремился развить мелочную торговлю хлѣбомъ на мѣстѣ; на такое рѣшеніе вліяло и то обстоятельство, что „мелочныя мѣстныя цѣны бываютъ выгоднѣе" *). Помѣщикъ Рязанской губ. Семеновъ такъ цѣнилъ подводную повинность, что въ своемъ имѣніи онъ, за вывозъ на разстояніе 350 в. сверхъ 156 положенныхъ пудовъ еще 26 п. на тягло, брался уплатить всѣ казенныя и земскія повинности и принять на свой счетъ обмундировку и отдачу рекрутъ въ тотъ годъ, въ который придется очищать рекрутскую повинность, если только повинности не будутъ превышать 4 р. сер. Интересно, что въ XVIII вѣкѣ 1 подвода на разстояніи 270 верстъ цѣнилась только въ 1 р. 50 к. „Подводная повинность считалась, говоритъ кн. Волконскій, самою тяжелою и подчасъ обращалась для крестьянъ въ настоящую зимнюю страду" **). Помѣщикъ Семеновъ въ своемъ руководствѣ, которое, по словамъ кн. Волконскаго, можно признать типичнымъ для условій среднихъ помѣщичьихъ хозяйствъ Рязанской губерніи—считаетъ на подводную повинность 2,603 мужскихъ дней при 5,230 лошадяхъ (въ имѣніи 283 р. д. м. п.). Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, какъ видно изъ примѣчаній въ Приложеніяхъ къ Трудамъ Редакціонныхъ коммиссій, помѣщики давали крестьянамъ, для облегченія тяжелой извозной повинности, землю или извѣстное количество возовъ сѣна. Въ Рязанской губ. вывозкою хлѣба занимались государственные крестьяне и оброчные, такъ какъ иногда помѣщики были не въ состояніи вывезти весь хлѣбъ на рынокъ при помощи собственныхъ крестьянъ. Вмѣстѣ съ переходомъ къ денежному хозяйству, росли и помѣщичьи запашки. Помѣщики начинали все болѣе и болѣе цѣнить землю. Необходимость отвода части земли крестьянамъ стѣсняла ихъ, а потому у нихъ являлось стремленіе уменьшить количество крестьянской земли. Какъ было указано выше, въ 20 разсмотрѣнныхъ губерніяхъ, тамъ, гдѣ преобладалъ процентъ барщинныхъ крестьянъ, общее количество земли, предоставленное въ пользованіе крестьянъ, упало въ XIX вѣкѣ сравнительно съ XVIII до половины и менѣе всей господской удобной земли. Объ увеличеніи барщинной запашки свидѣтельствуютъ современники. Заблоцкій-Десятовскій указываетъ, что въ черноземныхъ губер-

*) Тепловъ, Опытъ улучшенія быта крестьянъ, стр. 216. Москва, 1870 г.
**) Кн. Волконскій стр. 142.

ніяхъ въ 40 гг., крестьяне обработывали на помѣщика болѣе, чѣмъ на себя. Такъ, въ Саратовской губерніи въ имѣніи кн. К. каждое тягло должно было обработать болѣе 21 дес., изъ которыхъ лишь 7 десятинъ обработывало на себя. Въ Нижегородской губ. въ имѣніи г-жи Пр—вой, „крестьяне, обработывая на себя по 740 дес., помѣщику обработывали 900 десятинъ и т. д.“ *).

Уменьшеніе среднихъ крестьянскихъ надѣловъ въ XIX вѣкѣ сравнительно со среднимъ надѣломъ въ XVIII было уже отмѣчено выше. Въ отдѣльныхъ имѣніяхъ надѣлъ сокращался иногда до невозможности существовать съ него крестьянамъ. Самаринъ указывалъ, что крестьянскія поля сокращаются до послѣдней возможности и лучшія земли отходятъ подъ господскую запашку; при обмежеваніяхъ особенно часто происходятъ невыгодные для крестьянъ обмѣны; отъ нихъ нерѣдко отрѣзывается земля безъ всякаго вознагражденія **). Съ точки зрѣнія эгоистическихъ разсчетовъ помѣщиковъ вполнѣ понятно стремленіе ихъ сократить крестьянскіе надѣлы до того, чтобы сборъ съ даваемаго количества земли только-только покрывалъ потребности крестьянъ. Съ цѣлью не увеличивать количество крестьянской земли, помѣщики переставали прирѣзать землю на вновь прибывавшія тягла при увеличеніи населенія, а заставляли крестьянъ передѣляться. Особенно замѣтно было это въ 30-хъ гг., какъ указываетъ Заблоцкій-Десятовскій, въ малоземельныхъ имѣніяхъ. Въ многоземельныхъ прирѣзки еще могли совершаться безъ большого ущерба для помѣщиковъ. Въ связи съ этимъ можно поставить запрещеніе раздѣловъ семей. При раздѣлахъ необходимы раздѣлы земли или новая прирѣзка ея. Послѣднее было невыгодно для помѣщика, а первое уменьшало рабочую силу крестьянскаго тягла. По этому помѣщики мѣшали раздѣламъ, такъ что получались иногда громадныя семьи, доходящія до 27 и 40 человѣкъ ***). Но отнимая землю у крестьянъ, уменьшая крестьянскіе надѣлы, помѣщикъ былъ все же ограниченъ въ экономической эксплуатаціи крестьянъ отвѣтственностью за ихъ продовольствіе. Съ этою цѣлью помѣщики прибѣгали къ общественнымъ запашкамъ, заводили запасные магазины, куда ссыпали хлѣбъ, собранный ими на подобныхъ запашкахъ или при помощи особыхъ сборовъ съ крестьянъ. Въ неурожайные годы хлѣбъ выдавался крестьянамъ изъ этихъ магазиновъ. Иногда помѣщики заставляли ссыпать въ особые амбары хлѣбъ, собранный съ крестьянской земли, и лично выдавали его крестьянамъ по мѣрѣ надобности. Такой именно способъ рекомендуетъ Семеновъ въ своемъ „Руководствѣ“ ****). Это дѣлалось,

*) Заблоцкій-Десятовскій. т. IV, стр. 277.
**) Самаринъ, т. II, стр. 60.
***) Заблоцкій-Десятовскій, т. IV, стр. 306.
****) Брошюра кн. Волконскаго.

конечно, съ цѣлью больше регламентировать расходы по имѣнію. Въ этомъ смыслѣ интересенъ договоръ кн. Гагариной съ крестьянами Херсонской губ. при переводѣ ихъ въ обязанные (въ 1846 г.). Аккуратная уплата казенныхъ податей обезпечивалась по договору общественною запашкою, причемъ каждый хозяинъ обязывался обработать по $^1/_2$ десятины; доходъ съ общественнаго поля поступалъ въ кассу для выдачи заимообразно денегъ изъ $5^0/_0$, а вдовамъ, калѣкамъ и дѣтямъ до вступленія въ хозяйство и безъ возврата. Деньги, хранящіяся въ общественной кассѣ, употребляются на немедленную помощь въ несчастныхъ случаяхъ, на лѣченіе въ больницѣ, на содержаніе пожарныхъ инструментовъ. Въ запасный магазинъ каждый хозяинъ обязанъ былъ вносить опредѣленное количество хлѣба *). Нѣкоторые помѣщики, какъ указываетъ Самаринъ, отбирали у своихъ крестьянъ послѣ уборки хлѣба сѣмена для будущаго посѣва и держали ихъ у себя; запрещали имъ безъ дозволенія конторы занимать деньги, продавать что-либо изъ своего имущества, назначали крестьянамъ, отпуская ихъ на заработки, куда имъ идти, условливались за нихъ съ подрядчиками, принимали отъ подрядчиковъ заработанныя деньги, выдавая ихъ крестьянамъ по мѣрѣ надобности и лишь на опредѣленные расходы. Помѣщики въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ разрѣшали крестьянину вступать въ бракъ не раньше, чѣмъ онъ выучится какому-либо мастерству и докажетъ свое умѣніе, выполнивъ на господскомъ дворѣ заданный ему урокъ; этимъ убѣждались, что крестьянинъ можетъ содержать семью. Къ подобнаго же рода мѣропріятіямъ можно отнести и опытъ Вилькинса. Вилькинсъ въ 40-хъ гг. этого столѣтія, ссылаясь на удачный опытъ въ Рязанской губерніи, рекомендовалъ устройство сводныхъ семействъ. Онъ „совѣтовалъ всѣмъ соединять въ одно хозяйство по нѣсколько тягловыхъ, женатыхъ работниковъ, не менѣе 4-хъ. Сведенныя семьи должны жить въ одномъ дворѣ, имѣть одинъ столъ, скотъ, орудія, запасы; словомъ, вся движимость должна быть общая. Надъ каждымъ таковымъ хозяйствомъ помѣщикъ назначаетъ начальника, который полновластно распоряжается всѣми рабочими силами своднаго хозяйства, какъ на барщинѣ, такъ и у себя дома, отвѣчаетъ за успѣшность работъ, за нравственность своихъ подчиненныхъ и, наконецъ, распоряжается ихъ дѣтьми, какъ своими собственными“ **). Впрочемъ самъ Вилькинсъ замѣчаетъ, что мужики съ неохотою примутъ такое нововведеніе. Вилькинсъ желалъ повысить интенсивность труда бо́льшимъ контролемъ надъ крестьянами. Отвѣтственный начальникъ изъ крестьянъ могъ лучше услѣдить за своими подчиненными, чѣмъ самъ по-

*) Крестьянскій вопр. В. И. Семевскаго, т. II, стр. 99.
**) Самаринъ, т. II, стр. 53—54.

мѣщикъ. Здѣсь надзоръ былъ учрежденъ за всею жизнью крестьянина. Издѣльный крестьянинъ хотя въ избѣ могъ чувствовать себя свободнымъ отъ надзора господина; въ такихъ же имѣніяхъ крестьянинъ постоянно, днемъ и ночью, находился бы подъ строгимъ надзоромъ.

Какъ на слѣдствіе увеличенія цѣнности земли для помѣщика и стремленія увеличить господскую запашку, необходимо также указать на очень интересное явленіе, которое наблюдается еще въ XVIII вѣкѣ и учащается въ XIX в. Это, такъ называемая, мѣсячина. Въ такихъ случаяхъ помѣшики отнимали отъ крестьянъ землю и давали взамѣнъ крестьянамъ и ихъ семействамъ жилище и полное содержаніе круглый годъ; землю же обработывали мѣсячники собственными орудіями помѣщика. Такіе крѣпостные работали на помѣщика цѣлую недѣлю. Въ XVIII вѣкѣ мѣсячина была еще рѣдкимъ явленіемъ *). Въ XIX в. переводъ крестьянъ въ мѣсячники участился. Но по свѣдѣніямъ редакціонной коммиссіи въ Великороссіи и передъ самою реформою мѣсячина составляла рѣдкое исключеніе; наоборотъ, въ Малороссіи обезземеливаніе крестьянъ производилось въ большихъ размѣрахъ **). Самаринъ говоритъ объ этомъ такъ: „мѣсячники, кажется, появились прежде всего въ Бѣлоруссіи и Малороссіи; теперь же они попадаются во многихъ губерніяхъ, даже въ многоземельныхъ, какъ, напр., Оренбургской и Симбирской, притомъ всегда въ самыхъ мелкихъ имѣніяхъ“ ***). Чаще всего такіе переводы совершались въ мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ, такъ какъ тамъ чаще могъ встрѣчаться недостатокъ въ землѣ. Заблоцкій-Десятовскій указываетъ, что въ Рязанской губерніи, гдѣ особенно много мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, имѣющихъ по нѣскольку десятковъ душъ, переводы на мѣсячину часты. ****). Точно также и Ю. Ѳ. Самаринъ, отмѣчая постепенное увеличеніе съ 1830 г. количества мѣсячниковъ, указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ на зависимость этого явленія отъ дробленія имѣній: гдѣ наиболѣе дробятся имѣнія, тамъ наиболѣе размножаются мѣсячники. Но такіе случаи бывали и въ большепомѣстныхъ имѣніяхъ. Такъ, Заблоцкій-Десятовскій приводитъ въ примѣръ, что въ Тамбовской губерніи крупная помѣщица, княгиня В-ская, перевела всѣхъ своихъ крестьянъ на мѣсячину; крупный помѣщикъ Ж-ъ той же губерніи также перевелъ значительную часть крестьянъ на мѣсячное содержаніе *****). Помѣщикъ Орловской губ., Тепловъ, имѣвшій болѣе 500 душъ крестьянъ, раздѣлилъ ихъ на 5 группъ: 1) мѣсячники, 2) тягловые работники (барщинники), 3 и 4) оброчные, надѣленные землею

*) В. И. Семевскій, Крестьяне при Ек. II, стр. 42.
**) Скребицкій, т. II. стр. 1072.
***) Самаринъ, соч. т. II, стр. 55.
****) Заблоцкій-Десятовскій, т. IV, стр. 279.
*****) Ibid., стр. 280.

и безземельные и 5) нанимающіе землю. Мѣсячники, составлявшіе отъ 1/7 до 1/10 всѣхъ рабочихъ въ имѣніи, работали ежедневно, кромѣ воскресеній, подъ присмотромъ сельскихъ начальниковъ, получали мѣсячное продовольствіе, пищу, одежду и помѣщеніе. Они имѣли кромѣ того овощники и полутягловое количество сѣнокоса для домашняго скота *). Одни мѣсячники находились при постоянномъ дѣлѣ и получали жалованіе; другіе употреблялись только при текущихъ работахъ и не получали жалованія. Мѣсячники не участвовали ни въ какихъ выборахъ общинныхъ начальниковъ, имъ запрещалось даже присутствовать на воскресныхъ сходахъ крестьянъ для обсужденія мірскихъ дѣлъ. Въ разрядъ мѣсячниковъ могли переходить сами крестьяне, сложивъ съ себя тягло; кромѣ того въ бобыли переводили несостоятельныхъ тягловыхъ работниковъ, которымъ міръ отказывался помогать, а сами они не желали воспользоваться безземельнымъ оброкомъ **). Иногда помѣщики употребляли переводъ на мѣсячину, какъ мѣру для того, чтобы всецѣло использовать рабочія силы крестьянъ. Мѣсячники чаще приходили въ соприкосновеніе съ помѣщикомъ, въ силу чего больше зависѣли отъ характера, расположенія духа владѣльца и его капризовъ, чѣмъ издѣльные крестьяне. Они не имѣли своего угла: вся ихъ жизнь проходила на виду у господина. Положеніе мѣсячниковъ близко подходило къ положянію рабовъ. „Мѣсячники, говоритъ объ ихъ состояніи Самаринъ, стоятъ на самомъ рубежѣ между крѣпостнымъ состояніемъ и рабствомъ... Мѣсячнику нѣтъ исхода изъ его положенія и, кромѣ скудно обезпеченнаго содержанія и вѣчнаго труда на другого до истощенія силъ, будущность ему ничего не представляетъ“ ***). Дѣйствительно, желая заставить мѣсячника работать интенсивно, помѣщикъ долженъ былъ учреждать строгій надзоръ, усиливать мѣры наказанія, заставлять работать до изнеможенія силъ. Понятно, какимъ отвратительнымъ продуктомъ крѣпостного права нужно считать мѣсячничество. И, если бы крѣпостное право не было уничтожено, а сельское денежное хозяйство продолжало бы развиваться, то, можетъ быть, мы дождались бы постепеннаго полнаго обращенія крѣпостныхъ въ рабовъ, подъ именемъ мѣсячниковъ.

Необходимость строгаго надзора надъ крѣпостными для повышенія интенсивности ихъ труда составляла больное мѣсто крѣпостного права, заставлявшее многихъ помѣщиковъ еще при Екатеринѣ II задумываться о выгодахъ и преимуществахъ вольнонаемнаго труда передъ барщиннымъ. Въ 1843 г. Вилькинсъ писалъ въ „Земледѣльческомъ Журналѣ“: „кто изъ помѣщиковъ, лично за-

*) Тепловъ, опытъ ул. б. кр., стр. 32.

**) Тепловъ, стр. 70.

***) Самаринъ, т. II, стр. 77—78.

нимавшихся своимъ хозяйствомъ и обработывающихъ землю издѣльными крестьянами, не знаетъ, по собственному опыту, какъ медленно и небрежно исполняются ими барщинскія работы, если нѣтъ за ними внимательнаго и строгаго присмотра“ *). Псковскій помѣщикъ Воиновъ указывалъ въ 1852 г.: „смѣло можно сказать, что въ хорошо управляемыхъ барщинахъ, ³/₄ барщинниковъ отвѣчаютъ и за себя и за другихъ, т. е., что работы утягиваются, по крайней мѣрѣ, на четвертую долю времени“ **). Вялость крѣпостного труда создала даже поговорку о лѣнивомъ работникѣ: „ты работаешь, словно на барщинѣ“ ***). Кавелинъ указываетъ, что у крестьянъ батракъ нанимается за различную плату въ зависимости отъ того, будетъ ли батракъ работать вмѣсто мужика на барщинѣ или у него самого въ полѣ или домѣ: въ первомъ случаѣ берется меньшая плата, чѣмъ во второмъ ****).

Съ малою интенсивностью труда помѣщики боролись различными способами. Объ усиленномъ надзорѣ за крестьянами мы уже говорили. Мы видѣли также, что необходимость большого надзора надъ крѣпостными дѣлала затруднительнымъ веденіе сельскаго хозяйства въ крупныхъ имѣніяхъ, въ которыхъ крестьяне зачастую отпускались на оброкъ. Въ мелкихъ имѣніяхъ такой надзоръ былъ удобенъ, но здѣсь и положеніе крестьянъ было хуже. Съ этимъ неудобствомъ крѣпостного права помѣщики боролись и другими мѣрами. Въ числѣ этихъ мѣръ можно отмѣтить переводъ крестьянъ на урочное положеніе. Самаринъ указываетъ на попытки „подвести крестьянскія повинности подъ опредѣленное урочное положеніе“ *****). Точно также Семеновъ въ своемъ „Руководствѣ“ говоритъ объ обработкѣ земли въ его имѣніи по урокамъ, которые распредѣлены на дни конные, мужскіе и женскіе; за неисполненіе же урока грозило наказаніе. То же явленіе указано Заблоцкимъ-Десятовскимъ въ имѣніи гр. Шереметевыхъ въ Пензенской губерніи: здѣсь всѣ работники работали одну работу на барщинѣ, а другую у себя; на барской работѣ имъ задавались уроки на столько большіе, что крестьяне не успѣвали ихъ кончить и употребляли на это дня по 2 и по 3 изъ своей недѣли ******).

Въ имѣніи Бунина Тамбовской губерніи, „при обыкновенной трехдневной барщинѣ, точно опредѣлялось и предписывалось, что долженъ сдѣлать каждый крестьянинъ: напримѣръ, въ рабочій барщинный день полагалось выпахать ¹/₂ десятины и скосить половину большой десятины ржи или половину казенной десятины

*) Самаринъ, т. II, стр. 37, примѣчаніе.
**) Ibid.
***) Заблоцкій-Десятовскій, т. IV, стр. 327.
****) Кавелинъ, т. II, стр. 14.
*****) Самаринъ, т. II, стр. 37, примѣчаніе.
******) Заблоцкій-Десятовскій, т. IV, стр. 279.

овса или сѣна. Женщина должна была сжать и связать 2 ряда, по 4 крестца въ каждомъ ряду, по 13 сноповъ въ каждомъ крестцѣ *). Въ имѣніи К. В., приводимомъ Повалишинымъ, какъ образецъ нормальнаго хозяйства въ Рязанской губерніи, „вся работа крестьянъ была на строгомъ учетѣ и производилась по урокамъ“ **). Въ иныхъ имѣніяхъ урокъ назначался не по днямъ, а опредѣлялось количество земли, обработать которое долженъ былъ крестьянинъ. Нормальнымъ урокомъ считалась обработка 1—1½ десятинъ въ полѣ съ тягла. У В. Л. Демидова, помѣщика Нижегородской губерніи, который такъ хорошо велъ хозяйство, что однажды къ нему пріѣхалъ директоръ Петровской академіи для ознакомленія съ его хозяйствомъ,—каждый крестьянинъ обязанъ былъ обработать въ пользу помѣщика 1 казенную десятину въ каждомъ изъ 3-хъ полей и ⅓ десятины луга ***).

Какъ видно изъ примѣчаній въ Приложеніяхъ къ Трудамъ Редакціонныхъ Коммиссій, нѣкоторые помѣщики давали крестьянамъ землю сверхъ надѣла „за усердіе“. Это дѣлалось, вѣроятно, также для того, чтобы повысить интенсивность труда крѣпостныхъ. Съ тою же цѣлью нѣкоторые помѣщики, назначая сгонные дни и налагая на крестьянъ излишнія противъ обыкновеннаго работы, давали имъ за это извѣстное количество пашни или сѣнокоса.

Невыгодность обработки земли трудомъ крѣпостныхъ побуждала нѣкоторыхъ помѣщиковъ къ отдачѣ земли своимъ же крѣпостнымъ въ наемъ. Напримѣръ, въ имѣніи князя Васильчикова, въ Воронежской губерніи, крестьяне не несли барщинныхъ и оброчныхъ повинностей, а платили за количество десятинъ земли, которую снимали отъ помѣщика на тѣхъ же правилахъ и правахъ, какъ отдается земля въ арендное содержаніе постороннимъ лицамъ ****). Въ имѣніи Загоскина, Владимірской губерніи, въ 1853 году, по добровольному соглашенію съ крестьянами, была уничтожена барщина. Крестьяне, въ количествѣ 80 тяголъ, приняли помѣщичью землю въ видѣ аренды *****). Въ имѣніи князя Лобанова-Ростовскаго, Орловской губерній, вся земля отдавалась съ торговъ въ наемъ своимъ или сосѣднимъ крестьянамъ; своимъ было предоставлено право, при уплатѣ 5 руб. за десятину усадебной и огородной земли, не допускать ее до торговъ ******). Упоминавшійся уже помѣщикъ Тепловъ указываетъ, что „самые сильные оброчные въ послѣдніе

*) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 401.

**) Труды Рязанской Археологич. Ком. 1899 г. т. XIV, вып. I, статья Повалишина, стр. 30.

***) Н. Демидовъ: Историческій очеркъ Василь-Сурскаго уѣзда Нижегородской губерніи. Нижній-Новгородъ, 1884 г.

****) Приложенія къ Трудамъ Редакціонныхъ Коммиссій, т. I, Бобровскій уѣздъ. № 28.

*****) Ibid., т. I, Покровскій уѣздъ, № 10.

******) Ibid., т, II, Дмитровскій уѣздъ, № 2.

годы передъ эмансипацiею стали снимать у него землю на 9-лѣтнiй срокъ. Еще въ 1851 г. въ селѣ Молодовомъ былъ введенъ обычай пятую часть неудобренныхъ господскихъ полей отдавать въ наемъ подесятинно и подъ одинъ урожай. Такими наймами пользовались оброчные и издѣльные крестьяне вмѣстѣ съ посторонними. Десятилѣтнiй срокъ далъ наемщикамъ возможность удабривать нанимаемую землю и приблизилъ ихъ въ этомъ отношенiи къ фермерамъ, не смотря на разбросанность нанимаемыхъ ими полевыхъ участковъ" *).

Нѣкоторые помѣщики считали для себя выгоднѣе отдавать землю крестьянамъ за половину урожая. Такъ поступалъ, между прочимъ, вышеназванный помѣщикъ Рязанской губернiи, Семеновъ, отдававшiй крестьянамъ половину картофеля съ поля, обработываемаго ими сверхъ барщины. Въ имѣнiи Филиппова, Тамбовской губернiи, ненаселенная земля, имѣющаяся при имѣнiи въ количествѣ 1126 десятинъ, обработывалась крестьянами исполу и отдавалась за деньги **). Въ среднихъ по величинѣ имѣнiяхъ, для хорошаго обезпеченiя крестьянъ землею, такъ чтобы они не бѣдствовали и не требовали постоянной помощи отъ владѣльца, помѣщики большею частью должны были давать половину земли крестьянамъ. Такъ, Семеновъ въ „Руководствѣ", желая устроить образцовое имѣнiе, чтобы крестьяне были обезпечены (ровно на столько, чтобы имъ хватало средствъ въ обрѣзъ), дѣлитъ землю между ними и собою почти поровну. Такимъ образомъ, въ этихъ случаяхъ отдача въ обработку крестьянамъ своей половины не могла особенно вредить помѣщику, строившему свои разсчеты не на грубой эксплуатацiи крестьянъ, онъ могъ только выиграть, такъ какъ крестьяне были сами непосредственно заинтересованы въ хорошемъ урожаѣ.

Къ мѣрамъ, имѣвшимъ цѣлью повысить интенсивность крѣпостного труда, можно отнести и попытки артельныхъ организацiй сельскаго хозяйства въ крѣпостное время. Помѣщикъ Стремоуховъ еще въ 1829 г. въ „Земледѣльческомъ Журналѣ" описывалъ устройство хозяйства въ его селѣ Миловидовѣ, Сумскаго уѣзда. Помѣщичье и крестьянское хозяйство „были соединены вмѣстѣ и, подъ руководствомъ помѣщика, ввѣрены надзору крестьянскаго общества, при условiи равенства въ раздѣлѣ семейныхъ участковъ. Вся обработка производилась на счетъ владѣльца изъ половины доходовъ, но и при этомъ доходъ хозяина былъ выше, чѣмъ при прежнемъ раздѣльномъ хозяйствѣ, благодаря взаимному наблюденiю и надзору барскаго „дружиннаго". Двѣ дружины или сохи составляли посадъ, подчиненный „посадскому", и 3 посада—

*) Тепловъ, Опытъ ул. б. кр., стр. 35.

**) Приложенiя къ Трудамъ Редакцiонныхъ Коммиссiй, т. III, Тамбовскiй уѣздъ, № 132.

вотчину, подчиненную „вотчинному старшинѣ". Скотный дворъ былъ общественнымъ" *). Другой помѣщикъ, Жуковъ, въ своемъ имѣніи Балашовскаго уѣзда образовалъ изъ своихъ крестьянъ „дружину". Онъ посадилъ часть крестьянъ на мѣсячину по ихъ дворамъ и производилъ обработку земли артельнымъ трудомъ. Попытка была, видимо, удачна, такъ какъ въ 1848 г. Жуковъ купилъ себѣ еще имѣніе въ Московской губ. **). Фонъ-Визинъ указываетъ въ своей запискѣ (1842 г.) на артельное устройство въ имѣніи одного купца, купившаго его на имя дворянина. Господская и крестьянская земля соединены вмѣстѣ, и поля обработывались міромъ подъ наблюденіемъ купца и по его распоряженіямъ; урожай послѣ молотьбы, за вычетомъ сѣмянъ, дѣлился пополамъ между владѣльцемъ и крестьянами; такъ же поступали съ сѣномъ. Въ свободное отъ полевыхъ занятій время крестьяне могли заниматься различными промыслами. Фонъ-Визинъ свидѣтельствуетъ, что устроенное такимъ образомъ имѣніе достигло цвѣтущаго состоянія ***). Вглядываясь въ такія попытки, можно сказать, что онѣ были бы наилучшею для крестьянъ организаціею крѣпостного помѣщичьяго хозяйства. Здѣсь хотя личность крестьянина была свободна отъ постояннаго надзора и соприкосновенія съ помѣщикомъ, меньше было повода для помѣщика слѣдить за каждымъ шагомъ крестьянина. Но при недобросовѣстномъ отношеніи помѣщика при назначеніи количества работы, засѣвѣ поля, дѣлежѣ урожая, крестьянинъ могъ быть еще болѣе раззоренъ, такъ какъ онъ напрягалъ при артельной работѣ всѣ свои силы, а могъ получить еще меньше, чѣмъ при барщинной системѣ помѣщичьяго хозяйства. Такимъ образомъ, помѣщичій соціализмъ могъ принести новое горе и раззореніе крестьянину; не даромъ крестьяне съ неохотою соглашались на такую систему хозяйства.

Хотя въ вопросѣ о пригодности вольнонаемнаго труда въ сельскомъ хозяйствѣ мнѣнія современниковъ сильно расходились, такъ что иные говорили, что крѣпостной трудъ полезнѣе (Н. Н. Муравьевъ), такъ какъ онъ даровой, другіе же доказывали противное,—но тѣмъ не менѣе тогда уже появлялись личности, съ успѣхомъ примѣнявшія вольный трудъ къ обработкѣ земли. Это были преимущественно купцы, не имѣвшіе права владѣть населенными имѣніями, причемъ они, если имѣли въ распоряженіи рабочихъ, получали даже большій доходъ, чѣмъ помѣщики. Заблоцкій-Десятовскій разсказываетъ, что помѣщикъ (современникъ его) X—въ имѣлъ населенное имѣніе, сдававшееся въ аренду купцу. Послѣдній обработывалъ его наемнымъ трудомъ и получалъ отъ 15—20% чистаго дохода, между тѣмъ какъ обыкновенный доходъ

*) Докладъ г. Струве. «Р. Вѣд.», 1898 г. № 281.
**) Ibid.
***) В. И. Семевскій, Крестьянскій вопросъ, т. II, стр. 89.

помѣщичьяго имѣнія=8—10%. Высокій доходъ объясняется наличностью въ той мѣстности бѣдныхъ однодворцевъ, которые работали у купца за дешевую плату. Но и безъ нихъ, по мнѣнію Заблоцкаго-Десятовскаго, доходъ не могъ бы быть ниже дохода съ заселенныхъ имѣній *). Въ Новороссіи колонисты обработывали землю наемными работниками; въ губерніяхъ: Воронежской, Тамбовской и Саратовской, во времена Заблоцкаго-Десятовскаго, т. е. въ 30-хъ гг., было много купцовъ, ведшихъ сельское хозяйство съ вольными работниками **). То же указываетъ баронъ Гакстгаузенъ относительно Тамбовской ***) и Харьковской ****) губерній. Въ послѣдней купцы-землевладѣльцы, обыкновенно, держали своихъ лошадей, имѣли свои орудія, телѣги и т. д. и нанимали рабочихъ только на время обработки полей и уборки. Эти факты были, повидиму, нерѣдки.

Быть можетъ, распространеніе хозяйствъ съ вольнонаемными работниками, съ которыми должны были конкуррировать помѣщичьи хозяйства, заставляло владѣльцевъ послѣднихъ еще болѣе эксплуатировать своихъ крестьянъ. Во всякомъ случаѣ, хозяйства съ вольнонаемнымъ трудомъ успѣшно существовали въ 30-хъ годахъ, а слѣдовательно, конкуррировали съ пользовавшимися крѣпостнымъ трудомъ. Распространеніе подобныхъ хозяйствъ могло имѣть то значеніе, что помѣщики яснѣе видѣли возможность выгоды и для нихъ отъ эмансипація крестьянъ.

Нѣкоторые помѣщики уже и въ то время, какъ видно изъ примѣчаній въ Приложеніяхъ къ Тр. Ред. Ком., обработывали собственныя земли наемными рабочими. Встрѣчались имѣнія, гдѣ всѣ крестьяне отпускались на оброкъ, а господская запашка обработывалась наймомъ.

Изъ приведенныхъ выше данныхъ видно, что количество земли у барщинныхъ крестьянъ должно было быть крайне различно. Начиная отъ полныхъ мѣсячниковъ, которыхъ было особенно много въ Малороссіи, отъ безземельныхъ батраковъ въ Малороссіи и Бѣлоруссіи, можно встрѣтить крѣпостныхъ, имѣвшихъ надѣлы, приближавшіеся по величинѣ къ средней цифрѣ для 18 вѣка.

Среднія цифры для южныхъ черноземныхъ губерній, какъ указано было выше, колебались отъ 3,79 дес. до 2,48 дес. удобной земли на 1 рев. м. п. душу; въ нечерноземныхъ губерніяхъ душевой надѣлъ колебался между 8,68 и 2,86 дес. Были и меньшіе надѣлы, были и большіе, вродѣ 60 дес. на тягло въ мызѣ Карловкѣ граф. Разумовской, въ Полтавской губ. (въ 20-хъ годахъ). Тенденція-же въ развитіи помѣщичьихъ хозяй-

*) Заблоцкій-Десятовскій, т. IV, стр. 283.
**) Ibid.
***) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 394.
****) Ibid., стр. 433.

ствахъ наблюдалась въ сторону обеззмеленія крестьянъ. Но это была лишь тенденція въ развитіи крѣпостного права, и этого нельзя забывать. При сужденіи о величинѣ надѣла нельзя упускать изъ вида, что помѣщики отводили крѣпостнымъ обыкновенно отдаленныя и худшія земли. Крестьянская земля была хуже ужъ тѣмъ, что не могла быть удобрена въ той же степени, какъ помѣщичья. Впрочемъ, говоря о крестьянскомъ надѣлѣ, нужно помнить, что въ крѣпостное время крестьянинъ былъ болѣе обезпеченъ, чѣмъ освожденный крестьянинъ съ тѣмъ же надѣломъ. Обыкновенно крестьянинъ пользовался помѣщичьимъ выгономъ; скотъ пасся на помѣщичьемъ пару; крестьяне иногда безконтрольно (преимущественно въ оброчныхъ имѣніяхъ), иногда съ разрѣшенія помѣщика пользовались его лѣсами и другими угодьями (ловлею рыбы въ озерахъ и рѣкахъ и т. п.); кромѣ того, въ несчастныхъ случаяхъ (пожаръ, неурожай) помѣщикъ помогалъ крестьянину.

Размѣръ барщины тоже былъ крайне разнообразенъ. По указанію Заблоцкаго-Десятовскаго, большею частью, наблюдалась трехдневная барщина *). Мѣсячники работали на помѣщика всю недѣлю. Въ Тульской губерніи работали 3 дня на барщинѣ, а въ воскресенье назначался „бенефисъ“ помѣщику, т. е. крестьяне работали поголовно **). И опять таки въ мелкихъ имѣніяхъ барщина была тяжелѣе. Трехдневная барщина часто не соблюдалась. Крестьяне работали иногда 4 дня и даже цѣлую недѣлю, употребляя на себя воскресенье (мелкопомѣстные помѣщики за Волгою) ***). Порядокъ отправленія барщины былъ разный. Большею частью работали братъ на брата, если семейство состояло изъ 2-хъ тяголъ. Кромѣ 3-хъ дней, почти во всѣхъ хорошо управляемыхъ имѣніяхъ назначался одинъ поголовный день, иногда за особую плату. Въ имѣніи вышеназваннаго помѣщика Рязанской губ., К. В., въ спѣшности брались лишніе дни, но записывались на счетъ тѣхъ, съ кого они взяты особо ****). Въ имѣніи Воейкова той же губерніи, во время вывоза навоза, на уборку хлѣба, сѣна, сзывались всѣ крестьяне, но за то получали столько же такихъ дней и для себя *****). Особенно разорительны были для крестьянъ внезапныя барщины, когда крестьяне должны были отрываться, по требованію барина, отъ собственной работы и идти на барщину. Въ Малороссіи по закону и въ обычаѣ была двухдневная барщина, но и здѣсь она была крайне разнообразна, доходя и до шестидневной. Въ мелкихъ имѣніяхъ было конечно тяжелѣе, такъ какъ здѣсь строже былъ надзоръ и больше зависимость отъ владѣльца.

*) Заблоцкій-Десятовскій, т. IV, стр. 278.

**) Ibid., т. IV, стр. 279.

***) Ibid.

****) Тр. Ряз. Арх. Ком., 1889 г., т. IV, вып. I, статья Повалишина, стр. 30.

*****) Ibid., стр. 5.

Объ увеличенiи извозной повинности уже было сказано. О другихъ натуральныхъ повинностяхъ приходится сказать немногое. Эти натуральныя повинности были больше при натуральномъ хозяйствѣ; при переходѣ къ денежному онѣ стали исчезать. Обыкновенно онѣ состояли изъ домашнихъ произведенiй (птицы, яйца и т. п.), женскихъ издѣлiй (холстъ, сукно); иногда приносились орѣхи, грибы, лѣсныя ягоды и т. п. Послѣднее было собственно оброкомъ съ женщинъ и дѣтей.

Такъ какъ главная рабочая сила считалась отъ тягла (тягло—мужъ и жена), то поэтому производился строгiй подсчетъ тягламъ. На парня приблизительно съ 18 лѣтъ налагалось тягло. При этомъ, чтобы получить сильный дворъ, необходимо было парня „оженить“. Это вело къ строгому надзору помѣщика за тѣмъ, чтобы женщины не засиживались въ „дѣвкахъ“, а парни не оставались холостыми. Съ дѣвушекъ иногда брали, начиная съ извѣстнаго возраста, плату за дѣвичество. Вмѣшательство помѣщика въ брачную жизнь простиралось очень далеко. Нѣкоторые господа запрещали маломочнымъ крестьянамъ соединяться съ богатыми дѣвушками, чтобы богатые дворы, такимъ образомъ, не раззорялись; нерѣдко помѣщики сами назначали пары и насильно выдавали замужъ. Въ одномъ имѣнiи Ярославской губ. (князя N*), приблизительно въ концѣ 20-хъ годовъ, „почти всѣ браки совершались по наряду заводской конторы. Назначали для этого одно время въ году и по особому списку вызывали въ контору жениховъ и невѣстъ. Тамъ по личному указанiю управляющаго составлялись пары и подъ надзоромъ конторскихъ служителей прямо отправлялись въ церковь, гдѣ и вѣнчались по нѣскольку вдругъ. Склонности и желанiя не спрашивались“ *).

Тягло складывалось только съ 60-лѣтнихъ стариковъ, которые затѣмъ зачастую употреблялись на мелкiя домашнiя работы. Нужно замѣтить, что, чѣмъ сильнѣе развивалось малоземелье въ помѣщичьихъ имѣнiяхъ, тѣмъ равнодушнѣе становились помѣщики къ увеличенiю числа тяголъ, такъ какъ каждое новое тягло требовало земельнаго надѣла, вслѣдствiе чего самое понятiе тягла стало сближаться съ понятiемъ земельнаго участка. При извѣстной степени малоземелья, помѣщики начинали часть крестьянъ зачислять въ затяглые и прекращали увеличенiе количества тяголъ. Въ селѣ Молодовомъ Теплова „тягловыхъ участковъ всегда было нѣсколько менѣе, чѣмъ желающихъ ими пользоваться“. Поэтому каждую весну часть самыхъ задолженныхъ хозяевъ переводилась въ мѣсячники или на безземельный оброкъ, а освобожденныя тяглы налагали на молодыхъ крестьянъ, по рекомендацiи старшинъ и съ удостовѣренiемъ, что у нихъ есть хорошiя лошади

*) Воспоминанiя крѣпостного. «Русскiй Вѣстникъ», 1877 г., кн. 9.

и исправныя земледѣльческія орудія *). При такомъ маломъ количествѣ тяголъ, естественно, на тягло приходилось все большее и большее количество ревизскихъ душъ.

Экономическое положеніе крестьянъ, какъ указываютъ современники (а Самаринъ заявляетъ категорически) несомнѣнно ухудшалось въ XIX вѣкѣ. Это ухудшеніе было особенно замѣтно въ Малороссіи. Здѣсь играла большую роль, кромѣ измѣненія въ системѣ сельскаго хозяйства помѣщика,—система землевладѣнія среди крестьянъ. При общинномъ землевладѣніи, существовавшемъ среди помѣщичьихъ крестьянъ въ Великороссіи, земля была распредѣлена равномѣрнѣе, не было такого сильнаго экономическаго неравенства, какъ въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ господствовало подворное землевладѣніе. Отношенія помѣщиковъ къ общинѣ были разнообразны. Въ оброчныхъ имѣніяхъ она свободно существовала, хотя нѣкоторые помѣщики шли противъ нея, какъ препятствія къ обогащенію отдѣльныхъ крестьянъ. Въ черноземныхъ же губ. помѣщикъ, стремясь къ тому, чтобы не было нужды содержать крестьянъ на свой счетъ, могъ съ выгодою для себя поддерживать общину съ круговой порукой, какъ обезпечивающую болѣе исправное исполненіе повинностей и равномѣрную обезпеченность крестьянъ. При общинѣ не образуется безземельныхъ, положеніе которыхъ могло быть при крѣпостномъ правѣ дѣйствительно ужаснымъ. Безземельный крестьянинъ могъ попасть въ кабалу къ своему односельчанину, которому удалось сохранить, благодаря счастливымъ случайностямъ, свой надѣлъ; это мы и встрѣчаемъ при подворномъ владѣніи въ сѣверо- и юго-западныхъ губерніяхъ. Значеніе общины очень важно еще въ другомъ отношеніи. Община, міръ, соединяла крестьянъ въ одно цѣлое, иногда очень сплоченное, если только не было сильнаго давленія со стороны помѣщика. При существованіи „міра“, готоваго вступиться за каждаго отдѣльнаго крестьянина, входящаго въ его составъ, помѣщикъ не могъ эксплуатировать отдѣльнаго крестьянина, вымогать отъ него непосильныя подати, отнимать земли, вообще насиловать личность въ той мѣрѣ, какъ въ томъ случаѣ, если бы міра не было. Въ случаѣ жестокаго обращенія съ крестьянами помѣщики скорѣе могли ждать отпора отъ крестьянъ общинниковъ, чѣмъ отъ подворныхъ владѣльцевъ. Кромѣ того важно и то, что общинникъ не чувствовалъ себя такимъ одинокимъ, брошеннымъ на произволъ владѣльца, какъ подворный владѣлецъ. Онъ всегда видѣлъ за собою міръ, который могъ имъ руководить и вступаться въ случаѣ крайней необходимости. Насколько была сильна привязанность къ общинѣ, показываетъ то, что свободные хлѣбопашцы, надѣленные землею, по указу 1803 г., въ подворное владѣніе, не переставали пользоваться ею по общин-

*) Тепловъ. Оп. улучш. б. кр., стр. 95.

нымъ правиламъ. Въ 1847—48 гг., по изслѣдованію губерній: московской, орловской, владимірской, ярославской, рязанской, тульской, оказалось, что въ большинствѣ имѣній со свободными хлѣбопашцами земля осталась нераздѣленною на подворные участки, а они продолжали владѣть ею на прежнихъ условіяхъ, т. е. съ сохраненіемъ общиннаго землевладѣнія *). Кошелевъ, съ своей стороны, указываетъ, что даже въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ помѣщики по своей прихоти уничтожали судъ стариковъ, сходки, выборы и мірское управленіе, они быстро возстановлялись, какъ только имѣніе переходило въ руки помѣщика, не препятствовавшаго мірскому самоуправленію. Съ земельною общиною боролись меньше. Земля была общая, раздѣлявшаяся на равные участки по числу тяголъ. Въ многоземельныхъ имѣніяхъ на прибылыя тягла помѣщикъ прирѣзалъ новую землю, а въ малоземельныхъ или вообще тамъ, гдѣ землею дорожили, происходила свалка земли и навалка тяголъ съ однѣхъ семей на другія соотвѣтственно перемѣнамъ въ личномъ составѣ и хозяйственномъ положеніи ихъ. Никакъ не слѣдуетъ думать, что передѣлы земли являлись исключительно слѣдствіемъ давленія помѣщичьей власти. И среди свободныхъ государственныхъ крестьянъ при многоземельѣ господствовала, такъ назыв., захватная община, когда каждый новый членъ свободно захватывалъ новую землю и пользовался ею. Но когда земли становилось мало, то ближайшія земли, а затѣмъ и всѣ остальныя поступали въ передѣлъ. Такимъ образомъ прирѣзка земли помѣщиками на новыя тягла, а затѣмъ передѣлы земли нисколько не шли въ разрѣзъ съ понятіемъ о свободномъ развитіи общины; здѣсь только свободный захватъ земли замѣнялся прирѣзкою земли помѣщикомъ, а свободный переходъ къ передѣламъ искусственнымъ, когда помѣщикъ прекращалъ прирѣзку, считая *для себя* это нужнымъ.

Отъ времени до времени производились общіе передѣлы, когда черезполосица отъ свалки и навалки земли съ одной семьи на другую достигала крайности. Повинности въ общинѣ большею частью распредѣлялись также всѣмъ міромъ сообразно съ имущественнымъ обезпеченіемъ каждаго. Это уменьшало произволъ помѣщика въ распредѣленіи повинностей. Въ общинѣ существовала круговая порука. Въ силу ея при неисправномъ платежѣ денежныхъ повинностей или неисполненіи натуральныхъ, за неисправныхъ общинниковъ отвѣчалъ весь міръ, причемъ обыкновенно за маломочныхъ хозяевъ приходилось исполнять повинности и уплачивать недоимки сильнымъ, богатымъ хозяевамъ. Конечно, это не могло быть по вкусу деревенскимъ богатѣямъ. Для бѣдныхъ же крестьянъ круговая порука была очень полезна, предохраняя ихъ отъ разоренія при притѣсненіяхъ помѣщиковъ

*) В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ, т. II, стр. 220.

и непосильныхъ платежахъ. Иногда міръ, съ разрѣшенія помѣщика, покупалъ землю. Трудно сказать какъ распредѣляли они ее: по числу тяголъ или по внесеннымъ на покупку земли суммамъ. Въ настоящее время дѣлежъ чаще всего производится пропорціально внесеннымъ суммамъ; можетъ быть, въ то время дѣлежъ производился на такихъ же началахъ. Помѣщикъ могъ, конечно, оказывать очень сильное давленіе на общину, на распредѣленіе земли и платежей, распредѣленіе тяголъ, искажать или уничтожать своимъ управленіемъ судъ стариковъ, сходки, мірское управленіе, но важно уже то, что земельная община поддерживала болѣе или менѣе равномѣрное обезпеченіе крестьянъ землею и предохраняла крѣпостную массу отъ обезземеленія.

Не то мы видимъ въ сѣверо- и юго-западныхъ губерніяхъ, гдѣ среди помѣщичьихъ крестьянъ господствовало подворное землевладѣніе. Въ юго-западныхъ губ. (Подольская, Волынская, Кіевская), въ лѣвобережной Малороссіи (Черниговская, Полтавская губ.) и въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ (Бѣлоруссіи) господствовало крайнее различіе въ экономическомъ положеніи крестьянъ. Въ западной Россіи земельное обезпеченіе было очень неравномѣрно *). Основною единицею земельнаго обезпеченія тамъ считали уволоку ($19^1/_2$ дес.), въ которой значилась пахотная, сѣнокосная и усадебная земля. Полныя уволочныя хозяйства встрѣчались не часто, а большею частью, такъ называемыя, тяглыя хозяйства владѣли $^3/_4$ или $^1/_2$ уволоки, полутягловыя или пѣшія хозяйства довольствовались $^1/_4$ уволоки; далѣе шли, такъ называемые, халупники или огородники, имѣвшіе только усадебную землю, и, наконецъ, безземельные и бездомовые, такъ называемые бобыли или кутники. Положеніе всѣхъ этихъ разрядовъ было крайне не одинаково. Безземельные бобыли были чистыми батраками не только у помѣщиковъ, но поступали въ кабалу къ своимъ болѣе обезпеченнымъ односельчанамъ — тягловымъ. Положеніе огородниковъ было близко къ тому же. Между тѣмъ при системѣ подворнаго владѣнія самое размноженіе народонаселенія приводило къ раздѣлу земли и переходу обезпеченныхъ крестьянъ въ положеніе необезпеченныхъ. При отсутствіи земельной обезпеченности и мірской организаціи каждый крестьянинъ являлся одинокою личностью, предоставленною на произволъ помѣщика. Крестьяне отбывали, такъ называемыя, „главныя“ и „добавочныя“ повинности, смотря по количеству земли и другимъ выгодамъ, которыя получали отъ помѣщика. На первомъ мѣстѣ стоятъ земледѣльческія работы на панщинѣ, исполнявшіяся посредствомъ пригоновъ и сгоновъ или гвалтовъ. Пригонами назывались рабочіе дни, которые каждое хозяйство должно было отбывать еженедѣльно; сгонъ или гвалтъ есть созывъ всѣхъ наличныхъ работниковъ и работницъ помѣстья для чрезвычайныхъ

*) В. И. Семевскій, Крестьянскій вопросъ, т. II, стр. 490—491.

земледѣльческихъ работъ на панщинѣ. Кромѣ этихъ работъ были и другія: 1) исполняемыя мужчинами и женщинами, такъ называемые, „шарварки“ или строительныя работы, въ составъ которыхъ входила починка плотинъ, дорогъ и т. п., и „сторожество“ или разныя домашнія услуги въ фольваркѣ; 2) одними мужчинами: подводная повинность и ночной караулъ; 3) однѣми женщинами: пряденіе, тканье, работа въ огородахъ и т. под. Мѣстами отбывались еще разныя хозяйственныя работы подъ названіями „толоки“, „ласки“, „даремщины“ и т. п. Добавочныя повинности состояли во взносѣ натурою (домашнія птицы, хлѣбъ, медъ и т. д.) или деньгами опредѣленныхъ „данинъ“, съ каждаго хозяйства. Огородники или халупники увольнялись отъ всѣхъ повинностей помѣщику, кромѣ „чинша“ (денежнаго оброка) за усадьбу и иногда участія въ „гвалтѣ“. Съ бобылей брался только чиншъ, если они не были причислены къ какому либо семейству, повинности котораго въ такомъ случаѣ и должны были раздѣлять *). Уже издавна въ юго-западныхъ губерніяхъ существовали инвентари, которыми были опредѣлены угодья и выгоды, получаемыя крестьянами и различныя повинности, выполняемыя ими. Но эти инвентари не были обязательны для помѣщиковъ и были составлены несправедливо,—въ пользу помѣщиковъ. Кромѣ того, они рѣдко исполнялись, а иногда служили даже средствомъ угнетенія крестьянъ; крестьянамъ задавали уроки, превосходившіе обыкновенныя силы человѣка, ихъ высылали для препровожденія проходившихъ войскъ, для починки дорогъ и для другихъ повинностей, засчитывая эти дни вмѣстѣ съ неотработанными уроками въ долгъ за крестьянами, и потомъ заставляли отработывать ихъ въ предоставленные крестьянамъ дни. Крестьяне трудились круглый годъ, не зная даже праздниковъ, и никогда не выходили изъ долговъ. Помѣщики заводили у себя монополіи, продавая евреямъ исключительное право покупки сельскихъ произведеній у крестьянъ. Систематическое раззореніе сопровождалось варварскимъ произволомъ въ наказаніяхъ: за неумышленный проступокъ и за неосторожность сѣкли и терзали до полусмерти, забивали въ неподвижныя колодки, томили взаперти, накладывали на голое тѣло тряпки съ солянымъ растворомъ и сѣкли по нимъ, насиловали женъ и дѣвокъ, подрѣзали у нихъ косы и т. под. Защиты отъ власти крестьяне не могли ожидать, ибо члены полиціи и дворянскіе предводители, будучи большею частью сами помѣщиками, потворствовали своимъ братьямъ, какъ это доказывалось ихъ совершеннымъ бездѣйствіемъ по множеству дѣлъ, возбужденныхъ главнымъ мѣстнымъ начальствомъ и о которыхъ предводители не могли не знать.

Въ западныхъ губерніяхъ положеніе крестьянъ улучшилось еще до реформы подъ вліяніемъ политическихъ разсче-

*) В. И. Семевскій, «Кр. вопросъ», т. II, стр. 482—483.

товъ правительства. Послѣ польскаго возстанія 1831 г., когда крестьянъ, въ благодарность за помощь, оказанную ими во время возстанія, отдали во власть тѣмъ же помѣщикамъ, съ приказаніемъ повиноваться ихъ законной власти—Бибиковъ писалъ въ 1839 году въ докладѣ государю: „Крестьяне греко-россійскаго исповѣданія, выразившіе во время послѣдняго бунта безграничную преданность правительству, послѣ отданія многихъ изъ нихъ прежнимъ помѣщикамъ, вытерпѣвъ жестокія преслѣдованія и не получивъ за заслуги свои ни малѣйшаго со стороны правительства возмездія, начинаютъ приходить къ оному въ охлажденіе" *). Та же мысль выражалась во многихъ запискахъ. Въ виду всего этого, а мяжетъ быть и подъ повліяніемъ жестокаго возстанія крестьянъ въ Галиціи, въ 1844 г. открыты были инвентарные комитеты, а 26 мая 1847 г. были изданы инвентарныя правила, видоизмѣненныя въ 1848 г. Содержаніе этихъ правилъ слѣдующее. Земля, находившаяся въ пользованіи крестьянъ при выходѣ инвентарныхъ правилъ, должна была оставаться безъ измѣненія. За земельные участки тягловыя семейства должны были работать на панщинѣ 3 дня тяглыхъ съ упряжью и 1 день женскій, полутягловые—2 дня пѣшихъ и 1—женскій въ недѣлю. Данины, вещественные сборы и косвенные налоги съ крестьянъ въ пользу помѣщика уничтожались. Подробно было опредѣлено, какія работы и въ какомъ количествѣ должны производить крестьяне. Барщина отрабатывалась каждую недѣлю съ правомъ переноса лишь одного дня на слѣдующую недѣлю, въ случаѣ крайней необходимости. Кромѣ барщины каждый способный работникъ давалъ по 12 сгонныхъ лѣтнихъ дней (не болѣе 2-хъ на одной недѣлѣ) съ платою за нихъ по таксѣ, утвержденной генералъ-губернаторомъ; за особыя выгоды, предоставленныя помѣщиками и означенныя въ инвентарѣ, тяглыя, полутяглыя и огородныя семейства отбываютъ „строительные" дни по 8-ми въ годъ и ночной караулъ изъ одного работника разъ въ мѣсяцъ. Огородники за усадьбу и огородную землю платятъ оброкъ по таксѣ, а за выгоды въ пастбищахъ, отопленіи и т. д., обязаны отбывать 24 рабочихъ дня на основаніяхъ сгонныхъ дней и ночной караулъ. Бобыли платили только оброкъ въ размѣрѣ отъ 1 р. 50 к.—2 р. 50 к. сер.; съ женщинъ брали половину. Подводная повинность также была регламентирована: съ тяглаго семейства могли требовать одну подводу не болѣе 75 дней въ одинъ путь, причемъ проѣздъ 25 верстъ считался за инвентарный день. Запрещалось обращать крестьянъ въ дворовыхъ. Подати въ казну крестьяне платили сами за себя. Расправа между дворовыми и крестьянами, а равно взысканіе съ нихъ за разные проступки производятся помѣщи-

*) В. И. Семевскій, «Крестьянскій вопросъ», т. II, стр. 484.

ками или управляющими ихъ на основаніи имѣющихся на сей предметъ узаконеній *). Между различными измѣненіями, сдѣланными въ 1848 г., нужно отмѣтить слѣдующія. Въ каждомъ имѣніи опредѣляется нормальный участокъ. Помѣщику предоставлялось право (до составленія подробной люстраціи имѣній) въ необходимыхъ случаяхъ, по взаимному согласію съ крестьянами и съ вѣдома начальства, замѣнять его равнымъ количествомъ удобной, какъ по мѣстности, такъ и по качеству, земли. При переходѣ крестьянъ изъ одного разряда въ другіе, повинности уменьшаются сообразно уменьшенію земельнаго надѣла, а освободившаяся часть земли отдается другимъ крестьянамъ за добавочныя по инвентарю повинности или земля отдается въ пользованіе постороннему лицу. Если тяглый или пѣшій хозяинъ умретъ, не оставивъ въ семьѣ работника для замѣщенія его на барщинѣ, то помѣщикъ распоряжается участкомъ на основаніи вышеуказанныхъ правилъ, но не можетъ лишить вдову и непристроенныхъ дѣтей усадьбы и огорода. Надѣлъ земли для пѣшаго хозяйства не долженъ быть меньше $^1/_2$ опредѣленнаго для нормальнаго тягловаго хозяйства и т. д.

Эти правила, какъ видно, въ значительной степени регламентировавшія повинности крестьянъ, были обязательны для помѣщиковъ. Крестьянамъ было дано право жалобы на неисполненіе инвентарей помѣщиками, но не было указано „вѣрнаго и надежнаго пути, для доведенія своихъ жалобъ, въ случаѣ нарушенія инвентарнаго положенія, до высшаго начальства“ **).

Бывали такіе случаи, что помѣщикъ, узнавъ объ отправленіи крестьянами ходоковъ съ жалобою къ предводителю дворянства, „призывалъ станового на помощь противъ бунтующихся крестьянъ. Ихъ сѣкли и лупили, не выжидая возвращенія ходоковъ, которые приходили впослѣдствіи съ увѣщаніемъ отъ предводителя и находили своихъ собратьевъ уже наказанными“ ***). Правила 1847 и 48 гг., конечно, по большей части не исполнялись; но все же они улучшили нѣсколько положеніе крестьянъ, поставивъ границы произволу въ экономической ихъ эксплуатаціи, хотя одна изъ причинъ постепеннаго пониженія крестьянскаго благосостоянія—подворное владѣніе—продолжала и теперь существовать. Съ другой стороны, помѣщики, изъ боязни дальнѣйшихъ улучшеній быта крестьянъ, въ виду учащавшихся слуховъ объ освобожденіи крѣпостныхъ, отнимали отъ крестьянъ родовые участки и раздавали своимъ крестьянамъ въ аренду, чтобы показать впослѣдствіи эти земли своими. Вслѣдствіе такихъ „скассованій“, классъ домохозяевъ, пользовавшихся землею, постоянно уменьшался, а увеличивался

*) Крестьянскій вопросъ, т. II, стр. 495—498.
**) Самаринъ, т. II. стр. 1—4.
***) Крестьянскій вопросъ, т. II, стр. 497—498.

классъ безземельныхъ *). Въ юго-западной Россіи (правобережной Украйнѣ) развилось къ половинѣ XIX вѣка воздѣлываніе свекловицы, что улучшало положеніе тѣхъ мѣстностей, такъ какъ воздѣлываніе ея вызвало сильное требованіе вольнаго труда: помѣщики стремились нанимать крестьянъ за денежную плату **).

Въ сѣверо-западной Россіи инвентарныя правила вырабатывались медленнѣе. Тамъ хотѣли ограничиться провѣркою, исправленіемъ и узаконеніемъ инвентарей, составленныхъ особо для каждаго имѣнія безъ установленія общихъ правилъ. Трудность работы и противодѣйствіе помѣщиковъ замедляли дѣло. Въ 1852 г. было приказано ввести въ витебскомъ и виленскомъ генералъ-губернаторствѣ инвентарныя правила на основаніи правилъ 1848 г. для кіевскаго генералъ-губернаторства. Въ 1854 г., подъ вліяніемъ жалобъ помѣщиковъ, дѣйствіе этого распоряженія было пріостановлено и было положено разсмотрѣть инвентарныя правила въ губернскихъ комитетахъ, генералъ-губернаторами, а затѣмъ въ низшихъ и высшихъ комитетахъ уже въ Петербургѣ. Правила были внесены въ государственный совѣтъ въ 1855 г. при Александрѣ II, но дѣло затянулось до самаго освобожденія. Въ этихъ губерніяхъ положеніе крестьянъ было опять-таки лучше благодаря правительственной политикѣ, въ интересахъ которой было привлечь къ себѣ народъ. Въ лѣво-бережной Малороссіи, гдѣ также господствовало среди крестьянъ подворное владѣніе, положеніе было гораздо тяжелѣе, такъ какъ здѣсь правительство не принимало особыхъ мѣръ для огражденія крестьянъ отъ эксплуатаціи помѣщика. Здѣсь, какъ извѣстно, сильнѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ, развито было мѣсячничество. Крѣпостное право здѣсь достигло лишь къ половинѣ XIX вѣка полнаго сознанія своей силы. Помѣщики, переходя къ денежному хозяйству, при дробленіи имѣній между наслѣдниками и ростѣ потребностей, увеличивали экономическую эксплуатацію крестьянъ. „Тамъ господствуетъ, говоритъ Самаринъ, самое ужасное сочетаніе безчувственности и безпорядочности въ помѣщичьемъ хозяйствѣ; требованія помѣщиковъ непомѣрны; средства истязанія развратили народъ и сдѣлали его безчувственнымъ. Въ одномъ имѣніи, которымъ управляетъ Т., ежедневно сѣкли отъ 40—50 бабъ, въ томъ числѣ и беременныхъ; отъ этого было много несчастныхъ случаевъ; падучая болѣзнь распространилась“ ***). Когда г. Т. запретилъ эти истязанія, никто не пошелъ на работу. Угрозы, внушенія не дѣйствовали, и лишь новыя тѣлесныя наказанія побудили крестьянъ вернуться къ работамъ. Лишь постепенно онъ могъ пріучить ихъ повиноваться безъ помощи страха наказанія. Впро-

*) Соколовскій. Крестьяне въ сѣверо-западномъ краѣ.
**) Самаринъ, т. II.
***) Самаринъ, т. II, стр. 11.

чемъ не вездѣ крестьяне были такъ безчувственны. Это лучше всего можно видѣть по одной малороссійской пѣснѣ, гдѣ малоросска говоритъ:

Ој ударивъ панъ по лицоу
Отаманъ батогомъ,
Не такъ то јiј ни ј боліло,
Такъ то јiј бувъ соромъ.

Таково было положеніе барщинныхъ, занимавшихся земледѣліемъ. Но былъ еще разрядъ барщинниковъ, положеніе которыхъ было несравненно тяжелѣе, и которые еще больше зависѣли отъ произвола помѣщика при работѣ, требующей большей напряженности. Я говорю о фабрично-заводскихъ крестьянахъ. Эта группа крестьянъ была поставлена несравненно хуже другихъ уже по самымъ условіямъ труда на фабрикахъ и заводахъ. Здѣсь рабочій находился подъ постояннымъ присмотромъ, вся работа его была на виду. Жизнь рабочаго могла быть строго регулирована. Собственно группа этихъ крестьянъ была невелика. Такъ, по подсчетамъ г. Туганъ-Барановскаго,—приблизительнымъ, такъ какъ показанія давались владѣльцами фабрикъ и заводовъ неправильно,—крѣпостныхъ рабочихъ работавшихъ на вотчинныхъ фабрикахъ въ 1825 г., было 66,725 человѣкъ. Среди вотчинныхъ фабрикъ больше всего было стальныхъ и чугунныхъ заводовъ и суконныхъ фабрикъ (на которыхъ работало болѣе $^1/_2$ вотчинныхъ рабочихъ). Фабрикъ писчей бумаги (менѣе половины), хлопчатобумажныхъ, канатныхъ, кожевенныхъ было мало, такъ какъ въ этой отрасли промышленности преобладали купеческія и крестьянскія фабрички *). Кромѣ того было очень много мелкихъ полотняныхъ дворянскихъ фабричекъ для приготовленія издѣлій преимущественно для домашняго обихода, которыя въ официальные списки не попадали. Эти вотчинныя фабрики начали развиваться въ концѣ XVIII вѣка, число ихъ росло сильно въ 20 и 30 годахъ XIX столѣтія, но въ 40-хъ годахъ стало уменьшаться, такъ какъ крѣпостной трудъ оказывался невыгоднымъ въ силу своей малой производительности и дороговизны содержанія. По способу отработки крестьяне занимали различныя положенія. На нѣкоторыхъ вотчинныхъ фабрикахъ работа производилась „братъ на брата", т. е. крестьяне раздѣлялись на 2 смѣны, поочередно работавшія на фабрикѣ. Здѣсь фабричная работа производилась, какъ и всякая другая барщина. На нѣкоторыхъ фабрикахъ крестьяне отпускались на 2 мѣсяца въ году для сѣнокоса и уборки хлѣба. Положеніе этихъ крестьянъ было все же лучше, чѣмъ положеніе фабрично-заводскихъ „мѣсячниковъ". „На нѣкоторыхъ помѣщичьихъ фабрикахъ", говоритъ Заблоцкій-Десятовскій, „работаютъ мѣсячники безъ всякой заработной платы;

*) Туганъ-Барановскій, «Фабрика въ ея прошломъ и настоящемъ», страницы 106—107.

сверхъ того имъ задаются уроки, за неисполненіе коихъ слѣдуетъ взысканіе... Одинъ помѣщикъ завелъ въ Нижегородской губ. суконную фабричку и уничтожилъ большую часть крестьянской запашки. Мужики переведены частью на мѣсячину, частью на запашку и работаютъ каждый день. Они не привыкли къ работѣ, дѣло отправлютъ худо, ихъ наказываютъ. Невыполнившаго урокъ сѣкутъ и сажаютъ въ воскресенье за работу. По отзывамъ сосѣдей всѣ эти люди точно вышедшіе изъ тюрьмы. Многіе находятся въ бѣгахъ" *). Но такое содержаніе не было выгодно для помѣщиковъ. Бутовскій указываетъ, что „содержаніе, выдаваемое помѣщикомъ - фабрикантомъ барщиннымъ крестьянамъ, вмѣсто свободныхъ дней, обходилось ему дорого, но всего болѣе заводскіе терпѣли ущербъ отъ труда вялаго и неудовлетворительнаго" **). Зачастую помѣщики назначали плату крѣпостнымъ, но эта плата была обыкновенно ниже платы вольнонаемному. Заблоцкій-Десятовскій указываетъ, сравнивая доходы рабочаго крѣпостного на желѣзныхъ заводахъ Оренбургской губ., и посредственнаго крестьянина той же мѣстности, что доходъ перваго уступаетъ доходу послѣдняго ***). Крестьяне съ ужасомъ говорили объ этихъ заведеніяхъ; они говорили: „въ этой деревнѣ есть фабрика",—съ такимъ выраженіемъ, какъ если бы они хотѣли сказать: „въ этой деревнѣ есть чума".

Положеніе этихъ фабричныхъ рабовъ было тѣмъ ужаснѣе, что законодательство совершенно не регулировало его. Когда московскій генералъ-губернаторъ князь Голицынъ въ 30-хъ гг. хотѣлъ издать особыя правила для вотчинныхъ фабрикъ и заводовъ, то московскій предводитель дворянства заявилъ, что вмѣшательство въ отношенія помѣщиковъ и крѣпостныхъ можетъ вывести послѣднихъ изъ повиновенія и повести только къ волненіямъ. Были изданы лишь особыя правила для „внушенія" ихъ дворянамъ, въ числѣ которыхъ было подтверждено право помѣщиковъ лишь на трехдневную барщину; рабочимъ полагалась—при отсутствіи занятій земледѣліемъ — соразмѣрная трудамъ задѣльная плата; помѣщики не могли заставлять работать въ праздники. Эти правила, конечно, не исполнялись, и положеніе фабрично-заводскихъ помѣщичьихъ крестьянъ оставалось крайне печальнымъ. На фабрики и заводы забирали дѣтей съ 8-лѣтняго возраста, что тяжело отзывалось на здоровьѣ такихъ крѣпостныхъ. Конечно, рабочіе-крѣпостные были или малоземельны или чаще всего—беззземельны, что должно было отразиться и на ихъ пореформенномъ бытѣ. Уменьшеніе числа вотчинныхъ фабрикъ въ концѣ 40-хъ гг., на что указываетъ Гакстгаузенъ, является слѣдствіемъ

*) Заблоцкій-Десятовскій, т. IV, стр. 294.
**) Туганъ-Барановскій, «Фабрика въ ея прошломъ и настоящемъ», стр. 110.
***) Заблоцкій-Десятовскій, т. IV, стр. 295.

невыгодности для помѣщиковъ вести при крѣпостномъ трудѣ промышленныя предпріятія и невозможности для нихъ конкуррировать съ купеческими и крестьянскими фабриками, основанными преимущественно на вольномъ трудѣ. Наличность крѣпостныхъ не давала возможности улучшать технику, что требуетъ интенсивно работающаго, ловкаго работника, и быстро соразмѣрять величину промышленнаго предпріятія съ требованіями рынка.

И. Игнатовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* * *

Помнишь ли, другъ мой, дорогу глухую, пустынную?
. . . .

Въ рыхломъ снѣгу увязая ногами усталыми,
Вся раскраснѣвшись подъ свѣжимъ дыханьемъ полей,
Шла молчаливо и ты,—и большими опалами
Слезы порою катились изъ грустныхъ очей.
Выбились косы, чернѣя, какъ змѣи огромныя...
Грузъ свой влача, я едва поспѣвалъ за тобой.
Въ даль мы безвѣстную шли и отчаянье темное,
Злое, холодное, вдаль уносили съ собой.
Думалось: „Кончено!.. Чувства живого, прекраснаго
Грёзы убиты... Прости, дорогая любовь!
Въ горькой разлукѣ изнывъ, среди мрака ненастнаго
Гробъ одинокій найдемъ, не воротимся вновь“.

Но воротились мы... жизни суроваго молота
Вынесли тяжесть, на-диво силёнъ человѣкъ...
Только... душа моя, словно на части расколота,
Только твоя голова побѣлѣла, какъ снѣгъ!

П. Я.

СТУДЕНТКИ.

Очерки.

I. Весна пришла!..

— Господи! Какая скука!

Проговоривъ это, Надя Полтавцева съ отчаяніемъ швырнула на полъ толстыя переплетенныя лекціи по русской исторіи.

— Русская исторія! Исторія родной страны!.. и она, интеллигентная женщина,—Надя была курсистка,—скучаетъ!..

— Нѣтъ! положительно, лекціи тутъ не причемъ,—разсуждала Надя:—а просто я не развита, половины не понимаю, ну и, разумѣется, скучно... Курица! Интеллигентная курица, которой надо непремѣнно разжевать и въ ротъ положить, а сама ворочать мозгами не въ состояніи...

Слезы уже навертывались на глаза дѣвушки. Она подняла книгу и начала медленно перелистывать.—Вотъ исторіографія... родовой бытъ Соловьева... Ну что бы она могла сказать про Соловьева, когда сама его не читала? Развѣ прочесть? Но до экзамена, — дѣло было весной, и Надя готовилась къ своему первому экзамену на курсахъ, — до экзамена осталось всего два дня, а надо прочесть еще шесть листовъ...—И все этотъ противный институтъ! зазубрить, задолбить ее тамъ научили, а разсуждать—не тутъ-то было! Впрочемъ, можетъ быть, это собственная неспособность?

И Надя грустно поникла своей коротко остриженной кудрявой головкой.

Учебный сезонъ кончился Наступили экзамены, и, точно такъ же, какъ годъ тому назадъ въ институтѣ, Надя чувствовала только тоскливый страхъ отъ неизбѣжной перспективы явиться, наконецъ, на судъ профессоровъ.

Профессора! Даже сама chère maman въ институтѣ казалась ей менѣе недосягаемой, чѣмъ эти олимпійцы, низвергающіе съ высоты своихъ кафедръ молніи и громы ученаго красно-

рѣчія. Надя не умѣла уважать. Въ институтѣ она привыкла благоговѣть до потери всѣхъ пяти чувствъ, какъ она выражалась, передъ начальницей, бояться, какъ огня, инспектора и низко присѣдать передъ классными дамами и учителями, высовывая имъ за спиной языкъ. Только по окончаніи курса, когда, на правахъ взрослой, она могла уже имѣть собственныхъ знакомыхъ, Надѣ удалось натолкнуться у одной изъ подругъ на „настоящихъ“ людей. Тѣ принялись ее „развивать“, и въ результатѣ Надя очутилась на курсахъ.

Но институтская закваска сказалась и здѣсь: Надя начала благоговѣть передъ профессорами. Еще-бы! Вѣдь это представители науки, знанія, свѣта!.. Заговорить съ кѣмъ нибудь изъ нихъ она долго не рѣшалась; къ тому-же они вѣчно куда-то спѣшили и ихъ надо было буквально ловить, да и, поймавши, приходилось довольствоваться короткими, торопливыми отвѣтами даже на вопросы, требовавшіе долгихъ разсужденій.

За то лекціи Надя принялась слушать съ рвеніемъ, не пропуская ни одной на своемъ курсѣ и заглядывая даже на чужія. Во всемъ, что она слышала, дѣвушка добросовѣстно старалась разобраться и отдать себѣ отчетъ. Въ перемѣны она или забивалась куда-нибудь въ уголокъ, или ходила одна по залѣ, заложивъ руки за спину, съ нахмуреннымъ лбомъ и глазами, устремленными въ одну точку.

— Что вы какимъ Гамлетомъ ходите?—спрашивали ее курсистки, но Надя отмалчивалась, ссылаясь на головную боль, зубы и т. п. Гордость мѣшала ей сознаться, что, въ сущности, варяжскій вопросъ и классификація понятій плохо вязались въ ея головѣ, да и сами по себѣ взятые были еще ей не подъ силу.

— Это всегда такъ: сначала трудно покажется, а потомъ войдешь въ курсъ дѣла и ничего...—утѣшала себя Надя, не отрываясь отъ книгъ и лекцій даже у себя дома.

Дѣвушка и у знакомыхъ бывала рѣдко, оправдываясь тѣмъ, что у нея времени не хватаетъ. Она мечтала выработать себѣ „сознательное отношеніе къ окружающей дѣйствительности“. Выраженіе это цѣликомъ удержалось въ ея головѣ послѣ разговоровъ съ „настоящими“ людьми. „Если вы поймете наше время и наше общество,—припоминалось Надѣ:—вы сумѣете быть полезной, и жизнь васъ не выкинетъ за бортъ“. И идеалъ женщины-гражданки въ смутныхъ и неясныхъ чертахъ носился передъ ней.

Но уже въ началѣ зимы Надя почувствовала что-то неладное. Она никакъ не могла понять, съ чего-же ей слѣдуетъ начать? вѣдь нельзя-же заниматься всѣмъ вдругъ? а между тѣмъ на одномъ ея курсѣ было восемь обязательныхъ пред-

метовъ... Который-же самый важный изъ нихъ? какая между ними всѣми связь?—спрашивала Надя и себя, и подругъ, но тѣ не знали этого, а профессора и словомъ не обмолвились одинъ объ другомъ, словно каждый изъ нихъ существовалъ самъ по себѣ, безъ всякаго отношенія къ остальнымъ. Заговорить съ ними по этому поводу Надя не рѣшалась, такъ какъ прежде всего у нея словъ еще не хватало. Она это хорошо сознавала.

— Я не умѣю ни думать, ни говорить, — разсуждала дѣвушка:—а это необходимо при научныхъ занятіяхъ, значитъ, я еще не гожусь для науки.

Мысль эта особенно крѣпко засѣла въ головѣ Нади послѣ того, какъ она принялась за первоисточники и подъ конецъ должна была сознаться, что такъ-таки рѣшительно ничего не понимаетъ. Переходъ отъ Иловайскаго, стиховъ Некрасова и разговоровъ „о современной дѣйствительности" къ Судебнику Іоанна III въ подлинникѣ оказался ей не по силамъ.

Надя забросила курсы. Съ тѣмъ бо̀льшей жадностью накинулась она на программы по самообразованію, популярныя статьи и брошюры всякаго рода. Но и тутъ матеріалъ былъ слишкомъ обиленъ и разбираться въ немъ одной было подъ часъ трудновато.

— Необходима совмѣстная умственная работа, — говорила Надѣ одна изъ ея подругъ:—Что вы все одна, какъ филинъ? Какая изъ васъ получится общественная дѣятельница? Вѣдь вы никого и людей-то почти не видите! Поступайте-ка къ намъ въ кружокъ!

Надя поступила. Помнитъ она, какъ первый вечеръ,—да что грѣха таить? — и слѣдующіе за нимъ и даже послѣдній, на которомъ присутствовала Надя, были цѣликомъ посвящены разговорамъ, съ чего и какъ начать учиться. Одни утверждали, что необходимо сообразоваться съ индивидуальностью въ смыслѣ подготовки и личныхъ вкусовъ каждаго, другіе указывали на невозможность игнорировать нѣкоторыя отрасли знанія... И вся эта молодежь, только что соскочившая со школьной скамьи и уже предоставленная самой себѣ въ поискахъ за истиной, судила и рядила, спорила и горячилась, что̀ нужнѣе: политическая экономія или естественныя науки, исторія или публицистика? Надѣ стало скучно. Спеціализація и формализмъ офиціальныхъ руководителей ставили дѣвушку въ тупикъ, но она не могла не замѣтить и большихъ пробѣловъ въ знаніяхъ своихъ товарищей по саморазвитію.

А тутъ, какъ на грѣхъ, одинъ изъ студентовъ ихъ кружка вздумалъ ей объясниться въ любви. Надя возмутилась.

— Стыдитесь!—накинулась она на него:—вѣдь мы и разсуждать-то по человѣчески не умѣемъ, до любви ли тутъ!

Надя запретила даже видѣться съ собой злополучному юношѣ.

— Не дружбу же мнѣ ему предлагать,—оправдывалась дѣвушка передъ одной изъ подругъ:—вѣдь это ужъ прямо пошлость. У насъ въ провинціи всѣ барышни, чтобы не потерять лишняго поклонника, поступаютъ такимъ образомъ, но я-то ужъ, во всякомъ случаѣ, по ихъ стопамъ идти не желаю.

Скоро Надя вышла изъ кружка. Какая-то тоска и неудовлетворенность все сильнѣе и сильнѣе грызли ее.

— Развѣ пойти къ писателямъ?—мелькало у нея въ головѣ,—но вѣдь они еще больше заняты, чѣмъ профессора.

Впрочемъ, на курсовомъ балу Надѣ удалось увидѣть довольно близко одну литературную знаменитость.

— Онъ былъ такой печальный и важный,—разсказывала потомъ Надя:—и мои вопросы показались мнѣ вдругъ такими неграмотными, что еще ими его безпокоить я ужъ не рѣшилась.

Такъ Надя и не заговорила съ знаменитостью. На ея счастье или несчастье подоспѣлъ великій постъ съ публичными лекціями, литературными вечерами, засѣданіями всякихъ ученымъ и неученыхъ обществъ.

Надя съ головой ушла въ эти невѣдомыя ей доселѣ развлеченія. Она уже не мечтала о наукѣ, точномъ систематическомъ знаніи.—Все это для избранныхъ, аристократовъ мысли,—говорила она:—а намъ, интеллигентной черни, надо еще напередъ себя окультурить, да потомъ ужъ и приниматься за науку.

Почти каждый вечеръ Надя ходила то на публичную лекцію, то на засѣданіе какого-нибудь общества,—какъ вдругъ,—Надю это ужасно поразило,—придя однажды на курсы, гдѣ она теперь показывалась довольно рѣдко, дѣвушка увидала росписаніе экзаменовъ.

Экзамены!.. Сердце Нади сжалось знакомой мучительной тоской, отравлявшей ея существованіе въ продолженіе цѣлыхъ шести лѣтъ. Однако надо было засѣсть за лекціи. Тутъ съ прежней силой нахлынули на Надю ея старыя мечты и думы, и она съ горечью начала упрекать себя за лѣнь, несерьезность и прочіе пороки. А лекціи, какъ на грѣхъ, написаны такъ трудно!.. Т. е. онѣ написаны даже очень гладко, и когда ихъ читаешь, какъ будто все понятно, но лишь только берешься за программу и начинаешь обдумывать, какъ тутъ-то и является загвоздка — не хватаетъ ни словъ, ни мысли.

— Ужъ не потому-ли это только, что я женщина, и мнѣ ужъ не дойти до логическаго мышленія?—съ ужасомъ спрашивала себя Надя.

Невольно ей припоминались разсужденія на эту тему ихъ институтскаго батюшки.

— Женская природа... Женская натура...

Господи! Да что же дѣлать-то?—И Надя въ десятый разъ принималась перечитывать введеніе въ исторіографію.

На бѣду, рядомъ съ Надиной комнатой жили также курсистки. Онѣ готовились вслухъ, разсказывая одна другой билеты. Тонкая перегородка плохо спасала Надю, и ей приходилось иногда прямо затыкать себѣ уши.

Сегодня у нея особенно ничего не ладилось. Она нарочно встала пораньше, пока сосѣдки еще спали, и безъ чаю принялась читать про себя. Не разъ ротъ ея передергивался зѣвотой, глаза слипались и голова сама собой падала на мелко исписанные литографированныя страницы.

А на дворѣ уже стояла весна. Небо стало совсѣмъ голубое. Снѣгъ почти исчезъ, почки на деревьяхъ надулись, готовыя раскрыться.

Впрочемъ, сидя дома, можно было этого и не замѣтить. Окна Надиной комнаты выходили во второй дворъ, и обычный петербургскій пейзажъ былъ во всей красѣ. Внизу грязный дворъ, замкнутый съ четырехъ сторонъ желтыми стѣнами пятиэтажныхъ домовъ съ рядами безконечныхъ оконъ, вверху клочекъ голубого неба, и никакой природы больше, кромѣ не стаявшаго еще снѣга по угламъ двора.

Сегодня, по случаю теплой погоды, окна всѣхъ квартиръ были раскрыты настежъ, и отовсюду такъ и нессяароматъ перегорѣлаго кофе и дешевой кухни.

Но весна ухитрилась заглянуть и сюда. Откуда-то сверху яркій лучъ солнца появился на подоконникѣ, скользнулъ по полу и заигралъ на страницахъ лекцій, за которыми сидѣла Надя. Легкій вѣтерокъ пробѣжалъ по комнатѣ и зашелестилъ листами газетъ, въ безпорядкѣ набросанныхъ на этажеркѣ. Надя невольно потянулась и встала. Ей вдругъ захотѣлось двигаться. Внезапно она вспомнила, что надо достать гдѣ-нибудь денегъ. Обычныхъ 25-ти рублей въ мѣсяцъ дѣвушкѣ хватало съ трудомъ, тѣмъ болѣе, что наравнѣ съ искренней жаждой просвѣщенія у нея была еще одна ничѣмъ непобѣдимая страсть: она еще въ институтѣ привыкла къ сластямъ и теперь, очутившись на свободѣ, тратила на нихъ слишкомъ много сравнительно съ своимъ скромнымъ бюджетомъ. Соразмѣрять въ деньгахъ ей было еще не въ привычку и даже какъ-то противно.

— Гдѣ-жъ бы это занять?

Дѣвушка подошла къ окну и разсѣянно посмотрѣла наверхъ. Ярко-голубое небо казалось еще ярче и праздничнѣй отъ грязноватожелтыхъ стѣнъ домовъ. Надя долго смотрѣла

наверхъ, пока, наконецъ, усѣвшись на окно, окончательно не отдалась созерцанію этой чудной синевы. Обычный уличный гулъ смутно доносился издалека, и Надѣ казалось, что весна идетъ съ своимъ зеленымъ весеннимъ шумомъ.

Идетъ—гудетъ
Зеленый шумъ,
Зеленый шумъ,
Весенній шумъ...

припоминалось ей.

Но тутъ шея ея устала, и дѣвушка опустила голову. Глаза ея случайно упали на противоположное окно двумя этажами ниже. Тамъ сидѣлъ студентъ и внимательно читалъ книгу.

— Интересно—какая у него физіономія?—подумала Надя.

Шаловливая мысль мелькнула у нея въ головѣ... Она оглянулась. На окнѣ былъ только мѣшокъ съ колотымъ сахаромъ. Надя быстро запустила въ него руку и... бацъ! Небольшой кусокъ сахара ударился въ притолку окна студента и, рикошетомъ отскочивъ къ самому его лицу, упалъ на раскрытую книгу.

Студентъ вздрогнулъ и поднялъ голову. Но Надя уже сидѣла на кровати, боясь, какъ-бы макушка ея головы не была замѣтна изъ окна. Однако шалость эта ей понравилась. Она подкралась къ окошку и принялась наблюдать молодого человѣка. Тотъ читалъ, не подымая головы.

— Скажите! Какъ мы серьезны!—съ досадой прошептала дѣвушка, сознавая въ то же время собственную лѣнь.

— Вотъ не дамъ же ему заниматься!—почти вслухъ проговорила она.—Воображаю, какую-бы рожу скорчилъ Васильевъ, если бы узналъ, какъ я готовилась къ его экзамену!.. Ну, и наплевать!—я не виновата, что ничего не понимаю...

Мысли эти вихремъ пронеслись въ головѣ Нади, не заслоняя въ тоже время одной и самой главной: хорошо бы попасть въ самою макушку этому буквоѣду,—думалось ей, но сахаръ былъ для этого неудобенъ. Она схватила съ этажерки старую газету и, скомкавъ ее, ловко швырнула внизъ, въ самое темя студента. Тотъ привскочилъ отъ неожиданности, растерянно поднявъ обѣ руки кверху, словно опасаясь за цѣлость своей головы.

Надя неудержимо расхохоталась, но студентъ очевидно рѣшился принять мѣры. Онъ всталъ и началъ внимательно оглядывать противоположныя окна, еще не догадываясь посмотрѣть въ самый верхній этажъ.

Надя отскочила на середину комнаты, не выпуская изъ

виду молодого человѣка. Тотъ уже сидѣлъ и дѣлалъ видъ, что читаетъ, не переставая въ то же время зорко слѣдить изъ подъ опущенныхъ рѣсницъ за своимъ невидимымъ врагомъ и время отъ времени неожиданно подымая голову.

Это еще больше подзадорило Надю и, спрятавшись за гардину, она стала выжидать,—мѣшокъ съ сахаромъ былъ какъ разъ у нея подъ рукой.

Вотъ студентъ опустилъ голову, но тутъ же опять поднялъ ее, а Надя такъ и замерла на мѣстѣ съ рукой, опущенной въ мѣшокъ, крѣпко сжимая кусокъ сахару.

— Неужели онъ перехитритъ?!

И вдругъ, набравшись дерзости, въ тотъ моментъ, когда студентъ смотрѣлъ во дворъ, но не въ ея окно, Надя размахнулась... Кусокъ сахару полетѣлъ внизъ и ударился прямо въ плечо молодого человѣка.

Но Надя уже была не въ состоянiи смотрѣть долѣе. Она не помнила, какъ очутилась около комода, крѣпко прижимая руки къ груди, словно боясь, что ея сердце вылетитъ наружу: такъ оно сильно билось. И не то отъ волненiя, не то отъ страха, что голова ея будетъ видна изъ окошка, она прижалась пылающей щекой къ небольшому складному зеркалу, стоявшему на комодѣ. Тонкое, продолговатое личико въ шапкѣ кудрявыхъ льняного цвѣта волосъ, съ большимъ молочно-бѣлымъ лбомъ, яркимъ румянцемъ на щекахъ и синими, какъ васильки, глазами, опушенными густыми, почти бѣлыми рѣсницами, отразилось на пыльной зеленоватой поверхности стекла.

— Какая я!..—невольно прошептала Надя, слегка отодвигаясь отъ зеркала и широко раскрывая свои васильковые глаза. Въ качествѣ интеллигентной женщины она, „конечно“, не интересовалась своей наружностью, но на этотъ разъ собственное изображенiе и понравилось, и заинтересовало ее.

Она даже вспомнила, какъ кто-то изъ знакомыхъ сравнилъ ее однажды съ подснѣжникомъ. Забывъ экзаменъ, деньги, студента, съ зеркаломъ въ рукахъ Надя усѣлась на кровать и начала съ любопытствомъ разглядывать свою физiономiю. А солнце такъ и заливало комнату лучами, вѣтеръ шелестилъ листами лекцiй, давно уже свалившихся на полъ, и вдругъ знакомый полузабытый вальсъ шумно и неудержимо ворвался въ комнату.

Это шарманщикъ вздумалъ испытать счастья на второмъ дворѣ, зная, что ужъ здѣсь-то его, навѣрное, услышатъ сердобольные студенты и студентки.

Все еще не выпуская зеркала изъ рукъ, Надя подняла голову и начала прислушиваться.

Наступила весна,
Льютъ цвѣты ароматъ...

Почти машинально припомнила дѣвушка. Сладкая, безотчетная грусть сжала ей сердце, тяжелый вздохъ уже вырывался изъ груди, а на губахъ дрожала улыбка...

II. Въ іюнѣ.

Въ концѣ іюня, утромъ, къ крыльцу огромнаго пятиэтажнаго дома на Литейномъ быстро подкатила извозчичья пролетка.

— Остановись!—послышался свѣжій женскій голосъ, и молодая дѣвушка лѣтъ 22-хъ довольно тяжело соскочила на тротуаръ. Расплатившись съ извозчикомъ, она торопливо вошла въ роскошное „entrée",—какъ она его мысленно назвала тутъ-же—и начала подниматься по лѣстницѣ. Средняго роста и довольно широкая въ кости, дѣвушка не была изящна, но что-то своеобразно-красивое проглядывало во всѣхъ ея непринужденныхъ движеніяхъ и даже самыхъ складкахъ простой черной юбки и такой же пелеринкѣ, едва державшейся на плечахъ. Красная шелковая кофточка на выпускъ и очевидно безъ корсета, лайковыя перчатки и зонтикъ съ точеной ручкой подъ черное дерево завершали туалетъ дѣвушки. Изъ подъ соломенной шляпки съ широкими полями свободно падали на лобъ, виски и шею короткія волнистыя пряди темнорусыхъ волосъ. Лицо, немногое блѣдное, освѣщалось парой блестящихъ карихъ глазъ. Смѣлый взмахъ бровей и небольшой носъ съ явственно обозначенной горбинкой придавали всей физіономіи независимое, почти вызывающее выраженіе.

Звали дѣвушку Ольга Николаевна Бобровская.

Подымаясь по лѣстницѣ, Бобровская постепенно замедляла шаги, пока, наконецъ, совсѣмъ было не остановилась, но тутъ-же, тряхнувъ волосами, рѣшительно пошла впередъ.

У двери 2-го этажа она остановилась и, глубоко вздохнувъ всей грудью, сильно нажала пуговку звонка.

Прошло нѣсколько секундъ.

Наконецъ, за дверью послышалась возня, и одна изъ половинокъ медленно и безъ шума подалась назадъ. Старушка въ бѣломъ плоеномъ чепцѣ и бѣломъ фартукѣ съ длинными концами стояла передъ дѣвушкой.

— Можно видѣть доктора?—видимо волнуясь и смущаясь, спросила Бобровская.

— Пожалуйте, пожалуйте,—прошамкала старуха:—докторъ-то дома, да спитъ еще, ну да я его разбужу...

— О, нѣтъ, зачѣмъ-же? — съ живостью возразила дѣвушка,—я могу и подождать.—Еще обозлится чего добраго,— добавила она про себя.

И, не снимая шляпы и накидки, она вошла въ пріемную. Это была небольшая свѣтлая комната, вся залитая яркими лучами іюньскаго солнца, съ паркетнымъ поломъ и стѣнами, выкрашенными масляной краской свѣтло-зеленаго цвѣта. Мягкая мебель въ чехлахъ, кресло-качалка и нѣсколько роскошныхъ зеленыхъ пальмъ составляли ея скромное убранство.

Бобровская сѣла на диванъ, и старуха, притворивъ двери, неслышно удалилась. Кругомъ было тихо, только вѣтеръ шелестилъ листьями пальмъ и вздувалъ, какъ паруса, пышныя коленкоровыя занавѣски на окнахъ. Замѣтивъ на столѣ новую книжку какого-то толстаго журнала, Бобровская подвинула ее къ себѣ и, перелиставъ нѣсколько страницъ, остановилась на стихахъ. Она любила стихи и, принимаясь за каждый журналъ, прежде всего начинала со стиховъ.

Не смотря на видимое волненіе, дѣвушкѣ удалось настолько овладѣть собой, что чтеніе даже заинтересовало ее. Неизвѣстно, сколько времени прошло такимъ образомъ, какъ вдругъ стукъ отворяемой двери и шаги заставили невольно вздрогнуть дѣвушку. Но она нарочно не поднимала головы.

— Виноватъ! Я васъ заставилъ ждать...—пріятно прогудѣлъ надъ ней слегка осипшій басокъ.

Бобровская поднялась съ дивана. Высокій, еще молодой блондинъ съ упитанной физіономіей нерѣшительно протягивалъ ей руку.

— Садитесь, пожалуйста,—продолжалъ онъ и опустился самъ на близь стоявшее кресло.—Чѣмъ могу быть полезенъ?

Бобровская заволновалась и, неловко усѣвшись на диванъ, не поднимая глазъ, тихо начала:

— Я пришла къ вамъ не какъ къ доктору, а какъ къ порядочному человѣку, мнѣ про васъ говорили Вербицкіе, отъ нихъ вы можете узнать и обо мнѣ...—Голосъ ея слегка дрожалъ отъ волненія, но эта вибрація дѣлала его очень мелодичнымъ и пріятнымъ.

— Вотъ что,—рѣшительно выговорила она и, справившись окончательно съ охватившимъ ее волненіемъ, прямо взглянула въ глаза своего собесѣдника:—не можете-ли вы дать денегъ рублей 20, 25 взаймы на неопредѣленный срокъ?.. Одной особѣ—фамилію ея я могу назвать, если угодно—петербургскій климатъ оказался вреденъ...—Бобровская многозначительно остановилась и потомъ продолжала:—Денегъ у нея нѣтъ, а путь предстоитъ не близкій. Петербургъ теперь пустъ—молодежь разъѣхалась, значитъ сборъ сдѣлать трудно, вотъ почему я и обращаюсь къ вамъ. Вы живете безъ семьи,

6*

зарабатываете сравнительно много, пожалуйста, не откажитесь помочь.

Дѣвушка остановилась и выжидательно умолкла. Къ концу своей импровизированной рѣчи она уже совершенно успокоилась и теперь съ любопытствомъ смотрѣла на молодого врача

Тотъ видимо не ожидалъ подобной просьбы и сначала даже не зналъ, что отвѣтить, но, быстро оправившись, галантно произнесъ:

— Я весь къ вашимъ услугамъ.

Вытащивъ бумажникъ и отсчитавъ 25 рублей, онъ протянулъ ихъ Бобровской.

Дѣвушка взяла, не смущаясь, и не торопливо положила деньги въ карманъ.

— Благодарю васъ, очень!—и она крѣпко пожала врачу руку.—Угодно вамъ знать мою фамилію?

— Если это не входитъ въ ваши разсчеты...—началъ тотъ.

— Да, это не входитъ въ мои разсчеты,—спокойно произнесла дѣвушка и поднялась съ дивана.—До свиданія! Позвольте мнѣ еще разъ очень, очень поблагодарить васъ!—въ голосѣ ея зазвучало неподдѣльное теплое чувство.

— Помилуйте, такіе пустяки... Я всегда готовъ помочь, чѣмъ могу,—заговорилъ польщенный врачъ, провожая ее до двери.

— Такъ что вы не возмущаетесь моимъ нахальствомъ?—съ улыбкой проговорила Бобровская и, не дожидаясь отвѣта, затворила за собой входную дверь.

Очутившись на площадкѣ, она облегченно вздохнула и почти бѣгомъ начала спускаться съ лѣстницы. На улицѣ она ощупала карманъ и повернула къ Литейному мосту. Легкая улыбка играла у нея на губахъ.

— А онъ недуренъ!..—Красивая розовая физіономія галантнаго доктора пронеслась передъ ея глазами.—Жуиръ, должно быть, большой руки,—продолжала размышлять дѣвушка, припоминая легкія морщинки возлѣ глазъ и сиповатый басокъ доктора.—Впрочемъ, какое мнѣ до него дѣло?—И она еще быстрѣе зашагала по тротуару.

Надо скорѣй... тотъ ждетъ... Мягкое, нѣжное выраженіе засвѣтилось въ золотистой глубинѣ ея глазъ.

Замѣтивъ на углу мальчишку съ дешевыми цвѣтами, она, не торгуясь, купила свѣжій, еще не завядшій букетъ какихъ-то необыкновенно яркихъ цвѣтовъ.

Дѣвушка понюхала цвѣты и улыбнулась.

— Будемъ посмотрѣть!—пробормотала она.

Между тѣмъ Литейный мостъ уже кончался и передъ ней тянулась Выборгская. Дѣвушка сверкнула во дворъ неболь-

шого деревяннаго дома и почти вбѣжала въ низкія вонючія сѣни. Потянувъ за скобку двери, она очутилась въ узкомъ темномъ корридорѣ съ рядомъ плотно запертыхъ дверей.

— Можно войти?—постучалась она въ одну изъ нихъ.

— Погодите немного,—послышался въ отвѣтъ глухой мужской голосъ...—теперь можно—шагайте.

Бобровская толкнула передъ собой дверь и вошла въ длинную темноватую комнату, единственное окно которой упиралось въ стѣну. Очевидно, это была студенческая келья.

Въ углу стояла плохо прибранная кровать, передъ окномъ столъ, сплошь заваленный бумагами, этажерка, покосившаяся на бокъ отъ груды книгъ, чайный столъ, покрытый грязной салфеткой; два-три вѣнскихъ стула и громадная корзина-сундукъ наскоро и кое-какъ были разставлены вдоль стѣнъ.

Хозяинъ комнаты, высокій сутуловатый студентъ съ землистымъ цвѣтомъ лица и впалыми темными глазами, подходилъ къ дѣвушкѣ, застегивая на ходу потертую студенческую тужурку.

— Ну, что?—проговорилъ онъ, пожимая ей руку.

— Удача!—съ торжествующей улыбкой отвѣчала Бобровская, и, словно далекая зарница, отразилась ея улыбка на сумрачномъ лицѣ молодого человѣка.—Двадцать пять. Но съ какими приключеніями! Если бы ты только зналъ, гдѣ я ихъ достала...

— Тише! тише!—остановилъ студентъ:—ты лучше сядь и разсказывай. Ну, я слушаю.—Онъ съ невольнымъ удовольствіемъ остановилъ на ея оживленномъ лицѣ недобрый и подозрительный взглядъ своихъ темныхъ глазъ.

Бобровская не безъ юмора передала сцену у доктора и въ заключеніе какъ-то задумчиво добавила:

— Да, красивый и здоровый субъектъ! Здоровый до довольства и довольный до доброты...

— Буржуй!—презрительно замѣтилъ студентъ.

— Да, это чужой,—отвѣтила дѣвушка; на минуту брови ея сдвинулись, а въ глазахъ промелькнуло жесткое, почти враждебное выраженіе.—А ты забылъ, что хотѣлъ идти сегодня на малороссійскій спектакль?

— Мнѣ вотъ, видишь-ли, тутъ еще надо кое-что дописать...

Но дѣвушка не дала ему кончить.

— Ахъ, ты кретинъ этакій!—накинулась она на него:—Да вѣдь липы цвѣтутъ, солнышко на небѣ, а у тебя въ коморѣ и свѣта Божьяго не видно! Ну, на кого ты похожъ? Щеки ввалились, подъ глазами синяки... Нечего, нечего, ѣдемъ, ты обѣщалъ, наконецъ!

— Ну, Богъ съ тобой, ѣдемъ, отъ тебя вѣдь не отвя-

жешься,—и порывшись на этажеркѣ, онъ нашелъ засаленый студенческій картузъ и нахлобучилъ его на голову.

Они вышли на улицу.

Бобровская съ довольнымъ видомъ отдала своему кавалеру зонтъ, а сама съ букетомъ въ рукахъ пошла рядомъ.

— Кстати и деньги занесемъ,—понижая голосъ, замѣтила она.

— Пожалуй,—согласился студентъ и повернулъ было на тѣневую сторону улицы, но дѣвушка загородила ему дорогу.

— Нѣтъ ужъ, пожалуйста! Я люблю солнце, а тебѣ оно прямо необходимо.

— Ну, мнѣ-то оно, положимъ, совсѣмъ не къ лицу,—усмѣхнулся студентъ.

Бобровская мелькомъ взглянула на него, и сердце ея сжалось. При яркомъ солнечномъ освѣщеніи лицо его казалось еще блѣднѣе, тѣни подъ глазами и вдоль губъ обозначались какъ-то особенно рѣзко. Ему не было 24-хъ лѣтъ, — она это знала,—а морщины на лбу и эти проклятыя тѣни такъ и не сходили съ лица.

— Ты, Количка,—мягко начала она,—совсѣмъ не признаешь свѣта, тепла и радости. Но такъ жить нельзя, ты можешь сломиться!

— Что-жъ, одинъ рядовой выбудетъ изъ строя и—только.

— Перестань, пожалуйста, мнѣ, наконецъ, обидно: ты совсѣмъ забываешь про меня!

— „Увы, утѣшится жена,
И друга лучшій другъ забудетъ“!..

— Ну, пошелъ!..—она махнула рукой: — купимъ-ка лучше яблокъ, а то жара-то порядочная стоитъ.

Они уже давно шли по Литейному мосту. Солнце немилосердно жгло, и только легкій вѣтерокъ съ Невы пріятно освѣжалъ лицо и грудь. На Неву трудно было смотрѣть: такъ она сверкала. Вдали темнозеленыя купы садовъ безъ шума колебались отъ вѣтра всей массой, и изрѣдка къ пыльной и душной атмосферѣ города примѣшивался сладкій ароматъ липы.

— Коля! слышишь? Липой пахнетъ!—и Бобровская потянула воздухъ своими тонкими ноздрями.

Студентъ молчалъ. Можетъ быть, онъ не слыхалъ среди грохота и шума улицы, что говорила его спутница, а можетъ быть, ему было просто не до запаха липъ. Но дѣвушка не унималась.

— Постой! а яблоки-то? Погоди немножко, я вотъ только куплю...

Онъ остановился. Бобровская купила пятокъ и, развернувъ мѣшокъ, церемонно протянула его своему кавалеру. Тотъ

откланялся. Дѣвушка, не смущаясь, вытащила сама яблоко и сочно закусила

— Пріятнаго аппетита, барышня! — привѣтствовалъ ее какой-то мастеровой.

— Спасибо, любезный! — равнодушно отвѣчала дѣвушка, уписывая яблоко.

Спутникъ ея невольно усмѣхнулся.

— Какъ! ты еще не разучился смѣяться?!—удивилась она.

Студентъ обидѣлся.

— А ты, Ольга, кажется, никогда не научишься смотрѣть серьезно на жизнь,—небрежно замѣтилъ онъ.

— То есть я, наравнѣ съ міровой скорбью, признаю всегда и существованіе радости бытія,—спокойно отвѣчала Бобровская, продолжая грызть яблоко.—Надѣюсь, ты не противъ радости вообще?

— Я, ты знаешь, ничего не признаю вообще, а только въ частности, въ зависимости отъ времени и пространства.

— Ну, да, конечно, а такъ какъ „въ наши тяжелые трудные дни" радоваться нечему, то и радость неприлична? такъ что-ли?

Молодой человѣкъ ничего не отвѣтилъ и только пожалъ плечами, дѣвушка тоже замолчала.

Жаръ палилъ. Небо словно побурѣло отъ зноя. Дышать становилось нечѣмъ. Губы и языкъ мучительно сохли.

— Дай-ка лучше яблочко! у меня все во рту пересохло,— онъ протянулъ руку.

— Сдѣлай одолженіе!—обрадовалась Бобровская и, выбравъ самое большое, подала ему.—Да ты обѣдаешь-ли теперь?—спохватилась она.—Нѣтъ? Прекрасно, прекрасно, г-нъ матеріалистъ! По ночамъ не спитъ, обѣдовъ не признаетъ и живетъ одними нервами, это ужъ fin de siècle какой-то!..

— Будетъ тебѣ, Ольга, ворчать-то,—лѣниво проговорилъ студентъ:—ей Богу, жарко, и спорить лѣнь, да и я вѣдь тебѣ, кажется, не мѣшаю ѣсть и спать, сколько влѣзетъ.

Бобровская вспыхнула.

— Представь себѣ, Николай, что мой сонъ и аппетитъ нѣсколько страдаютъ при мысли, что порядочные люди, которыхъ и безъ того немного, добровольно сами себѣ въ униссонъ со всякими независящими обстоятельствами устраиваютъ не жизнь, а какой-то адъ и нисколько не берегутъ себя хотя бы для другихъ...—Голосъ ея предательски дрогнулъ, въ груди уже кипѣли слезы оскорбленнаго самолюбія и непонятаго чувства.

— Ты добрая,—смущенно пролепеталъ студентъ, чуть не подавившись своимъ яблокомъ:—я, дѣйствительно, нѣсколько одностороненъ и не всегда тебя понимаю...

— Добрая!—Она горько усмѣхнулась.—О, нѣтъ! Николай, я совсѣмъ не добра, я только заражена буржуазнымъ эпикуреизмомъ настолько, что готова пропагандировать его...

— Э-э! да ты, я вижу, не на шутку обидѣлась... Прикажешь на колѣняхъ просить прощенія?

— Да, какъ же! Поставишь тебя на колѣни!—пробормотала она, бросивъ на него взглядъ исподлобья.

Онъ улыбнулся одними глазами. И вдругъ, взявъ ея руку съ букетомъ, поднесъ къ своимъ губамъ.

— Довольна?—тихо проговорилъ онъ, просовывая ея сильно дрогнувшую ручку черезъ свою.

Алая краска разлилась по блѣдному лицу дѣвушки. Глаза потемнѣли. Съ улыбкой протянула она молодому человѣку свой букетъ и почти прошептала:—Возьми, а то завянетъ!

— Ну, пойдемъ, занесемъ деньги-то,—почему-то тоже почти шопотомъ сказалъ молодой человѣкъ, беря букетъ.

III. Поздней осенью.

Хмурыя осеннія тучи низко нависли надъ землей. Незамѣтно сползали сумерки. На горизонтѣ узкая полоска догорающей зари слабо освѣщала крыши домовъ и обнаженныя верхушки деревьевъ. Вѣтеръ безпощадно срывалъ съ нихъ послѣдніе листья и гналъ ихъ желтыя поблекшія груды подъ ноги прохожихъ.

Большой проспектъ на Васильевскомъ островѣ былъ почти пустъ. Фонари еще не зажигались, и только кое-гдѣ мелькали огоньки въ мелочныхъ лавкахъ. Изъ воротъ каменнаго пятиэтажнаго дома вынырнула небольшая женская фигурка, вся закутанная въ безобразный кожанный плащъ, даже капюшонъ былъ поднятъ и накинутъ поверхъ стереотипной шляпки à la Пушкинъ. Фигурка побѣжала было къ углу улицы, но на дорогѣ остановилась съ выраженіемъ полной растерянности и недоумѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ, куда-же идти? 10-я, 11-я, 12-я, даже 13-я и 14-я линіи осмотрѣны, а комнатъ дешевле 11-ти не попалось ни одной, да и за эти-то деньги изволь селиться чуть не въ углу, безъ свѣта, безъ печки...

— Барчукова! Наконецъ-то!.. Я ужъ и не надѣялся васъ въ Питерѣ встрѣтить!..—Громадный верзила въ студенческой шинели загородилъ ей дорогу.

— Слыняевъ! Вы развѣ давно изъ провинціи?

— Помилуйте! Да вѣдь октябрь скоро,—это вы только, такъ по аристократически, осень проводите на дачѣ. Что вы тутъ дѣлаете-то?

— Да вотъ все съ квартирой никакъ не улажусь,—третій день хожу и хоть-бы что! Дешевле 12-ти ничего порядочнаго, а у меня на весь мѣсяцъ ассигновано 20 рублей, да и то еще не цѣлый годъ...

— Ахъ вы, голубушка моя!—жалостливо заговорилъ студентъ:—ну, поищемте вмѣстѣ, вечеромъ я кой-кого поспрошаю...

— Голубчикъ!—взмолилась курсистка.

Они пошли рядомъ. Студентъ, чтобы развлечь свою даму, началъ разсказывать, какой ему попался лѣтомъ хорошій урокъ. Два мальчика, никуда не готовить и 50 р. на всемъ готовомъ, а занятій всего 2 часа.

— Хорошо вамъ, мужчинамъ,—завистливо вздохнула курсистка,—а мнѣ, небось, и 30-то едва-едва согласились дать за троихъ.

— Женскій трудъ, — философски замѣтилъ студентъ. — Стойте! билетъ!..

Оба почти подбѣжали къ завѣтному зеленому билетику на внутренней сторонѣ воротъ.

— Для одинокаго!—печально прочла курсистка.

— Ну, ничего, ищите и обрящете!—утѣшалъ студентъ,— вонъ на той сторонѣ опять билетъ...

Они перешли улицу и минуту спустя уже шагали по темноватому мощеному двору.

— Только бы не въ пятомъ этажѣ,—вслухъ мечтала курсистка,—а то въ прошломъ году я минутъ по пяти взбиралась по своей лѣстницѣ.

— Ишь вы, нѣженка какая! Ничего, ничего!—ноги молодыя, да и къ Богу ближе,—съострилъ ея кавалеръ.

Квартира оказалась въ третьемъ этажѣ. Студентъ позвонилъ. Дверь отворила грузная дама и, подозрительно осмотрѣвъ юную чету, сурово спросила:

— Вамъ комнату?

— Да, пожалуйста,—робко начала курсистка:—только мнѣ маленькую...

— А вотъ посмотрите, какая есть. Предупреждаю заранѣе, если къ вамъ народу много ходитъ, а особливо студентовъ, лучше и не переѣзжайте: я такихъ не держу.

— О, нѣтъ! —заторопилась курсистка,—у меня очень мало знакомыхъ, я только второй годъ въ Петербургѣ...

Хозяйка между тѣмъ свернула въ темный корридоръ, въ концѣ котораго распахнула настежъ стеклянную дверь.

— Вотъ комната!—сказала она.

Комната была длинная, узкая, довольно скудно меблированная, съ неизбѣжной дверью по сосѣдству и, какъ видно, никогда не чистившимся, плохо вымытымъ паркетнымъ поломъ.

— Сколько она стоитъ?—спросила курсистка.

— Тринадцать и четырнадцатый рубль прислугѣ,—отчеканила хозяйка.

— Вся-то ей цѣна 10 р.,—началъ было студентъ, но хозяйка не дала ему кончить.

— А коли вамъ надо за 10 рублей, такъ и спрашивайте сразу, чѣмъ добрыхъ людей безпокоить.—И она въ сердцахъ захлопнула дверь.—Шляются тутъ съ утра до вечера, благо дѣлать-то нечего!..

Молодые люди молча подвигались къ выходу. На лѣстницѣ оба съ облегченіемъ вздохнули.

— Ну, и зелье!—проговорилъ студентъ, отирая вспотѣвшій лобъ,—да вѣдь она бы васъ загрызла совсѣмъ...

Курсистка молчала. За эти два дня безплодныхъ поисковъ она еще и не того наслушалась.

За воротами оба остановились. Уже стемнѣло, кое-гдѣ мелькали фонари. Моросилъ мелкій дождь.

— Идемте-ка лучше къ Филиппову,—предложилъ студентъ,—ну ихъ, эти квартиры! Все равно ужъ поздно...

— Мнѣ все равно,—печально отозвалась его спутница и тутъ же вспомнила, что съ самаго утра она еще ничего не ѣла.—Ну, идемте!

Молча шлепали они по лужамъ, пока, наконецъ, не очутились въ теплой и аппетитной атмосферѣ булочной.

Студентъ съ жадностью накинулся на „горячій московскій" пирожокъ, курсистка тоже не безъ удовольствія принялась за свой поздній обѣдъ. Дѣвушка сбросила съ головы капюшонъ, и густая темная коса упала ей на спину. Продолговатое худенькое личико ея слегка порозовѣло. Большіе сѣрые глаза блестѣли изъ подъ густыхъ рѣсницъ. Она была бы положительно красива, если бы не излишняя худоба и какое-то печальное, старчески-озабоченное выраженіе лица.

Дверь отворилась, и высокая стройная блондинка вошла въ булочную.

— А, m-r Слыняевъ!—привѣтствовала она студента,—вы тоже здѣсь?

Онъ съ необыкновенной предупредительностью вскочилъ со стула.

— Вѣра Ивановна! Какіе благосклонные вѣтры занесли васъ сюда?..

— Тѣ же, что и васъ,—усаживаясь на его стулъ, отвѣчала блондинка.—Подите купите и мнѣ пирогъ,—и она протянула ему хорошенькое сафьяновое портмоне.

Студентъ суетливо подбѣжалъ къ прилавку и черезъ нѣсколько минутъ уже разсыпался въ любезностяхъ передъ блондинкой. Та принимала все, какъ должное, незамѣтно разглядывая Барчукову, задумчиво доѣдавшую свой пирогъ.

— Что же вы не познакомите меня съ вашей дамой?— спросила блондинка Слыняева.

— Виноватъ!—спохватился студентъ,—но я полагалъ, что вы уже знакомы, какъ коллеги. Барчукова, Грюнсфельдъ,— представилъ онъ ихъ.

Курсистки пожали другъ другу руки.

— Не слыхали ли вы гдѣ нибудь комнату? — застѣнчиво обратилась Барчукова къ Грюнсфельдъ.

— А вамъ какъ—одной или вмѣстѣ?

— То есть, я бы предпочла одной, но, въ крайнемъ случаѣ, готова поселиться и вдвоемъ...

— Не хотите ли со мной? Я ищу себѣ сожительницу. Моя комната недалеко отсюда, въ третьемъ этажѣ, парадная лѣстница со швейцаромъ и 16 рублей.

— Ого!—замѣтилъ студентъ,—вамъ везетъ!

— Мнѣ всегда везетъ!—усмѣхнулась блондинка, и голубые глаза ея выразительно сверкнули изъ подъ густыхъ рѣсницъ.

Эта была безспорно красива. Съ перламутровымъ оттѣнкомъ кожи, съ вьющимися рыжевато-золотистыми волосами и прозрачно-голубыми глазами, которые иногда казались даже зелеными. Впрочемъ, ея главное attrait составляла фигура, роскошный бюстъ, тонкая талія и маленькія руки и ноги.

— Такъ что же вы скажете?—обратилась она къ Барчуковой.

— Видите ли,—замялась та,—у меня экзамены...—Въ сущности, ей просто не хотѣлось поселяться съ совершенно незнакомымъ человѣкомъ, но она какъ-то не рѣшалась сказать это прямо.

— Вотъ и прекрасно!—подхватила Грюнсфельдъ,—у меня тоже. У васъ не латынь?

— Да, латынь и логика кромѣ того...

— А у меня латынь и русская исторія. Латынью мы займемся вмѣстѣ, вы вѣдь на II курсъ переходите?

— Да, но какъ вы меня знаете?—удивилась Барчукова.

Грюнсфельдъ самодовольно разсмѣялась.

— Я всѣхъ знаю на нашемъ курсѣ, по крайней мѣрѣ по фамиліямъ, да у меня и вообще много знакомыхъ.

Барчукова смутно припомнила, какъ въ прошломъ году Слыняевъ ей съ восторгомъ разсказывалъ о какой-то бестужевкѣ съ необыкновенной развитой общественной жилкой.

— Ну, думайте, думайте, а пока пойдемъ всѣ вмѣстѣ чай пить и комнату смотрѣть.

Грюнсфельдъ приподнялась, и молодые люди вышли на улицу. Черезъ четверть часа они уже стояли въ темной передней передъ дверью, изъ за которой доносился громкій смѣхъ и говоръ мужскихъ голосовъ.

— Это братъ, вѣрно, съ товарищами пришелъ,—пояснила Грюнсфельдъ и толкнула дверь въ комнату, всю погруженную въ розовый полумракъ.

— А мы, Вѣруня, безъ тебя здѣсь хозяйничаемъ,—началъ высокій рыжеватый юноша въ pince-nez,—я тебѣ Аяксовъ привелъ.

Два армянина въ формѣ студентовъ лѣсного института поднялись съ дивана.

— Здравствуйте, господа!—любезно-развязнымъ тономъ привѣтствовала всѣхъ Грюнсфельдъ.—Позвольте васъ перезнакомить.

Барчукова и Слыняевъ назвали себя, причемъ Грюнсфельдъ-братъ любезно помогъ гостьѣ раздѣться. Ея длинная коса и большіе мерцающіе глаза нашли въ немъ вполнѣ достойнаго цѣнителя.

— Худа немножко,—рѣшилъ онъ,—но это придаетъ ей что-то воздушное, почти призрачное, недурной оригиналъ для декадентскихъ стиховъ или даже картины.

— Вы тоже съ Бестужевскихъ курсовъ?—слегка играя красивыми синими глазами, спросилъ онъ.

— M-lle Барчукова, можетъ быть, даже поселится со мной,—отозвалась сестра, поправляя передъ зеркаломъ свой греческій узелъ.—Покажи ей комнату, Анатолій!

Анатолій, живописно опершись на спинку стула, принялся описывать всѣ удобства и неудобства комнаты. Сестра его между тѣмъ усѣлась на диванъ и минутъ черезъ пять затѣяла жесточайшій споръ съ однимъ изъ Аяксовъ по поводу того, что жить вообще не стоитъ, лучше умереть раньше, а еще лучше совсѣмъ не родиться. Слыняевъ и второй Аяксъ съ нескрываемымъ восхищеніемъ слушали ее. Оппонентъ тоже не столько возражалъ, сколько любовался очаровательной пессимисткой. А она за словомъ въ карманъ не лазила, цитируя и Гейне, и Лермонтова, и Шопенгауэра и не забывая въ то же время то выставить хорошенькую ножку въ бронзовой туфелькѣ, то повести прозрачной восковой ручкой передъ самымъ носомъ очарованныхъ слушателей.

— А вы не увлекаетесь Шопенгауэровскими идеями?—спросилъ Грюнсфельдъ Барчукову.

— Я никогда не читала его въ подлинникѣ,—отвѣтила та.

— Помилуйте! да при теперешнемъ состояніи нашей популярной литературы этого и не требуется...

— Но мнѣ казалось бы какой-то поддѣлкой, если бы я стала ссылаться на Шопенгауэра и была бы съ нимъ знакома только съ чужихъ словъ...

Собесѣдникъ ея съ искреннимъ изумленіемъ посмотрѣлъ на своего сосѣда-армянина, но тотъ былъ весь погруженъ въ

созерцаніе довольно полной бѣлой шеи Вѣры Ивановны, которая предпочитала, не взирая на моду, ходить въ кофточкахъ съ низкимъ вырѣзомъ.

— Гмъ!—подумалъ Грюнсфельдъ,—Вѣрунька, какъ всегда, отличается!—И тутъ же началъ мысленно сравнивать свою даму съ сестрой, разсказывая въ то же время, какъ онъ еще на первомъ курсѣ, совсѣмъ не читая Байрона и Гейне, такъ былъ пораженъ лекціями Вейнберга о міровой скорби, что цѣлый мѣсяцъ ходилъ самъ не свой, и товарищи даже боялись за его разсудокъ... Вѣроятно, въ силу послѣдняго обстоятельства онъ такъ и не познакомился съ названными писателями, но объ этомъ онъ, впрочемъ, не распространялся.

Барчукова внимательно слушала его, внутренно недоумѣвая, почему этотъ красивый юноша со всѣми міровыми вопросами и скорбями не возбуждаетъ въ ней ни интереса, ни симпатіи. Когда же она прислушалась къ спору его сестры, ей вдругъ страстно неудержимо захотѣлось крикнуть имъ всѣмъ: не надо! не это говорите!

Чтобы хоть немного избавиться отъ этого тягостнаго впечатлѣнія, она незамѣтно для своего кавалера принялась осматривать комнату. Какая-то странная смѣсь безпорядка, почти неряшества царила здѣсь наравнѣ съ претензіей на щегольство. Въ углу, не прямо, а наискось, стояла этажерка съ обыкновенной рабочей лампой въ розовомъ колпачкѣ изъ папиросной бумаги на верхней полкѣ и какими-то картонками, вмѣсто книгъ, на нижнихъ. Отсюда-то и распространялся розовый полумракъ на всю комнату, слегка маскируя пыль на столикѣ и стульяхъ и грязный паркетный полъ. Письменный столъ рядомъ съ этажеркой былъ сплошь заваленъ старыми газетами и конфектными бумажками; тутъ же валялись фотографическія изображенія Байрона, Лассаля и Дарвина, безъ рамокъ, запачканныя чернилами. Ширмы плохо скрывали кровать, очевидно еще съ утра не убранную. На кругломъ столѣ передъ диваномъ, гдѣ сидѣла хозяйка и ея гости, валялись закуски, начатая булка и раскрытая книга. Книгами же былъ заваленъ комодъ у противоположной стѣны, и какихъ книгъ здѣсь только не было! И „Политическая экономія“ Чупрова безъ переплета и „Русская исторія“ Соловьева, и „Геологія“ Мушкетова и „Основы біологіи“ Спенсера и, наконецъ, нѣсколько разрозненныхъ томовъ Мопассана, что-то Макса Нордау и длинненькая узкая книжечка стихотвореній Мережковскаго. Надо всей этой грудой возвышалось большое въ овальной рамкѣ зеркало, стклянка съ бромомъ довольно внушительныхъ размѣровъ и хорошенькая бонбоньерка съ бутоньеркой увядшихъ цвѣтовъ. На свободныхъ стульяхъ валялись ноты и какія-то тоненькія брошюрки безъ переплета.

Барчуковой стало какъ-то не по себѣ. Собесѣдникъ ея изъ кожи лѣзъ, чтобы быть вполнѣ интереснымъ молодымъ человѣкомъ. Онъ уже давно съ мiровой скорби переѣхалъ на женскiй вопросъ и теперь съ грустью констатировалъ тотъ фактъ, что крайности эмансинацiи сказываются и на современной женщинѣ.

— Ну-съ! Что же вы рѣшили относительно комнаты?— внезапно обратилась къ Барчуковой Грюнсфельдъ: и ей, да и ея кавалерамъ порядкомъ-таки надоѣлъ ихъ философскiй споръ.

— Какъ же я скажу нѣтъ? Да и все равно деньги нужны... Наконецъ, нельзя же требовать отъ всѣхъ чего-то необыкновеннаго, а это, очевидно, только большинство, отъ чего и зависятъ всѣ ихъ достоинства и недостатки... Ну, все равно, отъ жизни не уйдешь, надо брать то, что она даетъ...

— Я согласна переѣхать къ вамъ хоть завтра,—тихо отвѣчала Барчукова,—только мнѣ бы хотѣлось имѣть собственный уголокъ, особый письменный столъ и полочку для книгъ...

IV. Зима.

Часы гулко пробили восемь. Марья Николаевна машинально потянулась за своими—точно: ровно восемь часовъ. Пора кончать: завтра утренняя лекцiя анатомiи; надо идти съ Васильевскаго острова на Фонтанку и потому встать пораньше; да и все равно не стоитъ начинать новую главу. И, вписавъ мелкимъ, бисернымъ почеркомъ послѣднюю формулу, дѣвушка аккуратно приложила пропускную бумажку, отерла перо и вмѣстѣ съ тетрадкой уложила въ изящный кожанный портфель. Взглянувъ еще разъ на часы, она, наконецъ, встала и направилась къ рѣшоткѣ библiотекаря, ловко лавируя въ узкихъ проходахъ между столами и держась необыкновенно прямо, чего, впрочемъ, требовалъ ея маленькiй ростъ. Обширная читальная зала замѣтно пустѣла и погружалась во мракъ. Переднiе столы уже были свободны, и сторожа, неслышно ступая по резиновымъ настилкамъ, гасили лампы. Тьма все настойчивѣе и настойчивѣе лѣзла съ высокихъ сводовъ вдоль стѣнъ и по угламъ, окутывая дымкой одинокiя фигуры за столами, торопливо дочитывающiя послѣднiя страницы. Толпа у завѣтной рѣшотки рѣдѣла. Марья Николаевна стала нѣсколько поодаль; маленькiй ростъ дѣлалъ ее совсѣмъ незамѣтной въ массѣ, а она этого не любила. Съ портфелемъ подъ мышкой и толстымъ томомъ Менделѣева въ рукахъ Марья Николаевна невольно поражала необыкновенной корректностью своего костюма, прически,

даже выраженія лица и глазъ, нѣсколько сѣроватаго тона, безъ малѣйшей примѣси яркихъ красокъ и какого-бы то ни было огонька. Ей можно было дать отъ 20-ти до 35-ти лѣтъ, на самомъ же дѣлѣ было 22 года.

Замѣтивъ, что стоящій впереди ея студентъ слегка замѣшкался, дѣвушка ловко проскользнула къ окошечку и, сдавъ книгу, направилась внизъ. Минутъ черезъ пять она уже была на улицѣ. Рѣзкій пронзительный вѣтеръ заставилъ ее спустить свою оренбургскую вуальку и поднять каракулевый воротникъ кофточки. Пройдя нѣсколько шаговъ, она крикнула извозчика,—ходить пѣшкомъ Марья Николаевна и не любила, и не привыкла: папà, директоръ одного провинціальнаго банка, держалъ своихъ лошадей, и она еще съ дѣтства привыкла пользоваться ихъ услугами. Усѣвшись поудобнѣе, дѣвушка, не смотря на холодъ, принялась припоминать прочитанное. Рука ея уже невольно пыталась изобразить на подкладкѣ муфты важнѣйшія формулы, а въ головѣ стройно возникали главныя реакціи. Въ умственной сферѣ Марья Николаевна преклонялась только передъ фактами и относилась въ высшей степени скептически ко всякому выводу и обобщенію. Голова ея была устроена такъ, что могла вмѣщать массу матеріала и, вѣроятно, благодаря постоянному и чрезмѣрному обилію его, самостоятельно оперировала плохо.

Извозчикъ уже былъ у Николаевскаго моста, когда Марья Николаевна, наконецъ, кончила съ припоминаніемъ и выглянула изъ своего воротника. Вьюга почти прекратилась, и только послѣднія алмазныя снѣжинки еще кружились въ голубоватомъ свѣтѣ электрическихъ фонарей. Въ темномъ бархатѣ неба зажглись крупныя яркія звѣзды. Но Марья Николаевна не любила смотрѣть по сторонамъ, красоту же она понимала плохо и, не опуская воротника, она снова запряталась поглубже. Васильевскій островъ, между тѣмъ, встрѣчалъ ее обычнымъ контрастомъ мрака и тишины своихъ улицъ сравнительно съ Адмиралтейской стороной. Дѣвушка нарочно велѣла ѣхать по 10-й линіи, гдѣ тишина и безлюдье были особенно замѣтны. Ей вдругъ захотѣлось припомнить, о чемъ говорилъ въ послѣдній разъ профессоръ анатоміи, котораго она услышитъ завтра. Марья Николаевна очень любила естественныя науки и послѣднее время занималась особенно усиленно, такъ какъ собиралась поступить на Медицинскіе курсы. Нельзя сказать, чтобы къ медицинѣ ее влекло человѣколюбіе; нѣтъ, побудительными причинами были скорѣе дѣловитость и нѣкоторый карьеризмъ, унаслѣдованные отъ цѣлаго ряда предковъ-чиновниковъ; и надо ей отдать справедливость, Марья Николаевна вполнѣ откровенно сознавалась себѣ въ этомъ. Впрочемъ, въ безкорыстные порывы человѣ-

скаго сердца Марья Николаевна вѣрила плохо. Конечно, благодаря состоянію и видному положенію отца, дѣвушка могла бы выйти замужъ, но плохая физическая организація и какая-то врожденная душевная сухость заставляли ее инстиктивно сторониться отъ подобной комбинаціи, по выраженію ея папà.

Извозчикъ, наконецъ, остановился у подъѣзда. Швейцаръ почтительно растворилъ двери, и Марья Николаевна очутилась въ общежитіи курсовъ. Поднявшись наверхъ, она прошла по длинному, свѣтлому корридору къ себѣ въ комнату. Горничная уже приготовила ей обычную порцію яицъ и стаканъ чая. Лампа въ зеленомъ абажурѣ была зажжена и обливала своимъ мягкимъ свѣтомъ сѣрыя стѣны, узкую бѣлую постель, парусиновую штору на окнѣ и письменный столъ безъ малѣйшихъ украшеній. За то невольно бросался въ глаза необыкновенный порядокъ и полное отсутствіе пыли. Въ углу скромно терялись въ тѣни крашеный желѣзный умывальникъ и комодъ. Пестрые коврики на стѣнѣ и на полу у кровати дѣлали очень уютной эту небольшую комнатку съ безукоризненнымъ паркетнымъ поломъ, высокимъ чистымъ потолкомъ и изразцовой печкой въ углу, а широкое клеенчатое кресло передъ столомъ и шкафъ для книгъ придавали всему солидный и ученый видъ.

Марья Николаевна сбросила обычный синій пиджакъ и осталась въ свѣтлой батистовой кофточкѣ, съ туго накрахмаленнымъ воротничкомъ и манжетами. Присѣвъ къ столу, она съ аппетитомъ съѣла пару яицъ и выпила стаканъ чаю. Собственно, она была бы не прочь выпить и другой стаканъ, но такова ея всегдашняя норма, нарушать которую она не любила. Впрочемъ, есть яблоки... Конфектъ Марья Николаевна не признавала, но фруктами лакомилась часто.

Подвинувъ кресло, дѣвушка уже было раскрыла новую книжку толстаго журнала, что она дѣлала всегда на сонъ грядущій, какъ вдругъ вспомнила, что сегодня должно быть письмо изъ дома, и отправилась внизъ. На лѣстницахъ и по освѣщеннымъ корридорамъ ей то и дѣло попадались курсистки. Однѣ въ яркихъ ситцевыхъ кофточкахъ, съ задорными личиками и растрепанными шевелюрами, другія такія же корректныя, какъ и Марья Николаевна, и, наконецъ, третьи, благоухающія духами и шуршащія дорогими шелками. Марья Николаевна кой съ кѣмъ поздоровалась, но не останавливалась. Близкихъ подругъ у нея не было; слишкомъ ушла она въ свою учёбу, да и женская дружба всегда какъ-то даже шокировала ее своей экзальтированностью и невозможнымъ многорѣчіемъ.

Но вотъ и пріемная. Это уютная большая комната, съ обоями и мебелью вишневаго цвѣта, съ высокими по послѣдней модѣ

лампами на лакированныхъ подъ черное дерево столахъ. Группы курсистокъ и студентовъ весело щебечутъ по угламъ и даже въ серединѣ комнаты. Знакомая и мало интересная картина! И, какъ всегда, центръ—студенты, съ которыми Марья Николаевна положительно не хотѣла знаться, съ тѣхъ поръ какъ убѣдилась и откровенно призналась самой себѣ въ ихъ умственномъ превосходствѣ. Пройдя черезъ вторую пріемную поменьше, дѣвушка очутилась, наконецъ, въ нижнемъ корридорѣ курсовъ, слабо освѣщенномъ колеблющимся свѣтомъ единственнаго газоваго рожка. На лѣстницахъ уже была полная тьма, но сверху доносились голоса и звуки рояля.

Слегка вздрагивая отъ холода, Марья Николаевна спустилась въ четыреугольный вестибюль, но здѣсь должна была зажечь свѣчу, такъ какъ съ улицы курсы были заперты и потому сѣни не освѣщались. Со свѣчой въ рукахъ дѣвушка отодвинула стеклянную раму завѣтной витрины, прибитой къ стѣнѣ. Витрина была раздѣлена по числу буквъ алфавита на соотвѣтственно размѣченные ящички. Вынувъ пачку писемъ и желтыхъ и розовыхъ повѣстокъ изъ одного изъ нихъ, Марья Николаевна дѣйствительно нашла на свое имя два письма. Одно изъ дома, другое отъ старой гимназической подруги изъ Парижа. Проворно поднялась она къ себѣ и прежде всего распечатала письмо отъ своихъ. Писали отецъ и мать. Оба, по обыкновенію, всячески предупреждали отъ питерскихъ золъ, какъ-то: частныхъ квартиръ, коварнаго климата, красныхъ кофтъ (выраженіе фигуральное), лохматыхъ и тому подобнаго. Марья Николаевна невольно улыбалась, читая эти родительскія наставленія, но въ душѣ была согласна, и въ особенности съ заключительной фразой матери— „Chacun pour soi et Dieu pour tous“. Да, пора, давно пора распроститься со всѣми альтруистическими бреднями и признать, наконецъ, открыто тѣ низкія истины, которыя когда-то скрывались за возвышающимъ насъ обманомъ!..

Нужно, однако, завтра же отвѣтить: въ своей корреспонденціи Марья Николаевна была такъ же аккуратна и педантична, какъ и въ работѣ.

Ну, а теперь письмо Ниночки... Легкая пренебрежительная гримаска промелькнула на серьезномъ лицѣ Марьи Николаевны, но странная вещь! Въ то время, какъ она положительно не уважала сумазбродствъ своей подруги, переписка съ нею доставляла ей удовольствіе и интересъ: она какъ будто удовлетворяла слабой, едва теплившейся потребности жить не однѣми книгами.—Ну, такъ и есть! опять влюблена... Впрочемъ, что жъ? здорова, да и года подошли... но что это? рабочій вопросъ, политическія партіи... откуда это

у Нинки? или и ей реклама понадобилась?.. Да, конкурренція растетъ, и одной наружностью не обойдешься—иначе Марья Николаевна не объясняла себѣ подобныхъ увлеченій.—Однако скоро одиннадцать часовъ, а завтра вставать въ семь. — Маша!—зоветъ она горничную:—завтра мнѣ какао въ половинѣ седьмого, да не забудь почистить башмаки и юбку.

Отпустивъ горничную, Марья Николаевна послѣ тщательнаго умыванья укладывается спать и быстро засыпаетъ, не смотря на шумъ и взрывы хохота за стѣной. Ахъ, эти болтушки! Проболтаютъ до пѣтуховъ, да потомъ и сидятъ на лекціяхъ... Нѣтъ, пора, пора спать...

Z.

---

* * *

Изъ Людвига Якубовскаго.

Вѣчнымъ свѣтиламъ подобно сіянье
Нашихъ счастливыхъ, безоблачныхъ дней,
Людямъ они—утѣшеньемъ въ страданьи
Свѣтятъ въ дали золотистой своей.

—

О, не скорбите о дняхъ отсіявшихъ,
Радуйтесь, братья, что *были* они!
Въ сумеркахъ грозныхъ, все небо объявшихъ—
Намъ избавленье сулятъ ихъ огни.

О. Чюмина.

ДЖАКОМО.

Новелла Энрико Кастельнуово.

I.

Его звали Джакомо. Фамилію свою онъ и самъ едва ли помнилъ. Въ тотъ день, какъ онъ, восьмилѣтній мальчикъ, слабый, болѣзненный, хромой, получилъ въ наслѣдство отъ старой продавщицы спичекъ подъ портикомъ Санъ.. ея мѣсто, этотъ тихій уголокъ Венеціи такъ и закипѣлъ.

Трое другихъ кандидатовъ на это мѣсто, узнавъ, что старуха умерла наканунѣ вечеромъ отъ удара, заявили свои права; то были: слѣпой, которому иногда случалось быть зрячимъ, безрукій, увѣрявшій, что потерялъ руку, сражаясь за отечество, и „аристократка", хвалившаяся дальнимъ родствомъ съ Орсеолами. Но ни одинъ изъ этихъ конкуррентовъ не обладалъ неоцѣнимымъ преимуществомъ имѣть отца.

А у Джакомо былъ отецъ, принимавшій къ сердцу свои родительскія обязанности и готовый пустить въ ходъ кулаки въ защиту правъ своего единственнаго дѣтища. Въ теченіе нѣскольких часовъ этотъ примѣрный родитель, съ помощью своей достойной сообщницы, отражалъ нападенія тѣхъ, которые пытались прогнать мальчика съ мѣста. И не одинъ разъ въ этотъ день подъ портикомъ раздавались оплеухи, колотушки и крики, такъ какъ никто изъ сражающихся не хотѣлъ оставить поле битвы. Наконецъ, торговка фруктами, по прозванію *Рыжая*, собравъ на совѣтъ двухъ сосѣднихъ лавочниковъ и носильщика, по прозванію *Носъ*, человѣка вліятельнаго въ своемъ околодкѣ, когда онъ не былъ пьянъ, обратилась къ нимъ съ слѣдующей разумной рѣчью:

— Здѣсь мы должны быть хозяевами. Мы и должны прогнать отсюда тѣхъ, кто намъ мѣшаетъ.

— И прогонимъ ихъ всѣхъ! — закричалъ синьоръ Ноэ Спарджилли, управляющій *торговлей южными винами для экспорта.*

— Да, да—подтвердилъ синьоръ Массимо Софіати, торговецъ старыми вещами,—прогонимъ ихъ всѣхъ, можно даже и полицію призвать на помощь.

Но носильщикъ *Носъ* и торговка запротестовали.

— Хоть самого короля позовите, и то ничего не сдѣлаетъ. Споконъ вѣка, не взирая ни на какихъ полицейскихъ и ни на какія городскія власти, на этомъ мѣстѣ стоялъ слѣпой, хромой или горбатый, да и впредь стоять будутъ—съ этимъ ужъ ничего не подѣлаешь. Надо, по крайней мѣрѣ, выбрать того, кто намъ меньше будетъ надоѣдать.

Носъ и *Рыжая* рѣшили, что самымъ безобиднымъ изъ всѣхъ конкуррентовъ будетъ, разумѣется, бѣдный мальчикъ-калѣка и что въ общемъ интересѣ слѣдуетъ отдать предпочтеніе ему.

Такимъ образомъ и рѣшилось дѣло.

Каждое утро Джакомо приплетался сюда со своимъ ящикомъ спичекъ, надѣтымъ на шею, и оставался здѣсь цѣлый день, то стоя, опершись на костыли и прислонившись къ стѣнѣ, то усѣвшись на землѣ и поджавъ подъ себя свои бѣдныя искривленныя ноги. Несчастный видъ его внушалъ состраданіе прохожимъ и многіе прежде, нежели онъ подавалъ голосъ и протягивалъ руку, покупали у него спички, другіе же просто бросали въ ящикъ сольдо изъ милости.

Заботливые и нѣжные родители поминутно приходили облегчать его отъ набранныхъ имъ денегъ, и мало-по-малу маленькій калѣка сдѣлался содержателемъ семьи, которая давала ему за это грязную, вонючую подстилку, кусокъ хлѣба и множество колотушекъ въ прибавку. Поэтому, когда въ теченіе шести мѣсяцевъ у него умерли отецъ и мать, онъ подумалъ только, что никто больше не станетъ его бить, никто не будетъ ругать, никто не помѣшаетъ ему тратить собранныя деньги такъ, какъ ему хочется, и принялъ свое положеніе сироты съ философскимъ равнодушіемъ.

Онъ также не особенно горевалъ, когда хозяинъ конуры, въ которой умерли его родители, выгналъ его на улицу, оставивъ ему изъ милости подстилку, на которой онъ спалъ, и удержавъ остальное въ уплату за помѣщеніе. Одинъ столяръ, прикидывавшійся филантропомъ и имѣвшій два или три магазина въ нижнемъ этажѣ, предложилъ ему конурку, занимаемую прежде башмачникомъ, который открывалъ лавку на болѣе бойкомъ мѣстѣ.

— Башмачникъ платилъ мнѣ 80 лиръ въ годъ,—говорилъ онъ, и, конечно, безсовѣстно лгалъ,—ты же будешь давать мнѣ каждый мѣсяцъ, сколько можешь. Вѣдь мы всѣ, какъ добрые христіане, должны помогать ближнему.

Между тѣмъ, чтобы прежде всего помочь самому себѣ,

почтенный филантропъ взялъ три лиры за первый мѣсяцъ и столько же въ послѣдующіе мѣсяцы, да кромѣ того иногда бралъ у мальчика то коробочку спичекъ, то номеръ „Газетки“, такъ какъ Джакомо расширилъ свою торговлю и продавалъ также кое-какія газеты.

II.

Онъ былъ совсѣмъ одинокъ, забытый всѣми, даже закономъ, который, однако, обязанъ бы заботиться объ опекѣ надъ малолѣтними сиротами. Но его „бумаги“, неясныя, какъ и многія другія, никогда не попадались на глаза претору, а приходскій священникъ, жирный и сонный, но не злой человѣкъ, говорилъ иногда: „Если откроется вакансія въ пріютѣ Добраго Пастыря, мы постараемся помѣстить туда бѣднаго мальчика“. Но, или потому, что вакансіи никогда не было, или потому, что донъ Лука Мирони не очень то ревностно заботился о бѣдныхъ, несчастный мальчикъ оставался на своемъ собственномъ попеченіи. Впрочемъ, если кому хотѣлось попугать его, тому стоило только представить ему возможность быть помѣщеннымъ въ какой либо пріютъ. Тогда лицо его покрывалось смертельною блѣдностью, глаза, обыкновенно безучастные, вдругъ наполнялись ужасомъ и гнѣвомъ, а изсохшія руки съ угрозой сжимали костыли.

И донъ Лука, частью по своему апатичному характеру, частью потому, что понималъ, что̀ лучше для бѣднаго калѣки, скоро совсѣмъ отказался отъ своей мысли.

— Главное,—сказалъ онъ однажды,—это, чтобы мальчикъ приходилъ учиться закону Божію и присутствовалъ при церковной службѣ.

— За это я отвѣчаю,—объявила *Рыжая*, взявшая Джакомо подъ свое покровительство.

Мальчикъ, съ своей стороны, выказывалъ большое послушаніе. Что онъ понялъ изъ уроковъ закона Божія—неизвѣстно; можетъ быть, церковная служба служила ему развлеченіемъ, а можетъ быть, онъ просто видѣлъ въ посѣщеніи церкви средство удержать за собой мѣсто подъ портикомъ. Портикъ этотъ имѣлъ пятьдесятъ шаговъ въ длину и десять или двѣнадцать въ ширину. Съ одной стороны, онъ выходилъ къ мосту, съ другой—на улицу. Справа отъ того, кто сходилъ съ моста, открывались, кромѣ фруктовой лавочки, еще двѣ лавки: лавка старыхъ вещей и виноторговля; налѣво пять пилястровъ поддерживали сводъ, между ними шла желѣзная рѣшетка. Только въ средней аркѣ рѣшетки не было, и здѣсь нѣсколько ступенекъ спускались въ каналъ. Сквозь

арки—такъ какъ противоположные дома были не высоки, а каналъ былъ широкъ,—свѣтъ проникалъ подъ портикъ во всякое время дня, а отъ мая до августа солнце такими потоками вливалось въ портикъ послѣ полудня, что маленькій продавецъ спичекъ долженъ былъ прятаться отъ него, прижимаясь въ уголокъ у подножія моста. Иногда же, во время лѣтнихъ грозъ или зимнихъ бурь, вѣтеръ заносилъ туда дождь и снѣгъ, и полъ покрывался липкой и жидкой грязью. Однако ни жаръ, ни холодъ, ни сырость не уменьшали привязанности Джакомо къ этому крошечному уголку Венеціи.

Это былъ весь его міръ. Лишь изрѣдка уступалъ онъ соблазну пойти на площадь Св. Марка или въ золоченый соборъ, или на набережную прозрачной лагуны, въ которой волшебный городъ отражался, какъ въ гигантскомъ дискѣ изъ серебра и перламутра. И когда онъ съ разбитыми отъ усталости членами возвращался изъ этого путешествія, его каналъ и портикъ казались ему еще болѣе милыми и родными. И въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ ему было ходить такъ далеко, когда того, что онъ видѣлъ, оставаясь на своемъ мѣстѣ, было совершенно достаточно для возбужденія его любопытства и для удовлетворенія скудныхъ потребностей его умственной жизни?

Мимо него, особенно въ извѣстные часы дня, проходило столько народу по этому мосту подъ этимъ портикомъ! По этому узкому каналу сновало столько гондолъ, лодокъ и *пеатъ*! *)—Мимо него скользили открытыя гондолы, полныя иностранцевъ, разсѣянно прислушивающихся къ объясненіямъ чичероне и смотрящихъ нѣмымъ съ изумленіемъ кругомъ; плыли закрытыя гондолы, черный суконный *felge* которыхъ навѣрное скрывалъ какую-нибудь тайну, бѣжали легкія лодочки, въ которыхъ мальчишки веселились вмѣсто того, чтобы сидѣть въ школѣ, тянулись огромныя барки, идущія изъ Бурано и Торчелло, нагруженныя зеленью и фруктами, представляя собой красивое, яркое пятно и распространяя здоровый, свѣжій ароматъ полей; ползли тяжелыя, неуклюжія *пеаты*, нагруженныя въ вышину до того, что иногда приходилось ждать отлива, чтобы пройдти подъ мостомъ.

Но самой привлекательной особенностью канала, какъ для Джакомо, такъ и для другихъ уличныхъ мальчишекъ было то, что здѣсь шелъ прямой путь къ кладбищу Санъ-Микеле, а поэтому часто представлялся случай поглазѣть на богатыя похороны, на зажженныя свѣчи, на плывущій катафалкъ, на факельщиковъ въ ливреяхъ, на позолоченные гербы, на чуд-

*) Плоскодонныя лодки.

ные вѣнки изъ цвѣтовъ, изъ бисера, изъ бронзы, и на длинный кортежъ „собственыхъ“ гондолъ.

Каждый изъ этихъ богатыхъ покойниковъ давалъ маленькому калѣкѣ на цѣлую недѣлю матеріалъ для разговоровъ, потому что онъ какимъ-то способомъ собиралъ о немъ всевозможныя свѣдѣнія, вѣрныя и невѣрныя, и забавлялъ этими разсказами торговку фруктами и ея маленькую болѣзненную дочь.

III.

Умственныя способности Джакомо были не богаты; но онъ не былъ глупъ. Онъ обладалъ той наблюдательностью, которая у одинокихъ и больныхъ людей развивается въ долгіе часы вынужденной праздности и молчанія. Иногда онъ проявлялъ даже извѣстнаго рода энергію; такъ, напримѣръ, забравъ себѣ въ голову выучиться читать самоучкой, онъ достигъ того, что могъ приблизительно понимать содержаніе газетъ, которыя продавалъ. Обиженный природой и людьми, онъ имѣлъ право не быть добрымъ, и онъ не былъ добръ. Однако въ душѣ его еще не совсѣмъ угасло всякое чувство симпатіи, нѣжности и благодарности. Онъ по своему любилъ дѣтей, и если кто-нибудь изъ нихъ отдавалъ ему подаренный матерью сольдо, сухія и жесткія черты его лица смягчались, въ его „спасибо“ звучала теплая, ласковая нотка. Онъ зналъ всѣхъ ребятъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, большихъ и маленькихъ, которые проходили подъ портикомъ, и раздѣлялъ ихъ на разныя категоріи: на разсѣянныхъ, привѣтливыхъ, презрительныхъ и гордыхъ. О, послѣднихъ онъ ненавидѣлъ изъ всей души, даже и тогда, когда они подавали ему милостыню. Его испорченное воображеніе помогало ему, ребенку, угадывать пороки и слабости взрослыхъ. Онъ замѣчалъ извѣстныя совпаденія и встрѣчи; понималъ значеніе нѣкоторыхъ взглядовъ, причину то быстрой, то замедленной походки. Онъ старался также угадать тайны сосѣднихъ домовъ. Одинъ изъ этихъ домовъ особенно занималъ его въ то время, когда тамъ жила нѣкая учительница Консолини, чрезвычайно набожная особа, не пропускавшая ни одной обѣдни, ни одной проповѣди, ни одного благословенія. Къ ней Джакомо питалъ глубокую антипатію за толчки, которыми, по его словамъ, она награждала его въ церкви. Точно такъ же не любилъ онъ и ея школу, вывѣска которой, громадными буквами, висѣла по другую сторону канала и гласила: *Элементарная школа Консолини для дѣвочекъ съ преподаваніемъ Закона Божія, танцевъ и гимнастики.*

Что это была дѣйствительно школа, по крайней мѣрѣ, до

двухъ часовъ пополудни—это доказывали, кромѣ вывѣски, щебетанье дѣвочекъ, окрики учительницъ, а болѣе всего урокъ элементарной географіи, преподававшейся каждый день въ меньшемъ классѣ въ формѣ діалога между учительницей и дѣвочками.

— Гдѣ вы находитесь?—спрашивала первая.

— Въ мірѣ,—отвѣчали хоромъ ученицы.

— Въ какой части свѣта?

— Въ Европѣ.

— Въ какой части Европы?

— Въ Италіи.

— Въ какой части Италіи?

— Въ Венеціи.

— Въ какой части Венеціи.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ вылеталъ какъ взрывъ:

— Въ приходѣ Санъ- . . . . . , въ улицѣ дель Форно, у г-жи Консолини, гдѣ поучаемся отъ нея добродѣтели.

Все это было прекрасно. Но послѣ двухъ—декорація совершенно измѣнялась. Глубокая тишина смѣняла дѣтскіе крики и женщина среднихъ лѣтъ, въ черномъ платьѣ и черномъ чепцѣ, тщательно закрывала всѣ ставни. Это была маэстра Консолини собственной персоной. Однако раза два-три въ недѣлю открывались на половину ставни углового окна, стараго готическаго окна, единственный остатокъ отъ стариннаго палаццо, къ которому прилѣпилась скромная буржуазная постройка; длинная костлявая рука осторожно просовывала между ставнями какой-то зеленый лоскутъ, край котораго свѣшивался на улицу съ подоконника.

Маленькій продавецъ спичекъ очень скоро замѣтилъ, что какъ только появлялся зеленый флагъ, тотчасъ на мосту показывались элегантный молодой человѣкъ и вслѣдъ затѣмъ дама подъ густой вуалью; они взглядывали на окно, сходили со ступенекъ моста, поворачивали въ улицу дель Форно и, не имѣя надобности звонить, такъ какъ дверь была только притворена, входили въ цѣломудренное жилище, гдѣ маэстра Консолини поучала дѣтей добродѣтели.

Джакомо сообщилъ о своемъ открытіи торговкѣ фруктами и носильщику, по прозванію *Носъ*. Они разсказали своимъ друзьямъ и знакомымъ, и разговоры эти не остались безъ послѣдствій. Зеленый флагъ уже не появлялся, элегантный молодой человѣкъ и дама подъ вуалью не показывались, а главное прекратились уроки географіи, и вывѣска школы Консолини была снята. Но прежде чѣмъ совершилось это послѣднее событіе, бѣдняжка Джакомо сдѣлался жертвой грубаго нападенія.

По окончаніи обѣдни и при выходѣ изъ церкви длинная

костлявая рука наградила его страшнымъ подзатыльникомъ, злобный визгливый голосъ закричалъ: „шпіонъ!“ нога же, не имѣющая ничего общаго съ ножкой сильфиды, угостила его такимъ пинкомъ, что онъ чисто чудомъ удержался на своихъ костыляхъ.

— Шпіонъ!—оралъ женскій голосъ, въ которомъ Джакомо узналъ голосъ маэстры Консолини; точно также призналъ онъ, что рука и нога, такъ безцеремонно обошедшіяся съ его персоной, принадлежали ей же.

Опомнившись отъ неожиданности и занявъ болѣе выгодное стратегическое положеніе, Джакомо принялся осыпать ругательствами эту достойную представительницу обученія юношества.

— Послушайте только, что это за чертенокъ. Вотъ, что значитъ пускать по улицѣ такое отродье,—кричала маэстра Консолини, безсознательно слѣдуя своимъ педагогическимъ инстинктамъ.—Въ исправительный домъ его слѣдуетъ... Въ исправительный домъ!

Конецъ этому спору положилъ носильщикъ *Носъ*, который объ эту пору всегда былъ пьянъ, но во хмѣлю незлобивъ и склоненъ къ мистицизму.

— Стойте, стойте!—кричалъ онъ, размахивая своими длинными руками.—Стойте, развѣ вы не знаете, что всѣ люди—братья? Сказано вѣдь: кто ударитъ тебя въ лѣвую щеку, подставь ему правую.

Произнося это евангельское изреченіе, *Носъ* приблизился къ маэстрѣ Консолини и, такъ какъ онъ плохо держался на ногахъ, то чуть не упалъ на почтенную синьору, которая, взывая о помощи, въ ужасѣ убѣжала домой.

IV.

Какъ бы то ни было, но маэстра Консолини перенесла въ другое мѣсто свои добродѣтели, а въ ея квартирѣ поселились люди менѣе интеллигентные, но болѣе спокойные. Ихъ было трое: мужъ, жена и дочь. Мужъ, приказчикъ какого-то торговаго заведенія, когда былъ дома, часами пололъ и поливалъ горшки съ цвѣтами, которые стояли у него въ угловомъ готическомъ окнѣ. Жена, повидимому, отличная хозяйка, все утро давала наставленія своей служанкѣ относительно цѣнъ на сельдерей и морковь, а въ послѣобѣденные часы читала нотаціи по поводу излишней траты угля подъ плитой и масла въ кушаньяхъ. Дочь, высокая, худая, блѣдная, по цѣлымъ днямъ барабанила на старомъ фортепіано королевскій маршъ и гарибальдійскій гимнъ.

Съ этими почтенными личностями Джакомо не имѣлъ никакихъ сношеній, такъ какъ они вполнѣ игнорировали его существованіе, и можно было напередъ сказать, что никогда не купятъ у него ни одной коробочки спичекъ. Но за то въ сосѣднемъ съ ними, высокомъ четырехъ-этажномъ домѣ, гдѣ было множество жильцовъ, у мальчика было обширное знакомство, особенно между женщинами и дѣтьми. Сіорѣ Кате, женѣ муниципальнаго пристава Фигетти, онъ доставлялъ „Газетку" каждый разъ, какъ въ немъ была статья противъ Джунты; каждую субботу онъ кричалъ черезъ каналъ вышедшіе номера лоттереи двумъ вдовамъ, сестрамъ Мерлуцци, жившимъ на пенсіи; и также черезъ каналъ преподавалъ наилучшій способъ ловить креветокъ и морскихъ пауковъ тремъ мальчикамъ Оливари, сыновьямъ одного купца, которые, какъ только возвращались домой изъ школы, со страстью предавались этому благородному спорту на ступенькахъ своего спуска къ каналу почти напротивъ портика. Однако дружба Джакомо съ братьями Оливари подвергалась частымъ колебаніямъ, потому что этимъ озорникамъ время отъ времени приходила въ голову блестящая мысль запускать пойманными раками и пауками въ своего учителя; они неистово орали отъ восторга, когда ловко попадали въ цѣль. Джакомо отвѣчалъ имъ самыми отборными ругательствами и такимъ образомъ черезъ каналъ, съ одной стороны, летѣли раки и моллюски, а съ другой, — перлы брани. Но хуже всего было, если молюскъ или ракъ попадалъ въ прохожаго, который, не зная откуда на него слетѣла эта благодать, принимался осыпать бранью и грозилъ отколотитьб ѣднаго калѣку, хотя и рѣдко кто приводилъ въ исполненіе эту угрозу.

Въ особенно критическіе моменты бѣдняга искалъ убѣжища въ лавкѣ торговки фруктами, которая продолжала покровительствовать ему, защищая его отъ несправедливыхъ нападокъ, а иногда давая ему тарелочку бобовъ или что нибудь изъ фруктовъ. *Рыжая* или, собственно говоря, *Красная*, потому что ее прозвали такъ скорѣе за красный цвѣтъ лица, нежели за рыжіе волосы, была добрая баба, разсказывавшая что ее бросилъ мужъ и уѣхалъ искать счастья въ Америкѣ, и что ей своими руками приходится зарабатывать хлѣбъ для себя и для дѣвочки. Но лучшія ея подруги въ туманныхъ выраженіяхъ давали понять, что свадьбы ни въ ратушѣ, ни въ церкви никогда не бывало, а были только торжественныя обѣщанія, на которыя мужчины никогда не скупятся, чтобы завлечь въ ловушку бѣдную дѣвушку и бросить ее тотчасъ же, какъ только добьются своей цѣли. Этакіе разбойники! Впрочемъ, продолжали подруги, можетъ быть *Рыжая* и сама отчасти виновата, такъ какъ въ прежнія времена очень лю-

била болтать и шутить съ мужчинами. Теперь ее и узнать нельзя; она только и думаетъ, что о своей лавкѣ, да о своей дѣвочкѣ, маленькомъ рахитическомъ существѣ, такомъ слабомъ, что, глядя на него, удивляешься только, въ чемъ тутъ душа держится.

V.

Болѣзненная дѣвочка, которой пріятельницы матери предсказывали скорый конецъ, была двумя годами моложе Джакомо и казалась дѣйствительно очень хрупкимъ созданіемъ. Поминутно у нея вскакивали нарывы то на одной части тѣла, то на другой. Иногда на хорошенькомъ личикѣ ея появлялась экзема, потомъ экзема пропадала, являлись опухоли то на ногѣ, то на плечѣ, то на колѣнкѣ, и ей больно было пошевельнуться. Но торговка не сомнѣвалась въ совершенномъ выздоровленіи своей Лизы, посылала ее въ приморскую лѣчебницу для купанья, давала ей глотать пилюли Бланкара и пить тресковый жиръ, какъ предписывалъ докторъ, и всегда говорила, что она и сама ребенкомъ была слаба и болѣзненна, а когда выросла, то и безъ всякаго желѣза, жира и купанья вся эта дрянь у нея вышла изъ тѣла, и она стала здорова, какъ рыба. Но пока, въ ожиданіи этого благополучія, по извѣстной симпатіи, которая всегда существуетъ между слабыми и больными, Джакомо и Лиза жили въ большой дружбѣ. Онъ, стоя на своемъ углу, она, сидя на скамеечкѣ передъ лавкой матери, вели долгіе разговоры. А въ жаркіе лѣтніе дни, когда мальчишки всего прихода, красивые, сильные, здоровые, спускались купаться въ каналъ, оба инвалида, прислонясь къ желѣзной рѣшеткѣ, съ завистью смотрѣли на это торжество юности и здоровья. Маленькіе чертенята съ крикомъ и плескомъ болтали руками и ногами, подымая вокругъ себя цѣлый столбъ водяныхъ брызгъ, съ визгомъ и хохотомъ боролись въ водѣ; они, какъ бѣлки, влѣзали на стѣну канала, пробѣгали подъ портикомъ, взбирались на перила моста, чтобы съ болѣе высокаго мѣста броситься въ каналъ, и летѣли головой внизъ при аплодисментахъ или свисткахъ зрителей и товарищей. Но изъ всѣхъ этихъ озорниковъ самымъ смѣлымъ и ловкимъ былъ Беппи Софіати, сынъ старьевщика. Лицомъ онъ не былъ красивъ; но тѣломъ силенъ и крѣпокъ, какъ маленькій геркулесъ. Всегда готовый на всякое озорство, на всякую шалость, онъ не разъ уже попадалъ въ полицію, именно за такія купанья, которыя строго воспрещались правилами городского управленія. По знаку караульнаго, предупреждавшаго товарищей о близости полицейскаго, всѣ мальчишки бросались въ разсыпную.

Только онъ одинъ продолжалъ плавать, съ вызывающимъ видомъ смотря на полицейскаго, который, хотя и не могъ арестовать его тотчасъ же, но отлично умѣлъ находить его потомъ.

Джакомо и Лиза питали страхъ, смѣшанный съ почтеніемъ, къ этому Беппи, который и съ ними нерѣдко продѣлывалъ разныя шалости: то унесетъ костыли у мальчика (хотя и возвращалъ ихъ въ скоромъ времени), то неожиданно схватитъ дѣвочку подъ мышки и подниметъ ее на воздухъ, забавляясь ея страхомъ и криками испуганнаго цыпленка Правда, что мучитель часто превращался въ защитника. Или, лучше сказать, онъ любилъ самъ мучить этихъ несчастныхъ, но другимъ отнюдь не позволялъ трогать ихъ. И какъ онъ умѣлъ заставлять слушаться своего запрещенія. Какія колотушки попадали тому, кто осмѣливался не обратить вниманія на его запрещеніе.

— Вѣдь Беппи не злой,—говорила однажды Лиза,—онъ полоумный немного!

Это было въ началѣ іюля, когда наступаютъ уже долгіе, мягкіе сумерки. Оргія купальщиковъ только что окончилась. На камняхъ подъ портикомъ и на ступенькахъ моста еще не высохли слѣды ихъ мокрыхъ ногъ; Джакомо и Лиза еще стояли, прислонившись къ рѣшеткѣ, и болтали.

— Однако онъ хотѣлъ насъ обоихъ бросить въ воду,—замѣтилъ калѣка.

— Ты же видѣлъ, что онъ шутилъ... Какъ только другіе подхватили, онъ сейчасъ перестал.

— Да тебѣ-то ничего! Только бы выкупалась,—сказалъ мальчикъ,—вѣдь ты училась плавать на Лидо... А вотъ я такъ бы и пошелъ ко дну.

— Тебя бы выловили,—утѣшила его Лиза.—Только я не понимаю, почему ты не хотѣлъ на мѣсяцъ пойдти въ приморскую лѣчебницу. Можетъ быть, думаешь, что тебя бы не приняли?

Онъ покачалъ головой.

— Думаю, что нѣтъ. Да и потомъ для чего? Вѣдь я все равно прямымъ не сдѣлаюсь... Вотъ ты, такъ другое дѣло.

Лиза и сама знала, что она другое дѣло. Фигурка у нея была маленькая, но стройная, хорошо сложенная; ноги были слабы, но не уродливы; а цвѣтъ лица былъ блѣдный, но не желтый или землистый, какъ у ея бѣднаго товарища. Однако какое-то внутреннее доброе чувство внушило ей отвѣтъ:

— Ну, вотъ еще! увидишь, что и я не выздоровлю никогда.

Вся нѣжность, на которую онъ былъ способенъ, выразилась на лицѣ Джакомо. И въ то же время большая радость,

такая, какой онъ не испытывалъ еще во всю жизнь, наполнила его сердце. Это была радость эгоистичная, и, однако, никогда еще онъ не чувствовалъ себя такимъ добрымъ, какъ въ эту минуту, съ этой злой радостью въ сердцѣ.

— Она никогда не выздоровѣетъ, — думалъ онъ, — она всегда останется здѣсь, въ лавкѣ, будетъ помогать матери... Подруги ея выйдутъ замужъ, а она останется здѣсь. И будемъ мы съ ней всегда такъ же вмѣстѣ, какъ и теперь.

Послѣ этого, оба стояли молча, прислонившись къ рѣшеткѣ, локоть о локоть, уставившись глазами въ темноту, которая все болѣе и болѣе сгущалась вокругъ нихъ. Легкій вѣтерокъ приносилъ ароматъ цвѣтовъ съ балкона противоположнаго дома, съ пресловутаго готическаго балкона, на которомъ во времена оны развѣвался зеленый флагъ маэстры Консолини; послѣднія стаи ласточекъ съ веселымъ щебетаніемъ проносились по поднебесью; въ нѣкоторыхъ окнахъ зажигались огни; подъ аркой моста, въ рыбачьей лодкѣ лаяла собака; фонарщикъ быстро на ходу зажигалъ газовые фонари.

— Эй, Лиза,—закричала *Рыжая* изъ за своихъ корзинъ съ фруктами.—Чего ты тамъ замечталась? А ты что жъ, молодецъ, или не думаешь сегодня домой уходить?

Дѣти встрепенулись.

— Иду, мама,—отвѣчала послушная Лиза, направляясь къ лавкѣ.

Джакомо ковылялъ за ней на своихъ костыляхъ.

— Тамъ такъ хорошо дышать,—сказалъ онъ.—Да еще и не поздно.

— Какъ не поздно?—протестовала *Рыжая*—чуть что не девять.

— Ну такъ что жъ? Вѣдь лѣто!

— Ну, ну, ладно, — сказала торговка. — Возьми себѣ нѣсколько вишенокъ, вотъ тамъ изъ той корзины, да и уходи.

— Постой, я тебѣ дамъ,—остановила его Лиза.

— Чудесно!—воскликнулъ Джакомо, которому угощеніе такимъ образомъ было въ тысячу разъ пріятнѣе.

Она взяла кисточку вишень и, смѣясь, стала раскачивать ее, какъ колокольчикъ, передъ его ртомъ.

— Ну, открывай ротъ.

— Такъ и ты тоже открой. Я возьму ртомъ одну, а ты другую вишню. Амъ!

Ихъ губы то сближались такъ, что почти соединялись, то отдалялись, сжимая темныя ягоды, сокъ, которыхъ вытекалъ и струился по ихъ подбородку. Джакомо казалось, что онъ никогда въ жизни не ѣлъ ничего такого вкуснаго.

Рыжая разсердилась.

— Перестаньте!—крикнула она.

И видя, что Лиза запачкала себѣ весь лифъ, она окончательно вышла изъ себя—насколько могла выдти изъ себя женщина такого лимфатическаго темперамента.

— Безстыдница! полюбуйся, на что ты похожа! Развѣ не знаешь, какъ трудно отмывать пятна отъ вишень? Иди скорѣй! Тамъ въ лавкѣ стоитъ кадка съ водой.

— Я могу помочь ей застирать платье,—предложилъ Джакомо.

— Этого еще не хватало!—крикнула на него торговка.— Маршъ, дрянная обезьяна! Не выводи меня изъ терпѣнія, а то я метлу на твоемъ горбу обломаю.

Джакомо, казалось, не обратилъ вниманія на угрозу; но Лиза, улыбаясь, сдѣлала ему знакъ, чтобы онъ уходилъ. Эта улыбка наполнила все его сердце, онъ послушался и ушелъ.

VI.

Въ каждой жизни, печальной или веселой, счастливой или несчастной, бываетъ день или часъ, который представляетъ собой кульминаціонный пунктъ счастія или хотя бы наименьшую мѣру несчастія. Все то, что жизнь могла дать бѣдному Джакомо, она дала ему въ этотъ вечеръ. Въ этотъ вечеръ всё озарилось для него новымъ свѣтомъ; на одинъ моментъ онъ почувствовалъ болѣе крѣпкую связь между собой и другими людьми; ему мелькнуло нѣчто большее, чѣмъ простое видѣніе того міра, въ которомъ есть любовь, любовь, смягчающая страданія и усиливающая радости.

Но съ слѣдующаго же утра парабола начала опускаться. Джакомо тотчасъ же замѣтилъ, что Лиза была не та, что вчера. Она держала себя, какъ дѣвочка, которой прочитали нотацію и которая не желаетъ получить новую головомойку. Поэтому и онъ не рѣшался ни о чемъ говорить. Онъ не сказалъ своей подругѣ того, что хотѣлъ сказать ей, конечно, въ шутку: „знаешь, Лиза, какой я чудный сонъ видѣлъ сегодня? Мнѣ снилось, что мы оба выздоровѣли и... что—только не смѣйся... что потомъ мы оба поженились“. Но онъ не сказалъ ничего; онъ грустно и съ безпокойствомъ посмотрѣлъ ей въ лицо, поздоровался съ *Рыжей*, которая изъ большой корзины съ персиками выбирала самые спѣлые и крупные, и забился въ свой уголъ, за ящикъ со спичками и нѣсколькими газетами. Время отъ времени подъ портикомъ раздавался его рѣзкій, словно сердитый голосъ: Спички! Спички! Газеты!

Время отъ времени какой нибудь прохожій наклонялся

къ нему, бралъ изъ худенькихъ рукъ калѣки коробочку спичекъ или листокъ газеты, и въ ящикъ, звеня, падалъ сольдо... Никогда еще Джакомо не чувствовалъ себя такимъ одинокимъ, такимъ покинутымъ.

Въ теченіе дня, прежде нежели показалась веселая стая купальщиковъ, передъ нимъ вдругъ явилась Лиза въ необычайномъ нарядѣ. На ней было кембриковое платьице снѣжной бѣлизны съ розовымъ поясомъ; длинные бѣлокурые волосы висѣли на спинѣ, заплетенные въ двѣ косы, оба конца которыхъ были связаны вмѣстѣ лентой такого же цвѣта, какъ поясъ; легкій румянецъ игралъ на блѣдномъ личикѣ, глаза блестѣли въ ожиданіи чего то веселаго и радостнаго. Джакомо поблѣднѣлъ.

— О, Лиза, откуда ты? Ты словно съ неба явилась.

— Я изъ дому пришла,—отвѣчала она.

— И это ты такъ нарядилась, чтобы сидѣть тутъ?

Лиза отрицательно помахала пальчикомъ.

— Я жду Анджелу Моцци, жену парикмахера, она возьметъ меня на Лидо съ своими дѣвочками.

— Такъ тебя не будетъ здѣсь, когда мальчики придутъ купаться?—спросилъ огорченный Джакомо.

— Разумѣется, нѣтъ. Мы вернемся только послѣ девяти.

— Какъ жаль!—вздохнулъ Джакомо.—Вчера было такъ весело!

— Удивительное веселье!—съ презрительной гримаской воскликнула дѣвочка.—На Лидо гораздо лучше.

Лидо былъ невѣдомымъ міромъ для Джакомо; ни разу еще онъ не рѣшался добраться туда.

Лиза стала описывать ему яркими красками Лидо.

— Тамъ, видишь-ли, много-много воды... гораздо больше, чѣмъ въ большомъ каналѣ, гораздо больше даже, чѣмъ у мола и у Рива дельи Скіавони, потому что тамъ уже море и тамъ, съ другой стороны, домовъ нѣтъ... Тамъ, съ одной стороны купальное заведеніе, а съ другой,—ничего-ничего, ровно ничего, кромѣ воды,—и конца ей не видать. А вода такая прозрачная, голубая, не то, что эта грязная, полная всякой дряни... Только когда вѣтеръ дуетъ, волны подымаются бѣлыми гребешками... и бѣгутъ-бѣгутъ на берегъ, а потомъ такъ и разольются и исчезнутъ на пескѣ.

— А развѣ не могутъ волны унести съ собой тѣхъ, кто купается?—спросилъ Джакомо.

— Если волны слишкомъ большія и сильныя,—отвѣчала Лиза,—то тѣ, которые не особенно хорошо умѣютъ плавать, не идутъ купаться. Но вѣдь тамъ, даже и далеко отъ берега, мелко; вода и до колѣнъ не доходитъ, и ты идешь по песку, такому мягкому, какъ коверъ... А дальше протянуты веревки,

за которыя можно держаться. Но кто хорошо плаваетъ, тому онѣ не нужны, даже и тогда, когда волны.. Я увѣрена напримѣръ, что этотъ пострѣлъ Беппи...

При этомъ имени Джакомо смутился и перебилъ дѣвочку.

— А онъ тоже идетъ на Лидо?

— Нѣтъ. А что?

— А то, а то...—гнѣвно забормоталъ Джакомо и, можетъ быть, потому что ему нечего было сказать, а можетъ быть, онъ не хотѣлъ высказываться, но онъ только сжалъ кулаки и замолчалъ.

— Впрочемъ,—продолжала Лиза,—на Лидо можетъ всякій попасть, кто хочетъ; надо только заплатить четыре сольдо за пароходъ.

— А ты не устанешь?—спросилъ Джакомо.

Но она не слушала его и, поспѣшно кивнувъ ему, удалилась.

— Прощай, вонъ идетъ Анджела съ дѣвочками.

Ей точно было непріятно, чтобы ее видѣли съ этимъ маленькимъ уродомъ.

Стоя у лавки матери, которая обдергивала ей платьице и завязывала башмачекъ, среди трехъ маленькихъ дочекъ парикмахерши, которыя всѣ три были моложе ея и щебетали, какъ птички, Лиза спокойно выслушивала комплименты Анджелы Моцци, восторгавшейся ея здоровымъ видомъ.

— Да, слава Богу,—сказала торговка,—она очень поправилась... Да я и никогда не теряла надежды, не смотря на докторовъ.

— Ну ужъ эти доктора!—презрительно воскликнула Анджела.

— Да, я по себѣ знаю,—продолжала *Рыжая*,—въ возрастѣ Лизы, я была хуже ея.

— А теперь ей всѣ дѣвочки могутъ позавидовать,—поспѣшно прибавила парикмахерша.

— Да... вотъ только если бы другихъ заботъ не было...

— Каждому свой крестъ опредѣленъ,—поучительно изрекла Анджела.—Ну, довольно болтать. Пойдемте.

И она повела свое маленькое стадо. Лиза не удостоила ни однимъ взглядомъ бѣднаго Джакомо, который провожалъ ее глазами.

Вскорѣ послѣ того явились купальщики подъ предводительствомъ Беппи. Они нахлынули вдругъ, какъ дикая орда, растрепанные, полуголые, нѣкоторые еще совсѣмъ мальчики, другіе уже юноши; одни бѣлые, тонкіе, изнѣженные заботами матери, другіе съ потемнѣвшей отъ солнца кожей, съ крѣпкими выступающими мускулами, съ широкой волосатой грудью. Они мигомъ спустились въ каналъ, одни бросаясь со ступе-

некъ, другіе—съ моста или съ перилъ. Каналъ превратился въ живой винегретъ рукъ, ногъ, головъ; воздухъ наполнился криками различныхъ голосовъ, визгливыхъ и грубыхъ, высокихъ и низкихъ. Затѣмъ началось состязаніе въ прыганіи въ воду. Одинъ изъ самихъ ловкихъ взобрался на верхушку столба, къ которому привязываютъ гондолы, другой по рѣшеткѣ окна вскарабкался на карнизъ дома на высотѣ мезонина; третій по лѣстницѣ дома вбѣжалъ въ сѣни и залѣзъ на подоконникъ въ первомъ этажѣ. Еще четверо стояли въ рядъ на перилахъ моста и всѣ ожидали сигнала. Снизу раздалось: *разъ, два, три!* Семь тѣлъ разомъ погрузились въ воду, которая моментально покрылась пѣной. Со всѣхъ сторонъ раздались крики одобренія и апплодисменты. Но среди нихъ слышались также и громкіе протесты: женщины, высунувшіяся съ балконовъ и болѣе или менѣе искренно возмущенныя зрѣлищемъ всѣхъ этихъ голыхъ тѣлъ, мирные граждане, которыхъ тревожилъ шумъ, проникающій въ ихъ тихія, безмятежныя жилища, прохожіе, неожиданно получившіе душъ или ножную ванну—эта часть публики громко негодовала.

— Это просто невѣроятно,—кричалъ кто-то,—чтобы по близости не было полицейскаго. Что мы въ дикой странѣ что-ли живемъ?

Призванные какимъ-то заботливымъ обывателемъ блюстители порядка, наконецъ, явились. Ихъ встрѣтили пронзительными свистками, и моментально купальщики разбѣжались во всѣ стороны. Какъ только мальчишки вылѣзали на берегъ, они старались выскользнуть изъ хватавшихъ ихъ рукъ и бросались бѣжать, кто въ одну, кто въ другую сторону, одни черезъ мостъ, другіе черезъ портикъ. Нѣкоторые изъ послѣднихъ, злые мальчишки, испытывающіе потребность выместить на комъ-нибудь свою злобу и вымещающіе ее на слабыхъ и беззащитныхъ, давали мимоходомъ пинка или кричали бранное слово бѣдному Джакомо.

А одинъ изъ самыхъ озорныхъ, сорвавъ съ себя на ходу штанишки, мѣшавшіе ему бѣжать, бросилъ ихъ совершенно мокрые на ящикъ со спичками и, оставшись въ костюмѣ Адама, удралъ во всѣ лопатки.

Доведенный до отчаянія Джакомо послалъ ему въ слѣдъ цѣлый залпъ самыхъ отборныхъ ругательствъ, которыя такъ оскорбили цѣломудренный слухъ полицейскаго, что онъ, за неимѣніемъ лучшей добычи, арестовалъ Джакомо и отвелъ его въ квестуру.

VII.

Сезонъ купаній окончился. Лѣто перешло въ осень, осень въ зиму, и мимолетный лучъ солнца, блеснувшій въ глаза Джакомо, уже не освѣщалъ болѣе его скучной и сѣрой жизни. Осенью Лизу отправили на нѣсколько недѣль къ теткѣ, сестрѣ ея матери, отданной замужъ въ Тревизо, и она вернулась оттуда выросшая и такая цвѣтущая на видъ, что служила живымъ опроверженіемъ для тѣхъ, кто сомнѣвался въ ея выздоровленіи. Ей было двѣнадцать лѣтъ и, если нѣсколько мѣсяцевъ раньше она казалась моложе, то теперь ясно было видно, что она вполнѣ догнала потерянное время. Какъ далека она была теперь отъ Джакомо! Какъ онъ чувствовалъ теперь ложь въ тѣхъ словахъ, которыя она однажды сказала ему въ утѣшеніе:—Вѣдь и я никогда не выздоровлю!—Впрочемъ, теперь она этого уже не говорила, теперь это было бы злой насмѣшкой. У нея было мягкое сердце и ей жалко было бѣднаго калѣку, она обращалась съ нимъ привѣтливо, говорила ему и позволяла, чтобы и онъ говорилъ ей *ты*; но уже то время, когда она сидѣла съ нимъ въ сторонѣ отъ шумной толпы дѣтей и предпочитала общество маленькаго калѣки,—прошло.

Теперь она уже не сидѣла у матери цѣлый день, а была тамъ только утромъ и по вечерамъ. Остальную часть дня она проводила у портнихи, куда ее отдали въ ученье и гдѣ она подружилась съ другими дѣвочками. Онѣ заходили за ней по воскресеньямъ, чтобы вмѣстѣ идти на музыку на площадь Санъ-Марко.

Джакомо качалъ головой и сообщилъ *Рыжей* свои соображенія.

— Да вы знаете-ли тѣхъ дѣвушекъ-то, съ которыми гуляетъ Лиза?

— Хозяйка ихъ очень хвалитъ,—отвѣчала торговка.—Да и какъ же тутъ быть? Я сама не могу ходить съ ней. Во-первыхъ, я не люблю оставлять лавку, а потомъ, я очень скоро устаю. Что-жъ дѣлать? Молодежи надо веселье, а такъ какъ Мадонна возвратила здоровье моей дочери, то не могу же я держать дѣвочку на привязи.

Бѣдный Джакомо! ему Мадонна не посылала исцѣленія; усердное посѣщеніе церкви не способствовало выпрямленію его ногъ и не помогало ему выиграть въ лоттерею, хотя онъ и игралъ каждую субботу и бралъ уроки кабалистики у носильщика *Носа*, человѣка очень свѣдущаго въ этомъ предметѣ. Поэтому набожность Джакомо постепенно уменьшалась, а вмѣсто нея появился новый порокъ—скупость. Онъ началъ

съ того, что сталъ откладывать *паланку* въ день; потомъ двѣ, три и, наконецъ, четыре. Такъ же, какъ скупые классическаго репертуара, онъ пряталъ свои *паланки* въ мѣшокъ, скрытый въ матрасѣ, и спалъ на немъ, радуясь, что чувствуетъ подъ собой это твердое, жесткое тѣло. Иногда посреди ночи онъ вставалъ съ постели, зажигалъ огарокъ сальной свѣчки, вытаскивалъ мѣшокъ и высыпалъ монеты на полъ, перебирая пальцами эти мѣдяшки, которыя для него представляли собой настоящее сокровище. Не особенно твердый въ счетѣ, онъ ограничивался тѣмъ, что отдѣлялъ цѣлыя *паланки* отъ *полупаланокъ*, дѣлалъ изъ нихъ колонки одинаковой величины и такимъ образомъ получалъ приблизительное понятіе объ увеличеніи своего капитала.

Конечно, онъ никому ни слова не говорилъ о своемъ богатствѣ; но мысль объ этомъ приходила въ голову не одной только *Рыжей*, которая сказала ему однажды?

— Смотря по тому, какъ ты живешь, невозможно, чтобы ты тратилъ все, что тебѣ бросаютъ въ ящикъ каждый день. Куда ты дѣваешь то, что у тебя остается?

— У меня ничего не остается, — отвѣчалъ калѣка, покраснѣвъ, какъ ракъ,—и я удивляюсь, что такая умная женщина, какъ вы, можетъ думать подобныя вещи.

— Ну, ну хорошо, — отвѣчала миролюбивая торговка. — Я думаю только, что тебѣ хорошо было бы копить по немножку деньги и сносить ихъ въ сберегательную кассу.

Джакомо выходилъ изъ себя.

— Вы опять объ этомъ? Да развѣ вы не видите, что едва-ли одинъ изъ сотни прохожихъ подаритъ мнѣ чентезимъ? А если я и продамъ нѣсколько номеровъ газетъ или двѣ-три коробочки спичекъ, такъ вѣдь мнѣ ихъ *не даромъ* даютъ? Да, ужъ нашли кого посылать въ сберегательную кассу!

Джакомо по тремъ причинамъ не хотѣлъ слѣдовать совѣту *Рыжей*. Во первыхъ, онъ не довѣрялъ никому; во вторыхъ, для него, какъ для скупца стараго покроя, сокровище имѣло цѣну лишь тогда, когда онъ могъ любоваться на него, услаждать имъ свое зрѣніе; въ третьихъ, снести свои деньги куда-бы то ни было, значило бы признаться, что они у него есть. Поэтому онъ отрицалъ все и всегда... а вслѣдъ затѣмъ самъ же противорѣчилъ себѣ и словомъ, и дѣломъ, но не по благородству души, о нѣтъ (судьба и люди были слишкомъ жестоки къ нему, чтобы въ немъ могло развиться это качество)! но по совершенно иному чувству,—изъ страха...

Онъ былъ слабъ, уродливъ, его преслѣдовали насмѣшки и злыя шутки мальчишекъ, его страшила злоба другихъ убогихъ, которые считали мѣсто подъ портикомъ отличнымъ

стратегическимъ пунктомъ и старались вытѣснить его оттуда. Поэтому ему нужно было, чтобы кто нибудь защищалъ его болѣе активнымъ образомъ, нежели это могла сдѣлать торговка фруктами, его единственная безкорыстная защитница. Поэтому ему часто приходилось давать по мелочамъ Беппи, сыну старьевщика и носильщику, *Носу*. Беппи выпрашивалъ у него взаймы по полъ лиры и по лирѣ, которыя, конечно, не возвращалъ; а *Носъ* прибѣгалъ къ помощи калѣки, когда не имѣлъ ни гроша въ карманѣ, чтобы *заморить червяка*, своего главнаго и непобѣдимаго врага. И Джакомо, увѣряя всѣхъ, что онъ нищій и что требовать отъ него денегъ все равно, что выжимать кровь изъ стѣны, въ концѣ концовъ уступалъ обоимъ, такъ какъ ихъ покровительство доставляло ему, за неимѣніемъ лучшаго, по крайней мѣрѣ, покой.

VIII.

Увы! не покой, а мертвое затишье настало для Джакомо подъ портикомъ, который превратился для него въ могильный склепъ съ тѣхъ поръ, какъ Лиза измѣнила свои привычки. Теперь въ немъ угасло даже то любопытство, съ которымъ онъ въ прежнее время изучалъ физіономіи прохожихъ или старался отгадать тайны сосѣднихъ домовъ. Въ этихъ домахъ происходили обыденныя комедіи и драмы жизни родины, свадьбы, похороны; перезрѣлая дѣвица, игравшая на фортепіано королевскій маршъ и гарибальдійскій гимнъ, вышла, наконецъ, замужъ, но осталась въ семьѣ и часто выходила на готическій балконъ, укачивая младенца; сестры Мерлуцци умерли; Сіора Кате, жена пристава, впала въ благочестіе и, вмѣсто „Газетки“, читала теперь „Защиту“; квартира, въ которой жила прежде семья Оливари, подвергалась радикальному ремонту, послѣ того, какъ жильцы должны были выбраться оттуда, какъ говорили, вслѣдствіе дурной привычки не платить хозяину.

Но всѣ эти событія, которыя заинтересовали бы Джакомо въ то время, когда онъ могъ разговаривать объ этомъ съ подругой, теперь не занимали его. Онъ по часамъ сидѣлъ въ своемъ углу, неподвижный, безмолвный, скорчившійся, похожій на тѣхъ уродовъ, которыхъ капризная фантазія средневѣковыхъ художниковъ изобразила на фризахъ и углахъ готическихъ соборовъ. Онъ даже уже не выкрикивалъ о своихъ спичкахъ и газетахъ, находя, можетъ быть, болѣе дѣйствительной нѣмую мольбу глазъ, въ которыхъ можно было прочитать всю печальную исторію его жизни. Когда же онъ по старой привычкѣ заходилъ въ фруктовую лавку *Рыжей* и, усѣвшись

на деревянной скамейкѣ, помогалъ ей лущить бобы и отбирать фрукты, то не говорилъ почти ни слова.

Онъ немного выходилъ изъ своей апатіи, только когда на минутку появлялась Лиза. При видѣ ея стройной фигурки и при звукѣ ея голоса, онъ чувствовалъ дрожь во всемъ тѣлѣ, чувствовалъ, какъ лицо его вспыхиваетъ. Но онъ не только не старался приблизиться къ ней, а, напротивъ, избѣгалъ ее и, когда она подходила къ нему и говорила съ нимъ, онъ опускалъ глаза и отвѣчалъ односложными словами.

— Джакомо съ каждымъ днемъ становится все болѣе угрюмымъ,—говорила матери Лиза.

— Онъ такой несчастный,—отвѣчала мать.

Всегда нарядная, всегда кокетливая, Лиза постоянно разсказывала исторіи о кліенткахъ своего заведенія, о заказываемыхъ платьяхъ и объ остроумныхъ приспособленіяхъ, которыми приходилось исправлять недостатки нѣкоторыхъ синьоръ.

— Не вѣрьте ни этимъ бокамъ, ни этой груди,—говорила она.

И затѣмъ повторяла сплетни, распространяемыя старшими подругами: такая-то заказываетъ себѣ наряды потихоньку отъ мужа и платитъ за нихъ изъ никому неизвѣстныхъ доходовъ, другая даже и вовсе не платитъ; но ей нельзя не шить, потому что она очень важная графиня, и ея имя составляетъ рекламу для магазина; третья такъ прямо и объявила, чтобы ея счета посылались одному господину, который не приходится ей родней ни съ какой стороны.

— Охота тебѣ,—говорила мать,—подбирать всѣ сплетни, которыя разсказываютъ на улицѣ.—И на нее иногда находило сомнѣніе: хорошо-ли она сдѣлала, что отдала дѣвочку въ ученье къ портнихѣ? Не лучше ли было держать ее въ лавкѣ? Тутъ она, по крайней мѣрѣ, была на глазахъ и всегда можно было видѣть, съ кѣмъ она болтаетъ. Но что же дѣлать, если дѣвочка не хотѣла оставаться въ лавкѣ? Если она рождена не для того, чтобы продавать овощи и фрукты? если, работая у портнихи, она можетъ достать нѣсколько лишнихъ лиръ въ мѣсяцъ, а потомъ современемъ, выучившись хорошенько ремеслу, ей удастся открыть свою мастерскую и пріобрѣсти хорошихъ заказчицъ? Опасности всегда есть всюду, но для хорошенькой, симпатичной дѣвушки въ нѣкоторыхъ профессіяхъ бываютъ иногда и неожиданные повороты счастья... хорошій человѣкъ сдѣлаетъ предложеніе... или какой нибудь важный баринъ влюбится... Да, подруги *Рыжей* не даромъ говорили, что мораль ея была весьма растяжимаго свойства.

IX.

Дни идутъ... и иногда не бываютъ похожи одинъ на другой. Такъ и это новое лѣто вовсе не походило на предыдущее.

Весной начались на каналѣ работы, которыя должны были продлиться нѣсколько недѣль, а затянулись на нѣсколько мѣсяцевъ, частью вслѣдствіе непрерывныхъ дождей, частью потому, что открылась необходимость сдѣлать починки въ фундаментахъ нѣкоторыхъ домовъ. Красивый, широкій каналъ, прежде полный жизни и движенія, теперь былъ запертъ запрудами съ двухъ сторонъ, осушенъ при помощи водососовъ и представлялъ некрасивый и мрачный видъ. Не отражалось болѣе солнышко въ водѣ, не скользили по ней лодки, не слышался ни мѣрный плескъ ихъ веселъ, ни крики гондольеровъ, ни веселый шумъ купальщиковъ. Только на днѣ шевелились какіе-то черные, грязные, босые люди, которые лопатами выгребали илъ, нагружали его на тачки, вывозили по наклонной плоскости досокъ и выбрасывали въ огромную баржу по другую сторону запруды. Время отъ времени изъ канала выбрасывали осколки посуды, черепицы, иногда находили мѣдную монету, заржавленный гвоздь или жестяную посудину, потерявшую всякую форму и никуда не годную. Затѣмъ, если случалось, что каналъ заливало водой, снова начинали качать, выкачивали до поздней ночи и въ этой темнотѣ, лишь изрѣдка прерываемой маленькимъ огонькомъ, звукъ парового водососа походилъ на предсмертное хрипѣнье человѣка.

Тѣмъ не менѣе сначала, въ теченіе дня и вечеромъ, на мосту и у рѣшетки портика всегда стояла вереница зѣвакъ, а изъ оконъ домовъ, выходящихъ на каналъ, поминутно высовывались головы любопытныхъ.

Но любопытство вскорѣ уступило мѣсто совсѣмъ иному чувству. Смрадныя испаренія подымались отъ этого развороченнаго ила, изъ открытыхъ отверстій трубъ, отъ стѣнъ канала, покрытыхъ плесенью и водорослями, и многіе стали говорить, что воздухъ здѣсь вреденъ и что не только стоять, но даже и проходить тамъ опасно. Поэтому почти всѣ обходили это мѣсто, другіе, которымъ необходимо было пройти черезъ мостъ, зажимали себѣ носы и бѣжали, какъ отъ чумы. Торговцы и жильцы домовъ запротестовали и рѣшено было отправить къ городскому головѣ депутацію, состоящую изъ приказчика, жившаго въ домѣ ех-Консолини, торговца старыми вещами, Массимо Софіати и синьора Ноэ Спарджилли,

управляющаго *торговлей южными винами.* Эта депутація явилась въ думу и была весьма вѣжливо принята городскимъ головой, который тотчасъ же позвалъ главнаго секретаря; главный секретарь позвалъ помощника секретаря, завѣдующаго общественными работами; тотъ сказалъ, что надо поговорить съ главнымъ инженеромъ техническаго отдѣла; главный инженеръ объявилъ, что задержка зависитъ отъ компаніи, взявшей на себя подрядъ, и что этой компаніи непремѣнно будетъ сдѣлано замѣчаніе.

Между тѣмъ отъ этихъ раскопокъ или отъ чего другого, въ окружности канала стали появляться случаи заразныхъ заболѣваній, и однажды въ самой серединѣ іюля Джакомо приплелся къ своему портику, стуча зубами, какъ въ январѣ. Ему два дня уже нездоровилось, и онъ признался *Рыжей*, что уже двѣ ночи не смыкалъ глазъ и каждую минуту задыхался.

— Да у тебя жаръ,—воскликнула торговка, пощупавъ ему голову,—иди, иди ложись въ постель.

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчалъ слабымъ голосомъ мальчикъ,—въ постели хуже—мнѣ все кажется, что я сейчасъ умру.

Между тѣмъ потъ градомъ струился по его лицу, и онъ съ трудомъ вытиралъ его верхней стороной своей исхудалой руки. *Рыжая* принесла ему стаканъ воды, синьоръ Ноэ Спарджилли, въ припадкѣ необычной щедрости, предложилъ ему глотокъ *чистаго* вина, такого, которое не отпускается покупателямъ.

Джакомо жадно выпилъ воду; но отъ вина отказался. Да это было и безполезно: его желудокъ ничего не принималъ.

Вдругъ *Рыжая*, поднявъ глаза на мостъ, захлопала въ ладоши и закричала.

— Смотри-ка, какое счастье, докторъ Чирони. Докторъ, докторъ!

Докторъ Чирони, врачъ этого участка, спускался съ моста привычными ему быстрыми шажками. Это былъ маленькій человѣчекъ, лѣтъ подъ семьдесятъ; но онъ все еще сохранялъ юношескій обликъ, такъ какъ былъ сухъ, тонокъ и не носилъ ни бороды, ни усовъ. Его цилиндръ, порыжѣвшій отъ старости, блестѣлъ на солнцѣ красноватымъ блескомъ, а длинный черный *рединготъ* во многихъ мѣстахъ лоснился отъ времени.

— Ну, что такое?—спросилъ онъ.

Увидѣвъ мальчика-калѣку, онъ скривилъ ротъ, нагнулся, чтобы осмотрѣть его, и сказалъ:

— Конечно, у него горячка.

— Не пропишете-ли вы ему лѣкарство?—попросила торговка.

— Какое тутъ лѣкарство. Я ему дамъ свидѣтельство въ больницу.

— О, нѣтъ, о нѣтъ!—умолялъ Джакомо въ своемъ инстинктивномъ страхѣ передъ всякимъ заключеніемъ.

— Глупый!—нетерпѣливо закричалъ докторъ Чирони,—на улицѣ что-ли умереть хочешь?

— Я лучше лягу въ постель дома,—продолжалъ умоляющимъ голосомъ мальчикъ,—я пойду къ себѣ, въ комнату.

— Хороша постель! хороша комната!—возразилъ докторъ.—Ты долженъ Бога благодарить, если тебя примутъ въ больницу, тамъ, по крайней мѣрѣ, за тобой будутъ ухаживать, какъ за человѣкомъ. Ну, прощайте, прощайте, мнѣ некогда.

И обратясь къ *Рыжей*, которая прошла за нимъ нѣсколько шаговъ, сказалъ:

— Мы его свеземъ около полудня. Да уговори ты его, чтобы онъ не ломался,—докторъ Чирони говорилъ *ты* доброй половинѣ своихъ кліентовъ,—а мнѣ времени терять некогда, у меня еще много другихъ больныхъ въ этихъ мѣстахъ.

— Все той же болѣзнью?—спросила *Рыжая*.

— Большей частью.

— Что же это за болѣзнь?

— Это инфекціонная горячка, болѣе или менѣе опасная...

— Вродѣ тифа?

— Пока еще настоящихъ признаковъ тифа нѣтъ... Что будетъ дальше—не знаю.

Синьоръ Ноэ Спарджилли и синьоръ Массимо Софіати, вышедшіе изъ своихъ лавочекъ, также пошли за эскулапомъ.

— Всему этому проклятая раскопка канала виновата,—говорили они;—эти муниципальныя собаки зарѣзать насъ хотятъ. Вамъ бы прежде всѣхъ слѣдовало заступиться за насъ, какъ врачу этого участка.

— Я, что-жъ я?.. я только чиновникъ, получающій жалованье отъ общины. Но я во всякомъ случаѣ всегда исполнялъ свои обязанности и буду исполнять,—бормоталъ Чирони и былъ радъ радешенекъ, что дошелъ до открытой двери, куда могъ войти и ускользнуть такимъ образомъ отъ этого допроса.

X.

Когда синьоръ Ноэ Спарджилли и синьоръ Массимо Софіати пригрозили Джакомо, что если онъ будетъ упираться, то они выметутъ его какъ мусоръ, а на его мѣсто водворятъ аристократку, родственницу Орсеоловъ; когда носильщикъ *Носъ* и страшный Беппи поклялись ему, что если онъ будетъ послушенъ, то они будутъ защищать его права отъ кого бы то

ни было, даже при помощи кулаковъ, когда *Рыжая* обѣщала ему навѣщать его въ больницѣ вмѣстѣ съ Лизой и взяла на сохраненіе мѣшечекъ съ *паланками*; тогда бѣдный Джакомо покорился и позволилъ отвести себя въ больницу.

Онъ былъ такъ блѣденъ и худъ, что, глядя на него, каждому приходило въ голову, что онъ выйдетъ изъ больницы только, чтобы отправиться на кладбище. Таково было мнѣніе и доктора Чирони, который весьма солидными доводами и латинскими словами доказывалъ, что такой организмъ, какъ у Джакомо, долженъ неминуемо погибнуть при первомъ кризисѣ.

— И это было бы самое лучшее для него,—заключилъ докторъ.—Развѣ это жизнь!

Рыжая, у которой было мягкое сердце, почувствовала, что на глазахъ ея выступаютъ слезы.

— Это правда,—пробормотала она.—Но мы привыкли видѣть его здѣсь. Мнѣ будетъ очень жаль... Ну да что-жъ дѣлать? Если Господь приберетъ его, я употреблю на заупокойныя обѣдни всѣ деньги, которыя онъ мнѣ далъ на сохраненіе.

Когда больничные слуги бросили это худое, рахитичное, искалѣченное тѣло, какъ мѣшокъ съ тряпками, на кровать, больные на сосѣднихъ постеляхъ сдѣлали гримасу. Лежавшій по правую руку громадный мужчина, въ видѣ утѣшенія, сказалъ другому, многозначительно кивнувъ на Джакомо:

— Этотъ, по крайней мѣрѣ, не долго здѣсь останется.

Но вмѣсто того, черезъ сорокъ восемь часовъ, его самого, этого колосса, не стало: онъ неожиданно умеръ отъ разрыва сердца.

Джакомо вскорѣ былъ внѣ опасности и черезъ недѣлю могъ принять гостей; къ нему пришли торговка и Лиза. О, какъ преобразилось при ихъ появленіи лицо больного мальчика!

— И ты тоже, Лиза!—воскликнулъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ.—Я и не надѣялся...

— Почему же мнѣ не придти?—просто сказала Лиза.—Вѣдь мама тебѣ обѣщала.

— Да, правда, но потомъ всетаки я подумалъ, что она вѣрно придетъ одна... Ты не боишься заразиться? Тебѣ не очень непріятно быть среди всѣхъ этихъ больныхъ?

— Нѣтъ,—отвѣчала дѣвочка, оглядывая палату.—Комната такая веселая, свѣтлая! А окна какія большія! Какой потолокъ красивый! И сколько народу ходитъ!

— Сегодня здѣсь весело,—отвѣчалъ Джакомо,—ныньче пріемный день. Но иногда бываетъ очень скучно, въ особенности ночью, когда только сверху падаетъ немного свѣту;

больные стонутъ, фельдшера и сестры милосердія проходятъ, какъ тѣни, а иногда монахъ напутствуетъ умирающаго.

— Ну, не надо объ этомъ думать,—перебила его *Рыжая*,— скоро ты выздоровѣешь и уйдешь отсюда.

Потомъ прибавила:

— Смотри, мы принесли тебѣ лимоновъ и два апельсина. У тебя апельсины-то, Лиза?

— Да, у меня,—отвѣчала дѣвочка, вытаскивая изъ кармана апельсины и кладя ихъ на столикъ.

Рыжая продолжала:

— Ужъ какіе только есть объ эту пору... Да и то насилу нашла. Тѣ, которые были въ лавкѣ, жестки, какъ камень.

— Спасибо, спасибо,—бормоталъ Джакомо, привставъ на локтяхъ и не спуская глазъ съ Лизы.

На лицѣ его выражались самыя противоположныя чувства: восхищеніе и зависть, симпатія и досада.

— Каждый разъ, какъ я тебя вижу, ты кажешься мнѣ красивѣе и выше ростомъ—сказалъ онъ;—ты почти такая же большая, какъ твоя мама. А была такая маленькая, худенькая, едва на ногахъ держалась, и то у тебя сыпь была, то кости болѣли... Теперь вѣдь у тебя ничего не болитъ—нѣтъ?

Лиза съ торжествомъ подняла руки кверху, словно вся ея стройная фигурка хотѣла взлетѣть на воздухъ.

— Ничего!

— Въ ваши годы никогда не надо отчаяваться,—сказала мать, чтобы утѣшить бѣднаго мальчика.

Онъ принялъ эти утѣшительныя слова съ той склонностью къ самообольщенію, которая живетъ въ душѣ каждаго человѣка.

— Правда,—сказалъ онъ,—иногда послѣ болѣзни случаются прямо невѣроятныя вещи... Да я и дѣйствительно чувствую себя гораздо лучше прежняго. Мнѣ кажется даже, что мнѣ и двигаться легче.

Онъ взглянулъ на стоявшіе у постели костыли и вздохнулъ:

— О если бы я могъ бросить ихъ и ходить, какъ всѣ люди!—сказалъ онъ.

— Со временемъ!.. какъ знать... Потерпи...—ласково бормотала *Рыжая*. И поторопилась успокоить больного относительно другихъ вопросовъ, которые его занимали. Его мѣшечекъ съ *паланками* былъ цѣлъ; мѣсто его никто не занялъ: носильщикъ *Носъ* и Беппи Софіати всегда готовы были прогнать нахаловъ.

— И не приходится *смазывать колесо?*—съ безпокойствомъ спросилъ Джакомо.

— Пока нѣтъ,—отвѣчала торговка,—когда выйдешь изъ больницы, тогда и сдѣлаешь, что понадобится.

Она не сказала, что ей самой пришлось *смазать колесо*, такъ какъ для того, чтобы пользоваться услугами этихъ двухъ пріятелей, она не разъ платила стаканчикъ вина Носу и дарила сигарки Беппи, который жаловался, что тиранъ-отецъ ему ничего не даетъ. Только по поводу носильщика у нея вырвалась невольная жалоба:

— Онъ все хуже да хуже становится этотъ *Носъ*... Прежде онъ напивался только вечеромъ; теперь же хорошо, если дотянетъ трезвымъ до полудня.

Затѣмъ, сообщивъ Джакомо пріятную новость, что работы на каналѣ кончаются, Рыжая стала прощаться, обѣщая, что скоро опять придетъ.

— Съ Лизой?

— Если она будетъ свободна...

— Приди, приди,—просилъ больной, удерживая руку дѣвочки.—Можетъ быть я уже и на ногахъ буду... У меня нѣтъ больше жара—пощупай, пощупай.

И онъ настоялъ на томъ, чтобы она дотронулась до его лба.

— Нѣтъ, нѣтъ, у тебя нѣтъ жару,—сказала Лиза и тихонько высвободила руку, которую онъ сжималъ своими пальцами.

— Пойдемъ, поздно ужъ,—крикнула Рыжая, уже уходя.

— Такъ придешь?—снова спросилъ Джакомо.

— Постараюсь,—отвѣчала Лиза.—Прощай.

Легкими шагами въ припрыжку она побѣжала рядомъ съ матерью, которой по ея толщинѣ трудно было слѣдовать за дочерью.

Со всѣхъ сторонъ залы летѣли къ ней ласковыя слова.

— Прелестная блондинка!

— Восхитительный ротикъ! такъ бы и расцѣловалъ!

— Вотъ бутончикъ-то!

Она улыбалась, нисколько не удивляясь этимъ комплиментамъ, къ которымъ успѣла уже привыкнуть. Ей такъ часто приходилось ихъ слышать на улицѣ, когда ее посылали съ картономъ изъ магазина.

— Это твоя мать и твоя сестра?—спросилъ между двумя припадками кашля сосѣдъ по кровати, страдавшій астмой.

— У меня нѣтъ ни матери, ни сестеръ,—пробормоталъ мальчикъ, опуская голову на подушки.

— Ого!—насмѣшливо захохоталъ другой;—это должно быть его *возлюбленная*. Когда же свадьба?

Джакомо молчалъ, но бросилъ на сосѣда взглядъ, полный ненависти.

Первый изъ говорившихъ продолжалъ:

— По мнѣ старуха лучше. Посолиднѣе.

— Не по вашимъ зубамъ,—ни та, ни другая не про васъ,—съ гнѣвомъ бормоталъ Джакомо.

— Обѣихъ себѣ хочетъ оставить,—грубо пошутилъ астматикъ. И прибавилъ сальность, которая вызвала взрывъ хохота у сосѣдей.

Джакомо сжималъ кулаки и скрежеталъ зубами въ сознаніи своего безсилія.

XI.

Еще двѣ недѣли пробылъ Джакомо въ больницѣ, еще два раза приходили къ нему *Рыжая* и Лиза. Этихъ посѣщеній онъ ждалъ съ замираніемъ сердца, встрѣчалъ посѣтительницъ съ восторгомъ,—но потомъ оставался разбитый, измученный и униженный.

Веселая улыбка Лизы трогала его за сердце, но вслѣдъ затѣмъ ему дѣлалось нестерпимо больно видѣть, что у Лизы такая же улыбка для всѣхъ, что она всегда готова отвѣчать на поклоны незнакомыхъ и радуется всякому выраженію симпатіи къ ней. Онъ чувствовалъ, что смѣшно надѣяться на то, чтобы Лиза стала для него болѣе, нежели доброй пріятельницей и вмѣстѣ съ тѣмъ мучился мыслью, что она станетъ чѣмъ-либо болѣе для кого нибудь другого.

Онъ чувствовалъ, что смѣшно ему ревновать ее, и всетаки ревновалъ, ревновалъ даже въ больницѣ къ тѣмъ, которые слишкомъ пристально смотрѣли на нее и слишкомъ открыто выражали свое восхищеніе. Ему хотѣлось раздавить ихъ, уничтожить!

Эти мученія еще усилились, когда онъ, выпущенный изъ больницы, занялъ свое мѣсто подъ портикомъ, который теперь снова имѣлъ свой обычный видъ. Джакомо вылѣчился отъ горячки, но потерялъ блеснувшія ему на мгновеніе, во время болѣзни, иллюзіи. Не только онъ не былъ сильнѣе и стройнѣе прежняго, но онъ сталъ еще слабѣе, худосочіе его еще усилилось. Къ довершенію горя это увеличеніе физической слабости совпало у него съ развитіемъ чувственности, съ появленіемъ желаній и стремленій къ любви. Мрачная покорность судьбѣ оставила его и уступила мѣсто болѣзненной тревогѣ. Передъ болѣзнью онъ повидимому примирился съ тѣмъ, что видѣлъ Лизу лишь изрѣдка, онъ не искалъ встрѣчи съ ней, отвѣчалъ ей односложными словами; теперь же, послѣ того какъ больничныя посѣщенія сблизили ихъ, онъ мучился тѣмъ, что она показывалась такъ рѣдко и такъ недолго оставалась въ лавкѣ матери, а когда приходила, почти не обращала на него вниманія. Онъ горько упрекалъ ее за это.

— Отчего, отчего ты такъ перемѣнилась?—приставалъ онъ. Неужели мнѣ опять надо лечь въ больницу, чтобы ты сдѣлала мнѣ милость посидѣть пять минутъ со мной?

Она смѣялась.

— Что жъ я должна сдѣлать? Сѣсть около тебя на ступеньки моста и вмѣстѣ съ тобой выкрикивать: „Спички! Газеты!“

Это былъ шуточный отвѣтъ; но въ сущности, она не могла отрицать того, что дѣйствительно измѣнилась. Джакомо въ больницѣ внушалъ ей глубокую жалость; теперь она также жалѣла его, но къ жалости примѣшивалось отвращеніе. Онъ былъ слишкомъ дуренъ, грязенъ, всегда въ лохмотьяхъ.

И онъ видѣлъ, какъ она торопится уйдти, какъ она не хочетъ, чтобы ее видѣли съ нимъ.

— Иди,—говорилъ онъ ей,—иди къ твоимъ франтамъ, которые за тобой ухаживаютъ.

Лиза пожимала плечами и уходила, а онъ съ ненавистью глядѣлъ ей въ слѣдъ. Онъ старался возненавидѣть ее и осыпалъ ее бранью.

Она лицемѣрка,—говорилъ онъ самъ себѣ.—Она только съ виду хороша, а выйдетъ изъ нея развратница.

Онъ не щадилъ и ея матери, не смотря на безчисленныя услуги, которыя она ему оказывала. Въ концѣ концовъ, что такое была она въ молодости? И неудивительно вовсе, что она не смотритъ за дочерью, если эта дочь каждую минуту можетъ спросить ее: „а гдѣ твое брачное свидѣтельство? гдѣ моя метрика?“.

За дочерью-то онъ бы и самъ присмотрѣлъ, если бы силы позволяли ему. Тѣмъ не менѣе, не смотря на свою безпомощность, онъ всетаки слѣдилъ за нею, насколько могъ. Время отъ времени онъ покидалъ свой портикъ на полчаса и становился на дорогѣ, гдѣ должна была пройти Лиза на работу или съ работы. Однажды онъ дошелъ даже до Мерчеріи и остановился шагахъ въ тридцати отъ всегда отворенной двери, около которой была прибита блестящая мѣдная доска съ надписью: *Madame Osnati. Robes et Confections*. Но въ другой разъ онъ этого не сдѣлалъ, такъ какъ ему стало страшно, что вдругъ откуда нибудь явится Лиза и набросится на него: „Ты зачѣмъ сюда пришелъ?“ скажетъ. Поэтому онъ больше не отваживался на такое далекое путешествіе; за то онъ нѣсколько разъ встрѣчалъ ее по близости портика. Однажды она разговаривала съ подмастерьемъ парикмахера Моцци; въ другой разъ ему показалось, что молодой франтъ съ розой въ петлицѣ, дотронувшись до ея локтя, нашептывалъ ей какія-то нѣжности.

Всѣ эти пустяки зарождали подозрѣнія въ сумрачномъ воображеніи Джакомо. Но одно открытіе повергло его въ невыразимый ужасъ. Въ одинъ октябрскій вечеръ, по окончаніи рабочаго дня, онъ медленно подвигался къ остеріи, чтобы

съѣсть что нибудь, и уже отказался отъ мысли увидѣть Лизу, которая, по словамъ матери, должна была поздно остаться у портнихи, какъ вдругъ онъ увидѣлъ, что на перекресткѣ стоитъ Лиза, а около нея Беппи Софіати, который говоритъ ей что-то съ большимъ оживленіемъ, а она смѣется.

Они такъ давно знали другъ друга, что, казалось бы, не было ничего удивительнаго въ томъ, что они остановились поговорить. Но до сихъ поръ Беппи смотрѣлъ на Лизу, какъ на ребенка; она же, хотя и удивлялась его силѣ и ловкости, боялась его и всегда старалась держаться отъ него на почтительномъ разстояніи, точно она была хрупкая хрустальная вазочка, которой угрожаетъ сосѣдство толстаго и грубаго чугуннаго котла. Кромѣ того съ нѣкоторыхъ поръ они даже рѣже бывали вмѣстѣ, частью потому, что она была занята, частью оттого, что онъ, гордясь своими шестнадцатью годами, своими пробивающимися усиками и своей преждевременной развращенностью, царствовалъ надъ толпой самыхъ отчаянныхъ женщинъ квартала. Какимъ же образомъ онъ видѣлъ ихъ здѣсь вмѣстѣ, объ эту пору, въ такой очевидной близости: онъ смѣло и вызывающе смотрѣлъ ей въ глаза, она очевидно съ удовольствіемъ слушала его?

XII.

Джакомо не могъ угадать ни о чемъ они разговаривали, ни что они пробормотали, когда замѣтили его. Ему показалось, что у обоихъ вырвался жестъ досады, однако ни тотъ, ни другой не постарался скрыться и не сдѣлалъ вида, что не знаетъ его.

— Добрый вечеръ, Джакомо,—сказали они въ одинъ голосъ.

Онъ не отвѣчалъ. Что-то сжало ему горло, кровь прилила къ головѣ, онъ задыхался. Онъ стоялъ на мѣстѣ, не подходя къ нимъ и не продолжая своего пути. Онъ не сознавалъ даже хорошенько, что дѣлаетъ. Когда онъ пришелъ въ себя, то почувствовалъ вокругъ себя мускулистую руку Беппи и услышалъ его голосъ:

— Лиза пошла къ своей матери. А ты куда идешь? ужинать?

Отшатнувшись отъ него, какъ отъ противнаго гада, Джакомо старался вырваться изъ его рукъ; его лицо выражало ненависть и презрѣніе.

— Иду, куда мнѣ надо,—промычалъ онъ.—Оставь меня.

— Ой-ой,—спокойно и развязно отвѣчалъ тотъ.—Пожалуйста, не съѣшь меня живьемъ. Скажи по правдѣ, ты на

меня золъ за то, что я былъ съ Лизой? Мы встрѣтились случайно... Вѣдь мы же съ ней съ дѣтства знакомы... вѣдь я ее зналъ, когда она еще была вотъ такая крошка.

И онъ опустилъ руку до уровня своего колѣна.

— Ты боишься, что я совращу ее съ прямого пути? Дѣвочку, которой еще нѣтъ тринадцати лѣтъ! Да развѣ я способенъ на такую подлость? Какъ будто я не знаю закона! Какъ будто у меня женщинъ нѣтъ! Да сколько угодно! Глупый ты! не трону я твою Лизу... Скорѣе я готовъ отколотить того, кто станетъ приставать къ ней.

Затѣмъ онъ измѣнилъ интонацію голоса и, нагнувшись къ калѣкѣ, униженно и ласково заговорилъ:

— Ну, помиримся, будемъ друзьями и дай мнѣ взаймы лиру.

Эта нахальная просьба вывела Джакомо изъ себя.

— Ни одного чентезима не получишь.—Убирайся!

— А! ни одного чентезима!—воскликнулъ Беппи, бросая на него ядовитый взглядъ и сжимая въ своей желѣзной рукѣ худенькую руку калѣки.—Такъ-то ты мнѣ отвѣчаешь послѣ того, какъ я сколько разъ чуть не дрался за то, чтобы сохранить тебѣ твое мѣсто во время твоей болѣзни... ежели бы не я, такъ гдѣ бы ты былъ теперь? Можетъ, ты думаешь, *Рыжая* добилась бы чего нибудь со своей болтовней! Или *Носъ*, который вѣчно пьянъ до безчуствія? Или мой отецъ, который тебя терпѣть не можетъ? Или синьоръ Ноэ, которому ты противенъ? Отлично! ты не дашь мнѣ ни одного чентезима, а я даже и просить не хочу. Сію же минуту пойду къ старухѣ Орсеоло, завтра утромъ приведу ее подъ портикъ и останусь около нея,—пусть только кто сунется, чтобы согнать ее съ мѣста! Лиру дастъ мнѣ и она, а если бы и не дала, все равно: я только хочу показать тебѣ, что такое Беппи Софіати, когда ему не оказываютъ должнаго уваженія.

Мысль о томъ, что ему Богъ знаетъ сколько придется скитаться прежде чѣмъ удастся отыскать другой уголокъ въ Венеціи, гдѣ онъ можетъ найти пристанище, что ему придется оставить то мѣсто, гдѣ онъ живетъ уже семь лѣтъ, гдѣ всѣ его знаютъ, и гдѣ онъ всѣхъ знаетъ, наполнила ужасомъ сердце несчастнаго Джакомо. Съ другой стороны, ему не хотѣлось уступать насилію. И онъ пробормоталъ:

— Нѣтъ, нѣтъ... оставь меня или я закричу.

— Ты дуракъ! Что жъ ты закричишь? Развѣ я тебя бью? Но я не хочу вовсе дѣлать тебѣ зла... я тебѣ другъ—говорилъ негодяй, надѣясь получить отъ него деньги,—и если ты мнѣ дашь взаймы лиру, то я клянусь тебѣ, что не буду больше останавливать Лизу на улицѣ... И очень мнѣ нужна твоя Лиза.

Онъ пожалъ плечами и таинственнымъ шопотомъ продолжалъ:

— Ты вѣдь добрый парень и тебѣ можно довѣрить секретъ. Знаешь, зачѣмъ я прошу эту лиру? Потому что давнымъ давно уже обѣщалъ подарить что-нибудь Эльвирѣ, знаешь, эта бобелина, которая ходитъ взадъ и впередъ по улицѣ *Серена*. Такъ вотъ какія женщины мнѣ нравятся, а не такія дѣвчонки, какъ Лиза.

Все это онъ говорилъ, чтобы задобрить Джакомо, который защищался уже менѣе энергично.

— Да Господи Боже мой! Ежели тебѣ нужна лира, такъ что жъ ты у меня-то спрашиваешь? Развѣ есть у меня деньги?

— А то скажешь нѣтъ?—возразилъ Беппи.—Скажу тебѣ по совѣсти: я не помѣнялся бы съ тобой ни наружностью, ни здоровьемъ... но что касается денегъ—сейчасъ помѣняюсь. Да тебѣ *паланки* прямо съ неба валятся; вотъ если я протяну руку, ужъ навѣрное ни одна собака мнѣ не подастъ.

— Твой отецъ баринъ.

— Глупости! Конечно, онъ не бѣденъ; но онъ скряга, не раскошелится ни за что, хоть умирай съ голоду у его ногъ. Разумѣется, онъ денегъ на тотъ свѣтъ съ собой не унесетъ и когда нибудь все, что у него есть, будетъ мое, такъ какъ я единственный наслѣдникъ. Ты видишь, значитъ, что я въ состояніи буду возвратить тебѣ капиталъ съ процентами. Я же вѣдь честный человѣкъ, и долги у меня вотъ тутъ, въ головѣ.

И Беппо въ подтвержденіи своихъ словъ показалъ пальцемъ на лобъ.

— Но я клянусь тебѣ, что у меня ничего нѣтъ,—плаксиво говорилъ Джакомо...—Посмотри, на что я похожъ. Посмотри, въ какихъ я лохмотьяхъ хожу, какіе у меня башмаки.

— Вотъ, именно,—возразилъ Беппи,—именно потому, что ты такъ экономенъ, ты и накопилъ себѣ деньжатъ. Ты думаешь, я не знаю, что ты отдавалъ ихъ на сохраненіе *Рыжей*?

Джакомо отнѣкивался.

— Неправда это, неправда.

— Поди ты!—продолжалъ Беппо,—неужели ты думаешь, что *Рыжая* не проговорилась... И ты вѣришь въ то, что женщина умѣетъ молчать? Въ особенности она. Она честная—это правда; но ужъ насчетъ сохраненія тайны... Вотъ если бы ты довѣрился мнѣ, тогда бы другое дѣло... Никто бы объ этомъ не узналъ.

Джакомо, которому никогда не приходила въ голову эта блестящая мысль, съ удивленіемъ посмотрѣлъ на товарища.

— Или ты, можетъ быть, сомнѣваешься въ моей честно-

сти?—продолжалъ Беппи тономъ человѣка, обиженнаго въ самыхъ своихъ священныхъ чувствахъ.

Джакомо не отвѣчалъ. Дойдя до порога остеріи *Algatto Soriano*, онъ сдѣлалъ послѣднее усиліе отдѣлаться отъ назойливаго товарища.

— Прощай, прощай. Завтра поговоримъ,—сказалъ онъ, стараясь, по крайней мѣрѣ, выиграть время,

Но Беппи не намѣренъ былъ давать отсрочки.

— Нѣтъ, нѣтъ, я тоже войду выпить стаканчикъ вина, чтобы закрѣпить примиреніе.

Кончилось тѣмъ, что Беппи усѣлся за однимъ столомъ съ Джакомо и выпилъ на его счетъ, но не стаканчикъ, а полъ литра вина и частью лаской, частью угрозой выманилъ у него лиру.

XIII.

Роль, которую пришлось играть въ этотъ памятный для Джакомо вечеръ, произвела на него то же дѣйствіе, которое подобныя вынужденныя услуги производятъ на всѣхъ слабыхъ и безхарактерныхъ людей: въ немъ усилились злоба, ненависть и подозрительность. Беппи же сдѣлался еще нахальнѣе. Правда, что въ продолженіе двухъ-трехъ недѣль, онъ ни разу не попадался съ Лизой и даже, чтобы успокоить Джакомо и выманить у него еще нѣсколько сольдовъ, онъ часто показывался въ обществѣ Эльвиры и другихъ подобныхъ ей женщинъ. Но Джакомо не вѣрилъ ему и никогда не упускалъ случая сдѣлать намекъ *Рыжей*.

— Увѣряю васъ,—говорилъ онъ,—что этотъ Беппи сущая каналья... Онъ двуличный... ему ничего не стоитъ побожиться и солгать.

— Ну, если онъ и лжетъ,—отвѣчала *Рыжая*, которая на все смотрѣла оптимистически и больше всего любила спокойствіе,—то я не имѣю никакого основанія не вѣрить Лизѣ, а когда Лиза мнѣ говоритъ, что она не кокетничаетъ съ Беппи, то мнѣ и въ голову не приходитъ, чтобы она меня обманывала. Да потомъ Лиза вѣдь разсудительная, а онъ ужъ тамъ, каналья онъ или нѣтъ,—только не станетъ онъ терять время съ дѣвочкой, которая вчера еще ходила въ короткихъ платьицахъ.

Однако *Рыжая* послѣ такихъ разговоровъ всегда читала нотаціи Лизѣ. Послѣдняя же, угадывая, кто внушалъ ей эти подозрѣнія, накидывалась на Джакомо и однажды необычно рѣзкимъ тономъ сказала ему:

— Это ты науськиваешь маму... Какое ты имѣешь право

на это? Что ты мнѣ: отецъ, опекунъ или братъ?.. Берегись ты, если не хочешь, чтобы тебя проучили хорошенько.

Этотъ вызывающій тонъ, эта гнѣвная вспышка дѣвочки, а въ особенности намекъ на *кого-то*, кто могъ бы вмѣшаться въ это дѣло, только подлили масла въ огонь. Лиза не разсердилась бы такъ, если бъ не была виновата.

Онъ, съ своей стороны, видя ея гнѣвъ, терялъ всякую смѣлость и молчалъ. Иногда самые неразвитые, самые грубые люди находятъ что сказать, когда хотятъ убѣдить или растрогать; но эти убѣдительныя слова внушаетъ имъ безкорыстная, искренняя доброта или страсть, даже порочная и неразумная. Но какое краснорѣчіе могло внушить мальчику его эгоистичное, низкое чувство: „если ты не можешь быть моей, такъ не доставайся никому“?

Джакомо становился все болѣе и болѣе одинокимъ. Даже *Рыжая*, которой надоѣли его злобные намеки и сарказмы, относилась къ нему менѣе ласково, чѣмъ прежде; прочіе же не скрывали своего отвращенія къ нему. Синьоръ Ноэ Спарджилли и старьевщикъ Массимо Софіати, отецъ Беппи, запрещали ему останавливаться у ихъ лавокъ, потому что видъ этой безобразной фигуры отгонялъ покупателей. Докторъ Чирони каждый разъ, какъ у него умиралъ больной, озлоблялся противъ Джакомо, который, вопреки его предсказанію, вынесъ болѣзнь и продолжалъ существовать.

— Вѣдь есть же на свѣтѣ люди, которые живутъ вопреки всякимъ правиламъ,—бормоталъ онъ, торопливо проходя подъ портикомъ.

Довольно ласково еще обращался съ нимъ носильщикъ *Носъ*, у котораго былъ инстинктъ благодарности. Когда онъ былъ пьянъ, то кидался на шею къ бѣдному калѣкѣ и увѣрялъ его, что если бы онъ вдругъ разбогатѣлъ, то навѣрное отдалъ бы ему сторицею за каждую выпитую на его счетъ рюмку вина. Къ сожалѣнію, дружба *Носа* не имѣла никакого практическаго значенія, потому что этотъ почтенный гражданинъ, исполнивъ въ ранніе часы дня нѣсколько порученій и снеся нѣсколько сундуковъ на станцію, начиналъ наливать себя винами и ликерами и совершенно терялъ ясность мысли и равновѣсіе тѣла. Часто въ пьяномъ видѣ на него находилъ припадокъ религіознаго сомнѣнія, и тогда онъ спрашивалъ самого себя и приставалъ ко всѣмъ знакомымъ съ вопросомъ: попадетъ-ли онъ послѣ смерти въ рай или въ адъ? И такъ какъ ему никто не могъ дать положительнаго отвѣта, онъ приходилъ въ отчаяніе, плакалъ и искалъ забвенія въ новыхъ возліяніяхъ, для которыхъ ему нерѣдко приходилось прибѣгать къ помощи Джакомо.

Послѣдній иногда отказывалъ, иногда уступалъ его прось-

бамъ, надѣясь на то, что носильщикъ можетъ служить ему для развѣдокъ. Какъ бы ни былъ онъ пьянъ, ноги ему всетаки лучше служили, чѣмъ бѣдному калѣкѣ, и слѣдовательно онъ могъ ходить за Лизой и узнавать, бывали-ли у нея еще такія случайныя встрѣчи съ сыномъ старьевщика. *Носъ* съ удовольствіемъ принималъ на себя порученіе, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ терпѣть не могъ дерзкаго и всегда насмѣхавшагося надъ нимъ Беппи, но изъ этого ничего не выходило: или въ данный моментъ онъ не въ состояніи былъ далеко ходить, или онъ, по дорогѣ, уступалъ непреодолимому желанію зайдти въ кабачекъ.

Тогда Джакомо рѣшилъ продержать его въ трезвомъ видѣ по крайней мѣрѣ недѣлю.

— Я тебѣ не дамъ ни одного сольдо, пока не буду увѣренъ въ томъ, что ты прослѣдилъ Лизу три вечера подъ рядъ отъ моднаго магазина до самаго ея дома,—объявилъ онъ.

Носъ плакалъ, умолялъ, призывалъ во свидѣтели Пресвятую Дѣву и всѣхъ святыхъ, въ томъ, что онъ все сдѣлаетъ для друга, говорилъ, что если онъ не будетъ промывать себѣ горло, то умретъ.

Джакомо былъ неумолимъ.

— Три вечера подъ рядъ ты долженъ слѣдить за ней,— сказалъ онъ,—долженъ дать мнѣ отчетъ во всемъ, что она будетъ дѣлать. Да басенъ мнѣ не разсказывай и не вздумай увѣрять меня, что слѣдилъ за ней, когда это неправда. Если я замѣчу, что ты меня обманулъ, я и знать тебя больше не хочу... Помни, что ложь есть смертный грѣхъ.

Побуждаемый самолюбіемъ и выгодой, носильщикъ добросовѣстно принялся за дѣло и послѣ третьяго вечера пришелъ разсказать то, что узналъ.

XIV.

Вотъ что онъ разсказалъ, Беппи и Лиза каждый день отъ пяти до половины шестого прогуливались по *Fondamente Nuove*. *Носъ* видѣлъ ихъ наканунѣ и прослѣдилъ ихъ какъ разъ до того момента, когда они разстались на углу у церкви іезуитовъ, сказавъ другъ другу: „До завтра, въ эту же пору“. Такъ какъ Беппи быстро повернулъ назадъ, то *Носъ*, желая спрятаться отъ него, принужденъ былъ зайдти въ винную лавочку... и тамъ ему повѣрили въ долгъ.

Джакомо былъ блѣденъ, какъ полотно. Какъ только носильщикъ окончилъ свой разсказъ, онъ спросилъ:

— Ты хорошо слышалъ: *завтра, въ эту же пору?*

— Разумѣется, хорошо.

— Это значитъ отъ пяти до половины шестого?

— Должно быть.

— Въ пять часовъ мы съ тобой тоже будемъ на *Fondamente Nuove*.

Носъ почесалъ у себя за ухомъ.

— Ты что жъ это, никакъ имъ сцену хочешь сдѣлать? Чтобы этотъ негодяй намъ обоимъ шею накостылялъ?.. Ну нѣтъ, благодарю покорно.

— Никакой сцены я не сдѣлаю. Я хочу только видѣть такъ же, какъ ты ихъ видѣлъ.

— Да вѣдь тебя сейчасъ узнаютъ. Ты думаешь многіе на костыляхъ то ходятъ?

Джакомо пробормоталъ ругательство и прибавилъ:

— А они проходятъ передъ той лавочкой, гдѣ ты спрятался?

— Должны пройдти, если пойдутъ по той же дорогѣ, по которой шли вчера.

— Такъ мы пойдемъ туда. Я заплачу тебѣ за рюмку ликера.

— А вчерашній долгъ тоже заплатишь?

— Сколько?

— Одну *паланку*.

— Заплачу тоже... Доволенъ?

Носъ не могъ по совѣсти не сказать, что онъ доволенъ, но только его смущало опасеніе впутаться въ непріятную исторію. Джакомо долженъ былъ поклясться ему всѣми святыми и мадоннами, которые только есть въ календарѣ, что, онъ не затѣетъ никакой ссоры и даже не выйдетъ изъ кабачка, пока *оба голубка* не разойдутся.

— Я хочу только видѣть ихъ—понимаешь?

— Вотъ охота!

Какъ бы то ни было, пріятели были на мѣстѣ послѣ половины пятаго.

— Нѣтъ, куманекъ, сегодня въ долгъ не даю,—сказалъ хозяинъ лавки, какъ только увидѣлъ входящаго носильщика.

— Дорогой мой Піанелло,—заявилъ *Носъ,*—не то что въ долгъ, а мы еще и старые долги платимъ сегодня.

И онъ указалъ на Джакомо, который вытащилъ изъ кармана пригорошню *паланокъ* и присѣлъ къ столику у окна.

Тотъ, котораго называли Піанелло, тотчасъ же перемѣнилъ тонъ.

— А, коли такъ, то что прикажете подать?

Джакомо заказалъ полъ кружки пива, а его товарищъ рюмочку водки.

Былъ ноябрь и погода стояла сумрачная, такъ что въ лавкѣ уже почти ничего не было видно.

— Сейчасъ огонь зажжемъ,—сказалъ хозяинъ,—подавая водку и пиво.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо огня,—торопливо заявилъ Джакомо, внимательно глядя на улицу изъ за закрытаго окна.

Ночь наступала. Густой туманъ подымался отъ лагуны, небо и вода приняли однообразно-сѣрый оттѣнокъ, островъ Санъ Микеле задернулся словно флеромъ, а далѣе густая завѣса мглы скрывала колокольни и купола Мурано. Но вблизи, изъ кабачка была хорошо видна вся узкая линія *Fondamente* до ближайшаго моста и туманъ не былъ настолько силенъ, чтобы помѣшать свиданію влюбленныхъ парочекъ въ этомъ уединенномъ мѣстѣ. Черезъ болѣе или менѣе длинные промежутки проходили эти парочки, какъ тѣни, то медленно двигаясь, словно въ экстазѣ, то быстро проносясь мимо, словно ихъ преслѣдовалъ рокъ. Лица трудно было разсмотрѣть, но изъ подъ стянутаго у таліи платка и нахлобученной на голову шапки виднѣлись нависшіе на лобъ волосы, сверкающіе взгляды и дрожащія, шепчащія слова любви губы... О, какъ тяжело было бѣдному Джакомо видѣть эти взгляды, которые никто никогда не обратитъ къ нему, угадывать слова, которыя никто никогда не скажетъ ему! Да, любовь проходила мимо него, словно насмѣхаясь надъ нимъ, словно напоминая о томъ, что онъ только отбросокъ человѣчества.

И вотъ прошли и тѣ, которыхъ онъ ждалъ.

— Это они!—прохрипѣлъ онъ. И схвативъ костыли, которые всегда были у него подъ рукой, бросился къ двери кабака, гдѣ *Носъ*, уже достаточно угостившійся, остановилъ его.

— Ты съ ума сошелъ?

Джакомо сталъ вырываться и можетъ быть ему удалось бы освободиться, если бы онъ не замѣтилъ, что Беппи и Лиза шли такъ скоро, что онъ не могъ бы догнать ихъ.

Они летѣли точно у нихъ выросли крылья. Онъ обнималъ ее за талію; она съ томною нѣжностью прислонила хорошенькую головку къ его мощному плечу. У самого моста они остановились. Обѣ фигуры слились въ одну, губы ихъ соединились. Это было одно мгновеніе—видѣніе исчезло, какъ дымъ.

Джакомо, дрожа всѣмъ тѣломъ, толкнулъ локтемъ товарища.

— Видѣлъ? Они поцѣловались.

— Вздоръ! вздоръ!—отвѣчалъ *Носъ*.—Что можно видѣть въ такой темнотѣ?

— Да говорю же тебѣ, что они поцѣловались! — настойчиво повторилъ Джакомо.

— Ну такъ что жъ?—равнодушно отвѣчалъ носильщикъ.— Мало-ли людей на этомъ свѣтѣ цѣлуются.

И, пускаясь въ свои обычныя философско-религіозныя размышленія, которымъ предавался, когда былъ пьянъ, онъ продолжалъ:

— Все это пустяки въ сравненіи въ вѣчностью... Главное— спасенье души. Въ рай мы попадемъ или въ адъ? Вотъ что самое важное.

Погруженный въ мрачное молчаніе, Джакомо не слушалъ его.

— Что жъ, ты хочешь здѣсь оставаться и промокнуть?— сказалъ *Носъ* въ минуту проблеска сознанія. Онъ заставилъ Джакомо войдти въ кабакъ и, бросивъ пиво, которое ничто иное, какъ *промывательное*, спросить себѣ въ утѣшеніе рюмочку хорошей водки. Рюмка слѣдовала за рюмкой съ изумительной быстротой, потому что носильщикъ поминутно требовала еще рюмку, а Джакомо, непривычный къ водкѣ, очень скоро потерялъ сознаніе того, что хорошо и что дурно. Ихъ остановилъ самъ синьоръ Піанелло, который взялъ со стола разбросанныя *паланки* и, увидѣвъ, что ихъ было едва достаточно, чтобы уплатить за выпитое, объявилъ, что не желаетъ разорять своихъ кліентовъ и вредить ихъ здоровью, а потому и не будетъ больше подавать напитковъ.

Носъ началъ было протестовать противъ этого насилія, но кончилъ тѣмъ что заплакалъ горькими слезами и сталъ обнимать синьора Піанелло, который тщетно старался избавиться отъ этихъ изъявленій любви. Какимъ образомъ они оба очутились потомъ на улицѣ—этого ни тотъ, ни другой не могли бы сказать. Провидѣніе, всегда хранящее пьяницъ, спасло ихъ отъ паденія въ лагуну и среди густого тумана, послѣ долгаго странствованія по темнымъ улицамъ и закоулкамъ, привело ихъ къ ихъ жилищамъ, куда они явились мокрые и еле держась на ногахъ.

XV.

Джакомо провелъ безпокойную ночь, полную сновидѣній. Этотъ поцѣлуй, котораго, можетъ быть, вовсе и не было, этотъ поцѣлуй, который былъ, можетъ быть, только плодомъ его фантазіи, не давалъ ему покоя. Онъ не могъ отдѣлаться отъ этого видѣнія: ему все мерещились эти двѣ слившіяся въ одно фигуры, эти двѣ приблизившіяся одна къ другой головы, эти соединившіяся въ поцѣлуѣ губы... Видѣніе исчезало; но онъ во снѣ преслѣдовалъ влюбленныхъ... онъ бѣжалъ за ними по безконечнымъ улицамъ, по темнымъ извилистымъ переулкамъ, вверхъ и внизъ по лѣстницамъ, которыя то, казалось, поднимались до неба, то спускались въ бездонную пропасть. Онъ видѣлъ ихъ передъ собой все на одинаковомъ раз-

стояніи, которое никогда не увеличивалось и не уменьшалось, онъ тщетно протягивалъ руки, чтобы схватить ихъ.

Время отъ времени онъ встряхивался, какъ бы сознавая себя жертвой кошмара; но потомъ тотчасъ же снова впадалъ въ тяжелый сонъ и кошмаръ продолжался.

И среди всѣхъ этихъ лихорадочныхъ галлюцинацій, въ смущенномъ мозгу его шевелилась одна господствующая, неотступная мысль. Этотъ поцѣлуй, въ которомъ заключаются всѣ восторги и всѣ страданія, этотъ поцѣлуй Лизы онъ хотѣлъ получить во что бы то ни стало. Ему казалось, что если уста дѣвочки одинъ разъ, только одинъ разъ сольются съ его устами, онъ найдетъ въ себѣ силу покориться своей участи. Надѣяться отнять ее у красивыхъ, у здоровыхъ—было безумно; безумно было мечтать о томъ, чтобы она отказалась отъ любви. Но она могла же вѣдь подать милостыню ласки своему другу дѣтства, тому, который искалъ ее тогда, когда другіе отъ нея отворачивались, тому, съ которымъ она сама, слабенькая и больная, разсуждала когда-то объ ихъ общемъ несчастіи.

Съ этой неотвязной мыслью онъ всталъ съ постели. Онъ не будетъ жаловаться на нее матери, не будетъ читать ей наставленій.

Вѣдь онъ же ужъ и говорилъ ей когда-то объ этомъ, а она дерзко отвѣтила ему: „какое тебѣ дѣло?"

И правда, это его не касалось, она сама должна беречь свою честь... Каждый за себя... Онъ же не будетъ просить у нея ничего, кромѣ одного только поцѣлуя... А если она откажетъ, если оттолкнетъ его съ тѣмъ презрѣніемъ, которое оказываетъ ему послѣднее время? Если она натравитъ на него Беппи Софіати? Если она прогонитъ его изъ подъ портика, гдѣ онъ зарабатываетъ свое существованіе?.. Иллюзій онъ себѣ не создавалъ. Лиза была не лучше другихъ, не смотря на свой ангельскій обликъ и свою хваленую доброту. Она іезуитка, она вполнѣ способна погубить его... Но все равно... Онъ дождется удобнаго случая, застигнетъ ее врасплохъ и лаской или силой заставитъ ее поцѣловать себя. А если ему потомъ и шею сломаютъ, не бѣда. Ему такъ надоѣло, такъ надоѣло жить на свѣтѣ.

Между тѣмъ надо было притворяться. И Джакомо нѣсколько дней ни *Рыжей*, ни кому бы то ни было не сказалъ ни слова о томъ, что онъ видѣлъ, и упросилъ (конечно, безъ всякаго труда) своего друга носильщика, чтобы и тотъ ничего не говорилъ. Относительно Лизы, съ которой онъ ни разу не встрѣтился одинъ на одинъ, онъ сохранялъ полнѣйшее внѣшнее равнодушіе, чтобы отдалить отъ нея всякое подозрѣніе. Онъ думалъ, что случай долженъ помочь ему.

На его бѣду случай помогъ ему даже скорѣе, чѣмъ онъ ожидалъ: менѣе, чѣмъ черезъ недѣлю послѣ его экспедиціи на *Fondamente Nuove*.

Ноябрьскій день приходилъ къ концу. Это былъ одинъ изъ тѣхъ печальныхъ и непріятныхъ дней въ году, когда къ холоду, сырости и мраку настоящаго присоединяется еще мысль о наступающей зимѣ. Дождя не было, но ни одинъ лучъ солнца цѣлый день не проглянулъ сквозь облака, и теперь, въ четыре часа вечера, спускался съ неба и подымался отъ воды такой густой туманъ, что за нѣсколько шаговъ ничего не было видно. Подобно темному, сырому дыму, этотъ туманъ проникалъ подъ портикъ, забирался во всѣ уголки и приносилъ преждевременную темноту. Лавка старьевщика была уже заперта; винная торговля синьора Ноэ Спарджили, хотя и была открыта для поддержанія чести фирмы, но въ ней было безмолвно, какъ въ могилѣ. Одна только *Рыжая* не унывала и, стоя передъ жаровней, на которой пеклись каштаны, кричала рѣдкимъ прохожимъ:

— Каштаны горячіе, горячіе каштаны!

— Ты еще здѣсь?—спросила она, повернувшись въ ту сторону, откуда раздавался голосъ Джакомо, предлагавшаго свои спички.

— Здѣсь—чего вамъ надо?—пробурчалъ калѣка.

— У, какой медвѣдь! Иди сюда, помоги мнѣ перевернуть каштаны, по крайней мѣрѣ, руки погрѣешь.

Онъ не отвѣчалъ, но медленно подошелъ.

— Погрѣйся, погрѣйся,—говорила жалостливая женщина и прибавила:

— Что̀ бы Лизѣ сегодня пораньше домой придти!

Джакомо пробормоталъ что-то про себя.

— Чего ты? Что ты все бормочешь про себя?—накинулась на него торговка.—Что у тебя тамъ съ Лизой?

Эти разспросы мучили его, но такъ какъ молчаніе вѣрнѣе вело его къ цѣли, онъ сдержалъ свой языкъ и отвѣтилъ:

— У меня?.. У меня ничего нѣтъ.

— Лиза дѣвушка разсудительная,—продолжала *Рыжая*.— И сердце у нея чудное. Если бы я не запретила ей, то она сегодня всю ночь просидѣла бы у постели Терезины Моцци.

Это была одна изъ трехъ дѣвочекъ, дочерей парикмахера, съ которыми Лиза позапрошлымъ лѣтомъ ѣздила на Лидо. Теперь у нея былъ злокачественный тифъ, и докторъ потерялъ всякую надежду спасти ее.

Рыжая покачала головой:

— И ужъ кажется они денегъ не жалѣли, несчастные... Призывали главнаго доктора изъ больницы, сколько свѣчей

ставили Мадоннѣ, сколько обѣденъ заказывали... Ужъ видно судьба.

Добродушная женщина отерла глаза своимъ передникомъ и, услышавъ шаги какого-то прохожаго, машинально закричала:

— Каштаны горячіе!

Но приближающійся вовсе и не думалъ о каштанахъ. Его послали Моцци попросить торговку, чтобы она тотчасъ же пришла къ нимъ, такъ какъ дѣвочка умираетъ, а съ матерью сдѣлался нервный припадокъ. Посланный же долженъ бѣжать дальше за докторомъ Чирони.

— Творецъ небесный!—воскликнула *Рыжая*.—А на кого же я лавку оставлю?

— Только на нѣсколько минутъ,—говорилъ посланный отъ Моцци,—пока я вернусь отъ доктора, котораго надѣюсь найдти или въ аптекѣ или у себя дома. Ради Бога, не откажите. И онъ побѣжалъ далѣе.

— Иду, иду,—крикнула ему въ догонку *Рыжая*, уступая своему жалостливому характеру. Затѣмъ она обратилась къ Джакомо:

— Побереги хоть ты лавку это время. Конечно, въ такую погоду ни одна собака не заглянетъ. Ну, да во всякомъ случаѣ, побудь тутъ. Какъ только вернусь, сейчасъ запремъ; ужъ вѣрно каштаны самимъ придется съѣсть. Да, кстати, если придетъ безъ меня Лиза, скажи ей, что я у Моцци. Да только я увѣрена, что приду раньше ея.

И не дожидаясь отвѣта, *Рыжая* побѣжала, ругая погоду и жалѣя бѣдняжку Терезину...

— Такая хорошенькая, здоровенькая дѣвочка! одиннадцати лѣтъ! Просто съ ума можно сойдти.

XVI.

Джакомо била лихорадка. Никогда не могло представиться болѣе благопріятнаго случая остаться съ Лизой вдвоемъ. Но придетъ ли она? Придетъ ли она какъ разъ въ тотъ короткій промежутокъ времени, пока матери ея нѣтъ въ лавкѣ? Обыкновенно она раньше шести не приходила, прямо, какъ думала мать, отъ портнихи и, какъ это отлично зналъ Джакомо, послѣ прогулки съ Беппи.

Однако случались и исключенія, и она иногда приходила получасомъ раньше, въ особенности когда шелъ дождь. О почему бы ей и сегодня не придти раньше, ради этого холода, который хуже всякаго дождя!

Въ своемъ волненіи Джакомо не замѣчалъ, что каш-

таны подгорали на сковородѣ, и ходилъ взадъ и впередъ подъ портикомъ, съ трудомъ удерживаясь на костыляхъ, которые скользили по жидкой грязи, покрывающей камни. Одинъ разъ онъ поднялся до середины моста, прислушиваясь ко всякому отдаленному звуку, стараясь проникнуть взглядомъ туманъ. Какъ холоденъ и густъ былъ этотъ туманъ! Словно погребальнымъ саваномъ одѣвалъ онъ все кругомъ!

Джакомо стало страшно. Онъ сошелъ со ступенекъ и снова укрылся подъ портикомъ близь жаровни, на которой обугливались каштаны. Какъ тѣни промелькнули подъ портикомъ два человѣка, закутанные въ плащи, а позади нихъ внезапно выступило длинное привидѣніе, на цѣлый метръ выше головы котораго горѣла свѣтлая точка.

Изъ груди Джакомо вырвался глухой крикъ.

— Кто идетъ?

Привидѣніе, очевидно испугавшись не менѣе его, отскочило назадъ, но вслѣдъ затѣмъ бросило презрительный взглядъ на бѣднаго калѣку и, пробормотавъ: Болванъ!—пошло своей дорогой.

Это былъ фонарщикъ. При его прохожденіи темнота чуть-чуть прояснялась. Слабый огонекъ засвѣтился у входа въ портикъ, на верху моста едва замѣтно заблестѣлъ маленькимъ желтымъ кружкомъ другой. Прошло нѣсколько минутъ и въ слабомъ, умирающемъ въ отдаленіи свѣтѣ появилось, сначала смутное, потомъ все болѣе и болѣе ясное очертаніе стройной женской фигуры. Она торопливыми и легкими шагами спускалась со ступенекъ моста, слегка придерживая одной рукой платье.

Джакомо узналъ ее; сердце его сильно забилось и кровь бросилась въ лицо.

— Сегодня или никогда!—шепталъ ему внутренній голосъ.

— Лиза! окликнулъ онъ ее—Лиза!

— Что тебѣ?—спросила дѣвочка, встряхиваясь какъ собака, только что вышедшая изъ воды.—Проклятый туманъ! А гдѣ мама?

— Сейчасъ придетъ... Она просила меня покараулить лавку!

— Она домой пошла?

— Нѣтъ, она пошла на минуту къ Моцци.

— Терезинѣ хуже?

— Кажется, все такъ же,—отвѣчалъ Джакомо.—Твоя мама пошла посмотрѣть. Она сейчасъ придетъ. Подожди ее здѣсь.

— Я тоже пойду къ Моцци,—сказала Лиза и собралась идти.

Онъ остановилъ ее.

— Подожди! куда торопиться? Послушай!

— Что такое?

— Ты сегодня не пойдешь на *Fondamente Nuove*.

Она покраснѣла до корня волосъ.

— Это еще что за *Fondamente Nuove*?

— Точно я тебя не видалъ! Это было въ четвергъ на прошлой недѣлѣ, приблизительно объ эту пору!.. было туманно... хотя не такъ, какъ сегодня. Я видѣлъ тебя съ нимъ, съ Беппи Софіати.

— Ты во снѣ видѣлъ...—начала она, но тотчасъ же прибавила:—Ну, такъ что жъ? Какое тебѣ дѣло?

Джакомо продолжалъ:

— Вы шли очень быстро. Я прослѣдилъ васъ глазами до моста... Тамъ вы поцѣловались.

— Это неправда.

— Нѣтъ, правда.

— Да что это въ самомъ дѣлѣ,—разразилась Лиза—какое ты имѣешь право вмѣшиваться въ мои дѣла? Мнѣ некогда съ тобой разговаривать... Прощай.

Но онъ удержалъ ее за руку.

— Еще минуту... Послушай... Я права никакого не имѣю, знаю... Ты можешь дѣлать все, что хочешь... Я ни твоей матери, никому ничего не скажу.

— Говори или молчи, какъ хочешь—мнѣ все равно. Я не боюсь... И пусти меня.

— Сейчасъ пущу... И исчезну съ твоихъ глазъ навсегда... Уйду отсюда, уйду изъ Венеціи, пойду на край свѣта, въ преисподнюю. Но прежде я хочу, чтобы ты меня поцѣловала такъ же, какъ ты цѣловала *того*...

Она сдѣлала еще большее усиліе, чтобы высвободиться.

— Да что съ тобой сегодня? Ты пьянъ, что-ли?

— Не шути, Лиза... У меня не было во рту ни капли вина или водки... Что я прошу у тебя, я прошу очень серьезно и думаю заслужить это больше, нежели *тотъ*. Я самъ себя отлично знаю... знаю, что я безобразенъ, противенъ... знаю, что женщины бѣгутъ отъ меня. Но ты, ты не можешь отказать мнѣ въ этой милостынѣ поцѣлуя... одного единаго... перваго и послѣдняго...

Онъ сжималъ ей руку и искалъ ея рта.

Однимъ сильнымъ движеніемъ она вырвалась отъ него; но Джакомо снова схватилъ ее и полу-умоляюще полу-повелительно продолжалъ звать ее по имени: Лиза, Лиза!

Отъ быстраго движенія одинъ изъ костылей его упалъ и онъ всей тяжестью навалился на нее.

— Оставь меня,—кричала она, стараясь вырваться. Дуракъ! Идетъ кто-то...

Въ этой борьбѣ они оба скользили по липкой грязи. Вдругъ она дико вскрикнула:

— Смотри!.. Вода!.. Не хочу!.. Помогите!

Но было слишкомъ поздно. Онъ оступился и, повалившись назадъ, ухватился за платье дѣвочки и увлекъ ее съ собой. Оба покатились по ступенькамъ спуска и свалились въ каналъ.

— Помогите! помогите!

За этимъ крикомъ послѣдовалъ глухой шумъ борьбы.

Синьоръ Ноэ Спарджилли выскочилъ изъ своей лавочки; многія окна открылись; съ той и съ другой стороны впопыхахъ прибѣжало нѣсколько человѣкъ; отовсюду слышались испуганные голоса.

— Что такое! что случилось?

— Скорѣе! кто-то тонетъ.

— Кто? гдѣ?

— Ничего не видно.

— Двое упали въ воду.

— Нѣтъ, только одинъ всплескъ былъ.

— Два голоса было.

— Огней! Огней!

— И лодки ни одной нѣтъ!

— Хоть бы доску или веревку!

Между тѣмъ въ окнахъ, какъ погребальные факелы, показались огни. Но въ глубинѣ канала было все такъ же черно и мрачно.

Въ этой темнотѣ, по этому холоду, никто не рѣшался броситься въ воду.

— Я еще съ ума не сошелъ!—говорилъ одинъ — у меня дѣти есть.

Другой вторилъ ему:

— Дѣло не шутка. Можно погибнуть ни за что, ни про что.

Самый смѣлый спустился до послѣдней ступенки спуска. Ему показалось будто шевелится что-то свѣтлое.

— Какая-то женщина, — закричалъ онъ, — она держится на водѣ...—плыветъ...

Вздохъ облегченія вырвался у всѣхъ.

— Слава тебѣ, Господи!

— Вотъ такъ! сюда! сюда, милая сюда!

— Ну вотъ! слава Богу!

Ее вытащили на берегъ, почти безъ чувствъ отъ страха и отъ холода.

— Да это Лиза!

— Дочь *Рыжей*!

— А *Рыжая*-то гдѣ?—со страхомъ спросили въ одинъ голосъ многіе.

— Я увѣренъ, что ихъ было двое,—утверждалъ тотъ, который впервые высказалъ это мнѣніе.

— И въ лавкѣ нѣтъ ни души.

— Святая Мадонна!

Но какъ только Лиза могла сказать слово, друзья торговки успокоились.

— А онъ?—спросила она, испуганными глазами оглядываясь кругомъ.

— Кто—онъ?

Въ эту минуту какая-то старушка нагнулась и подняла потерянный мальчикомъ костыль.

— Это что такое?

— Костыль.

— Это должно быть того калѣки, который продаетъ спички.

— Такъ значитъ, это онъ свалился въ каналъ?

— Да, это Джакомо!—задыхаясь говорила дѣвочка.—Спасите его! Ради Христа спасите!

Кто пожималъ плечами, кто качалъ головой, а кто бормоталъ: какъ бы не такъ! Но чтобы успокоить Лизу, тѣ, которые стояли къ ней ближе, повторяли:

— Мы спасемъ, спасемъ его непремѣнно.

Вдругъ она съ громкимъ рыданіемъ закричала:

— Мама! мама! мама!

Ее завернули въ толстое шерстяное одѣяло, которое принесъ Спарджилли, и собрались нести ее домой.

Вдругъ она вспомнила:

— Вѣдь мамы дома нѣтъ. Она у Моцци. Ей надо дать знать.

Но до дома, гдѣ жили Моцци, уже дошелъ слухъ о случившемся близъ портика несчастіи. *Рыжая*, объятая смутнымъ предчувствіемъ, не распрашивая подробностей, прибѣжала бѣгомъ и, расталкивая толпу, кричала: Лиза! Лиза!

— Здѣсь она, здѣсь! Жива, здорова! Только выкупалась.

— Мама!

— О дѣточка моя! родная моя!

. . . .

Черезъ нѣсколько времени нашелся въ водѣ другой костыль Джакомо. Самого же его вытащили только на другой день.

НА РОДИНѢ.

Я что-то потерялъ—и не могу сыскать...
Чего еще, чего душѣ строптивой надо?
Смѣется глубь небесъ, какъ ласковая мать,
Вся въ блескѣ утонувъ весенняго наряда.
И вижу снова я любимый городъ мой,
Рокочущій, какъ громъ, сверкающій, какъ море,
Ступаю на яву по плитамъ мостовой,
Гдѣ юношей мечталъ о счастьи и просторѣ...

Чего-жъ такъ грустно мнѣ? Чего безумно жаль?
Иль этотъ жизни гулъ, немолчный гулъ потока,
Гдѣ слиты въ стонъ одинъ и радость и печаль,
Спугнулъ тѣ сны мои, что снились тамъ, далеко?
Придавленный, бреду... Ни сладкихъ, жгучихъ слезъ,
Ни смѣха радости знакомому, родному...
Какъ это вышло все блѣднѣе, по иному,
Чѣмъ въ сказкѣ золотой моихъ прекрасныхъ грёзъ!

И тѣхъ же все дворцовъ блестящихъ вереница,
И тѣхъ же синихъ водъ дразнящій мягкій свѣтъ,
И сфинксовъ каменныхъ загадочныя лица,
Но сердцу чудится: чего-то больше нѣтъ!
Вотъ юношей толпа... Ихъ лица бодры, ясны,
Но—словно, чуждая межъ насъ черта легла...
Губительный ли вихрь развѣялъ сонъ прекрасный,
Иль молодость моя съ собою унесла?...

Болитъ душа, болитъ! Какъ пойманная птица,
Тревожно мечется и рвется на просторъ...
Туда-ль, туда-ль опять безумная стремится—
Въ пустыни дальнія за цѣпью льдистыхъ горъ?
Туда, гдѣ что ни шагъ—отвѣсныхъ скалъ граниты,
Гдѣ рѣки—какъ моря, и души—точно ледъ!..

. . . .

Страна полночныхъ вьюгъ, моей весны могила,
Непризнанныхъ скорбей осмѣянная мать,
Языкъ клянетъ тебя, а сердце полюбило...
Я что-то потерялъ и не могу сыскать!

П. Я.

Послѣдніе дни въ Маньчжуріи.

(Изъ личныхъ воспоминаній).

Тихо, уютно и какъ-то душевно-тепло жилось скромнымъ труженикамъ на далекой чужбинѣ среди чуждаго народа, чуждыхъ обычаевъ, нравовъ и вѣрованій. Тѣсно сплотившись дружной семьей, создавъ себѣ свой особый мірокъ родныхъ интересовъ, вдали отъ родины, семейства служащихъ на постройкѣ сумѣли такъ устроиться, что время шло незамѣтно, скучать было некогда за массой своихъ мелкихъ частныхъ дѣлъ и частныхъ волненій, являющихся извнѣ и всегда носящихъ свой мѣстный характеръ. Близость такого крупнаго центра, какъ Цицикаръ, столица Хейлудзянской провинціи, мѣстопребываніе цзянь-цзюня (генералъ-губернатора), всегда заставляла мѣстныя русскія власти быть на чеку, дипломатично дружить съ китайскими сановниками, самимъ къ нимъ ѣздить и еще чаще принимать ихъ у себя, радушно угощая желтокожихъ, церемонныхъ вельможъ, стараясь ни въ чемъ не преступить правилъ ихъ сложнаго и, для насъ русскихъ, подчасъ курьезнаго этикета.

Первый годъ пребыванія на участкѣ постройки, Цицикаръ (по китайски Букои-дзянь) служилъ для насъ, жителей русскаго поселка вблизи маньчжурской деревни Фулярджи (въ переводѣ деревня варнаковъ), единственнымъ пунктомъ всевозможныхъ покупокъ. Кое-кто изъ представителей мѣстныхъ торговыхъ фирмъ, побывавшій прежде въ Благовѣщенскѣ и понимающій немного по русски, сталъ съ нашимъ пріѣздомъ выписывать русскіе товары, сахаръ, вино, водку, печенья, и, не стѣсняясь назначать весьма крупныя цѣны, могъ въ скоромъ времени завести уже большіе магазины съ русскими товарами въ самомъ Фулярджи. Тогда уже поѣздки въ Цицикаръ происходили исключительно съ дипломатической цѣлью отвѣтнаго визита какому нибудь важному генералу, посѣщенія театра по особому приглашенію и т. п. Населеніе города очень скоро привыкло къ русскимъ, перестало удивляться имъ, и многіе служащіе, какъ, напримѣръ, докторъ, начальникъ участка инженеръ, пользовались среди толпы боль-

шой популярностью, а моего мужа такъ всегда привѣтствовали на улицахъ криками: „командира здраствуй“. Удивительно способные къ изученію чужого языка, китайцы прямо-таки устыдили насъ, русскихъ, научившись понимать и говорить многія фразы, въ то время, какъ мы за цѣлый годъ пребыванія въ странѣ не уловили ни звука изъ ихъ, правда, отчаянно труднаго языка. Помню, какъ я была удивлена и, право, даже сконфужена, когда на первый день Пасхи 1899 г. пріѣхавшій среди прочихъ сановниковъ поздравить насъ сынъ цзянь-цзюня, молодой Сань-Ши-э, другъ и пріятель нашъ съ перваго знакомства, подалъ мнѣ голубое фарфоровое яйцо и чисто, твердо сказалъ по русски: „Христосъ воскресе, командирша“. Оказывается, этотъ симпатичный молодой китаецъ вотъ уже полгода старательно изучалъ русскій языкъ подъ руководствомъ старшаго переводчика цзянь-цзюня, бывшаго когда-то переводчикомъ въ китайскомъ посольствѣ въ Петербургѣ. Весь этотъ вечеръ мы говорили порусски, конечно, съ помощью того-же переводчика, но всетаки пришлось удивляться способности этого народа. Уже во второе лѣто нашего пребыванія въ Фулярджи мѣстные жители, разнося зелень и живность на продажу русскимъ, преисправно выкрикивали названія предметовъ по русски, а мы едва научились нѣсколькимъ словамъ и счету. Правда, что количество переводчиковъ съ каждымъ годомъ на участкѣ все увеличивалось, и сношенія съ китайцами такимъ образомъ были очень легки. Относившіеся сначала къ русскимъ съ величайшемъ любопытствомъ и въ то же время усердно сторонясь отъ нихъ и тщательно скрывая свою интимную жизнь, эти желтые сыны Неба къ концу года стали много довѣрчивѣе, относились прямо дружески и мнѣ даже пришлось видѣть домашнюю обстановку одного знатнаго китайца, его жену и дѣтей. Дѣтишки, толстые, здоровые, по своему даже красивые въ нарядныхъ курмахъ (кофтахъ) и шапочкахъ съ краснымъ шелковымъ шарикомъ на серединѣ ихъ, вначалѣ дичились русской „бабушки“ (названіе, данное вообще русской женщинѣ), но красивыя куклы и другія игрушки скоро побѣдили всякое недовѣріе. Простой народъ, т. е. мѣстные жители провинціи, охотно шли работать на постройку, нанимались въ прислуги, и многіе изъ нихъ такъ привязывались къ своимъ господамъ, что и впослѣдствіи не покинули ихъ, отправившись за ними въ Хабаровскъ.

Такъ прошелъ незамѣтно среди новыхъ интересовъ, наблюденій, первый годъ жизни на постройкѣ; наступилъ второй. Дѣятельность такъ и кипѣла; работы шли настойчиво, быстро, и просто не вѣрилось иной разъ, что только одинъ годъ минулъ съ той поры, какъ мы вступили на эту землю, тогда такую пустынную, тихую, теперь оживленную такой кипучей дѣятельностью. Длинная полоса къ западу отъ праваго берега р. Нонни вся сплошь была покрыта русскими домами, выстроенными въ два

ряда съ широкой улицей посерединѣ, прозванной дѣтьми Красной улицей. Обнесенный кругомъ высокой стѣной съ воротами по серединѣ и по краямъ, весь русскій поселокъ, бѣлый, чистый, всегда оживленный, представлялъ издали очень нарядный видъ, и сердце радовалось, глядя, какъ постепенно разросталось и богатѣло это русское поселеніе. Общество тоже росло постепенно, явились различные проекты: школы для дѣтей, общаго собранія и, конечно, церкви, въ которой всѣми ощущался сильный недостатокъ. Въ казармахъ была устроена часовня, изящная, нарядная, какъ игрушка, вся сработанная руками казаковъ, подъ руководствомъ ихъ командира и мѣстныхъ дамъ; за отсутствіемъ священника, казаки просто пѣли хоромъ молитвы по праздникамъ, сзывая благовѣстомъ всѣхъ желающихъ помолиться. Частенько и друзья-китайцы заходили въ нашу часовеньку послушать пѣніе, и странно было видѣть, когда который нибудь изъ нихъ съ самымъ значительнымъ видомъ опускалъ монету въ кружку, стоявшую на столикѣ, гдѣ продавались свѣчи. Конечно, этимъ они только благодарили насъ русскихъ за полное невмѣшательство и не назойливость въ дѣлахъ вѣры, выразившуюся даже настолько широко, что русскіе, откупивъ у жителей деревни участокъ земли, на которомъ стояла ихъ кумирня, построили имъ другую, гораздо большую и богаче обставленную, причемъ всѣ идолы были заказаны у лучшихъ мастеровъ въ Цицикарѣ и своей пестротой и уродствомъ превосходили всякое воображеніе. По случаю открытія этой новой кумирни китайскимъ делегатомъ было устроено большое празднество, выписанъ изъ города театръ, и всѣ мы приглашены въ особо устроенную ложу смотрѣть эти представленія. Конечно, обстановка, игра оставляли желать многаго, но акробатическія упражненія, дѣти-гимнасты и фокусники были поразительны. Въ содержаніи пьесъ главнымъ образомъ поражало то, что весь сюжетъ ихъ вертѣлся на стремленіи женщины быть главою въ домѣ, причемъ прекрасный полъ всегда оставался побѣдителемъ, между тѣмъ, какъ именно у китайцевъ крайне жалко положеніе жены.

Къ веснѣ этого года ждали мы появленія перваго локомотива на нашемъ участкѣ. Высокая, ровная, лентой протянувшаяся по безпредѣльной степи насыпь была уже готова. Желѣзнодорожный, временной, деревянный мостъ черезъ р. Нонни къ маю мѣсяцу долженъ былъ быть оконченъ, и по немъ предположено переправить изъ Харбина (центръ управленія дороги на р. Сунгари) всѣ матеріалы, необходимые для укладки рельсоваго пути на западныхъ участкахъ отъ Фулярджи до границы Сибири. Глазъ просто радовался, глядя на то, какъ сравнительно за такое короткое время русскіе успѣли много сдѣлать, поборовъ всѣ затрудненія, какъ стихійныя, такъ и политическія. Необычайное оживленіе царило теперь въ этомъ еще такъ недавно бѣдномъ и

дикомъ степномъ уголкѣ сѣверной Маньчжуріи. Сама деревня Фулярджи сильно разрослась, увеличилось число огородовъ, научились маньчжуры и китайцы садить русскіе овощи и съ хорошимъ барышемъ продавать ихъ намъ. Мало того! они, никогда прежде не знавшіе молока, научились теперь доить коровъ и носили молоко по участку. Рядомъ съ полосой отчужденія, т. е. землей, откупленной дорогой для русскихъ построекъ, появились славныя фанзы, бѣлыя, нарядныя, съ русскими печами и окнами, открылось нѣсколько хорошихъ китайскихъ лавокъ. Самый русскій поселокъ какъ-то незамѣтно росъ и оживлялся. Посреди его возвышалось хорошее зданіе больницы, гдѣ былъ устроенъ и амбулаторный пріемъ, гдѣ китайцы, самые нищіе, принимались и осматривались врачемъ одинаково внимательно, какъ и русскіе. Молодой, энергичный, внимательный врачъ участка быстро сумѣлъ заслужить довѣріе населенія, и оно охотно шло къ нему со своими болячками, охотно ложилось въ больницу и часто съ большой неохотой уходило оттуда снова на свою нищету и голодъ. По счастью, смертныхъ случаевъ среди китайцевъ, попавшихъ въ больницу, почти не было, а выздоровѣвшимъ всегда еще и денежное пособіе давали; понятно поэтому, что часто врачу приходилось энергично отказываться отъ назойливыхъ желтокожихъ паціентовъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ, какъ и всегда, праздновался китайскій новый годъ, прошедшій на этотъ разъ какъ-то удивительно тихо и вяло въ Цицикарѣ. Не было парадныхъ обѣдовъ, приглашеній въ театръ, наоборотъ, въ народѣ, среди переводчиковъ, циркулировали какіе-то слухи о назначенной изъ Пекина ревизіи; о томъ, что ѣдетъ какой-то страшный генералъ инкогнито; что цзяньцзюнемъ недовольны, велятъ ему быть энергичнѣе и не позволять русскимъ такъ хозяйничать въ его провинціи; что вообще дѣла его запутаны. Слухи эти становились все упорнѣе, перешли, наконецъ, прямо въ разсказы, что таинственный генералъ пріѣхалъ, и, наконецъ, однажды вечеромъ сообщили изъ Цицикара, что цзянь-цзюнь скончался внезапно. Утромъ устроилъ онъ торжественное богослуженіе въ самой главной кумирнѣ, затѣмъ долго бесѣдовалъ секретно со своимъ сыномъ и, наконецъ, пообѣдавъ однимъ лишь рисомъ и выпивъ чай, онъ покурилъ опіуму и умеръ. Правда, что старикъ и раньше хворалъ, не разъ приглашалъ онъ къ себѣ для совѣта и нашего участковаго врача, но всетаки всѣмъ намъ, русскимъ, показалась подозрительной эта внезапная смерть. Вскорѣ среди китайцевъ стали прямо говорить, что старику былъ объявленъ по приказанію императрицы смертный приговоръ, т. е. присланы шнурокъ, ножъ и ядъ. Старикъ выбралъ послѣднее. Всѣ служащіе желѣзной дороги глубоко жалѣли о смерти этого чиновника, всегда умѣвшаго улаживать недоразумѣнія между своими и русскими и никогда не выказавшаго ни-

какихъ враждебныхъ намѣреній. Невольно являлись опасенія за будущее, особенно, когда стали говорить о насильственной смерти этого, будто бы, друга русскихъ и потомъ о назначеніи на его мѣсто бывшаго Айгунскаго фу-ду-туна (губернатора), командующаго войсками въ Хейлудзянской провинціи, генерала Шеу, человѣка молодого, энергичнаго, хорошаго военачальника, бывавшаго часто въ Благовѣщенскѣ и далеко не симпатизирующаго русскимъ. Къ несчастью опасенія эти слишкомъ скоро оправдались!

Не прошло и мѣсяца съ появленія новаго цзянь-цзюня, какъ начала чувствоваться перемѣна въ отношеніи къ русскимъ, повѣяло новымъ, какъ будто враждебнымъ, вѣтромъ. Среди жителей деревни появились какія-то личности, не имѣющія опредѣленныхъ занятій, но всегда неожиданно появлявшіяся тамъ, гдѣ собирались кучки народу и происходилъ какой нибудь, хотя бы самый незначительный, споръ между китайскими рабочими и нашими казаками. Тѣ мелкія столкновенія, которыя до сихъ поръ всегда оканчивались мирно и къ обоюдному удовольствію, теперь вдругъ начали принимать чуть не политическій характеръ.

Съѣздивъ въ городъ, чтобы посѣтить сына умершаго цзянь-цзюня и выразить ему свое сочувствіе, мой мужъ былъ пораженъ сразу измѣнившейся физіономіей этого богатаго торговаго города, начавшаго принимать видъ крѣпости, готовящейся къ войнѣ. Стѣны, башни кругомъ города и въ самой цитадели спѣшно чинились, появились на нихъ орудія, всюду по улицамъ шныряли солдаты, конные и пѣшіе. Мало того! случайно попалась на встрѣчу батарея, шедшая съ ученія, и пришлось увидѣть пушки новѣйшей конструкціи. Удивленный такимъ воинственнымъ видомъ мирнаго торговаго города, мужъ спросилъ знакомаго пріятеля купца, что все это значитъ. Толстый, добродушный и хорошо говорящій по русски китаецъ смутился, сталъ оглядываться по сторонамъ и, наконецъ, шопотомъ, почти на ухо, объяснилъ, что новый цзянь-цзюнь совсѣмъ военный, не любитъ купца, все собираетъ солдатъ, учитъ ихъ, много пушекъ и пороху привезли сюда, и когда солдатъ или офицеръ плохо дѣлаетъ, то ему сейчасъ велитъ „кантами“ (рубить голову). „Вѣрно большой война будетъ, только мы не знаемъ кого войнать будутъ“, заключилъ глубокомысленно китаецъ и прибавилъ, что теперь русскимъ не стоитъ ѣздить въ Цицикаръ. Больше онъ ничего не хотѣлъ говорить и на всѣ разспросы или хитрилъ, или отмалчивался. Пользуясь до сихъ поръ всюду свободнымъ пропускомъ, мужъ пошелъ было въ знакомыя казармы, но его очень вѣжливо, даже ласково, на этотъ разъ не впустили.

Вскорѣ нашъ переводчикъ, очень умный, хитрый и богатый китаецъ, владивостокскій купецъ, пришедшій въ Цицикаръ съ отрядомъ и служившій очень честно русскимъ, соблюдавшій всѣ

интересы ихъ, пріѣхавъ какъ-то изъ города, съ очень таинственнымъ видомъ началъ разсказывать и, конечно, по секрету, что въ Цицикаръ новые люди пріѣхали, которые могутъ чудеса дѣлать. На вопросъ нашъ, какіе это люди и каковы ихъ чудеса, онъ еще таинственнѣе объяснилъ, что эти люди могутъ такъ сдѣлать, что у человѣка можетъ тѣло стать совсѣмъ неуязвимое и ни пуля, ни желѣзо, ни даже ядро его и не ранятъ. Мы засмѣялись. Китаецъ не смутился нисколько, но съ глубочайшей увѣренностью сказалъ: „Зачѣмъ смѣешься! Тамъ, на югѣ, много войска есть и тамъ живетъ мальчикъ. Ему 15 лѣтъ и у него маленькая коса. Его убить нельзя. Стрѣляй пулей въ грудь, а онъ эту пулю тебѣ изо рта вынетъ. Когда онъ махнетъ косой, все его войско въ одинъ день перелетитъ, куда онъ захочетъ, и всѣ солдаты такіе, что ни пуля, ни желѣзо не убьютъ ихъ. Надо только молиться богу и разныя жертвы дѣлать, и теперь эти люди въ Цицикарѣ, въ кумирняхъ молятся и всѣ солдаты такіе крѣпкіе будутъ". Мы не могли не посмѣяться надъ суевѣріемъ этого, въ сущности неглупаго и страшно хитраго народа, увы!, не зная сколько значенія политическаго и историческаго будутъ имѣть подобныя легенды.

Вскорѣ всѣ китайцы, купцы, бойки (прислуга у русскихъ), переводчики начали тревожно поговаривать о „большомъ кулакѣ", о возможномъ его появленіи и вблизи насъ, о его силѣ, хорошемъ вооруженіи. Прежніе хунхузы, ихъ набѣги, все это забылось, слилось въ одно общее имя „большого кулака". Легенды о таинственномъ мальчикѣ, его неуязвимости, несмѣтной силѣ, разсказывались громко, упорно и всѣми мирными торговцами очень тревожно. Появились свѣдѣнія о „красныхъ фонаряхъ", таинственныхъ слугахъ духа Китая, впереди полчищъ которыхъ идетъ непорочная, неуязвимая дѣва и несетъ днемъ передъ собой красный платокъ, а ночью красный фонарь, и всѣ враги отъ ея краснаго свѣта падаютъ ницъ и погибаютъ. Впослѣдствіи нашимъ казакамъ приходилось не мало встрѣчать этихъ таинственныхъ дѣвъ, причемъ, конечно, отъ перваго же залпа эти несчастныя погибали, а ихъ полчища обращались въ бѣгство.

Не понимая, конечно, значенія всѣхъ этихъ легендъ для насъ русскихъ и для дѣла постройки, всѣ, тѣмъ не менѣе, чувствовали какую-то грозу въ воздухѣ и многіе служащіе выражали желаніе уѣхать, отправить семьи, но изъ центра управленія до сихъ поръ приходили лишь успокоительныя телеграммы, и мы продолжали спокойно жить и работать.

Въ апрѣлѣ начали прибывать на участокъ партіи рабочихъ изъ южнаго Китая. Существовали весьма основательныя опасенія, что среди этихъ полуголодныхъ, оборванныхъ бѣдняковъ не мало членовъ секты „большого кулака" и ея агитаторовъ. За рабочими былъ устроенъ бдительный надзоръ, день и ночь хо-

дили обходные казаки по участку, сообщая о всякомъ подозрительномъ случаѣ начальнику охраны. Дѣйствительно, съ появленіемъ рабочихъ стали еще рѣзче, еще картиннѣе разсказы о легендарномъ мальчикѣ и таинственныхъ дѣвахъ. Теперь уже нельзя было, какъ прежде, свободно гулять однимъ, особенно дамамъ. Крики: „худо“, „русская бабушка худо“ замѣнили прежніе добродушное „шанго“ (хорошо). Стали являться случаи нападенія рабочихъ на десятниковъ, приходилось вмѣшиваться въ дѣло казакамъ. Дерзость пришлыхъ бродягъ дошла до того, что начали подкидывать трупы умершихъ рабочихъ подъ окна конторы и дома начальника участка, распуская слухи, что русскіе убиваютъ китайцевъ. Происходили бурныя сцены взволнованной толпы, и надо было много терпѣнія, дипломатической ловкости и твердости, чтобы убѣдить народъ въ нелѣпости такихъ обвиненій. Делегатъ, хитрый и весьма противный старый китаецъ, усердно принялся за всѣ подобныя происшествія, обѣщалъ принять мѣры, наказать виновныхъ, но, какъ мой мужъ, такъ и начальникъ участка научились достойно цѣнить китайскія обѣщанія.

Скоро дошло до того, что ни одной ночи нельзя было лечь спокойно, что не будетъ тревоги, скандала, даже нападенія. Всѣ были на чеку, готовы стойко выдержать опасность, но каждый старался не выдать своей тревоги передъ другими, и жизнь поселка текла какъ будто по прежнему. Между тѣмъ въ магазинахъ, маленькихъ лавкахъ, среди боекъ начали уже, усмѣхаясь, говорить, что вотъ какъ машина пройдетъ, такъ цзянь-цзюнь скажетъ русскимъ „цуба кокойда“ (убирайтесь скорѣе), а если они не уйдутъ, то велитъ имъ „кантами“ (рубить головы). Насмѣшки надъ такими словами не помогали и приходилось строгостью прекращать нелѣпые разговоры. Между тѣмъ мужъ мой узналъ о сильной мобилизаціи во всей Хейлудзянской провинціи, о чемъ и донесъ немедленно своему начальству. Приходилось все чаще и чаще слышать о прекращеніи работъ на какой-нибудь дистанціи, вслѣдствіи усиленнаго набора войскъ; о бѣгствѣ китайской прислуги и переводчиковъ. Магазины пустѣли, новыхъ товаровъ не выписывалось, старые поспѣшно распродавались. Нашъ переводчикъ дѣлался все таинственнѣе, мрачнѣе и однажды, вернувшись изъ города, прямо объявилъ, что цзянь-цзюнь не велѣлъ ничего продавать русскимъ, ни муки, ни рису и, главное, не давать подводъ. По счастью, запасы на участкѣ были большіе, своя паровая мельница работала исправно, но всѣ эти вѣсти не могли насъ не тревожить. Какіе-то тайные агитаторы не дремали, распуская среди населенія и, главное, среди пришлыхъ рабочихъ, не знавшихъ насъ, русскихъ, близко, что русскіе китайцевъ убиваютъ тайно, а сало изъ нихъ вытапливаютъ для своихъ церквей на свѣчи и для смазки машинъ. Среди толпы, особенно въ городѣ, появились угрожающіе симптомы, пріѣзжающихъ туда по

дѣламъ и давно знакомыхъ служащихъ стали угощать камнями изъ-за угла. Однако открытыхъ враждебныхъ дѣйствій не было.

Въ такомъ тревожномъ состояніи встрѣтили мы наступленіе лѣта. Укладка рельсоваго пути уже прошла сосѣдній участокъ и приблизилась къ мосту по ту сторону р. Нонни. Наконецъ въ одинъ прекрасный, солнечный день вблизи поселка раздался давно жданный свистокъ и длинный поѣздъ, на желѣзнодорожномъ языкѣ—укладочная деревня—потянулся по нашей насыпи. Всѣ были рады, что трудное дѣло идетъ къ концу, но какъ-то смутно, тревожно было у всѣхъ на душѣ, точно этотъ свистокъ намъ всѣмъ погребальную пѣснь поетъ. Безконечно радовались наши участковыя дѣти, пропадая цѣлые дни на укладкѣ, безконечо суетились толпы китайцевъ, волнуясь, крича, разглядывая все и шныряя повсюду. Даже почтенный делегатъ нѣтъ-нѣтъ да и пройдется на укладку, неизмѣнно заходя послѣ того къ намъ, „запросто, безъ церемоніи, чаю выпить“, поразсказать, что его очень интересуетъ постройка, да и цзянь-цзюнь очень хочетъ знать, скоро-ли дорога будетъ окончена. Эти частые визиты лукавой китайской лисы, тонкіе разспросы и сладкія рѣчи невольно наводили на серьезныя размышленія, но скоро пришлось еще болѣе удивиться и призадуматься!

Наступило лѣто, какъ всегда въ этой мѣстности, жаркое, съ горячими вѣтрами, пылью, тучей мухъ и комаровъ, теплыми ночами, когда прямо не хотѣлось идти въ душныя, точно натопленныя комнаты, такъ хороша бывала почти волшебная картина этой безбрежной степи, ярко освѣщенной луной, бѣлаго городка и черной ленты насыпи съ ея длинной вереницей вагоновъ, гдѣ копошились массы русскихъ рабочихъ. Казацкая пѣсня часто оглашала безмолвный воздухъ, нерѣдко сливаясь какимъ-то страннымъ диссонансомъ съ уныло-монотонной пѣсней китайца-рабочаго, сидящаго возлѣ своей палатки съ неизмѣнной трубкой, вѣеромъ, собакой и часто птичкой въ клѣткѣ и воспѣвающаго „круглую луну и ея блѣднаго духа“. Часто подолгу сидѣли всѣ мы, т. е. все интеллигентное общество участка, на скамеечкѣ у какого-нибудь изъ домовъ и, любуясь ночью, бесѣдовали о могущихъ произойти осложненіяхъ, о нашемъ опасномъ положеніи съ такимъ малымъ количествомъ охраны и оружія, и это чувство общей опасности какъ-то еще тѣснѣе сближало нашъ и безъ того дружный кружокъ. Сначала мы, смѣясь, предполагали, что цзянь-цзюнь хочетъ русскихъ голодомъ выкурить, запрещая продавать въ Цицикарѣ муку, рисъ и дѣлая затрудненія въ покупкѣ скота на мясо. Но сосчитавъ свои личные запасы и собственный скотъ, мы увидѣли, что сообща можемъ даже всѣхъ на участкѣ прокормить 2—3 мѣсяца, а тѣмъ временемъ и выручка придетъ.

Этотъ годъ какъ-то рѣдко выпадали хорошіе дни и лунные вечера. И солнце, и луна были все время какія-то необыкновен-

ныя, точно красные, ровные шары безъ лучей, а днемъ постоянно стояла какая-то желтоватая, сухая мгла; солнце было задернуто какъ вуалью, безъ облаковъ и тучъ, и однажды даже пришлось увидѣть совсѣмъ необычайное явленіе: въ то время, какъ кровавое, круглое солнце, не освѣщая свѣтомъ заката небо, опускалось за горизонтъ, одновременно съ другой стороны поднималась совершенно одинаково красная, круглая, ровная луна. Ни оттѣнка нѣжнаго серебристаго свѣта не бросала она на окружающіе предметы. Наоборотъ, все было темно, мрачно, и только кровавые два фонаря стояли другъ противъ друга, такіе зловѣщіе, непонятные, что невольно дѣлалось жутко. Мы долго спорили, доказывали, объясняли эти явленія, но наивные, страшно суевѣрные китайцы сразу, по своему, объяснили все. Испуганно, со страхомъ заговорили они, что „духъ сердится! Много крови будетъ вездѣ на китайской землѣ, надо скорѣе уходить отсюда, все кровь“. Съ этого вечера разговоры о войнѣ Россіи съ Китаемъ, о появленіи „большого кулака“, главное таинственнаго мальчика съ короткой косой стали принимать угрожающіе размѣры.

Насъ прямо спрашивали, когда мы уѣзжаемъ, назначали срокъ, что черезъ 3 недѣли тутъ худо будетъ. Вскорѣ изъ Цицикара донесли, что цѣлые отряды войскъ вышли оттуда на западъ въ Хайларъ и на юго-востокъ въ Харбинъ. Немедленно объ этомъ донесено было участкомъ въ Харбинъ. Въ одно жаркое утро прибылъ нашъ переводчикъ съ извѣстіемъ, что генералъ Пау идетъ со своимъ полкомъ черезъ Фулярджи и сейчасъ пріѣдетъ къ намъ. Этотъ генералъ, очень неглупый отъ природы, родомъ маньчжуръ, и даже порядкомъ знавшій военное дѣло, былъ старымъ знакомымъ мужу еще по походу черезъ Маньчжурію и всегда выказывалъ намъ много дружбы. Бывая при прежнемъ цзянь-цзюнѣ довольно часто у насъ, проводя цѣлые дни когда запросто, когда и со всей свитой, онъ нѣсколько разъ снимался въ группѣ съ нами, всегда стараясь обнять кого-нибудь изъ дѣтей. Зная, что на этотъ разъ онъ ѣдетъ во главѣ цѣлаго отряда, мужъ рѣшилъ и встрѣчу приготовить ему парадную. Въ какіе-нибудь полчаса весь домъ былъ убранъ флагами, стоялъ почетный караулъ и хоръ пѣсенниковъ съ бублами и тулумбасомъ. Китайцы, какъ дѣти, любятъ все показное и всегда страшно довольны такой комедіей, причемъ очень щедро отсыпаютъ серебро и пѣсенникамъ, и почетному караулу. И на этотъ разъ Пау прибылъ сіяющій, веселый какъ будто, и лишь много спустя, по серединѣ обильнаго обѣда и не менѣе обильныхъ возліяній изъ русскихъ наливокъ и французскихъ ликеровъ, онъ снялъ съ себя маску веселости и безпечности. Его характерное, тонкое лицо стало сразу такимъ озабоченнымъ, брови нахмурились, маленькіе, выразительные глаза то и дѣло стали перебѣгать съ мужа на меня и обратно. Онъ разсказалъ, что идетъ разставлять свою

охрану на сосѣдній участокъ, потому-что теперь, когда дорога почти построена, цзянь-цзюнь находитъ русскую охрану совсѣмъ ненужной и уже писалъ въ Харбинъ, чтобы убрали со всей линіи русскія войска. На это мужъ возразилъ, что охрана прислана сюда нашимъ царемъ, и никто въ Харбинѣ ее убрать не можетъ, что китайскій императоръ самъ согласился, чтобы русскіе охраняли дорогу. Тогда Пау смутился и заявилъ вдругъ, что императрица велитъ русскимъ войскамъ потомъ уйти, а пока китайскія войска будутъ все-равно охранять вмѣстѣ съ казаками. „Вѣдь васъ все-равно мало, неожиданно заключилъ онъ съ лукавой усмѣшкой, вотъ мы и будемъ помогать вамъ, а то у „большого кулака“ силы очень много. Вотъ у тебя на посту тамъ, — онъ указалъ къ западу — всего шесть казаковъ, а ихъ придетъ много. А я поставлю солдатъ своихъ 40 и тогда вамъ будетъ хорошо“. Мы не вполнѣ согласились, что это будетъ хорошо, потому-что русскіе казаки и китайскіе солдаты могутъ чего-нибудь не поладить между собой, но Пау тутъ-же объявилъ, что всѣ столкновенія они съ командиромъ будутъ своимъ судомъ рѣшать, дружески. По поводу такой дружбы они съ мужемъ троекратно чокнулись, заставили и меня присоединиться къ тосту за дружбу нашу на вѣки вѣковъ. И вдругъ нашъ китаетъ обращается къ мужу съ вопросомъ: „ты какъ думаешь, будетъ война русскій и китай“. „Нѣтъ, не будетъ“, отвѣчаетъ мужъ. „Да! русскій царь и китайскій царь все-равно братья. А если будетъ война, ты въ меня стрѣлять будешь?“ и лукавый взглядъ генерала такъ и впился въ лицо мужа. „Въ тебя самого не буду, а съ твоими солдатами биться буду, если царь мой прикажетъ“, отвѣтилъ мужъ, улыбаясь серьезности своего стараго пріятеля. „Да! и я не буду тебя убивать, я твое вино много пилъ“, и китаецъ какъ-то понуро замолчалъ. Мы переглянулись и заговорили о другомъ, старательно подливая гостю его любимаго ликера. И вдругъ онъ снова заговорилъ какъ-то горячо, озабочено: „ты возьми свою бабушку (жену) и дѣти и вези мой домъ въ Цицикарѣ, тамъ она съ моей бабушкой будетъ жить и ей не будетъ худо“. Мы изумились. „А здѣсь чѣмъ худо?“ „И здѣсь не худо, только здѣсь не мои солдаты будутъ, другой генералъ, а ты лучше черезъ три-четыре дня вези ее въ Цицикаръ“. Долго еще просидѣлъ нашъ гость, все возвращаясь къ вопросу о войнѣ, и уѣхалъ съ той-же просьбой отдать меня и дѣтей подъ охрану его семьѣ. Странный разговоръ этотъ не на шутку смутилъ и встревожилъ насъ. Драма разыгрывается, думалось невольно, какова-то будетъ развязка!

Прошло еще нѣсколько дней. Черезъ участокъ то и дѣло проходили вооруженные отряды китайскихъ войскъ; тревожные слухи росли; дерзость какихъ-то темныхъ бродягъ дошла до прямыхъ угрозъ казакамъ, что черезъ 10 дней всѣмъ русскимъ *кантами*

будетъ. Мы тревожились, но молча занимались всѣ своимъ дѣломъ. Укладка рельсъ шла быстро, поѣзда съ матеріалами то и дѣло подходили къ насыпи, шумъ сбрасываемыхъ рельсъ, шпалъ, свистки локомотива, крики рабочихъ то и дѣло оглашали воздухъ. Пришлось отказаться отъ прогулокъ и поѣздокъ по степи, такъ какъ иначе, какъ съ конвоемъ, нельзя было проходить мимо этой полунагой, дикой толпы. Наконецъ, китайская охрана появилась и на нашемъ участкѣ, и начальникъ ея, генералъ Тиссянъ, тоже старый знакомый, пріѣхалъ къ намъ передать мужу отъ цзяньцзюня, что все спокойно, никакихъ осложненій не предвидится, а охрана китайская будетъ стоять черезъ рѣку въ деревнѣ, на случай появленія враждебныхъ шаекъ. Этотъ китаецъ уже велъ себя совсѣмъ въ другомъ родѣ, не откровенничалъ. Онъ ни разу не взглянулъ прямо въ глаза, хитрилъ, лукавилъ, не договаривалъ и произвелъ на насъ прямо удручающее впечатлѣніе. Сидѣлъ недолго, стараясь лишь выспросить, правда-ли, что русскій царь свои войска присылаетъ въ Маньчжурію. Мужъ отозвался полнымъ незнаніемъ, и генералъ уѣхалъ, разсыпаясь впрочемъ въ любезностяхъ и отъ цзянь-цзюня, и отъ себя.

Въ двадцатыхъ числахъ іюня усилилось движеніе войскъ изъ Цицикара и въ Цицикаръ, и кромѣ того насъ поразило еще то, что жители сначала окрестныхъ деревень, а потомъ и нашего Фулярджи начали оставлять свои жилища и скрываться куда-то. Отъ кого бѣгутъ они, отъ своихъ, или отъ насъ, невольно являлся вопросъ, на который мы впрочемъ такъ и не получили отвѣта.

27-го іюня вечеромъ нашъ переводчикъ пріѣхалъ изъ Цицикара, куда былъ посланъ за покупкой лошадей, крайне смущенный, встревоженный и все уговаривалъ мужа не ѣздить самому въ городъ, не объясняя впрочемъ причинъ. Но въ то же время онъ сообщилъ, что табуны пригнаны, стоятъ возлѣ города, и подрядчикъ ждетъ лишь командира, чтобы выбрать лошадей и гнать ихъ въ Фулярджи, и что все это надо дѣлать секретно, такъ какъ солдаты теперь всюду слѣдятъ, чтобы русскимъ ничего не продавали. Мужъ рѣшилъ на другой-же день ѣхать.

Утро 28-го іюня, послѣдняго мирнаго дня для насъ въ Маньчжуріи, встало сыроватое и туманное, дулъ сильный вѣтеръ и я, въ душѣ, надѣялась, что китайцы въ такую погоду не станутъ переправлять паромъ на ту сторону. Мнѣ какъ-то безотчетно не хотѣлось въ этотъ день, чтобы мужъ уѣзжалъ, хотя за это время я успѣла привыкнуть къ его часто опаснымъ отлучкамъ. Къ сожалѣнію, часамъ къ 6-ти утра погода прояснѣла, и вѣтеръ началъ стихать. Мужъ уѣхалъ въ сопровожденіи двухъ казаковъ, обѣщавъ вернуться часа въ четыре. Я, какъ всегда, принялась за свои домашнія дѣла, хозяйство, занятія съ дѣтьми, но что-то не ладилось у меня въ этотъ день ничего. Часовъ въ 11-ть мнѣ

принесли записку отъ нашего инженера, въ которой онъ, не зная, что мужъ уѣхалъ, просилъ его зайти къ себѣ, такъ какъ къ нему пріѣхалъ китайскій генералъ Тиссянъ съ приглашеніемъ отъ цзянь-цзюня на обѣдъ. „Я отказался, стояло въ письмѣ, и это видимо передернуло китайца. Вообще его поведеніе очень странно сегодня и наводитъ на серьезныя мысли". Я отвѣтила посланному, что командиръ уѣхалъ, и что записку я передамъ, а сама, безотчетно встревоженная, сѣла обѣдать. Невеселый былъ этотъ обѣдъ; невольно вкрадывалось въ душу опасеніе за мужа, находящагося теперь хотя и недалеко, но во враждебной средѣ. Молча сидѣли мы за столомъ, даже и дѣти какъ-то пріуныли. Вдругъ меня вызвали въ кухню: вахмистръ пришелъ, важное дѣло у него есть. Я вышла и бравый терецъ встревоженно и таинственно сообщилъ мнѣ слѣдующее: начальникъ ближайшаго поста, урядникъ, передаетъ по телефону, что къ нимъ прибѣжалъ бойка изъ Цицикара, прежде служившій у начальника дистанціи, и разсказалъ, что наканунѣ ночью было въ городѣ торжественное богослуженіе въ большой кумирнѣ, цзянь-цзюнь приносилъ большія жертвы, кропилъ кровью пушки и ружья и теперь вездѣ, на дворцѣ и казармахъ, красные флаги повѣсили. Это значитъ большая война будетъ, и сегодня ночью русскихъ вездѣ рѣзать будутъ. Я сдѣлала видъ, что не придаю никакого значенія такому сообщенію и нисколько оно меня не безпокоитъ, однако внушила казаку не терять головы и вообще держать ухо востро, такъ, „на всякій случай". Умный казакъ, давно уже душой слившійся съ нашей семьей, сразу понялъ мою тактику и, заявивъ, что все будетъ въ порядкѣ, ушелъ. Я пошла въ комнаты и занялась музыкой со своей дочуркой. Но въ этотъ день мнѣ уже не суждено было успокоиться! Около 2-хъ часовъ принесли изъ конторы на имя мужа пакетъ. Я вскрыла его, согласно его приказанію вскрывать депеши въ его отсутствіе, и прочла телеграмму изъ Хайлара, что тамъ, по словамъ оффиціальнаго переводчика хайларскаго амбаня, 29-го числа откроются военныя дѣйствія противъ русскихъ, и начальникъ охраны того участка сообщаетъ это мужу для свѣдѣнія.

Вотъ оно! начинается! подумала я и рѣшила тотчасъ-же послать нарочныхъ къ мужу въ городъ съ этой депешей. Сказано—сдѣлано. А на душѣ все тревожнѣе, время тянется страшно долго, дѣло изъ рукъ валится. Вотъ опять секретная депеша. Вскрываю и читаю приказаніе изъ Харбина немедленно, спѣшно двинуться со своимъ участкомъ въ Харбинъ, дѣлая все секретно и собирая по дорогѣ всѣхъ русскихъ съ постовъ, причемъ въ виду поспѣшности и тайности не приказано брать никакихъ вещей, кромѣ денегъ и документовъ. Я такъ-же точно, съ кажущимся спокойствіемъ, чтобы не взволновать своихъ казаковъ, которые уже встревоженно заглядываютъ мнѣ въ лицо, запечатываю эту де-

пешу и отправляю еще двухъ нарочныхъ въ городъ, приказывая найти командира во что-бы то ни стало, гнать коней, не жалѣя. Не прошло и полчаса послѣ этого, какъ пріѣзжаетъ начальникъ участка, такой встревоженный, разстроенный, какимъ я его еще никогда не видала, и конфиденціально разсказываетъ, что получены точныя свѣдѣнія о появленіи сегодня ночью войскъ у насъ на участкѣ и назначенной рѣзнѣ; что цзянь-цзюнь видимо устраивалъ ловушку, приглашая его, инженера, на обѣдъ и что можно опасаться за участь моего мужа теперь въ Цицикарѣ. Все это были такія ошеломляющія вѣсти, что я какъ-то опѣшила и не сразу поняла все страшное ихъ значеніе. Попутно начальникъ участка просилъ меня внушить казакамъ, за отсутствіемъ мужа, ихъ обязанности, кое-что собрать самое необходимое для себя и дѣтей и быть готовой, когда совсѣмъ стемнѣетъ, сѣсть на поѣздъ по ту сторону р. Нонни.

Почтенный старикъ уѣхалъ, а я, все еще какъ въ туманѣ, пошла въ казармы передать инструкцію людямъ. Дорога туда шла Красной улицей и вездѣ на крылечкахъ сидѣли наши дамы. Я остановилась, поболтала о пустякахъ. Всѣ онѣ тоже имѣли встревоженный видъ, но каждая старалась выказать равнодушіе, и впослѣдствіи мы немало подтрунивали надъ той комедіей, которую тогда такъ серьезно разыгрывали. На казарменномъ дворѣ царила тихая, нешумная тревога. Эти экстренные нарочные за командиромъ не прошли незамѣтно для нашихъ охранниковъ. Едва я появилась на обширномъ сотенномъ дворѣ, какъ меня моментально окружили. Приказавъ вахмистру немедленно собрать всѣхъ людей, я прежде всего высказала имъ, что жду отъ нихъ полнаго благоразумія и затѣмъ объяснила какъ долженъ состояться нашъ уходъ отсюда въ Харбинъ, внушая, прежде всего, не суетиться, чтобы друзья-китайцы ничего не замѣтили, и брать съ собой лишь все, какое есть, оружіе, даже сломанное. Затѣмъ я предложила прозвонить благовѣстъ на молитву, чтобы желающіе со всего участка могли въ послѣдній разъ помолиться. Казаки съ радостью ухватились за это предложеніе. Они пробовали меня успокоить, завѣряя, что всѣ станутъ на защиту своей командирши и ея дѣтей. Я поблагодарила и пошла домой, зайдя по пути къ казачкамъ, чтобы успокоить этихъ бабъ и указать имъ, какъ собраться.

Былъ уже пятый часъ, когда я подходила къ дому; у крыльца встрѣтила снова начальника участка и его переводчика, симпатичнаго, образованнаго китайца Чу-юн-Ценга, искренно расположеннаго къ намъ, впослѣдствіи бѣжавшаго съ нами и служащаго теперь въ управленіи, въ Харбинѣ. Оба они съ возможной осторожностью сообщили мнѣ, что получили сообщеніе о задержаніи моего мужа военноплѣннымъ во дворцѣ цзянь-цзюня, причемъ старательно увѣряли, что ему не посмѣютъ сдѣлать ничего худого,

а лишь будутъ держать почетнымъ заложникомъ. Чу-юн-Ценгъ даже съ глубокимъ убѣжденіемъ прибавилъ, что „командиръ теперь въ гораздо большей безопасности, чѣмъ мы здѣсь“. Я молча, какъ автоматъ, сидѣла, слушая все это. Мое спокойствіе даже изумило добрыхъ друзей. Они стали совѣтовать мнѣ, какъ собрать дѣтей, говоря, что въ 10 ч. веч. пришлютъ за мной экипажъ. Я все молчала. Тогда начальникъ участка попросилъ меня взять на себя отдачу приказаній казакамъ, сборы документовъ ихъ и кассы. Я и это молча выслушала, точно столбнякъ напалъ. Они уѣхали; ко мнѣ подошли дѣти, стали, плача, тихонько обнимать меня. Я попросила ихъ не плакать, а собрать что имъ наиболѣе дорого изъ ихъ собственныхъ вещей и всѣ наши иконы. Съ такой же точно просьбой обратилась я къ тремъ казакамъ—нашей прислугѣ. Встревоженные, молча, стали они снимать образа, укладывать ихъ и кое-какое, наиболѣе цѣнное, серебро въ маленькій сундучокъ.

Сумерки уже спускались, когда раздался благовѣстъ. Я позвала дѣтей идти на молитву. Дочурка, дорогой, глотая слезы, сообщила мнѣ, что они съ братомъ вытоптали и повырывали весь огородъ, чтобы не достался китайцамъ, и что Антонъ (казакъ) зарѣзалъ всѣхъ куръ, гусей и утокъ и отдалъ въ сотню и рабочимъ. Я вполнѣ одобрила эту мѣру. Ярко освѣщена была въ этотъ послѣдній вечеръ наша часовенька, стройно, съ волненіемъ, запѣли казаки „Слава въ вышнихъ Богу“. Невыразимо тяжело, безотрадно было на душѣ! Кругомъ такія скорбныя, тревожныя лица, такіе тяжелые вздохи... Я опустила голову на полъ и въ первый разъ за весь день разрыдалась. Дочурка прижалась ко мнѣ, и мы плакали вмѣстѣ. Молитва кончилась, всѣ приложились къ иконѣ на аналоѣ и кресту и тихо, какъ-то особенно торжественно тихо, точно на похоронахъ, боясь потревожить усопшаго, стали выходить изъ церкви.

Я послала дѣтей домой и стала обсуждать съ казакомъ-церковникомъ, что уложить въ ящикъ, а что сжечь, чтобы не досталось китайцамъ. Было уже почти темно, когда я пошла домой. На улицѣ была тихая суета, бѣгалъ народъ, сновала китайская прислуга. Съ одного крылечка меня окликнули: „Вы что берете съ собой“? „Ничего“, отвѣчаю. „А вѣдь ужасно, что командира нѣтъ“! „Вѣдь его тамъ замучаютъ“, слышалось отовсюду. Я молча шла своей дорогой.

Не доходя дома, встрѣтился казакъ со словами: „барыня, а вѣдь ветеринарша наша-то ничего не знаетъ, я иду, а она это себѣ курей кормитъ“. Дѣйствительно, какъ могла я забыть эту молоденькую женщину, единственную военную даму послѣ меня на участкѣ! Быстро пошла назадъ. Вхожу во дворъ и вижу самую мирную Фулярджинскую идиллію. Сидитъ себѣ подъ навѣсомъ моя барынька у стола съ самоваромъ, кругомъ ея всякая домашняя птица, и она посыпаетъ имъ кормъ изъ корзинки. Съ перваго-же

моего слова бѣдняжка испуганно вскочила и вскрикнула: а мой мужъ? Я какъ могла успокоила ее, что ея мужъ, съ недѣлю тому назадъ уѣхавшій на сосѣдній участокъ, конечно, и уйдетъ съ этимъ участкомъ, затѣмъ объяснила что можно брать съ собой и когда приходить ко мнѣ, чтобы вмѣстѣ уйти, и оставила бѣднягу въ горькихъ слезахъ о своемъ хозяйствѣ, уютной квартиркѣ и вообще хорошей, спокойной жизни здѣсь. Дома казаки спѣшно завязывали узелъ съ подушками и корзинку съ провизіей и хлѣбомъ. Эти преданные, безхитростные люди обо всемъ позаботились, точно чутьемъ понимая, что я не въ состояніи о чемъ-либо думать, что-либо соображать. Всѣ распоряженія по сотнѣ, всѣ сборы документовъ, денежной кассы я выполняла обдуманно, спокойно, точно ничего не случилось, но своя жизнь, обстановка точно куда-то отошли отъ меня.

Дѣтишки сидѣли на заборѣ, все выглядывая, не ѣдетъ-ли папа. Я вышла на улицу и сѣла на скамейкѣ. Вотъ идетъ маньчжуръ-разносчикъ: конгва (огурцы) надо? Мнѣ стало смѣшно, а дочурка разсердилась: не надо твоихъ конгва, не до нихъ теперь! А вотъ связку живыхъ куръ несутъ на продажу. Наивный народъ. Черезъ часъ, много два, эти-же добродушные, ухмыляющіеся уроды въ грязныхъ кофтахъ съ наслажденіемъ будутъ грабить наши дома и придумывать тонкія мученія для насъ! А теперь они еще ничего не знаютъ и простодушно предлагаютъ свои товары.

Вдругъ лошадиный топотъ невдалекѣ, радостные крики. У меня точно все замерло, я хотѣла побѣжать на встрѣчу этимъ крикамъ и не могла двинуться съ мѣста. Дѣти спрыгнули съ забора. „Это папа! папа!“ и понеслись на-встрѣчу скачущимъ бѣлымъ лошадямъ. Еще минута, и мужъ, окруженный ликующей толпой служащихъ, былъ подлѣ меня. Всего лишь нѣсколько словъ успѣлъ онъ сказать мнѣ, велѣвъ дождаться дома его распоряженій, обнялъ дѣтей, вскочилъ на лошадь и снова исчезъ въ темнотѣ, но я уже знала, что онъ живъ, и на душѣ стало какъ-то совсѣмъ покойно и ясно все. Усѣлась я съ дѣтьми снова на крыльцѣ, велѣвъ казаку дать мнѣ заряженный револьверъ, который тутъ-же одѣла на себя. Пришла и моя барынька, жена ветеринара. Мы изрѣдка перекидывались отрывистыми фразами. Полная темнота царила кругомъ, не до освѣщенія улицы было теперь! Только въ домахъ свѣтились огни, въ окнахъ видны были движущіяся тѣни, по улицѣ то и дѣло скакали верховые, слышны были чьи-то спѣшные шаги, заглушенный говоръ. Пронеслось на коняхъ нѣсколько китайцевъ. „Должно быть извѣщать своихъ скачутъ“, вслухъ подумала я. „Только-бы не опоздать намъ“, опасливо прошептала моя сосѣдка, и мы снова замолчали. Понемногу все стихало кругомъ, но свѣчи, лампы въ домахъ по прежнему горѣли, точно жизнь еще не ушла изъ этихъ уютныхъ жилищъ. У насъ тоже горѣли по всѣмъ комнатамъ свѣчи. Открытое піанино, ноты, само-

варъ на столѣ, остатки обѣда, раскрытые шкафы, книги на полу и на столахъ, только что принесенное прачкой бѣлье, разложенное на кровати,—все говорило о томъ, что гроза налетѣла нежданно-негаданно!

„Мама, вдругъ прошептала дочурка, а вѣдь пастухъ (китаецъ) еще не пригналъ нашихъ коровъ, онъ вѣрно ихъ себѣ возьметъ. А Антонъ все молоко и сметану на землю вылилъ, знаешь"! Я молча кивнула головой. Въ сосѣднихъ домахъ послышались вдругъ какіе-то крики, тѣни замелькали въ окнахъ, по улицѣ забѣгали группы китайцевъ. Мы поняли, что начался грабежъ. Вотъ нѣсколько человѣкъ подошло къ намъ близко-близко, заглянули въ окна, раскрытыя двери, посмотрѣли на насъ. Мы не пошевелились, только дѣти тѣснѣе прижались ко мнѣ, да я инстинктивно сжала въ рукахъ револьверъ. Ушли. Вотъ еще вынырнули изъ темноты фигуры въ кофтахъ... знакомый голосъ Сеньки, одного изъ участковыхъ боекъ: „бабушка, всѣ ушли, иди скорѣе, сейчасъ худо будетъ, солдатъ много-много. Ходи скорѣе, я вещи буду носить". Я отъ души поблагодарила преданнаго мальчишку, но, памятуя наказъ мужа, осталась на мѣстѣ. И вдругъ лошадиный топотъ! по улицѣ карьеромъ несется казакъ и кричитъ: „гдѣ командиръ! скорѣе! мостъ разрушаютъ! отступленіе отрѣзано"!

„Кончено!" мелькнуло у насъ обѣихъ въ головѣ и мы истово перекрестились. „У васъ есть револьверъ, прошептала дрожащимъ голосомъ моя сосѣдка. Вы и меня убейте, а то живой, въ ихъ руки—ужасно!"—Хорошо!—отвѣтила я такъ спокойно, что даже сама удивилась этому равнодушному тону отвѣта.—Тутъ пять зарядовъ, для всѣхъ насъ хватитъ. Мы тѣсно-тѣсно прижались другъ къ другу. Гулъ въ домахъ усиливался, но вблизи насъ было тихо, послѣдніе казаки ушли. Не знаю сколько времени просидѣли мы такъ, время, часы—потеряли свое значеніе. Жить оставалось такъ недолго! Вотъ снова шаги приближаются. Изъ темноты вынырнули двѣ фигуры, знакомый голосъ земляка-солдата тревожно прошепталъ: „за вами командиръ прислалъ, скорѣе, мостъ отбили. Только тихонько, барынька ро̀дная, а то ихъ много тамъ, стрѣляютъ". Я въ послѣдній разъ взглянула въ открытыя двери дома, гдѣ мы такъ мирно, счастливо жили, перекрестилась, взяла за руку дѣтей, и мы пошли за солдатомъ. Другой солдатъ, съ ружьемъ наготовѣ, пошелъ позади насъ. Ходьбы до моста, вообще до рѣки, всего минутъ 10—15, но Боже! какой мучительно-длинной показалась намъ эта дорога.

За воротами поселка мы вступили въ полную тьму и лишь ощупью пробирались по рельсамъ, разбросаннымъ шпаламъ, мимо пустыхъ вагоновъ. Вдали слышны были выстрѣлы. „Это у конторы стрѣляютъ, *они* кассу хотятъ грабить, командиръ тамъ", шопотомъ пояснилъ мнѣ задній солдатикъ, но передній громко шикнулъ на него. Къ намъ приближалась толпа китайцевъ. Изъ

нея вышелъ одинъ и, подойдя вплотную, взялъ у дочки ея сундучокъ съ ея драгоцѣнностями изъ рукъ и прошепталъ: „Я помогу, идемъ скорѣе, Вѣрочка, сейчасъ солдаты идутъ, близко". Это оказался одинъ изъ приказчиковъ китайской лавки. Мы еще ускорили шаги, прямо задыхаясь отъ волненія, спотыкаясь о стрѣлки, набросанные рельсы. Наконецъ и выемка, глубокая, темная, на днѣ которой идутъ рельсы — протяженіе моста. Мы спустились въ нее, точно въ бездну нырнули, и въ ту же минуту надъ головой раздался выстрѣлъ, блеснулъ огонь — еще и еще (у китайцевъ не было еще бездымнаго пороха). Мы тѣсно прижались къ стѣнѣ выемки. Вотъ громадный локомотивъ, точно сторожъ у моста, а за нимъ наши казаки, солдаты, шпалерой по обѣимъ его сторонамъ. „Командирша! Слава Богу!" послышалось на встрѣчу. Тутъ ужъ мы бѣгомъ побѣжали.

На другой сторонѣ чернѣлась громадная масса поѣзда, цѣлый рядъ открытыхъ платформъ, и на нихъ копошатся люди, слышенъ смутный говоръ, дѣтскій плачъ. Кругомъ по полотну разъѣзжаютъ казаки. Кто-то подхватилъ дѣтей и понесъ ихъ, кто-то подалъ мнѣ руку со словами: „сюда, здѣсь всѣ наши". Спасибо, знакомые голоса; въ темнотѣ смутно различаю знакомыя, дружескія лица, нѣсколько рукъ помогло взобраться на высокую платформу. И дѣти тутъ. Чья-то заботливая рука укутала ихъ въ бурку, усадила на груды рельсъ и всякихъ желѣзныхъ болтовъ и даже подсунула мягкіе узлы подъ головы. Я тоже опустилась на рельсы. Тысячи вопросовъ, сочуствій посыпалось со всѣхъ сторонъ. Рядомъ, высокій десятникъ старательно устраивалъ поудобнѣе сидѣнье для меня на этомъ оригинальномъ диванѣ, его товарищъ протянулъ мнѣ коньяку, умоляя выпить и подкрѣпиться. Всякая общественная рознь была забыта, тутъ были лишь люди, соединенные общимъ несчастьемъ, общей опасностью. Взглянули на часы, оказывается уже скоро два часа ночи, скоро и свѣтать начнетъ. А по ту сторону рѣки все слышатся выстрѣлы, видно не могутъ примириться желтокожіе друзья, что мы ихъ перехитрили. А тутъ вокругъ поѣзда тихо, казаки разъѣзжаютъ кругомъ по степи, кофтъ и балахоновъ нигдѣ не видать.

Наконецъ, въ концѣ поѣзда, еще у самаго моста послышалась команда, отвѣтъ казаковъ на нее. „Командиръ пріѣхалъ, сейчасъ тронемся,"—сказалъ мой сосѣдъ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ мужъ подскакалъ къ платформѣ. „Ваша супруга здѣсь", крикнули ему съ высоты рельсъ и шпалъ. Мужъ подъѣхалъ ближе, спросилъ, какъ я добралась, цѣлы-ли дѣти и, сдѣлавъ кое-какія распоряженія бывшимъ на платформѣ и поголовно вооруженнымъ мужчинамъ относительно возможнаго нападенія, опредѣливъ сигналы, по которымъ мы узнаемъ объ опасности, и сказавъ нѣсколько ободряющихъ словъ дамамъ, онъ ускакалъ впередъ поѣзда. Вскорѣ раздался звукъ рожка, ему

отвѣтилъ свистокъ локомотива и поѣздъ медленно, вздрагивая и погромыхивая всѣми своими частями, медленно тронулся. Всѣ перекрестились. Начинало уже свѣтать. Вдругъ на сосѣдней платформѣ кто-то крикнулъ: „Фулярджи горитъ". Мы оглянулись. За рѣкой алѣло громадное зарево, все расширяясь и заливая все небо. Невольныя слезы набѣжали на глаза. Гибнетъ плодъ столькихъ трудовъ, лишеній, все, что такъ старательно воздвигалось, такъ любовно устраивалось въ теченіе двухъ лѣтъ. А мы сами? что ждетъ насъ впереди?

Приблизительно черезъ часъ дошелъ поѣздъ до первой станціи, Аначи. Тутъ ждалъ еще поѣздъ, уже почти нагруженный людьми, служащими этой станціи и казаками. Толпы китайцевъ рабочихъ стояли въ сторонѣ. Не успѣвали русскіе выйти изъ дому, какъ въ окна уже съ крикомъ лѣзла эта толпа. Нашъ поѣздъ прошелъ впередъ, второй потянулся за нами. Тотчасъ же позади вспыхнули строенія. Удивительная жажда разрушенія у этого народа! Впрочемъ, мнѣ пришлось потомъ читать подлинную депешу—конечно, ея точный переводъ—цицикарскаго цзянь-цзюня Благовѣщенскому губернатору, гдѣ тотъ пренахально удивляется поведенію русскихъ, сжигающихъ свои дома. Конечно, кто не былъ тамъ, на мѣстѣ, не пережилъ самъ всего, а знаетъ дѣло лишь по газетнымъ статьямъ, да еще писаннымъ въ уютномъ кабинетѣ въ Петербургѣ, тотъ повѣритъ и не такимъ еще небылицамъ, взводимымъ на несчастныхъ служащихъ Маньчжурской дороги, неожиданно попавшихъ въ китайскую западню. Легко осуждать, а каково было все это переживать. А вѣдь служащіе, и охранные, и желѣзнодорожные, въ большинствѣ случаевъ, не одни, при нихъ семьи, и перспектива видѣть жену и ребенка въ рукахъ у китайца не могла имъ улыбаться.

Былъ уже совсѣмъ день, яркое солнце заливало желтую безбрежную степь и обѣщало немилосердно жарить насъ на открытой платформѣ, когда мужъ на одной изъ станцій влѣзъ къ намъ на платформу, объявивъ, что онъ теперь поѣдетъ съ нами, потому что тутъ ровное мѣсто, китайскихъ деревень нѣтъ и засады ожидать нельзя. Впереди и по бокамъ поѣдутъ разъѣздомъ казаки, на локомотивѣ есть дежурный урядникъ, который свисткомъ дастъ знать, если что увидитъ. Общая радость привѣтствовала эти слова, со всѣхъ сторонъ протянулись дружескія руки съ бутылкой вина, хлѣбомъ, кускомъ курицы, всѣ просили закусить, подкрѣпиться. И дѣйствительно, мужу пора было подкрѣпиться; ровно сутки онъ ничего не ѣлъ и почти не слѣзалъ съ коня. Тутъ только разсказалъ онъ, какъ удалось ему избѣгнуть цзянь-цзюневскаго плѣна.

Уже съ первыхъ же шаговъ въ Цицикарѣ его поразилъ мертвый видъ города, испуганныя лица рѣдкихъ прохожихъ, всюду попадавшіеся солдаты, красные флаги на башняхъ цита-

дели, на дворцѣ цзянь-цзюня. Въ магазинѣ, куда онъ пришелъ, сначала ничего и показывать ему не хотѣли, потомъ вынули кое-что очень неохотно. Наконецъ, купецъ тихонько попросилъ его пойти въ другую комнату, а то тутъ съ улицы видно. Заинтригованный, мужъ пошелъ за старымъ китайцемъ вглубь фанзы, и тамъ этотъ послѣдній прямо уже, безъ обиняковъ, хотя опасливо и почти шопотомъ, спросилъ: „Зачѣмъ ты пріѣхалъ? худо тутъ, поѣзжай скорѣе домой“. Мужъ удивился, попробовалъ спросить, зачѣмъ это красные флаги вездѣ, но китаецъ только руками замахалъ и, наконецъ, нагнувшись близко къ уху, быстро зашепталъ: „Уходи скорѣе, худо, Фулярджи война большая, твоя бабушка, дѣти тамъ. Много солдатъ туда джонкахъ, большая война, тебѣ тутъ худо будетъ“. Окончательно встревоженный мужъ поблагодарилъ стараго купца и поспѣшилъ на постоялый дворъ. Тутъ ему встрѣтились первые нарочные. Велѣвъ поскорѣе запрягать, мужъ прошелъ къ хозяину двора, довѣренному благовѣщенскаго купца Ливачана; и тамъ снова услышалъ совѣты скорѣе уѣхать, причемъ прямо высказывались опасенія, что его уже не пустятъ изъ города. Тутъ явился китаецъ, служившій прежде переводчикомъ на участкѣ и недавно тайно ушедшій въ городъ; явился крадучись, чуть не дрожа, и сообщилъ мужу, что надо скоро уѣзжать, приказано его задержать и вести къ цзянь-цзюню. У всѣхъ воротъ солдаты, только одинъ есть выходъ, дальнія самыя ворота, откуда дорога въ объѣздъ ведетъ, и туда ѣхать надо мимо самаго дворца. Мужъ отъ души поблагодарилъ китайца за такую преданность и еще въ такую опасную минуту и, сѣвъ въ шарабанъ, велѣлъ быстро ѣхать и особенно лихо прокатить мимо дворца, по главной улицѣ. Бѣшено пронеслась лихая, красивая тройка, конвоируемая двумя казаками, мимо казармъ маньчжурскихъ войскъ, дворца, и стоявшіе тамъ солдаты въ послѣдній разъ отдали честь хорошо знакомому „командиру“. Проскочивъ черезъ ворота безъ задержки, мужъ бросилъ шарабанъ и сѣлъ на верховую лошадь казака. По пути онъ встрѣтилъ вторыхъ нарочныхъ и уже бѣшено поскакалъ домой. Но путь былъ не близкій, особенно этой дорогой, и вотъ почему онъ доскакалъ домой только уже когда стемнѣло.

Дальнѣйшій путь нашъ обошелся безъ приключеній, если не считать уборки наваленныхъ шпалъ на рельсы, кое-гдѣ разрушеннаго моста черезъ протоку. Въ такія тревожныя минуты, когда раздавался свистокъ дежурнаго урядника, и ему въ отвѣтъ звучалъ сигналъ рожка, данный мужемъ для остановки поѣзда, мы поспѣшно укладывали дѣтей вплотную на полъ и закрывали подушками. На всякій случай на всѣхъ платформахъ были уложены запасные рельсы, болты, скрѣпы и шпалы, чтобы можно было чинить путь. Но курьезно то, что на станціяхъ встрѣчали китайцы-стрѣлочники, китайцы-же очень усердно грузили дрова и

накачивали воду въ локомотивъ. Видно сюда еще не проникло распоряженіе объ избіеніи русскихъ. Цзянь-цзюнь такъ твердо былъ увѣренъ въ успѣхѣ задуманнаго плана, удачѣ затѣянной ловушки для простодушныхъ „бѣлыхъ дьяволовъ“ (такъ назвали члены шайки боксеровъ европейцевъ). А тутъ еще казаки на первой же станціи, замѣтивъ проволоку китайскаго телеграфа изъ Цицикара въ Хуланъ и другія крѣпости провинціи, старательно оборвали ее. На каждой станціи мы подбирали всѣхъ русскихъ, забирали аппараты, а вслѣдъ намъ китайцы грабили и жгли дома. Ужасно много дѣтскаго въ этомъ народѣ! Мнѣ пришлось позднѣе, уже въ Хабаровскѣ, слышать разсказъ инженера, какъ послѣ отбитія у китайцевъ участка, сосѣдняго съ Харбиномъ, нашли локомотивъ весь наполненный внутри прострѣленными патронами. Наивные сыны неба хотѣли этимъ взорвать ненавистную имъ машину!

Страшно жаркій, раскаленный вѣтеръ обдувалъ насъ всю дорогу до Харбина, и скоро наши лица, особенно у дамъ, стали неузнаваемы. Обожженныя, черныя, съ красными пятнами, начавшей лупиться кожей! Что-то невѣроятное на глазъ и весьма непріятное по жгучей боли всей кожи, особенно вокругъ носа и на щекахъ. Ночи бывали прохладны, но тутъ тревога вступала въ еще большія права. Мало кто спалъ, развѣ только забывался чуткимъ сномъ, кое-какъ умостившись на рельсахъ. Впрочемъ, намъ всѣмъ было не до удобствъ, забывалось какъ-то и о ѣдѣ, которая впрочемъ была далеко не обильна, такъ что къ вечеру перваго дня уже у многихъ не было даже хлѣба, но мы братски дѣлились всѣмъ, что имѣли между собой, главное одѣляя дѣтишекъ. Чѣмъ ближе мы подвигались къ китайской крѣпости Турчисяну, передовому посту большого города Хулана, тѣмъ озабоченнѣе дѣлались лица у всѣхъ, тѣмъ зорче всматривался вдаль мужъ, сидя на высокомъ мостикѣ у тормаза. Мимо укрѣпленія пришлось замедлить ходъ, такъ какъ тутъ былъ и раньше опасенъ путь ввиду болотистой мѣстности, а теперь даже самое ничтожное крушеніе могло быть гибельно.

Тутъ мужъ снова пересѣлъ на коня, поѣхалъ впереди и усилилъ разъѣзды кругомъ поѣзда. Однако въ крѣпости не пришлось замѣтить никакого движенія. Правда, на воротахъ ея тоже развѣвался красный флагъ, виднѣлись осѣдланныя лошади, солдаты, но насъ спокойно пропустили, видно еще не получили распоряженій свыше. Также мирно прошли мы и невдалекѣ Хулана, причемъ китайскій кавалерійскій разъѣздъ близко подскакалъ къ поѣзду, но, полюбовавшись на длинную вереницу наполненныхъ живымъ грузомъ платформъ, понесся обратно въ городъ. Наши казаки тоже не затрогивали ихъ.

Около полудня 30 числа мы подошли къ послѣдней станціи, откуда уже идетъ переправа на пароходѣ черезъ Сунгари.

Здѣсь ждало распоряженіе немедленно переправляться на ту сторону, на пристань Сунгари, что и было тотчасъ исполнено. На пристани намъ отвели квартиры. Мужъ ушелъ съ отрядомъ въ самое укрѣпленіе Харбинъ, въ 8-ми вер. отъ пристани, а я съ прочими дамами осталась ждать дальнѣйшихъ распоряженій. Оказалось, что изъ Харбина уже нѣсколько дней, какъ выѣхали всѣ семьи служащихъ, а теперь постепенно собираются сюда всѣ участки и, какъ только придетъ пароходъ изъ Хабаровска, всѣхъ женщинъ и дѣтей отправятъ на немъ. Въ ту же ночь пришелъ пароходъ (Одесса) и привезъ харбинцамъ великую радость—боевые патроны, въ которыхъ чувствовался такой недостатокъ; конечно привезъ ихъ очень мало, но осажденные были и тому рады. Первое и второе число мы грустно, тревожно провели въ пустой, разоренной квартирѣ одного изъ офицеровъ, питаясь впроголодь, такъ какъ количество запасовъ въ Харбинѣ было очень скудно, и мясо выдавалось въ маломъ количествѣ, также какъ и хлѣбъ. Къ этому времени вполнѣ выяснилось, въ какомъ отчаянномъ положеніи оказался этотъ центръ управленія, обѣщавшій превратиться въ такой цвѣтушій русскій городъ. Харбинъ—въ переводѣ на русскій языкъ *веселая могила* дѣйствительно сталъ для многихъ могилой, конечно невеселой, но правда, раньше тамъ всѣмъ жилось очень весело. Теперь же, отрѣзанный отъ всего міра, безъ тлеграфа, уничтоженнаго китайцами, безъ возможности свободнаго сообщенія водою, такъ какъ Сунгари во власти китайцевъ и цицикарскій цзянь-цзюнь нѣсколькими рѣзкими телеграммами заявилъ, что пока даетъ лишь срокъ перевезти по Сунгари *безоружныхъ* женщинъ, дѣтей и стариковъ, Харбинъ очутился въ тѣсномъ кольцѣ китайскихъ войскъ, устроившихъ ввиду всѣхъ свои укрѣпленія, уставившихъ орудія. У насъ же не было ни одного орудія, ни достаточно патроновъ и провіанта.

Вечеромъ второго числа всѣмъ дамамъ было предложено отправиться на пароходъ. Сборы у насъ были недолгіе: немного вещей вывезли мы изъ Маньчжуріи послѣ 2-лѣтняго тамъ пребыванія! Страшно было уѣзжать, еще страшнѣе покидать дорогого человѣка въ этой западнѣ, да и мужьямъ нашимъ было нелегко! Шли усиленные толки о томъ, что въ Сань-Синѣ—большой торговый городъ и крѣпость на Сунгари—насъ врядъ-ли свободно пропустятъ, и хорошо, если только ограничатся отнятіемъ оружія и денегъ, а если вздумаютъ забрать въ плѣнъ? Трудно полагаться, да и прямо таки наивно, на обѣщанія китайскаго генералъ-губернатора, что безоружный и ничѣмъ не защищенный пароходъ пройдетъ свободно по китайскимъ водамъ! И мы прощались съ близкими, не зная, не надѣясь увидѣться больше въ этомъ мірѣ.

„Одесса", довольно большой двухъ-этажный пароходъ съ электрическимъ освѣщеніемъ, былъ буквально биткомъ набитъ, когда мы взошли на него. Едва нашлось для меня и для дочери мѣсто

въ каютъ-компаніи, а сыну поставили кровать въ корридорѣ, гдѣ онъ и спалъ со своими товарищами. Все женщины и дѣти, лишь нѣсколькимъ мужьямъ было разрѣшено проводить семьи въ Хабаровскъ. Всѣ мужчины помѣщались на палубѣ, по обѣимъ сторонамъ каютъ. Всѣ каюты I кл. были на верхней палубѣ. Сопровождалъ насъ офицеръ охранной стражи С. З. и четыре казака—вотъ и вся охрана для полутора тысячъ безоружныхъ пассажировъ.

Глубокой ночью простились мы съ мужемъ. Какъ всегда бываетъ въ тяжелые часы разлуки, какъ-то ни о чемъ не говорилось, а между тѣмъ такъ много было чего сказать другъ другу! Болтали о пустякахъ, а больше молчали, тѣмъ болѣе, что мы были не одни, кругомъ были такіе-же горемычные бѣглецы.

На разсвѣтѣ пароходъ тронулся. Утро было чудное, берега такіе красивые, что невольно одна и та-же мысль пришла всѣмъ въ голову: какъ дивно-хороша природа, и какъ гадки люди. Берега Сунгари замѣчательно живописны: невысокія, покрытыя густымъ лѣсомъ горы, отроги Хинганскаго хребта, роскошные луга и нивы—все это то и дѣло смѣнялось передъ глазами. Часто зеленыя, точно бархатомъ крытыя горы по обоимъ берегамъ такъ близко сходятся, что образуютъ лишь узкія ворота, и если оглянешься, пройдя ихъ, назадъ, то кажется, что нигдѣ нѣтъ выхода, ты запертъ въ озерѣ съ яркими изумрудными берегами! Рѣка страшно извилиста и изобилуетъ островами, перекатами. Въ иныхъ мѣстахъ фарватеръ проходитъ у самаго берега. Самые опасные перекаты находятся вблизи Сань-Синя, и капитаны судовъ всегда норовятъ пройти ихъ днемъ. Нашъ капитанъ не скрывалъ своихъ опасеній относительно благополучнаго плаванія черезъ эти перекаты съ двумя баржами, да еще у непріятельскаго берега. Много лѣтъ плававшій по Амуру, изучившій нашихъ желтокожихъ друзей, онъ ни на іоту не довѣрялъ всѣмъ этимъ сладкимъ словамъ и обѣщаніямъ цзянь-цзюня и, не получивъ просимыхъ желѣзныхъ листовъ для обшивки каютъ, онъ пріобрѣлъ нѣсколько мѣшковъ съ пескомъ и желѣзныхъ листовъ для своей рубки. Бравый морякъ понималъ, что съ его жизнью связана и жизнь всѣхъ насъ.

Конечно, оба дня плаванія до Сань-Синя намъ было не до красотъ природы, тѣмъ болѣе, что всѣ въ свое премя продѣлали этотъ путь, да и настроеніе наше не подходило къ поэтическимъ восторгамъ. Слово „Сань-Синь“ было у всѣхъ на языкѣ. „Вотъ пройдемъ его, тогда уже все пойдетъ хорошо“. Время тянулось медленно, ни книгъ, ни занятій, да и ѣсть почти нечего, такъ какъ буфетчикъ сразу предупредилъ, что порціи будутъ оченъ маленькія, потому что въ Харбинѣ провизіи нельзя было достать, а на такое количество пассажировъ не разсчитывали, уходя изъ Хабаровска. Впрочемъ, къ этому заявленію всѣ отнеслись довольно равнодушно—лишь-бы дѣти были сыты. За то чай пили въ не-

смѣтномъ количествѣ и огромный самоваръ почти не сходилъ со стола кают-кампаніи.

Во время пути мы два раза останавливались, чтобы взять нѣскольких русскихъ, служащихъ при дровяныхъ пристаняхъ, боявшихся оставаться теперь на китайскомъ берегу, причемъ вторые случайные пассажиры, взятые недалеко отъ небольшой крѣпостцы, сообщили намъ, что къ нимъ утромъ пришли солдаты и велѣли уходить, говоря, что и сами они идутъ въ Сань-Синь, а сюда придутъ другіе, которые русскимъ *кангами* сдѣлаютъ. Несчастные мужички и двѣ бабы съ дѣтьми пережили весь день не сладкіе часы, пока къ вечеру не подошелъ нашъ параходъ, замѣтившій ихъ сигналъ—бѣлую тряпку на шестѣ, на берегу.

Пятаго утромъ мы остановились у агентской пристани, противъ Сань-Синя. Бравый полковникъ В—въ, вскорѣ послѣ того павшій, встрѣтилъ насъ необычайно бодро, весело, смѣялся надъ нашими опасеніями, увѣряя, что здѣсь все попрежнему мирно, спокойно, губернаторъ Сань-Синя выказываетъ только дружбу и предупредительность. Лишь мнѣ, да поручику С. З. полковникъ показался какимъ-то нервно-веселымъ, ненормальнымъ и мы только переглядывались, слушая удалую веселую рѣчь этого стараго амурскаго служаки, изучившаго этотъ край, гдѣ онъ прослужилъ слишкомъ 35 л., вдоль и поперекъ. Спустя два дня этотъ удалецъ принужденъ былъ, для спасенія ввѣренныхъ его охранѣ служащихъ дороги, спасаться съ ними и 11-ю казаками на баржѣ отъ огромнаго скопища китайскихъ войскъ, которые преслѣдовали несчастныхъ съ берега. Наши долго и успѣшно отстрѣливались, но баржа сѣла на мель, пущенная съ берега граната осколкомъ на мѣстѣ положила полковника В—ва, и храбрая горсточка несомнѣнно бы погибла, если-бы шедшій снизу вооруженный пароходъ не спасъ ее и не разогналъ пушечными выстрѣлами всю шайку „друзей".

Поговоривъ съ полковникомъ, всѣ повеселѣли, особенно желѣзнодорожные служащіе, вполнѣ ободрились и успокоились, подтрунивая теперь надъ скептицизмомъ охранниковъ и указывая, какъ доказательство напрасныхъ страховъ, на то, что китайцы же сами принесли на пароходъ куръ, всякой зелени на продажу. Этотъ удивительный народъ прямо загадоченъ по своему характеру.

Весело, оживленно пообѣдали мы въ этотъ день, и даже порціи были на этотъ разъ достаточныя. Послѣ обѣда снова явился на сцену гигантскій самоваръ и за чаемъ снова начались горячіе разговоры о текущихъ событіяхъ. Ребятишки разбрелись по палубѣ. Чудная погода, даже жара, заставила открыть настежь всѣ окна. Кое-кто изъ мужчинъ, въ томъ числѣ инженеръ И. А. Бернштейнъ, пошелъ прилечь на свою кровать, на палубѣ. Вдругъ раздалась трескотня, точно горохъ посыпался вокругъ парохода,

зазвенѣли стекла опущенныхъ оконъ, стаканы, бутылки на столѣ.

„Стрѣльба“ — крикнула, я вскочивъ съ дивана. „Что вы? просто хлопушки“,—отозвался кто-то. С. З. побѣжалъ на палубу; въ каюту влетѣли мальчики съ крикомъ: „китайцы стрѣляютъ, мы видимъ изъ-за холма“. Трескотня усиливалась! Пули, какъ шмели, жужжали вокругъ; стекла летѣли въ стороны. Инженеръ С—ъ схватилъ свое ружье и, выстрѣливъ въ окно, крикнулъ ободряющимъ голосомъ: „не пугайтесь, уложилъ одного“. Моментально дѣти были уложены на полъ, за тюфяки, сброшенные съ дивановъ, прикрыты подушками, матрацами. Окна заставлены чемоданчиками, корзинами. Дамы тоже сѣли на полъ, стараясь прикрыть аккуратнѣе дѣтей. Вдругъ раздался крикъ: „Доктора“! Всѣ испуганно вскрикнули, какъ будто такой возгласъ могъ быть неожиданностью въ такое время, какъ будто только теперь поняли, что это въ самомъ дѣлѣ не китайскія хлопушки! Оказалось, что инженеръ Бернштейнъ былъ раненъ пулей въ грудь на вылетъ. Въ страшныхъ страданіяхъ скончался онъ къ вечеру. Несчастная жена его точно онѣмѣла отъ отчаянія. Отъ сына, прелестнаго семилѣтняго ребенка, общаго баловня на нашемъ участкѣ, сначала скрыли смерть отца.

Трескотня все продолжалась, то ослабѣвая, то усиливаясь, смотря по тому, представляли берега открытое, ровное мѣсто, или появлялись бугорки и лѣса. Въ такихъ случаяхъ стрѣльба доходила до крайнихъ предѣловъ, пули тучами проносились черезъ каюту, прокатывались по полу, теряя силу отъ пробитыхъ ими тюфяковъ. Я сидѣла между группой дѣтей, укрывая ихъ и спрашивая послѣ каждаго залпа, живы ли они. Вдругъ сынъ мой тихонько вскрикнулъ, а вслѣдъ затѣмъ дочурка вполголоса сказала: „Мама! я кажется ранена, мнѣ ногу ударило чѣмъ-то!“ Страшно испуганная, я просунула руки подъ тюфякъ, прикрывавшій дѣвочку, нащупала ножку и съ ужасомъ почувствовала что-то горячее, липкое на рукѣ! Кое-какъ ощупью стащивъ башмакъ, я попросила пробѣгавшую мимо фельдшерицу, случайно сопровождавшую больную жену одного инженера, дать мнѣ носовой платокъ и воды, сказавъ, что дѣвочка ранена. Та поспѣшно принесла, и мы кое-какъ, стараясь не раскрывать ребенка изъ подъ прикрытія, такъ какъ пули градомъ сыпались кругомъ, обмотали мокрымъ платкомъ ногу. Ни слезы, ни испуга, ни стона не вырвалось у моей 9-лѣтней дочки. Она только все просила и меня спрятаться.

Начинало уже темнѣть, трескотня продолжалась. Мною овладѣла удивительная апатія, какое-то тупое равнодушіе. Вѣдь все равно убьютъ, о чемъ же тутъ думать! Когда въ каюту въ слезахъ вбѣжала одна изъ дамъ, съ извѣстіемъ, что инженеръ скончался, что тамъ въ каютахъ есть раненые, дама, лежавшая на

полу съ груднымъ ребенкомъ, тихо и какъ-то убійственно-спокойно отвѣтила: „и мы скоро туда же всѣ пойдемъ“.

Такое состояніе продолжалось съ 3 часовъ дня до 8-ми вечера. Былъ одинъ убитый и шестеро раненыхъ, трое контуженныхъ, въ томъ числѣ поручикъ С. З., все время не сходившій съ капитанскаго мостика, и дочь одного служащаго дороги, Оля Ауэрбахъ, 15 лѣтъ, геройски ходившая за ранеными подъ градомъ пуль, даже послѣ полученной контузіи въ бокъ. Какъ только началась стрѣльба, капитанъ обложилъ свою рубку листами и мѣшками и твердо продолжалъ управлять пароходомъ, ведя его черезъ всѣ эти опасныя мели и перекаты. Всѣ мужчины взялись за ружья, лишь изрѣдка прибѣгая въ каюты, чтобы ободрить дамъ. Въ корридорѣ между двумя рядами каютъ столпилось множество дамъ, а пули пробивали на вылетъ 4 стѣны, и у одной дамы оказалась юбка пробитой въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Лакей парохода, истинно геройски, подъ градомъ пуль, принесъ въ каютъ-кампанію лимонадъ, посовѣтовавъ напоить дѣтей, такъ какъ они вѣрно умираютъ отъ жары подъ тюфяками и подушками, а бутылки все равно разбиваются пулями. Дѣйствительно, жара была невыносимая. Пароходъ шелъ на всѣхъ парахъ, и желѣзный полъ каютъ-кампаніи, какъ разъ подъ паровымъ котломъ, былъ накаленъ до невозможности. Дѣти, всѣ ввѣренные моему надзору, поминутно увѣряли, что они поджариваются, какъ бифштексы, а мальчики такъ прекомично просили разрѣшенія повернуться на другой бокъ, чтобы не пережариться. И все это подъ градомъ пуль, рискуя застрять на перекатѣ и тогда неизбѣжно попасть въ руки „друзей“.

Въ 9 часу въ каюту вбѣжалъ инженеръ С. и радостно объявилъ, что идетъ дождь. На время мы спасены! Китайцы никогда не стрѣляютъ во время дождя, это противно будетъ ихъ богу, а тутъ еще и гроза началась. Сильные удары грома, молнія, страшная темнота несказанно обрадовали насъ. Электричества не позволили зажигать изъ опасенія привлечь вниманіе китайскихъ джонокъ, во множествѣ стоявшихъ вдоль берега. Свѣчку поставили подъ столъ. Рѣшено было всѣхъ женщинъ, дѣтей и раненыхъ перевести въ трюмъ, который спѣшно очищали, закладывая дровами стѣны бортовъ и устилая невыразимо грязный полъ тюфяками, взятыми изо-всѣхъ каютъ. Къ ночи мы всѣ были въ трюмѣ. Огни были всюду потушены, только электрическій рефлекторъ наводился по-очередно на оба берега.

Выйдя на довольно широкое мѣсто, капитанъ, съ согласія пассажировъ, пересадилъ съ одной баржи весь народъ на другую и на пароходъ и отрѣзалъ пустую баржу вмѣстѣ съ грузомъ. Затѣмъ, пройдя большой перекатъ и не рискуя переходить второй, болѣе опасный вслѣдствіе близости берега съ возвышавшейся на немъ крѣпостью, капитанъ рѣшилъ заночевать и, едва начнетъ

свѣтать, снова идти. Не стѣсненный тяжелой баржей пароходъ могъ теперь идти по 15 верстъ въ часъ и проскочить быстро мимо крѣпости.

Тяжелую ночь провели мы въ трюмѣ. Конечпо, никто не думалъ спать. Я поминутно обливала водой раненую ножку моей крошки, которая храбро увѣряла, что ей только жжетъ. Вблизи стонали раненые. Изрѣдка прибѣгалъ кто-нибудь изъ мужчинъ съ верху съ ободряющимъ словомъ. Слабый свѣтъ единственнаго маслянаго фонаря тускло озарялъ громадный трюмъ. Говорили мало, лишь перекидываясь отрывочными фразами, завѣщая другъ другу дѣтей, въ случаѣ, если будешь раньше убита. Даже крошечныя дѣти какъ-то не плакали, будто понимая тяжелое положеніе.

Въ трюмѣ мы просидѣли всѣ три дня. Туда молодецкая пароходная прислуга подавала намъ самоваръ и супъ, конечно, безъ стола и приборовъ, но мы и такъ отъ души были благодарны бравымъ лакеямъ и повару, исполнявшимъ стойко свои обязанности даже въ такія минуты. Къ концу второго дня мы какъ-то свыклись съ этой мрачной обстановкой и подтрунивали надъ растерзаннымъ видомъ нашей одежды и грязныхъ физіономій. Враги больше не встрѣчали насъ гостинцами съ береговъ; какъ мы потомъ увидѣли, они уже знали о приближеніи нашихъ войскъ и бѣжали изъ деревень и крѣпостей.

Изъ своего заточенія вышли мы только, когда пронесся по пароходу радостный крикъ: „войска идутъ!“ Всѣ выскочили на палубу; даже мою дѣвочку сердобольный казакъ вынесъ на верхъ, чтобы и она могла принять участіе въ общемъ восторгѣ. А восторгъ былъ общій, искренній! Цѣлая лента пароходовъ стала протягиваться передъ нашими глазами, и все солдаты, пушки, лошади! А вотъ и пароходъ Краснаго Креста. Оглушительное ура неслось къ намъ на встрѣчу, такимъ-же ура отвѣчали и у насъ. Теперь путь свободенъ, Харбинъ будетъ освобожденъ, наши близкіе спасены.

Вечеромъ 8-го іюля, мы были въ Хабаровскѣ.

А. И.

МЕДОВЫЯ РѢКИ.

I.

Въ одно мѣсто, къ одному человѣку, по одному дѣлу.

I.

Они жили въ Петербургѣ уже недѣли двѣ, занимая двѣ крошечныя комнатки въ пятомъ этажѣ громаднаго дома на Невскомъ. Три окна этихъ комнатъ выходили на дворъ, который сверху казался громаднымъ колодцемъ. Вадимъ, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, по цѣлымъ часамъ смотрѣлъ на дно этого колодца, что возмущало Анну Гавриловну.

— Ты или простудишься у окна, или свалишься,—говорила она сыну.

— Успокойтесь, пожалуйста, Анна Гавриловна,—раздражительно отвѣчалъ мальчикъ, называвшій мать всегда по имени и отечеству.

— Удивляюсь, что тебя можетъ интересовать въ этой ямѣ...

— А вотъ, попробуйте, догадайтесь, Анна Гавриловна... Даже весьма поучительно.

Аннѣ Гавриловнѣ не нравилось выраженіе лица Вадима, которое у него являлось при разговорѣ съ ней,—въ немъ было столько желчи и какого-то скрытаго озлобленія, особенно въ выраженіи съуженныхъ безцвѣтныхъ глазъ и въ конвульсивной улыбкѣ безкровныхъ тонкихъ губъ. Про себя Анна Гавриловна называла, припоминая школьные учебники, это выраженіе сардоническимъ. Еще хуже была скверная привычка Вадима смѣяться отрывистымъ, глуховатымъ смѣшкомъ, точно у него изъ горла выскакивали какія-то невидимыя пробки. Часто, глядя на сына, Анна Гавриловна никакъ не могла рѣшить вопроса, на кого онъ походитъ... Она была всегда полной и здоровой женщиной настоящаго русскаго склада—широкая въ кости, мясистая, жирная, съ короткой шеей и добродушнымъ, немного плоскимъ лицомъ.

— Это какой-то выродокъ,—думала она про себя.

Оставалось отыскивать сходство съ отцомъ, но тутъ ужъ окончательно ничего не получалось. Отецъ такой плотный, кряжистый, съ тяжелой походкой откормленнаго животнаго, съ громкимъ, твердымъ голосомъ и раскатистымъ хохотомъ. Однимъ словомъ, полная противоположность пятнадцатилѣтнему заморышу, у котораго весь видъ былъ какой-то сѣрый, и даже его смѣхъ ей казался сѣрымъ.

Вадима никогда и ничто въ сущности не волновало, и онъ относился равнодушно рѣшительно ко всему на свѣтѣ, а, кажется, ужъ онъ ли не видалъ всякой всячины, главнымъ образомъ въ Европѣ, гдѣ провелъ лучшіе свои годы. И послѣ чудесъ европейской культуры заинтересоваться какимъ-то дурацкимъ дворомъ-колодцемъ...

— Мнѣ кажется, Вадимъ, что ты не совсѣмъ здоровъ,— говорила ему Анна Гавриловна не безъ нѣкоторой ядовитости.

— Вы думаете, что я начинаю сходить съ ума? Нѣтъ, пока все обстоитъ благополучно. А нашъ дворъ—одна прелесть... Смотришь съ громадной высоты, а тамъ, гдѣ-то внизу, гдѣ и сыро, и грязно, копошатся малюсенькія человѣческія личинки, тѣ живыя ничтожества, изъ которыхъ потомъ выростутъ большіе негодяи. Но природа по своему существу аристократична и крайне экономна, какъ настоящій богатый человѣкъ, а поэтому выбираетъ на разводку — Züchtung Ничше—только лучшіе экземпляры. Девяносто процентовъ личинокъ должны погибнуть. Развѣ это не интересно? Для меня нашъ дворъ является опытной зоологической станціей, гдѣ у меня на глазахъ день за днемъ угасаетъ жизнь маленькихъ личинокъ, потому что нѣтъ свѣта, тепла, воздуха... Я съ особеннымъ наслажденіемъ чувствую собственное существованіе, именно наблюдая этотъ процессъ уничтоженія себѣ подобныхъ. А какъ они борятся за свое существованіе, какъ стараются прожить хоть одинъ лишній день—смѣшно смотрѣть съ моей освѣщенной высоты.

— Что ты говоришь, Вадимъ?!.. Ты начинаешь корчить изъ себя какого-то сверхчеловѣка, именно, корчить, а это противно, какъ все дѣланное, неестественное и крикливое.

— А вотъ почему вы такъ волнуетесь, Анна Гавриловна? Кто волнуется, тотъ не правъ... Вы всю жизнь боялись называть вещи ихъ настоящими именами и оправдывали собственное малодушіе разными добрыми чувствами. Развѣ это добро, если бы я соблаговолилъ спуститься на дно нашего двора-колодца и накормилъ человѣческихъ личинокъ? Это зло, потому что только продолжало-бы агонію приговоренныхъ къ смерти...

— Тебѣ остается только примѣнить эту логику къ собственной драгоцѣнной особѣ...

— Что-же, я ничего не имѣю противъ этого и могу только удивляться вашей любезности, Анна Гавриловна, благодаря которой я имѣлъ удовольствіе появиться на свѣтъ. Право, не стоило... Впрочемъ, у каждаго своя точка зрѣнія, и я, кажется, довольно невѣжливо вмѣшиваюсь въ ваши дѣла, хотя немножко и заинтересованъ въ нихъ, какъ потерпѣвшее лицо. По моему, даже какъ будто невѣжливо вызывать къ жизни человѣка, предварительно не спросивъ его, желаетъ-ли еще онъ жить въ этомъ лучшемъ изъ міровъ...

— Вадимъ, ты просто дерзкій мальчишка!

— Ну, вотъ это, по крайней мѣрѣ, логично, т. е. то что вы сердитесь на собственное неудачное произведеніе.

— Господи, что онъ говоритъ?!.. Что онъ говоритъ?!..

— Чтобы быть на вершинѣ логики, Анна Гавриловна, вамъ остается только уронить слезу...

И такіе разговоры каждый день, утомительные, безсодержательные, съ одними и тѣми же словами, какъ капли дождя. Анна Гавриловна приходила въ полное отчаяніе и старалась не раздражать сына. Впрочемъ, все это было только днемъ, а вечеромъ мальчикъ дѣлался такимъ задумчивымъ, покорнымъ и даже ласковымъ. Онъ слишкомъ много читалъ, и Анна Гавриловна старалась прятать отъ него книги. Для своихъ лѣтъ онъ и безъ того былъ слишкомъ развитъ, что начинало пугать мать. Хилая физическая оболочка оказывалась тѣсной для преждевременно созрѣвшей мысли. Заграничные врачи давно запретили всякія занятія, объясняя болѣзненность умственнымъ переутомленіемъ.

— Какъ это остроумно, — иронизировалъ Вадимъ въ качествѣ благодарнаго паціента.—Переутомленіе человѣка, который еще и не думалъ работать...

Вадимъ лѣчился въ Америкѣ, въ Англіи, въ Италіи, въ Германіи у всѣхъ знаменитостей и по всѣмъ послѣднимъ словамъ науки, до гипнотизма включительно. И все было безплодно. Неизвѣстная болѣзнь не поддавалась ни какому лѣченію. Это было что-то таинственное и упорно жестокое.

— Любящая мать и больное дитя,—резюмировалъ Вадимъ свое положеніе.—Картинка недурная...

Онъ говорилъ по русски немного съ акцентомъ и очень неохотно, предпочитая англійскій языкъ. Вообще, къ Россіи онъ относился отрицательно и постоянно дразнилъ мать „любезнымъ отечествомъ“.

— Европейцы только еще начинаютъ открывать Россію, Анна Гавриловна, и признаютъ ея существованіе только изъ вѣжливости. Собственно говоря, это любезное отечество придумано Петромъ Великимъ...

Анна Гавриловна вернулась съ сыномъ въ Россію послѣ

пятнадцатилѣтняго отсутствія по двумъ основательнымъ причинамъ, именно: одно европейское медицинское свѣтило, какъ послѣднее средство, посовѣтовалъ „лѣчить мальчика родиной“, а потомъ сама Анна Гавриловна послѣ горькаго опыта различныхъ скитаній рѣшила, что Вадиму пора сдѣлаться настоящимъ русскимъ человѣкомъ. Была еще третья причина, можетъ быть самая главная, но о ней Анна Гавриловна боялась признаться даже самой себѣ.

II.

По вечерамъ, когда Невскій тонулъ въ синеватой лихорадочной мглѣ электрическаго освѣщенія, Анну Гавриловну охватывало какое-то жуткое безпокойство. Вадимъ отлично это видѣлъ и говорилъ одну и ту же фразу:

— Въ одно мѣсто, къ одному человѣку, по одному дѣлу, Анна Гавриловна? Идите, пожалуйста, я васъ не желаю стѣснять...

Анна Гавриловна почему-то считала нужнымъ конфузиться, даже немного краснѣла и начинала оправдываться виноватымъ голосомъ.

— Ты ничего не понимаешь, Вадимъ, и для тебя, конечно, смѣшно, что я немного волнуюсь. Вѣдь здѣсь, въ Петербургѣ, прошли мои лучшіе годы, молодость, все, все... А сколько было *тогда* хорошихъ людей?.. Какъ мнѣ тебя жаль, что ты никогда ничего подобнаго не испыталъ и едва-ли въ состояніи даже испытать... Тебѣ смѣшно, что я розыскиваю своихъ старыхъ знакомыхъ... и никого не могу найти... Много ихъ умерло, другіе далеко...

— Анна Гавриловна, уроните слезу...

— Негодный мальчишка! — бранилась Анна Гавриловна, отвертываясь къ окну, чтобы скрыть слезы. — У тебя нѣтъ сердца... и у тебя не будетъ ни одной свѣтлой минуты въ жизни. Мнѣ даже страшно подумать, несчастный, о твоемъ будущемъ...

Разъ вечеромъ Анна Гавриловна вернулась такая взволнованная, счастливая, съ красными пятнами на лицѣ.

— Америка открыта во второй разъ?—спросилъ Вадимъ.

— Да, да, злой мальчишка...—улыбаясь и задыхаясь отъ волненія, отвѣчала Анна Гавриловна.—Я ее, наконецъ, нашла...

— Америку?

— Я тебѣ надеру уши, негодному мальчишкѣ... Помнишь Женю Парвову? То есть, ты, конечно, ее не могъ видѣть... да... А я постоянно о ней тебѣ говорила. Это удивительная, единственная, рѣдкая женщина... Боже мой, какъ я счастлива...

Вадимъ только пожалъ своими узкими, худенькими плечами и презрительно фыркнулъ. Но Анна Гавриловна уже ничего не замѣчала, а, схвативъ его за руку, продолжала, торопливо, неудержимо, точно боялась потерять нить своихъ бурливыхъ мыслей.

— Понимаешь: мы съ ней вмѣстѣ поступали на курсы. Нашъ былъ первый выпускъ... Она южанка, бойкая, остроумная, рѣзкая. На курсахъ ее называли Колючкой... Ахъ, какая она уморительная! И добрая, добрая... Мы ужасно любили другъ друга... вмѣстѣ готовились къ экзаменамъ, спорили, ссорились, мирились... Да вотъ ты самъ увидишь какой это чудный человѣкъ. Я рада за тебя, что, наконецъ, ты увидишь настоящаго человѣка... Да, настоящаго. У Жени каждое слово—золото...

Колючка явилась на другой день къ завтраку, и Вадимъ слышалъ, какъ мать съ гостьей цѣловались въ передней, точно сумашедшія. Онъ впередъ возненавидѣлъ эту „единственную женщину", которая сейчасъ, прерывая каждое слово поцѣлуемъ, говорила:

— Я... ангелочикъ... голодна... какъ волкъ...

— Ахъ, мы, Колючка, позавтракаемъ по студенчески... Помнишь, какъ мы завтракали тогда на Бармалеевой улицѣ, на Петербургской сторонѣ? Колбаса въ бумажкѣ, двѣ миноги въ бумажкѣ, кусочекъ горькаго дешеваго сыру въ бумажкѣ... Двѣ миноги въ бумажкѣ, два соленыхъ огурца въ бумажкѣ... ахъ, какъ было все хорошо!..

Опять поцѣлуи, какой-то восторженный шопотъ, безпричинный смѣхъ и тотъ неудержимый дамскій разговоръ, когда женщины говорятъ за разъ и не желаютъ слушать другъ друга. Вадимъ замѣтилъ, что Колючка каждую фразу начинаетъ съ „я", и окончательно ее возненавидѣлъ.

— А вотъ и мой неудавшійся сверхчеловѣкъ, — говорила Анна Гавриловна, впячиваясь изъ передней въ комнату спиной.

Колючка была худенькая черноволосая дама съ черными усиками. Длинный носъ и сросшіяся густыя брови придавали ея сохранившемуся лицу жесткое выраженіе, а крупный ротъ и ярко бѣлые зубы усиливали это впечатлѣніе. Одѣта она была почти изысканно: черное шелковое платье, черная модная высокая шляпа съ перьями, черныя перчатки и т. д. На рукахъ были браслеты, сѣрый длинный галстухъ застегнутъ брилліантовой булавкой, въ темныхъ волнистыхъ волосахъ блестѣли двѣ золотыхъ шпильки съ настоящими жемчугами— однимъ словомъ, полная противоположность Аннѣ Гавриловнѣ, которая не особенно обращала на свою особу вниманіе.

— Я очень рада познакомиться съ твоимъ сверхчеловѣ-

комъ,—проговорила Колючка, надѣвая золотое пенснэ и протягивая Вадиму свою руку въ перчаткѣ.

— Онъ у меня порядочный дикарь, — извинялась Анна Гавриловна, когда Вадимъ не отвѣтилъ гостьѣ ни однимъ звукомъ.

Колючка смотрѣла на Вадима прищуренными глазами и неизвѣстно чему улыбалась, что было уже совсѣмъ противно.

Анна Гавриловна еще утромъ сама сбѣгала въ мелочную лавочку и принесла всѣ закуски „въ бумажкѣ". Самоваръ тоже былъ заказанъ впередъ. Однимъ словомъ, выполненъ былъ весь репертуаръ студенческаго угощенія, хотя гостья, повидимому, и не раздѣляла восторговъ хозяйки въ этомъ направленіи. Она какъ-то брезгливо посмотрѣла на закуски „въ бумажкѣ" и проговорила, снимая медленно перчатки:

— Я, признаться, отвыкла уже отъ такой роскоши... А ты осталась все такая же восторженная...

Анну Гавриловну немножко огорчило, что гостья отнеслась почти брезгливо къ ея стильному завтраку. Колючка замѣтно важничала, что ее кольнуло. Какъ будто даже и совсѣмъ не Колючка, а grande dame изъ театра. Впрочемъ, это непріятное впечатлѣніе скоро сгладилось, потому что начались непрестанныя воспоминанія о старыхъ знакомыхъ, причемъ обѣ замѣтно волновались. Вадимъ узналъ массу новыхъ, очень странныхъ именъ: Сорокоумъ, Петька Вѣтеръ, Гетманъ, Большакъ, Поденка, Пленира, Ниточка и т. д.

— А Петька Вѣтеръ—да ты его и не узнаешь, — разсказывала Колючка. — Громадный имѣетъ успѣхъ... Вѣдь онъ сдѣлася моднымъ дамскимъ докторомъ и катается на собственныхъ рысакахъ. Да, да... Ужасно важничаетъ. Какъ-то ѣду на извозчикѣ, такъ онъ чуть не смялъ меня. Я страшно перепугалась и хотѣла обругать нахала, а оглянулась — Петька... Кучеръ — какое-то чудовище и на спинѣ у него часы. Послѣднее меня уже окончательно взорвало, и я даже плюнула. Помилуйте, какая важная персона, подумаешь, каждая минута на счету...

Анна Гавриловна слушала этотъ разсказъ, ощипывая салфетку, и, подавивъ невольный вздохъ, спросила:

— А ты такъ и не вышла замужъ?

— Я? Замужъ?—какъ-то дѣланно засмѣялась Колючка.— Нѣтъ, до этого, слава Богу, не дошло... Пока устраивалась— некогда было, а потомъ ужъ время ушло.

Дамы переглянулись и вынужденно замолчали,—очевидно, присутствіе Вадима стѣсняло необходимую для воспоминаній свободу. Потомъ обѣ улыбнулись безъ всякой для того побудительной причины.

— Да, я кое-что слышала,—продолжала Анна Гавриловна

какую-то недосказанную мысль. — Много воды утекло, а сознаться не хочется, что состарилась и многаго уже не понимаешь... Роли перемѣнились: изъ дѣтей мы перешли въ отцы.

— Я не согласна стариться!—энергично протестовала Колючка.—Старость—предразсудокъ... Женщины просто распускаютъ себя. Посмотри на мужчинъ—они ужъ потому умнѣе насъ, бабъ, что всегда считаютъ себя молодыми.

Вульгарное слово „бабы" сорвалось у Колючки нечаянно, какъ дань далекому прошлому, когда Петька Вѣтеръ называлъ всѣхъ курсистокъ бабами, а женскій вопросъ бабьимъ.

— Эротическая старушка, — резюмировалъ Вадимъ свои впечатлѣнія, когда Колючка ушла.—А вмѣстѣ вы типичные экземпляры старушенцій отъ либерализма въ отставкѣ...

Анна Гавриловна терпѣть не могла, когда Вадимъ употреблялъ слово „либерализмъ" въ ироническомъ смыслѣ и обиженно замолчала, а потомъ, сдѣлавъ паузу, вызывающе проговорила:

— Для тебя Колючка эротическая старушка, а для другихъ она докторъ медицины...

III.

Анна Гавриловна даже не могла думать, что эта поѣздка въ Петербургъ для нея будетъ такъ мучительна. Этотъ „блестящій" городъ казался ей сейчасъ громаднымъ кладбищемъ въ которомъ для нея лично было похоронено столько хорошаго, честнаго, святого... А, главное, именно здѣсь похоронены были золотые сны вѣрующей юности, лучшія мечты и несбывшіяся надежды. Ея собственный сынъ съ ироніей бросаетъ ей прямо въ лицо дорогое для нея слово „либерализмъ", надъ которымъ теперь глумятся всѣ ренегаты и вся уличная пресса. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, это смѣшно: либерализмъ... Надъ этимъ словомъ хихикаютъ изъ каждой литературной подворотни. Но всего тяжелѣе были эти живые покойники, которые продали за чечевичную похлебку успѣха свое недавнее первородство. Сколько было такихъ знакомыхъ ей именъ въ наукѣ, литературѣ и на всѣхъ ступеняхъ общественной дѣятельности. Оставалась вѣрной идеаламъ юности очень небольшая кучка людей, забившихся по своимъ угламъ откуда ихъ голоса раздавались все рѣже и рѣже. Вѣдь это ужасно, если разобрать все разумно и всѣ вещи назвать ихъ собственными именами. Это даже не недородъ хорошихъ людей, а разростающаяся пустыня, по которой бродитъ стая хищниковъ...

Анна Гавриловна не одинъ разъ плакала, до того ее огор-

чало все окружающее. Даже Колючка, милая, хорошая Колючка и та измѣнилась настолько, что никакъ не могла понять ея огорченія.

— Я рѣшительно не понимаю, что тутъ *такого*, особеннаго?—удивлялась Колючка.—Время идетъ, и все кругомъ измѣняется. Естественный законъ, по которому и мы съ тобой уже не тѣ фантазерки, какими были двадцать лѣтъ тому назадъ...

— Нѣтъ, это ужъ ты оставь, пожалуйста: я все такая же и такой умру.

Колючка загадочно улыбалась и умолкала, не желая спорить. Вѣдь и время горячихъ молодыхъ споровъ тоже прошло.. Она смотрѣла на Анну Гавриловну такими глазами, какими смотрятъ на упрямыхъ дѣтей. Анна Гавриловна безъ словъ понимала это отношеніе къ ней старой подруги, но старалась не думать, что Колючка уже больше не Колючка.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты такая же осталась, какой была,—увѣряла она съ трогательной настойчивостью.—Это скверная петербургская привычка непремѣнно напускать на себя что-то такое... Пожалуйста, брось эту скверную манеру.

— Я говорю только одно, что съ фактами, моя милая, нельзя спорить. Я просто не желаю себя обманывать—и только.

Многое въ поведеніи Колючки для Анны Гавриловны оставалось непонятнымъ, до ея отношенія къ Вадиму включительно. Достаточно сказать, что Колючка сошлась съ Вадимомъ, и этотъ нелюдимъ, избѣгавшій общества, оживлялся въ ея присутствіи и постоянно о чемъ нибудь спорилъ. Колючка называла его по студенческой привычкѣ къ кличкамъ—„мой сверхчеловѣчикъ“. Они даже сошлись скоро „на ты“, и Анна Гавриловна никакъ не могла объяснить себѣ такого быстраго сближенія. Колючка хохотала до слезъ, когда узнала, что Вадимъ называетъ ихъ „старушенціями въ отставкѣ отъ либерализма“.

— Я и сама начинаю то же думать,—говорила она.—Конечно, старушонки... И пресмѣшныя старушонки, если говорить серьезно.

У Колючки была привычка подшучивать надъ всѣмъ и, главнымъ образомъ, надъ самой собой, что, повидимому, Вадиму и нравилось больше всего. Впрочемъ, иногда на Колючку нападали минуты какого-то молчаливаго отчаянія, и она объясняла, что ей овладѣлъ злой духъ.

— Милый сверхчеловѣчикъ, это очень скверное состояніе... Начинаешь ненавидѣть самого себя, какъ, вѣроятно, ненавидитъ себя игрокъ, когда проснется утромъ послѣ жестокаго проигрыша.

Аннѣ Гавриловнѣ не нравились именно такія покаянныя

разговоры, и она боялась, какъ бы Колючка въ порывѣ откровенности не сказала чего нибудь лишняго, чего Вадимъ не долженъ былъ знать.

А такое обстоятельство было, и Вадимъ, конечно, зналъ, что о немъ можетъ ему сообщить только одна Колючка. Самъ онъ никогда не спрашивалъ мать объ этой семейной тайнѣ, и только разъ она нашла на своемъ письменномъ столѣ вырѣзку изъ какой-то газеты, гдѣ приводился текстъ японской дѣтской пѣсенки, въ которой говорилось, что на свѣтѣ четыре странныхъ и непонятныхъ вещи: вѣтеръ, огонь, землетрясенiе и отецъ. Ребенкомъ Вадимъ иногда спрашивалъ:

— А гдѣ мой папа? У всѣхъ дѣтей есть папа...

— Твой папа далеко,—уклончиво отвѣчала Анна Гавриловна, стараясь перевести неловкiй разговоръ на какую нибудь другую тему.

Иногда Анна Гавриловна чувствовала на себѣ испытующiй, пристальный взглядъ Вадима и понимала, что онъ думаетъ объ отцѣ, который до сихъ поръ для него былъ „далеко“. Сверхчеловѣчикъ по дѣтскому инстинкту догадывался, что этотъ таинственный отецъ здѣсь, въ Петербургѣ, и что они какъ нибудь встрѣтятся. Послѣдняго Анна Гавриловна и боялась, и въ то же время желала. Разъ, когда Колючка что-то разсказывала объ общихъ знакомыхъ и въ томъ числѣ о Петькѣ Вѣтрѣ, у Анны Гавриловны захолонуло на душѣ,— Вадимъ смотрѣлъ на нее такимъ тяжелымъ и не хорошимъ взглядомъ. Она не выдержала и убѣжала въ другую комнату, чтобы скрыть ненужныя бабьи слезы.

Все это ужасно волновало Анну Гавриловну, и она тысячу разъ перебирала свое прошлое, точно старалась оправдаться передъ самой собой. Да, она сдѣлала одну изъ тѣхъ грустныхъ ошибокъ, которыя отравляютъ всю жизнь. Но вѣдь она не побоялась послѣдствiй и всю жизнь отдала своему ребенку. Боже мой, какъ она мучилась тоской по родинѣ, живя за границей, но вернуться не могла, пока были живы отецъ и мать. Они ничего не должны были знать, особенно отецъ, суровый и педантичный человѣкъ, который не умѣлъ прощать. О, какъ она тосковала о своей милой Тамбовской губернiи, какъ рвалась туда всей душой, и должна была оставаться за границей. А тутъ еще постоянныя письма съ родины, умолявшiя вернуться, чтобы провести послѣднiе годы въ родномъ гнѣздѣ. Съ Вадимомъ она не могла прiѣхать, а бросить его тѣмъ болѣе. Это была вѣчная мука, тянувшаяся изъ года въ годъ, какъ тяжелый кошмаръ. Былъ моментъ, когда въ минуту отчаянiя она написала все отцу Вадима, и тотъ предложилъ ей „въ интересахъ восходящей линiи“ фиктивный бракъ, но отъ этой милостыни она отказалась съ чисто

женскимъ героизмомъ. Достаточно было одной ошибки, за которой оставалась хотя искренность, а покрывать эту ошибку обманомъ было выше ея силъ. Она не могла этого сдѣлать по своей натурѣ, не выносившей лжи. Для Анны Гавриловны всякая ложь являлась самой ужасной вещью на свѣтѣ, и она по своей натурѣ никогда не могла лгать.

Какъ, въ самомъ дѣлѣ, складывается жизнь. Аннѣ Гавриловнѣ часто бывало жаль самой себя до слезъ. Вѣдь она, такая простая, любящая и хорошая, могла бы прожить совершенно иначе. Но какая-то слѣпая стихійная сила все изломала, попортила и исковеркала. Положимъ, счастливыхъ людей не особенно много на свѣтѣ, но они всетаки есть. Она особенно завидовала старикамъ. Идетъ такая сѣденькая парочка и непремѣнно подъ ручку. Вотъ эти мудрецы умѣли пройти бурное море жизни рука объ руку и сохранили до глубокой старости согрѣвающую теплоту молодого чувства. Она и себя видѣла такой же сѣденькой старушкой, видѣла свое неосуществившееся гнѣздо гдѣ нибудь тамъ, въ далекой, милой, родной безконечной глуши, видѣла даже тѣ липы, которыя посадила бы своими руками въ молодости и въ тѣни которыхъ играли бы ея внуки... Она какъ-то особенно всегда любила дѣвочекъ, и ея старшей дочери было бы уже лѣтъ тридцать. И ничего, ничего... Какая-то могучая волна оторвала ее отъ родного берега и на всю жизнь унесла въ чужую, непріютную и холодную даль. А тутъ еще сверхчеловѣчикъ Вадимъ, о будущемъ котораго она боялась даже думать.

IV.

Колючка была своимъ человѣкомъ въ Петербургѣ и ввела Анну Гавриловну въ дома, гдѣ собиралась молодежь. Именно, эта русская молодежь ее интересовала больше всего, и она впередъ волновалась. За границей она жадно слѣдила по газетамъ о новомъ поколѣніи, но никакого опредѣленнаго впечатлѣнія не получалось. Нападки нѣкоторой части печати на молодежь даже ее не возмущали, конечно,—и среди молодежи встрѣчаются типы не симпатичнаго характера, но по исключеніямъ нельзя судить о цѣломъ. Совсѣмъ другое дѣло въ общемъ тонѣ, въ господствующемъ настроеніи и конечныхъ задачахъ, какія создаются извѣстнымъ временемъ. Побывавъ на нѣсколькихъ собраніяхъ, Анна Гавриловна вынесла странное впечатлѣніе, именно, что она совершенно чужая среди этой молодежи. Да, чужая, что и какъ ни говорите. Дѣло не въ марксизмѣ и не въ ничшеніанствѣ, а въ болѣе сложныхъ и болѣе глубокихъ причинахъ.

— Наша съ тобой пѣсенка спѣта,—резюмировала съ обычной ироніей Колючка.—Раньше были просто отцы и дѣти, тоже не понимавшіе другъ друга, а теперь отцы, т. е. мы и господа дѣти... Ты обратила вниманіе съ какой обидной снисходительностью они относятся къ намъ?

— Ну, ты это уже преувеличиваешь... Вещь самая простая: то было наше время, а сейчасъ другое. Очень естественно, что молодежь идетъ своей дорогой впередъ...

— Ты, милая, только оправдываешься передъ самой собой, какъ оправдываются люди, которые не хотятъ признаться въ собственной старости, выморочности и отставкѣ по предѣльному возрасту.

— Перестань, пожалуйста... Я этого не люблю, т. е. такой болтовни.

— А я такъ давно примирилась съ ролью благородной свидѣтельницы и ничѣмъ не огорчаюсь. Что же, намъ тлѣть, а имъ цвѣсти—ergo, всякому овощу свое время.

Колючка, вообще, точно наслаждалась, огорчая старую подругу. Вѣдь время вотъ такихъ восторженныхъ давно прошло, а она все еще ищетъ восторговъ...

Разъ, возвращаясь съ одного изъ „идейныхъ“ обѣдовъ, гдѣ было много горячихъ споровъ и восторженныхъ словъ, Анна Гавриловна была въ особенно грустномъ настроеніи безъ всякой побудительной причины. Ей казалось, что она уже начинаетъ многое понимать—и всетаки было грустно. Погода была въ тонъ этому настроенію. Сѣялъ назойливый осенній дождь, мелкій, какъ пыль. Электрическіе фонари съ трудомъ боролись съ надвигавшейся сырой мглой. По тротуарамъ въ какомъ-то молчаливомъ отчаяніи торопливо шли пѣшеходы, съ такимъ выраженіемъ лицъ, точно каждый далъ себѣ слово покончить жизнь самоубійствомъ. Такихъ же самоубійцъ везли извозчики, иззябшіе, суровые, обмѣнивавшіеся при встрѣчахъ и объѣздахъ непутными словами. Неосвѣщенныя окна домовъ казались глазными впадинами въ черепѣ какого-то многоглазаго чудовища. Вообще, все было скверно.

На подъѣздѣ швейцаръ Павелъ предупредилъ Анну Гавриловну, что ее „дожидаетъ“ какой-то господинъ.

— Вѣроятно, ты что нибудь перепуталъ,—довольно сурово отвѣтила Анна Гавриловна.

— Никакъ нѣтъ-съ... Вотъ и собственная ихняя лошадь стоитъ у подъѣзда. Еще кучеръ съ часами на спинѣ...

У Анны Гавриловны заходили темные круги передъ глазами, и она едва имѣла силы спросить, давно ли пріѣхалъ этотъ господинъ.

— Да ужъ близко полчаса будетъ...

Швейцара Анна Павловна не любила, потому что, какъ

ей казалось, онъ ея не уважалъ. Про себя она по старинной студенческой терминологіи называла его „неразвитымъ субъектомъ", какъ и хозяйку своихъ меблированныхъ комнатъ.

— Это *онъ*...—въ ужасѣ думала Анна Гавриловна, поднимаясь на верхъ съ такимъ трудомъ, точно на нее навалили десятипудовую гирю.—Что онъ можетъ дѣлать тамъ цѣлыхъ полчаса? Могъ-бы предупредить... Вадимъ наговоритъ, не знаю что... А тутъ еще Колючка хотѣла завернуть. А можетъ быть, это она и устроила такой дикій сюрпризъ...

Сегодня лѣстница оказалась вдвое выше обыкновеннаго, и Анна Гавриловна нѣсколько разъ принуждена была отдыхать.

Петръ Васильичъ Арбузовъ сидѣлъ за чайнымъ столомъ, прихлебывая изъ стакана остывшій чай съ лимономъ, и, какъ всегда, находился въ самомъ отличномъ настроеніи. Его нескладная, но сильная фигура, неправильное лицо съ мягкимъ носомъ и выпуклыми, близорукими глазами неопредѣленнаго цвѣта, его свѣжій голосъ и раскатистый смѣхъ—все соотвѣтствовало веселому настроенію, точно для этого было создано. Одѣтъ онъ былъ изысканно, но костюмъ, сшитый у лучшаго портного, сидѣлъ на немъ, точно былъ взятъ съ чужого плеча.

Вадимъ ходилъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину, и нѣсколько разъ проговорилъ:

— Удивительно жизнерадостный характеръ у васъ, Василій Петровичъ.

— Петръ Васильичъ... Что-же, это хорошо. Будьте добры, молодой человѣкъ, повернитесь въ профиль... такъ, такъ... Ну, а теперь смотрите на меня прямо и старайтесь припомнить что-нибудь самое смѣшное или самое грустное... Ахъ, не то! Поднимите немного голову и прищурьте лѣвый глазъ... Вотъ такъ. Отлично... А если бы вы опустили лѣвый уголъ рта и свели оба глаза къ носу... Не умѣете? Ну, все равно...

— Послушайте, Василій Петровичъ, это, наконецъ, смѣшно...

— Петръ Васильичъ... А если вы закроете глаза и поднимете правую ногу?

Раздѣваясь въ передней, Анна Гавриловна слышала, какъ Арбузовъ совѣтовалъ Вадиму сдѣлать языкъ трубочкой и что-то еще такое, а Вадимъ хохоталъ и говорилъ:

— Удивительно веселый у васъ характеръ, докторъ... Вы дѣлаете мнѣ испытаніе, какъ идіоту.

— Быть веселымъ заставляетъ меня моя профессія, а что касается идіотства...

Онъ въ первую минуту не узналъ Анны Гавриловны, которая показалась ему совсѣмъ старухой. Она его узнала и удивилась, что онъ почти не измѣнился и только обросъ большой бородой песочнаго цвѣта. Онъ подошелъ къ ней и поцѣловалъ руку.

— Какъ я радъ васъ видѣть, Анюта... т. е. Анна Гавриловна. Какъ только узналъ вашъ адресъ я сейчасъ-же пріѣхалъ. Мы тутъ съ вашимъ сыномъ продѣлали нѣсколько медицинскихъ упражненій...

Она не знала, что ей говорить, и только смотрѣла на него испуганными глазами. Вадимъ повернулся и ушелъ въ свою комнату. Арбузовъ продолжалъ что-то говорить и нѣсколько разъ бралъ ее за руку.

— А вѣдь я часто вспоминалъ васъ,—говорилъ онъ.— Да... Гдѣ вы? Что вы дѣлаете? Какъ вы живете? Да...

— И я... я тоже... Садитесь, пожалуйста. Не хотите-ли чаю?

Живя за границей, Анна Гавриловна часто думала о возможности этой встрѣчи и про себя составляла длиннѣйшіе монологи. О, какъ ей много было нужно сказать *этому* человѣку, вылить душу, наконецъ—просто выплакаться по бабьи. Никакихъ нехорошихъ и злыхъ чувствъ по отношенію къ нему она не питала, а обвиняла во всемъ только одну себя. И вотъ онъ стоитъ передъ ней, смотритъ ей въ глаза, держитъ ея руку въ своей, а у нея нѣтъ ни одного слова для него.

— Садитесь, пожалуйста... Не хотите-ли чаю?—машинально повторила она.

— Да, давненько мы не видались,—повторялъ онъ, поднося ко рту пустой стаканъ.

Наступила неловкая пауза. Оба напрасно подыскивали слова, пока Анна Гавриловна не нашлась.

— Какъ вы нашли Вадима?

Онъ издалъ неопредѣленный звукъ, вытянувъ губы, поднялъ брови и вполголоса отвѣтилъ:

— Тутъ все конечно... навязчивыя идеи... Но это еще только начало. Да... У него мозгъ походитъ на кусокъ хорошаго стараго рокфора...

— Никакой надежды?—тихо спросила она.

— Я не хочу васъ обманывать: ни малѣйшей...

Анна Гавриловна заплакала, тихо и безутѣшно. Онъ поднялся и началъ шагать по комнатѣ. Какъ всѣ безхарактерные люди, онъ не выносилъ женскихъ слезъ.

V.

Колючка застала хозяйку и гостя за тѣмъ-же чайнымъ столомъ. У Анны Гавриловны еще оставались слѣды слезъ на лицѣ. Арбузовъ вынужденно улыбался, здороваясь съ гостьей.

— Я вамъ не помѣшаю?—спрашивала Колючка.

— Нисколько,—совершенно спокойно отвѣтила Анна Гавриловна.—Мы тутъ болтали о разныхъ пустякахъ.

— Вотъ и отлично,—согласилась гостья.— Я тоже сегодня въ болтливомъ настроеніи...

— Кажется, это у васъ обычное настроеніе?—весело замѣтилъ Арбузовъ.

— Нельзя-ли безъ дерзостей, милостивый государь? Притомъ, васъ ждетъ вашъ великолѣпный кучеръ съ часами на спинѣ... Вотъ подите: не могу я видѣть такихъ кучеровъ. Такъ меня и подмываетъ сказать владѣльцу такого кучера, что онъ, т. е. владѣлецъ, а не кучеръ,—напрасно смѣшитъ публику, чтобы не сказать больше.

— Для начала не дурно...

Колючка и Арбузовъ пикировались постоянно еще во времена студенчества и сразу попали въ этотъ тонъ. Анна Гавриловна слушала ихъ, но ничего не понимала. Ей не нравилось кокетство, съ какимъ держала себя Колючка—раньше этого не было. Потомъ эта безпредметная болтовня уже совсѣмъ не соотвѣтствовала ея настроенію. А Колючка играла глазами, заливалась дѣланнымъ смѣхомъ и разъ даже ударила Арбузова перчаткой по рукѣ.

— Зачѣмъ они тутъ сидятъ?—удивлялась Анна Гавриловна,—у нея въ головѣ, какъ молотки, стучали слова Арбузова, приговорившаго Вадима къ смерти.

Родной отецъ и такъ безсердечно, съ научнымъ безпристрастіемъ вынесъ смертный приговоръ. Какъ это ужасно... И она когда-то вѣрила вотъ этимъ глазамъ, этому голосу, этой улыбкѣ—вѣрила и была счастлива, т. е. увѣряла себя, что счастлива. Для полноты этого счастья не доставало только того, чтобы ихъ на вѣки разлучила роковая волна, забросившая ее на далекій востокъ, а потомъ за границу. Онъ, кажется, не долго горевалъ и скоро утѣшился въ обществѣ другихъ женщинъ, которымъ она не завидовала ни на одну минуту. Глядя теперь на Арбузова, она не могла себѣ представить, что могло ее увлечь. Вѣдь были и другіе люди, такіе хорошіе, честные и смѣлые. Да, ей выпалъ неудачный номеръ въ жизни—и больше ничего.

— Какую ты муху проглотила сегодня?—шутила Колючка, обнимая Анну Гавриловну.

— Нѣтъ, мнѣ ужъ не до мухъ,—съ раздраженіемъ отвѣтила Анна Гавриловна.—Не всякій можетъ быть веселымъ, какъ ты или Петръ Васильичъ...

— Это значитъ, что мнѣ пора убираться,—перевелъ Арбузовъ.—Мадамъ сердится, мадамъ не въ духѣ... Ахъ, какъ я хорошо выучилъ эту науку!

Арбузовъ имѣлъ дурную привычку прощаться по десяти разъ, потомъ разговаривалъ въ передней и даже возвращался съ лѣстницы, чтобы сказать еще нѣсколько словъ. Однимъ

словомъ, выпроводить такого гостя не легко, и Анна Гавриловна была рада, когда онъ, наконецъ, ушелъ. Она испытывала какую-то смертную истому, какъ человѣкъ, котораго много и долго били. Кстати, ей было очень непріятно, что Колючка осталась и будетъ продолжать болтовню. Но на этотъ разъ Анна Гавриловна ошиблась,—Колючка сидѣла и молчала, тоже усталая и какая-то жалкая.

— Что ты такъ нахохлилась?—спросила Анна Гавриловна, начиная ее жалѣть.

— Я?!.. А такъ... глупости...

Колючка поднялась и, по мужски заложивъ руки за спину, принялась молча шагать по комнатѣ.

— Равноправность — тоже придумали... — бормотала она, думая вслухъ:—А мы вѣрили... Такъ и было...

— Да о чемъ ты бормочешь?

— Я? Очень просто... Природа несправедлива до послѣдней степени. Посмотри на Петьку, онъ старше насъ съ тобой лѣтъ на пять и молодецъ молодцемъ, а мы, какъ говоритъ твой Вадимъ, совсѣмъ старушонки... Онъ еще романы продѣлываетъ, за нимъ дѣвушки ухаживаютъ—своими глазами видѣла, а мы—старая, негодная поломанная мебель, которую сваливаютъ на чердакъ. И какія мы дуры съ тобой были тогда, когда были молодыми. Помнишь, какъ мы гордились что цѣнятъ наши убѣжденія... Ха-ха!..

— Чему же ты смѣешься?

— Я? А вотъ этому самому... Вотъ сейчасъ развѣ интересно кому нибудь знать, какія у насъ съ тобой убѣжденія. Къ хорошимъ убѣжденіямъ, моя милая, прежде всего нужно хорошенькую и молоденькую рожицу...

Тутъ ужъ Анна Гавриловна расхохоталась. Колючка умѣла такъ смѣшно злиться и въ такіе моменты договаривалась до абсурдовъ.

— Да, всю жизнь совершенствовались, — не унималась Колючка, останавливаясь у окна. — Вырабатывали твердость характера, учились, а когда достигли совершенства — оказались никому не нужными. Взять того же Петьку... Онъ теперь развиваетъ какихъ-то провинціалочекъ, конечно, молоденькихъ, которыя налетаютъ осенью въ столицы, какъ подёнки на огонь. Такія же будутъ дуры, какъ и мы съ тобой...

— Ну, прибавь еще, позлись...

— Я говорю правду, матушка...

— А если-бы тебѣ предложили начать жить снова, какъ бы ты устроилась?

Колючка задумалась и сквозь слезы прошептала:

— Да опять продѣлала бы то же самое... Ни чужія, ни свои глупости не дѣлаютъ насъ умнѣе. Помнишь, какъ мы

дѣвченками мечтали создать совершенно другую породу людей, какъ мечтала объ этомъ великая русская царица Екатерина II? Ахъ, какія глупыя, какія глупыя мы были..

— И нисколько не глупыя... Я и теперь то же самое думаю,—спокойно возражала Анна Гавриловна.—У меня радостно бьется сердце каждый разъ, когда вижу учащуюся дѣвушку. Что можетъ быть лучше? Какія онѣ всѣ милыя, хорошія...

— Очень милыя... Ты видала, какъ мухи ползаютъ по стеклу? Черезъ стекло-то все видно—и небо, и землю, и вольную волюшку, а онѣ, бѣдныя мушки, только и могутъ, что ползать по стеклу. Такъ и мы съ тобой всю жизнь проползали, да и послѣ насъ такъ же будутъ ползать...

— Бываетъ и такъ, конечно, но не всегда. Ты ужъ слишкомъ любишь обобщать...

Колючка разнервничалась до того, что съ ней сдѣлалась истерика, и Аннѣ Гавриловнѣ пришлось долго ее успокаивать.

— Не буду... не буду..—шептала Колючка, съ трудомъ глотая холодную воду.—Никому это не нужно...

Вадимъ лежалъ на диванѣ въ своей комнатѣ и мучился. Онъ слышалъ все, что говорилъ Арбузовъ, а потомъ Колючка. Его мучила чисто ребячья мысль, что о немъ совсѣмъ забыли. А съ другой стороны, какіе глупые эти русскіе люди, которые такъ хвастаются своимъ добродушіемъ и широкой натурой. Нечего сказать, хороши, особенно этотъ милѣйшій докторъ Петръ Васильичъ...

Когда Анна Гавриловна проводила, наконецъ, Колючку и вошла въ комнату Вадима, мальчикъ лежалъ на диванѣ, отвернувшись лицомъ къ стѣнѣ, и плакалъ. Съ нимъ тоже была истерика. Анна Гавриловна привыкла къ такимъ припадкамъ, спокойно сѣла на диванъ и положила свою руку на вздрагивавшее отъ подавленныхъ рыданій плечо сына.

— Я, мама, все слышалъ...—шепталъ Вадимъ,—это было въ первый разъ, что онъ такъ назвалъ мать.—Да, слышалъ... и мнѣ сдѣлалось такъ жаль тебя... и Колючку... и всѣхъ хорошихъ русскихъ женщинъ... Ахъ, если бы я былъ здоровъ!.. А какъ это хорошо сказала Колючка про мухъ... Помнишь, я тебя дразнилъ: „въ одно мѣсто, къ одному человѣку, по одному дѣлу“, какъ ты привыкла говорить... Больше не буду, мама...

— Все это прошло, милый мальчикъ,—со вздохомъ отвѣтила Анна Гавриловна.—Некуда больше идти...

Когда она, успокоивъ сына, хотѣла выйти на цыпочкахъ изъ комнаты, онъ удержалъ ее за руку, заставилъ нагнуться и, крѣпко обнявъ за шею, прошепталъ:

— Я знаю, *кто* это приходилъ... и мнѣ такъ жаль тебя, такую хорошую, любящую, честную...

Д. Маминъ-Сибирякъ.

ЭЛИНОРЪ.

Романъ Гемфри Уордъ.

(Переводъ съ англійскаго В. Кардо-Сысоевой).

XVII.

День становился все жарче. Элиноръ видимо страдала, хотя воздухъ, не смотря на зной, оставался чистымъ и свѣжимъ, и Льюси, сидѣвшей подъ навѣсомъ широкой террасы, эта палящая жара и ослѣпительный солнечный блескъ доставляли одно физическое наслажденіе.

По окончаніи завтрака Льюси опять усѣлась на внѣшней стѣнѣ „loggia“, откуда была видна дорога къ монастырю, и вдругъ замѣтила какую-то фигуру, поднимавшуюся въ гору.

— Отецъ Бенеке!—воскликнула она, обращаясь къ Элиноръ.—Какъ трудно ему, должно быть, взбираться по такой жарѣ! Кажется, онъ ходилъ въ Сальвепенденте? Несчастный старикъ! какой у него измученный видъ! И ко всему еще тащитъ тяжелый узелъ!

Отойдя въ сторону, чтобы быть не замѣченной, она стала наблюдать за патеромъ. Въ эту минуту онъ остановился въ тѣни, чтобы передохнуть отъ длиннаго подъема. Положивъ на камень свой узелъ, онъ вынулъ цвѣтной носовой платокъ, съ глубокимъ вдохомъ вытеръ съ лица выступившій потъ и оглянулся кругомъ. Недалеко отъ него была маленькая часовенька съ обычной аляповатой фреской и изображеніемъ сидящей на тронѣ Мадонны за рѣшеткой. Патеръ направился къ этой часовенькѣ и опустился на колѣни передъ образомъ Св. Дѣвы.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся и поднялъ свой узелъ. Когда онъ вошелъ въ ворота монастыря, Льюси замѣтила, какъ онъ сталъ нервно оглядываться по сторонамъ. Но былъ часъ сіэсты, и его утреннихъ враговъ не было видно.

Въ узлѣ, который развязался, было какое-то одѣяніе.

— Бѣдный отецъ Бенеке!—сказала она Элиноръ.—Неужели онъ не могъ найти мальчика, который донесъ бы ему его вещи!.. Какъ мнѣ хочется предложить ему отдохнуть и напоить его кофе! Не послать ли намъ Цекко пригласить его сюда?

Элиноръ отрицательно покачала головой.

— Лучше не посылать. Онъ все равно не пойдетъ. Его нужно приручать, какъ птицу.

Время шло. Лучи съ запада стали прокрадываться на террасу. Пустыя кельи на восточный сторонѣ начинали наполняться прохладой; но онѣ выходили окнами на монастырскій дворъ, гдѣ играли дѣти и вообще кипѣла фермерская жизнь, и не представляли удобствъ для спокойствія Элиноръ, которая избѣгала шума и всякихъ зрителей. Она замѣтно чувствовала себя все болѣе и болѣе утомленной отъ дневного жара. Льюси предложила ей пройтись въ лѣсъ.

Онѣ пересѣкли раскаленную солнцемъ дорогу и по маленькой тропинкѣ, которая вела внизъ черезъ густую чащу вересковъ и арбутуса, углублялись, какъ казалось, въ самыя нѣдра лѣсовъ. Но вдругъ очутились передъ маленькой калиткой и за ней увидали широкую, содержимую въ порядкѣ, дорожку, которая шла зигзагами по склону лѣсистаго холма.

— Это, должно быть, частное владѣніе,—сказала Элиноръ, поглядывая въ нерѣшительности на калитку.—А тамъ вотъ, видите, и само „Palazzo Guerrini“.

Она указала на вершину холма, гдѣ дѣйствительно виднѣлось громадное желтое строеніе, къ которому снизу поднимались густые лѣса и вверху обступали его со всѣхъ сторонъ.

— Но это не должно насъ останавливать,—сказала Льюси.— Если и частное владѣніе, то не прогонятъ же насъ отсюда. Я не могу допустить, чтобы вы возвращались по солнцу.—И она пошла впередъ, выбирая тѣнистый уголокъ, гдѣ бы можно было отдохнуть.

Вдругъ она вскрикнула отъ удивленія и остановилась: передъ ней неожиданно развернулась изумительно прелестная картина.

— Я знаю теперь!—воскликнула Льюси.—Женщина въ монастырѣ пробовала растолковать мнѣ, но я никакъ не могла понять ее. Она говорила мнѣ, что мы должны посмотрѣть „Sassetto“, что это настоящее чудо, и что тамъ необыкновенно прохладно!

Съ самой вершины горы, вѣроятно еще въ незапамятныя времена, до появленія на землѣ человѣка, гигантской силой какого-нибудь первобытнаго сотрясенія былъ низвергнутъ потокъ лавы изъ расплавленныхъ скалъ къ самому ложу Пами. Потокъ этотъ сохранился и до сихъ поръ въ видѣ

каменнаго каскада изъ громадныхъ базальтовыхъ скалъ, футовъ двѣсти въ ширину, и пересѣкалъ весь лѣсъ отъ самой вершины до подошвы холма.

Мрачный и суровый видъ носила бы эта каменная рѣка, если бы не Италія и не силы итальянской почвы. Лѣса съ прелестными чащами, кустарниками, ползучими растеніями, папоротниками и барвинками поросли по застывшей лавѣ, покрыли и скрасили собою ея дикія формы; появились дубы и сосны между базальтовыхъ глыбъ и унизали всѣ щели и трещины свѣтлой и перистой зеленью. Такимъ образомъ, все, что нѣкогда нагоняло страхъ въ этомъ лѣсномъ полумракѣ, теперь манило къ себѣ мягкостью и извѣстной граціей: природа превратила свою причуду въ поэтическій уголокъ.

Во всемъ Sassetto царила пріятная прохлада, какое-то смѣшанное дыханіе лѣса и горъ. Та ровная дорожка, по которой шли Льюси и Элиноръ, извивалась между оригинальными скалистыми массами и видимо была проложена цѣною большихъ усилій и денегъ. Вскорѣ начали попадаться часто разставленныя скамьи изъ сѣраго камня, которыя указывали направленіе дороги.

— Мы непремѣнно должны здѣсь посидѣть!—воскликнула Льюси въ восхищеніи.—Дайте, я разстелю для васъ плэдъ... вотъ здѣсь въ виду рѣки!

Онѣ обогнули дорожку, и въ то время, какъ одна любовалась голубой далью по направленію Орвіето, другая увидѣла отца Бенеке, который поднимался съ ближайшей скамейки. Отъ неожиданно торопливаго возгласа Элиноръ дрожь пробѣжала по членамъ Льюси.

Патеръ стоялъ передъ ними съ видомъ нерѣшительности и смущенія. Яркая краска горѣла на его впалыхъ щекахъ. Льюси замѣтила, что на немъ уже не было священническаго одѣянія; онъ былъ въ платьѣ изъ сѣраго альпага, и легкая соломенная шляпа съ черной широкой лентой покрывала его голову. Нѣкоторое время обѣ лэди почти боялись заговорить съ нимъ.

Льюси первая выступила впередъ. Ея щеки пылали, какъ зарево, глаза были влажны и сверкали.

— Какъ поживаете, отецъ Бенеке?.. Вы, можетъ быть, забыли меня; но я была представлена вамъ, когда мы завтракали вмѣстѣ,—помните, на Авентинѣ?

Патеръ взялъ протянутую ему руку и взглянулъ на Льюси съ удивленіемъ.

— Да, я помню, вы были съ миссъ Мэнистей.

— Зачѣмъ вы не позвали меня сегодня утромъ!—воскликнула дѣвушка.—Я помогла бы вамъ подняться въ гору съ

вашимъ узломъ. Онъ былъ слишкомъ тяжелъ для васъ въ такую жару.

Лицо ея выражало нѣжное и горячее участіе: то былъ протестъ юности противъ несправедливаго забвенія и оскорбленія старика. При видѣ возбужденія всегда чопорной, сдержанной Льюси, Элиноръ была удивлена не менѣе отца Бенеке.

Патеръ сдѣлалъ надъ собою усиліе, чтобы сохранить спокойствіе, и улыбнулся, принимая обратно свою руку.

— Вамъ показался бы этотъ путь очень долгимъ, синьорина! Я пробовалъ найти мальчика въ Сельвапенденте, но никто не пожелалъ оказать мнѣ услугу.

Онъ замолчалъ. Затѣмъ, опустивъ въ землю глаза, съ какимъ-то страстнымъ отвращеніемъ добавилъ:

— Я отрѣшенъ отъ должности священника... Орвіетскій епископъ сообщилъ объ этомъ фактѣ своему духовенству. Новость скоро стала извѣстна всему департаменту, и теперь народъ, кажется, ненавидитъ меня. Они не хотятъ ничего для меня сдѣлать. Болѣе того: если бы только могли, они охотно наносили бы мнѣ ежедневно оскорбленія.

Краска исчезла съ его старческихъ щекъ. Онъ стоялъ передъ лэди съ обнаженной головой, и его нѣжное лицо, обрамленное густыми бѣлыми кудрями, точно изваяніе изъ слоновой кости, выдѣлялось на темной зелени „Sassetto“.

— Отецъ мой, присядьте и разскажите намъ все, что случилось къ вами?—привѣтливо проговорила Элиноръ.— Вѣдь тогда на виллѣ, помните, вы ничего не имѣли противъ моего присутствія.

Патеръ вздохнулъ. Онъ колебался.

— Ужъ не знаю, сударыня, зачѣмъ мнѣ безпокоить васъ своей жалкой исторіей?

— Это не будетъ безпокойствомъ. Къ тому же я кое-что уже знаю.

Она указала на скамью, на которой онъ только что сидѣлъ,

— А я пойду за книгой, которую забыла въ „loggia“,— сказала Льюси.—Отецъ Бенеке, миссисъ Бургоинъ не особенно здорова; она прошлась болѣе чѣмъ достаточно. Не уговорите ли ее посидѣть, пока я вернусь?

Она смотрѣла на него добрыми, молящими глазами. Участіе и привѣтъ обѣихъ женщинъ произвели свое дѣйствіе на старика. Лицо его нѣсколько прояснилось.

Льюси торопливо спускалась по извилистой тропинкѣ. Она горѣла гнѣвомъ и состраданіемъ: эти надломленныя силы, эта поруганная старость—развѣ не ясное доказательство могущества той традиціи, за которую ратовалъ Мэнистей,—могущества безжалостнаго, тиранническаго!

И за что такая кара? за „умѣренно-либеральную“ книгу, за

„частицу истины"! Она, какъ сейчасъ, слышала ироническій голосъ Мэнистея, когда они ѣхали въ Нэми. Если бы онъ видѣлъ теперь своего стараго друга, сталъ ли бы онъ все еще оправдывать, защищать? И мысленно она вошла съ нимъ въ горячее состязаніе...

Между тѣмъ сдержанность отца Бенеке постепенно исчезала. Долгимъ смущеннымъ взглядомъ онъ посмотрѣлъ на Элиноръ и, наконецъ, произнесъ:

— Сударыня, вы видите передъ собой человѣка съ разбитой душой!

Тутъ онъ остановился и съ грустью опустилъ глаза. Элиноръ поспѣшила сказать ему нѣсколько ободряющихъ словъ. Онъ овладѣлъ собою и продолжалъ:

— Вы помните, что мое письмо было отправлено въ „Osservatore Romano" послѣ того, какъ мнѣ было дано ручательство, что опубликуютъ только самый фактъ моего отреченія, т. е. ту простую формулу, которой сопровождалось мое желаніе взять обратно изъ Index'а помѣщенную туда книгу. Появилось мое письмо, и сразу все раскрылось. Я не могу растолковать вамъ, но со мною произошло то же, что со Св. Павломъ: „Placuit Domino ut revelart filium suum in me!" Душа моя возмутилась: „Ты предалъ истину!—сказала она.—„Tradidisti Sanctum et Iustum". Послѣ того, какъ я разстался съ вами, я написалъ, что беру обратно и свое письмо, и свое отреченіе, и копію съ послѣдняго заявленія отправилъ въ одну изъ либеральныхъ газетъ. Сердце мое было отравлено, я укорялъ себя. Одинъ изъ кардиналовъ обошелся со мною съ большой добротой. Я написалъ ему, я пробовалъ объяснить, что я сдѣлалъ. Я писалъ потомъ и другимъ въ Ватиканѣ, жалуясь на то, какъ со мной поступили. Но никакого отвѣта, рѣшительно никакого! Все безмолвствовало, какъ будто я уже умеръ. Я попробовалъ повидать своихъ прежнихъ друзей. Никто не принялъ меня. Всѣ гнали меня отъ своихъ дверей... Я оставилъ Римъ. Вы понимаете, сударыня, что должно было послѣдовать: факультетъ долженъ былъ отставить меня отъ должности профессора теологіи, потому что подчиняется епископу, а епископы Святѣйшему Престолу!... Я вспомнилъ про этотъ уголокъ, оставилъ въ Римѣ свой адресъ, пріѣхалъ сюда и сталъ ждать. Ахъ, не долго пришлось ждать этого!

Онъ выпрямился и горько улыбнулся.

— Два дня спустя послѣ моего пріѣзда сюда, я получилъ одновременно два письма: одно отъ моего епископа, другое отъ теологическаго факультета; оба отрѣшали меня отъ пастырскихъ и академическихъ обязанностей. Со слѣдующей

почтой прибыло и распоряженіе отъ епископа здѣшней епархіи, воспрещающее мнѣ совершать таинства.

Онъ замолчалъ. Пересказъ его дѣла вызвалъ въ немъ уже пережитыя было волненія и душевныя муки. Элиноръ прошептала ему нѣсколько словъ участія. Онъ посмотрѣлъ на нее съ горячей благодарностью.

— Я ожидалъ этого, сударыня,—сказалъ онъ,—но когда все совершилось на самомъ дѣлѣ, я былъ ошеломленъ, пришибленъ къ землѣ... Еще черезъ нѣсколько дней я получилъ анонимное письмо, — полагаю, изъ Орвіэто,—въ которомъ мнѣ напоминали, что патеръ, отрѣшенный отъ должности, не имѣетъ права носить рясу. „Пускай измѣнникъ,—говорилось въ письмѣ,—сложитъ съ себя то одѣяніе, которое онъ опозорилъ, пускай, по крайней мѣрѣ, въ немъ найдется столько благопристойности, чтобы это сдѣлать“. Въ своемъ волненіи я совершенно забылъ объ этой необходимости. Я написалъ въ Римъ, чтобы выслали мнѣ платье.

Глаза Элиноръ наполнились слезами. Она представила себѣ одинокаго старика взбирающимся на пыльную гору подъ тяжестью непріятной ноши. Съ какимъ-то замѣшательствомъ оглядывалъ онъ себя въ новой одеждѣ.

— И за что же?—тихо прошепталъ онъ, какъ бы про себя,—за то, что я сказалъ истину, которую признаетъ каждый образованный человѣкъ въ Европѣ.

— Отецъ мой,—сказала Элиноръ, горячо желавшая найти хоть какое-нибудь слово утѣшенія,—вы страшно много выстрадали, будете и еще страдать,—но вѣдь все это ради другихъ...

Онъ покачалъ головой.

— Сударыня, передъ вами человѣкъ, томимый голодомъ и жаждой! Онъ не можетъ обманывать себя красивыми словами. Онъ умираетъ отъ этого голода.

Она не поняла его.

— Въ теченіе сорока двухъ лѣтъ,—произнесъ онъ тихимъ патетическимъ голосомъ,—встрѣчалъ я своего Господа изо дня въ день, безпрерывно. А теперь „унесли Господа моего и не знаю, гдѣ положили Его“.

Сколько печали было при этомъ въ его тонѣ и взглядѣ! Элиноръ поняла. Она и раньше встрѣчала душевное томленіе этого рода. Ей вспомнился монастырь въ Римѣ, гдѣ монахи въ дни Великой Пятницы прямо заболѣваютъ отъ безпокойства вслѣдствіе того, что Св. Дары въ теченіе двадцати четырехъ часовъ отсутствуютъ на алтарѣ.

Подъ вліяніемъ ея сочувственнаго и благоговѣйнаго молчанія онъ мало-по-малу оправился. Съ большой деликатностью, съ большимъ выборомъ словъ она пробовала ободрить его, упирая на сходство его судьбы съ судьбою всѣхъ

мучениковъ міра и указывая на помощь и поддержку новыхъ друзей, которые, безъ сомнѣнія, скоро замѣнятъ ему старыхъ. И по мѣрѣ того, какъ она говорила, въ душѣ ея загоралась страшная зависть къ нему и непреоборимое желаніе броситься къ его ногамъ и открыть ему свое собственное сокрушенное сердце.

Онъ—мученикъ идеи, терзается утратой общенія съ христіанскимъ міромъ; она—горитъ страстью, готовой питаться мукой любимаго человѣка или ни въ чемъ неповинной дѣвушки, потому что ей отказано въ личномъ эгоистическомъ удовлетвореніи!

Одну минуту она считала себя даже недостойной дышать съ нимъ однимъ воздухомъ. Блѣдная, съ мрачнымъ выраженіемъ глазъ, она пристально смотрѣла на него, прижимая руку къ груди, какъ бы изъ страха, чтобы онъ не услышалъ усиленнаго біенія ея сердца.

Но вотъ рука ея опустилась, внутреннее волненіе улеглось, и въ ту же минуту послышался звукъ приближающихся шаговъ.

Изъ-за отдаленнаго поворота тропинки показались двѣ лэди, направлявшіяся къ нимъ. Обѣ онѣ были одѣты въ глубокій трауръ. Шедшая впереди женщина была преклонныхъ лѣтъ, но крѣпкаго сложенія. Ея сѣдые волосы поднимались въ видѣ короны изъ-подъ простого чернаго чепца, обрамляя широкій, замѣчательно умный лобъ. Черные глаза и, вообще, всѣ черты дышали энергіей и вмѣстѣ добротой. Она была очень блѣдна и выраженіе ея лица говорило о преобладающей грусти. Она шла одиноко, опережая на нѣсколько шаговъ свою спутницу. Элиноръ замѣтила, что рука, которою она подбирала шлейфъ своего чернаго платья, была безъ перчатки,—явное пренебреженіе къ внѣшности. Позади нея шла лэди, болѣзненная и сухощавая, особа лѣтъ тридцати, очень тонкая и очень высокая.

Когда онѣ проходили мимо Элиноръ и Бенеке, старшая изъ дамъ бросила пристальный взглядъ на чужестранцевъ, и въ ея испытующемъ взорѣ сказалось нѣчто повелительное. Младшая лэди прослѣдовала, опустивъ въ землю глаза.

Элиноръ и отецъ Бенеке хранили молчаніе, пока дамы не скрылись изъ виду. Но едва Элиноръ возобновила разговоръ, какъ услыхала, что къ ней обращается кто-то на французскомъ языкѣ.

Она съ удивленіемъ подняла глаза и увидала, что передъ ней стоитъ старая лэди.

— Сударыня, позвольте къ вамъ обратиться?—сказала она.

Элиноръ отвѣтила поклономъ.

— Вы помѣстились въ „Santa Trinità“?

— Да, сударыня, мы пріѣхали туда вчера.

Взглядъ графини, острота котораго смягчалась вѣжливостью, не могъ не подмѣтить той утонченности, которою отличалась какъ сама Элиноръ, такъ и ея туалетъ.

— Я боюсь, сударыня, что вы помѣстились крайне неудобно. Тамъ не привыкли къ англійскимъ лэди. Я живу здѣсь со своею дочерью. Если мы можемъ чѣмъ-нибудь служить вамъ, пожалуйста, распоряжайтесь нами.

Элиноръ не ощущала ничего, кромѣ досадливаго нетерпѣнія: неужели даже въ этомъ отдаленномъ уголкѣ онѣ не могутъ быть предоставлены самимъ себѣ?

— Вы очень добры, сударыня,—тѣмъ не менѣе отвѣчала она со своей обычной граціей.—Я полагаю, что говорю съ графиней Guerrini, не правда-ли?—Младшая лэди сдѣлала утвердительный знакъ.—Мы привезли съ собою кое-что изъ Орвіэто и пробудемъ здѣсь нѣсколько недѣль. Мнѣ кажется, у насъ есть все необходимое. Я очень благодарна за вашу любезность и вниманіе.

Въ манерѣ ея, однако, не чувствовалось большой признательности. Слова ея не были, пожалуй, даже соотвѣтствующимъ отвѣтомъ. Графиня поняла. Она поговорила еще нѣсколько минутъ, дала нѣкоторыя указанія относительно наилучшихъ тропинокъ и points de vue, особенно отмѣтила поѣздку за Сельвапенденте, раскланялась и удалилась.

Свой поклонъ она, однако, не распространила на патера. Но онъ этого не замѣтилъ. Пока лэди бесѣдовали между собою, онъ стоялъ въ сторонѣ, придерживая кончиками пальцевъ свою шляпу, которая, повидимому, жгла ему руки, и взглядъ его, полный смутной тревоги, былъ сосредоточенъ на какомъ-то внутреннемъ созерцаніи.

Прошло три недѣли. Элиноръ ничего не говорила о дальнѣйшемъ путешествіи. Въ теченіе нѣсколькихъ дней она находилась въ какомъ-то особомъ волненіи и вздрагивала при малѣйшемъ шумѣ. Наконецъ, какъ показалось Льюси, она положилась на скромность отца Бенеке, чему отчасти содѣйствовали и сознаніе собственной физической слабости, и печальная потребность въ отдыхѣ.

Теперь, когда уже миновали первые дни іюля, онѣ, разумѣется, рисковали меньше, чѣмъ прежде. Мэнистей, очевидно, забылъ про Torre Amiata, и, вѣроятно, покинулъ Ита-

лію. Съ каждымъ днемъ Элиноръ всѣ болѣе убѣждалась, что онѣ въ безопасности.

Что касается жары, то солнце продолжало царить во всей силѣ въ этой центральной части Италіи, хотя на высокомъ плоскогорьи Torre Amiata температура рѣдко бывала удручающей. Льюси узнала отъ своего друга карабинера, что въ долинѣ и южныхъ областяхъ Больсены господствуетъ малярія, а на ихъ плоскогорьѣ распространяется между рабочими пневмонія, которая вызывается ежедневными переходами ихъ изъ накаленной солнцемъ мѣстности внизу къ рѣзкой ночной прохладѣ на вершинахъ.

Хотя жара не была изнурительной, тѣмъ не менѣе Элиноръ становилось все хуже, она блѣднѣла и слабѣла. Льюси ухаживала за ней съ постоянно возраставшей тревогой. Наконецъ, она не вытерпѣла и стала настаивать на отъѣздѣ и необходимости измѣнить ихъ первоначальный планъ. Было безуміемъ оставаться на югѣ. Почему не отправиться въ Швейцарію или Тироль?

Элиноръ покачала головой.

— Не могу я оставить васъ здѣсь! — воскликнула Льюси съ отчаяніемъ. И подойдя ближе, она опустилась на свое любимое мѣсто на полу loggia и положила голову на руки Элиноръ.—Вамъ слѣдуетъ вернуться домой,—сказала она тихимъ, убѣдительнымъ тономъ, ласково поглаживая руку Элиноръ.—Меня отошлите къ дядѣ Бэну. Я могу вернуться во всякое время. Вамъ же надо быть въ Шотландіи. Позвольте мнѣ написать миссъ Мэнистей!

Элиноръ закрыла ей ротъ рукой.

— Вы забыли свое обѣщаніе!—сказала она со своей обычной улыбкой.

— Но я не могу допустить, чтобы вы подвергались риску. Съ моей стороны это... это... невеликодушно.

— Я рѣшительно ничѣмъ не рискую. Я чувствую себя здѣсь такъ же хорошо, какъ чувствовала бы въ другомъ мѣстѣ. Орвіэтскій докторъ не имѣлъ ничего противъ моего пребыванія здѣсь, по крайней мѣрѣ, на мѣсяцъ.

— Отправьте меня домой, — снова прошептала Льюси, нѣжно цѣлуя ей руку.—Я совершенно не знаю, зачѣмъ я вообще пріѣхала.

Элиноръ вздрогнула. Губы ея сжались, и вокругъ нихъ образовалось горькая складка.

— Дайте мнѣ провести здѣсь назначенныя шесть недѣль. Все, что мнѣ нужно,—это ваше общество и спокойствіе.—И она жалобно протянула обѣ руки, которыя Льюси поспѣшила крѣпко сжать въ своихъ.

Элиноръ покорила, но не убѣдила ее.

— Если бы со мной, дѣйствительно, случилось что-нибудь, я увѣрена, что вы могли бы прибѣгнуть къ помощи старой графини. У нея лицо матери Израиля.

— Здѣшніе жители, кажется, у нея въ рукахъ,—сказала Льюси, поднимаясь.—Она устраиваетъ большую часть ихъ дѣлъ... Но бѣдная, бѣдная старушка! Видѣли вы сегодняшній номеръ „Tribuna“?

Голосъ дѣвушки понизился, какъ будто предметъ, котораго она коснулась, былъ тяжелой темой для разговора.

Въ глазахъ Элиноръ блеснуло участіе. Въ утреннемъ номерѣ „Tribuna“, которую имъ ежедневно приносилъ почтальонъ, было помѣщено описаніе погребенія—по прошествіи трехъ мѣсяцевъ послѣ событія—останковъ воиновъ, погибшихъ въ Адовской рѣзнѣ 1-го марта. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ тысячи труповъ убитыхъ итальянцевъ были жертвами африканскаго солнца и хищныхъ птицъ, прежде чѣмъ Италія получила отъ своего побѣдоноснаго врага разрѣшеніе отдать послѣднія почести воинамъ. На полѣ битвы могли бѣлѣть и кости юнаго графа, кумира матери, который, вообще, оставилъ по себѣ память необыкновенно энергичнаго и добраго человѣка. Одна мысль о такой возможности уже была невыносимой.

Льюси сошла внизъ, чтобы распорядиться по хозяйству. Около десяти часовъ утра у наружныхъ дверей постучался почтальонъ изъ Сельвапенденте, и Мари принесла письма.

Четыре или пять писемъ было для Льюси, которая не скрыла отъ дяди Бэна своего адреса, но попросила его держать нѣкоторое время ея адресъ въ секретѣ. Вслѣдствіе этого, онъ отправилъ прямо отъ себя письма, которыя теперь и лежали на столѣ. Тутъ же, около нихъ лежали и письма, приготовленныя Льюси для отправки. Почтальонъ, разносившій почту по деревнѣ, долженъ былъ вернуться и захватить ея корреспонденцію.

Когда Мари удалилась, Элиноръ быстро вскочила съ дивана и, съ пылавшимъ лицомъ и дикимъ выраженіемъ глазъ, принялась разсматривать письма Льюси.

Нѣтъ-ли тутъ опасности? Нѣтъ-ли у Льюси тайныхъ замысловъ, не обманываетъ-ли она ее? Всѣ письма были въ Америку, за исключеніемъ одного, адрессованнаго въ Парижъ—вѣроятно, съ заказомъ какому-нибудь торговцу. Но Льюси ничего не говорила, и это письмо вызвало въ душѣ Элиноръ безумное подозрѣніе, которое она не въ силахъ была подавить.

— Боже мой! Этого только не доставало! Я перестаю походить на лэди,—сказала она, стискивая зубы, и, отойдя отъ стола, стала ходить по террасѣ.

Но когда вернулась Льюси, Элиноръ различными путями всетаки сумѣла вывѣдать отъ нея назначеніе всѣхъ писемъ. Послѣ этой провѣрки ею овладѣло мучительное угрызеніе совѣсти, и все остальное утро она была самой нѣжной товаркой и обворожительной собесѣдницей.

По обыкновенію онѣ никогда не говорили о Мэнистеѣ. Во всемъ обращеніи Льюси сказывалось сознаніе, что она невольно причинила неудовольствіе Элинорѣ, и что она въ Torre Amiata именно затѣмъ, чтобы исправить все прошлое, вообще, вся къ услугамъ Элинорѣ.

О себѣ самой Льюси не позволяла ничего говорить. За ея нѣжностью Элиноръ угадывала лишь естественную и непреодолимую гордость; дальше этого миссисъ Бургоинъ проникнуть не могла.

XVIII.

Элиноръ находила для себя нѣкоторое развлеченіе въ бесѣдахъ съ отцомъ Бенеке.

Бѣдному патеру постепенно возвращалось его обычное спокойствіе. Обѣ лэди явились для него великой поддержкой. Онѣ пріобрѣли популярность въ деревнѣ, гдѣ за различныя услуги сорили деньгами гораздо щедрѣе, чѣмъ всѣ предшествовавшіе имъ гости, не исключая даже самихъ „Sindaco“ изъ Сельвапенденте. Онѣ являлись, однако, и невинной причиной нѣкотораго зла. Орвіэтскій докторъ предписалъ Элинорѣ пить козье молоко. Джентльмэнъ, который принялъ отъ фермерши заказъ на молоко, положительно рисковалъ жизнью, такъ какъ на него черезчуръ косо смотрѣли два другіе джентльмэна, которымъ не посчастливилось стать поставщиками. Но въ общемъ лэди всетаки вносили благоденствіе, и населеніе привѣтствовало ихъ улыбками. Когда стало извѣстно, что онѣ знакомы съ таинственнымъ священникомъ и неуклонно намѣрены поддерживать съ нимъ дружбу, въ деревнѣ завязалась борьба партій. Въ данный моментъ господствовали клерикалы, которые, хотя и признавали отца Бенеке измѣнникомъ и еретикомъ, но въ то же время не могли открыто нападать на друга щедрыхъ лэди, изъ опасенія, какъ бы не выгнать ихъ самихъ изъ Torre Amiata. Иное поведеніе съ ихъ стороны было бы прямо безразсуднымъ вызовомъ доброму провидѣнію. Даже дѣти, и тѣ понимали положеніе вещей, и отецъ Бенеке могъ совершать свои прогулки, не подвергаясь прежнимъ оскорбленіямъ. При встрѣчѣ съ нимъ одни только бросали кислые взгляды, а другіе отвертывали свою физіономію.

Между тѣмъ отецъ Бенеке былъ занятъ корректурой для

новаго изданія своей книги. Этотъ пересмотръ собственнаго положенія, если можно такъ выразиться, подѣйствовалъ на него успокоительно. Соприкосновеніе съ массой добросовѣстныхъ и многолѣтнихъ изслѣдованій, итогомъ которыхъ являлась его книга, возвратило ему сознаніе собственнаго достоинства, подняло его изъ бездны униженія, въ которую онъ будто упалъ, и дало ему силы къ дальнѣйшему сопротивленію. Духовныя же лишенія, которыя вызывались его положеніемъ, могли иногда забываться. Бывали, дѣйствительно, моменты, когда душу его жгло точно желѣзомъ... Въ пять часовъ утра, когда начиналъ звонить колоколъ маленькой приходской церкви, старикъ всегда уже былъ въ своемъ уголкѣ около церковныхъ дверей. Крестьяне, при входѣ въ церковь, подозрительно косились на него, но онъ не замѣчалъ ихъ: онъ былъ или весь погруженъ въ то, что совершалось въ алтарѣ, или же мучительно завидовалъ священнодѣйствовавшему патеру,—и въ такія-то минуты испытывалъ всѣ страданія, какія только могъ пожелать ему какой-нибудь „ватиканецъ".

За то, какъ только онъ возвращался къ своимъ книгамъ, на него широкою волной вѣяло новое и странное чувство свободы. Когда онъ впервые писалъ свое философское сочиненіе, которое привело его къ конфликту съ церковью, онъ испытывалъ робость, стѣсненіе. Постоянный страхъ передъ духовной цензурой, постоянное недоумѣніе относительно границъ, допускаемыхъ католицизмомъ—все это держало его въ рабствѣ. Что онъ можетъ сказать? о чемъ слѣдуетъ умолчать?.. Онъ превосходно сознавалъ, что гипотезу нельзя выдать за истину. Но обширное накопленіе біологическихъ фактовъ, съ одной стороны, а съ другой—историческая критика, сдѣлавшаяся достояніемъ научно-развитаго ума,—какъ можно все это втиснуть въ рамки католицизма? Онъ писалъ подъ страхомъ, какъ человѣкъ, бродящій по раскаленнымъ угольямъ. Религія была его жизнью; но въ тоже время онъ обладалъ острымъ умомъ и темпераментомъ уроженца Швабіи. Онъ боялся коллизіи, которая наступила въ концѣ концовъ, но не могъ остановить свой умственный процессъ.

Теперь, съ окончаніемъ послѣдняго акта борьбы, хотя и при тяжелыхъ условіяхъ, но для него наступило чудесное освобожденіе духа. Въ 60 лѣтъ онъ чувствовалъ себя какъ бы новорожденнымъ, нагимъ и слабымъ, но тѣмъ не менѣе имѣющимъ передъ собою какую-то перспективу новой жизни и роста.

Книга его, вмѣсто того, чтобы быть только просмотрѣнной, должна быть совсѣмъ заново написана. Теперь нѣтъ нужды трепетать за каждую фразу. Пускай истина выскажется вполнѣ! Онъ снова погрузился въ свои прежнія из-

слѣдованія, и міръ идей встрѣтилъ его искреннимъ и дружескимъ привѣтомъ. Со всѣхъ сторонъ видѣлся притокъ и сіяніе новаго свѣта,—но какъ далеко онъ долженъ слѣдовать за нимъ и подчиняться, этого еще не сознавала его душа. Въ данный моментъ онъ испытывалъ только какое-то странное и мучительное возбужденіе подъ впечатлѣніемъ сознанія, что подпорки отняты, и стѣны рушились.

Это освобожденіе, однако, привело его къ странному конфликту съ собственнымъ характеромъ. У него былъ темпераментъ аскета и религіознаго мечтателя; умъ же, по своей гибкости и проницательности, имѣлъ много общаго съ умомъ другого уроженца южной Германіи, какъ и отецъ Бенеке, автора „Жизни Іисуса Христа“. Что же касается характера, то онъ являлся продуктомъ темперамента и привычекъ и часто шелъ въ разрѣзъ съ быстрой игрою его ума.

Напримѣръ, въ обыденной жизни онъ былъ строгимъ и самымъ набожнымъ священникомъ, который жилъ одинъ съ своей старой сестрой, такой же молчаливой и набожной, какъ онъ самъ, и почти ничего не зналъ о женщинахъ внѣ своей исповѣдальни. Къ своему удивленію, однако, онъ былъ очень популяренъ, какъ духовникъ, хотя въ общежитіи очень мало зналъ о своихъ духовныхъ дѣтяхъ; они были для него только „душами“, умственными образами, которые онъ изучалъ съ рвеніемъ врача. Маленькая недвижимость, которою онъ располагалъ въ своемъ южномъ германскомъ городкѣ, его университетскія лекціи и работа надъ собственными изслѣдованіями поглощали его совершенно. Отсюда получалась его большая наивность и то, что называется „не отъ міра сего“, но одновременно и крайняя строгость къ себѣ и къ другимъ. Требованія его были очень не велики, чувственныя желанія давно умерли въ его душѣ. Относительно женщинъ онъ испытывалъ чувство страннаго безсознательнаго высокомѣрія, какое является самымъ существеннымъ и основнымъ элементомъ католицизма. Какъ духовный отецъ, онъ проявлялъ въ обращеніи съ ними ту безличную нѣжность, которая составляетъ опять таки особенность католической традиціи; но онъ часто пугалъ ихъ своей несокрушимой твердостью, которая соединялась у него съ участіемъ.

И вотъ, когда онъ столкнулся съ двумя лэди, нарушившими его уединеніе; когда Льюси съ изысканной любезностью стала обнаружиаать передъ нимъ свое благоговѣніе; когда Элиноръ стала приглашать его на кофе и разспрашивать объ его книгѣ и тѣхъ вопросахъ, которыхъ она касалась,—старый патеръ сразу почувствовалъ какое-то удивленіе и смущеніе. Какимъ образомъ могла эта лэди знать о подобныхъ вещахъ? Онъ понималъ, что она могла быть помощ-

ницей мистера Мэнистея; но чтобы она помогала ему въ качествѣ товарища,—это никогда не приходило ему въ голову.

Сперва разсужденія миссисъ Бургоинъ отталкивали его, и онъ отвѣчалъ молчаніемъ. Онъ ощущалъ въ себѣ протестъ мужчины, о которомъ говоритъ Св. Павелъ, и нѣкоторое время старался отстраняться.

При первой встрѣчѣ съ миссисъ Бургоинъ въ Torre Amiata, онъ находился подъ впечатлѣніемъ удара, который сломилъ его обычную сдержанность. На самомъ же дѣлѣ сдержанность была все той же. Элиноръ съ удивленіемъ подмѣтила въ немъ даже нѣкоторыя деспотическія черты на ряду съ изысканной учтивостью. Порой она прямо отчаявалась приручить его когда-нибудь.

Теперь старый священникъ удивлялся и молчалъ, когда Элиноръ совѣтывала ему обнародовать его дѣло въ какомъ-нибудь нѣмецкомъ періодическомъ изданіи; когда нѣсколько сказанныхъ ею мимоходомъ фразъ доказывали ему знакомство этой женщины съ положеніемъ Германіи и германской литературы; когда по нѣкоторымъ ея намекамъ, улыбкамъ и указаніямъ онъ видѣлъ, что она прекрасно знаетъ слабыя мѣста его книги (книга всегда лежала около нея), понимаетъ, что они вызваны уваженіемъ къ авторитету и требованіями цензуры, или, наконецъ, когда она указывала какія нужны исправленія, чтобы книга имѣла успѣхъ въ европейскомъ обществѣ. Мало-по-малу онъ сталъ поддаваться ея вліянію, началъ говорить, спорить, критиковать, приводить аргументы. Умъ его входилъ въ свои права, а характеръ отступалъ. Элиноръ выиграла сраженіе.

Онъ началъ посѣщать ихъ часто. Онъ приносилъ Элиноръ каждую статью, каждое письмо чуть не прямо съ почты, совѣщался съ ней о каждой новой фазѣ въ полемикѣ о немъ лично или объ его книгѣ,—полемикѣ, которая загорѣлась теперь въ нѣкоторыхъ католическихъ кружкахъ и газетахъ. Онъ горячился, порой забывался, становился даже требовательнымъ.

Льюси стала пугаться утомленія, которое вызывали въ Элиноръ эти бесѣды. Для Льюси онъ продолжалъ быть тѣмъ же учтивымъ и отечески добрымъ патеромъ; для Элиноръ, подобно Мэнистею, постепенно превращался въ товарища: ихъ шпаги скрещивались въ равной борьбѣ, и онъ иногда забывалъ даже уваженіе къ ней, какъ къ женщинѣ, подъ вызывающимъ дѣйствіемъ ея критики.

Когда Элиноръ окончательно приручила его, сознаніе этого факта вызвало въ ея душѣ только безграничную боль и пустоту.

— Вотъ это мнѣ всегда удавалось!—тоскливо сказала она

однажды, покидая террасу, гдѣ вмѣстѣ съ отцомъ Бенеке и Льюси только что пила кофе.

Отецъ Бенеке привлекалъ ее къ себѣ не какъ соперникъ и писатель, а какъ патеръ, аскетъ и христіанинъ.

Терзаемая страстью и разными опасеніями, она угадывала въ немъ руководителя, испытывала къ нему то чувство, которое такъ часто питаютъ женщины къ священнику, какъ къ таинственному существу. Она видѣла въ немъ олицетвореніе совѣсти, нравственнаго судью, который равнодушенъ къ ней, какъ къ женщинѣ, и видитъ въ ней только душу. Это всегда привлекаетъ и привлекало женщину искони вѣковъ. Ея потребность въ руководительствѣ и подчиненіи обусловливается отчасти этимъ тайнымъ и гордымъ сознаніемъ, что въ ней видятъ не только человѣка, но и безсмертный духъ. Подъ вліяніемъ мучительной ревности и злой воли, Элиноръ искала помощи, которой ищетъ слабый и одинокій человѣкъ. Покаяться, выслушать надъ собою судъ, быть направленной на истинный путь—вотъ чего непрестанно жаждала ея душа, даже въ то время, когда она бесѣдовала съ отцомъ Бенеке, напр., объ еврейскомъ вліяніи въ Баваріи или о послѣднемъ номерѣ „Civilita Cattolica“.

Однажды вечеромъ, въ началѣ іюля, Элиноръ и Льюси были застигнуты въ лѣсу грозовымъ ливнемъ и сильнымъ вѣтромъ. Температура вдругъ понизилась и, когда онѣ поднимались въ гору по направленію къ монастырю, Элиноръ въ своемъ легкомъ бѣломъ платьѣ сильно прозябла.

Результатомъ этой прогулки явилась простуда и лихорадка. Льюси и Мари ухаживали за ней, какъ только могли; но силы ея, повидимому, быстро падали, и былъ одинъ вечеръ, когда молодой дѣвушкой овладѣло мучительное безпокойство: не пригласить-ли мѣстнаго врача?

Муниципалитетъ Сельвапенденте платилъ этому врачу восемьдесять фунтовъ въ годъ, и хотя онъ пользовалъ всю общину Torre Amiata, но не былъ любимъ населеніемъ. Внѣшній видъ его тоже не былъ привлекателенъ, и Льюси сомнѣвалась, удастся ли ей убѣдить Элиноръ принять его.

Но вдругъ ее осѣнила мысль, и, не посовѣтовавшись съ миссисъ Бургоинъ, она отправилась въ палаццо графини Guerrini. Но послѣдней не было дома, и Льюси пришлось оставить ей записку, въ которой она спрашивала: можно-ли найти доктора въ Сельвапенденте или нужно послать въ Орвіэто?

Не успѣла она вернуться домой, какъ уже послѣдовалъ отвѣтъ графини, которая крайне сожалѣла, что миссъ Фостеръ не застала ее дома. Въ Сельвапеденте есть хорошій врачъ, и графиня съ величайшимъ удовольствіемъ пошлетъ за нимъ верхового. Въ деревнѣ имѣется прекрасная аптека. Она очень огорчена нездоровьемъ madame и почти увѣрена, что, при болѣзненномъ состояніи миссисъ Бургоинъ, лэди будутъ чувствовать себя очень неудобно въ Torre Amiata. Въ заключеніе графиня освѣдомлялась, не готово ли у миссъ Фостеръ письмо къ доктору; въ такомъ случаѣ посланный отправится съ нимъ немедленно.

Льюси была искренно признательна и втайнѣ нѣсколько удивлена. Она вынуждена была разсказать все Элиноръ. Послѣдняя пришла въ нѣкоторое смущеніе; но, чувствуя себя слишкомъ нехорошо, не въ силахъ была протестовать.

Докторъ пріѣхалъ и оказался очень свѣдущимъ. Лихорадка была прервана, и Элиноръ стала скоро поправляться. Между тѣмъ, изъ палаццо ежедневно присылались цвѣты, фрукты и различныя тонкія лакомства, а сама графиня дважды подъѣзжала въ своей маленькой викторіи къ дверямъ монастыря справляться о здоровьѣ больной. За оба эти раза графиня произвела на Льюси впечатлѣніе доброй, полной достоинства и нѣсколько властной женщины, угнетенной недавнимъ горемъ, но тѣмъ не менѣе живо проникнутой, по старой барской привычкѣ, сознаніемъ правъ каждаго иностранца на покровительство мѣстныхъ грандовъ. Ее, казалось, особенно привлекало то обстоятельство, что Льюси—американка, а Элиноръ—уроженка Англіи.

— Я дважды посѣтила Англію,—сообщила она на вполнѣ правильномъ, хотя немного грубоватомъ англійскомъ языкѣ.— Мужъ мой научился тамъ многому по части сельскаго хозяйства... Но меня удивляетъ, миссъ Фостеръ, что вы пріѣхали къ намъ въ такое время года!

Льюси засмѣялась и покраснѣла. Она сказала, что пріятно повидать Италію, когда нѣтъ въ ней иностранцевъ,—это все равно, что застать птицу въ гнѣздѣ. Но говоря это, она замялась, и графиня замѣтила ея замѣшательство.

Когда Элиноръ настолько поправилась, что была въ состояніи выходить, за ней былъ присланъ экипажъ, и обѣ лэди не нашли возможымъ отказаться.

Онѣ ѣхали, то спускаясь, то поднимаясь по зигазагамъ дороги, которую Донъ Эмиліо проложилъ черезъ лѣса по обѣимъ сторонамъ рѣки для соединенія Palazzo Guerrini съ casa di caccia, находившейся на противоположной горѣ. Дорога была пустынна и начинала уже заростать травою. Крестьяне почти не пользовались ею, предпочитая старин-

ныя крутыя тропинки и проселки, принадлежавшіе имъ искони вѣковъ. Маленькія, изящныя лошадки, позванивая сбруей, весело бѣжали впередъ. Элиноръ, сидя рядомъ съ своей спутницей, хрупкая и томная болѣе чѣмъ когда либо, безсознательно глядѣла на окружавшій ее міръ красоты, и онъ ничего уже не говорилъ ея душѣ.

Графиня просила обѣихъ лэди оказать честь ей и ея дочери откушать съ ними чай въ Palazzo.

„Мы въ глубокомъ траурѣ и не принимаемъ гостей, говорилось въ письмѣ,—но если madame и ея подруга пожелаютъ посѣтить насъ запросто, то доставятъ намъ большое удовольствіе. И кстати, полюбуются отсюда видомъ на прекрасную мѣстность“.

Элиноръ поморщилась, но согласилась.

Палаццо имѣлъ видъ внушительной громады въ стилѣ семнадцатаго столѣтія, съ наглухо заколоченными нижними окнами и съ цѣлымъ рядомъ на верху граціозныхъ террасокъ по сѣверному и западному фасаду, что придавало ему изящный и жилой видъ. Съ сѣверо-восточной стороны деревни лѣса, перерѣзанные каменнымъ водопадомъ Sassetto, круто спускались къ рѣкѣ, а съ противоположной стороны деревни подступали виноградники къ самымъ дверямъ палаццо. Большія ворота внѣшней стороной были обращены на грязную деревенскую улицу, гдѣ кишѣли ребятишки подъ надзоромъ своихъ болтливыхъ матерей, а внутренней—на большой дворъ съ цвѣтущими олеандрами и журчащими фонтанами. У этихъ воротъ гостей величественно встрѣтилъ старый мажордомъ въ сопровожденіи двухъ лакеевъ, державшихъ на готовѣ переносное кресло. Элиноръ понесли на верхъ по длинной каменной лѣстницѣ и затѣмъ черезъ обширный и пустынный рядъ просторныхъ покоевъ съ кирпичнымъ поломъ и огромными каминами. Все убранство этихъ покоевъ состояло изъ нѣсколькихъ старинныхъ шкафовъ и комодовъ, коллекціи французскихъ гравюръ послѣдняго столѣтія и незначительныхъ картинъ. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ стѣны были покрыты фресками въ легкомъ стилѣ XVIII вѣка, изображавшими охотничьи сцены или сцены изъ домашней жизни. Кой-гдѣ попадались старинные обои и персидскіе ковры. Въ общемъ, не смотря на свою обширность, палаццо производило впечатлѣніе стариннаго англійскаго дома, владѣльцы котораго отличаются извѣстнымъ вкусомъ, но не настолько богаты, чтобы поддерживать его въ прежнемъ видѣ. И палаццо, подъ вліяніемъ годовъ, приняло нѣсколько обветшалый и безобразный видъ, сохраняя, однако, всѣ тра-

диціи и громкое имя прошлаго: обширные, холодные покои дышали стариннымъ достоинствомъ, увѣреннымъ въ себѣ и не имѣющимъ нужды въ такъ называемой показной сторонѣ.

Графиня и ея дочь находились въ маленькой и убранной болѣе по современному гостиной, обращенной окнами къ рѣкѣ и къ лѣсу. Элиноръ усадили въ низкое кресло у открытаго окна. Хозяйка дома не могла удержаться, чтобы не бросить нѣсколько любопытныхъ взглядовъ на ея тонкое, изысканное лицо и замѣтила общій изнуренный видъ гостьи, который не могло скрыть все изящество ея чернаго костюма.

— Насколько я поняла, сударыня,—сказала графиня послѣ того, какъ Элиноръ выразила свою благодарность съ горячностью, какая была ей свойственна,—вы прошлою осенью были въ Torre Amiata?

Элиноръ вздрогнула. „Значитъ, фермерша все разболтала“, — рѣшила она. Ей было крайне непріятно, но благовоспитанность заставила ее быть откровенной.

— Да, я была здѣсь съ моими друзьями, и вашъ арендаторъ любезно предложилъ намъ свое гостепріимство на одну ночь.

Графиня взглянула съ удивленіемъ.—А,—сказала она,—вы были здѣсь съ семействомъ Д.?

Элиноръ подтвердила.

— И зиму провели въ Римѣ?

— Только часть зимы... Ахъ, какой видъ отсюда! — неожиданно воскликнула Элиноръ и обернулась къ обширному ландшафту, разстилавшемуся у ея ногъ.

Графиня поняла.

„Какая она болѣзненная, — подумала она,—и вмѣстѣ съ тѣмъ сколько изящества“!

Элиноръ, нервно болтая и быстро переходя съ одного предмета на другой, тоже невольно наблюдала за хозяйкой дома. Строгое, правильное лицо графини съ опухшими, красными отъ постоянныхъ слезъ вѣками, было блѣдно и удручено горемъ. Ея худощавая болѣзненная дочь смотрѣла застѣнчиво и печально.

Изъ словъ графини Элиноръ заключила, что онѣ живутъ въ строжайшемъ затворничествѣ, ни съ кѣмъ не видятся. „Зачѣмъ-же въ такомъ случаѣ заговорила она съ нами въ Sàssetto,—подумала Элиноръ. — И зачѣмъ принимаетъ насъ теперь?.. А! вотъ и портретъ“!

Около графини на столикѣ, спеціально для того предназначенномъ, она увидала фотографію въ широкой рамѣ, задрапированной въ трауръ. Фотографія представляла высокаго молодого человѣка въ артиллерійской формѣ. Лицо было красиво и энергично, но задумчиво. Оно выражало нетерпѣ-

ливый и независимый характеръ, сдерживаемый однако сильной волей. Внутренно содрогаясь, Элиноръ вспомнила ужасныя событія войны и слышанный отъ фермерши разсказъ о раненомъ молодомъ человѣкѣ и его страданіяхъ.

Сердце ея забилось участіемъ къ несчастной матери. Она снова разговорилась и до сумерекъ проболтала съ графиней о странѣ, о крестьянахъ, о развитии земледѣлія въ Италіи, о старомъ монастырѣ и его исторіи.

Но о войнѣ не было сказано ни слова, а также ни слова и объ ихъ сосѣдѣ по квартирѣ, объ отцѣ Бенеке. По нѣкоторымъ признакамъ Элиноръ вывела заключеніе, что блѣдная дочка графини—порядочная ханжа и настоящая монашенка, но мать—совершенно иного закала. Во всякомъ случаѣ, это была женщина высоко образованная, о чемъ свидѣтельствовали книги, которыя были всюду разбросаны по столамъ. Въ то же время въ ней сказывались проницательность, трезвость взгляда и пріятная домовитость, которыя отличаютъ хорошаго дѣлового человѣка. Было очевидно, что скорѣе она, нежели ея управляющій, завѣдуетъ имѣніемъ, и что она хорошо понимаетъ дѣло. Между обѣими женщинами зародилась тайная и сильная симпатія.

Въ послѣдующіе дни онѣ стали встрѣчаться очень часто.

Графиня уже не задавала вопросовъ по поводу прошлаго или будущихъ плановъ своихъ посѣтительницъ. Но стороной, не выдавая своихъ новыхъ друзей, она наводила справки въ Римѣ. Одинъ изъ членовъ семейства Д. писалъ ей слѣдующее:

„Тѣ англійскіе гости, которыхъ мы привозили съ собою въ прошломъ году въ ваше прелестное Torre Amiato, были—джентльмэнъ и двѣ лэди. Джентльмэнъ былъ нѣкій мистеръ Мэнистей, бывшій членъ англійскаго парламента, обращавшій на себя вниманіе въ Римѣ въ прошлую зиму своей дружбой съ Ватиканомъ и враждебнымъ отношеніемъ къ итальянскому режиму. Большая часть общества находила, что онъ рисуется; но такъ какъ онъ и его тетушка люди старинной фамиліи и очень богаты, а самъ мистеръ Мэнистей, если бы захотѣлъ, могъ быть блестящимъ ораторомъ, то ихъ всюду принимали радушно, и Римъ порядкомъ ихъ чествовалъ, разумѣется. Лэди, гостившая у нихъ, была нѣкто миссисъ Бургоинъ, крайне изящная и привлекательная женщина, которую рѣшительно всѣ полюбили. Было совершенно ясно, что между нею и мистеромъ Мэнистеемъ существуютъ какія-то близкія отношенія,—но подъ этимъ я не разумѣю ничего шокирующаго. Боже избави! никому даже въ голову не приходило ничего подобнаго. Но, какъ мнѣ кажется, всѣ знавшіе ихъ близко признавали, что было бы вполнѣ

естественно и правильно, если бы онъ на ней женился. Она была трогательно предана ему, замѣняла ему секретаря и крайне увлекалась его рѣчами. Весною они уѣхали въ горы, и туда къ нимъ пріѣхала гостить одна молоденькая американка, какъ говорили, настоящая красавица, но нѣсколько неотесанная. Я столько наслышалась о ея красотѣ отъ мадамъ Варіани, что мнѣ страшно хотѣлось ее повидать. Миссъ Мэнистей обѣщала привезти ее сюда, но, повидимому, общество ихъ разстроилось, и мы больше ихъ не видали.

Полагаю, что я разсказала вамъ все самое главное. Меня удивляетъ только, почему вы спрашиваете объ нихъ? Съ своей стороны я часто думаю о бѣдной миссисъ Бургоинъ и надѣюсь, что когда нибудь и она будетъ счастлива. Не могу, однако, сказать, чтобы мистеръ Мэнистей казался мнѣ подходящимъ для нея мужемъ! Тѣмъ не менѣе, я ужасно сожалѣю, что васъ не было дома прошлою осенью. Онъ могъ бы вамъ не понравиться, но вы непремѣнно нашли бы его пикантнымъ и производящимъ сильное впечатлѣніе. У него самая красивая голова, какую только можно представить: голова бога,—правда, на нѣсколько неуклюжихъ плечахъ".

„Счастлива"! Что бы ни случилось впослѣдствіи, но теперь-то во всякомъ случаѣ эта лэди не была счастлива. Въ этомъ графиня Guerrini удостовѣрилась послѣ перваго же разговора съ нею. Среди грызущаго ее собственнаго горя, она находила нѣкоторое отвлеченіе, какъ въ наблюденіи за этимъ печальнымъ и хрупкимъ созданіемъ, такъ и въ тѣхъ размышленіяхъ, которыя она невольно вызывала... Ясно, что миссъ Фостеръ была именно той молодой американкой, о которой ей писали. Почему онѣ тутъ вмѣстѣ въ такую жару и вдали отъ своихъ друзей?..

Однажды Элиноръ сидѣла съ графиней на одной изъ террасокъ палаццо, обращенной на Radicolani. Былъ прохладный и нѣсколько пасмурный вечеръ послѣ душнаго и жаркаго дня. Лакей доложилъ о приходѣ его преподобія, Дона Теодоро. Вслѣдъ за нимъ показался молодой священникъ, стройная фигура котораго производила пріятное впечатлѣніе. Стоя у двери, завѣшанной портьерами, онъ глядѣлъ на обѣихъ дамъ съ выраженіемъ нѣкоторой робости и довѣрія.

На привѣтствіе графини онъ отвѣтилъ съ большимъ чувствомъ, низко склонившись къ ея протянутой рукѣ. Когда же хозяйка дома представила его англійской лэди, онъ поклонился снова, но довольно сухо. Въ его голубыхъ глазахъ исчезла прежняя улыбка, видъ сдѣлался натянутымъ. Элиноръ вспомнила объ отцѣ Бенеке, и ей стало все ясно.

При разговорѣ съ графиней къ нему, однако, скоро вернулась юношеская привлекательность, которая казалась ему

присущей. Элиноръ наблюдала за нимъ съ восхищеніемъ и не могла не подмѣтить, что за всей простотой его манеры сквозила тонкая проницательность, свойственная итальянцамъ. Напримѣръ, сейчасъ было видно, что онъ находится въ домѣ, гдѣ царитъ глубокій трауръ: всѣ его движенія и самый голосъ были полны сдержанности и сочувствія. Трауръ, однако, перешелъ уже во вторую стадію и, слѣдовательно, можно было допускать въ разговорѣ обыденные предметы,—и онъ перешелъ къ нимъ съ самымъ изысканнымъ тактомъ. Въ палаццо онъ явился по двумъ причинамъ: во-первыхъ, для того, чтобы сообщить о своемъ назначеніи передъ Рождествомъ на постъ проповѣдника въ хорошо извѣстную церковь въ Римѣ; во-вторыхъ, чтобы поручить вниманію графини одного мѣстнаго поэта, человѣка очень даровитаго, но бѣднаго, Орвіетскаго уроженца, музу котораго духовенство имѣетъ много основаній поощрять.

Графиня поздравила его съ назначеніемъ, и священникъ глубоко и безмолвно поклонился.

Затѣмъ онъ вынулъ книгу и своимъ полнымъ, молодымъ голосомъ съ неподражаемой простотой и наивностью принялся читать стихи. Окончивъ чтеніе, онъ слегка вздохнулъ и опустилъ глаза, точно ребенокъ, вымаливающій прощеніе.

Элиноръ была отъ него въ восторгѣ, а графиня, которой, казалось, было труднѣе понравиться, только слегка улыбалась. Тереза, ея набожная дочь, находилась вмѣстѣ съ Льюси въ Sassetto. Повидимому, она была большимъ другомъ маленькаго патера, потому что онъ сразу замѣтилъ ея отсутствіе и освѣдомился о причинѣ.

— Нѣкоторыя строки этихъ стихотвореній напомнили мнѣ Кардучи,—сказала графиня, обращаясь къ Элиноръ,—я видѣла его въ первый разъ нынѣшней весной на академическомъ собраніи въ Римѣ... Тамъ было нѣчто необычайное: въ присутствіи короля и королевы происходило чтеніе научно-религіозной статьи Мадзоли. Быть можетъ, вы не помните этого имени? Онъ былъ нашимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Элиноръ не разслышала этихъ словъ: ея вниманіе было отвлечено внезапной перемѣной, происшедшей въ священникѣ. Голубь превратился въ ястреба. Юное лицо моментально утратило свою свѣжесть, сдѣлалось старымъ, рѣзкимъ и злобнымъ.

— Мадзоли! — воскликнулъ онъ, когда графиня замолчала.—Вѣдь онъ еврей, ваше сіятельство!

Графиня нахмурилась.

— Да, еврей, но честный человѣкъ, и рефератъ его представлялъ большой интересъ, такъ какъ являлся доказатель-

ствомъ возрожденія религіозныхъ идей въ тѣхъ кругахъ, которые долго стояли внѣ религіи.

Губы патера задрожали отъ гнѣва. Онъ считалъ этотъ случай настоящимъ скандаломъ: присутствуютъ король и королево, а еврей осмѣливается передъ ними отстаивать необходимость „новой религіи—и это въ Италіи, гдѣ католицизмъ признается національной религіей первымъ параграфомъ статута!

Графиня съ нѣкоторою сухостью возразила, что Мадзоли говорилъ, какъ философъ, но патеръ съ горячностью сталъ настаивать, что не можетъ быть истинной философіи внѣ церкви. Графиня засмѣялась и бросила на молодого человѣка полный негодованія взглядъ.

— Пускай церковь,—сказала она,—присоединитъ къ своей философіи немного любви къ народу, мой отецъ: ее будутъ болѣе цѣнить тогда.

Но Донъ Теодоро отразилъ этотъ ударъ.

— Извините, ваше сіятельство. Я римлянинъ, и вы тоже.—сказалъ онъ.

— Я итальянка, мой отецъ, и вы итальянецъ, но вы ненавидите свою страну.

Оба собесѣдника поблѣднѣли.

— Я не имѣю ничего общаго съ Италіей 20-го сентября,—сказалъ патеръ, съ нервнымъ возбужденіемъ потирая тонкіе пальцы.—Эта Италія отличается тремя признаками отъ Европы и по нимъ ее всегда можно узнать.

— Какіе же это признаки?—спросила графиня вызывающимъ тономъ.

— Долги, ваше сіятельство, голодъ и кровавыя преступленія!

Онъ бросилъ на нее негодующій взглядъ. Вся его юношеская прелесть исчезла. Увидя его раздраженіе, Элиноръ живо представила себѣ, въ какого конспиратора и агитатора онъ превратится по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ.

— Но,—произнесла графиня, и краска досады бросилась ей въ лицо,—развѣ не было того же самаго въ прежнихъ папскихъ владѣніяхъ при Бурбонахъ и Австрійцахъ?.. О! мы прекрасно понимаемъ, что вы погубили бы насъ, если бы только могли!

— Графиня, Іисусъ Христосъ и его намѣстникъ явились на землю ранѣе Савойскаго дома!

— Погубите насъ и увидите, что вы этимъ выиграете!

— Всѣмъ правитъ Господь, ваше сіятельство!

— Прекрасно! Прекрасно!.. Но что же? Разбить яйца—очень легко. Но придется ли яичница вамъ по вкусу?

Оба противника улыбнулись.

— Это наши вѣчныя баталіи,—сказала графиня, качая головой.—Но...простите, я должна сдѣлать кое-какія распоряженія.— Къ отчаянію Элиноръ, она поднялась и вышла изъ комнаты.

Оставшись одинъ съ незнакомой лэди, молодой патеръ проявилъ было смущеніе, но смущеніе скоро улеглось. Съ минуту онъ сидѣлъ смирно, опустивъ глаза и скрестивъ руки на колѣняхъ, затѣмъ кротко сказалъ:

— Вы, быть можетъ, незнакомы съ картинами палаццо, сударыня? Могу я предложить вамъ свои услуги?

Элиноръ выразила благодарность, и они пошли бродить по пустыннымъ комнатамъ, разсматривая сомнительныя произведенія искусства.

Когда они вернулись въ гостиную, Элиноръ замѣтила на стѣнѣ старинную копію Рафаелевской Св. Цециліи въ Болоньи. Оригиналъ былъ поврежденъ и совершенство копіи поразило ее, а въ то же время охватило и жгучее воспоминаніе о томъ днѣ въ Болонской галлереѣ, который она провела тамъ съ Мэнистеемъ.

Она приблизилась къ картинѣ. Патеръ послѣдовалъ за ней.

— Ахъ, это работа Микель Анжело, сударыня! — сказалъ онъ съ энтузіазмомъ.

Элиноръ посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Какъ! Да это копія, святой отецъ, копія со Св. Цециліи въ Болоньи, очень интересная и давнишняя копія.

Донъ Теодоро нахмурился. Онъ подошелъ къ картинѣ ближе, съ видомъ недовѣрія и нѣсколько отставивъ впередъ свою нижнюю губу.

— О, нѣтъ, сударыня, — сказалъ онъ съ мягкой учтивостью, но настойчиво:—извините меня, вы ошибаетесь. Это—оригинальная работа великаго Микель Анжело.

Элиноръ ничего не отвѣтила.

Хозяйка дома вернулась. Элиноръ достала томикъ французскаго перевода греческой антологіи, взятый ею наканунѣ, и, возвращая маленькую изящную книжку, стала перечислять свои излюбленныя стихотворенія.

Лицо патера вытянулось.

— Ахъ, это съ греческаго!—сказалъ онъ, скромно опуская глаза, когда графиня подала ему книгу.—Я провелъ пять лѣтъ за изученіемъ греческаго языка и...—онъ слегка пожалъ плечами и, переводя глаза съ одной лэди на другую, добавилъ съ просительной улыбкой:—могъ бы, конечно, вамъ кое-что разъяснить, могъ бы указать, откуда, напримѣръ, происходятъ нѣкоторыя слова въ итальянскомъ языкѣ: математика...—онъ произнесъ греческое слово съ гордымъ самоуниженіемъ и дѣлая удареніе на каждомъ слогѣ:—экономія, теократія, аристократія.

Онъ говорилъ, какъ будто давалъ дѣтямъ урокъ. Однако онъ самъ не былъ твердо увѣренъ въ правильности своего произношенія, поправилъ себя раза два и откинулъ голову назадъ съ нѣкоторымъ самодовольствомъ.

Дамы избѣгали смотрѣть на него и другъ на друга.

Элиноръ невольно думала объ отцѣ Бенеке: какое бремя учености отягощаетъ его сѣдую голову, и тѣмъ не менѣе онъ отлученъ отъ церкви, а этотъ юноша на пути къ повышеніямъ!

Когда онъ удалился, графиня всплеснула руками.

— И такой человѣкъ назначенъ проповѣдникомъ въ одну изъ извѣстнѣйшихъ церквей Рима!.. Но не думайте, сударыня, обо всѣхъ такъ,—прибавила она съ нѣкоторой чопорностью,—у насъ есть ученые священники, и даже очень много.

Элиноръ поспѣшила согласиться. Съ какимъ жаромъ Мэнистей въ прошлую зиму старался убѣдить ее признать католическое ученіе цѣлесообразнымъ въ предѣлахъ, установленныхъ самимъ католицизмомъ!

— А во всемъ виновато ихъ жалкое семинарское воспитаніе! — со вздохомъ проговорила графиня. — Можетъ - ли одна половина націи понять другую, когда онѣ говорятъ на разныхъ языкахъ? Представьте себѣ наше научное образованіе, съ одной стороны, и ихъ ужасную наивность—съ другой. А между тѣмъ вѣдь всѣ мы жаждемъ религіи, всѣ жаждемъ хоть какого-нибудь утѣшенія въ загробной жизни...

Ея голосъ оборвался. Она отвернулась, чтобы скрыть свои слезы, и Элиноръ могла видѣть только ея величественный профиль, обрамленный кольцами сѣдыхъ волосъ.

Миссисъ Бургоинъ придвинула свой стулъ ближе къ графинѣ. Молча и робко опустила она свою руку на ея колѣни.

— Не могу понять,—сказала она тихимъ голосомъ,—откуда у васъ берутся силы для вниманія и столькихъ заботъ о насъ въ теченіе этихъ недѣль?

— Знаете-ли, почему я все это дѣлаю?—сказала графиня, снова повернувшись къ ней и уже не скрывая слезъ, которыя текли по ея благородному, старческому лицу.

— Нѣтъ! Объясните, пожалуйста!

— Все потому, что мой Эмиліо любилъ вашу Англію. Однажды онъ провелъ тамъ счастливое лѣто. Я не знаю, было-ли у него какое-нибудь увлеченіе, но онъ всегда вспоминалъ объ этомъ лѣтѣ съ глубокимъ чувствомъ... Онъ всегда готовъ былъ дѣлать всевозможное для каждаго уроженца Англіи, а особенно, когда они попадали въ нашу глушь. Я знаю, что онъ часто доходилъ въ этихъ заботахъ до крайности, до сумасбродства, но ничто не могло его остановить. И вотъ, когда я увидала васъ въ Sassetto, я сейчасъ же представила себѣ, какъ поступилъ бы въ этомъ случаѣ мой

Эмиліо. Вы смотрѣли такой слабенькой, нѣжной, а я хорошо знала, какъ все грубо и примитивно въ монастырѣ. Съ того момента, какъ пришло это... печальное извѣстіе, я почти ни съ кѣмъ не разговаривала, кромѣ Терезы... Съ вами я не могла не заговорить...

Элиноръ сжала ея руку. Послѣ небольшого молчанія она съ участіемъ спросила:

— Вашъ сынъ былъ съ генераломъ Аримонди, неправда-ли?

— Да, съ Аримонди. Вы помните, тамъ было три колонны. Онъ находился именно въ той, которая, казалось, должна была побѣдить. Я узнала всѣ подробности только на прошлой недѣлѣ отъ одного его товарища-офицера, который находился въ плѣну до конца іюня. Эмиліо вмѣстѣ съ другими считалъ, что позиція взята и побѣда за ними. Онъ уже поднялъ свою каску и воскликнулъ: да здравствуетъ король! да здравствуетъ Италія!—какъ вдругъ, въ ту же минуту непріятель устремился на нихъ цѣлымъ потокомъ. Они были смяты. Завязался рукопашный бой. Подъ градомъ пуль Эмиліо все время старался ободрять своихъ людей. Многіе слышали, какъ онъ говорилъ своимъ солдатамъ: „смѣлѣй, молодцы, смѣлѣе! Командиръ вашъ умретъ съ вами! Впередъ! впередъ! Да здравствуетъ Италія!“ Вдругъ его поразилъ смертельный ударъ и... вы, быть можетъ, слышали въ деревнѣ этотъ разсказъ?..—Несчастная мать снова отвернула свое лицо:—онъ сказалъ солдату, который стоялъ около него: „Федериго, возьми свое ружье и покончи со мной“. Онъ боялся, ненаглядный мой, что попадетъ въ руки непріятеля! Они уже растоптали подъ собою такъ много тяжело раненыхъ! Солдатъ отказался исполнить его просьбу. „Ваше сіятельство, сказалъ онъ, я не могу это сдѣлать; но мы васъ унесемъ отсюда, или умремъ вмѣстѣ съ вами“. Затѣмъ побѣда какъ бы снова перешла на нашу сторону. Всѣ думали, что непріятель отраженъ. Офицеръ видѣлъ, какъ два солдата подняли Эмиліо, и мой сынъ подозвалъ его къ себѣ. — „Вы должны быть моимъ духовникомъ“! — сказалъ онъ, улыбаясь. Онъ далъ ему порученія ко мнѣ и къ Терезѣ, сдѣлалъ кое-какія распоряженія относительно своихъ дѣлъ и спросилъ: „Что это—побѣда или нѣтъ? Выиграли мы, въ концѣ концовъ?“ Товарищъ не въ силахъ былъ сказать ему истину и отвѣтилъ: да! — „Вы клянетесь въ этомъ?“— сказалъ Эмиліо.—„Клянусь!..“ Мой мальчикъ перекрестился, еще разъ проговорилъ: „да здравствуетъ Италія!“ и скончался... Они похоронили его въ ту же ночь подъ маленькимъ кустомъ... Благодарю Бога, что ему не пришлось остаться на проклятомъ полѣ!

Графиня поднесла платокъ къ губамъ, чтобы скрыть, какъ

онѣ дрожали. Элиноръ молчала. Она только склонила свое лицо на руки, которыя не снимала съ колѣнъ графини.

— У него былъ несчастный характеръ, — продолжала бѣдная мать.—Онъ постоянно волновался, сомнѣвался. Мнѣ иногда приходило въ голову, что это вліяніе Леопарди, котораго онъ всегда цитировалъ. У насъ это часто случается съ молодыми людьми. Впрочемъ, Эмиліо былъ искренно вѣрующій христіанинъ... Лучше было бы, если бы онъ женился, но онъ всѣ свои чувства отдавалъ мнѣ и Терезѣ, а затѣмъ этому уголку и своему народу. Мнѣ слѣдовало бы продолжать его дѣло, но я стара и очень устала... И зачѣмъ только молодежь умираетъ раньше времени?.. Противъ войны у меня нѣтъ на сердцѣ горечи. Правда, эта война была ужасной ошибкой, она унизила насъ, какъ націю, но націи вѣдь создаются столько же пораженіями, сколько и побѣдами. Эмиліо всегда находилъ, что Италія „создалась слишкомъ скоро“, что мы не пережили еще главнаго періода испытаній и упадка... Все такъ, но... Боже милостивый!... зачѣмъ онъ оставилъ мнѣ еще столько жизни!

Элиноръ подняла голову.

— И я тоже,—проговорила она почти шопотомъ,—я тоже потеряла сына. Но мой былъ еще мальчикъ.

Графиня взглянула на нее съ изумленіемъ и залилась слезами.

— Значитъ, мы съ вами обѣ — несчастныя женщины! — сказала она съ отчаяніемъ.

Элиноръ прижалась къ ней съ мучительнымъ сознаніемъ, что она недостойна ея сочувствія. Она сознавала себя лицемѣркой и въ мысляхъ, и въ воображеніи мальчикъ ея уже былъ только блѣдной тѣнью въ сравненіи съ Мэнистеемъ. Любовь, которая теперь подтачивала ея жизнь, была не святой любовью матери.

Возвращаясь домой съ Льюси, Элиноръ продолжала работать надъ своей упорной, безконечной думой. Время отъ времени она бросала украдкой виноватый взглядъ на молодую дѣвушку, и мимолетный ужасъ охватывалъ ея душу. Не стала ли Льюси печальнѣе?—блѣднѣе? Не увеличилась ли синева вокругъ ея нѣжныхъ глазъ? Не потускнѣла-ли ея красота съ тѣхъ поръ, какъ она увидала ее впервые? И если такъ,—то чья рука дѣйствовала разрушительно, кто виноватъ въ этомъ?

Нѣсколько разъ сердце Элиноръ мучительно сжималось отъ угрызеній совѣсти, которыя, однако, такъ же скоро затихали, какъ и зарождались.

А эта мужественная и умная женщина, съ которой она только что бесѣдовала! Было что-то такое въ атмосферѣ ея

личности, что заставляло Элиноръ живѣе сознавать, что во всѣхъ случаяхъ: по отношенію къ отцу Бенеке, къ Льюси и къ самой къ себѣ она могла только чувствовать себя униженной высшими страданіями, которыя облагораживаютъ и возвышаютъ эту женщину.

Ночью съ подавленнымъ крикомъ ужаса она проснулась отъ тревожнаго сна. Въ своемъ сновидѣніи она боролась съ Мэнистеемъ, дѣлая отчаянныя усилія, чтобы оттолкнуть его своими слабыми руками. Но онъ вдругъ самъ освободился изъ ея объятій, и она видѣла, какъ онъ прошелъ мимо нея сіяющій и торжествующій. А вдали, ожидая его, стояла легкая бѣлая фигура дѣвушки и протягивала къ нему свои стройныя молодыя руки!

„Нѣтъ, нѣтъ! Все ложь, ложь! она не любитъ его, не любитъ!“—раздалось безумнымъ воплемъ въ ея душѣ. Она поднялась на постели, съ лихорадочной дрожью и дикимъ выраженіемъ въ глазахъ. Черезъ минуту она прокралась въ сосѣднюю комнату. Льюси спала мирнымъ сномъ, свѣсивъ съ кровати свою стройную руку. Элиноръ опустилась около спящей дѣвушки и жадно всматривалась въ нее.

„Развѣ могла бы она такъ спать, если-бы... если-бы... тосковала о немъ“?—задала она себѣ вопросъ и, почувствовавъ успокоеніе, внутренно засмѣялась надъ своими тревогами. Она прикоснулась губами къ рукѣ дѣвушки и ощутила въ своей душѣ приливъ горячей нѣжности, которая, какъ освѣжающая роса, спустилась на ея разгоряченную душу. Затѣмъ она снова вернулась къ своей кровати, и изъ глазъ ея полились слезы.

Она горько плакала, а на небѣ все сильнѣе и сильнѣе разгоралась золотистая заря.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Типы капиталистической и аграрной эволюціи.

VI.

Если Фольмаръ первый пробилъ брешь въ той части стройной системы ортодоксальнаго марксизма, которая составляла рѣшеніе по „аналогическому методу“ аграрнаго вопроса; если работы аграрной коммиссіи и пренія Бреславльскаго партейтага выяснили всю глубину теоретическихъ и практическихъ разногласій, созданныхъ этимъ въ нѣдрахъ партіи; если, наконецъ, книга Каутскаго представляетъ собою попытку замаскированнаго отступленія ортодоксіи съ цѣлаго ряда теоретическихъ позицій ради спасенія остальныхъ,—то книга Герца, наоборотъ, является контръ-попыткой, имѣющей цѣлью не только обнаружить полную непригодность старой теоріи, но и заложить основы новой. Авторъ, человѣкъ еще молодой, систематически работалъ надъ аграрнымъ вопросомъ и, быть можетъ, не скоро-бы подѣлился съ читающей публикой результатами своихъ трудовъ, если бы не выходъ въ свѣтъ книги Каутскаго. Догматизмъ, предвзятость, натяжки, отсутствіе прямоты и свободнаго исканія истины, поражающія въ книгѣ Каутскаго, не смотря на талантливость изложенія и авторитетность ея автора, вызвали со стороны Герца чувство естественнаго протеста, и его результатомъ явилась книжечка, написанная быстро, въ формѣ полемики противъ Каутскаго,—полемики, сквозь которую постоянно прорывается стремленіе самостоятельно освѣтить тотъ или другой вопросъ, не ограничиваться чисто-отрицательной, критической работой, но каждый разъ въ противовѣсъ критикуемому давать нѣчто свое, положительное. Уже самый полемическій характеръ книги вынуждаетъ Герца къ нѣкоторой скупости, къ извѣстному лаконизму въ изложеніи собственнаго аграрно-политическаго міросозерцанія *). Этимъ опредѣлилось и

*) Надо надѣяться, что болѣе полно и положительно выскажется Герцъ въ той новой книгѣ, которую онъ готовитъ къ печати: «Grundfragen der Agrarpolitik».

все содержаніе его книжки. На Каутскомъ Герцъ пытается показать, какъ *не слѣдуетъ* разрабатывать аграрный вопросъ, спѣша въ то же время дать читателю нѣчто изъ тѣхъ окончательныхъ выводовъ, къ которымъ онъ пришелъ путемъ самостоятельнаго изученія предмета. Отсюда извѣстная разбросанность, неполнота, несистематичность изложенія. Мѣстами сказывается, что Герцъ— еще новичекъ въ литературѣ. Но эти недостатки искупаются талантливостью автора, живостью и гибкостью его мысли и богатствомъ матеріала, которымъ онъ располагаетъ.

Въ данной статьѣ мы, конечно, далеко не думаемъ исчерпать все содержаніе книги Герца, точно такъ же, какъ мы далеко не исчерпали и всего содержанія книги Каутскаго. Интересующихся мы отсылаемъ къ подлинникамъ. Въ нашу задачу входитъ лишь анализъ взглядовъ Герца по тремъ вопросамъ: 1) о роли капитала въ земледѣліи, 2) о способности мелкаго земледѣлія конкуррировать съ крупнымъ *) и 3) о некапиталистической эволюціи земледѣлія.

Герцъ съ видимымъ удовольствіемъ констатируетъ, что даже Каутскій, при всемъ своемъ пристрастіи къ „положительной миссіи капитализма", въ концѣ концовъ признаетъ, что „экономическое развитіе чистаго сельско-хозяйственнаго промысла кончается въ тупомъ переулкѣ—для него нѣтъ возможности идти ни впередъ, ни назадъ, настаетъ состояніе ни жизни, ни смерти" **). Герцъ также находитъ, что „важнѣйшій общій моментъ отдѣльныхъ аграрныхъ ситуацій состоитъ въ той (обусловливаемой самой природой сельско-хозяйственнаго производства) возможности вполнѣ капиталистической эксплуатаціи безъ одновременнаго прогресса къ крупному капиталистическому производству", которая заставляетъ думать, что здѣсь „чисто экономическое развитіе дошло до мертвой точки". Краткій обзоръ сельскаго хозяйства Россіи, Австріи, Америки и Франціи служитъ Герцу подкрѣпленіемъ признанія Каутскаго (который главнымъ образомъ оперируетъ съ данными по Германіи).

Свое сужденіе о Россіи Герцъ составляетъ по извѣстной книгѣ Гурвича „The Economics of the Russian Village" ***), по нѣмецкому переводу не менѣе извѣстной книги г. Николая -она, статьямъ П. Струве въ „Архивѣ" Брауна и нѣкоторымъ другимъ источникамъ. Герцъ рѣшительно становится на сторону Николая -она: для него изъ всѣхъ данныхъ явствуетъ, что „вторгающійся капитализмъ

*) И здѣсь, во избѣжаніе чрезмѣрной растянутости изложенія, мы опускаемъ главу «Klein- oder Grossbetrieb», хотя она очень характерна для порою чрезмѣрнаго эмпиризма Герца Мы уже высказали свой взглядъ на этотъ вопросъ.

**) «Die Agrarischen Fragen» s. 2.

***) Русскій переводъ съ прим. А. Санина «Экономическое положеніе русской деревни».

и здѣсь овладѣваетъ, какъ вообще было доказано Марксомъ, сферой обращенія, циркуляціи товаровъ,—но (въ земледѣліи) онъ не обнаруживаетъ стремленія революціонизировать самое производство". Дешевизна рабочихъ рукъ задолженныхъ крестьянъ затрудняетъ введеніе разныхъ машинъ и усовершенствованій; низкій уровень развитія рабочихъ приводитъ къ тому же. Герцъ, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ русскихъ авторовъ, не ждетъ прогресса сельскаго хозяйства и отъ устраненія избытка предложенія рабочихъ рукъ въ сельскомъ хозяйствѣ. „Раньше, благодаря громадной массѣ людей, ищущихъ приложенія своей рабочей силы, должны такъ высоко подняться арендныя цѣны, что всякое интенсивное сельское хозяйство окажется менѣе выгоднымъ". Рента, кредитная и торговая прибыль, наконецъ, налоги—вотъ легкія, покойныя и удобныя средства извлекать изъ непосредственнаго производителя капиталистическую прибыль, которую иные политико-экономы объясняютъ, какъ премію за рискъ предпріятія; только здѣсь выплачиваетъ эту пресловутую „премію" тотъ, кто несетъ на себѣ рискъ предпріятія, а получаетъ премію тотъ, кто оставляетъ весь рискъ на долю другихъ. Понятно, что здѣсь заключается вполнѣ достаточное основаніе для „воздержанія" капиталиста отъ болѣе существенной реорганизаціи, идущей въ самую глубь производственныхъ отношеній.

Совершенно аналогичную картину, хотя вслѣдствіе другихъ условій (болѣе природныхъ, чѣмъ историческихъ), представляютъ собою типичныя сельско-хозяйственныя области Австріи—Альпы, Тироль. Здѣсь до сихъ поръ широко распространено натуральное хозяйство, со всѣми аксессуарами добраго стараго времени, вплоть до странствующихъ изъ села въ село, изъ дома въ домъ портного и сапожника. Увеличеніе денежныхъ требованій, предъявляемыхъ къ крестьянству государствомъ, безъ соотвѣтственнаго повышенія уровня сельскохозяйственной культуры и безъ перехода къ современнымъ формамъ денежнаго хозяйства, естественно должно было вызвать затяжной, длительный кризисъ. Крестьяне и даже батраки альпійскихъ земель, въ сущности, не голодаютъ: натуральное хозяйство не скупится на тѣ продукты, которые производитъ. Но, имѣя обильное питаніе, тѣ и другіе страдаютъ полнымъ отсутствіемъ дифференцировки потребностей; они живутъ тихой, растительной жизнью, достойной не человѣка, а низшихъ организмовъ. Но—спрашиваетъ Герцъ—„будетъ ли лучшимъ способомъ разбудить ихъ отъ сна—низвергнуть ихъ въ холодный потокъ денежнаго хозяйства, въ которомъ ихъ ждетъ близкій конецъ?"

Уже въ настоящее время, начиная отъ Вѣны, на Королевскихъ Альпахъ можно найти многочисленные покинутые крестьянскіе дворы. Дальше къ югу можно найти тысячи іоховъ, запущенныхъ подъ лѣсъ или просто лежащихъ „впустѣ". Задолженность

въ Тиролѣ даже на 8% превышающая доходность,—вотъ причина забрасыванія земель. Но на мѣсто крестьянскаго альпійскаго хозяйства никакого „современнаго крупнаго производства“ не водворяется. Нерѣдко покинутыя крестьянами земли сосредоточиваются въ рукахъ крупныхъ собственниковъ, но при этомъ не происходитъ никакой „конкурренціи“, никакого „вытѣсненія“ мелкаго производства крупнымъ. Землевладѣлецъ является на мѣсто, уже добровольно оставленное крестьяниномъ; пріобрѣтенная же земля утилизируется просто на просто ради охотничьихъ цѣлей. „Что же—спрашиваетъ Герцъ—должны ли мы и въ этомъ случаѣ желать такого „прогресса“ по направленію къ „крупному землевладѣнію“ (состоящему въ лѣсныхъ дачахъ), или же намъ приходится, скорѣе, сожалѣть о регрессѣ, возвращеніи къ экстенсивнѣйшей культурѣ?“

Окончательный выводъ Герца таковъ: „въ альпійскихъ провинціяхъ мы видимъ совершенно то же, что и въ Россіи: полное отсутствіе, полную несклонность со стороны капитализма въ области сельскаго хозяйства производить переворотъ въ производствѣ... Что касается положеній Каутскаго: „капиталистическое производство пріучаетъ рабочихъ къ совмѣстнымъ, общественнымъ работамъ, развиваетъ въ нихъ общественныя, товарищескія добродѣтели, преданность общему благу, добровольное подчиненіе общимъ рѣшеніямъ, вообще, довѣріе къ коллективности своихъ товарищей“—качества, которыя благопріятствуютъ будущей крупной, планомѣрной общественной организаціи производства,—то всѣ эти положенія при данныхъ обстоятельствахъ не осуществляются, оказываются неприложимыми. Напротивъ, мы увидимъ, что (не говоря о подобныхъ же, но значительно болѣе слабыхъ тенденціяхъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ индустріи) крайняя форма аграрнаго капитализма въ наиболѣе передовыхъ странахъ есть парцеллярная аренда, призваніе которой—вытѣснять и совершенно вытѣснить крупное производство, если только наша современная аграрная организація и постоянный приростъ населенія просуществуютъ достаточно долгое время. И такъ какъ въ аграрной области капитализмъ вовсе не создаетъ необходимыхъ хозяйственныхъ и психологическихъ предпосылокъ, требуемыхъ для высшей формы производства, то уже по одной этой причинѣ нашей главной задачей здѣсь должно быть содѣйствіе тѣмъ крупнымъ организаціоннымъ попыткамъ, которыя обнаруживаетъ наше сельскохозяйственное кооперативное движеніе“ *).

Австрійскія данныя даютъ Герцу также возможность провѣрить утвержденіе Каутскаго, будто концентрація ипотекъ въ крупныхъ поземельныхъ банкахъ восполняетъ недостатокъ въ концентраціи землевладѣнія. Въ прошлой статьѣ мы, условно принимая

*) «Die Agrarischen Fragen», s. 21.

на время это положеніе Каутскаго за вѣрное, старались показать, что концентрація ипотекъ по своему существу соединяетъ въ себѣ лишь *наиболѣе темныя* стороны капиталистической концентраціи, а потому ея положительное историческое значеніе—самое наименьшее. Уже по одному этому намъ казалось страннымъ торжество Каутскаго по поводу столь страннаго „подтвержденія марксистской догмы".

Но Герцъ на основаніи цѣлаго ряда статистическихъ данныхъ доказываетъ, что въ области ипотекъ мы встрѣчаемъ не только не „рѣшительную тенденцію къ централизаціи", но, наоборотъ, самую рѣшительную тенденцію къ децентрализаціи, къ раздробленію собственности *).

Въ этомъ пунктѣ Герцъ отчасти могъ бы сослаться, въ противовѣсъ Каутскому,—на самого Каутскаго. Возражая противъ идей Бернштейна объ увеличеніи благосостоянія широкаго круга лицъ при капиталистическомъ порядкѣ, Каутскій, между прочимъ, находитъ, что ростъ вкладовъ въ сберегательныя кассы и др. кредитныя учрежденія вовсе не даетъ основаній ни къ какимъ оптимистическимъ предположеніямъ. „Мелкій крестьянинъ употребляетъ свои сбереженія на прикупку земли, мелкій ремесленникъ—на улучшеніе своей мастерской. Кто же работаетъ на жалованьи или на заработной платѣ, тотъ не знаетъ лучшаго примѣненія для своихъ маленькихъ сбереженій, какъ положить ихъ въ ссудо-сберегательную кассу" **). Такимъ образомъ, увеличеніе числа вкладовъ можетъ свидѣтельствовать не о ростѣ благосостоянія, а лишь объ усиленной *пролетаризаціи* страны.

Анализомъ цифръ Герцъ показываетъ, что участіе крупныхъ, капиталистическихъ кредитныхъ банковъ въ общей суммѣ земельнаго ипотечнаго кредита сравнительно ничтожно и притомъ ограничивается почти исключительно лишь крупнымъ земле- и домовладѣніемъ; что болѣе четверти ипотечнаго кредита сосредоточено въ рукахъ демократическихъ кредитныхъ учрежденій, съ массою мелкихъ вкладчиковъ, и около $^2/_3$ разсѣяно въ рукахъ частныхъ лицъ. При этомъ надо еще замѣтить, что въ формѣ ипотекъ на крестьянской землѣ лежатъ постоянно выплаты со-наслѣдникамъ, отказавшимся отъ земли въ пользу кого нибудь одного, во избѣжаніе чрезмѣрнаго парцеллированія. Отсюда Герцъ выводитъ спеціально для Каутскаго слѣдующее забавное противорѣчіе. Въ глазахъ многихъ—отчасти и въ глазахъ Каутскаго—крестьянинъ есть прежде всего хозяинъ, собственникъ, предприниматель, слѣдовательно, относится соціологически къ классу имущихъ, классу эксплуататоровъ. Пролетарій же, напротивъ, принадлежитъ къ эксплуатируемымъ. И что же оказывается? Членъ крестьянской

---

*) Ср. R. E. May, «Die wirthschaftliche Entwickelung», Berlin, 1896, s. 84—95.
**) Kautsky, «Die Agrarfrage», s. 136.

семьи, отказавшійся отъ своей доли въ землѣ за выплату извѣстной суммы и ставшій пролетаріемъ, или одинъ изъ многочисленныхъ вкладчиковъ въ тѣ мелкія кредитныя учрежденія, которыя преимущественно помѣщаютъ свои фонды въ ипотеки,—эти пролетаріи получаютъ безтрудовой доходъ, который выплачивается крестьяниномъ! И если разсматривать, по методу Каутскаго, ипотеки, исключительно какъ замаскированную форму экспропріаціи, то здѣсь пролетаріи экспропріируютъ „собственниковъ", извлекая изъ нихъ прибавочную собственность (ибо послѣ Маркса мы всѣ хорошо знаемъ, что единственный источникъ всякаго процента есть именно неоплаченный трудъ).

Но Герцъ отказывается односторонне разсматривать ипотеки, какъ форму экспропріаціи. Онъ указываетъ, что, какъ свидѣтельствуютъ статистическія данныя, очень часто въ ипотечный долгъ при покупкѣ земли обращается недоплаченная сумма, или просто для покупки земли заключается долгъ на сторонѣ. Въ этихъ случаяхъ ипотека не есть средство превратить собственника въ несобственника, а, наоборотъ, сдѣлать не-собственника собственникомъ. Такое же значеніе имѣетъ и меліоративный кредитъ. Слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ Каутскій тенденціозно односторененъ *).

Для Каутскаго въ формѣ ипотекъ происходитъ замаскированная концентрація собственности въ рукахъ крупныхъ поземельныхъ банковъ. Это явленіе облегчаетъ, въ его глазахъ, задачи будущаго. Имѣя въ рукахъ политическую силу, нетрудно предпринять важную реформу—„огосударствленіе" ипотекъ, экспропріацію ихъ, которая затронетъ интересы небольшого числа ипотечныхъ магнатовъ-экспропріаторовъ, фактическихъ, если не номинальныхъ владѣльцевъ массы земельныхъ имуществъ. По Герцу, напротивъ, съ развитіемъ демократическихъ кредитныхъ институтовъ растетъ число косвенныхъ собственниковъ, ипотечныхъ кредиторовъ или со-кредиторовъ, этихъ „мельчайшихъ капиталистовъ" самаго безполезнаго свойства (ибо они въ процессѣ производства не принимаютъ ровно никакого участія). Слѣдовательно, что касается огосударствленія ипотекъ, то „это было-бы худшимъ средствомъ затронуть крупный капиталъ и лучшимъ средствомъ возстановить, вооружить противъ себя постоянно растущую армію

*) Въ видахъ наибольшей популярности мы намѣренно устраняемъ всякія цифровыя выкладки; желающіе разобраться въ нихъ могутъ обращаться къ подлинникамъ. Скажемъ только, что аналогичныя Герцу мысли развивалъ Май («Die wirthschaftliche Entwickelung») на германскихъ цифровыхъ данныхъ. Фактъ тотъ, что ни его данныя, ни данныя Герца еще никѣмъ не опровергнуты. Каутскій въ своемъ отвѣтѣ на книгу Герца, распространяясь чрезвычайно много по поводу нѣкоторыхъ частностей, на аргументацію Герца въ вопросѣ о ипотекахъ *не отвѣчаетъ ни единымъ словомъ.*

собственниковъ мелкихъ сбереженій, въ особенности сельско-хозяйственныхъ батраковъ и слугъ".

Тѣмъ самымъ Герцъ снова подтверждаетъ свой основной тезисъ — необходимость найти *и помимо капитализма* пути къ „обобществленію" поземельной собственности и сельско-хозяйственнаго производства.

Но особенно рѣшающее значеніе Герцъ придаетъ опыту Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Тамъ хозяйственное развитіе происходило и до сихъ поръ происходитъ въ наиболѣе чистомъ видѣ, не встрѣчая препятствій ни въ историческихъ традиціяхъ, ни въ учрежденіяхъ, ни въ психологіи народа. Америка не знаетъ и не знала феодальныхъ учрежденій, сквозь которыя не безъ труда пробиваются въ Европѣ новыя хозяйственныя теченія. Она не знаетъ установленій, въ родѣ майоратовъ, фидеикомиссовъ, etc., связывающихъ свободную мобилизацію земли. Вслѣдствіе существованія запаснаго фонда нетронутыхъ земель ей неизвѣстны тѣ задрудненія, которыя отягощаютъ европейское земледѣліе и землевладѣніе, благодаря современному наслѣдственному праву. Существованіе тѣхъ-же свободныхъ земель устраняетъ возможность появленія такой монопольной ренты, которая-бы задавила своею тяжестью сельское хозяйство. Съ другой стороны, въ Америкѣ нѣтъ такого крестьянства, какъ въ Европѣ, составляющаго особую низшую касту, съ унаслѣдованными отъ феодализма и крѣпостного права инертностью, пассивностью и невѣжествомъ. Нѣтъ и унаслѣдованной отъ „добраго стараго времени" черезполосицы, убивающей во многихъ мѣстахъ Европы крестьянское хозяйство. Нѣтъ, наконецъ, въ Америкѣ и поземельнаго дворянства, которое-бы въ силу историческихъ традицій направляло внутреннюю политику центральнаго правительства къ постоянному вмѣшательству въ аграрныя отношенія. Словомъ, въ Америкѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, мы видимъ просторную, широкую арену для свободной игры чисто экономическихъ силъ въ области аграрныхъ отношеній. Менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, въ эту свободную игру здѣсь вмѣшиваются постороннія, внѣ-экономическія силы, осложняющія и затемняющія основную тенденцію стихійнаго хозяйственнаго роста.

Немудрено, что именно въ Америкѣ ждали наиболѣе выдающіеся марксисты раньше всего торжества аграрнаго капитализма. Гдѣ, какъ не здѣсь, раньше всего должно произойти крушеніе отжившихъ сельско-хозяйственныхъ формъ, расцвѣтъ крупнаго производства, концетрація его въ гигантскихъ размѣрахъ, по образцу индустріальнаго развитія? И дѣйствительность, казалось, начинала оправдывать надежды теоретиковъ. „Мелкая и средняя собственность самостоятельно работающихъ фермеровъ, основа всего политическаго порядка Америки, все болѣе и болѣе вымираетъ подъ вліяніемъ конкурренціи фермъ-гигантовъ", писалъ

Ф. Энгельсъ въ 1882 г. Нѣмецкій марксистъ-переводчикъ книги Каблукова (для Шиппелевской „Arbeiterbibliotek") въ 1889 г. писалъ: „Земля, еще свободная отъ собственности, занимается капиталистами; ихъ цѣль—вести сельское хозяйство и земледѣліе въ крупномъ масштабѣ. Этимъ достигается двоякій результатъ: во-первыхъ,—монополизированіе земли въ рукахъ крупнаго капитала; во-вторыхъ, — образованіе земледѣльческаго пролетаріата. Вскорѣ не особенно состоятельному человѣку едва-ли будетъ возможно сдѣлаться поземельнымъ собственникомъ, и даже уже существующіе мелкіе и средніе фермеры будутъ доведены конкурренціей крупныхъ предпринимателей до гибели". Еще болѣе смѣлыя пророчества высказывалъ Лафаргъ *): если вѣрить ему, то въ короткое время концентрація сельско-хозяйственнаго промысла и образованіе огромной арміи неимущаго сельско-хозяйственнаго пролетаріата должны были—во славу закона развитія путемъ противорѣчій — привести къ полному Zusammenbruch'у всего нынѣшняго американскаго хозяйственнаго строя...

Мы уже видѣли, что Каутскій не могъ болѣе настаивать на старомъ взглядѣ. Онъ капитулировалъ передъ напоромъ очевидныхъ фактовъ, но капитулировалъ не вполнѣ. Съ одной стороны онъ какъ будто рѣшительно заявляетъ, что „о вытѣсненіи мелкаго земледѣлія крупнымъ въ Америкѣ *не можетъ быть и рѣчи*"— т. е., очевидно, рѣшительно порываетъ со старымъ взглядомъ. Но, выгнавъ его въ двери, Каутскій тотчасъ-же вновь предупредительно открываетъ ему форточку. Констатировавши фактъ болѣе медленнаго абсолютнаго роста крупныхъ фермъ по величинѣ занимаемой ими площади — слѣдовательно, фактъ *относительнаго* ихъ уменьшенія—онъ тотчасъ-же спѣшитъ объяснить это лишь кризисомъ до-капиталистическаго крупнаго плантаторскаго хозяйства на югѣ да полнымъ упадкомъ (Verkommen) сельскаго хозяйства на „истощенномъ сѣверо-востокѣ". Отсюда снова старый выводъ, лишь въ видоизмѣненной формѣ: „Тамъ, гдѣ въ Америкѣ идетъ впередъ современное сельское хозяйство, крупныя предпріятія по величинѣ занимаемой ими площади быстро возрастаютъ". Мелкое производство одерживаетъ верхъ только тамъ, гдѣ сельское хозяйство падаетъ, или гдѣ вступаетъ въ конкурренцію съ крестьянскимъ хозяйствомъ до-капиталистическое крупное хозяйство **).

Герцъ съ образцовой ясностью рисуетъ рядомъ данныхъ и цифръ дѣйствительное положеніе дѣла въ противовѣсъ этимъ голословнымъ попыткамъ спасти хоть остатки догматики. Вѣрно

*) Въ статьѣ, русскій переводъ которой «Хлѣбная промышленность въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ» былъ помѣщенъ въ «Отеч. Зап.» 1883 г.

**) «Die Agrarfrage», ss. 134, 135.

какъ разъ обратное тому, что говоритъ Каутскій. Колоссально растутъ по величинѣ занимаемой площади фермы-гиганты на западѣ и въ нѣкоторыхъ штатахъ сѣверо-центральнаго подраздѣленія. Но никакого роста ихъ *на счетъ мелкихъ трудовыхъ хозяйствъ* здѣсь не наблюдается; послѣднія также растутъ, потому что здѣсь рѣчь идетъ о штатахъ, въ которыхъ было еще достаточно необработанныхъ земель. Все это — сравнительно новые штаты. Значительная часть земель при этомъ захватывается вовсе не для „капиталистической обработки въ грандіозномъ масштабѣ", а просто ради цѣлей спекулятивныхъ. Масса занятыхъ земель, вовсе не поступающихъ въ обработку, а лежащихъ впустѣ, служитъ лучшимъ доказательствомъ этого. И чѣмъ больше въ штатѣ % „фермъ-гигантовъ" тѣмъ больше и % такихъ пустующихъ земель; чѣмъ быстрѣе ростъ первыхъ, тѣмъ быстрѣе ростъ и послѣднихъ. Но и обрабатываемыя земли страдаютъ отъ хищническаго хозяйства, что сказывается на уменьшеніи сбора хлѣба съ десятины. Такимъ образомъ, здѣсь оправдываются уже цитированныя нами и постоянно забываемыя марксистами-догматиками слова Маркса: „всякій прогрессъ *капиталистическаго* земледѣлія есть не только прогрессъ въ искусствѣ эксплуатировать работника, но въ то же время и въ искусствѣ *истощать почву*... Каждый шагъ на пути увеличенія ея плодородія, для даннаго періода времени, есть въ то же время шагъ *къ разрушенію на долгое время источника этого плодородія*... Чѣмъ болѣе развитіе какой-либо страны, *напримѣръ*, *Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ*, основывается на крупной промышленности, тѣмъ быстрѣе происходитъ этотъ процессъ разрушенія" *).

Иная картина на якобы „истощенномъ сѣверо-востокѣ", гдѣ, напротивъ того, наблюдается сильнѣйшее увеличеніе затратъ на удобренія, меліораціи, машины, ростъ интенсивныхъ культуръ на счетъ экстенсивныхъ и въ результатѣ *ростъ производительности*, увеличеніе сбора зерна съ десятины; сѣверо-атлантическіе штаты, раньше значительно отстававшіе въ этомъ отношеніи отъ восточныхъ, съ ихъ дѣвственной, нетронутой почвой, успѣли уже опередить ихъ. За то „фермы-гиганты" здѣсь сократились почти на цѣлую четверть — откуда и апріорное заключеніе Каутскаго **) объ „упадкѣ сельскаго хозяйства на истощенномъ сѣверо-востокѣ". До такой степени не оправдало и не оправдываетъ здѣсь капиталистическое веденіе сельскаго хозяйства en grand возлагавшихся на него надеждъ ***).

---

*) Марксъ, «Капиталъ», т. I, изд. второе, стр. 442.

**) Опять-таки характерно, что въ своемъ отвѣтѣ Герцу Каутскій хранитъ мертвое молчаніе и по этому пункту.

***) Прибавимъ еще, что цифрами и свидѣтельствами американскихъ статистиковъ Герцъ устанавливаетъ два факта: 1) именно въ тѣхъ областяхъ, гдѣ такъ быстро растутъ «фермы-гиганты», мы видимъ и чрезвычайный при-

Не менѣе характерные результаты даетъ опытъ Франціи. Въ данномъ отношеніи она тѣмъ болѣе интересна, что, во первыхъ, изъ всѣхъ странъ европейскаго континента въ ней существуетъ наибольшая свобода мобилизаціи земельной собственности, и что, во вторыхъ, экспропріація мятежнаго дворянства во время великой французской революціи радикально перемѣнила личный составъ землевладѣльцевъ. Такимъ образомъ, для современнаго хозяйственнаго развитія почва была вдвойнѣ очищена отъ феодальныхъ пережитковъ: исчезли не только феодальныя учрежденія, сковывавшія сельское хозяйство, смѣнились и люди, воспитанные въ старофеодальной атмосферѣ. На ряду съ крестьянствомъ на мѣсто старой феодальной знати явились дѣльцы новой формаціи изъ буржуазіи. Въ то же время уничтоженіе общиннаго землевладѣнія, казалось, разрушало внутри страны послѣднее препятствіе свободному шествію капитализма, тогда какъ извнѣ его оберегалъ аграрный протекціонизмъ. Наконецъ, отсутствіе свободныхъ, незанятыхъ земель дѣлало вытѣсненіе мелкаго земледѣлія необходимымъ для расширенія крупнаго капиталистическаго.

Немудрено, что старые теоретики марксизма были убѣждены, что послѣ Соединенныхъ Штатовъ Франція даетъ лучшее подтвержденіе ихъ теоріи. Интересны, напр., мѣста, относящіяся къ французскимъ поземельнымъ отношеніямъ, въ „Grund-und-Boden-Frage“ Либкнехта. Онъ уже былъ убѣжденъ, что собственными глазами видитъ полное уничтоженіе французскаго крестьянства. „Die französischen Ackerbauer sind bankrout“, констатируетъ онъ на основаніи ряда болѣе или менѣе сомнительныхъ отзывовъ „свѣдущихъ людей“ и предрекаетъ, что даже если бы французскихъ крестьянъ освободить отъ тягостей по участію въ содержаніи государства, переложивъ эти тягости на индустрію,—въ фактѣ банкротства крестьянства ничего не измѣнилось бы. Система мелкой поземельной собственности неизбѣжно переходитъ въ парцеллярную систему, эта послѣдняя „пауперизируетъ“ и „обезлюживаетъ“ Францію; при ней французскій крестьянинъ „только истощаетъ и самого себя, и землю“, его клочекъ земли „сдѣлался для него тяжестью, проклятіемъ, оковами, петлей, сдавливающей его шею“. Само собой разумѣется, что французская поземельная система „должна, наконецъ, перейти въ англійскую (т. е. систему крупнаго капиталистическаго землевладѣнія) путемъ перехода мелкихъ дворовъ въ руки кредиторовъ-капиталистовъ или продажи съ молотка тѣмъ, кто больше имѣетъ и больше дастъ“. Никакія мѣропріятія не могутъ здѣсь помочь, ибо причины этого—чисто экономическія:

ростъ ипотечной задолженности; причиной является тотъ фактъ, что въ спекулятивныхъ операціяхъ съ покупкой и продажей земли кредитъ играетъ огромную роль; 2) сравнительно съ Европой большій % новыхъ отягощеній ипотеками выпадаетъ на крупныя суммы. Вообще Герцъ не видитъ въ задолженности большой опасности для американскаго фермерства.

„меньшая производительность земли при расточеніи труда, истощеніе почвы—вотъ хозяйственная особенность парцеллярной системы въ противоположность крупному земледѣлію". *)

Пріемы доказательства этого положенія были болѣе чѣмъ просты. Либкнехтъ сравниваетъ средній сборъ зерна съ акра въ Англіи и во Франціи; въ первой онъ оказывается высшимъ, чѣмъ во второй; въ то же время въ первой—капиталистическое фермерство, а во второй—мелкое крестьянство. Слѣдовательно...

Либкнехтъ не принялъ во вниманіе хотя бы слѣдующаго простѣйшаго обстоятельства. Лондонъ — центръ международнаго хлѣбнаго рынка; въ него стремится дешевый продуктъ странъ съ дѣвственной, нетронутой почвой. Понятно, что только лучшія англійскія хозяйства, съ лучшею почвой и наиболѣе раціональной обработкой могутъ устоять передъ этой конкурренціей. Худшія почвы или просто забрасываются, или запускаются подъ луговое, подъ лѣсное хозяйство, обращаются, наконецъ, въ парки, въ дачи etc. Понятно, что при такихъ условіяхъ средній сборъ зерна съ десятины долженъ быть очень высокъ. Напротивъ, для французскаго земледѣлія, огражденнаго промышленнымъ протекціонизмомъ, является достаточно выгодной и менѣе раціональная обработка вообще, и обработка менѣе плодородныхъ земель. Отсюда—болѣе низкій сборъ зерна съ десятины.

Ошибка Либкнехта — типичная ошибка ортодоксальнаго марксиста, для котораго „существенное", „фундаментальное" значеніе имѣютъ лишь факты непосредственно-экономическаго порядка, факты „производственные". Все, что происходитъ, есть болѣе или менѣе прямое ихъ слѣдствіе. Различія климата, расы, почвы, политики государства — все это quantité negligeable. Либкнехту и въ умъ не приходитъ, что рѣшать вопросъ о производительности мелкаго и крупнаго земледѣлія можно только сравненіемъ ихъ *при всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ*...

Но даже пользуясь методомъ Либкнехта, нельзя такъ „просто" рѣшить данный вопросъ. По величинѣ сбора зерна съ гектара земли западно-европейскія страны идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: первое мѣсто занимаетъ Англія, затѣмъ идетъ типическая страна парцеллярной культуры—Бельгія, далѣе страны мелкой собственности Данія, Голландія и Швеція, и только затѣмъ—Франція **). Такимъ образомъ, въ четырехъ странахъ, каждая изъ которыхъ является еще болѣе страной мелкой земельной собственности, чѣмъ Франція, производительность земли стоитъ гораздо выше; ихъ поземельная система не мѣшаетъ имъ занимать, непосред-

*) Grund-und Bodenfrage, zweite Auflage, ss. 30, 33, 35, 82.

**) Небезынтересно также отмѣтить постоянный упадокъ производительности акра земли въ Англіи съ 1857 до 1880 гг. и рядомъ съ этимъ—постоянный ростъ производительности во Франціи (цифры съ 1815 по 1895 г.).

ственно вслѣдъ за Англіей, четыре первыхъ мѣста въ ряду прочихъ государствъ. Очевидно, что дѣло здѣсь вовсе не въ поземельной системѣ, или, по крайней мѣрѣ, не въ ней одной, а въ цѣломъ рядѣ совсѣмъ постороннихъ ей „факторовъ"...

Слѣдуя правилу:—сравнивать хозяйства разныхъ размѣровъ лишь при прочихъ равныхъ условіяхъ—Герцъ беретъ принятое въ агрономической статистикѣ дѣленіе Франціи на естественныя полосы или зоны и сравниваетъ лишь въ предѣлахъ каждой зоны производительность департаментовъ съ преобладающимъ мелкимъ и департаментовъ съ преобладающимъ крупнымъ земледѣліемъ. Что же оказывается? Въ производствѣ пшеницы преимущество на сторонѣ крупныхъ хозяйствъ въ трехъ зонахъ, а на сторонѣ мелкихъ хозяевъ—въ двухъ; въ производствѣ картофеля отношеніе обратное; въ винодѣліи — чаша вѣсовъ находится въ равновѣсіи; въ скотоводствѣ—рѣшительное преимущество на сторонѣ мелкихъ хозяйствъ, именно, по разведенію лошадей въ трехъ зонахъ противъ двухъ, а по разведенію свиней и коровъ—во всѣхъ пяти зонахъ *)

Герцъ далѣе примѣняетъ тотъ же самый пріемъ и къ изслѣдованію тѣхъ измѣненій, которыя происходятъ во Франціи въ распредѣленіи культивируемой площади между хозяйствами разныхъ размѣровъ. Не довольствуясь общими цифровыми данными, суммированными по всей Франціи, онъ разсматриваетъ тѣ слагаемыя, изъ которыхъ они составились, т. е. конкретныя мѣстныя измѣненія въ числѣ и величинѣ хозяйствъ, въ связи съ ихъ особенными мѣстными причинами. Онъ доказываетъ, что механически подведенный общій итогъ только скрываетъ характернѣйшія черты этихъ отдѣльныхъ хозяйственныхъ теченій и даетъ совершенно превратную общую картину эволюціи. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ детали этой его аргументаціи **). Замѣтимъ только, что ни въ чемъ такъ ярко не проявляется различіе двухъ этихъ авторовъ—Герца и Каутскаго—какъ въ томъ, что для перваго всегда стоитъ на первомъ планѣ изученіе мѣстныхъ особенностей аграрной эволюціи, тогда какъ слабый пунктъ второго—это „генерализированіе" всѣхъ сужденій

*) Гораздо меньшее научное значеніе можетъ имѣть аргументація Давида, который въ своей статьѣ «Bäuerliche Barbaren» сравниваетъ производительность полей въ мелкокрестьянскихъ мѣстностяхъ Германіи (Баденъ, Гессенъ, etc.) и въ крупно-владѣльческихъ (Остэльбія). Рѣшительное превосходство первыхъ надъ послѣдними ничего еще не доказываетъ, ибо по условіямъ почвеннымъ и климатическимъ сравниваемыя мѣстности пришлось бы отнести къ различнымъ хозяйственнымъ зонамъ. Въ данной статьѣ мы почти не затрогивали ряда др. интересныхъ статей Давида («Soziale Verschiedenheiteu zwischen Industrie u. Landwirthschaft», «Konkurrenzfähigkeit des Kleinbetriches»), ибо онъ еще не достаточно высказался. Подождемъ приготовляемой имъ большой книги объ аграрномъ вопросѣ.

**) Тѣмъ болѣе, что подробное выясненіе положенія Франціи въ аграрномъ отношеніи Герцъ обѣщаетъ дать въ спеціальной монографіи.

и выводовъ. Это различіе лишь частное проявленіе противоположности основныхъ точекъ зрѣнія. Припомнимъ, что для Каутскаго существуетъ лишь одинъ „естественный путь развитія“ (капитализація и индустріализація сельскаго хозяйства) и единый „аграрный вопросъ“, тогда какъ для Герца существуютъ разныя комбинаціи условій, разныя тенденціи хозяйственнаго развитія, и сообразно этому разнообразные и многочисленные аграрные вопросы, аграрныя проблемы...

Въ этомъ отношеніи Герцъ въ настоящее время уже имѣетъ многочисленныхъ союзниковъ. Повсюду народилась и назрѣла реакція противъ догматическихъ шаблоновъ, стоящихъ поперекъ пути истинному, непредубѣжденному изслѣдованію живой дѣйствительности.

Вотъ что, напримѣръ, пишетъ объ Италіи во французскомъ журналѣ „Devenir Social“ Луиджи Эйноди *): „Поспѣшныя обобщенія и прямолинейные дедуктивные выводы наталкиваются на крайнее разнообразіе формъ, зависящихъ отъ условій времени, мѣста, нравовъ. Крайнее различіе формъ аграрныхъ контрактовъ и размѣровъ владѣній показываетъ, до какой степени тщетнымъ является стремленіе найти единообразный законъ, который-бы, какъ мистическая нить, всѣ ихъ объединялъ въ одно и то же цѣлое и давалъ вѣрное и непогрѣшимое универсальное средство противъ существующихъ золъ. Изученіе условій аграрной экономіи должно направляться не на общія черты, а на особенности и своеобразія... Только эти послѣднія опредѣляютъ, обособляютъ постоянный и общій характеръ экономіи націй. Невозможно приложить одни и тѣ-же принципы, объяснить однимъ и тѣмъ-же способомъ разнообразныя формы аграрной экономіи, господствующія въ Италіи. Отъ снѣжныхъ вершинъ Альпъ до обнаженныхъ и знойныхъ ландъ Сициліи аграрныя проблемы возникаютъ тысячами, постоянно въ новомъ видѣ; климатъ, условія орошенія, плодородіе почвы, историческія традиціи и еще до сихъ поръ ощущаемое могущественное вліяніе уже исчезнувшихъ въ историческомъ круговоротѣ правительствъ—все это оказываетъ такое сложное воздѣйствіе на аграрную экономію и на соціальную организацію, что только тщательное раздѣльное эмпирическое изученіе можетъ дать намъ возможность оріентироваться“... „Мы, такимъ образомъ, освѣтимъ ошибку тѣхъ, которые полагаютъ, будто всѣ соціальные феномены и всѣ формы пріобрѣтенія экономическихъ благъ должны—направляемые я ужъ не знаю какой мистической и безсознательной причиной—слѣдовать по той-же самой траекторіи и достигать, въ концѣ концовъ, единообразнаго состоянія равновѣсія, предварительно пройдя тѣ же самыя фазы

*) «Les formes et les transformations de l'économie agraire du Piemont», par Luigi Einaudi, extrait du «Dev. Soc.», Paris, 1897, p. 2—3.

эволюціи; тамъ, гдѣ силы, опредѣляюшія соціальное явленіе, различны, — пройденныя траекторіи должны быть также различны, и всѣ логическія попытки ихъ отождествленія—тщетны".

Въ итогѣ своей прекрасной статьи, которую мы рекомендуемъ вниманію всѣхъ, интересующихся вопросомъ, Эйноди приходитъ къ слѣдующимъ результатамъ. Для него Пьемонтъ раздѣляется на три естественныя зоны, причемъ въ каждой обнаруживается своя, особая внутренняя тенденція. „Въ горной зонѣ упорно держится крестьянская общинная собственность; ни законъ, ни измѣненіе экономическихъ условій не оказываютъ на нее вліянія; напротивъ того, расширеніе рынка, повидимому, дѣлаетъ и необходимымъ, и неизбѣжнымъ возстановленіе начала ассоціаціи, сліяніе индивидуальныхъ силъ путемъ общественныхъ молочныхъ, общей продажи масла, сыровъ etc.". Въ зонѣ холмовъ не менѣе стойко и упорно держится мелкая индивидуальная собственность, проявляя большую жизненность и приспособляемость къ мѣняющимся хозяйственнымъ условіямъ. Въ зонѣ равнинъ и низменностей, напротивъ, развиваются крупныя предпріятія на капиталистическихъ началахъ, съ примѣненіемъ новѣйшей техники; ея трудовымъ основаніемъ являются бродячія артели земледѣльческихъ пролетаріевъ съ „капраломъ" (русскій подрядчикъ) во главѣ *).

Небезынтересны и соображенія по этому поводу другого итальянскаго писателя, Джероламо Гатти, въ его новѣйшемъ сочиненіи, анализирующемъ новыя теченія въ аграрной экономіи, „Le nuove correnti dell'economia agricola" (Milano-Palermo, 1900). Онъ констатируетъ, что широкія зоны латифундій согласно общему правилу представляютъ собою печальную картину. Латифундіи могутъ называться „крупными предпріятіями" только по своимъ пространственнымъ размѣрамъ, а отнюдь не по внутренней организаціи. Въ нихъ отсутствуютъ два признака, характерные для настоящихъ капиталистическихъ предпріятій: 1) обильное приложеніе капитала, и 2) созданіе класса наемныхъ рабочихъ. Латифундіи по большей части характеризуются абсентеизмомъ владѣльцевъ, стремленіемъ ихъ сдавать землю въ аренду, или прямо крестьянамъ, или посредникамъ-спекуляторамъ. Въ большомъ распространеніи контракты изъ доли урожая, ибо при нихъ крестьяне заинтересованы въ хорошемъ ходѣ хозяйства. Сами владѣльцы латифундій не могутъ справиться съ производственными задачами **).

---

*) Ibid., p, 35.

**) Колайани («La question agraire en Sicile», «Societé Nouvelle», 1894, juillet-août), характеризуя латифундіи, приводитъ слова объ нихъ одного изъ лучшихъ агрономовъ: «Les couvents, quoique appelés *mainmortes*, semblent des mains vivantes par comparaison des propriétaires actuels». См. также G. Salvioli «Le latifundium sicilien et son mode d'exploitation» (Dev. Social, № 5, 1895) и Colajani, «In Sicilia. Gli avvinementi et le cause», Roma 1894.

Причины этого Гатти сводитъ къ болѣе общему факту—отсутствію параллелизма между капитализмомъ индустріальнымъ и аграрнымъ, которому онъ посвящаетъ въ своей книгѣ особую главу (Il capitale nell'agricoltura. Mancato parallelismo fra capitalismo industriale et capitalismo agricolo).

Особенности аграрной эволюціи, становящіяся поперекъ дороги аграрному капитализму, сводятся, по Гатти, прежде всего къ слѣдующему.

Во-первыхъ, для полученія наибольшей возможной высоты дохода въ агрикультурѣ требуется приложеніе болѣе сложныхъ производственныхъ средствъ, чѣмъ въ индустріи. Крупныя индустріальныя мастерскія для металлическихъ и деревянныхъ издѣлій основываются на механической физикѣ (машины), крупныя ткацкія фабрики также на механикѣ (машины), стеклянные заводы—на термической физикѣ, фабрики красильныхъ, питательныхъ веществъ и медикаментовъ—на химіи и т. д. Словомъ, можно сказать, что по общему правилу отдѣльныя индустріальныя отрасли основываютъ свой процессъ производства каждая на той или другой отдѣльной отрасли физики или химіи. Напротивъ, агрикультурѣ необходимы производственныя средства, основанныя на физикѣ въ разныхъ ея частяхъ, какъ механика (машины), гидравлика (ирригація), термофизика (termosifoni), на химіи (искусственныя удобрительныя вещества), на зоотехникѣ (воспитаніе и подборъ скота), на зоологіи (изученіе и анализъ почвъ), на бактеріологіи (болѣзни животныхъ и растеній, бактеріологическая химія бродильныхъ процессовъ), кромѣ того на широкомъ приложеніи ручной работы человѣка даже въ наиболѣе прогрессивныхъ отрасляхъ агрикультуры (напр., землекопательныя работы, посадка растеній, витикультура и т. д.).

Во-вторыхъ, въ связи съ этимъ стоитъ бо̀льшая стоимость производственныхъ средствъ и операцій сравнительно съ другими отраслями промышленности. Такъ, по свидѣтельству спеціалистовъ, современная стоимость земли въ верхней Ломбардіи,—классической странѣ интенсивной культуры—только-только покрываетъ издержки, сдѣланныя для того, чтобы привести землю въ то состояніе (относительно орошенія и удобренія), въ которомъ она теперь находится. Гатти съ своей стороны замѣчаетъ, что если при капитализаціи стоимости имѣнія въ Тосканскихъ холмахъ подсчитать всѣ огромныя затраты на первоначальную вспашку, на безчисленныя сооруженія закрѣпъ и плотинъ, на различныи строенія, которыя обходятся такъ дорого изъ-за перевозки матеріаловъ, на удобренія, необходимыя для того, чтобы сдѣлать годными для обработки эту почву, часто состоящую изъ туфа,—то будетъ ясно, что вся настоящая стоимость имѣнія не составитъ и трети стоимости расходовъ, сдѣланныхъ для того, чтобы привести его въ настоящій видъ. Недаромъ Herisson заяв-

ляетъ, что для выполненія какъ слѣдуетъ ирригаціонныхъ работъ „требуется настолько большой капиталъ и такой длинный срокъ времени, что предпринимать ихъ могутъ лишь богатыя и цивилизованныя націи“. Понятно, что если къ покупной цѣнѣ имѣнія (капитализированная рента) прибавить еще стоимость издержекъ, необходимыхъ для раціональной капиталистической культуры, то окажется, что завести крупное сельско-хозяйственное предпріятіе будетъ сопряжено съ бо́льшими издержками, чѣмъ завести такое-же крупное индустріальное.

Въ третьихъ, чрезвычайно важной особенностью земледѣлія сравнительно съ индустріей является сопротивленіе естественной среды, почти совершенно исключенное въ индустріи, гдѣ естественныя моторныя силы (теченіе воды) могутъ быть замѣнены паромъ и электричествомъ. Слѣдствіемъ этой эмансипаціи индустріи отъ вліянія природной среды является *непосредственный* и *непрерывный* характеръ производства. Непосредственный, потому что въ индустріи искусственными средствами прямо производятся такія измѣненія въ первоначальной матеріи, которыя въ агрикультурѣ выжидаются, какъ результатъ длительнаго вліянія силъ природныхъ; непрерывный, потому-что, какъ общее правило въ индустріи, производство можетъ идти круглый годъ, круглыя сутки, день и ночь. Напротивъ агрикультурѣ приходится считаться съ пассивнымъ и активнымъ сопротивленіемъ природной среды. Пассивное сопротивленіе состоитъ въ циклѣ временъ года и въ законахъ физіологіи животнаго и растительнаго царства, регулирующихъ медленный и періодическій ростъ жатвы и сельско-хозяйственнаго скота. Активное—въ атмосферическихъ пертурбаціяхъ (градъ, засухи, чрезмѣрные или преждевременные морозы, дожди, вѣтры) и въ паразитическихъ болѣзняхъ растеній и животныхъ (микробы почвы, воды и воздуха). Съ тѣмъ и другимъ, конечно, можно бороться, но уже самая необходимость борьбы и ея размѣры представляютъ невзгоды агрикультуры сравнительно съ индустріей въ отношеніи производительности. Отсутствіе въ сельско-хозяйственномъ промыслѣ того характера непосредственности, который отличаетъ индустрію, сопряжено (кромѣ потери времени „въ мертвый сезонъ“, зимой,—значеніе чего прекрасно разъяснено во II томѣ „Капитала“ Марксомъ) съ продолжительными подготовительными періодами. Такъ, напр., витикультура требуетъ, чтобы капиталъ лежалъ, не принося дохода, въ теченіе пяти-шести лѣтъ, пока подрастутъ виноградныя лозы и дадутъ первый сборъ; точно такъ же и вообще культура плодовыхъ деревьевъ,—не говоря уже о культурѣ оливокъ—или лѣсоводство, гдѣ требуются десятилѣтія такого ожиданія. Превращеніе почвы, недостаточно богатой перегноемъ, въ почву плодородную не можетъ быть достигнуто въ какой-нибудь годовой срокъ; всякаго рода преобразованія старой культуры въ новѣй-

шую, современную требуетъ болѣе или менѣе долгихъ періодовъ ожиданія; гдѣ для созданія дающаго доходъ индустріальнаго предпріятія требуется годъ, тамъ въ агрикультурѣ требуется десятилѣтіе.

Это отсутствіе непрерывнаго и непосредственнаго характера производства, эта продолжительность непроизводительнаго лежанія капитала обусловливаетъ собою, естественно, извѣстную *неповоротливость* сельскохозяйственныхъ предпріятій, что затрудняетъ приспособленіе къ мѣняющимся условіямъ рынка. Правда, спросъ на продукты сельскаго хозяйства можно разсматривать какъ величину болѣе устойчивую и постоянную, чѣмъ спросъ на индустріальные продукты; первые болѣе, чѣмъ послѣдніе, являются предметами первой необходимости и потому не зависятъ отъ капризовъ моды. Но за то предложеніе продуктовъ мѣняется гораздо болѣе сильно. Обработка новыхъ земель, урожай и неурожай, измѣненіе въ условіяхъ транспорта etc. способны производить цѣлыя революціи въ условіяхъ сбыта, а быстротой приспособленія, которая можетъ здѣсь выручить, агрикультура какъ разъ и не обладаетъ. Вотъ почему вмѣсто раціональнаго хозяйства къ условіямъ мірового рынка и денежнаго капиталистическаго хозяйства болѣе приспособленной оказывается самая хищническая и поверхностная спекуляція. Вотъ почему также аграрный капитализмъ проявляетъ такое сильное тяготѣніе къ протекціонизму, облегчающему его существованіе, но обостряющему его темныя стороны для массъ потребителей, для громаднаго большинства страны.

Сюда слѣдуетъ еще присоединить: 1) меньшее удобство приложенія капитала, и 2) меньшую обезпеченность отъ риска. Первое обусловливается тѣмъ, что низшая степень культурныхъ удобствъ деревенской жизни ведетъ къ абсентеизму владѣльцевъ, тяготѣющихъ къ городскимъ центрамъ, и мѣшаетъ приложенію промышленной предпріимчивости, промышленнаго генія, изучающаго тщательно всѣ изгибы процесса производства съ реформаторскими цѣлями. Вторая обусловливается случайностями и капризами погоды, благодаря которымъ создаются такія колебанія производительности, которыя неизвѣстны индустріи. Всѣ эти обстоятельства служатъ „достаточнымъ основаніемъ“ тому факту, что капиталъ, знающій только одну притягательную, магнетическую силу—высокій доходъ—не особенно спѣшитъ проявить свои творческія способности на земледѣліи.

Эти соображенія итальянскаго экономиста хорошо дополняютъ и иллюстрируютъ марксовскій анализъ отрицательныхъ сторонъ аграрнаго капитализма, анализъ, которому мы посвятили третью главу настоящихъ очерковъ. Гатти далѣе констатируетъ, что въ Италіи сплошь и рядомъ мелкое производство соединяется съ интенсивной культурой, тогда какъ крупное—съ экстенсивной,

такъ что превосходство въ производственномъ отношеніи оказывается на сторонѣ перваго и обусловливаетъ обнаруживаемую имъ жизненность, стойкость, способность бороться, конкуррировать съ крупными хозяйствами. Меньшая зависимость отъ рынка обезпечиваетъ ему бо̀льшую устойчивость и постоянство хозяйственныхъ условій; при помощи коопераций оно усваиваетъ, вслѣдъ за передовыми капиталистическими хозяйствами, новые способы производства.

Итакъ „капиталъ не устремляется къ агрикультурѣ съ такой широтой, какъ бы хотѣлось многимъ кабинетнымъ прорицателямъ...“ Въ силу указанныхъ выше условій „агрикультура, принимая даже, что она мало-по-малу стремится принять характеръ индустріи, основывается на условіяхъ, фундаментально различныхъ съ условіями послѣдней, и регулируется своими особенными экономическими законами, отличными отъ тѣхъ, которыми регулируется индустріальное развитіе“ *). Старая марксистская экономія, напротивъ, ошибочно настаивала на параллелизмѣ между той и другой. Но этотъ параллелизмъ рѣшительно опровергнутъ наблюденіями послѣднихъ десятилѣтій, и держаться за него можно лишь въ силу „политическаго догматизма“ и „умственной инертности“ **) „Ошибка экономистовъ-марксистовъ состоитъ въ томъ, что для нихъ насколько единъ идеалъ, цѣль, къ которой тяготѣетъ общественно-историческая эволюція, настолько же единообразнымъ представляется и способъ ея реализаціи. Съ ихъ точки зрѣнія экономическая эволюція идетъ отъ стараго феодальнаго экономическаго порядка къ новому, планомѣрно-общественному посредствомъ одного великаго пути—современной капиталистической экономики. Это вѣрно для индустріальной эволюціи, но, напротивъ, невѣрно для эволюціи аграрной. Послѣдняя въ настоящее время переходитъ отъ феодальнаго строя стараго времени къ планомѣрно общественному строю будущаго чрезъ посредство двухъ равно самостоятельныхъ крупныхъ теченій: капиталистическаго (концентрація собственности подъ господствомъ капитала) и кооперативнаго (объединеніе собственности путемъ ассоціацій)“ ***).

Гатти—какъ уже достаточно ясно видно изъ предыдущаго, примыкаетъ къ тому новѣйшему теченію, которое выставило на своемъ знамени слова „само-критика марксизма“; онъ самъ заявляетъ это открыто въ предисловіи къ своей книгѣ. Выслушаемъ теперь другого представителя того же теченія блестящаго оратора и писателя Эмиля Вандервельда.

Въ своей брошюрѣ, надѣлавшей года два назадъ много шума

*) Gerolamo Gatti, l. c., 138—139.
**) Ibid., стр. 143.
***) Ibid., стр. 507—508.

(„Les noces d'or etc.") онъ рѣшительно высказался, по случаю работъ Бернштейна, противъ всякихъ попытокъ превращать идеи Маркса „въ символъ вѣры, въ неизмѣнныя и непоколебимыя формулы, одинаково приложимыя во всѣхъ странахъ, во всѣ времена, при всякихъ мѣстныхъ условіяхъ и особенностяхъ, и ко всѣмъ фазисамъ развитія въ будущемъ". Жизнь не стоитъ на мѣстѣ. „Тѣ, кто считаетъ факты достойными большаго уваженія, чѣмъ самые уважаемые авторитеты,—естественно, должны... подвергать критикѣ формулы, считавшіяся до сихъ поръ несомнѣнными и неоспоримыми". И прежде всего такой критикѣ подлежитъ законъ капиталистической концентраціи, согласно которому „всякая собственность и всякое производство *необходимо* должны пройти черезъ три послѣдовательныхъ фазиса: индивидуальный, капиталистическій и коллективный", а слѣдовательно „мелкіе производители, для того, чтобы войти въ общественный рай будущаго, должны будутъ пройти сначала черезъ капиталистическое чистилище, предварительно лишившись индивидуальныхъ средствъ производства въ пользу болѣе успѣшныхъ конкуррентовъ".

Въ другомъ, болѣе крупномъ трудѣ, Вандервельдъ ставитъ вопросъ: „Остается разсмотрѣть, имѣетъ ли законъ капиталистической концентраціи, этотъ *законъ трехъ состояній* соціологіи—собственность индивидуальная, собственность капиталистическая и собственность коллективная—имѣетъ ли онъ ту непреоборимую необходимость, которую ему приписываютъ большею частью?... справедливо ли, что каждая промышленность должна пройти всѣ фазисы капиталистической эволюціи? неизбѣжно ли, что преобразованіе не можетъ быть прямымъ и требуетъ необходимо экспропріаціи мелкихъ собственниковъ крупными капиталистами?" *). Онъ отвѣчаетъ на эти вопросы рѣшительнымъ отрицаніемъ. Проанализировавъ статистическія и иныя данныя по Бельгіи, Вандервельдъ приходитъ къ заключенію, что одинаково ошибаются какъ тѣ, которые полагаютъ, будто поземельная собственность въ Бельгіи все болѣе раздробляется въ пользу непосредственныхъ производителей, такъ и тѣ, которые „нѣсколько наивно представляютъ себѣ, будто во всѣхъ отрасляхъ капиталистическаго производства мелкія предпріятія исчезаютъ или находятся наканунѣ исчезновенія для того, чтобы очистить мѣсто для все уменьшающагося числа крупныхъ предпринимателей" **). Конечно, „при прочихъ равныхъ условіяхъ мелкая культура стоитъ на гораздо низшей ступени сравнительно съ крупной" ***); но теперь борьба

*) Глава «La petite proprieté rurale» въ коллективномъ трудѣ Дестре и Вандервельда о Бельгіи (Paris, Giard & Brière, 1898, p. 363). Всѣ главы объ аграрномъ вопросѣ въ этой книгѣ принадлежатъ исключительно перу Вандервельда.

**) Ibid., p. 416.

***) Ibid., p. 423.

идетъ не только между хозяйственными единицами разныхъ размѣровъ, но и между *качественно различными* хозяйственными единицами: съ одной стороны трудовая, въ значительной степени самопотребительская форма мелкаго крестьянскаго хозяйства, съ другой стороны — товарно-капиталистическая, эксплуататорская форма крупнаго хозяйства. Это осложняетъ дѣло. Съ одной стороны, „бракъ, союзъ труда и собственности не компенсируетъ вполнѣ недостатковъ изолированнаго труда"; съ другой стороны, въ капиталистическихъ предпріятіяхъ „ихъ разводъ частью нейтрализуетъ преимущества ассоціированной работы" *). Этимъ разстояніе между конкуррентами уже уменьшается довольно значительно. Затѣмъ вмѣшиваются еще другія условія. Въ земледѣліи, при нормальныхъ условіяхъ, цѣны опредѣляются стоимостью производства на земляхъ худшаго качества, остальныя земли даютъ дифференціальную ренту. Но крестьянину нѣтъ дѣла до ренты, онъ ищетъ въ своемъ промыслѣ только вознагражденія за трудъ, и потому можетъ за счетъ ренты продавать продуктъ дешевле и побѣдоносно выдерживать конкурренцію. Съ другой стороны, послѣ наплыва дешеваго хлѣба изъ за океана значительная роль въ крестьянскомъ хозяйствѣ собственнаго потребленія, меньшая зависимость отъ рынка составляла до извѣстной степени его преимущество сравнительно съ капиталистическими хозяйствами, всецѣло работавшими на рынокъ и потому всего сильнѣе испытавшими тяжкіе удары сильныхъ заатлантическихъ конкуррентовъ. Далѣе, капиталистическія хозяйства, страдая отъ недостатка постоянныхъ рабочихъ, вынуждались сами надѣлять ихъ землей, чтобы приковать къ мѣсту, и, слѣдовательно, вмѣсто уничтоженія мелкаго хозяйства и собственности насаждали ихъ. Затѣмъ, усиленіе спроса на землю сдѣлало болѣе выгоднымъ сдавать землю въ аренду или продавать мелкими участками, чѣмъ крупными; это также способствовало устойчивости мелкаго хозяйства. Наконецъ, „капиталистическое производство представляетъ даже съ точки зрѣнія производительности много несовершенствъ, которыя частью нейтрализуютъ ея преимущества". „Крупная капиталистическая культура, отягощенная тяжелою ношею въ видѣ земельной ренты, принужденная оплачивать относительно дорого рабочихъ, которые нисколько не заинтересованы въ качествѣ и интенсивности своего труда, задерживаемая въ своемъ прогрессѣ законодательствомъ, которое жертвуетъ общими интересами страны плохо понятому интересу собственниковъ,—эта крупная культура, говоримъ мы, не обладаетъ *для даннаго момента* рѣшительнымъ перевѣсомъ надъ другими формами земледѣльческихъ предпріятій" **). Итакъ, хотя будущее принадлежитъ крупному производ-

*) Vandervelde & Destrée, op. cit., p. 428.
**) Ibid., p. 428.

ству, хотя мелкое производство и собственность обречены на исчезновеніе, но „изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы это исчезновеніе непремѣнно должно было произойти въ пользу крупной собственности и капиталистическаго производства“. „Преимущество крупной капиталистической культуры надъ мелкой заключается главнымъ образомъ въ раздѣленіи труда и въ ассоціаціи капиталовъ. Но люди никакъ не могутъ себѣ представить, какъ бы это кооперація могла имѣть успѣхъ даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ господствуетъ капитализмъ. А между тѣмъ нѣтъ ровно никакого матеріальнаго препятствія къ тому, чтобы отдѣльные землевладѣльцы, да и вообще независимые мелкіе производители осуществляли между собой для своей обоюдной выгоды ту же самую ассоціацію капиталовъ, необходимыхъ для производства“. („Les noces d'or etc.“).

Такимъ образомъ, подобно Гатти, и Вандервельдъ признаетъ два основныхъ типа экономической эволюціи—капиталистическій и некапиталистическій.

И современное трудовое крестьянское хозяйство, и современное капиталистическое имѣютъ свои положительныя и свои отрицательныя стороны. Нужна высшая, синтетическая форма, которая бы соединяла преимущества и устраняла недостатки обѣихъ. Крупной культурѣ въ ея современномъ видѣ не достаетъ преимущества—коллективнаго характера собственности; она его достигнетъ путемъ экспропріаціи. Съ другой стороны, мелкой разрозненной собственности недостаетъ коллективнаго характера работъ; она достигнетъ его посредствомъ ассоціаціи *).

„Въ самомъ дѣлѣ, мы не думаемъ, будто для того, чтобы подняться къ коллективной собственности, крестьяне собственники фатально и неизбѣжно осуждены спуститься сначала по наклонной плоскости, ведущей къ состоянію пролетаріата, а потомъ подняться по тернистому пути капиталистической эксплуатаціи къ высшему положенію. Имъ предстоитъ, напротивъ, попасть туда другими путями и избѣгнуть фазу пролетаризаціи, которая имъ угрожаетъ;—избѣгнуть, ассоціируя свои усилія, противополагая свою свободную кооперацію принудительной коопераціи крупныхъ предпріятій. И во всякомъ случаѣ нѣтъ никакого сомнѣнія, что процессъ преобразованія..., который совершается въ послѣдніе нѣсколько лѣтъ въ нашихъ деревняхъ, необходимо повлечетъ за собою исчезновеніе индивидуалистическихъ формъ культуры въ пользу ассоціированныхъ“ **).

Нерѣдко проводятъ аналогіи между положеніемъ крестьянъ и положеніемъ мелкихъ ремесленниковъ и торговцевъ. „Но въ то время, какъ эти послѣдніе большею частью очень трудно под-

*) Ibid., p. 429.
**) Ibid., p. 429.

даются на предложенія обратиться къ ассоціаціи, какъ къ оружію въ борьбѣ за свое существованіе, и противопоставляютъ только пассивное сопротивленіе капиталистической эксплуатаціи, наши крестьяне, наше сельское населеніе имѣетъ болѣе склонности и довѣрія къ коллективнымъ предпріятіямъ и обнаруживаетъ болѣе способностей къ кооперацiи“ *).

Въ брошюрѣ „Noces d'or“ Вандервельдъ находитъ возможнымъ уже въ настоящее время констатировать, что „земледѣльческая кооперація за послѣдніе годы сдѣлала такіе огромные успѣхи во всѣхъ странахъ (и особенно въ Бельгіи) что невозможно не считать ее факторомъ экономическаго перерожденія“.

И въ основномъ, цитированномъ выше трудѣ, онъ говоритъ: „и возможно и желательно, чтобы крестьяне, понявши, насколько невозможно въ одиночку бороться противъ капитализма, превратили бы свои парцеллярныя владѣнія въ общественныя... Съ этой точки зрѣнія и независимо отъ прямыхъ выгодъ, которыя онѣ доставляютъ своимъ членамъ, ассоціаціи между производителями для закупки сырья, машинъ, для продажи и обработки земледѣльческихъ продуктовъ должны быть разсматриваемы въ то же время, какъ первый этапъ къ объединенной собственности и какъ наиболѣе дѣйствительное средство сдѣлать для крестьянъ понятными ея выгоды“ **).

О дальнѣйшихъ шагахъ такого рода „некапиталистической эволюціи“ даетъ понятіе прекрасный примѣръ съ кооперативами по изготовленію молочныхъ продуктовъ (примѣръ, приводимый Вандервельдомъ въ той же брошюркѣ „Noces d'or“). Эта отрасль кооперативнаго дѣла начала развиваться съ 1889 г. Сначала кооперативамъ приходилось, конечно, выдержать конкурренцію частныхъ предпринимателей. Вандервельду извѣстны около 30 крупныхъ промышленныхъ молочныхъ, устроенныхъ большей частью по иниціативѣ крупныхъ земельныхъ собственниковъ. Но въ концѣ концовъ кооперативы восторжествовали. Благодаря собственному интересу участниковъ, оказалось, что, напримѣръ, кооперативамъ доставлялось чистое, цѣльное, тщательно собранное молоко, тогда какъ капиталистическія молочныя постоянно боролись съ злоупотребленіями поставщиковъ, разбавлявшихъ молоко водою, отказывавшихся поставлять молоко дешево и т. д.

„Это превращеніе молочнаго или, вѣрнѣе, маслодѣлательнаго и сырнаго производства въ кооперативное настолько подвинулось впередъ въ Бельгіи, что бельгійское правительство взялось съорганизовать всѣ отдѣльныя товарищества въ огромный трестъ или синдикатъ подъ именемъ „l' Assotiation des laiteries générales belges“. На обязанность распорядительнаго комитета этого

*) Ibid., p. 430—431.
**) Ibid., p. 438.

синдиката возложено устройство складовъ для сбыта его продуктовъ во всѣхъ большихъ городахъ и промышленныхъ центрахъ страны, организація сбыта заграницу, надзоръ за производствомъ, устройство подвижныхъ школъ молочнаго хозяйства, образованіе пробирной комиссіи для штампованія масла, молока и другихъ молочныхъ продуктовъ, организація стерилизованія молока, предназначеннаго для потребленія, устройство центральнаго учрежденія для разрѣзки масла, и т. д. Когда этотъ обширный проектъ, выработанный г. Колярдомъ Бови и одобренный съѣздомъ молочниковъ въ Брюсселѣ, будетъ приведенъ въ исполненіе, то можно будетъ сказать, что молочная промышленность въ Бельгіи почти обобществлена, не проходя черезъ капиталистическій фазисъ".

Кто не замѣтитъ въ этомъ примѣрѣ и соображеніяхъ Вандервельда отголоска старыхъ, старыхъ мыслей де-Папа о томъ, какъ неудобство изолированнаго хозяйства „приведетъ въ концѣ концовъ крестьянъ—собственниковъ къ культурѣ ассоціаціями... а затѣмъ, быть можетъ, къ солидаризированію самыхъ этихъ коопераций между собою..."? Это—та самая идея „обобществленія снизу", которая съ первыхъ дней существованія марксизма выдвинулась въ противовѣсъ его переоцѣнкѣ сначала капиталистическаго, а потомъ государственнаго „обобществленія сверху". Недаромъ Бельгія никогда не была ортодоксально-марксистской, и недаромъ недовольный ею за это Энгельсъ предрекалъ, что бельгійское движеніе, благодаря вліянію „прудонистскихъ принциповъ", пойдетъ „von nichts durch nichts zu nichts"... Увы! его предсказанія потерпѣли крушеніе, а широта и всесторонность бельгійскаго движенія сдѣлали его въ настоящее время образцомъ, по которому многому научаются многія „правовѣрныя" страны...

Отъ Бельгіи перейдемъ къ Голландіи. Выслушаемъ свидѣтельство компетентнаго лица, Флигена, являющагося, вмѣстѣ съ Ванъ-Колемъ и Трельстрой, однимъ изъ корифеевъ голландскаго марксизма. Въ своей статьѣ объ аграрномъ вопросѣ въ Голландіи и аграрной программѣ, выработанной на Утрехтскомъ и Арнгеймскомъ партейтагѣ *), онъ прежде всего заявляетъ, что опытъ привелъ его и товарищей къ слѣдующему заключенію: „необходимо судить объ аграрномъ вопросѣ и аграрныхъ отношеніяхъ по иному масштабу, чѣмъ тотъ, который вполнѣ примѣнимъ къ отношеніямъ, возникающимъ въ обработывающей промышленности".

Различіе между той и другой отраслью производства прежде всего формулируются Флигеномъ въ одномъ основномъ положеніи. „Можно—говоритъ онъ—почти съ полной точностью ска-

*) Статья эта была подробно изложена М. Рафаиловымъ въ № 6 «Міра Божія» за 1899 г. Мы останавливаемся нѣсколько подробнѣе лишь на мѣстахъ почему-то пропущенныхъ въ этомъ изложеніи.

зать, что въ сельскомъ хозяйствѣ обнаруживаются всѣ темныя стороны капиталистическаго хозяйства и отсутствуютъ его свѣтлыя стороны". Картина аграрнаго положенія Голландіи лишній разъ подтверждаетъ соображенія Фольмара, Гатти, Вандервельда, Герца и др. Тенденція къ концентраціи сельско-хозяйственнаго промысла здѣсь отсутствуетъ, напротивъ, замѣчается ея раздробленіе. Причины тѣ же, что и вездѣ: сельскохозяйственный кризисъ съ одной стороны; растущій спросъ на землю, какъ средство приложенія рабочей силы, большая выгодность для землевладѣльцевъ мелкихъ арендъ сравнительно съ крупными, потребность крупныхъ хозяйствъ въ постоянныхъ, осѣдлыхъ собственникахъ—рабочихъ, стремленіе самихъ рабочихъ устранить иррегулярность заработка, обезпечивъ себя хоть маленькой собственностью—съ другой стороны. Интересно добавить еще, что Флигенъ дѣлаетъ слѣдующее, для марксиста очень трудное, признаніе: одной изъ причинъ отсутствія тенденціи къ концентраціи „является и тотъ фактъ, наличность котораго нельзя отрицать въ Голландіи—именно, что земля въ мелкихъ хозяйствахъ даетъ большую прибыль, чѣмъ въ въ крупныхъ, *въ зависимости отъ лучшей обработки и лучшаго присмотра*". Именно въ послѣднее время значительное количество бывшихъ сельскохозяйственныхъ пролетаріевъ смогло кое какъ превратиться въ самостоятельныхъ мелкихъ собственниковъ и арендаторовъ *). Но, при отсутствіи капиталистической перестройки всего производства въ широкихъ размѣрахъ, капиталистическая эксплуатація мелкихъ производителей принимаетъ широчайшіе размѣры. Въ видѣ % по ипотекамъ, а также несоразмѣрно высокой арендной (или разсроченной покупной) платы за землю, мелкое производство вынуждается къ уплатѣ капитализму постоянной и крупной дани. „Резюмируя вкратцѣ все изложенное, говоритъ Флигенъ, надо сказать, что въ Голландіи въ области сельскаго хозяйства вовсе не наблюдается той эволюціи къ крупному производству, которая обыкновенно признается необходимымъ условіемъ перехода къ высшей хозяйственной организаціи. Такимъ образомъ, примѣняя къ развитію аграрныхъ отношеній ту мѣрку, которая примѣняется въ индустріи, надо сказать, что ходъ этого развитія въ настоящее время носитъ регрессивный, а не прогрессивный характеръ". Самъ Флигенъ, однако, держится діаметрально противоположнаго мнѣнія и заявляетъ, что таковъ же оффиціальный взглядъ на данный вопросъ всѣхъ его товарищей, какъ цѣлаго. Популярный взглядъ, основывающійся на аналогіи съ индустріей, ими считается совершенно несостоятельнымъ, опровергнутымъ жизнью.

*) То же явленіе, добавимъ, въ послѣднее время замѣчено и въ Англіи. См. Н. Каблуковъ, «Объ условіяхъ развитія крест. хозяйства въ Россіи», стр. 270—272.

Въ самомъ дѣлѣ, спрашиваетъ Флигенъ, „почему мы обыкновенно привѣтствуемъ успѣхи капиталистическаго развитія? Не потому, конечно, что оно создаетъ пролетаріевъ, не потому, что оно ведетъ къ эксплуатаціи массъ, но потому, что оно приноситъ съ собою, какъ нераздѣльное и необходимое слѣдствіе, развитіе и усовершенствованіе средствъ производства въ различныхъ его отрасляхъ *). Но въ сельскомъ хозяйствѣ господство крупнаго капитала ведетъ за собою лишь первыя изъ перечисленныхъ дурныя послѣдствія капитализма, а хорошихъ слѣдствій его пока незамѣтно. А потому—намъ нечего дожидаться капитализаціи сельскаго хозяйства!“

„Мы убѣждены, что и въ сельскомъ хозяйствѣ крупное производство является самой выгодной формой производства. Но нѣтъ такого „естественнаго закона“, въ силу котораго необходимымъ и единственнымъ путемъ возникновенія крупнаго производства должно считаться развитіе капитализма. Мы думаемъ, что крупное производство можетъ возникнуть также на почвѣ товариществъ. Общинное землевладѣніе должно повести къ общинному землепользованію“.

И въ силу этой основной точки зрѣнія Арнгеймская аграрная программа заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ мѣръ, имѣющихъ цѣлью поддержать, возстановить и сообщить новую жизнь почти совершенно исчезнувшей въ Голландіи сельской поземельной общинѣ...

Читатель, конечно, уже давно замѣтилъ какъ близко подходитъ это новое теченіе западно-европейской мысли къ далеко не новому теченію общественной мысли въ нашей родинѣ. Цитированные нами авторы иногда en toutes lettres говорятъ то же самое, что уже давно твердитъ извѣстная часть нашей литературы.

Сравните, напримѣръ, слова Флигена о „свѣтлыхъ“ и „темныхъ“ сторонахъ аграрнаго капитализма хотя бы съ слѣдующими словами, сказанными въ русской литературѣ двадцать лѣтъ назадъ:

„Существованіе наемнаго труда обнаруживаетъ далеко не одинаковое вліяніе на земледѣліе и фабричную промышленность. Какъ тамъ, такъ и здѣсь вся задача производителя наемными ра-

*) Собственную мысль мы формулировали ранѣе нѣсколько инымъ способомъ, говоря, что всѣ т. н. «положительныя стороны капитализма» (въ частности сплоченіе рабочихъ) проявляются лишь постольку, поскольку въ капиталистической формѣ (и до извѣстной степени, *не смотря на* эту форму) происходитъ развитіе крупнаго, общественнаго производства вообще. Такъ что эти «положительныя стороны капитализма», собственно говоря, принадлежатъ не *формѣ, а содержанію*, не капитализму, какъ таковому, какъ специфической *оболочкѣ* крупнаго производства, а самому крупному производству независимо отъ какой либо конкретной оболочки или формы.

бочими сводится къ стремленію увеличить свою прибыль; съ этой цѣлью на фабрикѣ, при извѣстномъ уровнѣ промышленнаго развитія, постоянно примѣняются новыя и новыя усовершенствованія, измѣняются техническія основанія производства, вводятся машины и этимъ путемъ постепенно разрушаются прежнія отношенія производства. Продуктъ послѣдняго отдѣляется отъ его непосредственнаго производителя и поступаетъ въ руки фабриканта; самъ же производитель лишается собственныхъ орудій производства, работаетъ уже не на своемъ, напримѣръ, прядильномъ станкѣ, а на станкѣ, составляющемъ ничтожную часть громаднаго цѣлаго—фабрики, не принадлежащей рабочему. Но въ то же время растетъ сила человѣка надъ природой, усиленнымъ темпомъ создаются новыя цѣнности, открываются и прилагаются къ производству новыя силы. Такимъ образомъ, капитализмъ, т. е. господство капитала надъ наемнымъ рабочимъ, рядомъ съ *разрушительнымъ* стремленіемъ, заключающимся въ нарушеніи связи между работникомъ, съ одной стороны, и орудіемъ и продуктомъ его труда—съ другой, проявляетъ въ фабричной промышленности и *созидающую* тенденцію, увеличивающую силы человѣка въ его борьбѣ съ природой. Въ земледѣліи же существованіе наемнаго труда совершаетъ нѣчто иное. *Отрицательная, разрушающая сторона* капитализма проявляется здѣсь вполнѣ" (курсивъ нашъ).

Эти строки написаны въ 1881 г. Н. А. Каблуковымъ въ статьѣ „Обезлюденіе деревень во Франціи" *).

То же самое, по существу, говорили и Фольмаръ, и Гатти, и Вандервельдъ, и Флигенъ; то же, хотя не вполнѣ открыто и прямо, признаетъ даже Каутскій; то-же явствуетъ изъ III-го тома „Капитала" Маркса; наконецъ, то же говоритъ и Герцъ. „Капитализмъ (въ земледѣліи) такимъ образомъ отнюдь не создаетъ хозяйственныхъ и психологическихъ предпосылокъ для возможной высшей формы развитія, вопреки предположенію, которое дѣлаетъ въ этомъ смыслѣ Каутскій, злоупотребляя аналогіей съ индустріальнымъ развитіемъ". Отсюда выводъ—„главной нашей задачей, въ виду особенностей, присущихъ сельскому хозяйству, въ этой области должна быть организація мелкихъ хозяйствъ, посредствомъ товариществъ, въ крупное" **).

Аграрный капитализмъ оказывался пока несостоятельнымъ по части выполненія своей гипотетической „исторической миссіи".

---

*) Та же идея развита имъ, позднѣе, на фактахъ англійской сельско-хозяйственной жизни—см. его прекрасную, къ сожалѣнію вышедшую изъ продажи и не переизданную книгу «Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ Англіи», М. 1887 г. Наконецъ, та же идея лежитъ въ основѣ его превосходныхъ «Лекцій по сельско-хозяйственной экономіи», изданныхъ въ дополненномъ видѣ подъ заглавіемъ «Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи», Москва, 1899 г.

**) Hertz, «Die Agrarischen Fragen», s. 89.

Аграрная эволюція проявляла и проявляетъ множество отдѣльныхъ, въ высокой степени разнообразныхъ теченій, направленныхъ въ самыя различныя стороны. Каутскій въ своей отвѣтной статьѣ Герцу *), защищаясь отъ упрека втиснуть всѣ ихъ въ одну формулу, заявляетъ, что, по его мнѣнію, въ аграрной области проявляется „троякаго рода направленіе эволюціи: 1) приростъ парцеллярныхъ, карликовыхъ хозяйствъ, при одновременномъ уменьшеніи числа всѣхъ болѣе крупныхъ; 2) приростъ карликовыхъ хозяйствъ, одновременно съ ними крупныхъ при убываніи среднихъ, и 3) приростъ карликовыхъ и одновременно средняго размѣра хозяйствъ“.

Оставляя въ сторонѣ модификаціи хозяйственнаго развитія, зависящія отъ осложняющихъ вліяній—политическихъ и историческихъ—предполагая современную, очищенную отъ старофеодальныхъ узъ, свободную организацію хозяйства, Герцъ находитъ слѣдующія *естественныя* модификаціи хозяйственнаго развитія, опредѣляемыя главнымъ образомъ такими факторами, какъ густота населенія, отсутствіе или наличность незанятыхъ земель, степень общаго промышленнаго развитія страны etc.

„Въ тѣхъ странахъ, гдѣ еще существуютъ незанятыя и необработанныя земли, или населеніе еще не перешло извѣстныхъ предѣловъ сгущенія, гдѣ поэтому величина спроса на землю довольно умѣренна,—тамъ мы видимъ приростъ средняго хозяйства на счетъ мелкаго и крупнаго; таково развитіе въ большей части Германіи, въ Америкѣ. Та же тенденція проявляется и въ Англіи, такъ какъ тамъ населеніе въ гигантски развившейся индустріи находитъ лучшее приложеніе своего труда, чѣмъ въ покупкѣ или арендѣ парцеллъ.

„Напротивъ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ или густота населенія, или недостаточное развитіе индустріи или какіе нибудь другіе факторы дѣлаютъ покупку земельной парцеллы лучшимъ, а главное—наиболѣе вѣрнымъ приложеніемъ рабочей силы,—тамъ парцеллярное хозяйство растетъ насчетъ крупныхъ и среднихъ. Таково развитіе Бельгіи, сѣверной Франціи, верхней Италіи, нѣкоторой части южной Германіи.

„Оба эти направленія развитія проявляются въ статистическихъ данныхъ съ ясностью, не оставляющей мѣста для сомнѣній.

„Съ дальнѣйшимъ ростомъ населенія—если въ индустріи достигнуто извѣстная степень насыщенности рабочими силами, спросъ на землю, какъ на обезпеченное средство приложенія труда, сильно растетъ. Южно-нѣмецкія анкеты повѣствуютъ о настоящемъ перенаселеніи нѣкоторыхъ мѣстностей, сельскохозяйственная площадь которыхъ, годная для обработки, слишкомъ мала сравнительно съ населеніемъ. Спросъ на каждый лоскутокъ земли такъ

*) K. Kautsky. «Zwei Kritiker meiner «Agrarfrage», N. Z., 1899—1900, I, s. 299

стремительно растетъ, что цѣна земли достигаетъ неслыханной высоты, такъ что самое раціональное сельское хозяйство не можетъ принести и третьей доли того, что достигается одновременно посредствомъ парцеллярной аренды, и достигается гораздо болѣе покойнымъ и удобнымъ образомъ (устраненіе заботъ о хозяйствѣ, риска, опасности отъ недостаточно честныхъ служащихъ и управляющихъ, etc.)... Мы видимъ, что такимъ образомъ послѣднею цѣлью капиталистическаго хозяйства является не крупное производство, а парцеллярная аренда“ *).

Это обобщеніе Герца стоитъ въ связи съ другой его идеей, которую онъ выражаетъ въ очень оригинальной формѣ. „Вопросъ о высокихъ цѣнахъ на землю—а это и есть крестьянскій вопросъ вообще, въ его современномъ видѣ—есть ничто иное, какъ превращенная форма другого вопроса—вопроса о безработицѣ и ея вліяніи на пониженіе заработной платы. Какъ въ промышленности посредствомъ конкурренціи резервной рабочей арміи, такъ и здѣсь посредствомъ конкурренціи самыхъ маленькихъ кандидатовъ въ земельные собственники (или арендаторы) норма вознагражденія за трудъ гонится по направленію къ минимуму средствъ существованія“ **).

Съ этимъ небезынтересно сопоставить еще одно замѣчаніе Герца, направленное противъ Каутскаго. По его мнѣнію, послѣдній напрасно такъ много говоритъ о „собственническомъ фанатизмѣ“, Eigenthumsfanatismus, крестьянина. Это скорѣе не „Eigenthumsfanatismus“ а „Arbeitsfanatismus“ ***).

Дальнѣйшее подтвержденіе этой своей мысли, кромѣ предыдущаго, Герцъ находитъ въ близкихъ намъ, русскимъ, фактахъ. Герцъ ссылается на нѣкоторые художественные образы Глѣба Успенскаго (съ которымъ онъ знакомъ по изложенію въ книгѣ „Der russische Bauer“, Wien, 1893), на извѣстный типъ Ивана Афанасьевича во „Власти земли“ и на ту сторону его психологіи, которую Успенскій раскрываетъ въ главѣ „поэзія земледѣльческаго труда“. Герцъ соглашается съ авторомъ названной книги, что стремленіе крестьянина къ землѣ большею частью представляетъ скорѣе—или въ гораздо большей степени—любовь независимаго работника къ особенному роду работы, къ которому онъ привыкъ, которая соотвѣтствуетъ его натурѣ, которая ему по душѣ, чѣмъ

---

*) Die Agr. Fragen, s. 88—89. Это интересное обобщеніе Герца на нашъ взглядъ вѣрно, какъ указаніе на одну изъ тенденцій, въ ряду многихъ другихъ. Какъ таковое, его хорошо можетъ дополнить указаніе Гатти на ростъ гигантскихъ хозяйствъ при первоначальной колонизаціи новыхъ земель, съ нетронутой, дѣвственной почвой. — Нечего, однако, и говорить, что нелѣпо было бы стараться въ эту формулу Герца втиснуть все реальное развитіе и пытаться единственно ей объяснять все и вся.

**) Die Agr. Fragen., s. 92.

***) Ibid., s. 6.

конкретную привязанность собственника къ своей собственности *).

Вообще для Герца между крестьянской и капиталистической собственностью существуетъ не только количественное, но и качественное различіе,—это два совершенно различныхъ социологическихъ типа. Первая должна приносить обычную ренту и прибыль. Послѣдняя можетъ ограничиваться возмѣщеніемъ затратъ постояннаго капитала и необходимымъ вознагражденіемъ за трудъ работающихъ въ хозяйствѣ. Поэтому крестьянинъ не является „предпринимателемъ" или „капиталистомъ", его средства производства — столь же мало „капиталъ", какъ сѣть рыболова или лукъ дикаря. Вся сущность функціонированія его хозяйства—это постоянное превращеніе средствъ существованія въ рабочую силу и обратно,—рабочей силы въ средства существованія. Поскольку крестьянинъ вступаетъ въ экономическія отношенія съ другими, формулою его хозяйственнаго оборота будетъ Т—Д—Т, а не Д—Т—(Д+д), т. е. мѣна эквивалентовъ на эквиваленты, продажа одного товара для покупки другого равной стоимости (Товаръ—Деньги—Товаръ), а не покупка, какъ у капиталиста, такого товара (рабочей силы) которая принесетъ излишекъ, денежную прибыль (Деньги — Товаръ — Деньги+прибавочная стоимость). Собственно говоря, употребляя по отношенію къ крестьянскому хозяйству такіе термины, какъ „постоянный капиталъ", мы грѣшимъ противъ строгой терминологіи. И самъ крестьянинъ, подводя итоги своему хозяйству, не отсчитываетъ отдѣльно ни на „прибыль", ни на „ренту", а просто на возмѣщеніе затратъ сырья и орудій и на цѣли потребленія за время работъ. Разница между затратами на то и на другое и продажной цѣной продукта, если она въ пользу крестьянина—составляетъ естественную страховую премію на случай неурожайныхъ годовъ. Такимъ образомъ, крестьянинъ (здѣсь, конечно, не принимаются въ разсчетъ разбогатѣвшіе или богатѣющіе крестьяне-буржуа, социологическое мѣсто которыхъ—подлѣ поземельныхъ капиталистическихъ собственниковъ) есть просто рабочій человѣкъ, живущій отъ собственнаго труда, и его жизненный уровень благосостоянія равняется обыкновенному рабочему, пролетарскому уровню, иногда немного его превышая, иногда—и это, можетъ быть, гораздо чаще—спускаясь еще ниже его.

Этотъ особенный социологическій характеръ мелкой поземельной собственности и мелкаго крестьянскаго хозяйства и представляетъ собою то основаніе, по которому можно считать его способнымъ къ самостоятельной, некапиталистической эволюціи по направленію къ высшимъ хозяйственнымъ формамъ будущаго. Само собою разумѣется, что многаго сказать объ этой эволюціи,

*) Die Agr. Frageu., s. 6, Anmerkung 18.

ея направленіи и законахъ пока нельзя — это значило бы вступить въ область заключеній слишкомъ гадательныхъ, шаткихъ и ненадежныхъ.

Въ вопросахъ хозяйственнаго развитія до сихъ поръ, до самаго послѣдняго времени сколько нибудь обстоятельно изученнымъ могло и можетъ быть только одно теченіе—капиталистическое. Именно, основныя тенденціи, наблюдаемыя въ этомъ теченіи (особенно, что касается индустріальнаго капитализма), опредѣлены съ ясностью и отчетливостью, порою не оставляющей желать ничего лучшаго. Нѣсколько хуже дѣло обстоитъ съ изученіемъ конкретнаго проявленія этихъ тенденцій при различныхъ условіяхъ мѣста и времени, такъ что еще до настоящаго времени можно встрѣтиться съ грубой ошибкой—шаблоннымъ перенесеніемъ абстрактной формулы капиталистическаго развитія на любой частный случай этого развитія, вмѣсто изученія всѣхъ эмпирическихъ условій, при которыхъ оно протекаетъ, и вмѣсто опредѣленія вытекающей изъ нихъ *модификаціи* абстрактной формулы. Но во всякомъ случаѣ и здѣсь замѣчается извѣстный прогрессъ, указанная ошибка встрѣчается все рѣже и рѣже; все болѣе и болѣе пробивается мысль, что отдѣльные народно-хозяйственные организмы — и даже отдѣльныя отрасли производства — различаются между собою чаще всего не только по тѣмъ ступенямъ, на которыя они успѣли взобраться по одной и той же лѣстницѣ прогрессивнаго развитія, но и по нѣкоторымъ общимъ типическимъ чертамъ, присущимъ всему циклу развитія каждаго (или каждой) изъ нихъ, начиная отъ самой низшей ступени и кончая самой высшей.

Совершенно иную картину мы увидимъ, если отвлечемся отъ капиталистическаго теченія и обнаруживающихся въ немъ тенденцій. Несомнѣнно, что ими не исчерпывается вся народно-хозяйственная жизнь; что въ этой жизни наблюдаются кое-какіе ростки и кромѣ капиталистическихъ. Можно такъ или иначе пророчествовать объ ихъ судьбѣ; можно предрекать имъ въ томъ или другомъ случаѣ (или даже вообще) полный неуспѣхъ и погибель; но существованія ихъ отрицать нельзя. А разъ они существуютъ, наука не можетъ ихъ игнорировать. Она должна сдѣлать ихъ объектомъ самаго внимательнаго изученія, должна прослѣдить и развить, хотя бы въ самой абстрактной, гипотетической формѣ, скрытыя въ нихъ потенціи. Предположимъ даже, что эти послѣднія не проявятся цѣликомъ, или будутъ совершенно парализованы противоположными, враждебными имъ тенденціями. Конкретная равнодѣйствующая общественнаго развитія уклонится отъ нихъ слишкомъ далеко въ другую сторону, подъ вліяніемъ иныхъ, болѣе могущественныхъ моментовъ. Но равнодѣйствующая можетъ быть понята только изъ полной совокупности всѣхъ отдѣльныхъ, элементарныхъ величинъ; и потому игнорировать какую бы то ни было изъ нихъ всетаки было бы неправильно. Такимъ

образомъ, даже крайніе пессимисты въ вопросѣ о возможности некапиталистической эволюціи въ силу одного этого пессимизма не могутъ и, полагаю, не станутъ отрицать важности указанной теоретической задачи.

До самаго послѣдняго времени въ области изученія некапиталистической эволюціи общественно-экономической жизни было сдѣлано слишкомъ мало, такъ мало, что возможно даже непониманіе самой идеи „некапиталистической эволюціи". Не мало найдется людей, которые въ первый разъ встрѣчаются съ этой идеей. Съ ихъ стороны вполнѣ естественны вопросы: это еще что за особенная такая эволюція? гдѣ и кто ее видѣлъ? полно, есть ли въ самомъ дѣлѣ какая либо другая эволюція, кромѣ капиталистической?

Теоріи некапиталистической эволюціи пока не существовало, да и не могло существовать. Теорія исходитъ отъ фактовъ и не можетъ упреждать ихъ. Прежде всего сама жизнь должна породить достаточное количество явленій извѣстнаго порядка для того хотя бы только, чтобы они были замѣчены, обратили на себя общее вниманіе, исключили всякую возможность простого ихъ игнорированія. Уже затѣмъ можетъ идти рѣчь о достаточности или не достаточности порожденныхъ жизнью однородныхъ явленій, чтобы въ нихъ можно было отличить случайные и побочные элементы— отъ основныхъ, временные, мимолетные—отъ постоянныхъ, существенные — отъ несущественныхъ. Для того, чтобы на твердомъ фактическомъ фундаментѣ воздвигнуть цѣлую теорію, конечно, требуется неизмѣримо больше, чѣмъ для простого констатированія новаго теченія въ народно-хозяйственной жизни и оцѣнки его — не той оцѣнки, которая основывается на полномъ предрѣшеніи его будущихъ судебъ, мѣры и степени его будущаго вліянія, — а самой элементарной, которая лишь позволяетъ положительно или отрицательно отнестись къ его основной тенденціи, какъ къ соціальному добру или какъ къ соціальному злу.

До сихъ поръ въ народно-хозяйственной жизни существовали лишь слабые зародыши некапиталистической эволюціи. Какъ примѣръ, мы можемъ напомнить эволюцію кооперативнаго производства молочныхъ продуктовъ, про которую повѣствуетъ Вандервельдъ. — Немудрено, что въ области теоріи этому соотвѣтствовала полная неразработанность относящихся сюда вопросовъ. И только въ самое послѣднее время, можно сказать, въ послѣдніе нѣсколько лѣтъ явились первыя попытки перейти отъ простой эмпиріи, отъ простой регистраціи зеренъ и ростковъ некапиталистической эволюціи—потребительныхъ, производительныхъ, сырьевыхъ и т. п. товариществъ, основанныхъ на самыхъ различныхъ началахъ, стоящихъ на самой различной ступени развитія — къ обобщающей, т. е. существенно-научной работѣ. Само собой разумѣется, что отъ этихъ попытокъ нельзя сразу ожидать и требо-

вать той законченности, выработанности, стройности и всесторонней полноты, соединенной съ отчетливостью деталей, которыя характеризуютъ теорію, достигшую полной зрѣлости. Теорія некапиталистической эволюціи находится еще въ эмбріональной фазѣ своего развитія. Тѣмъ интереснѣе, однако, всѣ работы на этомъ поприщѣ, которое представляетъ непочатой уголъ вопросовъ, еще ожидающихъ своихъ изслѣдователей.

Между капиталистической и некапиталистической эволюціей существуетъ глубокое, чисто принципіальное различіе. Законы первой суть законы стихійнаго, безсознательнаго роста общественнаго организма. Законы второй суть уже законы сознательнаго и планомѣрнаго общественнаго творчества. Конечно, и первая идетъ не „сама собой“ въ абсолютномъ смыслѣ, т. е. не помимо сознанія, воли и дѣятельности людей. Но она является лишь равнодѣйствующей многочисленнѣйшихъ, разрозненныхъ, тянущихъ въ разныя стороны человѣческихъ дѣйствій. Ея двигатель — узкій личный хозяйственный интересъ отдѣльнаго общественно-экономическаго атома: изолированнаго, обособленнаго индивидуальнаго производителя. Ея рычагъ — конкурренція; ея ходъ состоитъ въ чисто-механическомъ накопленіи мельчайшихъ объективныхъ осадковъ жизнедѣятельности этихъ живыхъ соціальныхъ атомовъ, въ простомъ, непроизвольномъ, стихійномъ суммированіи ихъ хозяйственныхъ функцій и судебъ. Подобно тому, какъ на зарѣ жизни нашей планеты жизнедѣятельность милліардовъ живыхъ существъ въ безконечно-громадные промежутки времени положила основаніе огромной толщѣ иныхъ пластовъ земной коры и опредѣлила порядокъ ихъ напластованія; подобно тому, какъ изъ безконечнаго количества труповъ мельчайшихъ организмовъ, когда-то жившихъ и боровшихся за существованіе подъ своей известковой броней, составились мѣловые пласты, предметъ изученія современныхъ геологовъ; или подобно тому, какъ рядъ химическихъ и органическихъ процессовъ, въ числѣ которыхъ видную роль играла дѣятельность червей, создалъ современный черноземъ—точно также и стадіи капиталистическаго развитія сложились не въ силу чьихъ бы то ни было мудрыхъ предначертаній, а чисто механическимъ суммированіемъ хозяйственныхъ судебъ милліоновъ людей, въ силу, такъ сказать, ихъ стихійнаго тренія, въ силу естественной логики конкурренціи, экономической борьбы за существованіе,—причемъ орудіемъ борьбы было развитіе производительныхъ силъ, улучшеніе техники производства соперничествующими производителями. Недаромъ Марксъ назвалъ товарно капиталистическій строй „самопроизвольной формой общественной продукціи“.

Иное дѣло—эволюція некапиталистическая. Ея принципіальное отличіе отъ капиталистической заключается въ томъ, что ея орудіе—организація и планомѣрное сочетаніе разрозненыхъ силъ—представляетъ прямую противоположность главному двигателю

капиталистической эволюціи—конкурренціи, разъединенію, дезорганизаціи силъ, откуда и „анархія производства“. Но никакое планомѣрное сочетаніе не можетъ выработаться само собой, чисто механически, какъ результатъ слѣпой игры частныхъ интересовъ. Для него требуется живая работа смягченія и соглашенія эгоистическихъ тенденцій, сглаживанія шероховатостей, соподчиненія индивидуальныхъ воль, устраненія диссонансовъ, выработки внутренней гармоніи. Оно есть дѣло массоваго сознательнаго творчества.

Конечно, на практикѣ, генетически эта противоположность оказывается далеко не столь рѣзкой и абсолютной, какъ въ теоріи. Съ одной стороны, капиталистическая эволюція то ускорялась, то задерживалась планомѣрнымъ, намѣреннымъ вмѣшательствомъ организованной общественной силы, воплощенной въ государственной власти. Съ другой стороны, некапиталистическая эволюція не продѣлывается по заранѣе данному рецепту, не разыгрывается на исторической сценѣ по нотамъ,—различные типы хозяйственнаго ассоціированія выдерживали и выдерживаютъ своего рода искусъ въ тяжелой школѣ опыта, причемъ оказывается на лицо и трудная „борьба за существованіе“ и „переживаніе приспособленнѣйшихъ“, и прогрессъ, усложненіе, дефференціація,—и упрощеніе, регрессъ, вырожденіе... Различіе двухъ типовъ эволюціи есть болѣе различіе особенныхъ принциповъ, носительницами которыхъ являются та и другая, чѣмъ различіе ихъ конкретныхъ историческихъ судебъ.

Но это нисколько не умаляетъ смысла нашего противоположенія. Преобладаніе въ некапиталистической эволюціи элемента сознательнаго творчества дѣлаетъ особенно важнымъ теоретическое изученіе условій, ей способствующихъ и препятствующихъ, стремленіе предвидѣть ея отдаленныя стадіи, съ цѣлью тѣмъ самымъ доставить практическимъ дѣятелямъ направляющее, руководящее начало для ихъ дѣятельности, высшій критерій для оцѣнки и вывода средствъ и путей.

Всякое развитіе, чтобы быть правильнымъ, нормальнымъ и безболѣзненнымъ, должно совершаться болѣе или менѣе постепенно, вырабатываться органически. Было не мало попытокъ—въ видѣ различныхъ кооперативныхъ земледѣльческихъ колоній—сразу, такъ сказать, однимъ ударомъ добиться всѣхъ выгодъ крупнаго производства, соединенныхъ съ хозяйственнымъ равновѣсіемъ и полной инвидидуальной свободой всѣхъ членовъ. Но всѣ эти попытки однимъ скачкомъ достигнуть высшей синтетической формы хозяйства оказывались тщетными. Общественная жизнь слишкомъ сложна и прямая линія въ ней почти никогда не бываетъ ближайшимъ разстояніемъ между двумя точками. Всегда необходимо отыскать линію, большей частью обходную, кривую и извилистую—линію наименьшаго сопротивленія. Необ-

ходимо намѣтить хотя бы приблизительно важнѣйшіе фазисы, через которые некапиталистическая эволюція должна проходить послѣдовательно, въ ихъ естественной градаціи.

Само собой разумѣется, что достигнуть этого можно только путемъ цѣлаго ряда предварительныхъ, частичныхъ попытокъ, прослѣдить логически-послѣдовательное развитіе отдѣльныхъ видовъ коопераціи, въ той или другой мѣстной обстановкѣ. Только сопоставленіе ряда такихъ работъ дастъ возможность окончательно выдѣлить мѣстный колоритъ и дать общую абстрактную теорію.

Одну изъ такихъ предварительныхъ попытокъ—едва ли не первую во всей западно-европейской литературѣ—и даетъ въ своей книгѣ Герцъ,—попытку, какъ онъ самъ говоритъ, „дать характеристику различныхъ типическихъ фазисовъ развитія кооперативныхъ формъ“ *).

1. Первую, исходную стадію составляютъ соединенія чисто мѣстнаго и временнаго характера. Соединяются для того, чтобы сообща бороться противъ какого нибудь частнаго хозяйственнаго неудобства или бѣдствія—напримѣръ, чтобы избавиться отъ эксплуатаціи торговаго посредника. Товарищество ограничивается немногими ограниченными, элементарными функціями; всѣмъ членамъ оставляется полная индивидуальная свобода; нѣтъ еще ни взаимной круговой отвѣтственности товарищей друъ за друга, ни, собственно говоря, самаго товарищества, какъ самостоятельнаго субъекта операцій; послѣднія ведутся комиссіоннымъ способомъ, всякій товарищъ имѣетъ свой личный счетъ и даетъ свои порученія и заказы отдѣльно. Обычно раньше и болѣе легко прививается совмѣстная закупка необходимыхъ товаровъ, позднѣе и съ большими затрудненіями — совмѣстная продажа продуктовъ своего производства.

2. Въ случаѣ успѣшнаго хода дѣлъ, товарищество принимаетъ болѣе постоянный характеръ вмѣсто прежняго временнаго. Старый комиссіонный способъ еще остается господствующимъ, но уже образуется болѣе тѣсная связь между членами товарищества путемъ установленія взаимной круговой отвѣтственности, сначала ограниченной, затѣмъ расширяющейся до неограниченной. Увеличивая, съ одной стороны, кредитоспособность товарищества, она принуждаетъ членовъ болѣе внимательно слѣдить за ходомъ дѣлъ въ товариществѣ и контролировать его.

3. Дальнѣйшимъ шагомъ къ ограниченію индивидуальной свободы и установленію нѣкоторой зависимости отдѣльныхъ членовъ отъ товарищества является обязательство, налагаемое на членовъ

*) Die Agr. Fragen, s. 116 etc. Герцъ при этомъ оговаривается, что конечно то логическое развитіе, о которомъ онъ будетъ говорить, не можетъ всегда совпадать съ реальнымъ историческимъ.

прежде всего—закупать извѣстный продуктъ непремѣнно въ товарищеской потребительной лавкѣ, а затѣмъ,—доставлять для совмѣстной продажи или извѣстный % производимаго продукта, или просто извѣстное опредѣленное количество его, или—при дальнѣйшемъ развитіи этой тенденціи—весь производимый не для личнаго потребленія продуктъ. Это, съ одной стороны, необходимо для того, чтобы сообщить операціямъ товарищества извѣстное постоянство и прочность; а съ другой стороны, этимъ впервые создается почва для вліянія товарищества на самое производство.

4. Товарищества, превратившіяся въ самостоятельные субъекты операцій, имѣющія вполнѣ прочныя функціи и опирающіяся на круговую отвѣтственность сочленовъ, должны обезпечить себѣ, съ одной стороны, условія сбыта, съ другой—условія поставки продукта. Товарищества для сбыта входятъ въ непосредственныя отношенія съ потребительными товариществами и дѣлаются ихъ поставщиками. Отдѣльныя потребительныя товарищества соединяются для оптовой закупки продуктовъ. Съ другой стороны, отдѣльныя товарищества для сбыта соединяются въ центральныя товарищества и союзы для того, чтобы воспользоваться выгодами крупнаго предпріятія: такое объединеніе даетъ имъ возможность вести даже экспортную торговлю. Съѣзды представителей кооперативныхъ союзовъ разныхъ странъ обсуждаютъ вопросъ объ организаціи международныхъ хозяйственныхъ сношеніяхъ между ними.

5. Если въ товариществахъ раньше еще не явилась тенденція замѣнить комиссіонный способъ и личные заказы, порученія и счета вполнѣ самостоятельными операціями товарищества, какъ цѣлаго, то участіе въ союзахъ коопераций неминуемо даетъ къ этому сильный толчокъ. Центральное товарищество, ведя дѣло съ большими массами товаровъ, не можетъ считаться съ отдѣльными лицами и связывать себя постоянными сепаратными договорами съ ними. Оно вліяетъ и на отдѣльныя товарищества, примыкающія къ нему или входящія въ составъ союза. Товарищество становится самостоятельной продающей и покупающей единицей, должно имѣть свою кассу, вести самостоятельно свои обороты. Отдѣльные члены изъ частно-договаривающихся съ товариществомъ лицъ вполнѣ превращаются въ часть цѣлаго; послѣ періода производства ихъ единичная хозяйственная воля должна молчать.

6. Слѣдующій шагъ дѣлается тогда, когда сознается необходимость не оставаться при общей организаціи одного только сбыта, но вмѣшаться до извѣстной степени и въ самый процессъ производства. При расширеніи сбыта и при торговлѣ оптомъ это особенно необходимо. Поставка большихъ количествъ продукта требуетъ—особенно въ случаѣ заказа—продуктовъ равномѣрнаго,

одинаково хорошаго качества. Возникаютъ отдѣльныя хозяйственныя операціи, какъ функціи товарищества, для того, чтобы перерабатывать поставляемый отдѣльными членами продуктъ, облагораживать его, сортировать, etc., пріобрѣтаются для этого необходимыя орудія, напр., сепараторы. Иногда основываются просто рядомъ спеціальныя товарищества для покупки разнаго рода машинъ и орудій для поочереднаго пользованія — вѣялки, косилки и т. п.

7. Послѣ того, какъ производство продукта распадается на двѣ части, именно, окончательная переработка переходитъ въ руки кооператива, дальнѣйшимъ шагомъ впередъ является стремленіе распространить вліяніе товарищества и на ту часть производства, которая остается въ рукахъ отдѣльныхъ членовъ. Дѣло начинается, прежде всего, съ простой пропаганды товариществомъ нѣкоторыхъ хозяйственныхъ улучшеній, съ основанія листковъ и газетъ, приглашенія товариществами сельскохозяйственныхъ лекторовъ, съ нѣкоторыхъ опытовъ etc. Далѣе, въ интересахъ прочнаго сбыта вводится строгій контроль, испытаніе доставляемыхъ членами продуктовъ, иногда учреждаются даже особыя испытательныя коммиссіи, пользующіяся для опредѣленія качества продукта новѣйшими научными методами. Наконецъ, за этимъ слѣдуетъ еще болѣе прямое вмѣшательство въ производство,— составленіе обязательныхъ для членовъ правилъ, какъ, напримѣръ, въ товариществахъ для изготовленія молочныхъ продуктовъ, статуты которыхъ опредѣляютъ время доенія, качество корма, породу скота, уходъ за нимъ и т. д. Учреждаются наблюдательныя коммиссіи, контролирующія соблюденіе этихъ правилъ. Такимъ образомъ, хотя номинально членъ и считается независимымъ производителемъ и собственникомъ (слѣдовательно, имѣющимъ jus utendi et abutendi), но на дѣлѣ его хозяйствованіе все болѣе и болѣе регулируется. Такъ постепенно онъ привыкаетъ быть частью цѣлаго, свободнымъ и равноправнымъ его членомъ, но уже не самодовлѣющей хозяйственной единицей. Онъ пріучается къ общественному веденію дѣлъ, къ товарищескому взаимодѣйствію, къ подчиненію личныхъ капризовъ общему—въ томъ числѣ и своему собственному — благу; наглядно видитъ выгоды крупнаго, общественнаго производства, словомъ, постепенно теряетъ „собственническій фанатизмъ" гораздо вѣрнѣе, чѣмъ при растущей пролетаризаціи и эксплуатаціи капитализмомъ. Извѣстный духъ самостоятельности, независимости, иниціативы, требуемый для кооопераціи, составляетъ уже прямой выигрышъ сравнительно со вторымъ родомъ „выучки" (капиталистическимъ).

8. Дальнѣйшій ростъ дѣла побуждаетъ перейти къ общимъ предпріятіямъ нѣсколькихъ товариществъ, къ общей организаціи ими производства нѣкоторыхъ продуктовъ, необходимыхъ для всѣхъ. Такъ, были примѣры учрежденія, какъ собственности

нѣсколькихъ кооперативовъ, фабрики удобреній, мастерской для исправленія сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій, большого склада и выставки машинъ и орудій, и т. д. Далѣе, это можетъ привести къ тресту кооперативовъ, вродѣ того, о которомъ разсказываетъ Вандервельдъ. На этой ступени развитія кооперативная организація достигаетъ такой степени сложности и широты, что ея функціи начинаютъ переплетаться съ хозяйственными функціями государства и дѣлаютъ возможнымъ и желательнымъ вмѣшательство и возрастающее вліяніе послѣдняго. Такъ, напримѣръ, при организаціи хлѣбной торговли союзомъ товариществъ существованіе сѣти государственныхъ элеваторовъ открыло-бы для государства широкую почву воздѣйствовать на эту организацію въ смыслѣ болѣе полнаго „обобществленія“. Само собою разумѣется, что при этомъ предполагается такой характеръ „государства“, что вліяніе его будетъ не вреднымъ, а полезнымъ для дѣла.

9. Что касается дальнѣйшаго прогресса внутренней организаціи товарищества, то о немъ даетъ понятіе примѣръ нѣкоторыхъ ассоціацій виноградарей. Виноградъ требуетъ немедленной переработки, тогда какъ, съ другой стороны, манипуляціи съ виномъ очень сложны, примѣненіе современныхъ методовъ требуетъ денежныхъ средствъ и необходимо дать вину вполнѣ созрѣть. Отсюда и обширныя функціи, которыя быстро приняли на себя товарищества мелкихъ крестьянъ-винодѣловъ. Ихъ производство почти цѣликомъ крупное, „обобществленное“, оно отъ начала до конца находится подъ общимъ контролемъ. Склоны горъ и холмовъ, находящихся подъ виноградниками, строго контролируются, иногда предписывается способъ удобренія; обработка индивидуальна, въ виду того, что характеръ почвы не допускаетъ примѣненія машинъ, и работа въ существеннѣйшей части ручная; сборъ винограда пріуроченъ къ обязательному, для всѣхъ одинаковому времени. Весь виноградъ долженъ быть доставленъ въ распоряженіе товарищества, особая испытательная коммиссія измѣряетъ крѣпость сусла; ниже извѣстнаго градуса оно не принимается, выше — засчитывается съ соотвѣтственной надбавкой. Затѣмъ весь виноградъ смѣшивается и сортируется, такъ что и мелкіе виноградари, благодаря товариществу, могутъ производить болѣе тонкіе сорта. Всѣ дальнѣйшія операціи—выжиманіе, броженіе сока, выдерживаніе въ погребѣ и т. д.—производится уже единственнымъ хозяиномъ—всѣмъ товариществомъ, подъ руководствомъ опытныхъ людей. Вся организація товарищества — демократическая, вступительный взносъ очень низкій и разсрочивается на 10 лѣтъ, такъ что каждый можетъ сдѣлаться членомъ. Въ случаѣ банкротства сочлена товарищество покупаетъ его участокъ и отдаетъ ему же обратно въ аренду до тѣхъ поръ, пока онъ не выплатитъ товариществу его расходовъ. Товарищества сообща на-

чинаютъ устраивать лавки для торговли виномъ и даже рестораны.

10. Завершеніемъ зданія является стоящее въ иныхъ мѣстахъ на очереди объединеніе всѣхъ отдѣльныхъ товариществъ, существующихъ въ одной и той же мѣстности и ставящихъ себѣ различныя частныя хозяйственныя цѣли (въ томъ числѣ, напримѣръ, кредитныя, ссудо-сберегательныя, взаимно-страховыя и т. п.); соединеніе ихъ въ единое разностороннее товарищество, охватывающее такимъ образомъ всю хозяйственную жизнь мѣстныхъ жителей въ ея цѣломъ.

Само собой разумѣется, что это условное разграниченіе стадій кооперативной эволюціи, доводящей организацію производства до такой степени развитія, что полное „обобществленіе“ становится уже не мечтой фантазера и не утопіей кабинетнаго мыслителя, а вполнѣ реальной возможностью—такъ какъ почва подготовлена, цѣлый рядъ матеріальныхъ и психологическихъ предпосылокъ созданъ—это разграниченіе стадій развитія, говоримъ мы, отнюдь не можетъ имѣть никакого обязательнаго, абсолютнаго характера. Само собой разумѣется, что въ томъ или другомъ конкретномъ случаѣ товарищества могутъ проходить различныя стадіи развитія или не въ томъ порядкѣ, или перескакивать черезъ различныя стадіи, не говоря уже о возможныхъ случаяхъ топтанія на одномъ мѣстѣ, регресса, смѣны регресса и прогресса, наконецъ, просто вырожденія *).

Однимъ изъ самыхъ трудныхъ и щекотливыхъ пунктовъ при всемъ этомъ является вопросъ объ индивидуальной поземельной собственности. Нечего и говорить, какимъ громаднымъ облегченіемъ не только для „увѣнчанія зданія“, но и просто для болѣе быстраго перехода отъ однихъ изъ намѣченныхъ стадій къ другимъ, высшимъ—должна быть сельская поземельная община, гдѣ таковая существуетъ, равно какъ и всѣ психологическіе аттрибуты этой формы земельной собственности. Другой вопросъ—вопросъ, къ темѣ данной статьи не относящійся—много-ли шансовъ для той или иной страны сохранить общинныя формы (далѣе, въ какихъ размѣрахъ, и въ какомъ видѣ) вплоть до тѣхъ поръ, когда внѣшнія условія будутъ въ данной странѣ болѣе благопріятны для самостоятельной некапиталистической эволюціи ея крестьянскаго земледѣлія **).

„Но вѣдь, въ концѣ концовъ, изъ этого выходитъ что то вродѣ

*) Я полагаю, что для *классификаціи* товариществъ по степени ихъ развитія схема Герца—вещь положительно незамѣнимая, и безъ нея статистика кооперативнаго дѣла будетъ слишкомъ механической.

**) Что касается до Россіи, то въ примѣненіи къ ней долженъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ трудъ г. Кочаровскаго («Крестьянская община»), первый томъ котораго заставляетъ ждать продолженія съ особеннымъ нетерпѣніемъ и съ самыми большими надеждами.

воскрешенія старыхъ народническихъ утопій?“ слышу я изумленный голосъ иного „современнаго“ читателя. „Такъ вотъ къ чему гнули вы, громоздя цитату на цитату изъ большихъ и малыхъ свѣтилъ европейской мысли, отъ Энгельса до Вандервельда, отъ Бебеля до Флигена, отъ Либкнехта до Гатти, отъ Фольмара до Герца! Все это опять сводится къ тому, что не нужно отрицательно относиться къ русской общинѣ, да еще разнымъ „артельнымъ начинаніямъ“! Теперь точка надъ *i* поставлена; намъ подаютъ подъ новымъ теоретическимъ соусомъ все то же, воскрешенное народничество!“

„Народничество“! Какое безконечно широкое, разнообразное и часто противорѣчивое содержаніе вкладывается теперь постоянно въ это понятіе! Кого только не называютъ этимъ именемъ представители нео-марксистскаго направленія! Да всѣхъ, кто только не признаетъ теоріи единаго капитализма и необходимости пролетаризаціи крестьянства,—всѣхъ, кто „не нашъ“. Г. Юзовъ и Н. К. Михайловскій, Н. В. Левитскій и Николай-онъ, В. В. и М. Б. Ратнеръ, г. Ходскій и А. И. Чупровъ, г. Тернеръ или даже Л. З. Слонимскій изъ „Вѣстника Европы“ и г. Одарченко—не знаю изъ какой славянофильской литературной подворотни—всѣ равно „народники“, хотя между многими изъ нихъ только и есть общаго, что они не принадлежатъ къ числу нео-марксистовъ. Впрочемъ, что здѣсь удивительнаго? Возьмите правовѣрнаго мусульманина: какое ему дѣло, что мы, европейцы, дѣлимся на католиковъ и протестантовъ, православныхъ и раскольниковъ, духоборовъ и скопцовъ, даже просто вѣрующихъ и невѣрующихъ—всѣ равны, всѣ—одно и то же, всѣ одинаково собаки и поганые гяуры, не вѣрующіе въ коранъ и Магомета!

Точно такъ же, пользуясь растяжимымъ понятіемъ „народничество“, многіе нео-марксисты сбиваютъ въ одну кучу самыхъ разнородныхъ людей и связываютъ ихъ взаимною круговою порукою другъ за друга. Благодаря этому пріему, г. И. Гурвичъ, напримѣръ, считаетъ возможнымъ заявить, будто „русское народничество вполнѣ мирится (sic!) съ мелкимъ, разрозненнымъ производствомъ“, а г. Богучарскій—такъ даже выдавать за „народничество“ слѣдующую краткую формулу одного изъ персонажей Щедрина: „что же, можетъ быть намъ и фаланстеры дадутъ,—были же у насъ военныя поселенія!“.

Если *это*—народничество, то, конечно, не народникъ, напр., Николай — онъ, не народники—весь составъ „Русскаго Богатства“, не народникъ и пишущій эти строки. Но споръ вѣдь идетъ совсѣмъ не о томъ, „быть или не быть“, въ концѣ концовъ, крупному производству, а о томъ ждать ли подготовленія необходимыхъ для него матеріальныхъ и психологическихъ предпосылокъ отъ аграрнаго капитализма, или же разсчитывать почти на одно только сознательное, телеологическое общественное творчество,

опирающееся и на трудовую часть крестьянства и утилизирующее всѣ его организаціонныя, общинныя способности и воззрѣнія. И ужъ тѣмъ болѣе не можетъ идти споръ о томъ, можно ли новое вино вливать въ старые мѣха, совмѣстимы ли, выражаясь типически-марксистскимъ жаргономъ, новыя производственныя отношенія съ надстройками, соотвѣтствующими старымъ производственнымъ отношеніямъ.

Поскольку „народничество" характеризовалось и характеризуется равнодушіемъ и презрѣніемъ къ „надстройкамъ" во имя того, что существенъ лишь „экономическій базисъ" (хотя это равнодушіе никогда среди сколько нибудь значительнаго числа народниковъ не доходило до такой степени, чтобы къ нимъ можно было приложить ядовитую насмѣшку Щедрина)—постольку „Русское Богатство", устами Н. К. Михайловскаго, систематически отграничивало себя отъ такого „народничества", и, если понадобится—конечно, сдѣлаетъ это и еще. Да и самая критика „народничества" (въ только что упомянутомъ, узкомъ смыслѣ этого слова) началась далеко не съ нашего новѣйшаго марксизма.

Въ настоящее время многіе, особенно среди молодежи, въ совершенно превратномъ свѣтѣ представляютъ себѣ весь общій характеръ, все существо „нашихъ разногласій" по вопросу о крестьянствѣ и общинѣ. Иные наивно вѣрятъ даже тому, что это—продолженіе стараго спора между западниками и славянофилами; что защита общины отъ отрицательнаго къ ней отношенія непремѣнно предполагаетъ какую-то вѣру въ особенную „самобытность" православнаго русскаго народа. Другіе не менѣе наивно вѣрятъ, что русское „народничество" въ широкомъ, неомарксистскомъ смыслѣ этого слова, есть ничто иное, какъ безсознательное повтореніе того, что въ свое время твердили жестоко осмѣянные Марксомъ и Энгельсомъ нѣмецкіе „самобытники" 40-хъ годовъ... И во всякомъ случаѣ выходило, что это—ничто иное, какъ переживаніе самыхъ устарѣлыхъ, самыхъ архаическихъ, чуть ли не допотопныхъ воззрѣній, слѣдствіе закоснѣлаго упорства отжившихъ людей, неспособныхъ воспринимать что либо новое.

Между тѣмъ, если имѣть въ виду движеніе обще-европейской мысли, то дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ. Если ужъ чья нибудь точка зрѣнія является отсталой, устарѣвшей, отжившей,—такъ это именно точка зрѣнія тѣхъ, кто въ уничтоженіи русской общины, въ пролетаризаціи крестьянства видитъ устраненіе тормазовъ развитія, ведущаго въ Элизіумъ черезъ чистилище „капиталистической выучки".

Въ настоящее время несостоятельность отрицательнаго отношенія къ общинѣ и артели блистательно доказана опытомъ той самой „Европы"—даже болѣе того, той самой части этой „Европы", у которой мы нѣкогда заимствовали наше пренебреженіе къ де-

ревнѣ и крестьянству и исключительную вѣру въ спасающее дѣйствіе „фабричнаго котла".

Послѣднее десятилѣтіе въ Европѣ поистинѣ является „эпохой аграрныхъ программъ". Въ 1892 г. на Марсельскомъ конгрессѣ ортодоксальнѣйшіе французскіе марксисты,—„гэдисты"—тѣ самые непримѣримѣйшіе, нетерпимѣйшіе и несноснѣйшіе „пофъ" *), сектанство которыхъ вошло въ пословицу, выработали впервые, а на слѣдующемъ конгрессѣ въ Нантѣ дополнили и закончили свою аграрную программу, въ которой, между прочимъ, заключались слѣдующіе отдѣльные пункты:

п. 3-й: „запрещеніе общинамъ отчуждать ихъ общинную землю; отдача государствомъ въ аренду общинамъ земель domaniaux, maritimes и др., нынѣ не обрабатываемыхъ; употребленіе излишковъ бюджета общинъ на увеличеніе общинной собственности".

п. 5-й: „передача общиной земель, оставшихся за государствомъ, принадлежащихъ самой общинѣ или купленныхъ ею вновь—нуждающимся семействамъ, соединеннымъ въ ассоціаціи или просто пользующимся доходами съ земли, но съ запрещеніемъ употреблять поденьщиковъ и съ обязательствомъ платы въ пользу общинъ".

п. 8-й: „покупка общиной при помощи государства земледѣльческихъ машинъ или наемъ этихъ машинъ и передача ихъ въ безплатное пользованіе мелкимъ земледѣльцамъ; учрежденіе земледѣльческихъ товариществъ для покупки удобреній, сѣмянъ, растеній и т. д., а также для продажи продуктовъ" **).

Одновременно съ этимъ аналогичныя программы прошли на Дижонскомъ конгрессѣ „аллеманистовъ" и Турскомъ „поссибилистовъ" (или иначе „бруссистовъ") ***).

Въ 1893 г. аналогичная программа выработана въ Бухарестѣ (Румынія). Во главѣ этой программы стоятъ слѣдующія требованія: „постепенный выкупъ государствомъ земель крупныхъ собственниковъ, которыя вмѣстѣ съ имуществами общественныхъ благотворительныхъ учрежденій должны составить неотчуждаемыя государственныя имущества; передача этихъ земель въ пользованіе непосредственныхъ производителей-крестьянъ, особенно поощряя сдачу въ аренду для артельнаго пользованія общинамъ; учрежденіе общинныхъ выгоновъ" ****).

Въ концѣ того же года явилась бельгійская аграрная программа (конгрессъ въ Брюсселѣ). Шестой § „mesures générales" экономической части программы гласитъ такъ: „націонализація

*) Популярное насмѣшливое названіе гэдистовъ, происходящее отъ иниціаловъ ихъ партіи—P. O. F., partie ouvrier français.

**) См. Lafargue, «Le programme agricole...» Lille, 1894. Ср. также Iustin Alavaill, «Reformes agraires», R. S. 1894, № 120.

***) См. тамъ же, въ предыдущей книжкѣ ст. Adrien Veber'a.

****) Rapport presénté au Congrès de Zürich 1893.

лѣсовъ, возстановленіе или развитіе общинныхъ имуществъ, прогрессивный выкупъ земли государствомъ или общинами". Пятый § „mesures spéciales aux travailleurs agricoles" гласитъ: „закупка общинами и предоставленіе въ пользованіе жителей сельско-хозяйственнымъ машинъ и орудій. Передача общинныхъ имуществъ артелямъ работниковъ съ обязательствомъ обходиться безъ наемнаго труда". Восьмой § того же отдѣла: „Вмѣшательство общественной власти въ созданіе земледѣльческихъ коопераций: a) для закупки сѣмянъ и удобренія, b) фабрикаціи масла, c) совмѣстной закупки и пользованія сельско-хозяйственными орудіями, d) продажи продуктовъ, e) коллективной обработки земли".

Эта аграрная программа, далѣе, разрабатывалась и комментировалась на послѣдовательномъ рядѣ конгрессовъ (Брюссель 1893 г., Гентъ 1897, Нивелль 1898 г.)

Въ 1894 г. по предложенію Фольмара на Франкфутскомъ конгрессѣ выбирается особая аграрная комиссія, представляющая проектъ программы Бреславльскому партейтагу. Въ числѣ прочихъ требованій въ немъ стоитъ „сохраненіе и увеличеніе общественной поземельной собственности всякаго рода (государственной, общинной, альмендной)", „преимущественное право покупки для общинъ въ случаѣ аукціонной продажи земель", „государственный кредитъ товариществамъ и общинамъ для меліорацій", „веденіе хозяйства на общинныхъ земляхъ за собственный счетъ общины" и т. д. Проектъ находятъ неудовлетворительнымъ и вопросъ недостаточно выясненнымъ; рѣшаютъ „изучать" аграрный вопросъ, что и дѣлаютъ по настоящее время.

Впрочемъ, отрицательное рѣшеніе обще-германскаго партейтага не помѣщало мѣстному баварскому партейтагу въ Нюренбергѣ (1896) принять эту самую программу (см. изложеніе ея въ оффиціальномъ баварскомъ „Handbuch für Landtagswähler", Nürnberg 1899 и въ написанной Фольмаромъ по порученію Нюрнбергскаго партейтага брошюрѣ „Bauernfrage etc. in Bayern, 1893—1896").

По свидѣтельству Кварка *) аналогичныя „деревенскія программы" приняты въ Баденѣ и Виртембергѣ.

Въ 1896 г. аграрнымъ вопросомъ занялись въ Италіи, на конгрессѣ во Флоренціи, гдѣ было принято довольно неопредѣленное заключеніе (по докладу Биссолати и товарищей). Согласно этому заключенію, члены партіи „могутъ съ пользой поощрять кооперацію во всемъ, что касается храненія, обработки и сбыта продуктовъ, покупки и фабрикаціи удобрительныхъ матеріаловъ и сельскохозяйственныхъ орудій etc" **). Недовольствуясь такой

*) «Protokoll über Verhandlungen des Parteitages zu Breslau», s. 104.

**) Rocca Pilo, Samoggia, Bissolati.—Relazione sul contegno di fronte alle classi agricole. Milano, 1896.

неопредѣленной резолюціей, Джероламо Гатти внесъ на слѣдующій конгрессъ, въ Болоньѣ 1897 г., докладъ, побуждавшій рѣшительнѣе выступить на поприще экономической организаціи мелкой собственности, но потерпѣлъ неудачу. Неудача аграрной программы въ Германіи повліяла, повидимому, и на Италію, пріостановивши тамошнихъ марксистовъ на пути приспособленія своей программы къ деревенскимъ условіямъ *).

Въ 1896 г. Утрехтскій конгрессъ и въ 1897 Арнгеймскій выработали аграрную программу для Голландіи. Въ ней „общинный духъ“ выражается еще рѣшительнѣе, чѣмъ во французской, баварской etc. Программа требуетъ для общинъ не только преимущественнаго права при покупкѣ земли, но и расширенія права обложенія и экспропріаціи, права требовать законной оцѣнки земель и выкупать ее, въ особенности же права экспропріаціи земель, остающихся безъ обработки, такъ что „въ будущемъ примѣненіе рекомендуемыхъ мѣръ должно привести къ пріобрѣтенію правъ собственности на всѣ земли общинами“. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ обычныхъ мѣръ для развитія артельнаго и общиннаго сельскохо-зяйственнаго производства **).

Одними изъ самыхъ раннихъ должны быть, повидимому, аграрныя программы датская и венгерская. Къ сожалѣнію, я не имѣю ни текста датской аграрной программы, ни даты времени и мѣста выработавшаго ея конгресса. Объ ея рѣшительномъ общинномъ и артельномъ духѣ свидѣтельствуетъ Фр. Энгельсъ въ своей статьѣ „Die Bauernfrage in Franckreich und Deutschland“ ***). Что касается до венгерскаго партейтага, то онъ даже включилъ въ свою аграрную революцію слова: „община, село представляетъ естественную ассоціацію“ ****).

Наконецъ, въ нынѣшнемъ, 1900 г. Грацскій партейтагъ далъ аграрную программу и для Австріи (въ первый разъ аграрный вопросъ обсуждался здѣсь на конгрессѣ въ Прагѣ 1896 г. по докладу Феркауфа). Въ этой программѣ требуется, между прочимъ, „обобществленіе лѣсовъ, луговъ и водныхъ силъ посредствомъ государства, села или общины (Vergesellschaftung... durch Staat, Land oder Gemeinde), расширеніе общественной поземельной собственности при содѣйствіи благопріятствующей народу политики государства, развитіе товариществъ на совершенно демократическихъ началахъ и т. п.“; „передача общинамъ лѣсныхъ и рыболовныхъ правъ“, „меліораціонныя работы, предпринимаемыя го-

---

*) См. «Polemiche agrarie»—«La conquista delle campagne» изд. «Critica Sociale», Milano 1896. Ср. также Gatti, op. cit., 452—454.

**) Fliegen, op. cit.

***) Соотвѣтствующее мѣсто я цитирую въ гл. IV настоящей статьи (Р. Б., кн. 7, стр. 157—158).

****) См. составленный P. Engelmann'омъ «Protokoll über die Verhandlungen etc. zu Buda-Pest»

сударствомъ и сельской общиной", „основаніе коопераций сельскихъ работниковъ" и т. д. *).

Нечего и говорить, до какой степени осмысливаются всѣ такія и подобныя имъ требованія, если глядѣть на нихъ не съ узко-практической или просто „филантропической" точки зрѣнія, а съ широкой теоретической—съ точки зрѣнія необходимости содѣйствовать некапиталистической эволюціи земледѣлія.

И крестьянофильство Фольмара; и заявленія Энгельса—„мы стоимъ рѣшительно на сторонѣ мелкаго крестьянина", „мы будемъ дѣлать все возможное, чтобы облегчить ему переходъ къ товариществу", „чѣмъ больше количество тѣхъ крестьянъ, которыхъ мы избавимъ отъ дѣйствительнаго паденія на ступень пролетаріата, тѣмъ лучше"; и заявленіе Августа Бебеля: „мы должны радоваться каждому гектару земли, превращаемому въ общинную собственность", и т. д., и т. д.,—все это получаетъ въ теоріи некапиталистической эволюціи прочный фундаментъ и принимаетъ характеръ цѣлостной, продуманной системы.

Конечно, еще далеко не всѣ, фактически принявшіе практическіе выводы въ сказанномъ духѣ, усвоили и новую теоретическую точку зрѣнія. Далеко нѣтъ. Старыя догмы, старыя привычки мысли живучи, онѣ еще крѣпко засѣли въ головахъ у многихъ. Такъ вѣдь, впрочемъ, бываетъ и всегда. Прежде чѣмъ открыто, откровенно передъ другими и собой отказаться отъ старой „идеологіи", человѣкъ незамѣтно, мало по малу, мѣняетъ свое поведеніе, скромно и несмѣло оправдываясь передъ своей теоретической совѣстью аргументами, носящими болѣе или менѣе явную печать оппортунизма и эклектизма. И только освоившись, оглядѣвшись, привыкнувши къ новой фактической роли, человѣкъ получаетъ мужество взглянуть прямо въ глаза дѣйствительности, признать то, что свершилось и есть—радикальную перемѣну въ принципахъ.

Какъ типическій примѣръ этого эклектизма переходнаго періода, можно указать на заколдованный кругъ, въ которомъ до сихъ поръ вертятся многіе изъ нѣмецкихъ и французскихъ марксистовъ. Чтобы согласить старую теорію съ новой практической программой, они должны рѣшить задачу, подобную квадратурѣ круга, именно, доказать логичность положеній: крестьянство обречено на погибель, его пролетаризація есть фактъ прогрессивный, и *поэтому* будемъ помогать крестьянству, будемъ защищать его хозяйственные интересы; община отжившее, архаическое учрежденіе, будущее можетъ принадлежать только капитализму, и *поэтому* будемъ поддерживать общину... **)

*) См. Wiener Arbeiterzeitung», № 244.

**) Или, какъ иронически выразилъ ту же мысль въ Бреславльскихъ преніяхъ К. Каутскій: «сначала мы скажемъ крестьянину, что его положеніе от-

Одинъ изъ самыхъ выдающихся нѣмецкихъ марксистовъ, напримѣръ, вотъ что говорилъ въ защиту провалившейся въ Бреславлѣ аграрной программы: „законы общественнаго развитія въ области сельско-хозяйственныхъ отношеній также не измѣняются посредствомъ предложеній аграрной коммиссіи, или не задерживаются въ своемъ развитіи. Я провѣрялъ, испытывалъ наши предложенія, прежде всего, на томъ, что капиталистическое развитіе общества ими не будетъ потревожено" *)...

Эти боязливыя извиненія, это скромное опасеніе „потревожить" его степенство капиталистическое развитіе, „измѣнить" проявленіе естественныхъ „законовъ развитія въ области сельско-хозяйственныхъ отношеній"—развѣ это языкъ, достойный мыслителя и дѣятеля? Не такъ говорилъ „учитель", не такъ говорилъ Марксъ, котораго нисколько не смущало, что, напр., рабочіе „посредствомъ Trades Unions пытаются организовать цѣлесообразную связь между имѣющими и неимѣющими работу съ цѣлью *сломить* или ослабить разрушительное вліяніе этого естественнаго закона капиталистическаго производства на ихъ сословіе... всякое соединеніе имѣющихъ и неимѣющихъ работу именно *нарушаетъ* „чистое" проявленіе этого закона" **).

Этотъ фетишизмъ „законовъ развитія въ аграрной области", не имѣющій ничего общаго съ истиннымъ марксизмомъ, есть просто слѣдствіе все того-же переходнаго, смутнаго положенія, изъ котораго можетъ вывести только новая точка зрѣнія—точка зрѣнія Вандервельда-Флигена-Гатти-Герца. Существуютъ два основныхъ типа аграрной эволюціи—капиталистическій и некапиталистическій. Конечно, аграрная эволюція всякой страны вовсе не должна совершаться или исключительно по одному, или столь-же исключительно по другому типу. Какъ всегда, между болѣе или менѣе чистыми типами эволюціи (абсолютно-чистые существуютъ лишь in abstracto) могутъ стоять смѣшанные. Развитіе земледѣлія въ странѣ иногда можетъ совершаться параллельно, отчасти по одному, отчасти по другому типу. Только тщательное научное изслѣдованіе всѣхъ эмпирическихъ условій времени и мѣста можетъ позволить съ нѣкоторой долей научной (а не догматической, для которой законы не писаны) увѣренности высказаться относительно вѣроятныхъ размѣровъ и вѣроятной степени интенсивности обоихъ теченій. Но во всякомъ случаѣ слѣдуетъ предпочитать второй путь и дѣлать все возможное, чтобы направить по нему ходъ вещей—поддерживая сельско-хозяйственную кооперацію и сельскую общинную собственность.

чаянно, что ему нельзя помочь, а потомъ скажемъ, что хотимъ ему помочь нашей аграрной программой».

*) Verhandlungen des Parteitages zu Breslau, s. 117, Bebel.

**) «Капиталъ», т. I, стр. 561.

Это—какъ разъ та самая точка зрѣнія, которую отстаиваетъ въ русской литературѣ „Русское Богатство“, какъ разъ та самая точка зрѣнія, которую раньше отстаивали „Отечественныя Записки“, и еще раньше—„Современникъ“. Многое мѣнялось за это время въ русской жизни, многое мѣнялось въ программахъ, многое мѣнялось въ способахъ ихъ обоснованія. Жизнь не стояла на мѣстѣ, не стояло на мѣстѣ и наше міросозерцаніе. Оно воспринимало въ себя новые элементы, по мѣрѣ того, какъ русская и западно-европейская жизнь развивала новыя тенденціи. Мѣнялась формулировка основныхъ положеній, мѣнялись пріемы ихъ защиты, ихъ философско-соціологическаго обоснованія. Но при всѣхъ этихъ измѣненіяхъ одно оставалось твердымъ, постояннымъ и неизмѣннымъ. Это—глубокое убѣжденіе въ томъ, что нѣтъ единой, универсальной формы капитализма ни для всѣхъ безъ исключенія странъ, ни для всѣхъ безъ исключенія отдѣльныхъ отраслей производства; нѣтъ одной, универсальной лѣстницы хозяйственной эволюціи, всѣ ступени которой обязательно должны быть пройдены; не только и свѣта, что въ окошкѣ, не только въ капитализмѣ все спасеніе, развитіе, культурность, европеизація всей общественной жизни...

Люди, мѣняющіе свои убѣжденія чаще, чѣмъ перчатки, люди, которые внутри самихъ себя не находятъ достаточной точки опоры, чтобы противостоять всякому „повѣтрію“, люди-флюгеры—а такихъ за послѣднее время, къ стыду нашему, оказалось у насъ не мало—назовутъ это, быть можетъ, *неподвижностью и косностью.* Да, это во всякомъ случаѣ не та „подвижность“, которая заставляетъ прилѣпляться ко всему, что имѣетъ шумный, хотя-бы временный успѣхъ; не та подвижность, которая гонитъ „жрецовъ минутнаго, поклонниковъ успѣха“ вѣчно, во что-бы то ни стало, въ ряды большинства; не та „подвижность“, которая, въ концѣ-концовъ, основывается на отсутствіи мужества быть въ меньшинствѣ, которое въ данный моментъ не въ модѣ, въ пренебреженіи, въ загонѣ... Эта „неподвижность“, для многихъ „неестественная“ и странная, называется интеллектуальной, идейной и нравственной стойкостью.

Итакъ, мы, если угодно, „продолжаемъ коснѣть“ въ нашихъ старыхъ ересяхъ и заблужденіяхъ. Мы—я говорю про цѣлостное, литературное и жизненное направленіе—„продолжали коснѣть“ и тогда, когда держать въ рукахъ старое знамя, съ честью выдержавшее столько испытаній, значило быть причисленнымъ, при апплодисментахъ публики, къ разряду „*обомшелыхъ троглодитовъ*“ или, по крайней мѣрѣ, „*субъективныхъ старичковъ*“; и тогда, когда „новое теченіе“ только-что открывало свое „шествіе по языкамъ“; и тогда, когда чуть не каждый изъ его представителей „изъ Геркулесовъ вдругъ становился Омиромъ, и самъ летѣлъ трубить свои побѣды по лѣсамъ“. Мы имѣли удовольствіе

присутствовать и при томъ умилительномъ зрѣлищѣ, когда наши идейные противники торжественно и оффиціально объявляли, что мы умерли и похоронены, и обращались къ публикѣ съ трогательной просьбой понапрасну не тревожить, не „гальванизировать“ нашъ „трупъ“.

Не скроемъ, много тяжелаго и горькаго накоплялось порою на душѣ. Обидно было и за „предшественниковъ“, и за самихъ себя, и, наконецъ, и самихъ „преемниковъ“. Болѣе „подвижные“ были счастливѣе, конечно. Миновала ихъ чаша сія. За то не суждено имъ испытать и того глубокаго нравственнаго удовлетворенія, которое даетъ сознаніе, что не напрасно стоялъ за извѣстную идею, не напрасно плылъ противъ теченія: верховная инстанція всѣхъ теоретическихъ споровъ—жизнь—доказала справедливость этой идеи, и вѣрная выразительница жизни, передовая коллективная международная мысль все болѣе и болѣе склоняется къ тому же, что давно написано на твоемъ теоретическомъ знамени...

Викторъ Черновъ.

РАЗСКАЗЫ И. Е. ГЕШОВА *).

(Переводъ съ болгарскаго).

I. Лила.

Во всей деревнѣ Банѣ, Карловскаго округа, не было парня молодцоватѣе Стайко, не было дѣвушки красивѣе Лилы. Безъ нихъ и хороводъ былъ не въ хороводъ; ихъ присутствіемъ красились деревенскія посидѣлки. На посидѣлкахъ же и полюбили они другъ друга. Всѣ кругомъ находили, что они такъ подходили одинъ къ другому, какъ будто созданы были другъ для друга, всѣ—за исключеніемъ ихъ родителей. Слѣпая, безчеловѣчная вражда, какая часто встрѣчается среди нашихъ крестьянъ, давно уже раздѣляла ихъ семьи и стояла неодолимою преградою между ними. Но когда отецъ Стайко былъ найденъ какъ-то убитымъ чьею-то разбойничьею рукою, давнишняя семейная вражда мало-по-малу смягчилась и исчезла. Отецъ Лилы далъ, наконецъ, свое благословеніе влюбленной парочкѣ и вскорѣ послѣ этого умеръ.

Давно баневцы не видѣли такихъ влюбленныхъ другъ въ друга обрученныхъ, какъ Стайко и Лила. Это была не любовь, а прямое безуміе. Веселый Стайко съ ума сходилъ по Лилѣ, а молчаливая Лила платила ему съ лихвою. И старые люди, помнившіе долгую вражду между ихъ отцами, сомнительно покачивали головами, глядя на страстную любовь дѣтей.

Прошло нѣсколько недѣль послѣ помолвки, когда Стайко узналъ, что предполагаемый убійца его отца, Османъ изъ

*) И. Е. Гешовъ — извѣстный финансистъ и государственный дѣятель Болгаріи, грѣшившій въ былые годы и по части литературы. Помимо нѣсколькихъ брошюръ и статей о разныхъ любопытныхъ явленіяхъ экономической жизни Болгаріи, его же перу принадлежатъ и нѣсколько разсказовъ изъ народной жизни, иные изъ которыхъ отличаются несомнѣнною поэтичностью. Къ сожалѣнію, веденіе дѣлъ своей фирмы и общественная дѣятельность оставляли ему слишкомъ мало свободнаго времени для развитія своего литературнаго дарованія.

села Калугерово, вернулся и бродитъ опять возлѣ Бани. Стайко поклялся отомстить убійцѣ за смерть своего отца, но прежде надо было узнать навѣрное, кто былъ этотъ убійца. Цѣлую недѣлю бродилъ онъ по сосѣднимъ лѣсамъ и горамъ, надѣясь встрѣтить Османа. Наконецъ, на восьмой день онъ его дѣйствительно встрѣтилъ возлѣ одного заброшеннаго колодца между Калуговымъ и Войняговымъ. Стайко несъ съ собою мѣшокъ съ хлѣбомъ и палку. Османъ былъ вооруженъ. Они мрачно взглянули другъ на друга, и Стайко прямо обратился къ нему съ вопросомъ, правда ли, что онъ убилъ его отца.

— Кровь отца твоего не лежитъ на моей совѣсти,—отвѣтилъ Османъ.

— Если ты не убилъ его, поѣшь моего хлѣба,—сказалъ Стайко, который зналъ, что одно старое повѣрье строго запрещаетъ турку ѣсть хлѣбъ человѣка, родственника котораго онъ убилъ. И говоря это, Стайко вынулъ изъ мѣшка хлѣбъ, отрѣзалъ ломоть, положилъ на него кусокъ сыру и протянулъ его Осману.

Османъ измѣнился въ лицѣ. Онъ поднялъ руку, но вмѣсто того, чтобы взять хлѣбъ, схватился за ножъ.

— Не буду врать тебѣ,—сказалъ онъ съ тяжелымъ вздохомъ,—я убилъ твоего отца, но не по своей волѣ. Заставилъ меня убить его отецъ твоей невѣсты.

Теперь была очередь Стайко перемѣниться въ лицѣ. Блѣдный, какъ смерть, выслушалъ онъ разсказъ Османа и убѣдился, что виновникомъ убійства его отца былъ дѣйствительно отецъ Лилы.

Это открытіе разстроило свадьбу. Родные жениха рѣшили, что о ней нечего и думать и что надо вернуть, какъ предписываетъ въ такихъ случаяхъ обычай, невѣстѣ ея кольцо.

Былъ послѣдній день мая. Приготовленіе розоваго масла, которымъ живутъ главнымъ образомъ баневцы, подходило къ концу. Розовые сады были уже почти обобраны; лишь кое-гдѣ виднѣлись еще не собранные цвѣты. Раннимъ утромъ Лила вышла въ свой садъ добрать уцѣлѣвшіе еще розовые бутоны. Съ корзинкою въ рукахъ шла она между двумя рядами розовыхъ кустовъ, срывала цвѣты и бросала ихъ въ корзину. И по мѣрѣ того, какъ она подвигалась впередъ, розовая алея за нею чернѣла и оголялась отъ послѣднихъ своихъ цвѣтовъ. Ночью была сильная роса, и срываемыя розы были еще мокры, какъ мокры стали скоро и башмаки, и платье, и руки дѣвушки. Въ воздухѣ разносилось тонкое благоуханіе. Солнце пригрѣвало. Отъ времени до времени надъ садомъ пролеталъ дроздъ, и его тѣнь быстро пробѣгала по землѣ. Въ ближайшемъ саду пѣлъ соловей. Тихій вѣтерокъ дулъ

отъ села, и съ нимъ доносились оттуда крики пѣтуховъ и собачій лай.

Лила почти наполнила уже свою корзину, когда увидѣла передъ собою одну изъ подругъ, Димитру.

— Помогай Боже, Лилко,—сказала Димитра.

— Далъ Богъ добра—отвѣчала Лила, выпрямляясь.

— Правда ли, что Стайко хочетъ отослать тебѣ назадъ кольцо?

Лила встрепенулась и покраснѣла, какъ тѣ розы, которыя наполняли ея корзину.

— Что ты сказала?—переспросила она подругу.

— Слышала я, — отвѣчала та, — что Стайко не хочетъ тебя, потому что твой отецъ подговорилъ Османа убить его отца.

Лицо Лилы запылало огнемъ. Она схватилась рукой за голову и, не говоря ни слова, какъ была съ корзиною въ рукѣ, быстро зашагала по направленію къ селу.

— Куда ты идешь, Лила?—спросила ее вдогонку подруга.

— Иду спросить его,—отвѣчала Лила.

— Кого?

Лила не отвѣчала, но Димитра сама догадалась, кого хотѣла спросить Лила.

— Ты не найдешь Стайко въ селѣ—крикнула она вдогонку.—Онъ ушелъ въ Карлово.

Лила остановилась на секунду, поглядѣла на село, взглянула по направленію къ Карлову, повернула съ дорожки, которая вела въ Баню, и пошла къ карловскому шоссе.

— Лилка, Лилка,—кричала ей Димитра.

Но Лила не поворачивалась и не отвѣчала на зовъ.

Не приходилось ли вамъ видѣть, какъ ходитъ ночью лунатикъ? Такъ, безчувственная ко всему окружающему, шла Лила въ этотъ чудный майскій день съ корзиною, полной розъ, въ рукѣ, съ кровавою раною въ сердцѣ.

До мѣста, гдѣ шоссе пересѣкала рѣчка Неволя, она не встрѣтила ни одной живой души. По крайней мѣрѣ, она никого не видѣла. Неволя—маленькая рѣчонка, лѣтомъ обыкновенно совершенно пересыхавшая. Но теперь, благодаря недавнимъ дождямъ, въ ней текла струя воды. Лила остановилась, наклонилась машинально къ водѣ и, почти не сознавая, что дѣлаетъ, умылась, выпила нѣсколько глотковъ и вздохнула. Свѣжая вода подѣйствовала, и дѣвушка пришла немного въ себя. Зачѣмъ она несетъ съ собою корзину? Не лучше ли было бы оставить ее дома? Она взглянула по направленію къ селу, но оно было теперь слишкомъ далеко, чтобы возвращаться, тогда какъ Карлово уже виднѣлось впереди. Еще немного, и она будетъ тамъ, найдетъ Стайко и изъ его соб-

ственныхъ устъ узнаетъ, сколько правды въ ужасной вѣсти, сообщенной Димитрою.

И она снова зашагала впередъ. Свернула съ шоссе влѣво, перешла Неволю по мосту для пѣшеходовъ и почти побѣжала по направленію къ Карлову. Въ этотъ день въ Карловѣ былъ базаръ, и кучки крестьянъ, возвращавшихся съ базара, то и дѣло попадались ей на встрѣчу. Одинъ, потомъ другой изъ встрѣчныхъ крестьянъ что-то ей сказали, но она не слышала и не отвѣтила. Третій крикнулъ ей громче, показывая назадъ на цвѣты, упавшіе изъ ея корзины.

— Ничего,—пробормотала она, спѣша впередъ, какъ будто боясь, что ее остановятъ. Отъ быстраго хода цвѣты продолжали падать изъ полной корзины, и была какая-то горькая иронія въ контрастѣ между отчаяніемъ, разрывавшимъ сердце несчастной дѣвушки, и розами, которыя усыпали ея путь.

Встрѣтила она и нѣсколькихъ односельцевъ, которые остановились было поболтать съ нею.

— Куда это ты такъ спѣшишь, Лила?—спрашивали они.

— Иду спросить его,—отвѣчала она, не останавливаясь.

— Кого?

Но Лила не отвѣчала и еще быстрѣе шла впередъ.

Солнце было теперь прямо надъ головою и страшно пекло. Тонкій платочекъ, покрывавшій голову дѣвушки, почти не защищалъ ее отъ солнечнаго жара, а внутренній огонь, горѣвшей въ ея сердцѣ, еще болѣе мучилъ ее. Ротъ ея пересохъ, губы горѣли, но она ничего не замѣчала и шла все впередъ и впередъ.

Вотъ прошла она, наконецъ, и подгородную орѣховую рощу и очутилась, изнеможенная до послѣдней степени, на Балабановскомъ мосту у входа въ Карлово. Старая Рѣка, которая течетъ подъ этимъ мостомъ, теперь вздулась и казалась громадною. Она бурно клокотала и пѣнилась между камнями, которыми было усѣяно ея русло.

Лила остановилась, оперлась на перила моста и начала глядѣть въ воду. Въ первый разъ теперь, — съ тѣхъ поръ, какъ Димитра сообщила ей ужасную новость,—почувствовала она какъ бы нѣкоторое душевное облегченіе. Ей казалось, что свѣжесть, вѣявшая отъ рѣки, гасила пожаръ въ ея сердцѣ, что шумъ волнъ утѣшалъ ея скорбь.

Она стояла, опираясь на перила, и продолжала, какъ очарованная, глядѣть въ пѣнившуюся воду, какъ вдругъ позади послышались мужскіе голоса и между ними знакомый дорогой голосъ. Она быстро обернулась. Передъ ней былъ ея Стайко.

Она бросилась къ нему. Ея лицо горѣло. Она открыла запекшіяся губы и произнесла прерывающимся голосомъ:

— Стайко... Слушай, Стайко... Правда-ли, что ты отказываешься отъ меня?..

— Правда,—отвѣчалъ Стайко и, эгоистичный, жестокій, какъ всякій мужчина по отношенію къ отвергнутой женщинѣ, пошелъ своею дорогою дальше.

Лила зашаталась и упала бы, если бы не успѣла схватиться за перила и уцѣпиться за нихъ. Передъ нею опять ревѣла и бѣшено прыгала по камнямъ холодная рѣка. И ей показалось, что тамъ, въ этой холодной водѣ, было лѣкарство противъ ея болѣзни, облегченіе ея мукамъ. Безсознательно сошла она съ моста и пошла вдоль по руслу рѣки.

Пошла такъ, какъ она шла по шоссе къ Карлову, не сознавая толкомъ, что она дѣлаетъ. Одно чувствовала она, что вода непобѣдимо влечетъ ее къ себѣ, что рѣка зоветъ ее, что послѣ грубаго отказа Стайко, въ ея ушахъ раздавался теперь сладостный шопотъ: иди ко мнѣ, хочу тебя!.. И такъ шла она нѣсколько часовъ вдоль рѣки, останавливаясь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вода казалась глубокою—пока не дошла до извѣстнаго Карловскаго водопада.

Здѣсь она остановилась и присѣла на камень. Передъ зрѣлищемъ этого водяного потока, который съ бѣшенымъ шумомъ бросался въ бездну, какъ будто въ ней таилось его счастье, Лила глубоко задумалась.

О чемъ она думала? О неправдѣ-ли, которая на нашемъ свѣтѣ отплачиваетъ дѣтямъ за грѣхи отцовъ? О глупости-ли тѣхъ, которые изъ за этихъ грѣховъ дѣлаютъ и себя и другихъ несчастными?.. О чемъ она думала?..

Спросите голубку, о чемъ она думаетъ, когда безпощадная судьба отнимаетъ у нея друга...

. . . .

На слѣдующій день рано утромъ арендаторъ водяной мельницы, устроенной подъ Карловскимъ водопадомъ, нашелъ въ запруженной водѣ трупъ Лилы.

Сама ли она бросилась въ рѣку, случайно ли упала въ нее, никто не знаетъ, какъ не знаетъ никто и того, какой ужасный пожаръ погасъ въ этой горной водѣ.

Въ эту ночь мельница не работала. Запруда была закрыта, и потому вода здѣсь была глубока. На поверхности этой воды плавало тѣло Лилы, среди кучекъ розъ, выпавшихъ изъ корзины. И эти цвѣты медленно кружились на поверхности воды вокругъ трупа дѣвушки, украшая ее вѣнками и благоуханіями, оттѣняя еще больше бѣлизну и красоту ея молодого лица.

Никто, кто видѣлъ ее въ этомъ положеніи, не могъ удержаться отъ слезъ, и всѣмъ казалось, что несчастная Лила не умерла, а спитъ въ постели изъ розъ....

II. Разрывъ-трава.

Свѣтъ старъ, а я былъ молодъ. Люди говорили, что женитъ меня сердце, не спрашиваясь головы, но я имъ не вѣрилъ. Я былъ молодъ, а свѣтъ старъ.

Я былъ молодъ, ученъ и бѣденъ. И потому я мечталъ о богатой и образованной женѣ.

Богатою и образованною представлялъ я въ мечтахъ свою будущую жену. Но и среди этихъ мечтаній мои глаза постоянно видѣли передъ собою черные, какъ уголь, очи, красныя, какъ вишни, губки и—по сосѣдству отъ этихъ губокъ двѣ ямочки, которыя радостно вздрагивали, когда ротъ улыбался, и изчезали, когда его закрывало какое нибудь горе.

Эти очи, и эти губки, и эти ямочки принадлежали одной милой дѣвушкѣ, хорошенькой Лалѣ. Лала была простая крестьянская дѣвушка. Все ея богатство заключалось въ ея красотѣ; все ея образованіе—въ ея простодушіи.

Простодушна и прекрасна была она, и я любилъ встрѣчать ее на лугу возлѣ ея села, гдѣ мнѣ приходилось часто бывать по роду моихъ занятій.

Лугъ тянулся вдоль рѣки. Рѣка протекала возлѣ лѣса. А за рѣкою надъ лѣсомъ тянулись роскошные зеленые ковры сельскихъ нивъ. Мѣстами въ нихъ чернѣли недавно вспаханные куски. Далеко, на горизонтѣ синѣли горы Старой Планины. Когда утреннее солнце освѣщало эту прелестную картину, его золотые лучи дрожали на тихой поверхности рѣки, или разсыпались дождемъ драгоцѣнныхъ камней по покрытой росою травѣ. Прохладный вѣтерокъ доносился отъ рѣки. На ея берегу зеленѣла нѣжная мурава, въ которой тамъ и сямъ пестрѣли стебельки трилистника. Тутъ слышался свистъ жаворонка, тамъ подальше раздавался перебой спрятавшагося въ травѣ перепела. Отъ времени до времени въ воздухѣ проносился быстрый бекасъ, или тяжело пролетала сизоворонка. Сладостный, какъ дыханье молодости, тонкій запахъ разцвѣтающаго луга наполнялъ атмосферу. Нѣжное, какъ любовный шопотъ, доносилось издали воркованье горлицы. Все сіяло жизнью, все пѣло о любви. На ближайшемъ деревѣ голосистый соловей звалъ къ себѣ свою подругу. Гдѣ-то вдали молодой пастухъ воспѣвалъ на свирѣли свою возлюбленную.

Въ такой роскошной обстановкѣ сладостныхъ звуковъ и обаятельныхъ запаховъ увидѣлъ я впервые Лалу. Въ ней же любилъ я встрѣчать ее, когда моя работа приводила меня въ ея село.

Встрѣчалъ я ее, конечно, только чтобы поболтать съ нею.

потому что будущую жену свою я представлялъ не иначе какъ богатою и образованною.

Какъ-то увидѣлъ я Лалу на сельскомъ лугу. Она направлялась въ село, и я пошелъ ей на встрѣчу. Встрѣтились мы и пошли вмѣстѣ, разговаривая между собою. Солнце сіяло, птицы пѣли, и цвѣты благоухали сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Казалось, что вся природа праздновала большой праздникъ.

Праздникъ природы былъ праздникомъ и для Лалы. Никогда не видѣлъ я ее такою милою, веселою и прелестною.

Такъ мила, весела и прелестна была она, что я невольно спросилъ себя: почему это мы ищемъ у дѣвушекъ богатства и образованія? Не достаточно-ли намъ одной красоты?

Не достаточно-ли намъ одной красоты? — спрашивалъ я у себя, когда вдругъ Лала нагнулась и сорвала какой-то цвѣтокъ.

— Что это?—спросилъ я, взглянувъ на нее. Она покраснѣла.

— Это трилистникъ. Мнѣ показалось, что у него четыре листика, что это разрывъ-трава, я его и сорвала. Но я ошиблась. Въ немъ всего три листика.

Сказала и покраснѣла еще больше.

— А зачѣмъ тебѣ разрывъ-трава?—спросилъ я.

— Чтобы найти кладъ,—отвѣчала она.

— Только для клада и нужна разрывъ-трава, — спросилъ я,—или она и для чего другого годится?

— Она отпираетъ запертую дверь,—отвѣчала Лала.

— А не отпираетъ-ли она и запертое сердце?

Лала не отвѣчала.

— Слышалъ я,—продолжалъ я,—что разрывъ-трава открываетъ и сердца.

— Правда-ли это?—спросила она.

Спросила и, устыдившись вопроса, покраснѣла еще болѣе, покраснѣла такъ, что мнѣ стало жаль, зачѣмъ я ее сконфузилъ.

Мы продолжали путь молча. Лала внимательно глядѣла внизъ и о чемъ-то думала. Я не могъ добиться отъ нея ни одного слова, ни одного взгляда. Ея глаза были какъ бы прикованы къ землѣ; они какъ бы искали чего-то тамъ. Вдругъ они напряженно уставились въ одну точку. Лала остановилась и снова нагнулась къ землѣ.

Нагнулась, сорвала стебелекъ и снова выпрямилась. Солнце сіяло, птички пѣли, цвѣты благоухали, но стройная Лала казалась мнѣ въ этотъ моментъ свѣтлѣе солнца, милѣе птичекъ, граціознѣе цвѣтовъ. Ея лицо горѣло румянцемъ. Ея грудь высоко поднималась. Двѣ капли, какъ два зерна бисера, искрились въ глубинѣ ея глазъ.

Двѣ капли, какъ два зерна бисера, искрились въ ея глазахъ, и она сказала, обращаясь ко мнѣ:

— Кажется, на этотъ разъ я нашла разрывъ-траву.

И она показала мнѣ трилистникъ, на которомъ возлѣ трехъ обыкновенныхъ листиковъ былъ и четвертый, маленькій и изящный, какъ ямочка на ея щекѣ. И съ торжествующимъ взглядомъ побѣдителя она приложила свою разрывъ-траву къ моему сердцу.

Я вспомнилъ нѣсколько минутъ назадъ сказанныя мною слова о томъ, что разрывъ-трава открываетъ и сердца, и взглянулъ на Лалу.

Она плакала, и я видѣлъ, что плакала отъ радости. И эти очи, и эти слезы, и эта любовь, которая такъ бурно вырвалась изъ ея сердца, побѣдили меня. Я забылъ и про богатство, и про образованіе и тутъ же поклялся, что Лала будетъ моею.

И я сдержалъ свою клятву, и Лала теперь моя.

Мы повѣнчались и теперь счастливы. Никакая буря не заслоняетъ отъ насъ свѣта солнца, ни одна змѣя не отравляетъ нашего рая. Я не мечтаю болѣе о богатой и образованной женѣ, и Лала не ищетъ болѣе разрывъ-травы, чтобы найти кладъ. Мы во всемъ согласны другъ съ другомъ, за исключеніемъ одного: Лала думаетъ, что мое сердце открыла разрывъ-трава, а я убѣжденъ въ томъ, что его открыли ея очи, ея слезы и ея любовь.

Я еще молодъ, а свѣтъ все по прежнему старъ. Но я вѣрю теперь, что часто сердце женитъ человѣка, не спрашиваясь головы.

И я вѣрю еще, что сердце дѣлаетъ очень хорошо, не спрашиваясь иногда головы. Не знаю только, какъ думаетъ на этотъ счетъ свѣтъ.

Можетъ быть, онъ и не согласенъ со мною. Кто знаетъ? Наши возрасты такъ различны. Онъ давно уже старъ, а я и теперь еще молодъ...

III. Солдатъ.

Я ѣхалъ изъ Лома въ Софію. Поздно вечеромъ пріѣхалъ усталый въ Берковицу. На слѣдующій день выѣхалъ изъ нея раннимъ утромъ задумчивый, опечаленный, возмущенный.

И было почему. Въ этомъ спокойномъ городкѣ узналъ я очень тревожную новость. Каинъ разсердился на Авеля, потому что его жертва оказалась болѣе угодною Богу. Сербскій король объявилъ войну Болгаріи.

Было воскресенье, 3 ноября 1885 года.

Война брата противъ брата? О, Боже, почему допускаешь ты войны, особенно между братьями? Почему не объявилъ ты войну противъ войны? Вѣдь это ты внушилъ Жану Полю

Рихтеру мысль написать его „Kriegserklärung gegen den Krieg“; вѣдь это ты, навѣрное ты, заставилъ его написать эти слова: „до сихъ поръ, къ несчастью, было на землѣ такъ, что два человѣка рѣшали воевать, а милліоны бились и страдали, между тѣмъ какъ было бы гораздо лучше, если бы рѣшали милліоны, а билось только двое“. Почему же ты терпишь войну?

Но Богъ—высоко, а мы, люди—очень, очень низко. Онъ насъ не слышитъ, когда мы вопіемъ противъ войны.

Итакъ, мы должны драться, драться съ братьями, отъ которыхъ ждали сочувствія, которымъ раскрывали свои объятія въ то время, какъ они точили противъ насъ сабли.

Какъ можешь уберечься отъ удара, когда ожидаешь поцѣлуя?

Эта позорная и безпричинная война наполняла мое сердце тревогою и горемъ, страхомъ и негодованіемъ. Я боялся, какъ бы на этотъ разъ Каинъ не восторжествовалъ надъ Авелемъ... Вѣдь всѣ наши войска были на юго-востокѣ, а сербы наступали на насъ съ сѣверо-запада!

Никогда еще Старая Планина, отъ Клисуры до перевала, не казалась мнѣ столь угрюмою и непріятною, какъ въ этотъ разъ. Она была совершенно пуста. Люди какъ будто боялись этихъ густыхъ горныхъ лѣсовъ, которые могли стать дорогою непріятельскаго нашествія. Они какъ будто бѣжали отъ этого перевала, отстоявшаго всего на нѣсколько километровъ отъ незащищенной границы, которая отдѣляла ихъ отъ вчерашнихъ братьевъ, отъ сегодняшнихъ враговъ. Мой ямщикъ, слышавшій вчера въ Берковицѣ первый пушечный выстрѣлъ братоубійственной войны, все время безпокойно оглядывался по сторонамъ, какъ бы ожидая на всякомъ поворотѣ увидѣть первые непріятельскіе разъѣзды.

При всякой встрѣчѣ съ рѣдкими путниками мы останавливались для разспросовъ. Какія новости? Что слышно? Гинцы, Петроханъ, эти городки, находившіеся такъ близко отъ границы, заняты ли уже сербами?—Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчали намъ. И Петроханъ, и Гинцы были свободны. Сербы, дѣйствительно, перешли границу, но подальше, возлѣ Цариброда, откуда и доносились пушечные выстрѣлы.

Итакъ, мрачное дѣло было сдѣлано, и братская земля была уже осквернена.

Отъ тяжелыхъ мыслей какъ будто отяжелѣлъ и нашъ экипажъ. Лошади едва тащили его по крутому подъему. Погода была облачная: и внѣшній, и внутренній душевный нашъ міръ находились въ полной гармоніи. Темносѣрое небо какъ будто ссорилось съ землею. Безконечный буковый лѣсъ, черезъ который вьется клисурское шоссе, уже оголился отъ

своихъ послѣднихъ листьевъ, но еще не одѣлся въ иней. Дулъ непривѣтливый холодный вѣтеръ. Его завыванія казались мнѣ вздохами умирающаго; вѣтви деревьевъ протягивались ко мнѣ, какъ костлявыя руки скелета. И эти вздохи, и эти руки какъ будто проклинали кого-то...

— Погоняй, ямщикъ, погоняй, проѣдемъ скорѣе это страшное ущелье! Не достаточно ли намъ тѣхъ ужасовъ, которые ждутъ насъ отнынѣ впереди?

Черезъ нѣсколько длинныхъ, какъ дни, часовъ мы достигли, наконецъ, перевала и остановились въ Петроханѣ. Я началъ напряженно прислушиваться, не услышу ли пушечнаго грома, но нѣтъ: сюда не доносилось ничего. Я поспѣшилъ въ телеграфную станцію, надѣясь узнать тамъ новости. Нѣтъ! Телеграфъ былъ нѣмъ, но не была ли самая эта нѣмота краснорѣчивѣе всякихъ разговоровъ? Не оттого ли молчали сербскія пушки, что онѣ уже были далеко за Царибродомъ и приближались теперь къ Драгоману?.. Мы обмѣнялись своими догадками и предположеніями съ телеграфистомъ и затѣмъ простились другъ съ другомъ, по прежнему безнадежные и безутѣшные.

Я поѣхалъ дальше. Экипажъ быстро катился по сухому шоссе, которое извивается вдоль по безлѣсному и безводному спуску между Петрохановъ и Гинцами. Проѣхали крутизны надъ Гинцами, минули Кумичину Дупку, но ничего особеннаго не видѣли и не слышали. Путники, которыхъ мы встрѣчали по дорогѣ, были такъ же мрачны, какъ и мы сами.

Въ Гинцахъ мы опять остановились, чтобы дать передохнуть лошадямъ. Ямщикъ остался у экипажа, я вошелъ на постоялый дворъ.

По срединѣ широкой и дымной комнаты стояла желѣзная печь, въ которой съ трескомъ и шумомъ горѣли сырые дрова. Возлѣ печи, кто стоя, кто на корточкахъ, грѣлось нѣсколько крестьянъ. За нею, въ углу, сидѣли на лавкѣ другіе посѣтители, едва видные въ дыму, наполнявшемъ комнату.

Я поздоровался и, прежде чѣмъ сѣсть, спросилъ,—нѣтъ ли чего новаго?

— Ничего хорошаго!—отвѣтилъ мнѣ одинъ изъ грѣвшихся возлѣ печки крестьянъ.

— А дурного?—спросилъ я.

— Услышишь дурное, когда проѣдешь первый перевалъ къ Бучину,—сказалъ крестьянинъ.

— Что же тамъ слышно?

— Пушки слышны,—глухо отвѣтилъ крестьянинъ, глядя въ сторону.

— Давно уже слышны онѣ?

— Съ утра.

— Хорошо ли слышны?

— Еще какъ!—проговорилъ крестьянинъ.

— Если пушки слышны такъ хорошо, значитъ наши отступаютъ,—проговорилъ я въ раздумьи, припоминая разговоръ, который я имѣлъ съ Петроханскимъ телеграфистомъ, и изъ котораго явствовало, что сербы должны были къ этому времени быть уже у Драгомана.

— Наши да будутъ отступать!—раздался голосъ изъ угла комнаты.—Наши умираютъ, но не отступаютъ!

Я встрепенулся. Въ первый разъ отъ самой Берковицы услышалъ я ободрительное слово. Я обернулся на голосъ и, всмотрѣвшись, увидѣлъ на лавкѣ въ углу солдата, котораго очевидно разбудило донесшееся до него слово „отступаютъ".

— Браво, молодецъ!—воскликнулъ я невольно, направляясь къ нему. Блѣднолицый и черноглазый солдатъ казался еще мальчикомъ, которому не должно было быть и двадцати лѣтъ. И шинель, и шапка были не по немъ, слишкомъ велики; онъ въ нихъ совсѣмъ терялся. Я предложилъ ему выпить, онъ отказался. Спросилъ его, куда идетъ; онъ едва отвѣтилъ. Бодрость, которою вѣяло отъ его фразы объ отступленіи, снова покинула его, и онъ съ трудомъ проговорилъ нѣсколько словъ, изъ которыхъ я понялъ, что онъ идетъ въ Софію, чтобы присоединиться тамъ къ своему полку, который подошелъ изъ Южной Болгаріи и завтра съ разсвѣтомъ выступитъ противъ непріятеля. Сказалъ онъ и названіе полка, но я забылъ его.

Между тѣмъ лошади передохнули, и я тронулся дальше. Я задумался и не замѣтилъ, какъ мы въѣхали на перевалъ, о которомъ говорилъ мнѣ на постояломъ дворѣ крестьянинъ. Передо мною разстилалась небольшая, волнистая долина, въ глубинѣ которой, возлѣ шоссе, бѣлѣли головные платки крестьянокъ. Онѣ стояли неподвижно, молчаливо, какъ бы боясь произнести слово въ этой долинѣ, находившейся въ такихъ таинственныхъ отношеніяхъ съ полемъ битвы. Старыя и молодыя, изъ ближнихъ и далекихъ селъ, онѣ воспользовались праздничнымъ днемъ, чтобы собраться въ этой котловинѣ, гдѣ слышался грозный ревъ войны. Онѣ стояли и внимательно прислушивались, какъ бы надѣясь различить въ глухихъ раскатахъ пушечныхъ выстрѣловъ крики своихъ сыновей и вздохи мужей. Увы! Тамъ гдѣ-то, за этими синѣвшими холмами, война рѣшала участь не только короля и князя, но и тысячъ ихъ подданныхъ!..

Я прислушался: выстрѣловъ собственно не слышалось, но отъ времени до времени, почти каждую минуту, до ушей доносился глухой, грозный шумъ, говорившій о кровавой трагедіи, которая разыгрывалось на западѣ, возлѣ Драгомана.

Шумъ исходилъ какъ бы изъ подъ земли, и въ немъ, казалось, слышался ея гнѣвъ за кровь, которая тамъ проливалась.

Къ вечеру я былъ въ Софіи.

. . . .

Ахъ! Почему герои тоже умираютъ? Почему не живутъ они на этомъ свѣтѣ вѣчно, чтобы украшать его своею славою и ободрять насъ своимъ примѣромъ?

Черезъ пять дней послѣ описанныхъ событій, 8-го ноября, я обходилъ лазаретъ, который болгарскій красный крестъ открылъ въ тогдашнемъ домѣ болгарскаго народнаго банка. Почти всѣ комнаты были переполнены ранеными. Этимъ утромъ были доставлены сюда новыя жертвы изъ Сливницы. Лежа на простыхъ матрацахъ, безъ постелей, безъ удобствъ, наши молодые солдаты боролись со страданіями такъ же, какъ раньше боролись съ непріятелемъ, молча, безропотно, геройски.

Какая-то дама и два санитара остановились возлѣ одного изъ этихъ раненыхъ и тихо говорили между собою. Я подошелъ къ нимъ. Раненый спалъ.

— Посмотрите! Восемь ранъ получилъ, — говорилъ санитаръ.

— Какого онъ полка?—спросилъ я.

— Его только что принесли, не успѣли еще записать.

Я взглянулъ внимательнѣе на лежавшаго. Онъ полуоткрылъ глаза, и я тотчасъ же узналъ въ немъ черноокаго и блѣднолицаго солдатика, съ которымъ встрѣтился пять дней назадъ въ Гинцахъ.

Онъ снова задремалъ.

— Это настоящій герой,—сказала шопотомъ дама.—Столько ранъ, и всетаки не отступилъ!..

Раненый какъ будто услыхалъ ея слова. Онъ снова открылъ глаза,взглянулъ на насъ и сдѣлалъ мнѣ знакъ подойти поближе.

Я наклонился къ нему. Слабая улыбка появилась на его устахъ. Онъ тоже узналъ меня.

— Не сказалъ-ли я тебѣ, что наши не отступаютъ?—проговорилъ онъ едва слышнымъ шопотомъ.

— Выздоравливай!—отвѣтилъ я, сжимая его руку. И мои глаза наполнились слезами, которыхъ я не могъ удержать. Сквозь слезы началъ я утѣшать его, какъ будто онъ нуждался въ моихъ утѣшеніяхъ...

— Ты завоевалъ себѣ золотой крестъ,—сказалъ я ему.

— Я дрался за деревянный,—прошепталъ онъ.

Это было его послѣднее слово.

Черезъ нѣсколько часовъ онъ умеръ.

И деревянный крестъ украшаетъ теперь могилу героя, павшаго за правду, за честь и цѣлость отечества.

Надсонъ и его неизданныя стихотворенія.

Окончаніе.

Еще при жизни Надсона въ нѣкоторыя его стихотворенія, появлявшіяся на страницахъ „Отеч. Записокъ", вносились рукой Плещеева поправки, цѣлью которыхъ, очевидно, было не украшеніе текста, а, напротивъ, ослабленіе и искаженіе. Дѣлалось это ради того „страха іудейска", жертвами котораго были у насъ всѣ лучшіе поэты и писатели, начиная съ Грибоѣдова и Пушкина и кончая Бѣлинскимъ, Некрасовымъ, Щедринымъ. Очень медленно подвигалось впередъ дѣло расширенія свободы русской мысли, но, къ счастію, все же неизмѣнно подвигалось и подвигается. Теперь намъ кажется, напр., положительно дикимъ и невозможнымъ, чтобы поэту запретили называть „небесной" красоту любимой женщины, а въ 30-хъ годахъ такое бывало... Намъ кажется страннымъ, что „Мѣдный Всаднкъ" не могъ появиться при жизни Пушкина, что „Ревизору" Гоголя понадобилось заступничество самого императора Николая Павловича для того, чтобы удержаться на театральныхъ подмосткахъ, а въ не столь отдаленную старину случались вещи и еще страннѣе: Салтыковъ за свое невинное на современный взглядъ „Запутанное Дѣло" попалъ въ ссылку, за чтеніе письма Бѣлинскаго къ Гоголю Достоевскій и еще нѣкоторые изъ петрашевцевъ угодили въ Мертвый Домъ... Съ увѣренностью можно сказать, что въ дореформенную эпоху вообще немыслимы были бы лучшія произведенія русской литературы, — нѣкоторые романы Тургенева и Достоевскаго, почти весь Некрасовъ, весь Щедринъ... „Воскресеніе" Льва Толстого, я думаю, даже 5 — 6 лѣтъ назадъ многимъ показалось бы „опаснымъ" сочиненіемъ, а нынче оно невозбранно печатается въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, поглощается милліонами читателей, и нужно ли говорить какъ много выиграли отъ этого общественная мысль и совѣсть.

Русская поэзія, быть можетъ, наиболѣе страдала всегда отъ подозрительной осторожности не только цензоровъ, но и самихъ редакцій журналовъ. Естественная сила поэзіи, ея лучшее ору-

жіе—красивый и энергичный языкъ, но энергичный языкъ такія вѣдь „страшныя“ слова заключаетъ порой въ своемъ лексиконѣ!.. Не даромъ московскія купчихи боятся такъ „жупела“ и „металла“: своего рода жупельныя слова есть и для образованныхъ людей. Невинныя сами по себѣ „цѣпи“, „оковы“, „крестъ“, „бичъ“, „палачъ“ и т. п., попадаясь въ красивомъ, музыкальномъ стихѣ, наводятъ инстинктивный трепетъ на нашихъ „оффиціальныхъ критиковъ“, и они предпочитаютъ ограждаться отъ этихъ жупеловъ спасительными точками... Съ трудомъ вѣрится, но „свѣжо преданіе“, и не полвѣка, а всего шестнадцать какихъ нибудь лѣтъ назадъ существовавшія „Отеч. Зап.“ придерживались по отношенію къ стихамъ той же мнительной политики. „*Грезы* стоили мнѣ порядочнаго труда,—жаловался въ одномъ изъ писемъ къ Плещееву Надсонъ,—а тутъ еще Салтыковъ со своими цензурными соображеніями. Просто, хоть клади перо и заваливайся спать... Дескать, не будите молоду ранымъ-рано по-утру“. Въ извѣстномъ стихотвореніи

И крики оргіи, и гимны ликованья
Въ сіяньи праздничномъ торжественныхъ огней,
А рядомъ—жгучій стонъ мятежнаго страданья...

третій стихъ, по традиціи, до сихъ поръ замѣняется точками, и я, напр., грѣшный человѣкъ, подозрѣвалъ, что за точками этими кроется нѣчто очень страшное. Оказывается теперь, по справкѣ въ черновой рукописи,—

И кровь пролитая, и рѣзкій звонъ цѣпей...

И невольно восклицаешь, подобно гаршинской пальмѣ: „Только-то?!“

„Что касается роковыхъ строчекъ о крестѣ,—писалъ Надсонъ Плещееву по поводу своего стихотворенія „Мы спорили долго“,—у меня на нихъ рука не подымается. Лучше ужъ всю строку замѣнить точками“. Плещеевъ и Салтыковъ, однако, не вняли просьбѣ поэта, и вмѣсто точекъ предпочли смягчить „роковой“ стихъ, который и по сію пору читается въ этомъ смягченномъ видѣ:

Все стихло—и только одно лишь желанье,
Одинъ лишь порывъ запылалъ въ насъ огнемъ—
Всю душу отдать на борьбу и страданье,
Но только бы дрогнула полночь кругомъ!..

Что же было такое у Надсона? Всего только:

Отдаться на крестъ, на позоръ, на страданье...

Положительно глазамъ не хочется вѣрить: такъ недавно еще подобные пустяки считались „сомнительными въ цензурномъ отношеніи“! По истинѣ, велики глаза у страха.

Въ „Цвѣтахъ“ послѣ энергичныхъ стиховъ:

Дышать такимъ безстыднымъ торжествомъ,
Сіять такою наглой красотою!—

должно было слѣдовать не менѣе энергичное четверостишіе:

Къ чему безсиленъ ты, осенній вихрь? Къ чему
Не можешь ты сломить стекла своимъ дыханьемъ,
Чтобъ въ этотъ пошлый рай внести и смерть и тьму
И разметать его во прахъ съ негодованьемъ?..

Г. Скворцовъ, редакторъ „Еженедѣльнаго Обозрѣнія“, того же страха ради, замѣнилъ эти невинные стихи точками... Въ стихотвореніи „Мрачна моя тюрьма“ (изъ Джакометти), напечатанномъ первоначально въ „Дѣлѣ“ г. Станюковича, пропали слѣдующія заключительныя строки:

Нѣтъ, малодушный стонъ не омрачитъ той славы,
Что ждетъ насъ—свѣтлая, съ торжественнымъ вѣнкомъ,
За жизни честный путь, тернистый и кровавый,
И гибель на пути, въ бою съ гнетущимъ зломъ!

Наконецъ, въ знаменитыхъ „Грезахъ“ — точно также неизвѣстно почему—замѣненъ точками прекрасный стихъ:

Я сталъ въ ряды борцовъ поруганной свободы,

какъ-будто свѣтлая муза Надсона, муза „труда, познанья и скорбей“ могла бороться за что-нибудь иное, кромѣ свободы и свѣта!..

Нужно, впрочемъ, сознаться, что въ отношеніяхъ съ цензурой Надсонъ былъ, сравнительно, очень счастливъ и въ общемъ страдалъ отъ нея мало. Если, напр., въ первое изданіе своихъ стихотвореній (1885 г.) онъ не рѣшился включить такое стихотвореніе, какъ „Другъ мой, братъ мой“, напечатанное за четыре года передъ тѣмъ въ „Словѣ“, то во всѣхъ послѣдующихъ оно фигурировало безпрепятственно, на ряду съ „Геростратомъ“ и другими пьесами такого же „сомнительнаго“ характера; а послѣ трагической смерти молодого поэта самъ „Правительственный Вѣстникъ“ призналъ его дарованіе „симпатичнымъ“... Такова власть таланта.

Въ прошлый разъ я уже оговаривался, что не свѣрялъ, за неимѣніемъ досуга, текста *всѣхъ* напечатанныхъ стихотвореній съ рукописнымъ. Но въ стихотвореніи „На могилѣ Г.“, посвященномъ описанію извѣстнаго кладбища въ Ниццѣ, мнѣ бросился въ глаза слѣдующій конецъ, отсутствующій въ печати (за исключеніемъ, впрочемъ, четверостишія „Тебя я узналъ“):

Такъ вотъ гдѣ, боецъ, утомленный борьбою,
Послѣдній пріютъ ты нашелъ!
Сюда не нагрянетъ жестокой грозою
Душившій тебя произволъ.

Изъ скорбной отчизны къ тебѣ не домчится
Бряцанье позорныхъ цѣпей.
Скажи-жъ мнѣ, легко-ли, спокойно-ли спится
Тебѣ межъ свободныхъ людей?
Тебя я узналъ... Ты въ минувшіе годы
Такъ долго, такъ гордо страдалъ!
Какъ колоколъ правды, добра и свободы
Съ чужбины твой голосъ звучалъ.
Онъ совѣсть будилъ въ насъ, онъ звалъ на работу,
Онъ звалъ насъ сплотиться тѣснѣй,
Но былъ ненавистенъ насилью и гнету
Языкъ твоихъ смѣлыхъ рѣчей!..

Въ срединѣ стихотворенія есть и еще одинъ пропущенный куплетъ:

Грустилъ я на югѣ... Душа тосковала
О вьюгахъ и буряхъ родныхъ.
Какъ злая насмѣшка ее раздражала
Улыбка небесъ голубыхъ.
Пришлецъ—сѣверянинъ... и т. д.

Приведу также другой — на мой взглядъ, болѣе живописный — варіантъ стихотворенія „Чу, кричитъ буревѣстникъ“:

Чу, кричитъ буревѣстникъ!.. Крѣпи паруса!..
И *страшна*, и окутана мглою,
Буря гнѣвнымъ челомъ уперлась въ небеса
И на волны ступила пятою.
Въ ризѣ тучъ, *опоясана* бѣглымъ огнемъ
Яркихъ молній *вкругъ мощнаго стана*,
Грозно сыплетъ она свой рокочущій громъ
На свинцовый просторъ океана.
и т. д.

Нѣсколько словъ еще о неправильностяхъ нѣкоторыхъ принятыхъ чтеній. Въ стихотвореніи „Мы спорили долго“, о которомъ выше была уже рѣчь, Надсонъ просилъ Плещеева сдѣлать, между прочимъ, такую поправку: вмѣсто „и спутники *въ жизни на общемъ* пути“ (причемъ прозаическое слово „общій“ находится и въ предшествующемъ стихѣ) читать: „И спутники *въ трудномъ житейскомъ* пути“. Плещеевъ не послушался — и, мнѣ кажется, напрасно... Въ прелестномъ стихотвореніи „О любви твоей, другъ мой, я часто мечталъ“ есть одно выраженіе, которое всегда нѣсколько рѣзало мой слухъ: „И тревожно и смутно *во мнѣ* становилось“... Среди многочисленныхъ рукописныхъ варіантовъ я нашелъ теперь чтеніе *„въ груди“* — не лучше ли было бы возстановить его? Наконецъ, въ стихотвореніи „Отрывокъ“ („Пишу вамъ изъ глуши“...) встрѣчается licentia poëtica—„Казацкой вольности, пировъ *ихъ* (?)

и походовъ", которая объясняется, по всей вѣроятности, простымъ недосмотромъ поэта: въ одной изъ рукописей стихъ этотъ читается—

Казацкой вольности, *набѣговъ* и походовъ.

Я начну съ нѣсколькихъ стихотворныхъ отрывковъ, посвященныхъ Надсономъ памяти горячо любимой имъ въ ранней юности Наташи Д—ш—вой.

Какъ на взволнованномъ грозою океанѣ,
Укрытый скалами, цвѣтущій островокъ,
У очага семьи, подъ лаской старой няни,
И тихъ и свѣтелъ былъ родной твой уголокъ...
— 1882 г.

Вы смущены, такой развязки
Для ежедневной старой сказки
Предугадать вы не могли,—
И, какъ укоръ, она предъ вами
Лежитъ, увитая цвѣтами,
И вамъ ни плачемъ, ни мольбами
Не вырвать жертвы у земли!
— 1880 г.

Что̀ было до тебя, то̀ не было, родная,—
То мракъ какой-то былъ, унылый и глухой!
Ты руку мнѣ дала, къ сознанью призывая,
И я прозрѣлъ тотчасъ, и я пошелъ съ тобой.
Почти дитя еще, съ лазурными очами,
Съ звенящимъ голосомъ, ты говорила мнѣ
О правдѣ и любви...
— 1884 г.

Сердце мое еще проситъ забвенія
Нашихъ свиданій и нашихъ рѣчей.
Хочется думы мои и сомнѣнія—
Все ей повѣдать, голубкѣ моей!
Хочется чувствовать ручки родныя,
Руки сестры на горячемъ челѣ,
Вѣрить, какъ вѣрилось въ годы былые...
— 1884 г.

Привожу затѣмъ цѣлый рядъ пьесокъ и отрывковъ, которые можно назвать думами и отзвуками различныхъ душевныхъ настроеній.

Изъ тетрадей 1880 года:

Я такъ долго напрасно молилъ о любви,
Грудь мою такъ измучили грозы,

Что теперь даже самыя грёзы мои
Все больныя какія-то грёзы!

—

Съ каждымъ шагомъ впередъ все чернѣй и грознѣй
Рать суровыхъ враговъ надвигается,
Съ каждымъ шагомъ все меньше надеждъ и друзей,
Все мучительнѣй сердце сжимается...
Я еще не сдаюсь: стоны братьевъ звучатъ
Мнѣ призывомъ въ разгарѣ сраженія,
Но... изсѣченъ мой щитъ, мои ноги скользятъ,
И близка ужъ минута паденія!

Злую шутку сыграла ты, жизнь, надо мной,—
Не дала мнѣ ни злобы карающей,
Ни меча,—безоружнаго кинула въ бой
Съ свѣтлымъ гимномъ любви всепрощающей.
Ненавидѣть не могъ я—хотѣлъ я любить,
Думалъ скрежетъ вражды и проклятія
Примиряющей пѣснью моей заглушить
И протягивалъ... камнямъ объятія!..

—

О, спасибо вамъ, дѣтскіе годы мои,
Омраченные ранней тоскою!
Вы меня научили на слово любви
Отзываться всей братской душою.
Истомивши меня, истерзавши мнѣ грудь,
Съ глазъ моихъ вы завѣсу сорвали,
И блеснулъ предо мною невѣдомый путь—
Путь горячей любви и печали...

Въ одной изъ этихъ же тетрадей находимъ слѣдующую любопытную замѣтку, помѣченную 24 января 1881 года: „Стихотвореніе *Облака* *) вчера показалъ нашему преподавателю словесности Незеленову **). Показалъ не самъ, а просилъ Л. Сегодня, послѣ четвертой лекціи, мы окружили его и спросили его мнѣнія, сказавъ, что автора между нами нѣтъ. *Облака*, въ случаѣ благопріятнаго съ его стороны отзыва, собираюсь послать въ *Вѣстникъ Европы*. Тяжелая вещь—сомнѣнія въ своемъ талантѣ!—Незеленовъ принялся цѣнить это стихотвореніе, подгоняя его подъ литературные законы, и сказалъ, что, по его мнѣнію, хорошо: образъ есть, мысль есть, стихъ правильный... Въ В. Е. посылать,

*) По лазури неба тучки золотыя
На зарѣ держали къ морю дальній путь.

**) Покойный профессоръ петербургскаго университет

однако, не совѣтовалъ: тамъ, говоритъ, печатаются только установившіяся литературныя репутаціи. Но, не смотря на это, я всетаки послалъ въ „*Вѣстникъ*". Позднѣйшая приписка: „И не получилъ отвѣта. Да!!!"

Я понялъ, отчего уста мои молчатъ,
Когда душа скорбитъ и требуетъ отмщенья,
Когда что мигъ—то боль...

—

Постой, говорилъ онъ, моя дорогая,
Постой, не цѣлуй, не ласкай!
Измучился умъ мой, въ потемкахъ блуждая,
И сердце полно черезъ край.
Такъ жить не могу я...

—

Живи, говорили мнѣ звѣзды ночныя,
И яркое солнце, и лѣсъ и ручей,
Живи, мнѣ шептали цвѣты полевые...

—

Крикливой злобѣ дня довольно я служилъ!
Сегодня ночь тиха... По саду и по дому
Разсыпанъ блескъ луны.

—

Во мракѣ жизненномъ, подъ жизненной грозою,
Когда, потерянный, я робко замолчалъ,
О милый братъ, какой нежданной теплотою,
Какой отрадой мнѣ привѣтъ твой прозвучалъ.
Не часто на пути свѣтило мнѣ участье,
И не изъ розъ вѣнокъ ношу я на челѣ.
. . . .

(Повидимому, продолженіе. Плещееву?)

Я вамъ пишу, хотя тревожныя сомнѣнья
Мѣшаютъ мнѣ писать... Я вамъ пишу, больной,
Въ горячечномъ жару больного вдохновенья,
Въ порывѣ горькаго, слѣпого озлобленья,
Съ челомъ пылающимъ и трепетной рукой.
Я знаю, что ничѣмъ не заслужилъ я права
Вамъ такъ писать . . . .

Продолженіе извѣстнаго отрывка „И вотъ отъ ложа наслажденья":

Не блескъ небесъ, не краски рая
На смуглый ликъ ея легли;
Она стояла, обольщая
Грѣховной прелестью земли.

Неутолимой жаждой счастья
Въ ней билась каждая черта,
И къ знойной нѣгѣ сладострастья
Манили алыя уста.
О, ей ли, полной юной силы,
За часъ любви во тьмѣ ночной
Уснуть въ безмолвіи могилы,
Проститься съ жизнью и землей?
Ее ли осудить на муку?
Кто святотатственную руку
Дерзнетъ на красоту поднять,
Чтобъ безвозвратно и навѣки
Глубокій взоръ закрыли вѣки,
Чтобъ на уста легла печать?

Изъ тетрадей 1882 года:

Здѣсь все, что я сберегъ отъ суетнаго свѣта
И что перестрадалъ одинъ въ ночной тиши,—
Здѣсь перлы лучшіе со дна моей души.

—

Въ открытое окно широкими снопами
Струится лунный свѣтъ съ лазурной вышины,
И бьетъ въ глаза мои холодными лучами
И гонитъ отъ меня встревоженные сны.
А за окномъ, внизу, вся въ блескѣ, вся сіяя,
Столица шумная и дышетъ и кипитъ,
И смутный гулъ надъ ней отъ края и до края,
Какъ моря смутный гулъ недвижимо стоитъ!
Къ чему таиться мнѣ? Въ лучахъ и въ мракѣ ночи
Одинъ я, и ничьи въ безмолвіи ночномъ
Чужія, дерзкія, докучливыя очи
Не осмѣютъ меня съ нахальномъ торжествомъ.
Ни другъ, ни злобный врагъ безсмысленнымъ укоромъ
Не заклеймятъ мою незримую печаль,
И я могу одинъ и несмущеннымъ взоромъ
Окинуть прошлое и заглядѣться въ даль.
Больное прошлое! За школьными стѣнами
За мертвой книгою, безъ ласки, безъ семьи,
Какъ нищій, я молилъ съ недѣтскими слезами
Тепла и радости, участья и любви.
Дни одиночества среди толпы веселой,
Дни отверженія отъ игръ ихъ и затѣй
И первой мысли трудъ, безплодный и тяжелый,

Въ нѣмой безсонницѣ томительныхъ ночей.
А послѣ—жизнь борьбы, жизнь горя и сомнѣній!..

—

Она, опять она!.. Какъ вдругъ преобразилось
Все въ бѣдной комнаткѣ... Она ко мнѣ идетъ...
Пришла—и руки жметъ, и тихо наклонилась
И пѣсню старины задумчиво поетъ.
Родная, милая!.. О, если эти слезы
Ещё кипятъ въ груди—онѣ сейчасъ замрутъ,
То—слезы радости...

—

Ахъ, этотъ лунный свѣтъ! Назойливый, холодный,
Онъ въ душу крадется съ лазурной вышины,
И будитъ вновь порывъ раскаянья безплодный
И гонитъ отъ меня забвеніе и сны.
Нѣтъ, видно, въ эту ночь мнѣ не задуть лампады!
Пылаетъ голова. Въ виски стучится кровь,
И тѣни прошлаго мнѣ не даютъ пощады,
И въ сердцѣ старая волнуется любовь...

—

Словно въ склепѣ лежу я подъ тяжкой плитою,
Словно я, погребенный, очнулся въ землѣ
И кричу, задыхаясь, съ безсильной тоскою,
И зову безнадежно во мглѣ.
Тамъ, надъ этой плитою—весна золотая,
Ясный солнечный день и душистая тѣнь,
Тамъ, узоръ на чугунъ и на мраморъ бросая,
Колыхается—дышетъ сирень.
Тамъ—и краски и звуки, и жизнь и сіянье...

—

Въ груди моей давно молчитъ негодованье;
Какъ въ юности, не рвусь безумно я на бой;
На торжество добра затмилось упованье,
И, отдаленныхъ грозъ заслышавъ громыханье,
Я радъ, когда онѣ проходятъ стороной.
Ихъ много грудь о грудь я встрѣтилъ, не блѣднѣя,
Я прежде ихъ искалъ, я гордо ждалъ побѣдъ...
Но ближе мой закатъ—и сердце холоднѣе,
И невозможнѣе желаемый разсвѣтъ.
Теперь мечтаю я о радости забвенья,
О мирномъ очагѣ, гдѣ за моей стѣной...

—

Ахъ, довольно и лжи, и мечтаній!
Ты отвѣть мнѣ, презрѣнья ко мнѣ не тая:
Для кого эти стоны страданій,

Эта скорбная пѣсня моя?

. . . .

Да, я пальцемъ не двинулъ—я лишь говорилъ.
Пусть тò истины были слова,
Пусть я въ нихъ, какъ сумѣлъ, перелилъ,
 Какъ я свято любилъ,
Какъ горѣла въ работѣ за міръ голова,
Но чтò пользы отъ нихъ? Кто слыхалъ ихъ—забылъ...

—

Порой мнѣ кажется, что жизнь не начиналась,
Что пережитое—какой-то смутный сонъ,
Что впереди еще все свѣтлое осталось...

—

Въ сомнѣньяхъ мысль изнемогла,
Безъ пищи чувство очерствѣло!..

—

Все рѣже свѣтлыя минуты вдохновенья,
И близокъ, можетъ быть, тотъ безотрадный день,
Когда въ душѣ моей послѣдній звукъ, какъ тѣнь...

—

Любовь—обманъ, и жизнь—мгновенье,
Жизнь—стонъ, раздавшійся, чтобъ смолкнуть навсегда!
Къ чему же я живу, къ чему мои мученья,
И боль отчаянья и жгучій ядъ стыда?
Къ чему жъ, не вѣруя въ любовь, я самъ такъ жадно,
Такъ глупо жду ея всей страстною душой,
И такъ мнѣ радостно, такъ больно и отрадно
И самому любить съ надеждой и тоской?
О, сердце глупое, когда жъ ты перестанешь
Мечтать и отзыва молить?
О, мысль суровая, когда же ты устанешь
Все отрицать и все губить?
Когда жъ блеснетъ для васъ возможность примиренья?
Я боленъ, я усталъ... Изъ незажившихъ ранъ
По каплѣ кровь идетъ... Проклятье вамъ, сомнѣнья!
Я жить хочу, любить... И пусть любовь—обманъ!

—

 Откуда вы, старинные друзья,
 Святыя слезы упованья?
 Какъ жадно васъ ждала душа моя
 Въ года сомнѣнья и страданья!

—

Сердце сжимается: столько страданія,
Столько свинцоваго горя кругомъ!..

Герою.

Тебя вѣнчаетъ лавръ... Дивясь тебѣ, толпится
Чернь за торжественной процессіей твоей,
Какъ лучшимъ изъ сыновъ, страна тобой гордится,
Ты на устахъ у всѣхъ, ты—Богъ послѣднихъ дней!
Вопросовъ тягостныхъ и тягостныхъ сомнѣній
Ты на пути своемъ безоблачномъ далекъ,
Ты слѣпо вѣруешь въ свой благодатный геній
И въ свой заслуженный и признанный вѣнокъ.
Но что же ты свершилъ?.. За что передъ тобою
Открытъ безсмертія и славы свѣтлый храмъ,
И тысячи людей, гремя тебѣ хвалою,
Свой пламенный восторгъ несутъ къ твоимъ ногамъ?
Ты блѣденъ и суровъ... Не свѣтится любовью
Холодный взоръ твоихъ сверкающихъ очей;
Твой мечъ опущенный еще дымится кровью,
И вѣетъ ужасомъ отъ гордости твоей!
О, я узналъ тебя! Какъ ангелъ разрушенья,
Какъ смерчъ, промчался ты надъ мирною страной,
Топталъ хлѣба ея, сжигалъ ея селенья,
Разилъ и убивалъ безжалостной рукой.
Какъ много жгучихъ слезъ и пламенныхъ проклятій
Изъ-за клочка земли ты сѣялъ за собой;
Какъ много погубилъ ты сыновей и братій
Своей корыстною, безумною враждой!
Твой путь—позорный путь! Твой лавръ—насмѣшка злая!
Недолговѣченъ онъ... Едва промчится мгла,
И надъ землей заря забрежжетъ золотая—
Увядшій, онъ спадетъ съ безславнаго чела!..

NB. Не кажется ли вамъ, читатель, что это стихотвореніе, въ которомъ Надсонъ, несомнѣнно, имѣлъ въ виду лишь *отвлеченнаго* героя войны, точно-будто, написано въ наши дни, залитые кровью? Не проносится ли передъ вами, „блѣдный и суровый", образъ герцога Кандагарскаго—лорда Робертса, только что, на нашихъ глазахъ, промчавшагося, „какъ смерчъ, какъ ангелъ разрушенья, надъ мирной страной" несчастныхъ буровъ, вытоптавшаго ея хлѣба, сжегшаго ея селенія, „развившаго и убивавшаго безжалостной рукой", а теперь ѣдущаго на родину, чтобы тамъ „увѣнчаться лаврами"? Передо мной, по крайней мѣрѣ, неотступно мелькаетъ этотъ страшный образъ, восемьнадцать лѣтъ назадъ, до малѣйшихъ подробностей, предсказанный поэтомъ...

Святое, чистое, прекрасное страданье,
Стонъ, съ кровью вырванный изъ искренней души,
Мнѣ больно за тебя! . . . .
. . . . торгаши...

—

О, если бъ только власть сказать душѣ: „Молчи!
Не рвись впередъ, не трепещи любовью,
За братьевъ страждущихъ въ удушливой ночи
Не исходи по каплѣ кровью!
Не стоитъ жалкій міръ ни жертвъ, ни слезъ...
Безсильна мысль твоя, и лгутъ твои стремленья,—
Ищи жъ и для себя благоуханныхъ розъ,
Забудься же и ты въ позорѣ наслажденья“.
Но чуткая душа не слушаетъ ума,
Не вѣритъ выводамъ, провѣреннымъ годами,
И ждетъ—все ждетъ, что дрогнутъ ночь и тьма,
И хлынетъ мощный свѣтъ горячими волнами!..

—

Не лги передъ собой, не тѣшь себя мечтаньемъ,
Что много насъ, борцовъ за истину и свѣтъ,
Что чисты сердцемъ мы и крѣпки упованьемъ...

Изъ тетрадей 1883 года.

Сегодняшняя ночь одна изъ тѣхъ ночей,
Которыхъ я боюсь и робко избѣгаю.
Отъ нихъ, какъ отъ враговъ, я въ комнатѣ моей
Сурово ставни закрываю.
Я, какъ бѣды, страшусь, что темный этотъ садъ
Повѣетъ на меня прохладой благодатной,
Что бѣдный уголъ мой наполнитъ ароматъ,
И грудь стѣснится вновь тоскою непонятной!..

—

Уходитъ день за днемъ... На рядъ пустыхъ заботъ
Безплодно тратятся порывы и усилья;
Рѣдѣетъ кругъ друзей, врагамъ потерянъ счетъ,
Умъ изнемогъ въ борьбѣ, и одряхлѣли крылья.
И такъ вся жизнь пройдетъ,—какъ тысячи другихъ,
Едва оконченныхъ и въ тотъ же мигъ забытыхъ!..

—

„Проснись, проснись, пѣвецъ,—мнѣ слышится кругомъ,—
Есть дни, когда молчать нечестно и позорно,
Когда одинъ холопъ безмолвствуетъ покорно,
Склоненный рабски въ прахъ подъ тягостнымъ ярмомъ“.
И, слыша этотъ зовъ, и слыша этотъ стонъ,

Стоустый, горькій стонъ, стоящій надъ отчизной,
Хочу развѣять я гнетущій душу сонъ
И грянуть на врага правдивой укоризной.
Хочу—и не могу...

Конецъ стихотворенія имѣлъ раньше другую редакцію:

Сердца возмущены... Незримо для очей,
Сбирается гроза надъ скорбною отчизной...
Зажги же мысли свѣтъ въ тяжелой мглѣ ночей
И грянь въ лицо врагу свободной укоризной!

—

Къ себѣ, скорѣй къ себѣ, въ свой уголъ одинокій,
Къ любимому труду, къ излюбленнымъ мечтамъ!
Чего искать въ толпѣ бездушной и жестокой?

—

Тоска гнететъ меня и жжетъ неутомимо,
Что день—то все труднѣй становится дышать,
И съ пестрой суетой, мелькающею мимо
Не властенъ сердце я, извѣрившись, связать.
Я въ сторонѣ стою отъ жизненной тревоги,
Я чуждъ всему вокругъ,—я, словно, пилигримъ,
Отставъ отъ спутниковъ, упалъ на край дороги
И имъ во слѣдъ смотрю съ отчаяньемъ глухимъ.

—

Такъ вотъ она, „страна безъ правъ и безъ закона“!
. . . .
О нѣтъ, не можетъ быть!.. Вы лжете мнѣ, вы лжете,
Апостолы борьбы!.. Неправою враждой
Вы сердца моего корыстно не зажжете—
Я вѣрю въ мой народъ и вѣрю въ край родной!
Онъ не унизился бъ до робкаго смиренья,
Не сталъ молчать года съ покорностью раба
И гордо бъ всталъ на бой, могучъ, какъ ангелъ мщенья,
Неотразимъ, какъ вихрь, и страшенъ, какъ судьба.
Пока въ немъ слышенъ смѣхъ...

NB. Это стихотвореніе—одно изъ самыхъ характерныхъ для Надсона (въ томъ же 1883 году написавшаго: „Нѣтъ, я больше не вѣрую въ вашъ идеалъ“...). По идеямъ стоя внѣ всякихъ общественныхъ партій того времени, сердцемъ онъ былъ „народникъ“ до мозга костей (въ лучшемъ, старинномъ смыслѣ этого слова) и самъ не замѣчалъ, что въ этой дѣтски-страстной любви къ родинѣ доходилъ иногда до до несправедливости къ иначе мыслящимъ.

Не слетайте ко мнѣ, лучезарные сны,
Не будите въ груди вдохновенья,
Дайте спать мнѣ подъ стоны родимой страны,
Спать безжизненнымъ сномъ утомленья!
Что спою я отчизнѣ? О чемъ ей спою?

—

Мнѣ мѣста не было за праздничнымъ столомъ,
Но, посылая мнѣ невзгоды и лишенья,
Жизнь мнѣ дала мечты въ безмолвіи ночномъ,
И звуки сладкіе и счастье вдохновенья...

—

Толпа вокругъ меня и дышетъ и живетъ,
Во что-то вѣруетъ, чего-то пылко ждетъ,
Чему-то отдаетъ желанья и стремленья,
Порой и я иду куда-то за толпой,
Волнуюсь, мучаюсь, бросаюсь дерзко въ бой...

—

Есть скорбь прекрасная... Она, какъ пламя жжетъ
И, какъ любовница, въ объятіяхъ сжимаетъ,
И сколько гордыхъ думъ въ душѣ тогда встаетъ,
Какъ горячо она, какъ страстно презираетъ!

—

„Не умирай,—съ тоской уста ея шептали,—
О ненаглядный мой! Хорошій мой, живи,
Вѣдь мы такъ молоды, такъ мало намъ сіяли
Лучи отзывчивой и радостной любви.
Суровъ и грозенъ мракъ зіяющей могилы...“

—

Пока любовь была, пока
Къ плечу плечо, къ рукѣ рука
Влеклись въ чаду самозабвенья,—
Могло бъ и лезвіе клинка
Служить имъ ложемъ наслажденья!
Но страсть прошла, порывъ затихъ,
Дни горькихъ думъ, дни слезъ глухихъ
Идутъ ненастной вереницей...

—

Пріиди,—я жду тебя... Чему бъ ты ни училъ,
Я, какъ дитя, пойду послушно за тобою!
Одинъ искать пути я выбился изъ силъ,
И жизнь томитъ меня своею пустотою.
О, мнѣ не истина въ рѣчахъ твоихъ нужна—
Огонь мнѣ нуженъ въ нихъ, горячка изступленья,
Призывъ фанатика, безумная волна
Больного, дерзкаго, слѣпого вдохновенья!...

—

От пошлой суеты земного бытія
Я душу оградилъ сомнѣньемъ и страданьемъ,
И, какъ въ былые дни, не вспыхнетъ грудь моя
Ни гнѣвомъ праведнымъ, ни пламеннымъ желаньемъ.
Мнѣ все равно теперь, какъ ни шути судьба
И чѣмъ мнѣ ни грози житейская дорога,—
Я молча все приму съ покорностью раба
И съ дерзостнымъ величьемъ полубога.
Но не успѣлъ еще я сердце отучить
Отъ тайныхъ грёзъ, друзей ночей моихъ безсонныхъ...

Къ веснѣ 1883 г. относится вспышка чувства къ М. А. Т—ой, озарившая печальные дни поэта. Этой любви обязанъ своимъ возникновеніемъ цѣлый рядъ граціозныхъ стихотвореній: „Я пришелъ къ тебѣ съ открытою душою“, „Не вини меня, другъ мой“, „Завтра чуть съ разсвѣтомъ“, „Нѣтъ, легче мнѣ думать“,—быть можетъ, и „Цвѣты“.—Въ дневникѣ отъ 9 апрѣля Надсонъ улавливаетъ еще въ голосѣ заинтересовавшей его дѣвушки фальшивыя ноты, называетъ „несимпатичнымъ ея умѣнье владѣть собою“, а 18 мая уже записано: „Счастливые, благодатные дни! не думалъ я, что и мнѣ выпадетъ на долю какое-нибудь счастье. Ожило мертвое сердце. Какъ разсказать обо всемъ, что случилось? Въ словахъ все будетъ жалко и смѣшно. Скажу только, что Маня меня любитъ, что она... что я съ ума сойду отъ радости, что не могу я ни на секунду забыть ея дорого личика, ея милыхъ глазокъ! Надолго ли освѣтило меня счастье? Завтра я ее увижу... Я помѣшался, кажется“. И нѣсколько позже: „Я счастливъ, такъ счастливъ, какъ-будто воскресла изъ гроба Наташа, какъ-будто она, чистая, благословила тебя и меня на счастливую жизнь и братскую помощь другъ другу и людямъ!.. Арестантскій лазаретъ, 11 часъ ночи, у окна“. И только мѣсяцъ спустя, 16 іюня, начинаетъ звучать первая, едва, впрочемъ, уловимая еще, нота сомнѣнія: „О Манѣ пока молчу, ибо сердце мое — это чепуха, въ которой мнѣ мудрено разобраться. Знаю только, что она милая дѣвочка, милая, милая, милая!..“

Вотъ рядъ стихотвореній и отрывковъ, посвященныхъ этой любви:

Распахнулись тяжелыя двери тюрьмы
И, согрѣтый цвѣтущей весною,
Въ царство слезъ и неволи, позора и тьмы
День ворвался побѣдной волною.
„Ты свободенъ, иди!“ сторожа говорятъ,
Съ рукъ и ногъ моихъ цѣпи снимая,
И нежданному счастью безумно я радъ,
Какъ дитя, и смѣясь и рыдая.

— О скажите, молю я, не лживый ли сонъ
Обманулъ мою душу мечтою?
Неужели я вправду отнынѣ прощенъ,
Не смѣетесь ли вы надо мною?..
Но у ногъ моихъ звенья разбитыхъ цѣпей,
А въ лазурной дали, за дверями,
Чуть виднѣется берегъ отчизны моей,
Тамъ, гдѣ море слилось съ небесами!
Завтра парусъ косматый, по бурнымъ волнамъ
Легче чайки летя и мелькая,
Унесетъ меня вновь къ незабвеннымъ полямъ
Дорогого родимаго края!..

Но... что̀ сталось съ проснувшимся серцемъ моимъ?
Отчего на тюремномъ порогѣ
Вдругъ поникъ я челомъ и стою, недвижимъ,
Въ непонятной душевной тревогѣ?..

Значительно, повидимому, позже къ этому символическому изображенію любви присоединился еще другой мотивъ, и къ стихотворенію былъ прибавленъ такой конецъ:

Что за сила влечетъ меня снова назадъ?
. . . .
О, прости меня, бѣдный товарищъ! Прости,
Что въ восторгѣ забылъ о тебѣ я,
Что забылъ я о томъ, съ кѣмъ на общемъ пути
Шелъ я, злобой къ врагу пламенѣя.
... Вѣрь, о братъ, не измѣнитъ рука мнѣ,
И надъ моремъ, гдѣ высились стѣны тюрьмы,
Не останется камня на камнѣ!
Я иду, но иду не одинъ, и съ собой
Уношу я съ тоской затаенной
Твой страдальческій образъ, твой кашель глухой
И рыданья души оскорбленной.

—

Я не знаю, за что ты меня полюбила:
За страданье—но кто же вокругъ не страдалъ?
Только пошлыхъ и глупыхъ невзгода щадила,
Только мертвый не видѣлъ, не ждалъ, не желалъ.
Правда, я былъ съ тобою не то, что съ другими...

—

Бери меня такимъ, каковъ я есть... Я знаю,
Что за любовь твою плачу я, какъ скупой,
Что я безжалостно и тяжко истерзаю
Тебя сомнѣньями и ревностью слѣпой,

Что буду, какъ шпіонъ, я изучать тревожно
Твой каждый взглядъ...

—

Нищій вчера, я сегодня богатъ,
Богатъ безъ границъ, безъ предѣла...
А много ль мнѣ дали? Одинъ только взглядъ.

—

Боже мой, Боже, куда жъ это скрылось?
Только что смолкъ мой мучительный стонъ,
Только что сердце на мигъ позабылось,—
Все разлетѣлось, какъ призракъ, какъ сонъ!

Изъ тетрадей 1884—1885 гг.

Не безплодно вѣка пронеслись надъ усталой землей,
Много славныхъ побѣдъ человѣческій умъ одержалъ...

—

Художники ее любили воплощать
Въ могучемъ образѣ славянки свѣтлоокой,
Склоненною на мечъ, привыкшій побѣждать,
И съ думой на челѣ, спокойной и высокой.
Осѣнена крестомъ, лежащимъ на груди,
Съ орломъ у сильныхъ ногъ и радостно сіяя,
Она глядитъ впередъ, какъ-будто впереди
Обѣтованный рай сквозь сумракъ прозрѣвая.

Въ стихотвореніи „Пусть плачетъ и стонетъ мятежная вьюга“, послѣ стиха „И прошлая юность со мной говоритъ“, существовалъ до сихъ поръ пропускъ:

О, эти видѣнья!.. Сурово, жестоко
Они за измѣну былому грозятъ
И въ бѣдную душу глубоко-глубоко
Своимъ негодующимъ взоромъ глядятъ.
Она беззащитна!.. Слова оправданья—
Ничто передъ правдой безмолвныхъ рѣчей,
И некому высказать эти страданья,
И некуда скрыться отъ этихъ очей!

—

Мертва душа моя: ни грёзъ, ни упованья!
Какъ степь безводная, душа моя мертва,
И только, какъ и встарь, надъ тайной міозданья
Въ работѣ тягостной пылаетъ голова.
Вопросы жгутъ меня, и нѣтъ имъ разрѣшенья

И нѣтъ конца. Какъ цѣпь, звено вслѣдъ за звеномъ,
Кипятъ въ груди они, и тяжкія сомнѣнья
Встаютъ въ мозгу моемъ усталомъ и больномъ.

—

Какъ громъ отдаленный, какъ въ старомъ соборѣ
Мольбой похоронной гремящій органъ,—
И мрачно и грозно тревожное море
Гудитъ, уходя въ непроглядный туманъ.
Ненастна и сумрачна ночь; по лазури
Сплошной вереницей бѣгутъ облака;
Какъ птица, колеблемъ дыханіемъ бури,
Трепещетъ далекій огонь маяка.
Поднимется валъ, набѣжитъ, разобьется
И въ жемчугѣ пѣны отхлынетъ назадъ...
И кажется, кто-то безумно смѣется,
И кажется, чьи-то угрозы звучатъ!

—

Я васъ ждала вчера, мой мальчикъ дорогой,
Я ни на мигъ вчера окна не покидала,
Пока не поняла съ безсильною тоской,
Что тщетно вѣрила и тщетно ожидала.
Вы не пришли... О, какъ была на васъ я зла,
Какъ плакала... всю ночь уснуть я не могла,
И чуть затихло все,—въ слезахъ, полуодѣта,
Украдкою отъ всѣхъ я въ садикъ нашъ сошла
И думала о васъ до самаго разсвѣта.
Я поняла теперь, что тутъ, какъ и всегда,
Вы были правы... я себя держала съ вами,
Какъ дѣвочка. . . .

—

Неужели всю жизнь суждено мнѣ прожить,
    Отдаваясь другимъ безъ завѣта,
Безъ конца, всѣмъ безумствомъ любви ихъ любить
    И не встрѣтить отвѣта?..

—

Послѣдняя ночь... Не увижу я больше разсвѣта;
Встанетъ солнце, краснѣя сквозь мутную рябь облаковъ,
И проснется столица, осеннимъ туманомъ одѣта,
Для обычныхъ тревогъ, для безцѣльной борьбы и трудовъ.
Дверь каморки моей будетъ долго стоять затворенной.
Кто-нибудь изъ друзей переступитъ потомъ за порогъ
И окликнетъ меня... и отступитъ назадъ, потрясенный,
Увидавъ бездыханный мой трупъ распростертымъ у ногъ.
Въ лужѣ крови я буду лежать, неподвижный и блѣдный;
Ножъ застынетъ въ рукѣ... нестерпимая боль искривитъ
Посинѣвшія губы...

Варіантъ:

Но ни свистъ пароходовъ, ни уличный гулъ и движенье
Не разбудятъ меня. Съ торжествующимъ, блѣднымъ лицомъ
Буду гордо вкушать я покой и забвенье,
И безмолвная смерть осѣнитъ меня чернымъ крыломъ...
Ядъ промчится огнемъ по мускуламъ дряблаго тѣла,
Мигъ страданья—и я недоступенъ страданью, какъ богъ,
И жизнь отлетѣла,
И замеръ послѣдній, агоніей вырванный вздохъ.

Любопытна также группа стихотвореній, въ которыхъ выражается обычное у Надсона недовѣріе къ *мысли* и предпочтеніе ей непосредственнаго *чувства*.

Ты сердишься, когда я опускаю руки,
Когда, наскучивши напрасною борьбой,
Я сознаю умомъ, какъ безполезны звуки,
Рожденные моей страдальческой душой.
Ты говоришь мнѣ: мысль не можетъ дать спасенья.
Давно безсильная и смолкнуть и сіять,
Мысль—цѣпь невольной лжи, круговоротъ сомнѣнья,
И изъ хаоса ей пути не указать.
Да, милый другъ! Нашъ долгъ—пойти на зовъ страданья,
Смотря въ лицо ему, свой ужасъ превозмочь
И молвить безъ тревогъ, безъ думъ и колебанья:
„Ты знаешь истину и долженъ ей помочь!"
Не вѣря въ гордый умъ и тщетно не стараясь
Рѣшить вопросъ „къ чему", жить чувствомъ и душой,
Всей силою любви, всей страстью отзываясь
На каждый братьевъ зовъ, на каждый стонъ больной!

—

О, мысль, проклятый даръ!.. Мысль, въ дерзкомъ ослѣпленьи
Весь міръ мечтавшая сіяньемъ озарить
И стихшая теперь въ больномъ изнеможеньи,
Когда такъ тяжело и такъ постыдно жить,
Къ чему кипѣла ты въ работѣ неустанной,
Что людямъ ты дала и что дала ты мнѣ?
Не указала ты изъ мглы исходъ желанный,
Не помогла родимой сторонѣ!
А сердце чуткое, горѣвшее отрадно
Любовью чистою и вѣрою святой...

— 1884 г.

Я слышу ихъ, я вижу ихъ... Страдая
Подъ гнетомъ нищеты и тяжестью борьбы,
Они идутъ, ко мнѣ объятья простирая,
Бойцы усталые—и дѣти, и рабы.
Вотъ комната... И мгла, и холодъ... Чуть мерцаетъ
Огарокъ, можетъ быть, послѣдній; передъ нимъ
За книгой юноша... Склонившись, онъ читаетъ,
А смерть уже надъ нимъ—и книгу закрываетъ,
И обдаетъ его дыханьемъ ледянымъ.
А рядомъ комната еще... Здѣсь—міръ разврата:
Объятья грубыя, пролитое вино...
О, не входи сюда съ горячимъ словомъ брата:
Онъ—не пойметъ тебя, а ей—ужъ нѣтъ возврата,
Она оцѣнена и продана давно!
Тюрьма... За крѣпкими гранитными стѣнами
Безплодно гаснетъ жизнь... Сіяніе огней
И грохотъ улицы—и личики дѣтей,
Затерянныхъ въ толпѣ и съ робкими слезами
Молящихъ помощи сочувственной твоей...
И эта мгла вокругъ—не бредъ солгавшей книги,
Не фразы пышныя, а жизнь! И тяготятъ
Тебя призванія докучныя вериги
И жжетъ огнемъ тебя святое слово „братъ!"
Что дашь ты имъ, какъ братъ?.. Мысль, пѣсню, состраданье?
Всю жизнь твою?.. О нѣтъ, не лги передъ собой
И не мечтай унять, безсильный и больной,
Ничтожной жертвою великое страданье.
Да и не въ силахъ ты отречься отъ себя,
Не смѣнишь ты весны на грозы и ненастье,
Еще зоветъ тебя сверкающее счастье,
Еще ты жаждешь жить, волнуясь и любя!..

1882 г.

—

Что дамъ я имъ, что въ силахъ я имъ дать?
Мысль?.. О, я мысль мою глубоко презираю:
Не ей въ тяжелой мглѣ дорогу указать,
Не ей надеждою блеснуть родному краю.
Усталая, она безсильна передъ зломъ,
Предъ стономъ нищеты, предъ голосомъ мученья.
Она изнемогла подъ тягостнымъ крестомъ,
Она истерзана отъ скорби и сомнѣнья...
Я-бъ отдалъ имъ любовь, отрекшись отъ себя...

1882 г.

Къ этому же ряду стихотвореній (отзвуковъ различныхъ душевныхъ настроеній) примыкаютъ два переводныхъ отрывка изъ поэмы Джакометти „Узникъ" (Джакометти—любимый итальян-

скій поэтъ Надсона, пѣвецъ борьбы за освобожденіе Италіи отъ австрійскаго и папскаго гнета).

I.

Ни звука въ угрюмой тиши каземата,
Уснулъ у тяжелыхъ дверей часовой.
Волна, предразсвѣтной дремотой объята,
Зеркальною гладью лежитъ за стѣной.
По плитамъ сырого, какъ склепъ, корридора
Не слышно привычныхъ дозорныхъ шаговъ,
И только съ бѣлѣющей башни собора
Доносится бой отдаленныхъ часовъ.
Внимая имъ, узникъ на мигъ вспоминаетъ,
Что есть еще время, есть ночи и дни,
Есть люди, которымъ и солнце сіяетъ
И звѣзды свои зажигаютъ огни.
Кого-жъ стерегутъ эти тихія воды,
Гремящая сталь заостренныхъ штыковъ,
И крѣпкія двери, и душные своды
И тяжкія звенья позорныхъ оковъ?
Отвѣтьте, не мучьте... Душа изнываетъ!
И пусть—если люди бездушно молчатъ —
Мнѣ плескомъ и шумомъ волна отвѣчаетъ
И мертвые камни проклятьемъ гремятъ!
Кровавая повѣсть! Позорная повѣсть!

II.

Ты, для кого еще и день въ лучахъ сіяетъ,
И ночь въ вѣнцѣ изъ звѣздъ проходитъ въ небесахъ,
Кому дышать и жить ни ужасъ не мѣшаетъ,
Ни низкій сводъ тюрьмы, ни цѣпи на рукахъ,—
Изъ каменныхъ гробовъ, и душныхъ и зловонныхъ,
Изъ-подъ охраны волнъ, гранита и штыковъ
Прими, свободный братъ, привѣтъ отъ осужденныхъ,
Услышь, живущій братъ, призывы мертвецовъ!
Да, мы погребены, мы отняты врагами
У нашей родины, у близкихъ и друзей,
Мы клеймены огнемъ, изорваны кнутами,
Окружены толпой бездушныхъ палачей...
Пускай же эта пѣснь, какъ звукъ трубы сигнальной,
Отъ насъ домчится въ міръ и грянетъ по сердцамъ,
И будетъ намъ она—молитвой погребальной,
А вамъ, еще живымъ,—ступенью къ лучшимъ днямъ!

Далѣе, мной сгруппированъ вмѣстѣ рядъ небольшихъ отрывковъ 1882—1885 гг., большею частью описательнаго характера, любопытныхъ по оригинальной манерѣ Надсона живописать природу и внѣшнюю жизнь.

Нѣтъ больше силъ! Подъ тѣнь, куда-нибудь подъ тѣнь!
Вотъ надъ дорогою—нависшая олива.
Присядемъ. Чудный день! Горячій, страстный день,
А что за даль вокругъ, и что за видъ съ обрыва!

—

Если въ лунную ночь, въ ночь, когда по уснувшему саду
Ходятъ волны тепла и струится дыханье цвѣтовъ,
И вдали, за рѣкой, открываются жадному взгляду
Широко-широко озаренныя дали луговъ;
Если въ лунную ночь ты въ глубокой аллеѣ терялся,
И дышалъ, и глядѣлъ, и внималъ, какъ струится волна,—
Знай: *ее* ты видалъ! То не бѣлый туманъ разстилался,
То, легка и стройна, предъ тобой пролетала она...
Если въ зимнюю ночь, въ ночь, когда, словно звѣрь, завываетъ,
Сыпля снѣгомъ, мятель, и въ закрытыя ставни стучитъ,
И глубокая мгла, точно саванъ, поля одѣваетъ
И сѣдая сосна за окномъ, нагибаясь, скрипитъ;
Если въ зимнюю ночь ты сидѣлъ предъ горящимъ каминомъ,—
Знай: *ее* ты видалъ!...

—

По берегу моря, гдѣ, жемчугомъ пѣны сверкая,
На бѣлую отмель взбѣгаетъ волна за волной,
Гдѣ пышныя пальмы, коронами листьевъ качая,
О чемъ-то мнѣ шепчутъ и дышутъ прохладой морской,
По берегу моря, гдѣ быстрыя чайки рѣзвятся,
И сѣрыя скалы уходятъ въ лазурную даль,
Одинъ я бродилъ...

—

Нѣтъ, не потонешь ты средь мертваго забвенья,
Ночь, напоенная дыханіемъ цвѣтовъ,
Ночь, даровавшая мнѣ счастье вдохновенья
И радость тихихъ грезъ и тѣни свѣтлыхъ сновъ.

—

Ночь гасла... Вставалъ предразсвѣтный туманъ.
По взморью, надъ буйнымъ прибоемъ,
Бѣлѣя, какъ пѣна, тянулся нашъ станъ
И чутко дремалъ передъ боемъ.
Въ туманѣ чуть искрились пятна костровъ,
А въ темной дали передъ нами

На грозной вершинѣ твердыня враговъ
Чернѣла своими стѣнами...

—

Прозрачна и ясна осенняя заря;
Какъ свѣчи, теплятся кресты монастыря
Подъ заходящими багровыми лучами;
И ночь, въ слезахъ росы и трепетѣ луны,
Съ дождемъ падучихъ звѣздъ съ лазурной вышины
Идетъ, повитая сіяньемъ и тѣнями...

—

Властитель отдыхалъ. По берегу морскому,
Песчаною каймой ушедшему въ туманъ,
Не въ силахъ превозмочь полдневную истому,
Бѣлѣлъ, какъ пѣна водъ, его безмолвный станъ.
Несчетные шатры тѣснились за шатрами:
Тутъ, словно жаждая, сползли они къ волнамъ,
А тамъ ушли подъ тѣнь, простертую вѣтвями
Лимоновъ и дубовъ, растущихъ по холмамъ...

—

Въ солнечный день мы скользили по глади рѣки.
Перегнувшись къ водѣ, ты со звонкой струею играла
И точеные пальчики нѣжной атласной руки
Серебромъ обвивала.
Передъ нами раскинулась даль: тамъ синѣли лѣса,
Колыхались, пестря васильками, роскошныя нивы,
И краснѣли крутыхъ береговъ роковые обрывы,
И горѣли въ лучахъ небеса...

—

Мнѣ снился страшный сонъ,—мнѣ снилось, что надъ міромъ
Я поднятъ, какъ листокъ, размахомъ мощныхъ крылъ
И мчусь все вверхъ и вверхъ, объятъ ночнымъ эѳиромъ
И озаренъ огнемъ безчисленныхъ свѣтилъ.
Внизу лежитъ земля, закутавшись въ туманѣ,
И между мной и ей, свиваясь и клубясь,
Проходятъ облаковъ сѣдые караваны,
То утонувъ во мглѣ, то вдругъ осеребрясь.
Порой, сквозь ихъ просвѣтъ, мнѣ видятся вершины
Крутыхъ, скалистыхъ горъ и блескъ ихъ ледниковъ,
И голубыхъ морей зеркальныя равнины,
И мертвый мракъ пустынь, и пятна городовъ.
Мнѣ слышенъ слитный гулъ, стоящій надъ землею,
Стихающій внизу, какъ отдаленный громъ,
И я все мчусь и мчусь съ ужасной быстротою,
Все выше,—вверхъ и вверхъ,—въ безмолвіи ночномъ.
И вотъ ужъ нѣтъ земли...

—

Чего тебѣ нужно, тихая ночь?
Зачѣмъ ты въ открытыя окна глядишь
И вѣешь тепломъ, и изъ комнаты прочь
Подъ звѣздное небо манишь?
Нѣтъ времени мнѣ любоваться тобой!
Ты видишь—я занятъ завѣтнымъ трудомъ,
Я пѣсню слагаю о скорби людской
И страданьи людскомъ..

—

Въ старомъ домикѣ сосѣдки
И уютно и тепло.
Мирно дремлетъ чижикъ въ клѣткѣ,
Скрывъ головку подъ крыло.
Печка весело пылаетъ;
На столѣ, горя какъ жаръ,
Звонко пѣсню распѣваетъ
Запотѣвшій самоваръ.
Свѣтитъ лампа . . . . . .

Кромѣ Джакометти, Надсонъ очень мало переводилъ изъ иностранныхъ поэтовъ. Одно стихотвореніе переведено имъ изъ Бодлэра и ошибочно указано во всѣхъ изданіяхъ, какъ оригинальное („Отрадно сквозь туманъ звѣзды видать рожденье: *Paysage*). Изъ „Лирической интермедіи“ Гейне переведенъ въ 1880 г. цѣлый рядъ стихотвореній, изъ которыхъ напечатано до сихъ поръ только одно: „Отчего такъ блѣдны и печальны розы“. Остальныя, надо правду сказать, не блещутъ особенной красотою, и я приведу только одно, лучшее:

Мои окрыленныя пѣсни
Далеко съ тобой насъ умчатъ,
Въ цвѣтущему, свѣтлому Гангу,
Въ поникшій надъ водами садъ.
Онъ дремлетъ, обвитый туманомъ,
Въ чарующемъ свѣтѣ луны,
И бродятъ по темнымъ аллеямъ
Неясные звуки и сны.
Тамъ тихо смѣются фіалки,
Тамъ лотосъ поникъ въ полуснѣ,
И розы волшебную сказку
Лепечутъ о чудной странѣ.
И бродятъ повсюду газели,
Какъ тѣни, стройны и легки,
И льются съ невнятнымъ журчаньемъ
Священныя волны рѣки.

Подъ сонной, роскошною пальмой
Мы сладко задремлемъ съ тобой,
И станутъ, какъ вѣрные стражи,
Надъ нами любовь и покой!

Образъ Надсона, какъ поэта, былъ бы далеко не полонъ, если бы критика обошла его граціозныя шуточныя стихотворенія. Такихъ стихотвореній въ тетрадяхъ очень много, а въ книгу стихотвореній (собственно, только въ біографическій очеркъ) попало очень мало. Я выпишу нѣсколько такихъ пьесокъ.

Ода.

На полученіе портупей-юнкерскаго званія его длинноносіемъ. Д. И.

Почто и шепотъ и смятенье
Среди отважныхъ юнкеровъ,
Какое чудное явленье
Мой слабый стихъ воспѣть готовъ?
О, муза! рифмой своенравной
Коснися струнъ души моей:
Тебя пою, о нашъ державный,
Нашъ длинноносый портупей!
Я помню, какъ въ роскошной залѣ
Передъ рядами юнкеровъ
Съ глубокой важностью стояли
А—въ, Р—нъ, К—ковъ
. . . .
Ихъ лица наслажденьемъ рдѣли,
Въ нихъ духъ воинственный взыгралъ,
И всѣ восторженно смотрѣли,
Какъ караулы ты смѣнялъ.
И всѣ внимали съ упоеньемъ,
Какъ милый звукъ командныхъ словъ,
Звеня надеждой и сомнѣньемъ,
Леталъ надъ взводомъ юнкеровъ.
Тебя напрасно Р—нъ первый
Хотѣлъ опять смѣшать и сбить:
Ты не сробѣлъ предъ этой с—,
И все, какъ слѣдъ, сумѣлъ свершить!
И вотъ, смѣнивши караулы,
Шеренгой сталъ ты заправлять,
И вновь тебѣ хваленій гулы
Пришлось отвсюду услыхать.

Оконченъ подвигъ—и героя
Ужъ ждетъ торжественный вѣнокъ,
И, взявши на плечо, изъ строя
Идешь ты прямо на востокъ.
Идешь, а сзади за тобою
Тѣнь носа твоего ползетъ;
Такъ клевета, шипя змѣею,
За славой царственной идетъ.

—

Что-жъ, начнемъ слагать влюбленныя посланья!..
То-то вдохновенный зададимъ концертъ!
Послѣ ѣдкихъ пѣсенъ слезъ и отрицанья
Эти побрякушки кстати на дессертъ.
Вѣдь шаблонъ не сложенъ: „шейка-чародѣйка...
Ножка—крошка, взглядъ—лазурная эмаль...
Милая... богиня... Ангелъ мой, злодѣйка
(Тутъ пустить кресцендо и нажать педаль)...
Я люблю васъ страстно, я люблю васъ вѣчно,—
О, конечно, вѣчно! Каждый мигъ сильнѣй!
Не терзайте-жъ грудь мнѣ такъ безчеловѣчно
И откройте рай мнѣ, сдѣлавшись моей!..“
Соловьи и розы, лунный свѣтъ и грезы,
Туча, море грезъ, безъ дна и безъ конца!..
Бредъ безумной страсти, ревности угрозы
И черты ея небеснаго лица.
Перероемъ кстати старыя тетради—
Въ нихъ лиризмъ такъ страстенъ въ пламенныхъ стихахъ—
И преподнесемъ ей, милыхъ глазокъ ради,
Изъ минувшихъ аховъ самый длинный ахъ!
Даже можно будетъ кое-что у Фета
Призанять,—онъ мастеръ, сладкозвучный Фетъ,—
И сразить ее мелодіей сонета,
Гдѣ бы каждый стихъ былъ трель или букетъ.
И смѣшно, и больно!..

—

Да, ты одинъ, о Фаусекъ,
Чистъ и лишенъ постыдныхъ пятенъ,
И, что такъ дорого въ нашъ вѣкъ,
Ты въ перепискѣ аккуратенъ.

—

О, не молчи, кукуевецъ бездушный,
Пиши скорѣй изъ сѣверныхъ снѣговъ!
Твоимъ строкамъ всегда пріемъ радушный
Въ моей душѣ заранѣе готовъ.
Я такъ люблю твои іероглифы,
Хотя порой ихъ трудно разбирать...

Забудь на мигъ разсчеты и тарифы,
Пиши скорѣй,—пиши, я буду ждать!

Послѣднее стихотвореніе относилось къ Гаршину, служившему, какъ извѣстно, на желѣзной дорогѣ. Надсонъ познакомился съ В. М. Гаршинымъ въ іюнѣ 1883 года и тогда же записалъ въ дневникѣ: „Положительно влюбился въ него. Есть что-то непередаваемо-мягкое, почти женственное въ немъ. Да, этотъ человѣкъ переживетъ себя: на немъ печать несомнѣнная, употребляя выраженіе Мер—го“. За этой любопытной замѣткой о Гаршинѣ слѣдуетъ—кстати сказать,—не менѣе любопытная о Салтыковѣ: „На немъ тоже несомнѣнная печать. Замѣчательные у него глаза—большіе, ясные, умные, какъ-то особенно свѣтло смотрящіе съ исхудалаго лица; замѣчательны и руки—необычайно маленькія, бѣлыя, чисто-женскія“. Въ первое свиданіе Салтыковъ произвелъ на Надсона очень непріятное, грубое впечатлѣніе, но впослѣдствіи онъ „былъ любезенъ и впечатлѣніе это изгладилъ“. Между прочимъ, Салтыковъ бывалъ очень рѣзокъ въ отзывахъ о тѣхъ стихахъ Надсона, которые ему не нравились. Такъ, стихотвореніе „Вѣрь, говорятъ они“ онъ наотрѣзъ отказался напечатать въ „Отеч. Зап.“: „*Къ чему?.. Кѣмъ?.. Зачѣмъ?..*—передразнивалъ онъ своимъ сердитымъ басистымъ голосомъ,—что за чепушистые вопросы! Киѳа Мокіевичъ, да и полно“. Злополучное „философское“ стихотвореніе появилось послѣ того въ „Русской Мысли“.

Остается, въ заключеніе, выписать нѣсколько стихотвореній, явно бывшихъ подготовительными набросками пьесъ, которыя стали впослѣдствіи, въ болѣе обработанной формѣ, общеизвѣстными. Тѣмъ не менѣе, и эти первоначальные наброски имѣютъ, мнѣ кажется, не одинъ только библіографическій интересъ.

Съ дѣтскихъ лѣтъ, отуманенныхъ раннимъ ненастьемъ,
За холодною книгой, въ казенныхъ стѣнахъ,
Образъ женщины, вѣя невѣдомымъ счастьемъ,
Часто снился мнѣ въ знойныхъ мечтахъ.
Сладкій голосъ шепталъ мнѣ: „Подъ сводами рая,
Въ вѣчномъ блескѣ лазурнаго райскаго дня,
Слышитъ сердце мое, какъ, томясь и страдая,
Ты къ себѣ призываешь меня.
Слышитъ сердце мое, все облитое кровью,
Какъ одинъ, позабытый, печальный, больной,
Ты томишься, дитя, безотвѣтной любовью
И недѣтски-тяжелой тоской.
Эти слезы гнетутъ меня!.. Я забываю
Тихій рай для страданій земли

И съ твоими слезами незримо сливаю
Материнскія слезы свои.
О, не плачь же, мой мальчикъ!.. Прочь горе и муки,
Прочь мятежная мысль отъ чела!
Я усталому сердцу небесные звуки
И блаженные сны принесла.
Въ часъ забвенья на крыльяхъ чарующей грёзы
Я умчу тебя прочь отъ людей—
Въ край, гдѣ вѣчны и солнце, и зелень, и розы,
Гдѣ слеза не туманитъ очей!..
Тихій голосъ смолкалъ—и смолкали страданья
Въ дѣтскомъ сердцѣ... Я плакалъ любя...

(Читатель узнаетъ, конечно, въ этихъ стихахъ, набросанныхъ въ 1880 г., „Мать“ 1886 г.).

Я думалъ, жизнь, что ты открыла предо мною
Всѣ язвы гнойныя, всю нищету свою,
Что все обнажено, чему съ такой тоскою
Я трудъ мой, и любовь и пѣсни отдаю;
Я думалъ, что прозрѣлъ за лживыми цвѣтами
И яркимъ трепетомъ искусственныхъ огней
Нѣмую ночь съ ея мучительными снами,
Съ ея отчаяньемъ и звуками цѣпей;
Что нѣтъ позорныхъ тайнъ, съ которыхъ покрывала
Я бъ не сорвалъ рукой безтрепетной моей,
И если грудь моя отъ жгучихъ слезъ устала,
То новыхъ слезъ тебѣ не вырвать ужъ у ней!
Во имя истины тяжелымъ подозрѣньямъ
Я самъ навстрѣчу шелъ, и жегъ свои мечты
И смѣло отравлялъ мучительнымъ сомнѣньемъ
Послѣдніе, еще прекрасные цвѣты.
И вѣрилъ я, что, все пытливо провѣряя,
Я перлы отличу отъ грубаго стекла,
И буду знать, борясь, любя и уповая,
За что бороться мнѣ, гдѣ свѣтъ въ тебѣ и мгла.

И вотъ все сожжено душевною грозою,
И ночь вокругъ меня томительно душна.
А въ безднѣ той, куда спускаюсь я съ тоскою,
Чтобъ глубь ея узнать,—все та же глубь безъ дна!..
Дно было лишь обманъ,—не въ силахъ мысль людская
Измѣрить глубину паденія людей!..

1883 г.

(Первый варіантъ, хотя и отдаленный, стихотворенія „Я не щадилъ себя“...).

На горной вершинѣ, на мягкой постели снѣговъ
Рождается день голубой
И сходитъ къ долинѣ, подъ сѣнь благовонныхъ садовъ,
Кремнистой тропой.
Уходятъ туманы въ ущелья...

(Позднѣе—„Лазурное утро я встрѣтилъ въ горахъ").

„Ты—не гордый титанъ и не смѣлый герой,—
Говорила мнѣ жизнь, насмѣхаясь,—
Ты—раздавленный червь подъ моею пятой,
Ты враждуешь со мной, пресмыкаясь!
Посмотри—я вездѣ: я въ лучахъ и цвѣтахъ,
Я царю, зародившись отъ вѣка,
На землѣ и на небѣ, въ лѣсахъ и моряхъ
И въ разумной душѣ человѣка.
Я несусь, какъ лавина со снѣжныхъ высотъ,
Я, какъ голосъ грозы, оглушаю
И, какъ бурный потокъ разъярившихся водъ,
За собою весь міръ увлекаю...
Широко мои ризы подъ небомъ легли,
Изъ обители вѣчныхъ тумановъ
Ниспадая на даль неоглядной земли
И безбрежный просторъ океановъ.
И тебѣ ли, безумецъ, меня удержать,
За края ихъ цѣпляясь руками,
И тебѣ ли, враждуя, меня закидать,
Какъ блудницу, своими камнями?
Ты кричишь мнѣ, что я и пуста и глупа,
Что полна я вражды и порока,
Что въ стремленьи впередъ, какъ дитя, я слѣпа
И, какъ звѣрь, безполезно жестока?
Ты меня вопрошаешь, несчастный пигмей,
Задыхаясь въ слѣпомъ озлобленьи:
Гдѣ разумная цѣль въ вѣчной смѣнѣ людей,
Въ вѣчномъ шумѣ моемъ и движеньи?
Но глубóко и строго я тайны вѣковъ
Отъ людского разсудка скрываю
И на дерзкіе вопли возставшихъ рабовъ
—„Издыхай и молчи!"—отвѣчаю.
Издыхай подъ моею свинцовой пятой,
Въ дольнемъ прахѣ, какъ червь, извиваясь,
И молчи, оглушенный, измученный мной
И язвящій меня, пресмыкаясь!..

Анапестъ не оправдалъ въ этомъ случаѣ своей славы сильнаго, энергичнаго метра, и Надсонъ съ свойственной ему чуткостью понялъ, что стихотвореніе вышло и растянуто, и вяло. Мотивъ, полный ужаса, боли и сердечнаго крика, звучалъ между тѣмъ въ душѣ ярко, могущественно, и изъ-подъ пера поэта вылилось вскорѣ совершенно другое, написанное четырехстопнымъ ямбомъ и ставшее общеизвѣстнымъ стихотвореніе:

Червякъ, раздавленный судьбой...

П. Ф. Гриневичъ.

Отвѣтъ П. Н. Милюкову.

Переходя въ третьей части своихъ „Очерковъ по исторіи русской культуры“ къ исторіи развитія самосознанія русскаго общества, г. Милюковъ пользуется этимъ случаемъ, чтобы выяснить болѣе обстоятельно свою точку зрѣнія на роль психическаго фактора въ исторіи, и дѣлаетъ это въ формѣ возраженій на критическія замѣтки, высказанныя нами по поводу двухъ первыхъ частей его труда.

Эти возраженія уважаемаго нами автора носятъ, впрочемъ, въ значительной степени примирительный характеръ; онъ признаетъ нѣкоторыя изъ нашихъ положеній за близко подходящія къ его собственнымъ взглядамъ, нѣкоторыя же изъ нихъ принимаетъ во всей ихъ полнотѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ настойчиво поддерживаетъ свою прежнюю точку зрѣнія и не разъ упрекаетъ насъ какъ бы въ нежеланіи правильно понять ее. Это обстоятельство ставитъ насъ въ нѣсколько затруднительное положеніе, такъ какъ очевидно, что, при вышеуказанномъ совпаденіи нашихъ собственныхъ взглядовъ со взглядами разбираемаго нами труда, рѣзкій, по своей основной мысли, полемическій характеръ нашей статьи можетъ быть объясненъ только однимъ: недостаточно внимательнымъ отношеніемъ съ нашей стороны къ оспариваемымъ нами положеніямъ. Вотъ почему мы хотѣли бы дать по этому поводу нѣкоторыя разъясненія.

Мы дѣлаемъ это, впрочемъ, не только изъ личныхъ соображеній. Мы думаемъ, что интересъ всякаго двусторонняго обсужденія значительно выигрываетъ именно при сравнительной близости точекъ зрѣнія спорящихъ, такъ какъ это обстоятельство

позволяетъ имъ говорить не на различныхъ языкахъ и ближе подойти къ сущности дѣла.

Въ нашей критической замѣткѣ, помѣщенной въ „Русскомъ Богатствѣ" (1898 г., № 8), мы указали на двѣ характерныя черты общихъ историческихъ взглядовъ П. Н. Милюкова. Одна изъ нихъ тѣсно связана съ тою ролью, какую удѣляетъ авторъ экономическому фактору, какъ двигателю исторіи. Такъ, напримѣръ, объясняя, почему Московское государство при самомъ своемъ возникновеніи оказалось гораздо сильнѣе общества, г. Милюковъ прямо приписываетъ это экономической причинѣ. Государство на Руси оказалось сильнѣе общества потому, говоритъ онъ, что „развитіе матеріальныхъ интересовъ не успѣло еще сплотить общество въ прочныя общественныя группы, какія давно сложились на Западѣ подъ вліяніемъ ожесточенной экономической борьбы". „Низкимъ уровнемъ экономическаго развитія" древней Руси объясняется, по мнѣнію автора, „слабость ея сословныхъ элементовъ", т. е. извѣстный складъ общественной жизни, данная конкретная форма общественныхъ отношеній. Въ этомъ мы видѣли, со стороны автора, прямую уступку господствовавшей тогда теоріи экономическаго матеріализма, причемъ мы старались показать, что самъ низкій уровень экономическаго развитія древней Руси нуждается въ историческомъ объясненіи, что это не первичный фактъ, который вытекалъ бы непосредственно изъ внѣшнихъ условій, но что онъ тѣсно связанъ съ первоначальною исторіею общества; что первоначальное экономическое развитіе нигдѣ не происходило въ дѣйствительности путемъ чисто экономической борьбы; что оно было связано съ расовой борьбой, съ политическимъ подчиненіемъ слабѣйшихъ племенъ сильнѣйшимъ и принудительной организаціей труда, основанной не на экономическомъ, а на военномъ превосходствѣ.

Эту часть нашего возраженія г. Милюковъ оставилъ безъ подробнаго разсмотрѣнія, ограничившись лишь тѣмъ замѣчаніемъ, что онъ по прежнему продолжаетъ считать низкій уровень экономическаго развитія древней Руси не слѣдствіемъ, а причиной того, что она не была завоевана какимъ-нибудь народомъ, привыкшимъ къ осѣдлому образу жизни. Впрочемъ, авторъ прибавляетъ, что „рѣзкаго раздѣленія между обоми факторами", т. е. политическимъ и экономическимъ, „проводить нельзя, потому что необходимо допустить извѣстную степень взаимодѣйствія между ними" („Міръ Божій", янв. 1900 г., стр. 14).

Вполнѣ соглашаясь съ этимъ замѣчаніемъ автора, мы желали бы только придать ему больше опредѣленности. Мы думаемъ, что отношеніе между политическимъ и экономическимъ факторами не всегда можетъ быть выражено словомъ *взаимодѣйствіе*. Взаимо-

дѣйствіе необходимо предполагаетъ отдѣльное существованіе вліяющихъ другъ на друга факторовъ; между тѣмъ сравнительная независимость экономической дѣятельности отъ политическихъ формъ, т. е. болѣе или менѣе значительная дифференціація этихъ двухъ областей общественной жизни сама явилась уже продуктомъ многовѣковаго историческаго процесса. Мы знаемъ, конечно, что въ настоящее время даже и при неизмѣнномъ состояніи общихъ политическихъ рамокъ общественной жизни въ нихъ можетъ происходить экономическое развитіе, отражающееся въ свою очередь на политическихъ условіяхъ; такъ, напримѣръ, ростъ городовъ, какъ прямое послѣдствіе развитія промышленности, вызываетъ, какъ извѣстно, въ свою очередь крупныя политическія перемѣны; но мы не должны забывать, что болѣе или менѣе полная свобода промышленной дѣятельности не есть нѣчто присущее этой дѣятельности вообще, а представляетъ собою одинъ изъ результатовъ цѣлаго историческаго переворота. Перенесеніе современныхъ свойствъ экономическаго фактора на всю область исторической эволюціи — основная ошибка экономическаго пониманія исторіи, ставящая это пониманіе въ противорѣчіе съ его собственнымъ исходнымъ принципомъ. Принципъ этотъ, какъ извѣстно, требуетъ того, чтобы всякое историческое явленіе разсматривалось въ своемъ развитіи; между тѣмъ само экономическое развитіе, какъ конкретное историческое явленіе, ускользаетъ въ этой концепціи отъ ея основного методологическаго требованія, фигурируя въ ней повсюду, на всемъ протяженіи исторіи, въ видѣ какого-то неизмѣннаго и независимаго процесса; концепція эта не задается вопросомъ о томъ, какія стадіи прошелъ самый процессъ экономической эволюціи въ процессѣ исторіи, вопросомъ объ эволюціи самой экономической эволюціи,—какъ этого требовала бы, повидимому, основная исходная точка разсматриваемой теоріи.

Возвращаясь теперь къ вышеупомянутому замѣчанію г. Милюкова относительно взаимодѣйствія экономическаго и политическаго факторовъ, необходимо предполагающаго ихъ дифференціацію, мы должны замѣтить, въ свою очередь, что историческій анализъ, въ согласіи съ основнымъ закономъ всей эволюціонной теоріи, показываетъ, что дифференціація различныхъ сторонъ общественной жизни свойственна только сравнительно высокой ступени ея развитія; на низшихъ же ступеняхъ всѣ эти стороны, а въ частности политика и экономика еще сливаются между собой, причемъ исчезаетъ, конечно, и возможность формулировки отношеній между ними, какъ отношеній взаимодѣйствія. Попробуйте, напримѣръ, представить себѣ вліяніе научныхъ идей на религіозныя вѣрованія въ тотъ періодъ исторіи, когда всѣ зачатки научнаго мышленія были возможны для людей лишь въ формѣ религіозныхъ представленій. То же самое слѣдуетъ сказать и объ экономическомъ

развитіи, которое на своихъ первоначальныхъ ступеняхъ всегда неотдѣлимо отъ политической жизни. Поэтому, говоря, напримѣръ, о первоначальныхъ формахъ государственнаго устройства, въ высшей степени рисковано объяснять ихъ возникновеніе развитіемъ промышленности, такъ какъ послѣднее само, въ своихъ раннихъ фазисахъ, всегда происходило въ формѣ тѣхъ или другихъ политическихъ перемѣнъ, было неразрывно связано съ ними. Между тѣмъ г. Милюковъ, очевидно, становится именно на эту точку зрѣнія, когда утверждаетъ, что „низкій уровень экономическаго развитія достаточно объясняетъ слабость сословныхъ элементовъ древней Руси“. Говоря это, онъ уже тѣмъ самымъ предполагаетъ дифференцированную область промышленной дѣятельности въ древней Руси; онъ отдѣляетъ въ ней уровень экономическаго развитія, какъ причину, отъ сословной организаціи, какъ ея послѣдствія; онъ допускаетъ историческую возможность первоначальнаго экономическаго развитія внѣ рамокъ сословной организаціи. Но спрашивается, извѣстна-ли намъ какая-либо другая форма этого развитія? Можетъ-ли г. Милюковъ указать хоть на одинъ примѣръ въ исторіи, когда общество достигло-бы уровня экономическаго развитія, высшаго, чѣмъ какого достигла удѣльно-вѣчевая Русь, не подвергшись предварительно принудительному раздѣленію на высшія и низшія сословія?

Г. Милюковъ ссылается на примѣръ построенія западно-европейскаго общества. По его словамъ, второй этажъ феодальнаго зданія, феодальная аристократія, былъ надстроенъ, какъ на своемъ фундаментѣ, на крестьянствѣ, „уже сложившемся въ главныхъ чертахъ во время народныхъ переселеній VI—VIII столѣтія“ (Очерки, часть первая, очеркъ третій). Но вѣдь крестьянство—это также сословіе, и оно необходимо предполагаетъ сословную организацію всего общества. Феодализмъ явился слѣдовательно лишь *новой формой* сословной организаціи, смѣнившей прежнюю, а не сословною организаціею возникшею впервые на дѣвственной почвѣ безсословнаго экономическаго развитія. Если уровень экономическаго развитія Западной Европы VIII столѣтія былъ выше, чѣмъ въ древней Руси, чѣмъ именно и объясняется, по мнѣнію г. Милюкова, что для первой нашлись осѣдлые завоеватели, а для второй ихъ не оказалось, то, какъ мы видимъ изъ вышеприведенныхъ словъ самого же г. Милюкова, этотъ высшій уровень былъ достигнутъ опять-таки въ формѣ сословной организаціи, приведшей къ появленію крестьянства. Слѣдовательно, примѣръ Западной Европы нисколько не поясняетъ того, какимъ путемъ высшій уровень экономическаго развитія создавалъ въ процессѣ исторіи сословную организацію. И мы увѣрены, что найти такой конкретный примѣръ въ исторіи вообще невозможно, такъ какъ въ основѣ историческихъ объясненій, подобныхъ разбираемому нами теперь (*низкій уровень экономическаго развитія достаточно объясняетъ*

слабость сословныхъ элементовъ), лежитъ ложное представленіе объ экономическомъ факторѣ, не какъ о конкретномъ историческомъ явленіи, а какъ о какомъ-то первичномъ, независимомъ двигателѣ, котораго не долженъ касаться историческій анализъ. Но вѣдь въ такомъ именно представленіи объ экономическомъ факторѣ и заключается сущность экономическаго матеріализма. Вотъ почему мы считаемъ незаслуженнымъ упрекъ, обращенный къ намъ со стороны автора „Очерковъ по исторіи русской культуры" по поводу того, что, не смотря на всѣ его оговорки, мы причислили его къ сторонникамъ экономическаго матеріализма.

Другою чертою теоретическаго построенія „Очерковъ", на которую мы обратили вниманіе въ своей критической замѣткѣ, было отрицательное отношеніе г. Милюкова къ субъективной школѣ, его стремленіе къ *объективному* пониманію исторіи. Это—болѣе основная и глубокая черта міросозерцанія; экономическій матеріализмъ представляетъ собою только ея наиболѣе цѣльную и конкретную форму. Дѣло идетъ здѣсь о самомъ пониманіи исторической необходимости, о томъ, чѣмъ обусловлена въ научномъ представленіи необходимость историческихъ явленій, и о томъ, что такое закономѣрность этихъ явленій. Постараемся выяснить, въ чемъ заключается сходство и несходство въ этомъ случаѣ между взглядами автора „Очерковъ" и нашими.

Прежде всего мы сразу же можемъ устранить изъ нашего обсужденія то пониманіе объективизма, согласно которому соціальныя явленія дѣлятся на субъективныя и объективныя, причемъ первыя ставятся въ причинную зависимость отъ послѣднихъ. Въ своихъ возраженіяхъ противъ экономическаго матеріализма г. Милюковъ говоритъ: „...матеріальный характеръ экономическаго фактора есть только кажущійся: на самомъ дѣлѣ явленія человѣческой экономики происходятъ въ той-же психической средѣ, какъ и всѣ другія явленія общественности" (Часть вторая, стр. 3). Это мимоходомъ высказанное замѣчаніе г. Милюкова заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться. Г. Милюковъ очевидно хотѣлъ указать имъ на то, что, какъ всякое проявленіе человѣческой жизни, экономическіе факты и отношенія имѣютъ свой необходимый коррелативъ въ психической средѣ, что всякому объективному экономическому явленію соотвѣтствуетъ своя субъективная, психическая подкладка. Когда мы говоримъ, напримѣръ, объ экономическомъ развитіи, мы должны помнить, что оно происходитъ также и въ психической средѣ, т. е. что оно выражается въ тѣхъ или другихъ субъективныхъ процессахъ, находящихъ свое внѣшнее, объективное выраженіе въ области экономическихъ фактовъ и отношеній. Такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія, экономическое развитіе есть одновременно и субъективный и объективный

фактъ; оно происходитъ какъ въ психической средѣ, такъ и въ мірѣ внѣшнихъ явленій.

Эта элементарная, но очень важная для даннаго вопроса истина сразу же устраняетъ изъ нашего обсужденія цѣлую систему научнаго пониманія историческихъ явленій, цѣлую концепцію такъ называемаго матеріалистическаго или экономическаго взгляда на исторію. У сторонниковъ этой концепціи, стремленіе установить необходимость и закономѣрность историческихъ явленій, дать научное объясненіе всему историческому процессу удовлетворяется представленіемъ о причинной зависимости между объективными и субъективными явленіями общественной жизни, причемъ послѣднія принимаются за производныя отъ первыхъ; всякое проявленіе человѣческаго духа въ исторіи находитъ, при такомъ объясненіи, свою причину въ мірѣ чисто объективныхъ общественныхъ фактовъ, что и придаетъ строго-научный видъ всему историческому процессу. Требуется, напримѣръ, объяснить умственное движеніе XVIII вѣка; оно объясняется развитіемъ производства и ростомъ буржуазіи. Умственное движеніе признается чисто субъективнымъ явленіемъ, развитіе производства и обогащеніе буржуазіи — объективными, матеріальными фактами. Субъективное есть надстройка надъ объективнымъ, — и вотъ сложный и крупный историческій фактъ находитъ свою причину, получаетъ, повидимому, точное, научное объясненіе.

Но если стать на точку зрѣнія, на которой стоитъ и г. Милюковъ, т. е признать, что всякое соціальное явленіе есть одновременно и субъективное и объективное, то такое объясненіе рушится само собой. Представленіе о причинной зависимости между объективнымъ и субъективнымъ должно замѣниться тогда представленіемъ о ихъ сосуществованіи, о неразрывной связи между ними. Въ такомъ случаѣ, чтобы представить себѣ историческую необходимость въ формѣ причинной связи, приходится искать эту причинную связь уже не между субъективной и объективной сторонами соціальныхъ явленій, а между отдѣльными соціальными явленіями, разсматриваемыми во всей ихъ полнотѣ.

На этой точкѣ зрѣнія стоитъ и г. Милюковъ, также представляющій себѣ историческую необходимость въ формѣ причинной зависимости. Но отвергая дѣленіе соціальныхъ явленій на субъективныя и объективныя, онъ тѣмъ не менѣе признаетъ необходимымъ искать внѣшнихъ, объективныхъ причинъ для объясненія процесса развитія общественной жизни. Мы, разумѣется, не думаемъ оспаривать вполнѣ законность такого стремленія. Развитіе общественной жизни всегда происходитъ въ извѣстной *внѣшней* для нея средѣ, при извѣстныхъ *внѣшнихъ* по отношенію къ ней условіяхъ; эти среда и условія должны, слѣдовательно, также войти составными элементами въ полное объясненіе историческаго процесса. Въ этомъ отношеніи не можетъ быть никакихъ разногласій

между сторонниками объективной и субъективной историческихъ школъ. Никто изъ послѣднихъ никогда не отрицалъ, напримѣръ, вліянія географической среды, сосѣдства хищниковъ, нашествія завоевателей и пр., т. е. извѣстныхъ внѣшнихъ причинъ по отношенію къ данному развивающемуся обществу; извѣстно даже, что субъективная школа придаетъ еще гораздо бо̀льшее значеніе этимъ внѣшнимъ факторамъ, чѣмъ приверженцы объективнаго взгляда на исторію, всегда упирающіе на *внутренній* характеръ общественнаго процесса, всегда ищущіе законовъ *внутренняго* развитія общественной жизни. Вопросъ, слѣдовательно, не въ самомъ признаніи или отрицаніи объективныхъ, внѣшнихъ причинъ въ исторіи, а въ болѣе или менѣе исключительной роли, какая приписывается имъ.

Легко замѣтить, что отрицаніе субъективнаго фактора, т. е. стремленіе искать объективныхъ причинъ для объясненія историческихъ явленій и вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе придать общественной жизни характеръ *внутренняго* процесса, имѣющаго свои присущія ему *внутреннія* тенденціи, находятся въ явномъ противорѣчіи между собой; ибо, если искать этихъ объективныхъ причинъ не внѣ рамокъ разсматриваемыхъ общественныхъ явленій, а внутри самого развивающагося общества, то спрашивается, въ какомъ же смыслѣ эти причины могутъ быть названы объективными? Очевидно, только въ одномъ: въ смыслѣ противопоставленія ихъ явленіямъ, происходящимъ въ *психической* средѣ даннаго общества. Вотъ почему, какъ мы уже видѣли, сторонники экономическаго матеріализма и приходятъ неизбѣжно къ выдѣленію объективной стороны соціальныхъ явленій въ особую, самостоятельную категорію, подчиняя ей субъективную сторону тѣхъ же явленій; въ этой подчиненности, въ этомъ порожденіи одной категоріи другою и заключается, по ихъ мнѣнію, внутренній характеръ историческаго процесса.

Г. Милюковъ отстраняетъ такое упрощенное толкованіе, называемое имъ „предразсудкомъ экономическаго объясненія исторіи“. Но будучи самъ сторонникомъ органическаго способа развитія общественной жизни, признавая внутреннюю тенденцію этого процесса и въ то же время будучи противникомъ субъективной школы, онъ также не можетъ не испытывать на себѣ вліянія указаннаго нами противорѣчія. Такъ, мы видѣли, что для того, чтобы придать объективный характеръ внутреннему, по его мнѣнію, процессу образованія сословій, онъ незаконно расчленяетъ общественную жизнь, въ ея ранней стадіи, на экономическое развитіе и политическую организацію, объясняя слабость сословныхъ элементовъ древней Руси низкимъ уровнемъ ея экономическаго развитія. Этотъ незаконный пріемъ, сближающій г. Милюкова съ экономическими матеріалистами, служитъ для него выходомъ изъ неразрѣшимаго противорѣчія между признаніемъ

органическаго характера историческаго процесса и отрицаніемъ субъективизма, въ основѣ котораго лежитъ именно признаніе той роли органическаго элемента, которая необходима для объясненія всякаго процесса развитія, а въ томъ числѣ и историческаго.

Признавая со своей стороны органическій способъ развитія общественной жизни, субъективная школа прямо связываетъ этотъ органическій способъ, эту внутреннюю тенденцію, съ психическими свойствами самого человѣка и ихъ развитіемъ. „Субъективная школа только констатируетъ, какъ историческій фактъ, говорили мы въ своей критической замѣткѣ, что всѣ общественныя явленія окрашиваются человѣческими страстями и стремленіями и что, развиваясь подъ вліяніемъ человѣка, историческій процессъ, въ концѣ концовъ, получаетъ направленіе, соотвѣтствующее развитію человѣческой личности". Такимъ образомъ, субъективная школа прямо приписываетъ значительную долю участія въ созданіи и измѣненіи формъ общественной жизни развивающимся внутреннимъ свойствамъ самого человѣка, его развивающимся стремленіямъ и желаніямъ; они являются въ ея глазахъ самостоятельными факторами историческаго процесса, не единственными и связанными въ своей созидающей или разрушительной работѣ съ внѣшними условіями, но тѣмъ не менѣе также представляющими собою послѣднія звенья въ научномъ объясненіи историческихъ явленій, т. е. звенья, дальше которыхъ не простирается историческій анализъ. Согласно этому взгляду, данное историческое положеніе создалось такъ, а не иначе, потому что таковы были въ данное время свойства такихъ-то и такихъ-то группъ людей; для субъективистовъ это—*ultima ratio* историческаго объясненія. Но значитъ-ли это, чтобы они предполагали метафизическую безпричинность психическихъ свойствъ человѣка или исходили отъ гипотезы свободной воли, какъ думаетъ это г. Милюковъ? Вовсе нѣтъ. Когда мы говоримъ, напримѣръ, что развитіе береговой линіи объясняетъ такія-то и такія-то стороны исторіи древней Греціи, значитъ-ли это, что мы предполагаемъ метафизическую безпричинность очертанія береговъ? Конечно, нѣтъ; но въ историческомъ анализѣ мы не касаемся вопроса о причинахъ развитія береговой линіи; это, во первыхъ; а во вторыхъ, дѣйствительно-ли мы можемъ даже въ наукѣ, спеціально занимающейся происхожденіемъ психическихъ свойствъ человѣка, найти *причины* органическаго развитія этихъ свойствъ, также какъ въ наукѣ, спеціально занимающейся вопросомъ о строеніи земли, найти указанія на конечныя причины передвиженія матеріальныхъ частицъ? Всякій анализъ по необходимости долженъ остановиться на извѣстномъ предѣлѣ, дальше котораго онъ не можетъ идти въ данную минуту; въ такихъ случаяхъ наукѣ приходится просто сослаться на извѣстный фактъ, еще не под-

дающійся научному объясненію. Таковъ именно случай и съ субъективнымъ факторомъ. Черезъ весь процессъ исторіи проходитъ какъ-бы параллельною нитью органическое развитіе психическихъ свойствъ самого человѣка; въ каждый отдѣльный моментъ эти свойства являются однимъ изъ опредѣляющихъ факторовъ и вносятъ опредѣленную субъективную окраску въ историческую дѣйствительность. Послѣдняя была такой-то, а не иной въ данный моментъ и при данныхъ обстоятельствахъ, потому что люди этого момента чувствовали, думали и хотѣли такъ, а не иначе; другими словами, потому что они стояли на такой-то, а не иной ступени человѣческаго развитія. Вотъ все, что можно сказать, при данномъ состояніи науки, объ этой сторонѣ происхожденія той или другой формы общественной жизни, и вотъ почему внесеніе этого субъективнаго элемента въ исторію необходимо для сколько-нибудь полнаго пониманія ея. Но г. Милюкову такое вторженіе субъективизма представляется какой-то метафизикой; по его мнѣнію, это значитъ предполагать „свободную иниціативу отдѣльной человѣческой личности“, ставить закономѣрный историческій процессъ въ зависимость отъ воли человѣка. Эту волю онъ не признаетъ активнымъ началомъ въ исторіи; она можетъ фигурировать въ исторической наукѣ только, какъ производная отъ другихъ, *объективныхъ* факторовъ исторіи, которые одни придаютъ искомую закономѣрность общественной жизни. Но посмотримъ же, насколько выигрываетъ отъ этого полнота историческаго объясненія.

Въ одномъ изъ очерковъ г. Милюкова дѣло идетъ о происхожденіи всемогущаго Московскаго государства XIV—XV вѣка. „Несомнѣнно, стало быть,—говоритъ авторъ, резюмируя свою мысль,—что сильное русское государство было продуктомъ экономической неразвитости; но столь же несомнѣнно, что продуктъ этотъ могъ получиться только при наличности нѣкоторыхъ внѣшнихъ условій, существенно повліявшихъ на народную жизнь“. Этими внѣшними условіями было сосѣдство хищниковъ, окружавшихъ со всѣхъ сторонъ Московское государство.

Итакъ, вотъ элементы историческаго процесса, введенные авторомъ въ объясненіе происхожденія „московской диктатуры“: уровень экономическаго развитія и внѣшняя опасность. Въ нашей первой статьѣ мы указывали на отсутствіе въ этомъ теоретическомъ построеніи психическаго фактора, обусловившаго собою *внутреннюю необходимость* данной формы государства,—на отсутствіе тѣхъ чувствъ, того общественнаго міросозерцанія, на которыхъ, въ концѣ концовъ, и держалась эта форма государственной обороны, очень неудовлетворительная сама по себѣ, но соотвѣтствовавшая данному уровню развитія личности. Мы нахо-

дили объясненіе г. Милюкова *слишкомъ объективнымъ*, потому что оно удовлетворяется тѣмъ, что ставитъ процессъ образованія всемогущаго государства въ непосредственную причинную связь *съ внѣшними условіями*, вызвавшими неотложную потребность въ военной защитѣ. Связующимъ звеномъ между этими внѣшними условіями и созданною ими формою государства является въ объясненіи г. Милюкова нѣчто отвлеченное: неотложная потребность въ военной защитѣ, какъ общественная необходимость. Но такъ какъ общественная необходимость еще не есть *общественная сила*, то такая постановка вопроса напомнила намъ пресловутое объясненіе происхожденія восточныхъ деспотій общественною необходимостью въ сооруженіи плотинъ и осушеніи дельтъ. Стремленіе къ объективизму приводитъ здѣсь къ своего рода телеологіи.

Г. Милюковъ отстраняетъ этотъ упрекъ. Давая теперь дальнѣйшее разъясненіе своей мысли, онъ говоритъ, что не предполагалъ воздѣйствія на процессъ исторіи „общественной необходимости" какъ метафизическаго фактора, и вовсе не отрицалъ роли общественной психики; онъ предполагалъ только, „что нашлось достаточно сознательности среди русскихъ представителей власти XV вѣка, чтобы приспособить и даже форсировать наличныя средства страны въ видахъ заразъ и собственнаго, и общественнаго самосохраненія" („Міръ Божій", янв. 1900 г., стр. 10).

Такимъ образомъ, мы имѣемъ теперь комментарій самого автора къ тѣмъ его словамъ, которыми онъ формулировалъ историческую необходимость возникновенія московской диктатуры и которыя вызвали наше недоумѣніе. Авторъ снова приводитъ эти слова въ своемъ возраженіи, и мы также напомнимъ ихъ читателю: „Такимъ образомъ, говоритъ г. Милюковъ, благодаря настоятельнымъ государственнымъ потребностямъ и создалось всемогущее государство на самой скудной матеріальной основѣ; вслѣдствіе самой этой скудности, оно должно было напрягать всѣ силы своего населенія, а чтобы распоряжаться всѣми силами его, оно и должно было сдѣлаться всемогущимъ".

Мы видимъ, что комментарій г. Милюкова къ этимъ словамъ дѣйствительно устраняетъ изъ его объясненія метафизическій характеръ; безличное государство, которое „должно было сдѣлаться всемогущимъ", замѣнено теперь представителями власти, у которыхъ „нашлось достаточно сознательности"; такимъ образомъ, въ историческое объясненіе введенъ теперь психическій элементъ. Но въ какомъ же видѣ введенъ этотъ элементъ? Извѣстная группа носителей общественнаго сознанія почувствовала, подъ давленіемъ внѣшнихъ условій, необходимость направить всѣ скудныя силы населенія на внѣшнюю оборону и даже форсировать наличныя средства страны; и вотъ, съ этою цѣлью, эта группа представителей власти закрѣпощаетъ всѣ слои русскаго населенія,

налагаетъ на нихъ тяжелый гнетъ государственной службы. Такимъ образомъ, создается своеобразный государственный строй, своеобразная форма всемогущей правительственной диктатуры Но, спрашивается, объясняется-ли всѣмъ этимъ самое происхожденіе послѣдней? Даетъ-ли все это удовлетворительный отвѣтъ на неизбѣжный вопросъ о причинахъ, вызвавшихъ на Руси появленіе самой группы носителей общественнаго сознанія, обладавшихъ въ XV вѣкѣ неограниченною властью? Мы думаемъ, что не даетъ и что въ дополнительныхъ разъясненіяхъ г. Милюкова не находится на этотъ счетъ никакихъ новыхъ указаній; единственною выставленною имъ причиною возникновенія московской диктатуры попрежнему остается внѣшняя опасность и необходимость военной защиты, т. е. чисто объективные факторы, какъ-бы создающіе извѣстную форму государства. Введенный авторомъ психическій элементъ объясняетъ лишь *функціонированіе*, а не происхожденіе даннаго общественнаго строя. Представители московской власти являются въ этомъ объясненіи уже облеченными диктатурой и путемъ этой диктатуры форсируютъ наличныя средства страны въ видахъ собственнаго и общественнаго самосохраненія. Вопросъ же о происхожденіи этой всемогущей государственной власти попрежнему остается открытымъ, если только не предполагать въ самой общественной опасности и необходимости наличности творческихъ общественныхъ силъ. Авторъ, очевидно, самъ понимаетъ недостаточность, неполноту своего объясненія и потому относитъ, какъ онъ говоритъ, всѣ свои „сужденія о цѣлесообразности русской политической эволюціи“ не къ XIV, а къ XV вѣку („Міръ Божій“, стр. 13). Но этою оговоркою онъ только констатируетъ пробѣлъ въ своей теоріи, согласно которой „Московское государство явилось продуктомъ черезчуръ высокихъ государственныхъ требованій, предъявленныхъ къ черезчуръ неразвитому экономически населенію“. („Міръ Божій“, янв 1900 г., стр. 8). Чтобы сдѣлать эту формулировку достаточной, слѣдовало-бы прибавить: „...при наличности правительственной диктатуры“. Черезчуръ высокія государственныя требованія, это—данныя внѣшнія условія, сосѣдство хищныхъ народовъ; черезчуръ неразвитое экономически населеніе, это, по мнѣнію автора, первичный историческій фактъ, не подлежащій объясненію; ну, а наличность неограниченныхъ представителей власти въ Московскомъ государствѣ конца XV вѣка? Вѣдь это и есть главная, основная черта разсматриваемаго политическаго строя; въ ней сконцентрировалась вся суть разсматриваемыхъ политическихъ отношеній; гдѣ же ея объясненіе?

Такова была основная мысль нашей первой критической замѣтки. Возражая на нее, авторъ „вполнѣ соглашается“ съ нами,

что московское самодержавіе было подготовлено длиннымъ процессомъ, въ основѣ котораго лежала не общая идея о необходимости сильнаго государства, а частныя, своекорыстныя стремленія враждовавшихъ между собою князей, и что сами московскіе великіе князья могли ставить общегосударственныя задачи своей политикѣ. только послѣ того, какъ въ ихъ рукахъ уже скопились достаточныя для того силы; авторъ „безусловно признаетъ, что начало процесса было вполнѣ стихійнымъ или, если угодно, лежало въ области чисто субъективныхъ интересовъ и стремленій". Всѣми этими оговорками авторъ какъ-бы становится на нашу точку зрѣнія и самъ подтверждаетъ наличность указаннаго нами пробѣла въ его объясненіи; но тѣмъ не менѣе онъ все-же продолжаетъ отстаивать свою прежнюю точку зрѣнія.

„Это не мѣшаетъ намъ не видѣть, читаемъ мы дальше, ни въ процессѣ борьбы, ни въ его результатахъ—ничего случайнаго, а считать то и другое проявленіемъ внутренней тенденціи, необходимо присущей процессу политической эволюціи вездѣ, гдѣ этотъ процессъ имѣетъ возможность совершиться. Мы не отрицаемъ ни „субъективныхъ стремленій", ни „страстей", развившихся „въ этой смутной, тяжелой и часто трагической исторіи" образованія русскаго государства. Но такъ какъ мы ищемъ въ данномъ случаѣ соціологической истины, а не нравственнаго назиданія, то совершенно естественно, что мы обратили все свое вниманіе не на элементы „трагизма", несомнѣнно существовавшіе, а на элементы строгой общественной необходимости" („Міръ Божій", янв. 1900 г., стр. 13; въ ковычкахъ авторъ цитируетъ наши выраженія).

Мы съ своей стороны также думаемъ, что ищемъ соціологической истины и во имя ея защищаемъ значеніе трагическаго элемента въ исторіи. Почему авторъ полагаетъ, что элементы трагизма лишь отвѣчаютъ какой-то строгой общественной необходимости и потому могутъ быть безнаказанно выброшены за бортъ науки, какъ нѣчто придаточное? Что это за строгая общественная необходимость, передъ лицомъ которой „субъективныя стремленія" и „страсти", какъ факторы исторіи, суть ничтожныя величины?

Къ сожалѣнію, на все это мы не находимъ удовлетворительнаго отвѣта въ возраженіи г. Милюкова. Правда, въ заключительныхъ словахъ этого возраженія онъ говоритъ о томъ, что значительность роли историческихъ дѣятелей объясняется, по его мнѣнію, „не столько тѣмъ сравнительнымъ просторомъ, который предоставляется исторіей субъективному фактору, какъ таковому, сколько той *цѣлесообразностью* ихъ дѣйствій, т. е. соотвѣтствіемъ ихъ условіямъ данной эпохи, которое только и могло обезпечить этимъ дѣйствіямъ сравнительный просторъ".

Этими словами авторъ, очевидно, хочетъ еще разъ указать на подчиненную роль субъективнаго фактора въ исторіи, но дѣлаетъ

это въ столь неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что вопросъ снова возвращается къ своей исходной точкѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ это „соотвѣтствіе дѣйствій условіямъ данной эпохи“? О какихъ условіяхъ говоритъ авторъ?

По всей вѣроятности онъ говоритъ опять-таки о внѣшней опасности и необходимости военной зищиты. Если бы московскіе правители захотѣли, напримѣръ, сосредоточить всѣ силы государства на распространеніи наукъ или введеніи интенсивной земледѣльческой культуры, то ихъ усилія были-бы не цѣлесообразны и не достигли бы ничего; условія эпохи заставили бы ихъ заботиться прежде всего о внѣшней защитѣ, подъ угрозою гибели государства. Но, быть можетъ, авторъ имѣетъ въ виду также и внутреннія условія тогдашней русской жизни, психику самихъ московскихъ правителей и всего населенія? Естественно, что роль московскихъ правителей была ограничена ихъ собственнымъ психическимъ кругозоромъ, изъ котораго они не могли выйти и который придавалъ опредѣленный характеръ всей ихъ дѣятельности; съ другой стороны, если бы намѣренія и распоряженія московской власти наталкивались на непривычку повиноваться, не поддерживались бы угнетеннымъ политическимъ чувствомъ и религіозными вѣрованіями населенія, то ей опять-таки не удалось бы достигнуть своей цѣли; а такъ какъ она достигла ея, то это значитъ, что ея дѣйствія соотвѣтствовали внѣшнимъ и внутреннимъ условіямъ данной эпохи. Въ этомъ смыслѣ положеніе г. Милюкова, конечно, безспорно. Но что же оно доказываетъ? При первомъ предположеніи, т. е. если рѣчь идетъ только о внѣшней опасности, по прежнему остается необъясненнымъ, *откуда явилась* та общественная власть, которая могла направить жизнь государства по цѣлесообразному пути? Что всѣ наличныя силы страны должны были направиться на военную оборону—это понятно, это объясняется давленіемъ внѣшнихъ условій; но происхожденіе и характеръ самой направляющей диктатуры остается попрежнему загадкой. Почему эта общественная диктатура явилась въ такой именно формѣ, а не въ другой? Это не опредѣляется тѣмъ внѣшнимъ факторомъ, которому г. Милюковъ приписываетъ первостепенную роль въ образованіи государствъ и который, по его словамъ, „такъ же распространенъ, какъ зародыши всевозможныхъ болѣзней въ окружающей атмосферѣ“, такъ что „дѣйствительный процессъ политической эволюціи всегда и вездѣ совершался при наличности этого фактора, внѣшней опасности, воздѣйствовавшаго на внутреннюю эволюцію власти“ („Міръ Божій“, янв. 1900 г., стр. 12 *).

*) Въ этомъ подчеркиваніи огромнаго значенія междуплеменной вражды на ходъ политической эволюціи, намъ пріятно констатировать крупное разногласіе между взглядами г. Милюкова на происхожденіе государства и взглядами экономической школы.

Уже изъ одного того, что политическая жизнь всегда и вездѣ происходила при наличности внѣшней опасности, очевидно, что одной послѣдней недостаточно для объясненія всего разнообразія политическихъ формъ и, въ частности, той конкретной исторической формы, въ какой проявилась дѣятельность московской власти; очевидно, что „историческая необходимость“, понимаемая какъ внѣшняя опасность, оставляетъ широкій просторъ субъективному фактору, какъ таковому. Отъ того, каковы составные элементы этого фактора, будетъ зависѣть и то, какую конкретную форму получитъ государственная жизнь въ данный моментъ, при „условіяхъ данной эпохи“. Если же подъ послѣдними авторъ понимаетъ и самые составные элементы субъективнаго фактора, то въ такомъ случаѣ онъ не доказываетъ того, что хотѣлъ доказать. Желая доказать, что въ поискахъ за соціологической истиной можно оставить въ сторонѣ субъективныя стремленія и страсти, сосредоточивъ все вниманіе на тѣхъ условіяхъ данной эпохи, которыми опредѣляется ихъ роль, авторъ вводитъ, въ концѣ концовъ, въ составъ этихъ условій и свойства самого субъективнаго фактора, на которыхъ слѣдовательно также должно быть сосредоточено вниманіе изслѣдователя.

Да и какъ же изслѣдователю не удѣлить вниманія основнымъ психическимъ чертамъ данной эпохи? Вѣдь ими именно и опредѣляется то, въ какой формѣ отразятся внѣшнія условія на государственной жизни. Вѣдь только данными субъективными свойствами русскихъ людей XIV—XV вѣковъ, напримѣръ, объясняется внутренній механизмъ Московскаго государства; только они придаютъ характеръ исторической необходимости тому, что было своеобразнаго въ этой общественной организаціи. Царствованіе Ивана Грознаго было возможно только на извѣстной психической почвѣ; только ею поддерживалось то внутреннее могущество Московскаго государства, которое казалось такимъ безпредѣльнымъ; когда эта почва поколебалась, наступила „великая разруха“, послѣ которой московская диктатура уже не могла возстановиться во всемъ своемъ объемѣ. Государство по прежнему напрягало всѣ свои силы на внѣшнюю защиту, какъ оно дѣлаетъ это и по настоящее время, но формы политической жизни уже измѣнились; произошла извѣстная эволюція этихъ формъ.

Но если это такъ, т. е. если данная форма государственной жизни поддерживается не только внѣшними, но и внутренними условіями данной эпохи, т. е. главнѣйшими составными элементами субъективнаго фактора, то очевидно, что для того, чтобы понять происхожденіе данной формы государства, надо объяснить происхожденіе поддерживающихъ ее психическихъ свойствъ; а можно ли объяснить это происхожденіе, оставляя въ сторонѣ „элементы трагизма“ въ исторіи? Можно-ли, напримѣръ, объяснить субъективное настроеніе русскаго населенія XIV—XV вѣка, не

принявъ въ соображеніе того, что было смутнаго, тяжелаго и часто трагическаго въ исторіи образованія Московскаго государства? Подъ вліяніемъ какихъ-же другихъ элементовъ историческаго процесса сложилось политическое міросозерцаніе правителей и населенія Московскаго государства? Очевидно, слѣдовательно, что не только въ видахъ „нравственнаго назиданія", но также и въ интересахъ науки изслѣдователь не долженъ игнорировать субъективную сторону историческихъ явленій.

Игнорированіемъ этой именно стороны дѣла и объясняется указанный нами пробѣлъ въ теоретическомъ построеніи г. Милюкова. Кромѣ того, стараясь обусловить роль субъективнаго фактора въ исторіи „строгою общественною необходимостью", авторъ въ сущности уничтожаетъ тотъ „сравнительный просторъ", который предоставляется и по его мнѣнію этому фактору самою природою вещей, и въ предѣлахъ котораго остается мѣсто для сознательной общественной дѣятельности.

Авторъ говоритъ, что онъ признаетъ этотъ сравнительный просторъ, но лишь въ той мѣрѣ, въ какой стремленія и интересы историческихъ дѣятелей не идутъ въ разрѣзъ *съ внутренней тенденціей даннаго историческаго процесса* („Міръ Божій", янв. 1900 г. стр. 12). Здѣсь мы встрѣчаемся съ новымъ пунктомъ нашихъ разногласій. Объ этихъ „основныхъ, всюду одинаковыхъ тенденціяхъ историческаго процесса" авторъ упоминаетъ и въ своемъ предисловіи къ первой части „Очерковъ". Намъ уже приходилось въ одной изъ статей („Русское Бог.," 1899 г., сентябрь) возражать г. Милюкову по этому поводу. Дѣло въ томъ, что авторъ разсматриваетъ эту основную закономѣрную тенденцію, какъ „одинъ изъ факторовъ историческаго процесса", отдѣляя ее отъ той среды, въ которой она осуществляется. Мы только что видѣли, что онъ отдѣляетъ ее также и отъ стремленій и интересовъ главнѣйшихъ историческихъ дѣятелей, такъ какъ предполагаетъ, что эти стремленія и интересы могутъ идти въ разрѣзъ или по одному направленію съ внутренней тенденціей историческаго процесса. Мы очень жалѣемъ, что авторъ не коснулся подробнѣе этого пункта и не выяснилъ съ бо̀льшею опредѣленностью, что̀ именно онъ понимаетъ подъ этой внутренней или основной закономѣрной тенденціей общественной жизни.

Въ нашемъ же представленіи эта тенденція неразрывно связана съ эволюціей самого субъективнаго фактора. Если можно прослѣдить какое-нибудь общее направленіе въ ходѣ историческаго процесса, то оно обусловленно именно общимъ направленіемъ въ развитіи человѣческой личности. Поэтому „сравнительный просторъ", предоставляемый исторіей субъективному фактору, не можетъ, въ нашихъ глазахъ, быть поставленъ въ зависимость отъ столкновенія субъективныхъ стремленій съ внутренней тенденціей исторіи, какъ самостоятельнымъ факторомъ, тѣмъ болѣе, если рѣчь

идетъ о „главнѣйшихъ историческихъ дѣятеляхъ“. Мы понимаемъ этотъ просторъ въ смыслѣ неполной обусловленности исторической необходимости причинами, не лежащими въ самомъ человѣкѣ. Исторія свободна въ своемъ движеніи отъ обусловливающихъ это движеніе объективныхъ рамокъ, поскольку она продуктъ самого человѣка. Въ концѣ концовъ, она можетъ идти только по одному пути, но одною изъ опредѣляющихъ этотъ путь является субъективный факторъ. Въ этомъ именно смыслѣ мы и говорили о „сравнительномъ просторѣ“ и объ открывающейся для людей возможности общественной дѣятельности.

Г. Милюковъ спрашиваетъ насъ: — „Какъ же понимаетъ“— критикуемое нами воззрѣніе *„передаточную роль* человѣческой психики, если не въ формѣ государственныхъ реформъ и общественной дѣятельности?“

Мы надѣемся, что изъ всего вышесказаннаго легко увидѣть въ чемъ заключается несходство нашихъ взглядовъ.

Согласно критикуемому нами воззрѣнію, государственныя реформы и общественная дѣятельность обусловлены, во-первыхъ, внѣшними причинами, а во-вторыхъ, *степенью сознательности* дѣятелей, т. е. ихъ способностью отдать себѣ отчетъ въ наличности и характерѣ этихъ причинъ. Такъ, мы видѣли, что въ такомъ именно смыслѣ опредѣляется г. Милюковымъ роль общественной психики въ построеніи Московскаго государства: все дѣло заключалось, по его мнѣнію, лишь въ томъ, что среди русскихъ представителей власти *нашлось достаточно сознательности,* чтобы приспособить жизнь государства къ окружающимъ внѣшнимъ условіямъ. Въ этомъ смыслѣ роль человѣческой психики въ исторіи можетъ быть названа передаточной; формы общественной жизни являются, съ этой точки зрѣнія, уже какъ бы предустановленными внѣшними причинами, дѣйствующими черезъ посредство субъективнаго фактора.

Согласно нашему взгляду, помимо этой передаточной роли, человѣческая психика, въ формѣ развивающихся психическихъ свойствъ, въ формѣ накопленной умственной и эмоціональной энергіи, накладываетъ свой собственный отпечатокъ на общественную жизнь и является въ ней *самостоятельною общественною силою.*

Согласно критикуемому нами воззрѣнію, цѣлесообразная общественная дѣятельность, какъ опредѣляемая „строгою общественною необходимостью“ и затѣмъ несовсѣмъ понятною для насъ „внутреннею тенденціею историческаго процесса“, можетъ идти только по одному направленію.

Согласно нашему взгляду, цѣлесообразная общественная дѣятельность, т. е. дѣятельность, оставляющая слѣды и приносящая результаты, можетъ идти одновременно по разнымъ направленіямъ, соотвѣтственно различнымъ составнымъ элементамъ сложнаго субъ-

ективнаго фактора. Наряду съ историческою ролью, скажемъ, Ивана III или Іосифа Волоцкого пробивается другое теченіе, воплощенное въ Нилѣ Сорскомъ или Максимѣ Грекѣ; наряду съ государственною дѣятельностью, скажемъ, Екатерины Великой, пробивается теченіе, представляемое Николаемъ Новиковымъ, и т. д. Мы хорошо знаемъ, конечно, что г. Милюковъ не отрицаетъ исторической роли Нила Сорскаго или Николая Новикова; но мы думаемъ, что для нея не оставлено достаточно мѣста въ его общихъ историческихъ построеніяхъ.

П. Батинъ.

Новыя книги.

Владиміръ Соловьевъ. Стихотворенія. Изданіе третье, дополненное. Спб. 1900.

Красивая и импозантная фигура сошла съ литературной арены...

Владиміръ Соловьевъ обладалъ рѣшительно всѣми данными, какія только можно вообразить, для того, чтобы привлекать къ себѣ вниманіе публики: массой разнородныхъ талантовъ и знаній (онъ былъ богословъ, философъ, публицистъ, ораторъ, поэтъ, критикъ и даже юмористъ), оригинальнымъ сочетаніемъ въ одной личности—мистика-аскета съ свободнымъ мыслителемъ, борцомъ за свѣтъ и просторъ. Одно время онъ числился даже въ рядахъ пострадавшихъ за гражданскія убѣжденія... Наконецъ, и наружность у него была въ высшей степени эффектная, благородная... И не одинъ разъ имя Владиміра Соловьева окружалъ шумъ успѣха или, по крайней мѣрѣ, удивленія.

Къ сожалѣнію, причины, вызывавшія этотъ шумъ, были не однородны и неравноцѣнны. Лѣтъ двадцать назадъ голосъ его вызвалъ сочувствіе передовой части тогдашняго русскаго общества, а не дальше, какъ въ началѣ текущаго года онъ нашумѣлъ сказаніемъ объ антихристѣ... Противорѣчіе шло за противорѣчіемъ. Глубоко начитанный богословъ, знавшій даже древне-еврейскій языкъ, вѣрный сынъ православія, Соловьевъ серьезно мечталъ о соединеніи церквей подъ верховнымъ владычествомъ римскаго папы. Христіанинъ и гуманный мыслитель, горячій противникъ смертной казни, онъ выступалъ убѣжденнымъ апологетомъ войны, т. е. массоваго убійства людей, и въ предсмертномъ стихотвореніи, посвященномъ императору Вильгельму, заявилъ, что „крестъ и мечъ—

одно". Антинаціоналистъ и всечеловѣкъ, въ китайскомъ вопросѣ онъ не обнаружилъ, однако, философскаго безпристрастія. Нанеся рядъ жестокихъ ударовъ друзьямъ отечественнаго регресса и мракобѣсія, въ другихъ случаяхъ онъ относился къ нимъ терпимо и даже любовно.

Двухъ становъ не боецъ, а только гость случайный,—

могъ-бы сказать онъ о себѣ словами Ал. Толстого,—

За правду я бы радъ поднять мой добрый мечъ,
Но споръ съ обоими—досель мой жребій тайный,
И къ клятвѣ ни одинъ не могъ меня привлечь!
Союза полнаго не будетъ между нами...

Безконечныя противорѣчія заходили даже въ нейтральную область поэзіи: ведя остроумную и побѣдоносную борьбу съ россійскими „символистами", самъ Соловьевъ писалъ, однако, стихи, символичности которыхъ нерѣдко могли-бы позавидовать и его противники...

И вотъ, большой публикѣ часто казалось, что Вл. Соловьевъ— правда, очень талантливый, но крайне неуравновѣшенный писатель, сегодня способный съ жаромъ отстаивать одно, а завтра совсѣмъ другое, чуть не противоположное мнѣніе. Трудно сейчасъ рѣшить, насколько права или близорука была публика, хотя кое-гдѣ и встрѣчаются уже попытки доказать, что всѣ кажущіяся противорѣчія въ писательской дѣятельности Соловьева были, въ сущности, не противорѣчіями, а, такъ сказать, направленными въ разныя стороны лучами одного и того-же солнечнаго ядра, сложной душевной организаціи, организаціи *бойца* по преимуществу. Подчеркивается при этомъ то не подлежащее сомнѣнію обстоятельство, что при всѣхъ частныхъ видоизмѣненіяхъ мысли, при всѣхъ увлеченіяхъ и даже заблужденіяхъ чувства Соловьевъ неизмѣнно, въ теченіе всей своей жизни, оставался вѣрнымъ,— и не пассивно только, но активно вѣрнымъ — идеѣ свободы во всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ, свободы мысли, совѣсти, слова. Это его великая, конечно, заслуга,—и русская литература объ ней не забудетъ. И однако, за всѣмъ тѣмъ, „кажущіяся" непослѣдовательности такъ рѣзко бросались въ глаза, что примирить ихъ очень и очень нелегко; онѣ-то и были, разумѣется, тѣмъ главнымъ тормазомъ, который мѣшалъ Соловьеву, при всѣхъ блестящихъ данныхъ, пріобрѣсти широкую и прочную популярность. Читатель никогда не видѣлъ *центральнаго нерва* его писательской дѣятельности, основной идеи, руководившей его многостороннимъ, но мятущимся талантомъ.

Впрочемъ, здѣсь мы имѣемъ въ виду высказаться только о стихахъ покойнаго философа, не принадлежавшихъ, къ тому же, къ самымъ яркимъ лучамъ его богато одаренной натуры. Однако

и тутъ съ самаго начала возникаетъ вопросъ: почему, обладая несомнѣннымъ, хоть и не крупнымъ, поэтическимъ даромъ, Соловьевъ, какъ поэтъ, пользовался такой скромной извѣстностью? Книжка его стиховъ выдержала, правда, цѣлыхъ три изданія, но и критика, и публика всегда глядѣли на эти стихи, какъ на стихи диллетанта, въ обзорахъ современной поэзіи имя Владиміра Соловьева не упоминалось; существовало какъ-бы безмолвное соглашеніе, что успѣхъ этотъ своего рода succès d'estime...

Дѣло въ томъ, что въ стихахъ Соловьева не только не чувствовалось яркой поэтической индивидуальности (они постоянно сбивались то на Тютчева, то на Хомякова, то даже на Гейне), но, какъ во всей его дѣятельности, оставалось не вполнѣ яснымъ и то, что выше назвали мы центральнымъ нервомъ, если не считать, конечно, тяготѣнія къ мистикѣ и метафизикѣ. Обычная неуравновѣшенность мысли даетъ себя и здѣсь чувствовать, и притомъ иногда довольно курьезно. Такъ, въ предисловіи къ книжкѣ авторъ не безъ гордости указываетъ, что стихи его не служили *„ни единымъ словомъ* простонародной Афродитѣ“, и что это единственное неотъемлемое достоинство, какое онъ можетъ и долженъ за ними признать. И однако, что же мы видимъ? Въ той же книжкѣ стиховъ напечатаны слѣдующія двѣ пьески „Изъ Гафиза“:

1.

Если-бъ вѣдалъ умъ, какъ сладко
Жить сердцамъ въ плѣну кудрей,
Поспѣшилъ-бы онъ, конечно,
Самъ съ ума сойти скорѣй.

2.

Языковъ такъ много, много!
И во всѣхъ звучитъ одно:
По-ромейски, по-фарсійски—
Вѣрь въ любовь и пей вино!

Но это, конечно, мелочи, хотя и характерныя. Стихи Соловьева не потому кажутся публикѣ скучными, что это философскіе стихи (философская поэзія часто пользуется у насъ шумной популярностью), но единственно по причинѣ самого характера ихъ философіи, оторванной отъ жизни, метафизичной, туманной...

Прежде всего отмѣтимъ, однако, безспорно поэтическія и симпатичныя ноты. Въ первомъ ряду стоятъ здѣсь стихотворенія, посвященныя природѣ, преимущественно бѣдной и суровой природѣ Финляндіи, къ озерамъ и скаламъ которой аскетически настроенная муза нашего поэта-философа чувствовала чисто родствен-

ное влеченіе. Назовемъ нѣсколько прекрасныхъ пьесокъ, вдохновленныхъ озеромъ Саймой („Тебя полюбилъ я, красавица нѣжная“, „Вся ты закуталась шубкой пушистою“), „Шумъ далекій водопада“, „Колдунъ-Камень“, „По дорогѣ въ Упсалу“. Въ видѣ образчика выпишемъ послѣднее стихотвореніе:

Гдѣ ни взглянешь—всюду камни,
Только камни да сосна...
Отчего-же такъ близка мнѣ
Эта бѣдная страна?
Здѣсь съ природой въ вѣчномъ спорѣ
Человѣка духъ растетъ
И съ бушующаго моря
Небесамъ свой вызовъ шлетъ.
И средь смутныхъ очертаній
Этихъ каменныхъ высотъ
Въ блескѣ сѣверныхъ сіяній
Къ царству духовъ виденъ входъ.
Знать, не даромъ изъ Кашмира
И съ полуденныхъ морей
Въ этотъ край съ начала міра
Шли толпы богатырей!

И вотъ еще нѣсколько строчекъ:

Если воздухъ прозрачный доноситъ порой
Дѣтскій крикъ иль бубенчики стада,—
Здѣсь и самые звуки звучатъ тишиной,
Не смущая безмолвной отрады.
Такъ остаться-бъ навѣкъ—и свѣтло, и тепло
Здѣсь, на чистомъ нетающемъ снѣгѣ.
Злая память и скорбь—все куда-то ушло,
Все расплылось въ чарующей нѣгѣ.

Поэтиченъ этотъ мягкій способъ живописанія природы, хотя, понятно, въ немъ нѣтъ ничего оригинальнаго. Тютчевская манера доходитъ здѣсь даже до усвоенія тютчевскаго эпитета „злой“ („злая жизнь“, „злая память“). Мечтательно-нѣжныя, скорбныя настроенія тоже находятъ у Соловьева удачную форму. Мелодично и трогательно стихотвореніе „Сонъ на яву“, гдѣ, ступая по глубокому снѣгу, поэтъ одиноко бредетъ въ пустынѣ, направляясь къ „загадочной цѣли“, и слышитъ таинственный голосъ:

Конецъ уже близокъ, нежданное сбудется вскорѣ!

Нѣжно звучатъ и стихотворенія, посвященныя воспоминанію о невозвратномъ быломъ.

Бывшія мгновенія поступью беззвучною
Подошли и сняли вдругъ покрывала съ глазъ.
Видятъ что-то вѣчное, что-то неразлучное,—
И года минувшіе, какъ единый часъ!

Не объ утраченныхъ друзьяхъ скорбитъ поэтъ,—

. . . . . О нѣтъ, они вернутся!
Того мгновенья жаль, что сгибло навсегда.
Его не воскресить, и медленно влекутся
За мигомъ вѣчности тяжелые года.

Это кроткое, мечтательное настроеніе роднитъ Владиміра Соловьева съ Жуковскимъ, и многіе отдѣльные стихи его, (напр., „Не вѣрь мгновенному, люби и не забудь"!), точно будто, написаны поэтомъ-романтикомъ 20-хъ годовъ.

Отчего же день расцвѣта
Для меня печали день?
Отчего на праздникъ свѣта
Я несу ночную тѣнь?
Съ пробудившейся весною
Разлученъ, въ нѣмой странѣ
Кто - то съ тяжкою тоскою
Шепчетъ: вспомни обо мнѣ!

Развѣ, читая эти стихи, вы не вспоминаете тотчасъ же „Жалобу Цереры"?

Но пусть это явное подражаніе: все же передъ нами неподдѣльная поэзія. Она и давалась Соловьеву всякій разъ, когда самъ онъ, не мудрствуя лукаво, отдавался непосредственнымъ влеченіямъ сердца и, спускаясь съ заоблачныхъ высотъ аскетизма и мистики, чувствовалъ себя не платоновской идеей, а человѣкомъ, сыномъ земли.

И тогда онъ жизнерадостно восклицалъ:

Владычица—Земля! Твоя краса нетлѣнна
И свѣтлый богатырь безсмертенъ и могучъ!

Мечтательность сама по себѣ не вредитъ поэтамъ—она вѣдь законный элементъ человѣческой природы; у Соловьева же мечтательность эта осмысливалась и озарялась неустаннымъ стремленіемъ къ истинѣ, возвышеннымъ исканіемъ красоты и правды жизни.

Если желанья бѣгутъ, словно тѣни,
Если обѣты—пустыя слова,
Стоитъ ли жить въ этой тьмѣ заблужденій,
Стоитъ ли жить, если правда мертва?
. . . .
Жизнь—только подвигъ, и правда живая
Свѣтитъ безсмертьемъ въ истлѣвшихъ гробахъ.

Вотъ истинное призваніе неяркой, мало самостоятельной, но все же симпатичной музы Соловьева: быть рыцаремъ „живой правды"... Но, къ сожалѣнію, поэтъ былъ задавленъ въ немъ метафизикомъ и резонеромъ. Кто пойметъ и объяснитъ „Пѣсню

офитовъ"? Какой ребусъ скрывается въ стихотвореніи „Зачѣмъ", на которое въ свое время не безъ злорадства указывали автору осмѣянные имъ символисты? „Эфирныхъ волнъ созвучныя струи" несутъ здѣсь къ порогу какой-то красавицы „желаній пламень бурный", и она „отряхаетъ (?), тоскуя и любя, тяжкій сонъ житейскаго сознанья"... И такихъ стихотвореній у Владиміра Соловьева множество; для уразумѣнія ихъ смысла необходимы по меньшей мѣрѣ пространные комментаріи, но комментаріи... вѣдь это—могила поэзіи! Что такое, какъ не та же декадентская вычурность, такія (довольно частыя у Соловьева) выраженія, какъ „зыбкая насыпь надеждъ и желанія", названіе цвѣтовъ „бѣлыми думами, живущими у завѣтныхъ тропинокъ души" и т. п.? „Философскіе" стихи Соловьева большею частью совершенно непонятны „толпѣ" и потому не производятъ ни малѣйшаго впечатлѣнія. Другія мудрствованія, напротивъ, черезчуръ банальны и не кажутся такими развѣ потому только, что выражены въ туманной формѣ.

Вообще въ отношеніи формы (не смотря на отдѣльныя удачныя выраженія, способныя стать „крылатыми") Владиміръ Соловьевъ очень слабъ. Объясняется это, быть можетъ, тѣмъ, что онъ, сравнительно, поздно началъ писать и печатать стихи. У него нерѣдкость такія тяжеловѣсные вирши:

Восторгъ души—разсчетливымъ обманомъ
И рѣчью рабскою—живой языкъ боговъ,
Святыню музъ—шумящимъ балаганомъ
Онъ *замѣнилъ* и обманулъ глупцовъ.

или—еще:

И если нѣкогда надъ этими гробами
Нежданно прозвучитъ призывный голосъ твой,
Лишь отзвукъ каменный застывшими волнами
О той пустынѣ, что лежитъ межъ нами,
Тебѣ пошлетъ отвѣтъ холодный и нѣмой.

Обычное смѣшеніе въ одной и той же пьесѣ пяти и шестистопнаго ямба также не придаетъ особой музыкальности его стиху. Форма часто настолько владѣетъ нашимъ поэтомъ, что у него встрѣчаются такіе курьезы, какъ: „дождались *меня* бѣлыя ночи"; и даже въ одномъ изъ лучшихъ стихотвореній („Въ туманѣ утреннемъ"), обошедшемъ чуть-ли не всѣ посмертныя характеристики Соловьева, есть неуклюжее выраженіе „душа, *схваченная* снами"...

Упрямая склонность, во что бы то ни стало, философствовать и резонировать губитъ у поэта-Соловьева даже и несомнѣнно сильныя, непосредственныя чувства. У насъ нѣтъ, напр., никакого права усомниться въ томъ, что темою „Трехъ свиданій" было „самое значительное изъ того, что случилось съ нимъ въ жизни" (слова его собственнаго признанія), но вышла у него изъ

этой темы, какъ говорится, одна печаль... Написать серьезную „философскую“ поэму не хватило, очевидно, поэтическихъ средствъ, и онъ попробовалъ внести элементъ шутки. Идея сама по себѣ очень странная — шутить по поводу „самаго значительнаго въ жизни“, но и шутка-то вышла плоская, не остроумная. То же слѣдуетъ сказать и объ извѣстномъ „Словѣ увѣщательномъ къ морскимъ чертямъ“: тутъ положительно не знаешь, чему больше дивиться—самому ли стихотворенію, или примѣчанію къ нему, помѣщенному въ предисловіи...

Жалкіе результаты получаются и тогда, когда Соловьевъ пишетъ стихи на политическія темы (онъ вообще мнилъ себя глубокимъ и тонкимъ политикомъ). Какъ прикажете, напр., понимать слѣдующую удивительную пьесу:

Вѣтеръ съ западной страны
Слезы навѣваетъ.
Плачетъ небо, стонетъ лѣсъ,
Соснами качаетъ.
То изъ края мертвецовъ
Вопли къ намъ несутся...
Сердце слышитъ и дрожитъ,
Слезы льются, льются...
Вѣтеръ съ запада утихъ,
Небо улыбнулось,
Но изъ края мертвецовъ
Сердце не вернулось.

Въ 1892 г., къ которому относятся эти стихи, „вѣтеръ съ запада“, конечно, давно уже утихъ въ нашемъ отечествѣ; но если *сердце* философа-поэта оттуда не вернулось, зачѣмъ же всетаки называетъ онъ западъ „краемъ мертвецовъ“? или, быть можетъ, мы ошибаемся, и стихи эти имѣютъ совсѣмъ другой, чуждый политикѣ, смыслъ? Во всякомъ случаѣ это не поэзія, а—ребусъ.

Есть у Соловьева одно, уже несомнѣнно, политическое стихотвореніе, получившее громкую извѣстность и давшее нѣкоторымъ критикамъ поводъ сравнивать его автора съ Хомяковымъ. Мы имѣемъ въ виду „Ex oriente lux“, кончающееся такими стихами:

— О Русь! въ предвидѣньи высокомъ
Ты мыслью гордой занята.
Какимъ же хочешь быть Востокомъ—
Востокомъ Ксеркса иль Христа?

Въ стихотвореніи этомъ, дѣйствительно, есть красиво выраженныя общія мѣста, но въ смыслѣ поэзіи оригинальнаго нѣтъ ничего, и самая аналогія притянута за волосы. Если по отношенію къ Риму свѣтъ, въ видѣ ученія Христова, пришелъ съ Востока, то вѣдь нашествію Ксеркса самъ же поэтъ противопоставляетъ „небесный даръ Прометея“, принадлежавшій Элладѣ, т. е. странѣ Запада?

Нѣтъ, не въ мудрствованіяхъ метафизическаго и политическаго характера заключалось истинное призваніе Владиміра Соловьева. Миръ твоему праху, рыцарь живой правды!

Н. А. Лейкинъ. Христова невѣста. Романъ. 4-е изданіе. Спб. 1900.

Въ продолженіи многихъ и многихъ лѣтъ г. Лейкинъ пишетъ чуть не ежедневно фельетонъ за фельетономъ и потомъ, собравъ ихъ, издаетъ книжку за книжкой. Такихъ книжекъ вышло уже около полусотни и нѣкоторыя изъ нихъ дожили до 6-го, 12-го, даже 19-го изданія. Наибольшими успѣхами пользуются разные „юмористическіе разсказы", составляющіе главный литературный багажъ г. Лейкина. Разъ существуетъ, напримѣръ, 19-е изданіе „Юмористическаго описанія поѣздки супруговъ Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановыхъ въ Парижъ и обратно",— значитъ, кому-то этотъ юморъ нуженъ, кого-то онъ радуетъ или, по крайней мѣрѣ, смѣшитъ. Можно только удивляться плодовитости автора и обилію его читателей. И то, и другое потому удивительно, что юморъ г. Лейкина крайне однообразенъ. Замкнутый почти исключительно въ сферу купеческаго и прикащичьяго быта и слишкомъ щеголяющій „словечками", онъ долженъ бы былъ, повидимому, давно и самъ истощиться, и надоѣсть читателямъ. Однако этого нѣтъ. Дѣло объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что кругъ читателей г. Лейкина расширяется вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа грамотныхъ людей, ибо для воспріятія его юмора простой грамотности совершенно достаточно. Но не всегда таковъ былъ г. Лейкинъ. Прежде, чѣмъ ступить на путь своего теперешняго, довольно низкопробнаго „юмора", это былъ писатель не особенно блестящаго таланта, но во всякомъ случаѣ талантливый, серьезный, вдумчивый, съ большимъ знаніемъ жизни того круга, который Добролюбовъ окрестилъ именемъ темнаго царства.

Передъ нами лежитъ одно изъ раннихъ произведеній г. Лейкина. Романъ „Христова невѣста" былъ, если не ошибаемся, напечатанъ въ „Современникѣ", а отдѣльно изданъ впервые въ 1872 г. Это исторія простенькой купеческой дочери, еще въ утробѣ матери, до рожденія обреченной на безбрачіе: ея отецъ въ трудную минуту далъ обѣтъ отдать ее въ монастырь. Бытовыя подробности, которыми обставлена эта трогательная исторія, успѣли уже сильно устарѣть, хотя эти дикіе нравы, можетъ быть, гдѣ нибудь у насъ еще и держатся. Но авторъ видимо не хотѣлъ ничего пересаливать, а о разныхъ „раздѣлюціяхъ", „червяхъ червящихъ", „подножіяхъ ногъ", „мелкопитающихъ міазмахъ" и тому подобныхъ украшеніяхъ позднѣйшихъ произведеній г. Лейкина тутъ и помину нѣтъ. И съ живѣйшимъ интересомъ перечитывая это молодое произведеніе г. Лейкина, мы думали невеселую думу о его растраченномъ въ пустынѣ „раздѣлюцій" талантѣ.

Ив. Наживинъ. Родныя картинки. М. 1900.

„Невесела ты, родная картина...“ Эти слова поэта сами собой припоминаются при чтеніи первыхъ разсказовъ, вошедшихъ въ составъ книжки г. Наживина. Однако эпиграфомъ къ ней авторъ выбралъ не эти слова, а взялъ его у Тэна: „Et comme ici le caractère saillant est la tristesse, c'est la tristesse qu'il aperçoit dans les choses“. И авторъ правъ. Не только потому, что нѣкоторые изъ его разсказовъ взяты совсѣмъ не изъ родной, то-есть не изъ русской жизни, но и потому еще, что для книжки въ цѣломъ характерны не какія-либо „картинки“, а именно то обстоятельство, что авторъ „aperçoit la tristesse dans les choses“. Книжку и по содержанію, и по формѣ, и по манерѣ писанія можно раздѣлить на двѣ части. Въ первой, большей части мы имѣемъ рядъ разсказовъ изъ обыденной русской жизни, между которыми есть очень удачные, да и всѣ они написаны болѣе или менѣе талантливо. Авторъ разсказываетъ все очень грустныя вещи, и читатель, проникаясь непосредственнымъ впечатлѣніемъ изображаемой жизни, говоритъ себѣ: да, „невесела ты, родная картина“! Переходомъ ко второй, меньшей половинѣ могутъ служить нѣсколько страничекъ, озаглавленныхъ „Душа вѣка“. Это — письмо-исповѣдь какой-то женщины къ какому-то другу. Оканчивается оно такъ: „Грустная вещь жизнь... Помните надпись Микель-Анжело на памятникѣ Медичи: „Сладко спать, но еще слаще быть изъ камня, пока длятся бѣдствія и стыдъ. Ничего не видѣть, ничего не чувствовать—мое счастье... Такъ не буди же меня... А-а, говори тихо... Прощайте“.—Затѣмъ г. Наживинъ подноситъ читателямъ рядъ какихъ-то клочковъ лирическаго характера, чего-то въ родѣ стихотвореній въ прозѣ, проникнутыхъ безнадежнымъ пессимизмомъ и имѣющихъ отдѣльное общее заглавіе: „Грусть жизни“. Приведемъ для образца одно изъ нихъ; выбираемъ самое коротенькое:

„Бурный, осенній день... Среди необозримаго океана, по сѣдымъ волнамъ несется въ сѣрую даль темный пароходъ... Густой дымъ черной лентой стелется по низкому сѣрому небу... Изъ волнъ доносится печальный крикъ невидимой чайки...

„Въ одномъ мѣстѣ облака посвѣтлѣли; вотъ, вотъ брызнетъ веселый, животворящій лучъ солнца... Напрасная надежда! Тучи сгущаются и темнѣютъ, а въ волнахъ еще печальнѣе кричатъ невидимыя чайки...“

Таковы всѣ стихотворенія въ прозѣ г. Наживина и по формѣ, и по содержанію. По отношенію къ послѣднему есть только одно исключеніе, озаглавленное „Монахъ“. Здѣсь автора оставляетъ его пессимистическое настроеніе, и онъ съ ужасомъ останавливается передъ человѣкомъ, „отрекшимся отъ блеска солнца, отъ красоты весны, отъ радости и жизни“. Мы вполнѣ раздѣляемъ ужасъ автора, но здѣсь не мѣсто распространяться о пессимизмѣ по существу. Мы имѣемъ дѣло только съ г. Наживинымъ. И вотъ

что бросается въ глаза при чтеніи его „Родныхъ картинокъ“: пока онъ разсказываетъ грустныя вещи, не заявляя о своей собственной грусти, онъ талантливъ, живъ, и читатель невольно заражается тою грустью, которою вѣетъ отъ изображаемой дѣйствительности; но онъ становится холоденъ, напыщенъ, скученъ, даже просто, наконецъ, смѣшонъ, какъ только самъ облекается въ „нарядную печаль“. Мы не хотимъ сказать, что этотъ костюмъ не хорошъ самъ по себѣ. Напротивъ, онъ къ нѣкоторымъ очень идетъ, но г. Наживину онъ рѣшительно не къ лицу. Сбросивъ его, онъ только выиграетъ, а вмѣстѣ съ нимъ и читатель.

Князь В. В. Барятинскій. Лоло и Лала (Картинка добрыхъ нравовъ). Спб. 1900.

Князь Барятинскій очень живо, но и очень поверхностно изображаетъ жизнь легкомысленныхъ людей такъ называемаго большого свѣта; настолько живо, что мы не безъ интереса пробѣжали книжку, и настолько поверхностно, что, не будучи знакомы съ изображаемымъ въ ней бытомъ, затрудняемся судить,— въ какой мѣрѣ это изображеніе соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Вотъ, напримѣръ, какъ разговариваетъ въ „картинкѣ добрыхъ нравовъ“ сынъ съ отцомъ. Старый князь Чернопольскій-Красноярскій въ горячемъ разговорѣ съ сыномъ, героемъ разсказа, княземъ Лоло, напоминаетъ ему, что онъ обязанъ своимъ родителямъ воспитаніемъ и самою „жизнью“. Лоло возражаетъ:

„—Жизнь, жизнь... Есть за что быть благодарнымъ, нечего сказать. Одна сплошная тоска. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, вы вѣдь не спрашивали моего мнѣнія: желаю ли я явиться на свѣтъ влачить бренное земное существованіе... И, наконецъ, въ третьихъ, я положительно не усматриваю ни малѣйшей заслуги съ вашей стороны въ томъ, что вы меня произвели на свѣтъ: вы оба были молоды, недурны собой (судя по фотографіямъ)... вотъ и все. „Предательскій звукъ поцѣлуя раздался въ ночной тишинѣ“—и готова коляска. Черезъ девять мѣсяцевъ младенецъ Алексѣй уже визжалъ въ пеленкахъ... Удивительная заслуга... И я могъ столько же сдѣлать, если даже не больше, потому что, между нами говоря, одинъ сынъ за 20 лѣтъ супружества... Чортъ возьми! скуповато“!

Мы готовы были бы вѣрить, что для такъ называемаго большого свѣта это типичная реплика сына отцу, если бы авторъ показалъ намъ условія, благодаря которымъ складывается это безстыдство, но кн. Барятинскій обработываетъ свой сюжетъ слишкомъ поверхностно. Признать же въ подобныхъ чертахъ сатирическое преувеличеніе, въ принципѣ совершенно законное, мы не можемъ, потому что рука у кн. Барятинскаго для сатирическаго бича слишкомъ маленькая и слабенькая. Его дѣло—не суровая сатира, а легкій водевиль. Нельзя, напримѣръ, не улыбнуться при чтеніи

слѣдующаго діалога между тѣми же князьями Чернопольскими, отцомъ и сыномъ, нѣсколько времени спустя послѣ приведенной циничной отповѣди сына:

„—Я получилъ отъ управляющаго письмо. Всѣ озимые въ Чернопольѣ пропали, а яровые не нашли покупщика.

— Пожалуйста, не засыпай меня жупелами—яровые, озимые: ça ne me dit rien. C'est du chinois?

— Не балагань, — окрысился отецъ, — дѣло болѣе серьезное, чѣмъ ты предполагаешь.

— Да если я не понимаю твоихъ хозяйственныхъ терминовъ.

— Озимые—это лѣтняя порода хлѣба, яровые—зимняя.

— Черный и бѣлый хлѣбъ?

— Н...нѣтъ. Да это, въ концѣ концовъ, безразлично!"

Но если кн. Барятинскому не по рукѣ бичъ сатиры, то тѣмъ паче не слѣдуетъ ему браться за положительные типы и трогательныя или трагическія положенія. Онъ, впрочемъ, должно быть, и самъ это чувствуетъ, потому что съ своимъ положительнымъ типомъ, барономъ Лауденомъ, и съ нравственнымъ пробужденіемъ и возрожденіемъ княгини Лала поступаетъ такъ же, какъ его герои съ устрицами въ ресторанахъ: взялъ и проглотилъ.

И. С. Тургеневъ. Неизданныя письма къ г-жѣ Віардо и его французскимъ друзьямъ. М. 1900.

Эпистолярное искусство, какъ и всякое другое, требуетъ особаго дарованія, быть можетъ, даже большаго, чѣмъ всякое другое. Во всякой другой области художникъ имѣетъ въ виду многоголовую и, слѣдовательно, безличную публику, передъ которой онъ является въ своемъ лучшемъ видѣ, какой ему доступенъ. Въ письмахъ люди обращаются къ одному опредѣленному лицу. Они и тутъ, конечно, часто надѣваютъ свои лучшіе костюмы и даже маски, и завиваются, и румянятся, и бѣлятся. Но, во-первыхъ, это пріискиваніе костюма себѣ къ лицу и въ то же время для другого опредѣленнаго лица уже само по себѣ требуетъ особаго дарованія. А во-вторыхъ, человѣку, ведущему болѣе или менѣе обширную переписку съ разными людьми, просто нѣтъ времени переодѣваться, и онъ поневолѣ является въ халатѣ. И опять таки нуженъ особый даръ, чтобы носить этотъ халатъ изящно. Тургеневъ вполнѣ обладалъ этимъ даромъ. Онъ любилъ и умѣлъ писать письма, былъ въ нихъ всегда одѣтъ „къ лицу", хотя бы и въ халатѣ, и въ то же время имѣлъ въ виду индивидуальность того лица, которому писалъ.

Читатели знакомы съ эпистолярной манерой Тургенева по собранію его русскихъ писемъ, изданному въ 1884 г. Литературнымъ фондомъ. Теперь мы имѣемъ еще рядъ писемъ къ г-жѣ Віардо, Флоберу, Жоржъ Зандъ, Зола, Мопассану, Сентъ-Бёву и

проч., собранныхъ и изданныхъ во французскомъ оригиналѣ г. Гальпериномъ-Каминскимъ. Переводъ этихъ изящныхъ и остроумныхъ писемъ представляетъ большія трудности, и надо отдать переводчику справедливость: онъ, вообще говоря, удачно справился съ ними. Книга издана хорошо, и если въ ней русскій генералъ графъ Каменскій три раза называется Кам*и*нскимъ (стр. 38), а извѣстный разсказъ Мопассана Boule de suif дважды превращается въ Boule de juif (307), то это, конечно, просто опечатки.

Что касается содержанія писемъ, то они не много прибавляютъ къ нашимъ свѣдѣніямъ о Тургеневѣ. Въ книгѣ имѣется „вступленіе", въ которомъ авторъ пытается установить благотворность вліянія на Тургенева его почти постоянной жизни за границей Россіи. Оказывается, между прочимъ, что вліянію г-жи Віардо, Флобера и другихъ французскихъ друзей Тургенева „слѣдуетъ приписать его ясный, сдержанный слогъ, его простую форму, достигающую совершенства именно благодаря своей простотѣ,—качество, столь рѣдкое у русскихъ писателей, даже лучшихъ". Вообще французскіе друзья „имѣли благотворное вліяніе на развитіе его таланта". Если это и вѣрно, то едва ли всетаки была надобность для этого постоянно жить во Франціи. Тургеневъ признавалъ, что Жоржъ Зандъ имѣла на него большое вліяніе въ молодости, но въ горячемъ письмѣ по поводу ея смерти въ 1876 г. онъ писалъ г. Суворину: „Когда лѣтъ восемь тому назадъ, я впервые сблизился съ Жоржъ Зандъ, восторженное удивленіе, которое она нѣкогда возбуждала во мнѣ, давно исчезло—я ужъ не поклонялся ей, но невозможно было вступить въ кругъ ея частной жизни и не сдѣлаться ея поклонникомъ въ другомъ, быть можетъ, лучшемъ смыслѣ" *). Такимъ образомъ, личное знакомство съ Жоржъ Зандъ дало Тургеневу много хорошихъ минутъ, но ея литературное вліяніе сказалось до этого знакомства, заглазно. Г. Гальперинъ-Каминскій говоритъ далѣе, что, не смотря на свое постоянное пребываніе за границей, Тургеневъ всетаки любилъ свое отечество. Конечно, хотя вотъ что онъ писалъ г-ну Віардо, уѣзжая въ 1850 г. изъ Франціи въ Россію: „Предсказанія ваши принимаю и хочу имъ вѣрить. Конечно, отечество имѣетъ свои права, но истинное отечество не тамъ ли, гдѣ встрѣтилъ къ себѣ наиболѣе любящее отношеніе, гдѣ сердце и умъ чувствуютъ себя свободно?"

Что было бы, если бы Тургеневъ жилъ больше въ Россіи, чѣмъ за границей, — сказать трудно. Его огромный талантъ и умъ за-

---

*) Мы цитируемъ по изданію Литературнаго Фонда. Страннымъ образомъ г. Гальперинъ-Каминскій приводитъ это письмо съ нѣкоторыми уклоненіями отъ подлинника: «Когда лѣтъ восемь тому назадъ я могъ лучше познакомиться съ Жоржъ Зандъ, энтузіазмъ, который она ранѣе вызывала во мнѣ когда-то, давно остылъ» и т. д. Для перевода съ перевода это хорошо, но какая надобность была въ этомъ пере-переводѣ, когда русскій подлинникъ у всѣхъ подъ руками?

глаживали его пробѣлы по части знанія русской жизни и не выручили развѣ только въ „Пунинѣ и Бабуринѣ". А причины его пребыванія за границей пока неясны, да, повидимому, и слишкомъ деликатны, чтобы получить полное разъясненіе въ скоромъ времени. Въ Россіи онъ горячо интересовался, главнымъ образомъ, литературой. Объ этомъ свидѣтельствуютъ его письмо къ г-жѣ Віардо о смерти Гоголя, его постоянныя старанія внушить французамъ уваженіе къ русской литературѣ, особенно къ Льву Толстому и т. п. Но та же литература и вообще искусство почти исключительно занимали его и въ Европѣ, которая не вовлекла его въ водоворотъ своей кипучей общественной жизни. „Я не имѣю den politischen Pathos", писалъ онъ г-жѣ Віардо. Въ 1871 г. въ письмахъ къ Флоберу онъ, мимоходомъ поминая событія франко-прусской войны и ея финала, называетъ себя и своего корреспондента „прирожденными зрителями". И далѣе: „Къ чорту политику!"... „И вы, и я, мы оба не любимъ, когда говорятъ о ней". Особенно любопытны въ этомъ отношеніи письма 1848 года къ г-жѣ Віардо изъ Парижа. Очень веселое и остроумное письмо отъ 30 апрѣля неожиданно оканчивается сообщеніемъ: „Экспедиція моего друга Гервега потерпѣла полное фіаско, его несчастные нѣмецкіе рабочіе подверглись страшному избіенію". И т. д. Только одно письмо отъ 15 мая цѣликомъ посвящено уличнымъ парижскимъ событіямъ, которыя онъ сообщаетъ, какъ очевидецъ. И холодный тонъ этого сообщенія составляетъ поразительный контрастъ съ тѣмъ увлеченіемъ, съ которымъ онъ пишетъ не только о произведеніяхъ литературы, музыки, живописи, но и о собакахъ и зайцахъ.

Отмѣтимъ еще одну маленькую, но характерную подробность. Въ 1877 г. Тургеневъ проситъ своего переводчика Дюрана вставить, якобы отъ себя, въ переводъ „Нови" слѣдующее примѣчаніе: „Если бы романъ г. И. Т—а не былъ бы написанъ, и даже напечатанъ, раньше политическаго процесса, который разбирается теперь въ петербургскомъ сенатѣ, то можно бы было подумать, что онъ былъ простымъ переписчикомъ, тогда какъ онъ пророкъ. Дѣйствительно, въ этомъ процессѣ находимъ мы тѣ же смѣлыя иллюзіи и тѣ же полнѣйшія заблужденія, все до неожиданныхъ браковъ и браковъ фиктивныхъ включительно. Такимъ образомъ, романъ „Новь" сдѣлался вдругъ историческимъ *(Замѣтка переводчика)*"...

Иллюстрированныя лирическія стихотворенія Ф. Шиллера. Переводъ и изданіе **Н. Голованова.** Москва.

Русскій переводъ всѣхъ стихотвореній Шиллера, вышедшій изъ подъ пера одного переводчика—вотъ литературный подвигъ, внушающій уваженіе всякому, кто знакомъ съ трудностью замысла и неудачами прежнихъ попытокъ. Легко, найдя у любого

поэта непередаваемыя на чужомъ языкѣ индивидуальныя или національныя особенности, сказать о немъ, что это одинъ изъ труднѣйшихъ для перевода писателей. Но не ко многимъ это замѣчаніе можетъ быть примѣнено съ большимъ правомъ, чѣмъ къ Шиллеру. Его, въ самомъ дѣлѣ, трудно хорошо перевести: онъ *классикъ* не только по содержанію своихъ произведеній, но и по языку, на который онъ—другъ Вильгельма Гумбольдта—обращалъ особенное вниманіе; онъ прежде всего поэтъ-*мыслитель*, умѣвшій сжимать въ одномъ лирическомъ размышленіи—вродѣ „Прогулки" или даже эпиграфическомъ двустишіи цѣлые философскіе трактаты; онъ, наконецъ, великій поэтъ, каждое слово котораго должно для добросовѣстнаго переводчика составлять предметъ не только истолкованія, но и глубокаго уваженія. Эти трудности—перечисленіе ихъ можно-бы и умножить—усугубляются для русскаго переводчика тѣмъ, что онъ имѣетъ за собой выдающихся предшественниковъ. Переводы Жуковскаго, Мина, Михайлова обязываютъ. Соперничать съ ними можно и должно; ихъ работы далеко не представляютъ собою послѣдняго слова ни по близости къ смыслу подлинника, ни по воспроизведенію его внѣшней формы, ни по глубинѣ поэтическаго вдохновенія. Но переводить Шиллера на русскій языкъ всетаки значитъ помнить, что до тебя былъ Жуковскій; можно вдохновиться тѣмъ или инымъ произведеніемъ нѣмецкаго поэта, уже переведеннымъ нашимъ царемъ переводчиковъ, и, воспользовавшись многолѣтнимъ развитіемъ русскаго языка послѣ работъ Жуковскаго, попытаться передать что нибудь лучше, ярче, точнѣе его. Это трудно, но, конечно, возможно и стоитъ труда: Шиллеръ не даромъ впитался когда-то въ нашу душу. Но давать посредственные переводы Шиллера послѣ Жуковскаго—дѣло совсѣмъ нелѣпое, а переводить его дурно—значитъ безъ нужды оскорблять память обоихъ поэтовъ.

Мы представляемъ себѣ читателя, который, затвердивъ въ школѣ—„кто, рыцарь-ли знатный или латникъ простой" и привыкнувъ видѣть въ этомъ окончательную форму стихотворенія Шиллера, возьметъ въ руки книгу г. Голованова и прочтетъ въ ней такое:

Кто изъ васъ, будь то рыцарь-ли знатный, слуга ли,
Драгоцѣнный мой кубокъ достать бы желали,
Не пугаясь крутящейся бездны морской.
Вотъ, его я бросаю въ пучину морскую.
Кто на свѣтъ съ нимъ воротится снова дневной,
Я тому кубокъ тотъ во владѣнье дарую.

И такъ далѣе. Намъ жаль трудовъ г. Голованова, который засѣлъ и перевелъ всѣ (а не только лирическія, какъ ему кажется) стихотворенія Шиллера, но намъ кажется, что онъ трудился напрасно. Безъ искры творчества, безъ власти надъ языкомъ и стихомъ, безъ надлежащаго знакомства съ оригиналомъ,

онъ сдѣлалъ все, что можетъ сдѣлать безсильное трудолюбіе—и ничего больше. Изрѣдка и случайно у него попадаются удачные отрывки, но они тонутъ въ массѣ безвкусія, произвола, непониманія, такихъ стилистическихъ перловъ, какъ „хотѣли вплавь переплывать“, „вновь летятъ они опять“, „избѣгнуть отъ паденья“, „слову солжешь своему“, „друга на крестъ я воздвигну“, „съ кремнистыхъ отрогъ“, „перчатка свалилась кувыркомъ“ и такъ далѣе, безъ конца.

Еще важнѣе непониманіе оригинала. Понять Шиллера не всегда легко; объ этомъ свидѣтельствуетъ посвященная ему обширная литература поясненій и справокъ, которая вызвана совсѣмъ не усидчивостью нѣмецкихъ гелертеровъ, какъ у насъ объ этомъ принято полагать, а вниманіемъ къ поэту и желаніемъ понять его вполнѣ. Не смотря на то, что г. Головановъ предполагаетъ дать впослѣдствіи и комментаріи къ Шиллеру „по Дюнцеру, Фигофу“ и т. д., онъ, переводя Шиллера, плохо ознакомился съ этими исчерпывающими глоссаторами и потому многаго не понялъ и многое передалъ въ извращенномъ видѣ. Ограничимися нѣсколькими примѣрами погрубѣе.

И—вѣка гордость и восторгъ и удивленье,—
Подобіе Зевесова лица
Въ Олимпіи пріемлетъ поклоненье—

говорится въ „Художникахъ“. Это, конечно, весьма понятно и величаво. Но, къ сожалѣнію, въ оригиналѣ мы находимъ нѣчто прямо противоположное и ужъ не столь простое: „И гордый образъ Зевса—говорится здѣсь—долженъ склониться въ Олимпійскомъ храмѣ“. Это въ общей картинѣ развитія искусства и культуры—одинъ изъ примѣровъ этого развитія и значитъ: ранѣе статуя имѣла самостоятельное художественное значеніе; впослѣдствіи она сдѣлалась лишь элементомъ болѣе сложнаго цѣлаго: изваяніе Зевса подчинено общему впечатлѣнію, производимому храмомъ. Мало похоже на переводъ г. Голованова. Еще примѣръ.

Не пугайтесь, что рабъ свои цѣпи срываетъ
Въ немъ свободный за то человѣкъ воскресаетъ—

переводитъ г. Головановъ знаменитую строфу „Словъ вѣры“, начало которой—„Человѣкъ свободенъ, хотя бы родился въ цѣпяхъ“—цитируется такъ часто. Увы, въ оригиналѣ—правда, подающемъ поводъ къ недоразумѣнію—сказано совсѣмъ иное, и въ этомъ уже согласны всѣ нѣмецкіе комментаторы. Достаточно небольшого знакомства съ ходомъ развитія общественныхъ идей Шиллера, съ политическимъ консерватизмомъ, смѣнившимъ въ немъ идеалы „бури и натиска“, чтобы понять, что Шиллеръ не могъ сказать этого. Онъ все мечталъ о какомъ-то легальномъ возстаніи, правомѣрномъ и умѣренномъ—и въ этомъ видѣ изо-

бражалъ мятежную и покорную Швейцарію. Онъ воспѣвалъ бунтующихъ швейцарцевъ и съ негодованіемъ говорилъ не разъ о французской революціи. Поэтъ, сказавшій: „гдѣ народъ самъ освобождаетъ себя, тамъ немыслимо благоденствіе“ (Пѣснь о колоколѣ), не могъ, конечно, рекомендовать довѣріе къ рабу, разбивающему свои цѣпи. И потому въ „Словахъ вѣры“ онъ говорилъ: „Трепещите предъ рабомъ, разбивающимъ свои цѣпи, но не предъ свободнымъ человѣкомъ“.

На этомъ мѣстѣ, впрочемъ, спотыкались и другіе русскіе переводчики. А г. Головановъ рѣдко исправляетъ ихъ ошибки (бываетъ и такъ); чаще онъ ихъ повторяетъ. Ошибокъ же этихъ у Струговщикова, особенно же у Ѳ. Миллера—безобразно много, и г. Головановъ, право, напрасно такъ внимательно читалъ старые русскіе переводы Шиллера.

Вотъ, напримѣръ, собраніе двустишій „Рѣки“ кончается у Миллера такой эпиграммой:

Les fleuves indiscretes.

Рѣки, молчите! въ васъ скромности, вижу я, столько же, сколько
Въ дѣвушкѣ той, что была такъ Дидероту мила.

Читатель въ недоумѣніи—о какой нескромной возлюбленной Дидро можетъ идти рѣчь. Онъ обращается къ г. Голованову, находитъ въ его переводѣ тоже какую-то *подружку Дидро,*—и продолжаетъ ничего не понимать. Наконецъ, въ оригиналѣ онъ находитъ вмѣсто *подружки* Schätzchen, что можетъ означать не только дорогое существо, но и всякую драгоцѣнную вещь и представляетъ собой намекъ не на невѣдомую возлюбленную Дидро, но попросту на его романъ „Les bijoux indiscrets“, гдѣ нескромныя драгоцѣнности разсказываютъ о легкомысленныхъ похожденіяхъ своихъ хозяевъ. Недуренъ и такой эпизодъ: въ свое время поэтъ скрылъ эпиграмматическій намекъ на *ученыя общества* подъ иниціалами G. G. (Gelehrte Gesellschaften); надъ переводомъ г. Голованова красуются русскія буквы Г. Г.; значеніе заголовка, очевидно, осталось загадкой для переводчика. Вотъ что значитъ поминать Дюнцера всуе, а вмѣсто него читать старые переводы Шиллера. Характерная подробность: въ первомъ стихѣ подлинника „Водолаза“ рыцарь вовсе не называется знатнымъ; если рыцарь, то ужъ, вѣрно, знатный: этотъ ненужный эпитетъ прибавилъ Жуковскій—и г. Головановъ не могъ не послѣдовать его примѣру. Еще хуже этихъ грубыхъ пробѣловъ непониманія и невниманія множество мелкихъ, ничтожныхъ погрѣшностей, многочисленныхъ и раздражающихъ, какъ рой комаровъ; тутъ и нелѣпыя прибавленія отъ себя, и безобразныя риѳмы, и непроизносимыя слова (*присутствье*), и ненужные неологизмы (*полетъ скоробѣжный*, потому что риѳма *нѣжный*;

смертный лукъ вмѣсто *смертельный* и т. п.). Шиллеръ говоритъ, что духъ позналъ радости (духовныя), не уничтожаемыя моментомъ наслажденія; г. Головановъ переводитъ: „И жадность грубая исчезла, какъ недугъ, *предъ силою цѣлебнаго растенья* (?). Шиллеръ говоритъ *чужестранца*, г. Головановъ переводитъ *скитальца*, Шиллеръ говоритъ *неотомщенъ*, г. Головановъ безъ всякаго повода прибавляетъ и *обезславленъ*; Шиллеръ говоритъ: Эвмениды исчезли за сценой (im Hintergrund), г. Головановъ переводитъ: исчезли въ *мрачной* (?) глубинѣ; Шиллеръ называетъ таинствомъ обѣдню, г. Головановъ переводитъ *тайна причащенья*; Шиллеръ говоритъ *Лаокоонъ*, г. Головановъ ради риѳмы *кручинъ* переводитъ *Пріамовъ сынъ* (?); у Шиллера *судъ*, у г. Голованова *форумъ;* Шиллеръ, получивъ въ подарокъ отъ почитателя-поэта церковное вино, говоритъ: „Трижды благословенный напитокъ—тебя добыла мнѣ муза, муза тебя прислала, церковь наложила на тебя свою печать“; въ переводѣ читаемъ: „Трижды блаженный напитокъ, тебя даровала мнѣ муза; церковь печать на тебѣ тожъ положила свою“. Но тогда почему-же *трижды*? И такими нелѣпостями пересыпано это сплошное недоразумѣніе. А г. Головановъ еще избралъ своимъ удѣломъ „поэтовъ-мыслителей“ и грозитъ русскому читателю цѣлой библіотекой этихъ искаженій великихъ европейскихъ писателей.

Іосифъ Голечекъ. Россія и Западъ (Глава изъ книги «Поѣздка въ Россію»). Переводъ съ чешскаго. Спб. 1900.

Кромѣ приведеннаго заглавія, на обложкѣ этой книжки напечатано: „Сообщеніе, сдѣланное 31 марта 1900 г. въ кружкѣ имени Я. П. Полонскаго“. Кто дѣлалъ это сообщеніе, то есть кто читалъ въ кружкѣ имени Полонскаго переводъ главы изъ книги Голечека — неизвѣстно. Но это былъ во всякомъ случаѣ жестокій человѣкъ, ибо по истинѣ жестоко заставлять какой бы то ни было кружокъ выслушивать въ теченіе одного вечера такую массу вздора: книжка, правда, небольшого формата, но въ ней 147 страницъ. Задача, если не всей книги Голечека, которая намъ неизвѣстна, то лежащей передъ нами главы изъ нея, состоитъ, по выраженію автора, въ томъ, чтобы „говорить Россіи комплименты и спереди, и сзади“ (стр. 41). Для характеристики же этихъ переднихъ и заднихъ комплиментовъ достаточно сдѣлать слѣдующую длинную, но за то единственную и ни въ какихъ комментаріяхъ не нуждающуюся выписку:

Я занялъ себѣ въ вагонѣ мѣсто, кое-что положилъ на него и вышелъ опять на площадку вагона, чтобы до отъѣзда поѣзда посмотрѣть на толпу у станціи. Я остановился на ступенькахъ, которыя вели къ платформѣ вагона. Передо мною стоялъ статный жандармъ. Понравился ли онъ мнѣ, или что, но, когда я оглядѣлъ его съ ногъ до бѣлаго султана на шапкѣ, у меня

появилось желаніе въ чемъ нибудь съ нимъ не поладить. А о русской жандармеріи кричали такъ много, разсказы о ней такъ страшны, что только трусъ, пріѣхавъ въ первый разъ въ Россію, могъ бы отказаться отъ искушенія имѣть съ нею какую-нибудь маленькую схватку, — схватку невинную, которая только дала бы нѣкоторое представленіе о жандармахъ въ Россіи. Мнѣ хотѣлось, чтобы что-нибудь во мнѣ ему показалось не вполнѣ ладнымъ, чтобы онъ что-нибудь мнѣ приказалъ, а я бы могъ его не послушаться. Этого я и добился. Жандармъ подошелъ ко мнѣ, посмотрѣлъ на меня ясными и полными жизни глазами, потомъ сказалъ — тѣмъ мягкимъ и задушевнымъ тономъ, которымъ умѣютъ говорить русскіе:

— На ступенькахъ вагона стоять не годится.

Я стою и не шевелюсь.

— Не слѣдуетъ стоять на ступенькахъ вагоновъ,—повторилъ жандармъ.

— Развѣ это рѣчь жандарма?—отозвался я.—Жандармъ долженъ сказать прямо: убирайтесь со ступенекъ вагона! Жандармъ долженъ приказать: ну, живо, прочь отсюда!

— Я не имѣю права приказывать вашему благородію,—спокойно и вѣжливо отвѣтилъ жандармъ.—Я исполняю только свой долгъ, который приказываетъ мнѣ предупредить ваше благородіе, что не слѣдуетъ стоять на ступенькахъ вагона.

— А что, если я останусь стоять, не смотря на ваше предупрежденіе?

Жандармъ усмѣхнулся.

— Въ такомъ случаѣ поѣздъ скоро тронется, дернетъ вагоны, и вы со ступенекъ упадете.

— А что же будетъ, если я упаду?

— Подберемъ ваше благородіе, либо цѣликомъ, либо по кусочкамъ. Больше ничего не будетъ.

— Но это удивительные порядки! — Видите ли, если человѣку грозитъ опасность или вредъ, то вы, какъ жандармъ, должны ему запретить это прямо. Такъ дѣлаютъ органы охраны во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ.

— Въ Россіи этого нельзя, въ Россіи свободно,—отвѣтилъ жандармъ, очевидно, безъ малѣйшаго умысла уколоть гордаго пришельца съ того Запада, котораго русскіе недолюбливаютъ.

— Какъ такъ свободно?—спросилъ я съ легкимъ смущеніемъ.

— Да такъ. Если вы захотите попасть подъ колеса вагона, я не смѣю ограничивать свободу вашего благородія и могу васъ только предупредить на тотъ случай, чтобы вы знали объ опасностяхъ и послѣдствіяхъ этого. Когда же я васъ предупредилъ и указалъ на опасность, вы уже можете поступать какъ вамъ будетъ угодно.

М. Кохъ. Исторія нѣмецкой литературы. Изданіе Л. Ѳ. Пантелѣева. Спб. 1900.

Книжка бреславльскаго профессора—одного изъ авторовъ обширной исторіи нѣмецкой литературы, издаваемой теперь въ русскомъ переводѣ,—составляетъ одинъ изъ лучшихъ выпусковъ Гешеновской коллекціи сжатыхъ и содержательныхъ руководствъ по всевозможнымъ отраслямъ знанія. Выдающійся изслѣдователь въ различныхъ отдѣлахъ исторіи нѣмецкой литературы, авторъ съумѣлъ дать удивительно краткій и полный ея обзоръ. Это, можно сказать, предѣлъ сжатости изложенія, тотъ предѣлъ, за которымъ начинается темнота намековъ, понятныхъ лишь посвященнымъ. Надо сознаться, не вполнѣ чужда этого недостатка и

работа Коха, иногда могущая смутить неподготовленнаго читателя своимъ телеграфическимъ лаконизмомъ. Но за то она полна содержанія. Она даетъ настоящую исторію развитія литературы, а не послѣдовательные списки именъ и заглавій; она не обходитъ ни одного выдающагося имени, но не останавливается ни на одномъ „почтенномъ“ писателѣ, извѣстномъ въ свое время, но не игравшемъ роли въ преемственной смѣнѣ литературныхъ формъ и идей. Нѣсколько досадное впечатлѣніе произведутъ на русскаго читателя черточки нѣмецкаго квасного патріотизма, смѣшивающаго справедливую критику родныхъ порядковъ съ недостаткомъ любви къ отечеству. Все это, конечно, весьма прикрыто, въ объективныхъ формахъ и по европейски; но всетаки питомецъ новой „имперской“ нѣмецкой культуры слишкомъ чувствуется въ этомъ холодномъ и недовольномъ отзывѣ о „Натанѣ Мудромъ“, въ этомъ почтительномъ преклоненіи предъ литературными произведеніями Бисмарка и Мольтке и въ несправедливыхъ нападкахъ не только на личность, но и на сочиненія Гейне. За то музыкальныя драмы Вагнера кажутся автору поворотнымъ пунктомъ не только въ развитіи музыки и драмы, но и вообще въ исторіи нѣмецкаго искусства и литературы. Это было-бы не такъ страшно; но вагнеріанство музыкальное почти всегда влечетъ за собой вагнеріанство политическое,—а это плодъ весьма нездоровый. Но авторъ не отравленъ имъ совершенно: достаточно указать наряду со всѣмъ этимъ его прочувствованныя и исполненныя глубокаго уваженія строки, посвященныя Берне.

Въ предисловіи переводчика указано, что книжка Коха пригодна не только для первоначальнаго ознакомленія съ исторіей нѣмецкой литературы, но—и еще болѣе—для тѣхъ, кто, имѣя уже извѣстныя свѣдѣнія, пожелалъ-бы придать имъ болѣе опредѣленную форму и послѣдовательность. Для болѣе основательнаго знакомства съ исторіей нѣмецкой литературы здѣсь рекомендуется классическій трудъ Шерера, переведенный и на руській языкъ. Это, конечно, вѣрно, но не слѣдуетъ забывать, что исторія Шерера заканчивается смертью Гете, 1830 годомъ, а съ тѣхъ поръ прошло три четверти вѣка широкаго и плодотворнаго развитія, въ теченіе котораго Шпильгагенъ имѣлъ на русскаго читателя чуть не большее вліяніе, чѣмъ Шиллеръ. Для этого періода книжка Коха—до окончанія перевода его большого труда—остается единственнымъ полнымъ и серьезнымъ обзоромъ; она оканчивается послѣдними произведеніями Гауптмана.

Д. А. Дриль. Тюрьма и принудительное воспитаніе. Спб. 1900.

Есть книги, при видѣ которыхъ невольно вспоминается характерная русская пословица: малъ золотникъ, да дорогъ. Къ числу ихъ относится и настоящая небольшая брошюрка (91 стр.)

нашего извѣстнаго криминалиста Д. А. Дриля, характерная особенность котораго, какъ писателя, не пріобрѣтенные въ кабинетѣ, оторванные отъ живой практики жизни, взгляды и теоріи, а стройное и прочно обоснованное міровоззрѣніе, добытое въ живомъ союзѣ науки и личныхъ наблюденій. Извѣстно, что г. Дриль объѣздилъ почти всѣ тюрьмы Сибири, побывалъ на островѣ Сахалинѣ, посѣтилъ и многія заграничныя карательныя учрежденія. Въ результатѣ мы имѣемъ въ его лицѣ не сухого, безсердечнаго книжника-гелертера (какими, къ сожалѣнію, кишитъ ученый міръ), а—широко мыслящаго и гуманнаго изслѣдователя. Само собой, впрочемъ, разумѣется, что очень многое приходится оставить здѣсь на долю и личныхъ душевныхъ качествъ ученаго.

Тема разбираемаго изслѣдованія особенно нуждалась въ гуманномъ и внимательномъ отношеніи и нужно отдать г. Дрилю полную справедливость: онъ лишній разъ доказалъ, что наука наша въ числѣ своихъ представителей имѣетъ не однихъ только гг. П. Ковалевскихъ.

„Удручающее впечатлѣніе производитъ ребенокъ-подростокъ въ тюрьмѣ,—пишетъ г. Дриль,—громъ желѣзныхъ засововъ, щелканіе замковъ, бряцаніе цѣпей, крики: „смирно! шапки долой!“ ругань арестантовъ, а подчасъ и надзирателей, безпутные разсказы о прошломъ, различные развращающіе примѣры, нерѣдко непробудная лѣнь и бездѣлье,—таковы впечатлѣнія тюрьмы, т. е. тотъ матеріалъ, который, за неимѣніемъ иного лучшаго, ложится въ основу душевной жизни арестанта-ребенка“. Между тѣмъ, дѣти приходятъ въ тюрьму во всевозможныхъ возрастахъ, начиная даже съ грудного: совершатъ родители что-либо противозаконное, и за ними идутъ въ тюремныя стѣны ихъ несчастные ребятишки, за отсутствіемъ въ данной мѣстности дѣтскихъ пріютовъ. Г. Дриль разсказываетъ, какъ онъ самъ видѣлъ въ одной тюрьмѣ мальчика съ довольно симпатичнымъ и вполнѣ дѣтскимъ лицомъ, которому можно было дать отъ 10 до 14 лѣтъ, и который оказался „пересыльнымъ арестантомъ“, задержаннымъ за безписьменность и подлежавшимъ отправкѣ съ арестантской партіей на мѣсто указаннаго имъ постояннаго жительства. Въ общемъ онъ долженъ былъ пробыть въ званіи арестанта не меньше двухъ недѣль... Но та же тюрьма видала, по словамъ нашего автора, и *восьмилѣтняго* пересыльнаго арестанта, который четыре раза въ теченіе одного и того же года сидѣлъ въ тюрьмѣ. „Можно думать, что несчастный заброшенный ребенокъ, чуть не съ колыбели оказавшійся одинокимъ въ обширной вселенной, не сохранилъ сколько-нибудь ясныхъ воспоминаній о томъ, сравнительно, быть можетъ, уже далекомъ прошломъ, когда и онъ былъ сыномъ своихъ отца и матери, и потому давалъ сбивчивыя указанія, являвшіяся результатомъ случайныхъ и ненамѣренныхъ внушеній, исходящихъ отъ окружающей среды. А, благодаря

этому,—тюрьмы, арестантскій истощающій режимъ и „маята“ по этапамъ, какъ будто у русскаго общества нѣтъ ни силъ, ни средствъ—избавить подобныхъ несчастныхъ дѣтей отъ незаслуженнаго ими зла“.

Но, помимо тюремъ, у насъ существуютъ еще и различнаго рода арестныя помѣщенія, куда законъ дозволяетъ заключать несовершеннолѣтнихъ и на определенные сроки (по суду). Въ 1898 году числилось тамъ подростковъ, приблизительно, 6220 человѣкъ обоего пола (отъ 10 до 17 лѣтъ)! Вѣдь это цѣлая маленькая армія!... Что выйдетъ изъ нея въ будущемъ? Путемъ систематическаго развращенія въ тюрьмахъ дѣтей, не само ли общество подготовляетъ и создаетъ изъ нихъ обитателей каторги, закоренѣлыхъ злодѣевъ и преступниковъ? Характерный фактъ, что дѣти, побывавшія въ тюрьмахъ, будучи помѣщены затѣмъ въ заведенія принудительнаго воспитанія, часто убѣдительно просятъ снова перевести ихъ въ тюрьму, гдѣ несравненно больше простора для пріобрѣтенныхъ тамъ порочныхъ наклонностей... „Выводъ отсюда одинъ,—говоритъ г. Дриль,—выводъ, который, по крайней мѣрѣ, допускается моимъ пониманіемъ и разумомъ, а также, прибавлю, и чувствомъ человѣчности. Тюрьмы и мѣста заключенія вообще должны быть безусловно закрыты для несовершеннолѣтнихъ того возраста, въ которомъ еще только начинаетъ слабо вырисовываться будущій обликъ нравственной личности, и въ которомъ законъ допускаетъ примѣненіе принудительнаго воспитанія, какъ наилучшаго средства борьбы съ зарождающейся преступностью“.

Между прочимъ, г. Дриль касается попутно одного частнаго вопроса, мимо котораго многіе (именно въ виду его частности и кажущейся мелочности) проходятъ безъ вниманія, но который въ дѣйствительности—мы безусловно раздѣляемъ точку зрѣнія почтеннаго ученаго—имѣетъ огромное значеніе. У насъ принятъ жесткій, несправедливый и совершенно неосновательный терминъ „*исправительныхъ* заведеній для малолѣтнихъ *преступниковъ*“. Этотъ терминъ, „какъ дурной ярлыкъ, пристаетъ къ несчастнымъ дѣтямъ, окружая ихъ бо̀льшимъ или меньшимъ недовѣріемъ при первыхъ же ихъ шагахъ къ свободной жизни, по выходѣ изъ воспитательнаго заведенія. Чѣмъ скорѣе исчезнетъ изъ обихода это въ бо̀льшей или меньшей степени клеймящее названіе, тѣмъ будетъ лучше, какъ въ общихъ интересахъ, такъ и въ интересахъ несчастныхъ заброшенныхъ дѣтей“. Вѣдь что же, въ сущности, можно вмѣнить этимъ дѣтямъ въ ихъ личную вину, при столкновеніи съ уголовнымъ закономъ? То-ли, что они получили отъ родителей дурную наслѣдственность? То-ли, что въ начальные годы жизни подвергались дурнымъ воздѣйствіямъ окружающей среды? Вѣдь ни то, ни другое не звисѣло отъ ихъ желанія, воли и выбора. Правда, бываютъ среди нихъ очень испорченныя существа,

способныя на многое дурное, но нельзя забывать, что все же это—*дѣти*, и что у нихъ нѣтъ главнаго условія для юридическаго вмѣненія—зрѣлой сознательности. Слѣдовательно, заведенія для принудительнаго воспитанія должны быть совершенно чужды тюремнаго характера; слѣдовательно, необходимо считаться и съ ихъ названіемъ. Вполнѣ сознaлъ это пока лишь англійскій законъ. Въ Англіи судья, примѣняя къ ребенку ограждающій общество законъ, отнюдь не рѣшаетъ вопроса о преступности этого ребенка, а обсуждаетъ только, нуждается ли онъ, по окружающимъ его условіямъ, въ принудительномъ воспитаніи („индустріальныя школы").

Любопытно также симпатичное и вполнѣ научное опредѣленіе „прирожденной преступности", даваемое въ этой же брошюрѣ г. Дрилемъ: „Если говорить о какомъ-то загадочномъ абстрактномъ предрасположеніи къ преступленію, какъ таковому, внѣ зависимости отъ особенностей внѣшнихъ условій, среди которыхъ данное лицо живетъ и дѣйствуетъ, то это, конечно, будетъ необоснованнымъ утвержденіемъ. Существованіе такого предрасположенія мы доказать не можемъ. Въ иномъ видѣ представится тотъ же вопросъ, если говорить объ опредѣленныхъ особенностяхъ даннаго лица, которыя, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ особенностей жизненной обстановки, могутъ наталкивать его на преступную дѣятельность".

Почти каждое положеніе брошюры подкрѣплено рядомъ интересныхъ и жизненныхъ примѣровъ. Выяснивъ недостатки современнаго принудительнаго воспитанія (напр., отсутствіе необходимаго медико-педагогическаго надзора), г. Дриль справедливо заключаетъ, что дѣло это тогда только выйдетъ у насъ изъ современнаго мертвеннаго состоянія, когда и государство, и общество вполнѣ сознаютъ его первостепенную важность и серьезность. „Мнѣ припоминается извѣстный мѣткій отвѣтъ одного шведа на вопросъ, не слишкомъ ли дорого обходится воспитаніе заброшенныхъ дѣтей улицы. Да, это большой расходъ, отвѣтилъ онъ, но мы, шведы, не настолько богаты, чтобы оставлять ребенка въ невѣжествѣ, нищетѣ и преступленіи и тѣмъ самымъ дозволять ему сдѣлаться бичемъ для общества и позоромъ для самого себя. Въ этихъ словахъ, — прибавляетъ г. Дриль, — заключается глубокая истина, смыслъ которой выходитъ за предѣлы вопроса о брошенныхъ дѣтяхъ и распространяется на всѣ вообще важныя общественныя нестроенія. Особенно это нужно сказать въ настоящее время, когда на міровой сценѣ сходятся всѣ націи для совмѣстной культурной работы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и для упорной борьбы за возможно большее преобладаніе. И въ этой борьбѣ, несомнѣнно, будутъ имѣть успѣхъ только націи, въ возможно большей своей части умственно и нравственно хорошо вооруженныя. Націи же въ этихъ отношеніяхъ слабыя должны будутъ постепенно отсту-

пать и въ конечномъ результатѣ, быть можетъ, сходить со сцены. Поэтому всякое общество, во имя будущихъ своихъ судебъ и благосостоянія, жизненно заинтересовано въ правильной организаціи обученія и воспитанія массъ, на которыхъ покоятся его сила и крѣпость".

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала ***не продаются.*** Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Антонъ Чеховъ. Повѣсти и разсказы. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. Ц. 1 р. 50, съ перес. 1 р. 75 к.

Николай Юровской. У моря. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Кн. В. В. Барятинскій. Лоло и Лала. Спб. 1900. Ц. 60 к.

И. Потапенко. Докторъ Кочневъ. Повѣсть. Изд. кн. склада Д. П. Ефимова. М. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

И. Потапенко. Безъ промаха и святочные разсказы. Изд. кн. склада Д. П. Ефимова. М. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

И. А. Саловъ. Три разсказа. Изд. редакціи «Читателя». М. 1900. Ц. 75 к.

И. А. Саловъ. Несобравшіяся дрожжи. Изд. редакціи «Читателя». М. 1900. Ц. 60 к.

Н. А. Лейкинъ. Христова невѣста. Романъ. 4-е изданіе. Спб. 1901. Ц. 75 к.

В. Гиляровскій. Негативы. М. 1900. Ц. 75 к.

Скуки ради! ***А. Левъ*** и ***К. М. Фофановъ.*** Изданіе А. Е. Алѣева. Харьковъ. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

Иллюзіи. Стихотворенія ***К. М. Фофанова.*** Съ портретомъ. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1900. Ц. 2 р.

И. Записной. Риѳмованныя мысли. Изданіе редакціи газеты «Котлинъ». Кронштадтъ. 1900.

Торквато Тассо. Освобожденный Іерусалимъ. Поэма. Перевелъ съ итал. Дмитрій Минъ. Изданіе А. С. Суворина. («Дешевая библіотека»). Спб. Ц. за три тома 75 к.

Г. Бичеръ-Стоу. Хижина дяди Тома. Сокращенный переводъ и изданіе О. Н. Поповой. Съ 18 рис. Спб. 1900. Ц. 25 к.

Теодоръ Іеске-Хоинскій. Заходящее свѣтило. Романъ изъ временъ Марка Аврелія. Переводъ съ польск. М. И. Коссовскаго. М. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

Э. Вернеръ. Заколдованное золото. Переводъ съ нѣм. А. В. Перелыгиной. Изданіе кн. склада Д. П. Ефимова. М. 1900. Ц. 1 р.

Э. Вернеръ. Фата-моргана. Романъ Переводъ съ нѣм. М. Б. Изданіе кн. склада Д. П. Ефимова. М. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

«Новая библіотека». Изданіе «Русской Мысли». М. 1901. ***Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.*** Башка. 10 к.—***А. И. Эртель.*** Офицерша. Подъ шумъ вьюги. Ц. 15 к.

Малымъ ребятамъ. Разсказы, сказки и стихи. Изданіе «Посредника». Кн. XIII—XVIII. М. 1900. Ц. $1^1/_2$ к. за книжку.

Изданія «Посредника». М. 1900. Супротивникъ. ***С. Т. Семенова*** Ц. 3 к.—Сказаніе о гордомъ Аггеѣ. ***В. Гаршина.*** Ц. $1^1/_2$ к.—Смерть Ивана Ильича. ***Гр. Л. Н. Толстого.*** Ц. 6 к.—Пойдемъ за нимъ. Сборникъ ***В. Б.*** Ц. 3 к.—Отвѣтъ мертвеца. Ц. $1^1/_2$ к.—Султанъ Мохамедъ. Ц. $1^1/_2$ к.—Верблюдъ и сѣверный олень. ***Вл. Львова.*** Ц. $1^1/_2$ к.—Гришка. Добытчикъ. ***П. Хотымскаго.*** Ц. $1^1/_2$ к.—Пастухъ и царскій казначей. ***И. Горбунова-Посадова.*** Ц. $1^1/_2$ к.—Бѣлая мышка. ***Э. Моро.*** Переводъ съ франц. Ц. $1^1/_2$ к.—Подарокъ пруссака. ***Томсона.*** Переводъ съ англ. Ц. $1^1/_2$ к.—Бѣлый гость. ***И. Горбунова-Посадова.*** Ц. $1^1/_2$

к.—Крушеніе корабля. ***А. Додэ.*** Ц. $1^1/_2$ к.—Дружки. ***М. Горькаго.*** Ц. $1^1/_2$ к.—Простая душа. ***П. Добротворскаго.*** Ц. $1^1/_2$ к.

Малый кобзарь. ***Т. Г. Шевченко.*** Черкасы. 1900. Ц. 5 к.

Въ память женщины-врача Е. П. Серебренниковой. Литературный сборникъ. Съ портретомъ. Изданъ при пособіи Пермскаго губернскаго земства на учрежденіе стипендіи въ женскомъ медиц. институтѣ. Спб. 1900. Ц. 2 р. 50 к.

Литературная хрестоматія для всѣхъ. Составлена одесскимъ о—вомъ любителей науки, литературы и искусства. Изданіе южно-русскаго о-ва печатнаго дѣла. Т. I, вып. I. Одесса. 1900. Ц. 1 р. 25 к.

Русская исторія въ разсказахъ. ***В. П. Алексѣевъ.*** Изданіе т-ва И. Д. Сытина для школъ и народа. М. 1900. I. Кто были наши предки славяне. Съ 4 рис. Ц. 5 к.—II. Первые русскіе князья. Съ 9 рис. Ц. 5 к.—III. Владиміръ Святой и крещеніе Руси. Съ 6 рис. Ц. 5 к.—IV. Великій князь Ярославъ. Съ 5 рис. Ц. 5 к.—V. Владиміръ Мономахъ и Андрей Боголюбскій. Съ 9 рис. Ц. 8 к.—VI. Нашествіе татаръ и Александръ Невскій. Съ 10 рис. Ц. 8 к.

Протопопъ Аввакумъ. Очеркъ изъ исторіи умственной жизни русскаго общества въ XVII вѣкѣ. ***А. К. Бороздина.*** 2-е изданіе, А. С. Суворина. Спб. 1900. Ц. 2 р. 50 к.

Сто лѣтъ литературнаго развитія. Характеристика русской литературы XIX столѣтія. ***А. К. Бороздина.*** Спб. 1900. Ц. 50 к.

Проф. ***Т. Флоринскій.*** Малорусскій языкъ и «украінсько-руський». Литературный сепаратизмъ. Спб. 1900. Ц. 60 к.

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. Составилъ ***А. Ф—въ.*** Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1900.

И. С. Тургеневъ. Неизданныя письма къ г-жѣ Віардо и его французскимъ друзьямъ. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1900. Ц. 2 р.

Ѳ. Д. Батюшковъ. Пушкинъ и Расинъ. (Борисъ Годуновъ и «Athalie»). Спб. 1900.

Густавъ Карпелесъ. Всеобщая исторія литературы отъ начала ея до настоящаго времени. Переводъ съ нѣм. С. Гринберга. Изданіе переводчика. Вып. II. Ц. 30 к.

В. Саводникъ. Е. А. Баратынскій. Критическій очеркъ. М. 1900.

Аполлонъ Коринфскій. Д. Н. Садовниковъ и его поэзія. Изданіе П. П. Сойкина. Спб. 1900. Ц. 50 к.

И. Карѣевъ. М. С, Корелинъ, какъ историкъ гуманизма. М. 1900.

Ал. О. Недолинъ. Психологія босячества (По соч. М. Горькаго). Одесса. 1900. Ц. 20 к.

Религіозныя вѣрованія съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Сборникъ лекцій и статей иностранныхъ ученыхъ и публицистовъ. До-христіанскія и не-христіанскія вѣрованія. Переводъ съ англ. В. А. Тимирязева. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1900. Ц. 2 р.

Генри Джорджъ. Синтетическая философія Герберта Спенсера. Критическій очеркъ. Переводъ съ англ. С. Д. Николаева. Изданіе М. Е. Конусова. М. 1900. Ц. 20 к.

С. Аскольдовъ. Основныя проблемы теоріи познанія и онтологіи. Спб. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

Философскія и соціологическія основанія марксизма. Этюды по соціальному вопросу. ***Масарика.*** Переводъ съ нѣм. П. Николаева. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 1900. Ц. 2 р.

Л. Вольтманъ. Изложеніе и критика марксистскаго міросозерцанія. Переводъ съ нѣм. подъ ред. М. Филиппова. Изданіе Зябицкаго и Пятина. Спб. 1901. Ц. 1 р. 35 к.

Н. И. Зиберъ. Собраніе сочиненій. Т. II. Право и политическая экономія. Съ портретомъ. Изданіе о-ва «Издатель». Спб. 1900. Ц. 2 р. 75 к.

Ф. О. Гертцъ. Вопросы аграрной политики. Съ предисловіемъ Э. Бернштейна. Изданіе В. Н. Головкина. Харьковъ. 1901. Ц. 60 к.

Баденъ-Пауэллъ. Происхожденіе и развитіе деревенскихъ общинъ въ Индіи. Переводъ съ англ. Н. Кончевской. М. 1900. Ц. 70 к.

Леонъ Буржуа. Воспитаніе французской демократіи. Съ приложеніемъ статьи ***Дюкло:*** Недостатки общественнаго образованія. Пер. съ франц. А. Зарайской. Изд. А. А. Никитина. М. 1900. Ц. 1 р.

Е. Марковъ. Грѣхи и нужды нашей средней школы. Спб. 1900. Ц. 60 к.

И. Вороновъ. Къ вопросу о школьныхъ помѣщеніяхъ. Воронежъ 1900.

Указатель наглядныхъ учебныхъ пособій для народныхъ школъ, выработанный Императорскимъ русскимъ техническимъ о-вомъ. Спб. 1900. Ц. 15 к.

Россія въ концѣ XIX вѣка. Подъ общею ред. ***В. И. Ковалевскаго.*** Изд. Коммиссіи по завѣдыванію устройствомъ русскаго отдѣла на всемірной выставкѣ 1900 г. въ Парижѣ. Спб. 1900.

Окраины Россіи. Сибирь, Туркестанъ, Кавказъ и полярная часть Европейской

Россіи. Съ приложеніемъ карты окраинъ. Подъ редакціей ***П. П. Семенова.*** Изд. Коммиссіи по завѣдыванію устройсотвмъ русскаго отдѣла на всемірной выставкѣ 1900 г. въ Парижѣ. Спб. 1900.

Іосифъ Голеченъ. Россія и Западъ. Глава изъ книги «Поѣздка въ Россію». Переводъ съ чешск. Изданіе П. П. Сойкина. Спб. Ц. 75 к.

Николай Карышевъ. Земскія ходатайства. Изданіе кн. маг. А. А. Ланга. М. 1900. Ц. 1 р. 50 к.

П. И. Кедровъ. Современная организація московскаго работнаго дома. Воронежъ. 1900.

П. И. Кедровъ. Условія труда и жизни служащихъ въ аптекахъ фармацевтовъ. Воронежъ 1900.

А. Матвѣевъ. Желѣзное дѣло Россіи въ 1899 г. Изданіе уполномоченныхъ съѣзда уральскихъ горнопромышленниковъ. Спб. 1900.

Душевно-больные Московской губерніи. ***Владиміра Яковенко.*** М. 1900.

Труды коммиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ. Подъ ред. ***М. Н. Нижегородцева.*** Вып. V. Изданіе о-ва охраненія народнаго здравія. Спб. 1900. Ц. 1 р. 25 к.

Нѣкоторыя данныя о движеніи населенія въ Воронежскомъ и Богучарскомъ уу. въ связи со смертностью отъ дѣтскихъ заразныхъ болѣзней. Врача ***В. П. Успенскаго.*** Воронежъ. 1900.

Народная медицина въ Сургутскомъ краѣ. ***И. Я. Неклепаева.*** Спб. 1900.

Физико - математическій ежегодникъ. Съ 128 рис. въ текстѣ и 8 вкладными таблицами. Изданіе кружка авторовъ «Сборника въ помощь самообразованію». Годъ первый. М. 1900. Ц. 2 р. 95 к.

О полученіи трудно сгорающихъ углеродистыхъ газовъ. ***А. П. Лидова.*** Харьковъ. 1900. Ц. 1 р.

М. Тихвинскій. Методъ и система современной химіи. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1900. Ц. 2 р.

Каковы наши искусственныя минеральныя шипучія воды и сиропы? Производство и фальсификація. Составилъ ***Р. Н. Поляковъ.*** Одесса. 1900. Ц. 30 к.

В. Бенетовъ. Опредѣленіе механическаго состава почвы и свойствъ ея по отношенію къ водѣ. Съ 13 рис. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1900. Ц. 30 к.

Водяныя растенія средней Россіи. Иллюстрированный опредѣлитель водяныхъ растеній, дико ростущихъ въ средней Россіи. Составили ***Б. Федченко*** и ***А. Флеровъ.*** Изданіе 2-е. М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1900. Ц. 25 к.

Описаніе Минусинскаго музея. Вып II. Матеріалы по доисторической археологіи и антропологіи. ***К. Горощенко.*** Курганные черепа Минусинскаго округа.—Вып. IV. ***Е. К. Яковлевъ.*** Этнографическій обзоръ инородческаго населенія долины южнаго Енисея и объяснительный каталогъ этнографическаго отдѣла музея. Минусинскъ. 1900.

Естественно-историческій музей Полтавскаго губернскаго земства. Описаніе коллекцій. Полтава. 1900.—Отчетъ за 1898 г. Полтава. 1899.

Огородничество на югѣ Россіи. Пособіе для хозяевъ. Составилъ ***А. С. Карцовъ.*** Статья о строеніи и систематикѣ растеній составлена ***С. И. Коржинскимъ.*** Съ 150 рис. Спб. 1900. Ц. 2 р.

Какъ увеличить корма въ маленькомъ крестьянскомъ хозяйствѣ. Составилъ ***В. Остафьевъ.*** М. 1900. Ц. 15 к.

Береженаго Богъ бережетъ. Несгораемыя крыши. Чтеніе для народа. Составилъ ***С. А. Гатцукъ.*** Изд. редакціи «Школьнаго хозяйства». Спб. 1900. Ц. 3 коп.

Семейный университетъ ***Ф. С. Комарскаго.*** Курсъ II. Вып. VII (III) и VIII (IV). Спб. 1900.

Французско-русскій словарь, составленный по диксіонеру Larouss'a ***В. Е. Каменскимъ.*** Спб. 1900. Ц. 5 р.

«Всегда со мной». Календарь-записная книжка для учащихся въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Составилъ ***Е. И. Петровскій.*** Изданіе А. Шнель. Спб. 1900.

Русскій сельскій календарь на 1901 г. Составилъ ***И. Горбуновъ-Посадовъ.*** М. Ц. 20 к.

Народный календарь на 1901 г. Составилъ ***И. Горбуновъ-Посадовъ.*** М. Ц. 5 к.

Отчетъ Борисоглѣбской публичной библіотеки за 1899 г. Борисоглѣбскъ. 1900.

Отчетъ о-ва для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи за 1899 г. Спб. 1900.

Отчетъ о дѣятельности Харьковской коммиссіи народныхъ чтеній за 1899 г. Харьковъ. 1900.

Отчетъ о дѣятельности Петропавловскаго санитарнаго попечительства въ Одессѣ за 1898—99 гг. Одесса. 1900.

Le gouvernement parlementaire en Angleterre. Par. ***A. Todd.*** П. Р. 1900. Pr. 6 fr. L'ouvrage complet 12 fr.

Литература и жизнь.

«Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія» Людвига Штейна.— Нѣсколько словъ «Міру Божію».

Недавно вышла въ русскомъ переводѣ книга Людвига Штейна „Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія“. Подъ соціальнымъ вопросомъ авторъ разумѣетъ не спеціально вопросъ о положеніи рабочаго класса и не спеціально экономическую сторону общественной жизни, какъ его разумѣютъ обыкновенно, а „цѣлую перепутанную, переплетающуюся сѣть соціальныхъ вопросовъ“. Вслѣдствіе этого его книга представляетъ собою нѣчто въ родѣ энциклопедіи общественныхъ наукъ. Она раздѣляется на три отдѣла: 1) „Первоначальныя формы общественной жизни“, 2) „Очерки исторіи общественной философіи“ и 3) „Основныя черты системы общественной философіи“. Въ ней есть главы, посвященныя „первобытной семьѣ и ея развитію“, „происхожденію собственности и ея психическимъ моментамъ“, „происхожденію и общественному характеру языка“, „происхожденію и общественному характеру права“, „происхожденію и общественному значенію религіи“, исторіи „общественной философіи“, вопросу о „вѣчномъ мирѣ“ и т. д. Понятно, что, не смотря на обширный размѣръ книги (слишкомъ 700 страницъ въ русскомъ изданіи), не всѣ отдѣлы ея одинаково разработаны даже въ фактическомъ отношеніи, независимо отъ личныхъ взглядовъ Штейна на тотъ или другой вопросъ. Одно изъ достоинствъ книги составляютъ обильныя указанія на литературу предмета; но, говоря, напримѣръ, о развитіи цвѣтового чувства у человѣка, авторъ ссылается на давно опровергнутую теорію Гейгера и Гладстона. Вопросъ о значеніи расы и національности, какъ соціологическаго фактора, едва затронутъ и, можетъ быть, благодаря этому, въ книгѣ встрѣчается, напримѣръ, такое забавное противорѣчіе. На стр. 287 читаемъ: „Такъ какъ англичане всегда бываютъ людьми идеи, а французы людьми дѣла, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о радикальныхъ экономическихъ экспериментахъ, то предшественники теоріи физіократовъ появились въ Англіи“. А на стр. 339: „Великіе импульсы исходятъ по большей части отъ романскихъ народовъ, особенно отъ французовъ, великія же дѣла совершаются преимущественно германскими народами—англичанами и нѣмцами“. И это опять таки подтверждается историческими примѣрами.

Каковы бы ни были эти фактическіе недочеты и частныя противорѣчія, очень естественные въ такой большой и сложной работѣ (Штейнъ самъ оговариваетъ ихъ возможность на стр. 24—25),—самая попытка поставить „соціальный вопросъ" въ рамки болѣе широкія, чѣмъ это дѣлается обыкновенно, заслуживаетъ полнаго вниманія. Къ сожалѣнію, попытка Штейна страдаетъ недостатками, гораздо болѣе важными, чѣмъ неравномѣрность разработки различныхъ сторонъ соціальнаго вопроса или фактическіе недочеты и недосмотры.

По опредѣленію Штейна, соціологія или, какъ онъ предпочитаетъ выражаться, соціальная философія имѣетъ цѣлью „изслѣдованіе всѣхъ формъ общественнаго сожительства", а вмѣстѣ съ тѣмъ „призвана создавать научные императивы для общественной жизни". Кромѣ трудности задачи, зависящей отъ чрезвычайной ея сложности, Штейнъ приводитъ „и другое возраженіе противъ философскаго изслѣдованія соціальнаго вопроса", основанное „на измѣнчивости самой задачи и на возможности партійнаго ея освѣщенія". „По этому поводу—говоритъ онъ—я замѣчу, что я не принадлежу ни къ одной изъ существующихъ политическихъ партій и имѣю претензію стоять выше всѣхъ партій... Цѣлью предлагаемой здѣсь попытки философскаго освѣщенія соціальнаго вопроса я ставлю поднятіе обсужденія до требуемаго Спинозой уровня — sub aeternitatis specie. Философія никогда не имѣла, да и не должна имѣть иныхъ стремленій, кромѣ стремленія къ обобщенію той суммы объективныхъ истинъ, которыя достигнуты въ данную историческую минуту... Потому задачей предлагаемаго изслѣдованія должно быть,—не обращая вниманія на взаимно противорѣчащія и перекрещивающіяся мнѣнія и на разные политическіе лозунги,—сообщить и обобщить сумму соціологическихъ истинъ, поскольку это возможно при современномъ состояніи соціологической науки. Для философа, разсматривающаго общественное развитіе sub aeternitatis specie и привыкшаго координировать каждое отдѣльное явленіе съ великимъ міровымъ цѣлымъ, современныя политическія группировки партій представляются только преходящими случайными моментами въ соціальномъ развитіи человѣчества; для него политическія знаменитости сегодняшняго дня только маріонетки *), танцующія на проволокѣ естественнаго мірового развитія. Человѣкъ партіи интересуется только мѣстнымъ и современнымъ, а философъ изслѣдуетъ вѣчное и повсемѣстное. Первый оглушаетъ себя въ полити-

*) Это на стр. 27. На стр. 486, говоря о значеніи великихъ людей въ исторіи, Штейнъ спрашиваетъ: «Представляетъ ли Дарвинъ, какъ личность, нуль и маріонетку?» И, конечно, Дарвинъ оказывается не маріонеткой. Да и «люди въ родѣ Александра Великаго, Цезаря, Фридриха II и Наполеона относительно созданія общественныхъ фактовъ нѣсколько больше, чѣмъ простые нули и маріонетки» (481).

ческихъ оргіяхъ своего времени и слѣпо движется къ ближайшей цѣли, а философъ сохраняетъ хладнокровіе и широту міровоззрѣнія и среди окружающихъ его политическихъ вакханалій". Штейнъ говоритъ еще много презрительнаго по адресу сутолоки текущей жизни и ея дѣятелей, и кое съ чѣмъ изъ этихъ презрительныхъ разговоровъ намъ сейчасъ же придется имѣть дѣло, а пока съ насъ довольно и приведеннаго.

Когда человѣкъ заявляетъ, что онъ стоитъ внѣ всѣхъ наличныхъ политическихъ партій, онъ не утверждаетъ ничего невозможнаго или невѣроятнаго. Наличныя партіи, какъ-бы онѣ ни были многочисленны и враждебны другъ другу, могутъ далеко не исчерпывать всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія на данный предметъ или всѣхъ возможныхъ способовъ дѣйствія. Только рабская ненависть къ оригинальности желаетъ непремѣнно втиснуть всѣхъ и каждаго въ ходячія формулы. Но независимость отъ существующихъ въ данную минуту взглядовъ отнюдь не есть ни такъ называемый объективизмъ вообще, ни въ частности, та его разновидность, которую хочетъ практиковать Штейнъ, оцѣнивая текущія земныя дѣла съ надзвѣздной высоты вѣчности, sub aeternitatis specie. Можно, конечно, съ увѣренностью сказать, что Штейнъ этой своей программы не выдержитъ, и не потому, чтобы у него лично не хватало для этого силъ, а потому что программа эта вообще не исполнима. Какова-бы ни была роль объективнаго изслѣдованія въ первой половинѣ задачи соціологіи, какъ ее понимаетъ Штейнъ,—есть-ли какая-нибудь возможность „создавать императивы для общественной жизни", то-есть указывать образъ дѣйствія въ настоящую минуту, съ объективной точки зрѣнія или sub aeternitatis specie? Надо еще замѣтить, что современный уровень соціологіи Штейнъ признаетъ чрезвычайно низкимъ. Бурно негодуя противъ вмѣшательства профановъ въ обсужденіе общественныхъ вопросовъ, онъ и своимъ коллегамъ, профессіональнымъ ученымъ, отказываетъ въ достаточной компетентности. Онъ говоритъ: „Я придерживаюсь того нѣсколько старомоднаго воззрѣнія, что изслѣдованіе такого сложнаго вопроса, какимъ представляется мнѣ вопросъ соціальный, есть дѣло только серьезныхъ ученыхъ, разсчитывающихъ на серьезно образованныхъ читателей. Я откровенно признаюсь, что не вижу спасенія въ черезчуръ широкомъ демократизированіи сложныхъ соціологическихъ вопросовъ. Я настаиваю на нѣкоторой литературной стыдливости и цѣломудріи мысли. Летучее краснорѣчіе ежедневной политической прессы или шумное ораторство политиковъ пивныхъ не представляется мнѣ единственной инстанціей, пригодной для рѣшенія такихъ безконечно сложныхъ, глубоко коренящихся во всемъ строѣ нашей культуры вопросовъ. Такая наука, какъ только что созидающаяся соціологія, основой которой служатъ тоже еще очень молодыя науки: палеонтологія, антропологія, сравнительная

этнографія, народная психологія и нравственная статистика, въ настоящее время еще не можетъ быть популярной. Ея данныя пока еще черезчуръ отрывочны, да и самыя данныя черезчуръ спорны, такъ что серьезный соціологъ не рѣшится появиться передъ большой публикой съ результатами, якобы вполнѣ готовыми... Наша мыслительная мастерская еще только открывается. Сырье еще разбросано по ней безъ всякаго порядка, оно еще ждетъ художественной обработки. При подобныхъ условіяхъ мы поступимъ гораздо благоразумнѣе, если старательно закроемъ ставни нашей мастерской, чтобы ни одинъ зѣвака не могъ посмотрѣть въ щелку и не сообщилъ-бы толпѣ, что у насъ дѣлается". И т. д., и т. д. Штейнъ еще долго развиваетъ или, пожалуй, точнѣе, размазываетъ эту двойственную мысль, презрительной ироніей убѣждая „зѣвакъ", „праздную и капризную толпу", профановъ, не соваться въ рѣшеніе общественныхъ вопросовъ и въ то же время утверждая, что спеціалистамъ еще нечему учить эту толпу, а потому имъ надлежитъ на глухо запереться въ своихъ ученыхъ кабинетахъ.

Курьезно, что все это говоритъ человѣкъ, выпустившій въ толпу книгу соціологическаго содержанія въ 700 страницъ. Быть можетъ, еще курьезнѣе, что онъ предлагаетъ теперь же „создать организацію, въ которой были бы представлены всѣ отрасли знанія ихъ талантливѣйшими спеціалистами, нѣчто въ родѣ Универсальной Академіи". Учрежденію этому предстоитъ задача „представлять собою сумму человѣческихъ знаній въ возбуждающемъ почтеніе единствѣ ихъ и авторитетно высказывать свое научное мнѣніе о всѣхъ вопросахъ общественной жизни"; эта научная организація будетъ „параллельна той, какая существовала въ средніе вѣка въ папствѣ и имперіи, и въ новое время въ конгрессахъ государствъ". „Декреты такой универсальной академіи... и суть тѣ научные императивы, которыхъ мы требуемъ, которые мы прямо признаемъ необходимымъ результатомъ всѣхъ нашихъ общественно-философскихъ изысканій" (652—653).

Если даже предположить, что засѣданія и вообще работы „универсальной академіи" будутъ происходить при закрытыхъ дверяхъ и запертыхъ ставняхъ, дабы какой-нибудь зѣвака не разболталъ толпѣ, что тамъ дѣлается,—то, спрашивается, какіе же „императивы" она будетъ выносить человѣчеству, когда „наша мыслительная мастерская еще только открывается"? Въ довершеніе курьеза Штейнъ въ одномъ мѣстѣ сбрасываетъ съ себя тогу профессіональнаго ученаго и кандидата въ универсальную академію, равную по своему значенію средневѣковому папству и имперіи, и пишетъ: „Мы сознаемъ, что только наивная любовь къ образамъ, только литературная смѣлость можетъ рѣшиться на попытку овладѣть такимъ измѣнчивымъ и недостовѣрнымъ матеріаломъ. Пусть будетъ такъ! Если бы люди дѣйствовали постоянно на осно-

ваніи самокритики и страшились-бы всякаго новаго предпріятія, то вскорѣ всякая фантазія ослабѣла-бы и всякая творческая сила изсякла-бы“ (32).

Такимъ образомъ, Штейнъ рекомендуется своимъ читателямъ (и слушателямъ, такъ какъ книга его составилась изъ публичныхъ лекцій) въ нѣскольких, довольно-таки трудно согласимыхъ видахъ. То онъ скромный ученый, сознающій неразработанность своей спеціальности, то членъ универсальной академіи, дающій „императивы“ человѣчеству съ такою же увѣренностью, съ какою ихъ давалъ въ средніе вѣка папа; то, во имя „литературной стыдливости“, надменно гонитъ профановъ съ арены рѣшенія общественныхъ вопросовъ, то, подъ знаменемъ „литературной смѣлости“, самъ становится въ ряды ихъ. И эти противорѣчія, конечно, гораздо существеннѣе случайныхъ недосмотровъ на счетъ того, кто люди дѣла и кто люди идеи—англичане или французы...

Исходя изъ того положенія, что исторія человѣчества есть лишь отрывокъ изъ исторіи вселенной, и насчитывая четыре общихъ принципа, управляющихъ ходомъ вещей въ природѣ, Штейнъ пытается найти имъ приложеніе въ „соціальной философіи“. Принципы эти суть: причинность, непрерывность, развитіе и имманентная телеологія. Принципы или законы причинности и развитія (эволюціи) не требуютъ разъясненій: здѣсь Штейнъ стоитъ на почвѣ, общей всей современной наукѣ. Что касается принципа непрерывности, то Рейхесбергъ (Die Sociologie, die sociale Frage und der sogen. Rechtssocialismus) справедливо замѣчаетъ, что онъ является совершенно лишнимъ, какъ особая категорія. Дѣйствительно, самъ Штейнъ говоритъ: „Разъ доказано дѣйствіе закона причинности въ мірѣ духа, то доказана вмѣстѣ съ этимъ и непрерывность въ исторіи этого духовнаго міра. Потому что непрерывность есть просто коррелативъ причинности. Если процессъ развитія человѣческаго духа есть процессъ необходимый, то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимо непрерывный“ (44). Совершенно также справедливо указаніе Рейхесберга на несостоятельность того, что Штейнъ называетъ принципомъ или закономъ имманентной телеологіи. „Понятіе причинности — говоритъ Штейнъ, — въ его примѣненіи къ исторіи учитъ насъ только тому, что прогрессъ цивилизаціи долженъ былъ необходимо происходить такъ, какъ онъ происходилъ, а болѣе широкое понятіе о развитіи говоритъ намъ, что этотъ процессъ былъ не только необходимымъ, но и счастливымъ, такъ какъ въ стремленіи къ новымъ формамъ существованія удержалось только наиболѣе полезное и наиболѣе приспособленное, тогда какъ менѣе полезное и неспособное къ жизни погибало. Такимъ образомъ, причинность въ исторіи всѣхъ фазисовъ развитія жизни не механическая, какъ у Бокля, а телеологическая“ (38). Штейнъ не утверждаетъ, что развитіе человѣчества „было чисто телеологическимъ, а только то, что оно проис-

ходило имманентно телеологически". Онъ старается отличить свою имманентную телеологію отъ телеологіи „объективной и абсолютной" или „трансцедентальной". „Для настоящаго телеолога—поясняетъ онъ — не только всякое волевое дѣйствіе приспособлено къ цѣли, но и вообще все происходящее. Наоборотъ, имманетная телеологія сомнѣвается въ абсолютной цѣлесообразности всего происходящаго въ природѣ или даже прямо отрицаетъ ее и примѣняетъ масштабъ телеологіи только къ проявленіямъ воли, и въ особенности воли человѣческой". Съ точки зрѣнія объективной, абсолютной телеологіи мы должны бы были признать средніе вѣка эпохой „регрессивной" и нецѣлесообразной. Иначе освѣщаются средніе вѣка имманентной телеологіей. „Не намъ, стоящимъ на плечахъ прежнихъ поколѣній и имѣющимъ возможность съ этой высоты разсматривать теченіе міроваго процесса, приходится рѣшать, что было полезно для поколѣнія, которому впервые было возвѣщено евангеліе Христово, а самому этому поколѣнію. Каждое поколѣніе въ исторіи—или, лучше сказать, его духовные вожди—съ инстинктомъ самосохраненія необходимо дѣлаетъ то, что ему въ данную минуту представляется наиболѣе полезнымъ". Поэтому „такая историко-философская проблема, какъ кажущаяся пріостановка развитія духовной культуры въ теченіе среднихъ вѣковъ, неразрѣшимая при признаніи цѣлесообразности въ исторіи, разрѣшается чрезвычайно легко. Съ одной стороны, можно указать, что при надлежащемъ критическомъ изслѣдованіи возможно открыть извѣстную непрерывность развитія духовной культуры и въ теченіе среднихъ вѣковъ, а съ другой,—можно утверждать, что тамъ, гдѣ мы видимъ регрессивное, противное цѣли движеніе, такая нецѣлесообразность есть просто обманъ нашего разума".

Все это разсужденіе истинно поразительно своею многостороннею, логическою и фактическою, нескладностью. Что люди поступаютъ съ извѣстными цѣлями, это, конечно, несомнѣнно, но, во-первыхъ, цѣли эти относятся къ области не только полезнаго, а и пріятнаго, что далеко не одно и то же, тѣмъ болѣе, что пріятное зависитъ отъ вкусовъ, которые бываютъ высокіе и низменные, тонкіе и грубые; во-вторыхъ, людямъ и относительно собственной пользы свойственно ошибаться, такъ что если они и дѣлаютъ то, что имъ „представляется" полезнымъ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы ихъ дѣйствія были имъ дѣйствительно полезны; въ-третьихъ, имѣя въ виду общій ходъ исторіи, не найдется ни одного „поколѣнія", которое было бы единодушно въ своихъ цѣляхъ и не раздиралось бы религіозною, политическою, экономическою, умственною рознью: поколѣніе, которому впервые было возвѣщено евангеліе Христа, выставило и христіанъ и гонителей христіанства. Забвеніе столь элементарныхъ вещей объясняется у Штейна только его оптимизмомъ, желаніемъ доказать слушателямъ, читателямъ, да и самому себѣ, что все идетъ къ лучшему

въ семъ наилучшемъ изъ міровъ, что человѣчество „непрерывно“ выработываетъ для себя все высшія, лучшія общественныя формы, все и въ другихъ отношеніяхъ совершенствуется и становится счастливѣе. Изгоняя изъ своего міросозерцанія „абсолютную“ телеологію, онъ возвращается къ ней черезъ другія ворота. Въ самомъ дѣлѣ, не все ли равно, абсолютная или „имманентная цѣлесообразность исторіи сама собой, хоть и медленно, кажущимися обходными путями, ведетъ къ все болѣе высокимъ формамъ существованія“ (47—48)? „*Въ природѣ* ничто не остается неизмѣннымъ; все развивается, и притомъ вверхъ, т. е. по лѣстницѣ все восходящей цѣлесообразности“ (39). Въ этой фразѣ есть уже намекъ на то, что и къ неорганической природѣ, — въ которой по приведенному заявленію цѣлесообразность отсутствуетъ и дѣйствуетъ лишь причинность,—что и къ ней приложима телеологическая точка зрѣнія. И эта мысль получаетъ мѣстами еще болѣе яркое выраженіе. Напримѣръ: „Если бы вселенная была въ дѣйствительности только слѣпой игрой мертвой матеріи, молекулярнымъ движеніемъ эфира, если бы она была чисто механическимъ, не имѣющимъ смысла и цѣли процессомъ, тогда жизнь дѣйствительно была бы дѣломъ, не стоющимъ издержекъ, какъ выражается Шопенгауеръ“ (705). Такимъ образомъ, граница между абсолютной и имманентной телеологіей (волевые процессы) окончательно стирается, и Штейнъ совершенно всуе поминаетъ свою имманентную телеологію въ слѣдующей характерной фразѣ: „Философія, знающая свои предѣлы, не можетъ выступать съ претензіей исправлять направленіе развитія, предписываемое человѣчеству имманентной телеологіей, и тѣмъ болѣе замѣнить его новымъ направленіемъ“ (707).

Мы видѣли, что принципъ или законъ непрерывности не имѣетъ резона претендовать на самостоятельное положеніе, такъ какъ, по собственному указанію Штейна, непрерывность есть „просто коррелятивъ причинности“. Штейну онъ важенъ не самъ по себѣ, а въ видахъ все того же его оптимизма. Для него дѣло не въ непрерывности историческаго процесса вообще,—это само собой разумѣется,—а въ непрерывности *цѣлесообразнаго* процесса, ведомаго имманентною телеологіей къ все большему и большему счастію человѣчества. Развитіе въ этомъ направленіи „непрерывное и непрекращающееся“; только „темпъ этого развитія можетъ быть различенъ“, но и то лишь „смотря по тому, требуетъ ли имманентная цѣлесообразность, дѣятельный агентъ этого развитія, ускоренія или наоборотъ замедленія“.

Само собою разумѣется, что, когда рѣчь заходитъ о конкретныхъ фактахъ, безпорочная, неошибающаяся имманентная цѣлесообразность оказывается сплошь и рядомъ отсутствующею. Такъ, „волевыя дѣйствія“ французовъ, въ каковыхъ дѣйствіяхъ и должна выражаться имманентная цѣлесообразность, — отнюдь не цѣле-

сообразны: „нація, въ которой въ рѣшительные политическіе моменты улицѣ предоставляется рѣшающее слово, къ сожалѣнію, менѣе способна повиноваться холоднымъ законамъ общественной логики, чѣмъ разнузданно слушаться своего темперамента“. Да и вообще „печально то, что соціологи должны, безучастно скрестивъ руки, смотрѣть на то, что народы, самоубійственно не признавая очевидныхъ законовъ общественнаго развитія, идутъ къ своей національной погибели, вмѣсто того, чтобы подчиняться велѣніямъ общественнаго разума“ (675).

Все это, однако, ровно ничего не значитъ, если смотрѣть на вещи sub aeternitatis specie, и печалиться соціологамъ совсѣмъ не о чемъ. Во-первыхъ потому, что они вѣдь пока еще очень мало знаютъ, должны работать при закрытыхъ ставняхъ и можетъ быть очень ошибаются насчетъ „холодныхъ законовъ общественной логики“ и „велѣній общественнаго разума“. Во-вторыхъ потому, что можетъ быть имманентная телеологія, всезнающая и всемогущая, именно и требуетъ погибели Франціи или какой другой націи съ слишкомъ пылкимъ темпераментомъ, хотя при этомъ и остается загадкой,—зачѣмъ же она вызвала или породила этотъ слишкомъ пылкій темпераментъ... Въ виду всего этого оставимъ имманентную телеологію въ покоѣ и посмотримъ на самый историческій процессъ, какъ онъ рисуется Штейну независимо отъ того, ведетъ ли онъ къ счастію человѣчества и высшимъ формамъ общественной жизни или къ чему-нибудь иному. На этомъ пунктѣ мы и сосредоточимъ свое вниманіе, лишь попутно затрогивая остальное содержаніе книги Штейна. Каковы бы, однако, ни были результаты, къ которымъ мы придемъ въ этомъ отношеніи, я не хотѣлъ бы оставить читателя подъ впечатлѣніемъ тѣхъ противорѣчій и недодуманностей, какія мы до сихъ поръ видѣли въ работѣ Штейна: она будетъ во всякомъ случаѣ полезна для русскаго читателя многими содержащимися въ ней правильными мыслями, не говоря уже объ обильныхъ указаніяхъ на литературу различныхъ сторонъ „соціальнаго вопроса“.

Было время господства идиллической теоріи полной гармоніи интересовъ отдѣльной личности, индивидуума и общества, какъ соціальной единицы, какъ юридическаго лица. Идиллія эта давно уже начала тускнѣть въ сознаніи людей искренней мысли, а въ послѣднее время такіе выдающіеся и вмѣстѣ съ тѣмъ во многихъ отношеніяхъ рѣзко расходящіеся писатели, какъ, напримѣръ, Киддъ и Ничше, прямо говорятъ о противоположности интересовъ личности и общества и кладутъ этотъ антагонизмъ въ основу всего историческаго процесса. Признаетъ этотъ антагонизмъ и Штейнъ, и если искать у него наиболѣе общаго выраженія для опредѣленія историческаго процесса, то это будетъ „борьба за

индивидуальность" (Kampf um die Individualität). Терминъ этотъ давно знакомъ русскому читателю, интересующемуся соціологическими вопросами. Уже двадцать пять лѣтъ тому назадъ принципъ борьбы за индивидуальность былъ предложенъ мною, какъ для объективнаго руководства въ пестрой картинѣ фактическаго матеріала исторіи, такъ и въ качествѣ исходной точки для субъективной выработки „императивовъ". Я не могу, однако, согласиться съ тѣмъ примѣненіемъ этого принципа, которое дѣлаетъ Штейнъ.

„Общественный идеалъ съ философской точки зрѣнія,—говоритъ Штейнъ,—есть переходъ отъ коммунизма къ индивидуализму, смягчаемому государственными учрежденіями" (99). Обращаю вниманіе читателя на это сочетаніе словъ: „общественный идеалъ, есть „переходъ", не опредѣленная какая-нибудь точка, а переходъ, процессъ. Мы увидимъ въ свое время, что эта постановка вопроса характерна для самыхъ разнообразныхъ умственныхъ теченій нашего времени. Что же касается приведенной формулы въ другихъ отношеніяхъ, то, какъ бы широко мы ни понимали идею,государства, съ философской точки зрѣнія, какъ ее толкуетъ Штейнъ, съ точки зрѣнія „вѣчности", формула эта очевидно немножко скудна. Надо замѣтить, что Штейнъ на протяженіи своей книги вкладываетъ въ слово „общество" очень разный смыслъ. То онъ разумѣетъ подъ нимъ всякую форму общежитія, будь то семья или государство, орда или сословіе; то рѣзко отличаетъ Gesellchaft, общество, и Gemeinschaft, что русскій переводчикъ передаетъ словомъ община, и чему авторъ даетъ такое опредѣленіе: „община есть та первичная соціальная форма, при которой люди безъ всякаго внѣшняго договора и безъ законной санкціи, руководясь однимъ только естественнымъ инстинктомъ, оказываютъ другъ другу услуги, взаимно защищаютъ и поддерживаютъ другъ друга" (57). Но затѣмъ оказывается, что „сущность общества состоитъ въ добровольномъ сотрудничествѣ принадлежащихъ къ нему индивидуумовъ, а сущность государства въ сотрудничествѣ вынужденномъ" (499). Такимъ образомъ „внѣшній договоръ и законная санкція" остаются, повидимому, только за государствомъ. Мы знаемъ, однако, что контроль современнаго государства простирается на семью и на акціонерную компанію, на союзы рабочихъ и на союзы предпринимателей, на клубы и рабочія артели и т. д. Всѣ эти общественныя формы, такъ сказать, обволакиваются государствомъ и получаютъ отъ него „законную санкцію". Но, противопоставляя общество государству, Штейнъ и разумѣетъ подъ первымъ нѣчто очень отличное отъ упомянутыхъ формъ, а именно: „тотъ мыслящій, размышляющій о своей судьбѣ слой населенія всѣхъ культурныхъ государствъ, который обладаетъ способностью относиться критически къ положенію общественныхъ дѣлъ". Это „общество является общеніемъ міроваго гражданства, тогда какъ

государство представляетъ общеніе національное". Мнѣніе этого общества, по словамъ Штейна, „выступаетъ теперь съ такою же повелительною силою, какъ въ средніе вѣка церковь". Въ этомъ позволительно сомнѣваться, равно какъ въ самомъ существованіи единаго, единогласнаго и единодушнаго „мірового гражданства". Но разъ Штейнъ его допускаетъ, оно клиномъ врѣзывается въ тотъ переходъ отъ первобытнаго коммунизма къ индивидуализму, умѣряемому государственными учрежденіями, который составляетъ общественный идеалъ Штейна; ибо, какъ онъ и самъ говоритъ, „границы государства, такимъ образомъ, значительно уже границъ общества".

Наконецъ, мы получаемъ отъ Штейна и еще одно опредѣленіе общества, на этотъ разъ обнимающее, повидимому, всѣ формы общежитія и сотрудничества. Мы видѣли, что „міровое гражданство" столь солидарно и столь этою солидарностью сильно, что его въ этомъ отношеніи можно сравнить съ средневѣковою церковью. Это на стр. 499, а на стр. 495 намъ сообщаютъ: „въ средніе вѣка всѣ, принадлежавшіе къ одному религіозному или политическому кругу, за малыми исключеніями, имѣли одинаковыя вѣрованія, на основаніи извѣстной теоріи cujus regio, illius religio; теперь, напротивъ, образованная и даже полуобразованная личность психически дифференцирована столь значительно, что въ одномъ и томъ же семейномъ, конфессіональномъ, профессіональномъ и общественномъ кругу едва-ли найдется дюжина мыслящихъ людей, обладающихъ подобнымъ—не говоря уже объ абсолютномъ—міровоззрѣніемъ. Стало-быть, общество отнюдь не общее сотрудничество психическихъ нулей и маріонетокъ, а взаимодѣйствіе психически сильно дифференцированныхъ индивидуумовъ, сотрудничество ихъ для достиженія общихъ цѣлей". Не видно, почему бы это опредѣленіе не распространялось и на средневѣковое общество, по крайней мѣрѣ на сколько дѣло идетъ о взаимодѣйствіи и сотрудничествѣ для достиженія общихъ цѣлей. Какъ-бы то ни было, это опредѣленіе общества, какъ взаимодѣйствія составляющихъ его индивидовъ, представляетъ у Штейна исходную точку для очень вѣрной и очень важной мысли. Вотъ эта мысль:

Одной изъ истинныхъ задачъ сознательно созидающей соціологіи въ будущемъ должна быть планомѣрно обдуманная и подробная разработка системы этихъ взаимодѣйствій. При ихъ классификаціи придется преодолѣть громадныя затрудненія. Потому что одинъ и тотъ-же индивидуумъ можетъ принадлежать не только къ различнымъ рядомъ стоящимъ общественнымъ кругамъ, но и къ кругамъ господствующимъ и къ подчиненнымъ. Подъ терминомъ: отношеніе общественныхъ круговъ мы вмѣстѣ съ Зиммелемъ понимаемъ то «отношеніе, въ которомъ одинъ кругъ включаетъ въ себя другой, какъ подчиненный; такъ, напримѣръ, человѣчество, включающее государственный союзъ, государство, включающее семейные круги, или профессіональный союзъ, какъ цѣлое по отношенію къ округу, къ которому непосредственно принадлежитъ отдѣльный человѣкъ, а потомъ особенно близкое отношеніе

этого послѣдняго къ тому или другому изъ членовъ этого округа». Однимъ словомъ, мы имѣемъ тутъ дѣло съ такимъ громаднымъ разнообразіемъ взаимоотношеній между индивидомъ и обществомъ, т. е. между многочисленными общественными кругами и интересами, къ которымъ можетъ принадлежать индивидуумъ, далѣе съ взаимоотношеніями общественныхъ группъ, какъ между собою, такъ и къ государству, съ одной стороны, и къ личности, съ другой, и, наконецъ, въ особенности съ взаимоотношеніями между государствомъ, обществомъ и личностью другъ къ другу (а иногда и противъ другъ друга), что положительно можно отчаяваться въ возможности когда-либо окончательно и исчерпывающимъ образомъ классифицировать такое громадное количество взаимоотношеній, изъ коихъ составляется общественный организмъ, оперирующій съ такими необычайно сложными, дифференцированными индивидами (496).

Сквозь эту-то сложную сѣть то обнимающихъ, то въ разныхъ направленіяхъ пересѣкающихъ другъ друга общественныхъ единицъ Штейнъ разсчитываетъ провести линію борьбы за индивидуальность. Къ сожалѣнію, это ему рѣшительно не удается. И не потому, что ячейки этой сѣти слишкомъ многочисленны, разнородны и перепутаны, а просто потому, что на дѣлѣ онъ не принимаетъ въ соображеніе ихъ многочисленность, разнородность и перепутанность. Онъ красиво формулируетъ коренное противорѣчіе, составляющее основаніе борьбы за индивидуальность. Онъ говоритъ: „Съ одной стороны, индивидъ судорожно стремится къ суверенному утвержденію своей индивидуальности, а съ другой, онъ жаждетъ сліянія съ родомъ, т. е. хочетъ быть поглощеннымъ крупной общиной (религіозной, государственной, національной, правовой, профессіональной и т. д.)“ (471). Эта картина двухъ борящихся въ человѣкѣ душъ не только красива, а пожалуй и вѣрна, но она неполна и одностороння. „Религіозная, государственная, національная, правовая, профессіональная и т. д.“ единицы поминаются въ ней за одной скобкой, одинаково противополагаются индивиду, тогда какъ въ дѣйствительности и между ними происходитъ борьба, очень разнообразно отзывающаяся на судьбахъ индивида. Въ этомъ состоитъ корень едва-ли не важнѣйшихъ недостатковъ книги Штейна. Пусть классификація различныхъ общественныхъ единицъ, различныхъ видовъ „взаимодѣйствія“ представляетъ большія трудности и должна быть дѣломъ „цѣлаго поколѣнія соціологовъ“, какъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ Штейнъ, пусть эти трудности даже завѣдомо непреодолимы; но фактъ существованія ихъ сложности во всякомъ случаѣ несомнѣненъ. Штейнъ же въ разныхъ мѣстахъ своей книги то оперируетъ съ тремя единицами — индивидомъ, государствомъ и „обществомъ“, безъ дальнѣйшихъ подраздѣленій послѣдняго; то противопоставляетъ индивида всему человѣчеству, минуя всѣ промежуточныя ступени. Онъ говоритъ, напримѣръ, о „контрастѣ, вслѣдствіе котораго индивидуумъ колеблется между своими собственными интересами и интересами человѣческаго рода“ (474). Онъ даже предсказываетъ,

что „высшее въ человѣческой природѣ—родовой прогрессъ, проявляющійся въ исторіи человѣческаго рода,—долженъ со временемъ одержать рѣшительную побѣду надъ индивидуальными интересами“ (498), забывая при этомъ свой собственный общественный идеалъ, состоящій, какъ мы видѣли, въ торжествѣ индивидуализма („смягчаемаго государственными учрежденіями“).

Посмотримъ на нѣкоторыя частныя приложенія теоріи борьбы за индивидуальность, какъ ее понимаетъ Штейнъ.

Исходную точку брачныхъ отношеній въ исторіи человѣчества составляютъ различныя формы полигаміи и поліандріи, полового коммунизма, изъ котораго постепенно вырабатывается бракъ индивидуальный. Исторія брака есть „постоянно развивающаяся и усложняющаяся психическими факторами борьба за индивидуальность“. Руководитъ этою борьбой имманентная телеологія, безошибочно направляющая человѣчество все къ высшимъ формамъ существованія и общественности, а орудіемъ этой не ошибающейся имманентной телеологіи являются церковь, государство и нравственность, санкціонирующія „болѣе прочныя и высшія формы брака“. Индивидуальный бракъ составляетъ одно изъ необходимыхъ предварительныхъ условій цивилизаціи; непрерывный и прочный прогрессъ мы видимъ только у народовъ съ моногамической формой брака. „Юридическія, нравственныя и религіозныя представленія могутъ измѣняться, но естественный законъ неизмѣненъ, и только безумцы могутъ стараться противодѣйствовать ему“.

Таковъ въ общихъ чертахъ взглядъ Штейна на исторію брака. Какъ бы ни было кратко наше изложеніе, оно передаетъ всѣ существенные пункты воззрѣній Штейна. Присмотримся же къ нимъ нѣсколько ближе, не со стороны имманентной телеологіи, о которой мы уже говорили; а, главнымъ образомъ, со стороны тѣхъ общественныхъ, коллективныхъ индивидуальностей, которыя вводятся Штейномъ въ исторію брака. Таковыхъ онъ поминаетъ три: „церковь“, „государство“ и общество въ томъ неопредѣленномъ значеніи этого слова, въ силу котораго создается „нравственность“. Церковь здѣсь надо разумѣть исключительно христіанскую, такъ какъ, не говоря о язычествѣ, мусульманство или, съ другой стороны, мормонство признаютъ полигамію; христіанская же церковь идетъ въ нашемъ вопросѣ дальше простой санкціи моногамическаго брака. Признавая бракъ таинствомъ и благословляя его для мірянъ, она предписываетъ безбрачіе монашествующимъ, а католическая церковь и бѣлому духовенству. Этотъ факторъ исторіи брака совсѣмъ не принятъ въ соображеніе Штейномъ. Освѣщая своимъ высокимъ авторитетомъ „наиболѣе прочную и высшую форму брака“, церковь преслѣдуетъ формы менѣе прочныя, кладетъ болѣе или менѣе строгіе предѣлы праву развода и т. д., опираясь при этомъ и на авторитетъ свѣтскаго законодательства, то-есть государства. Что касается „общества“, то его отношеніе къ данному вопросу

крайне двусмысленно. Если знаменитое своею ханжескою чопорностью англійское общественное мнѣніе загубило Парнеля за его отношенія къ г-жѣ О'Ши, то оно-же терпитъ ужасающія безобразія половой жизни. Въ менѣе лицемѣрныхъ континентальныхъ странахъ общественное мнѣніе ни мало не возмущается такими явленіями, какъ адюльтеръ, menage à trois, а въ иныхъ случаяхъ и гораздо болѣе яркими отступленіями отъ единственно признаваемаго церковью и государствомъ моногамическаго брака, не говоря уже о проституціи. Это общественное мнѣніе охотно разрѣшаетъ мужчинѣ то, за что жестоко караетъ женщину („Tue la!"), но вмѣстѣ съ тѣмъ вмѣняетъ культъ Венеры цѣлымъ разрядамъ женщинъ, однѣмъ въ заслугу, другимъ въ позорную обязанность. Наконецъ, и государство, вынужденное регламентировать проституцію и не имѣющее возможности услѣдить за другими отклоненіями отъ наиболѣе прочной формы половыхъ отношеній, вступаетъ отчасти въ это теченіе. Затѣмъ государству нужны солдаты, и, слѣдовательно, извѣстная часть населенія, находящаяся въ періодѣ половой силы, должна быть оторвана на извѣстный срокъ отъ семейной обстановки и поставлена въ совсѣмъ иныя условія. Въ промышленныхъ государствахъ на рынокъ выносится женскій трудъ, слишкомъ дешевый для оплаты существованія, слѣдствіемъ чего является усиленіе проституціи. И т. д., и т. д.

Всѣ эти бѣгло намѣченныя черты относятся къ новымъ временамъ и мы видимъ, что церковь, государство и „общество" отнюдь не одинаково вліяютъ на формы половыхъ отношеній, что и между ними происходитъ борьба съ разными шансами побѣды. Заглянувъ въ далекую даль исторіи, въ моментъ возникновенія семьи, мы и тамъ встрѣтимъ ту же сложную борьбу коллективныхъ, общественныхъ индивидуальностей, причемъ индивидуальность въ тѣсномъ смыслѣ слова, индивидуальность личная, получаетъ отъ нихъ то поддержку, то, напротивъ, утѣсненіе. Большинство современныхъ соціологовъ признаетъ исходной точкой исторіи семьи ея отсутствіе, безразличное половое смѣшеніе или гетеризмъ, какъ нѣкоторые не совсѣмъ правильно называютъ этотъ отдаленнѣйшій моментъ исторіи человѣческой семьи и брака. Изъ этой первобытной Gemeinschaft лишь постепенно и съ большимъ трудомъ выдѣлились родъ и семья, прошедшіе ступени матріархата и патріархата. И, напримѣръ, Гумпловичъ съ своей точки зрѣнія очень послѣдовательно утверждаетъ, что семья обязана своимъ существованіемъ государству, что она есть государственное учрежденіе. Это грубо и односторонне, но въ томъ смыслѣ вѣрно, что наложенныя на личность семейныя узы существуютъ отчасти, дѣйствительно, благодаря центральной власти, долго боровшейся съ притязаніями рода и орды. Въ настоящее время Штарке, Вестермаркъ и нѣкоторые другіе соціологи отрицаютъ первобытный гетеризмъ и полагаютъ, что у большинства чело-

вѣческихъ племенъ моногамія есть исконное учрежденіе. Съ этой точки зрѣнія многоразличныя уклоненія отъ моногаміи, о которыхъ сообщаютъ историки древности и современные путешественники и этнографы, суть или чисто мѣстныя явленія, не подлежащія обобщенію, или продукты позднѣйшаго времени, болѣе или менѣе долгой эволюціи. Если и такъ, то и эта эволюція сводится всетаки къ той-же борьбѣ за индивидуальность, въ каковой борьбѣ принимаютъ участіе не только личность и общество, какъ думаетъ Штейнъ, а и различныя ступени коллективной, общественной индивидульности. Если въ данномъ племени каждая женщина принадлежала только одному мужчинѣ и каждый мужчина имѣлъ только одну женщину, а съ теченіемъ времени сложилась, положимъ, поліандрія (какъ въ Тибетѣ или у тодасовъ), то это значитъ, что родъ или племя побѣдило семью. По какимъ-то неизвѣстнымъ намъ причинамъ въ данномъ племени родится мало женщинъ, а смѣшиваться съ окружающими чуждыми племенами оно не хочетъ. Такъ именно стоитъ дѣло у тодасовъ. Представимъ себѣ, что у нихъ нѣкогда существовала моногамическая семья. Когда недостатокъ женщинъ и отвращеніе къ смѣшенію съ сосѣдними племенами стали обнаруживать свое дѣйствіе, племя, какъ цѣлое, какъ „общественный кругъ", по выраженію Зиммеля и Штейна, какъ извѣстная общественная индивидуальность, должно было или погибнуть изморомъ, или разрушить низшій общественный кругъ, низшую общественную индивидуальность—семью. И вотъ, въ интересахъ племени каждая женщина становится женою нѣсколькихъ мужчинъ, то есть первобытная моногамическая семья (если она была) разрушается. На индивидуальности личной эта борьба—опять таки если она была—двухъ „общественныхъ круговъ" должна была отразиться такъ: въ мужчинахъ должно было притупиться чувство ревности, которое Вестермаркъ считаетъ кореннымъ, исконнымъ свойствомъ человѣка, а въ женщинахъ должно было выработаться безразличіе по отношенію къ физическому общенію съ тѣмъ ли, съ другимъ ли лицомъ другого пола.

Такимъ образомъ, значитъ, каковы бы ни были наши мнѣнія о первобытныхъ брачныхъ отношеніяхъ, сквозь всю исторію брака красною нитью проходитъ борьба за индивидуальность. Борьба эта развивается однако отнюдь не столь прямолинейно, какъ думаетъ Штейнъ. Напротивъ, мы имѣемъ здѣсь чрезвычайно сложную и пеструю картину, въ которой фигурируютъ не только личная индивидуальность и „общество", а и различные „общественные круги", различныя ступени индивидуальности общественной, борящіяся и съ личностью, и между собой. При различныхъ условіяхъ побѣда клонится въ разныя стороны, и найти здѣсь указующій путь „имманентной телеологіи" нѣтъ никакой возможности. Спрашивается, какой же „императивъ", какое пра-

вило поведенія можемъ мы вывести изъ этого объективнаго изслѣдованія исторіи брака? По соображеніямъ, высказаннымъ мною много лѣтъ тому назадъ, императивъ этотъ долженъ корениться въ интересахъ и достоинствѣ личности, хотя бы въ прямую противоположность интересамъ и достоинству какихъ бы то ни было „общественныхъ круговъ". И въ этомъ отношеніи мы находимъ у Штейна лишь одно цѣнное указаніе. Онъ говоритъ именно, что съ теченіемъ времени въ исторіи человѣчества „инстинктивная сторона половыхъ отношеній теряетъ свое прежнее единовладычество и раздѣляетъ свою власть все болѣе и болѣе съ факторами психическими (любовь, дружба, общность нравственнаго содержанія жизни и религіозныхъ, нравственныхъ и эстетическихъ идеаловъ") (73). Вотъ этому-то расширенію психической жизни личности могутъ и должны быть принесены въ жертву интересы и достоинство различныхъ „общественныхъ круговъ". Это „императивъ", конечно, абстрактный, чисто теоретическій, ибо въ сложной борьбѣ различныхъ „общественныхъ круговъ" личности приходится сплошь и рядомъ, чтобы избавиться отъ гнета одного изъ нихъ, искать опоры въ другомъ.

Возьмемъ другой примѣръ. Въ главѣ „Зачатки общества и государства" Штейнъ, между прочимъ, пишетъ: „Во время войны чувствовалась потребность въ централизаціи власти. Безъ начальника былъ невозможенъ никакой боевой порядокъ, потому должны были предоставить военачальнику право распоряженія по его волѣ всѣми боевыми силами. А это было рѣшительнымъ разрывомъ съ родовыми порядками. Въ ту минуту, когда свободно подчинили общую волю рода единой волѣ главы и такимъ образомъ признали его неограниченную власть, судьба рода была рѣшена; люди вступили на тотъ путь, который по необходимости велъ отъ демократическаго коммунизма къ монархическому абсолютизму. Такимъ образомъ, мы видимъ, что и въ государствѣ происходитъ тотъ же процессъ индивидуализированія, который мы констатировали въ исторіи брака (и собственности)" (105).

Читатель видитъ, какая эта грубая и чисто словесная натяжка. Въ дѣйствительности, никакой аналогіи между исторіей брака, какъ ее понимаетъ Штейнъ, и исторіей государственной власти— нѣтъ. Тамъ мы имѣли моногамическій бракъ для всѣхъ, здѣсь же возникновеніе власти одного лица. Сообразно этому, на стр. 108 Штейнъ задается вопросомъ: „Можетъ ли духъ, сдѣлавшійся сознательнымъ, одобрить и санкціонировать и такую тенденцію къ индивидуализированію или, наоборотъ, онъ долженъ энергично протестовать противъ нея?" Тогда какъ моногамическій бракъ онъ считаетъ послѣднею, окончательною, безспорною формою брачныхъ отношеній...

На этомъ мы покончимъ съ Штейномъ. Я помяну еще лишь одинъ маленькій курьезъ, касающійся русской литературы. Съ

литературой этой Штейнъ, какъ онъ сообщаетъ, знакомъ, благодаря „молодому русскому соціологу г. Полонскому", да еще книгѣ Раппопорта „Zur Charakteristik der Methode und Hauptrichtungen der Philosophie der Geschichte" *). Между прочимъ, Штейнъ пишетъ: „Н. Михайловскій успѣшно борется съ русскими послѣдователями Спенсера („Спенсеровы дѣти"). Кстати замѣтимъ, что полемика противъ Спенсера въ Россіи началась задолго до того времени, когда со Спенсеромъ познакомились на континентѣ" (19). Такъ въ русскомъ переводѣ. Въ оригиналѣ загадочныя „Спенсеровы дѣти" получаютъ такое объясненіе: „in Russland gab es eine *förmliche Partei* „Spencerowy dieti" (Spencer's Kinder), gegen die Michailowsky siegreich auftrat". У Раппопорта нѣтъ и помину о „förmliche Partei Spencerowy dieti", ничего подобнаго не могъ сообщить Штейну и г. Полонскій. „Спенсеровы дѣти"—просто выраженіе, употребленное мною въ полемической статьѣ, которую я настолько самъ забылъ, что не перепечаталъ въ собраніи своихъ „Сочиненій".

Хорошая поговорка—audiatur et altera pars, и я очень радъ, что могу цѣликомъ, не пропуская ни одного слова, представить читателямъ „Русскаго Богатства" „нашъ отвѣтъ г. Михайловскому", напечатанный въ октябрьской книжкѣ „Міра Божія". Онъ очень кратокъ, этотъ „нашъ отвѣтъ":

„Наши замѣтки о романѣ „Знаменія времени" вызвали статью г. Михайловскаго, напечатанную въ сентябрьской книжкѣ „Русскаго Богатства". Какъ помнятъ читатели, мы высказали мнѣніе, что крайне слабый по достоинствамъ романъ г. Мордовцева явился въ свое время отраженіемъ настроенія и взглядовъ передовой части общества. Г-нъ Михайловскій обвиняетъ насъ въ измѣнѣ лучшимъ завѣтамъ прошлаго, въ оплеваніи эпохи великихъ реформъ, въ „заушеніи" ея выдающихся писателей и пр. Мы не находимъ нужнымъ возражать по существу на такого сорта обвиненія и не желаемъ вести полемику, лучше сказать,—перебранку такого тона. Наше отношеніе къ эпохѣ великихъ реформъ и ея славнымъ дѣятелямъ хорошо извѣстно, какъ нашимъ читателямъ, такъ и самому г. Михайловскому. Для чего понадобилось ему сдѣлать по нашему адресу эту выходку, мы, признаться, не понимаемъ. Можемъ объяснить ее развѣ тѣмъ, что за послѣднее время г. Михайловскій привыкъ всѣхъ несогласно съ нимъ мыслящихъ обвинять въ измѣнѣ. Конечно, это самый легкій способъ полемики, сомнѣваемся только, можно ли считать его достойнымъ

*) Эта интересная книга въ нѣсколько измѣненномъ видѣ есть и на русскомъ языкѣ въ изданіи Павленкова (Философія исторіи въ ея главнѣйшихъ теченіяхъ. Спб. 1899).

г. Михайловскаго. Во всякомъ случаѣ въ этомъ нельзя не видѣть своего рода „знаменія“, и очень печальнаго для г. Михайловскаго“.

Это все. Но, не смотря на краткость этого „отвѣта“, въ немъ скопленъ цѣлый рядъ какихъ-то странныхъ недоразумѣній. Я представилъ фактическія, документальныя свидѣтельства того, что романъ г. Мордовцева не отражаетъ „настроенія передовой части общества“ 60—70-хъ годовъ, „задушевныхъ мыслей передовыхъ людей“ „освободительной эпохи“ (въ ковычкахъ—подлинныя слова статьи г-на А. Б.). Г. А. Б. называетъ это перебранкой... Недоумѣваю.—Г. А. Б., поминая наше прошлое, уподобляетъ его „промотавшемуся отцу“, къ которому позднѣйшія поколѣнія должны относиться „съ горькой насмѣшкой обманутаго сына“; г. А. Б. далѣе усмотрѣлъ въ Мордовцевскихъ отраженіяхъ настроенія „передовыхъ людей“ 60—70-хъ годовъ „ослиныя уши“; я-же, съ своей стороны, указалъ на „львиный коготь“ г-на А. Б. И онъ называетъ это *пере*бранкой... Еще разъ недоумѣваю. Наконецъ, недоумѣваю по поводу „измѣны“, въ которой я будто-бы обличаю „Міръ Божій“ или лично г. А. Б. Гдѣ? когда? Я писалъ исключительно объ одной статьѣ г-на А. Б., ни единымъ словомъ не поминая прошлаго „Міра Божія“ или его взглядовъ вообще; а вѣдь, чтобы уличить кого-нибудь въ измѣнѣ, надо установить, что журналъ прежде исповѣдывалъ то-то и то-то, а нынѣ, дескать, измѣняетъ. Я недостаточно внимательно слѣдилъ за „Міромъ Божіимъ“, чтобы взять на себя такую задачу, а припоминая статьи г. Иванова о Писаревѣ и нѣкоторыя другія, въ разное время напечатанныя въ почтенномъ журналѣ, я нашелъ-бы, можетъ быть, не измѣну, а напротивъ, большую послѣдовательность. Во всякомъ случаѣ для тѣхъ маленькихъ противорѣчій, которыя мнѣ случалось встрѣчать въ „Мірѣ Божіемъ“, „измѣна“—слишкомъ громкое слово. Недалеко ходить: въ сентябрьской книжкѣ почтеннаго журнала г. А. Б. пишетъ много лестнаго о моей терпимости, о томъ, что, даже „выступая крайнимъ противникомъ“ извѣстнаго направленія, я умѣю относиться къ нему „въ высшей степени объективно и строго научно“; что „читатель не встрѣтитъ здѣсь ни буренинскаго зубоскальства, ни тупого злорадства, ни полемическаго задора“ и т. д. Черезъ мѣсяцъ, какъ мы видѣли, г. А. Б. пишетъ о моей нетерпимости, о томъ, что я „привыкъ всѣхъ, несогласно мыслящихъ, обвинять въ измѣнѣ“... Неужели-же это маленькое Schwamm drüber можно назвать измѣной? Конечно, нѣтъ. Это просто такъ, легкость мыслей.

Ник. Михайловскій.

Беллетристика Чернышевскаго.

Подъ такимъ заглавіемъ въ № 4 „Научнаго Обозрѣнія“ за прошлый годъ была помѣщена статья, въ которой приведенъ слѣдующій коротенькій разсказъ о драматическихъ опытахъ Чернышевскаго: „Въ бытность свою въ Александровскомъ заводѣ, Н. Г. Чернышевскій принималъ большое участіе въ арестантской сценѣ, разрѣшенной намъ очень скоро послѣ прибытія нашего на каторгу. Въ режисерскую часть, впрочемъ, онъ никогда не вмѣшивался, предоставивъ ее цѣликомъ своему товарищу Михайлову; самъ же ограничивался исключительно авторствомъ. Писалъ онъ довольно много, но большинство его одноактныхъ пьесокъ какъ-то совсѣмъ исчезли у меня изъ памяти—за давностью времени, конечно. Помню только, что арестантамъ изъ простыхъ онѣ мало нравились, вѣрнѣе, даже и совсѣмъ не нравились. Чернышевскій былъ для нихъ слишкомъ серьезенъ, слишкомъ „пропагандистъ“ и совсѣмъ не умѣлъ вызывать непосредственнаго смѣха. Онъ всегда старался учить: для нашей большой публики этого оказывалось недостаточнымъ. Но вотъ что̀ я, дѣйствительно, помню—это сюжеты двухъ его пьесъ, кажется, самыхъ удачныхъ. Первая—въ одномъ актѣ, вторая—въ двухъ. Въ одноактной выведенъ на сцену старикъ-каторжанинъ, бывшій снохачъ, который лѣтъ за десять до начала дѣйствія до того увлекся своей красавицей-невѣсткой, что покушался даже на жизнь родного сына. За это и за прочее онъ и попалъ на каторгу. Здѣсь онъ совсѣмъ перемѣнился, все время читалъ божественное и тосковалъ страшно. Только разъ какъ-то отворяется дверь въ камеру, и входитъ въ нее новый арестантъ, еще не старый, но такой слабый и болѣзненный, что со стороны смотрѣть страшно. Молча садится на нары (какъ разъ рядомъ со старикомъ) и осматривается. Тутъ старикъ признаетъ въ немъ своего сына и съ какимъ-то раскаяннымъ лепетомъ прямо бухъ ему въ ноги. Тотъ сначала было отворачивался, да—нѣтъ: кровь беретъ свое и вотъ ночью собственно и начинается самое дѣйствіе. Отецъ кается и плачетъ. Сынъ разсказываетъ, какъ онъ, оставшись одинъ, сталъ „поскудствовать“, пропилъ все имущество, обратился въ кабацкаго завсегдатая и, наконецъ, попалъ въ эти стѣны. „А Анютка что?“—какъ-то угрюмо спрашиваетъ, наконецъ, старикъ. „Зарѣзалъ я ее“,—отвѣчаетъ сынъ и тихо прибавляетъ: „окаянную“. „Не окаянная она,—вдругъ заговорилъ старикъ,—я окаянный, я погубилъ и ее, и тебя“... Долго гово-

ритъ онъ и казнится, дѣйствительно, вдохновенно, перепутывая свою рѣчь текстами изъ плохо понятаго писанія. Послѣднее его слово было „прости".—„Богъ проститъ",—отвѣчаетъ тотъ и, „глубоко вздохнувъ", молча поворачивается къ стѣнѣ... Въ другой пьесѣ молодой каторжникъ, заключенный въ острогѣ, узнаетъ, что за его женой, молодухой-красавицей, живущей въ ближайшей слободкѣ, началъ сильно пріударивать мѣстный писарь, носитъ ей всякіе подарки и не даетъ проходу. Товарищи подсмѣиваются и, когда несчастный возвращается со свиданія, участливо разспрашиваютъ его, въ какой обновкѣ видѣлъ онъ свою Марью. Тотъ молчитъ, а насмѣшки такъ и сыплются на него градомъ. Наконецъ, стало ему не въ терпежъ, и онъ начинаетъ собираться. Тутъ обращеніе съ нимъ сразу мѣняется, и всѣ наперерывъ готовы ему помочь и вещами, и совѣтами. Онъ дѣйствительно бѣжитъ, и его приводятъ лишь черезъ недѣлю и то прямо въ лазаретъ. Пришедшій оттуда арестантъ сообщаетъ: „А вѣдь убилъ, братцы, ей Богу, убилъ... Не его только, а ее... такъ ножемъ и зарѣзалъ... Теперь плачетъ, говоритъ: не виновата она... Марья значитъ"...

Я имѣю возможность пополнить это сообщеніе слѣдующимъ разсказомъ одного изъ товарищей Чернышевскаго по заключенію, предоставившаго въ 1882 г. въ мое распоряженіе рукопись своихъ воспоминаній, до сихъ поръ, кажется, нигдѣ еще не напечатанную.

„Въ тюрьмѣ Чернышевскій пробылъ вмѣстѣ съ нами недолго: въ началѣ зимы 1867 г. его выпустили на квартиру въ заводъ, такъ какъ окончилась треть срока его пребыванія на каторгѣ, по истеченіи котораго, по закону, каторжные должны освобождаться отъ содержанія въ тюрьмѣ. Онъ нанялъ небольшую квартирку въ домѣ заводскаго дьячка, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей тюрьмы. Ему иногда дозволяли приходить къ намъ въ тюрьму, а во время праздниковъ Рождества и Пасхи онъ проводилъ у насъ и по нѣскольку дней, когда читалъ намъ свои романы, разсказывалъ еще задуманные имъ, но не написанные, или присутствовалъ при нашихъ театральныхъ упражненіяхъ, для которыхъ и самъ написалъ три вещи.

Первая изъ нихъ была небольшая сценка аллегорическаго характера. Нѣкій отставной офицеръ имѣетъ у себя жену, которую держитъ взаперти, бьетъ и всячески тиранитъ. Являются въ то мѣсто два либерала-литератора. Услышавъ о такомъ тиранскомъ обращеніи съ женщиною, они воспылали мыслью освободить ее отъ тирана или внушить ему достодолжное обращеніе. Но когда они начали объясняться съ мужемъ, то, отъ свирѣпаго натиска съ его стороны, потеряли всякую храбрость и даже забились подъ столъ. Видя это, мужъ, уже было поднявшій арапникъ на нихъ,

перемѣнилъ гнѣвъ на милость и приказалъ подать водки, причемъ одинъ изъ либераловъ даже сочинилъ въ честь его хвалебную оду. Напившись, мужъ снова возымѣлъ желаніе бить жену. Явившійся на зовъ его слуга всячески показывалъ гг. литераторамъ на арапникъ, приглашая ихъ принять въ оный мужа, но гг. литераторы тоже достаточно напились и отнеслись несочувственно къ приглашенію слуги; тогда онъ самъ взялъ арапникъ и выгналъ ихъ всѣхъ, въ томъ числѣ и хозяина.

Вторая комедія—тоже аллегорическаго характера—была по объему несравненно больше, но проводила собственно ту же мысль, какая была выражена и въ первой сценкѣ. Здѣсь нѣкоторая дама, забравъ въ свои руки либераловъ, составляетъ съ ними комплотъ для окончательнаго закрѣпощенія въ своихъ сѣтяхъ молодой дѣвушки, уже достигшей совершеннолѣтія. Требовалось ее отдать замужъ, но партія должна быть подыскана такая, чтобы порядокъ дѣлъ отъ этого не измѣнялся, и чтобы ея воспитательница могла безпрепятственно дѣлиться съ ея мужемъ всѣмъ ея состояніемъ. Дѣвушка сначала надѣялась на молодого человѣка, котораго полюбила, но онъ былъ удаленъ и ничего не было объ немъ извѣстно. Она уже и сама начала терять голову и почти давала согласіе на бракъ, предлагаемый воспитательницей, но въ самую рѣшительную минуту явился таки молодой человѣкъ и увелъ дѣвушку у всѣхъ изъ-подъ носу. Тутъ было очень интересное вводное лицо — исторіографъ—и милыя сценки кокетства съ либералами. Такъ, исторіографъ, онъ же и поэтъ-лавреатъ, пишетъ баркароллу, которую долженъ пѣть *рыбакъ отъ лица рыбъ*. Я не помню всей этой забавной вещи, но вотъ ея заключительная строфа. Это говорятъ рыбы (конечно, чрезъ рыбака):

«Благосклонная рука
Накормила насъ—(госпожа велѣла дать рыбамъ булокъ)
Превращается рѣка
Въ танцовальный классъ».

написана для нашей сцены уже въ концѣ 1868 года.

Тогда же была написана и другая большая трехъактная комедія: „Другимъ нельзя“.

Нужно замѣтить, что отъ сценическихъ вещей, которыя писалъ для насъ Чернышевскій, требовалась еще ограниченность числа лицъ (по неимѣнію актеровъ) и, такъ сказать, единства дѣйствія (по неимѣнію декорацій); онъ, конечно, при изложеніи долженъ былъ принимать во вниманіе и наши сценическія силы—несомнѣнно, крайне слабыя.

Меня отчасти затрудняетъ изложеніе послѣдней комедіи Примите во вниманіе самое названіе комедіи: *Другимъ нельзя*, которымъ авторъ хотѣлъ сказать, что это—случай исключитель-

ный. Наконецъ, онъ самъ объяснилъ намъ, что въ дѣйствующихъ лицахъ этой комедіи нельзя видѣть какіе либо типы, а тѣмъ болѣе искать тенденціи, проводимой ими; что онъ имѣлъ въ виду тутъ только извѣстныхъ ему лицъ, индивидуумовъ, которыхъ болѣе двухъ—трехъ можетъ и не быть. Такимъ образомъ, эта комедія—дѣло какъ бы семейное, если можно примѣнить сюда это слово, которымъ я хочу выразить исключительность выведенныхъ въ ней положеній. Въ романѣ „Что дѣлать?“ мужъ Вѣры Павловны уѣзжаетъ въ Америку (или, для видимости, якобы топится), чтобы уступить жену свою своему другу, который любитъ ее взаимно; здѣсь же, въ комедіи „Другимъ нельзя“, мужъ, поставленный въ подобное же положеніе, уговариваетъ своего друга и свою жену сойтись, не удаляясь и самъ. Я еще и потому затрудняюсь излагать сюжетъ этой комедіи, что надо было бы привести въ подлинникѣ массу сценъ, чтобы показать, что эти люди неизбѣжно должны были рѣшить дилемму именно такъ, а не иначе, а вотъ въ самой комедіи-то это именно неотразимо ясно и видно,—что, разъ люди съ такими натурами поставлены въ подобное положеніе, они рѣшатъ его именно такъ, а не иначе. Отсюда и слишкомъ личный, интимный характеръ этой комедіи. Но, какъ я сказалъ, я и не пытаюсь излагать комедію для *убѣжденія* читателя. Что будетъ значить для него, если я скажу, что мужъ этой женщины, занятый своими дѣлами, можетъ бывать дома очень рѣдко и чрезъ большіе промежутки, чрезъ мѣсяцъ или два? Что будетъ значить, если скажу, что другъ его жены—человѣкъ очень сентиментальный и нѣжный, для котораго всего дороже чисто невинные поцѣлуи и увѣренность, что есть сердце, которое его любитъ и понимаетъ, какъ это все и выставлено въ комедіи? Разскажу, впрочемъ, самую фабулу комедіи.

У одного чиновника уѣзднаго городка на Поволжьи есть дочь. Она любитъ одного студента и взаимно имъ любима; они рѣшаютъ жениться, какъ только онъ окончитъ курсъ и найдетъ какое нибудь мѣсто въ ихъ губерніи. На томъ они и разстаются. Въ это время въ городъ пріѣзжаетъ сосѣдній богатый помѣщикъ; ему нужно бывать у этого чиновника по дѣламъ, и онъ влюбляется въ его дочь. Сначала онъ разсчитываетъ получить ее въ любовницы, и даже отецъ, опаиваемый и задариваемый имъ и его клевретами, соглашается на это (у дѣвушки мать умерла), но, встрѣтивъ сопротивленіе со стороны дѣвушки, помѣщикъ рѣшается предложить ей руку. Всѣ ея письма къ студенту и его къ ней перехватываются и уничтожаются общимъ комплотомъ. Но дѣвушка, не смотря на выгодную партію, памятуя только пошлую натуру претендента, отказываетъ. Тогда уже начинается и преслѣдованіе со стороны ея отца, грубое и безчеловѣчное преслѣдованіе пьянаго животнаго. Тутъ, случайно, собственно въ кругу богатаго помѣщика, появляется агентъ одного торго

ваго общества для скупки хлѣба, тоже бывшій студентъ, другъ и товарищъ по школѣ жениха дѣвушки. Онъ слышитъ все это; слышитъ о преслѣдованіяхъ дѣвушки отцомъ и помѣщикомъ и, заочно уважая эту дѣвушку, какъ невѣсту своего друга, увѣренный, что она не можетъ быть плохой женщиной, знакомится съ нею и предлагаетъ спасти ее отъ двойного преслѣдованія: увезти и жениться. Жениться потому, что нѣтъ другого выхода, а про настоящаго жениха ничего не слышно, не смотря на всѣ справки въ Петербургѣ, куда онъ уѣхалъ,—нѣтъ надежды увидать его. Дѣвушка рѣшается и бѣжитъ со своимъ спасителемъ. Они живутъ нѣкоторое время, видятъ въ себѣ честныхъ людей и начинаютъ любить другъ друга, какъ вдругъ является настоящій женихъ... Онъ, оказывается, долго лежалъ больной на станціи, гдѣ-то въ глухой деревушкѣ, далеко отсюда... Писалъ тысячи писемъ, не получая никакого отвѣта,—и вотъ является, какъ является женихъ къ Лючіи Ламермуръ... Она, конечно, его любитъ, старая любовь вспыхиваетъ сильнѣе новой, но она вмѣстѣ съ тѣмъ любитъ и своего мужа, а мужъ ея любитъ ихъ обоихъ... Разрѣшите?

Сценически удачны въ этой комедіи роли богатаго помѣщика, котораго игралъ Жуковъ, и одного чиновника — агента этого помѣщика по устройству всѣхъ комплотовъ противъ дѣвушки, котораго игралъ Муравскій, и оба они—надо имъ отдать честь—играли хорошо, особенно Муравскій.

Но, изображая такое положеніе въ комедіи, какъ относился къ этому вопросу *самъ* Чернышевскій, какъ мыслитель? Это онъ высказалъ категорически: вся эта, такъ называемая поэтами, нѣжная страсть, т. е. любовь и всѣ страданія отсюда, все это для мыслящаго человѣка — пустяки. И всякій, кто уважаетъ въ себѣ нравственную, а не животную сторону, въ эксцессахъ долженъ удержаться, уступить, — вообще, какъ окажется нужнымъ,—но отнюдь не распускать себя и не лѣзть на стѣну, ни въ себѣ, ни въ другихъ не потакать животнымъ инстинктамъ. Вообще же, отъ всѣхъ этихъ любовныхъ мукъ легко воздержаться, если человѣкъ не глупъ, и тѣмъ болѣе, если онъ имѣетъ къ тому же еще какой нибудь общественный интересъ, или даже просто интересъ частныхъ дѣлъ. Да большинство людей собственно такъ и поступаетъ, и эти вопросы далеко не составляютъ для нихъ камня преткновенія.

Чернышевскій былъ увлекательный разсказчикъ. Въ этой сферѣ онъ проявлялъ особенный талантъ: всѣ разсказы его вставали предъ вами картинами и образами, а это—ясный признакъ того, что художникъ вызвалъ ваше воображеніе во всей его силѣ, и лица его разсказа стали для васъ какъ бы видѣнными вами, вполнѣ реальными. Я не буду передавать всѣ его мелкіе разсказы изъ обыденной жизни и касающіеся или его литературныхъ знакомствъ, или воспоминаній изъ его дѣтства. Я, собственно, и не

имѣлъ ихъ въ виду, а говорю про разсказы вымышленные, про повѣсти, которыя онъ не писалъ, да и не думалъ писать; но когда онъ говорилъ,—онъ имѣлъ привычку держать предъ собою или книгу, или листъ бумаги, — иллюзія была полная: вы были увѣрены, что онъ читаетъ, а не говоритъ отъ себя. Не только сцены, но цѣлыя картины природы, анализъ чувствъ людей до того были полны, до того закончены, что не вѣрилось, чтобы человѣкъ могъ слѣдить за всѣмъ этимъ только въ своей фантазіи, не дѣлая невольныхъ скачковъ и перерывовъ изустнаго разсказа. Помню разсказъ изъ деревенской жизни, сущность котораго составляло народное повѣрье объ *огненномъ змiѣ*, который летаетъ къ тоскующимъ женщинамъ въ образѣ ихъ отсутствующихъ мужей или любовниковъ. Понятно, что о передачѣ такихъ разсказовъ своими словами не можетъ быть и рѣчи.

Другой разсказъ былъ уже гораздо сложнѣе и изъ другой сферы,—изъ сферы средняго класса людей губернскаго города, примѣрно начала 50-хъ годовъ. Центръ тяжести разсказа лежалъ въ томъ, что одинъ образованный молодой человѣкъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ убилъ своего знакомаго, тоже очень хорошаго человѣка, и не чувствовалъ отъ этого угрызеній совѣсти, и всѣ этого убійцу считали за прекраснаго человѣка, какимъ онъ на самомъ дѣлѣ и былъ. Обстоятельства такъ сложились. Здѣсь я долженъ передать фабулу разсказа.

Въ одномъ изъ поволжскихъ губернскихъ городовъ живетъ чиновничья семья средней руки. Вся она состоитъ изъ отца, матери и двухъ взрослыхъ дѣтей: дочери, лѣтъ 20-ти, и сына, лѣтъ 22—23-хъ, который оканчиваетъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ. Сынъ—студентъ очень внимателенъ къ своей семьѣ: онъ при всякомъ случаѣ высылаетъ подарки сестрѣ или матери, что крайне радуетъ его родителей; только онъ не можетъ бывать у нихъ на каникулахъ—онъ въ это время занятъ уроками,—и тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ они ожидаютъ его скораго пріѣзда по окончаніи курса, пріѣзда въ ихъ родное гнѣздо, можетъ быть, навсегда, на службу. И сынъ, наконецъ, пріѣзжаетъ. Его домашніе въ первое время даже стѣсняются въ своихъ разговорахъ, въ своихъ привычкахъ; они слыхали уже, что теперешняя молодежь многое осуждаетъ, многому не вѣритъ и живетъ иначе, чѣмъ они—старые люди. Но сынъ, кажется, скоро входитъ въ унисонъ ихъ жизни; онъ ни надъ чѣмъ не смѣется, ничѣмъ не шокируется и даже соглашается со всѣми планами, которые они несмѣло развиваютъ на счетъ его будущей жизни. Да, онъ будетъ тутъ служить (вотъ блаженство для родителей!); онъ, вѣроятно, и женится (отчего же и не такъ?); они будутъ жить вмѣстѣ, или и разными семьями, но въ одномъ городѣ. Конечно, являются разные родные и знакомые посмотрѣть на новаго пріѣзжаго, и всѣ очаровываются имъ: онъ такъ мило разсуждаетъ со старушками, входя во всѣ

печали и радости ихъ мелкой жизни; онъ такъ солидно говоритъ съ мужчинами, выслушивая со вниманіемъ всѣ огорченія (радостей тутъ не бываетъ) ихъ служебной жизни... Онъ видитъ, что это народъ по большей части добродушный, даже не безличный, но только они всѣ идутъ въ тѣсныхъ рядахъ бюрократической арміи, и ихъ отношеніе къ старшимъ можетъ быть только одно—слѣпое повиновеніе. И его отецъ—онъ тоже не выдается изъ ихъ числа, хотя человѣкъ и неглупый, даже могущій серьезно критиковать строй своей служебной жизни. Но зачѣмъ и критиковать его, когда измѣнить невозможно? Надо только, насколько возможно, обходить въ ней, въ служебной жизни, пропасти и западни, грозящія совѣсти и человѣческому достоинству. Сестра молодого человѣка—дѣвушка, способная къ развитію; она уже ярче, чѣмъ другіе, понимаетъ окружающую ее жизнь; она и относится горячѣе къ ея неправдамъ. Но и на нее провинціальная среда наложила свою печать, и она едва ли будетъ бороться противъ неправдъ этой жизни. Эта дѣвушка влюблена въ одного весьма образованнаго молодого человѣка, глубоко впечатлительнаго, но который пьетъ *горькую* и живетъ съ какой-то невообразимо распутной и грязной цыганкой. Его выходящее изъ уровня образованіе и впечатлительность именно и были причиной такой жизни. Онъ сознательно началъ эту оргію, съ быстротой гоня себя въ чахотку и могилу, и на краю этой могилы онъ и встрѣтилъ эту дѣвушку и полюбилъ ее тоже. Дѣвушка настолько проницательна, чтобы понять причину его безобразной жизни, и настолько честно смѣла, чтобы сказать ему, что она знаетъ его жизнь, но знаетъ также, что и безобразія ему нужны не ради самихъ безобразій, что онъ все это можетъ легко бросить. Она открывается въ своей любви къ этому несчастному человѣку и своему брату, и они вмѣстѣ рѣшаются подѣйствовать на него. Но онъ отказывается отъ счастья; онъ говоритъ, что и поздно, да и грязь не такъ легко отмывается отъ человѣка, даже отъ такого, котораго загрязнили другіе, сама жизнь. Онъ отказывается со всей страшной мукой добровольнаго отреченія отъ счастья жить съ любимой женщиной и еще быстрѣе спѣшитъ дожить свою жизнь...

Братъ молодой дѣвушки знакомится съ однимъ семействомъ. Это богатое семейство бывшаго виннаго откупщика, доживающаго теперь безъ дѣлъ. У него двѣ дочери на возрастѣ, красивыя дѣвушки, но про которыхъ ходятъ такіе разсказы, что онѣ совершенно являются Мессалинами провинціальнаго городка. Разсказы эти, какъ говорится, притча во языцѣхъ города, ихъ знаютъ всѣ и, конечно, герой этой повѣсти. Тѣмъ не менѣе онъ женится на старшей изъ этихъ сестеръ. Конечно, его родители еще до свадьбы въ ужасномъ отчаяніи. Онъ и самъ не утѣшаетъ ихъ. Онъ говоритъ банальныя фразы; что же дѣлать, если онъ влюбленъ, что дѣвушка, вышедши замужъ, можетъ и перемѣ-

ниться и сдѣлаться хорошей женой. Онъ даже не защищаетъ свою невѣсту... Въ то же время одинъ пріятель молодого человѣка также старается разстроить эту свадьбу. Когда въ городѣ дѣлается извѣстнымъ, что свадьба готова состояться, молодой человѣкъ и его другъ случайно встрѣчаются на бульварѣ уже довольно поздно, почти ночью. Дѣло происходитъ зимой. Они вступаютъ въ разговоръ, который все дѣлается откровеннѣе, и пріятель, пользуясь такимъ оборотомъ разговора, заводитъ рѣчь объ его женитьбѣ. Онъ проситъ выслушать себя, позволить предостеречь его отъ страшнаго шага... Онъ говоритъ, что разсказы о похожденіяхъ этой дѣвушки вовсе не ложь, и, когда молодой человѣкъ не отвѣчаетъ ему, говоритъ, наконецъ, что онъ самъ находился въ связи съ его невѣстой и долженъ былъ разойтись съ ней единственно благодаря ея распутству. Въ это время они вмѣстѣ сидятъ на лавочкѣ бульвара, и молодой человѣкъ изъ пистолета, который онъ носилъ отъ нападенія собакъ, въ високъ, въ упоръ, стрѣляетъ въ своего друга. Кругомъ никого нѣтъ... Онъ беретъ трупъ на себя, спускается съ бульвара къ рѣкѣ, которая тутъ же близко, опускаетъ трупъ въ прорубь и, никѣмъ незамѣченный, уходитъ домой. Въ концѣ концовъ, онъ женится и вводитъ жену въ домъ своихъ родныхъ. Тѣ сначала, конечно, смотрятъ на нее, какъ на нѣкоего страннаго звѣря, и чуть не ждутъ, что вотъ не нынче-завтра у нихъ въ домѣ заведется цѣлый цыганскій таборъ, но... слава Богу, ничего не заводится. Молодая женщина живетъ, какъ и всѣ, не давая пищи никакимъ подозрѣніямъ. Очевидно, она любитъ мужа, и онъ ее любитъ...

На этомъ прерывается разсказъ, но, если хотите, онъ и конченъ. Конченъ потому, что характеръ героя и окружающихъ его лицъ опредѣлился вполнѣ (конечно, не въ моей передачѣ). Этотъ характеръ опредѣляется въ сценахъ разсказа,—характеръ прямо противоположный всей его окружающей жизни, по принципамъ прямо враждебный этой жизни, но высказывающійся не въ мелочахъ и словахъ, а только въ поступкахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ обставляющій свои поступки такъ, что съ ними, въ концѣ концовъ, мирятся и ненаходятъ въ чемъ сдѣлать ему упрекъ, а тѣмъ болѣе преслѣдовать его, какъ своего врага, — врага всѣмъ своимъ преданіямъ. Такъ, напримѣръ, герой этого разсказа незамѣтно и безъ шума отвоевываетъ себѣ въ своей семьѣ право свободы совѣсти, т. е. попросту право не исполнять нѣкоторыхъ обрядовъ, и всѣ привыкаютъ къ этому. Такъ же онъ пріучаетъ своихъ домашнихъ забыть и прошедшее своей жены.

Мнѣ кажется, что это типъ спеціально русскій: съ одной стороны—характеръ, привыкшій понимать, что лбомъ стѣны не прошибешь, т. е. стѣны предразсудковъ, но, гдѣ нужно, игнорирующій эту стѣну, гдѣ — показывающій ей всѣ знаки наружнаго

почтенія, а гдѣ надо — хладнокровно, безъ шума, подводящій подъ нее мину; съ другой стороны—эта самая стѣна, эта среда мирится съ человѣкомъ, поступки котораго идутъ совершенно въ разрѣзъ съ ея поступками, но который только имѣетъ тактъ не оскорблять ея, чѣмъ и приводитъ ее къ тому, что она безъ ужаса смотритъ на паденіе всѣхъ своихъ преданій въ лицѣ другого. Это канунъ паденія старыхъ преданій, старой жизни. Въ слѣдующій періодъ эта среда уже выступитъ на послѣднюю борьбу, хотя заранѣе сама приготовила себѣ пораженіе и сама себѣ вырыла могилу...

Такимъ образомъ, по духу, эта повѣсть непосредственно примыкаетъ къ той трилогіи большихъ романовъ Чернышевскаго, о которой я хочу говорить теперь; она составляетъ какъ-бы введеніе въ эти романы и изъ тайниковъ борьбы индивидуальной души вводитъ въ слѣдующую стадію,—стадію общественной борьбы и болѣе широкихъ интересовъ. Эти романы называются: „Прологъ къ прологу", „Дневникъ Левицкаго" и „Прологъ". Задуманы и начаты они были Чернышевскимъ еще въ Кадаѣ въ 1865 г., но окончены только въ 1868 году въ Александровскомъ заводѣ.

Всѣ три романа соединены между собою общностью лицъ, въ нихъ дѣйствующихъ, и дѣйствіе въ нихъ совершается непрерывно въ продолженіе примѣрно пяти лѣтъ: съ половины 50-хъ до начала 60-хъ годовъ. Въ нихъ рисуется и провинціальная жизнь Россіи въ концѣ Крымской войны, и Петербургъ въ самый оживленный періодъ созванія губернскихъ депутатовъ по крестьянскому вопросу.

„Прологъ къ прологу" открывается сценой на почтовой станціи, гдѣ встрѣчаются студентъ петербургскаго университета, математикъ, ѣдущій по окончаніи курса къ себѣ на родину, въ одинъ изъ поволжскихъ губернскихъ городовъ, и богатый помѣщикъ той губерніи, ѣдущій въ Петербургъ. Студентъ занятъ только своей наукой, не знаетъ совершенно Россіи и съ удивленіемъ находитъ во встрѣтившемся помѣщикѣ человѣка совершенно европейскаго образа мыслей, говорящаго о неизбѣжности крестьянской реформы и горячо сочувствующаго освобожденію крестьянъ. Онъ и ѣдетъ въ Петербургъ съ цѣлью разузнать кое-что въ этомъ направленіи и, между прочимъ, найти себѣ хорошаго учителя для дѣтей. Это и есть тотъ помѣщикъ, который приглашаетъ для этого Левицкаго, и въ деревнѣ котораго Левицкій ведетъ свой дневникъ. Въ картинахъ жизни губернскаго города рисуется одно семейство доктора съ замѣчательно энергической дѣвушкой, его дочерью. Съ нею студентъ знакомится, кажется, на пожарѣ, и она потомъ становится его женой. Очевидно, что въ этихъ двухъ лицахъ, студента и дочери доктора, Чернышевскій изображаетъ себя и свою жену. Это еще яснѣе становится въ третьемъ романѣ, въ „Прологѣ", когда этотъ студентъ уже въ Петербургѣ состоитъ

постояннымъ сотрудникомъ одного журнала, и въ домѣ его постоянно собирается кружокъ литераторовъ, молодежи, военныхъ и пріѣзжихъ помѣщиковъ. Далѣе, какъ большой эпизодъ этого романа, рисуется бунтъ государственныхъ крестьянъ. Дѣло разсказывается подробно, со всѣми его перипетіями, отъ хожденія ходоковъ къ начальству до открытаго возстанія и усмиренія мѣстными властями и военной командой.

„Дневникъ Левицкаго“ начинается еще въ Петербургѣ. Онъ начинается описаніемъ чувствъ автора дневника, которыя онъ питаетъ къ одной молодой дѣвушкѣ,—кажется, крѣпостной, живущей на оброкѣ. Онъ передаетъ разсказы этой дѣвушки изъ ея прошлой тяжелой жизни въ барскомъ домѣ своихъ господъ. Левицкій страстно увлеченъ этой дѣвушкой, но сознаетъ, что это увлеченіе, съ одной стороны — жалость къ настрадавшемуся существу, съ другой — чисто животная страсть молодой натуры. Дневникъ продолжается въ домѣ помѣщика, о которомъ я сказалъ выше. Тамъ рисуется семья этого помѣщика, семья истинно-гуманная, съ честными убѣжденіями, и особенно выставляется прекрасная личность дѣвушки, дочери этого помѣщика. Левицкій описываетъ сосѣдей-помѣщиковъ, городскихъ чиновниковъ, съ которыми онъ случайно знакомится при поѣздкѣ въ губернскій городъ по какому-то порученію помѣщика. Тутъ рисуется одна веселая и задорная дѣвушка, любовница полицеймейстера, которая, противъ правилъ чинопочитанія, увлекается авторомъ дневника. Всѣ эти лица такъ живы подъ живымъ и остроумнымъ перомъ Левицкаго, но интересъ ко всѣмъ имъ увеличивается еще тѣмъ, что время дневника — самое интересное время во всей русской исторіи. Это время, когда слухи и толки объ освобожденіи крестьянъ увеличивались съ каждымъ днемъ и волновали до дна деревенскую и провинціальную среду. Таковъ съ внѣшней стороны „Дневникъ Левицкаго“, въ которомъ подъ этимъ именемъ Чернышевскій изображаетъ Добролюбова. Изъ этого дневника на васъ глядитъ натура страстная, съ сильнымъ умомъ, натура, не понимающая раздѣленія слова отъ дѣла, сурово-строгая въ исполненіи того, что считаетъ своимъ долгомъ, и вмѣстѣ мягкая и отзывчивая къ чужому горю.

Въ третьемъ романѣ, въ „Прологѣ“, всѣ главныя лица предыдущихъ романовъ ѣдутъ въ Петербургъ. Ѣдетъ помѣщикъ, у котораго живетъ Левицкій, спеціально затѣмъ, чтобы, пользуясь связями со многими сильными міра, повліять на крестьянскую реформу. Ѣдетъ Левицкій, полный надежды на зарождающуюся зарю новой жизни. Ѣдетъ и студентъ, поступившій было въ учителя мѣстной губернской гимназіи, но вызванный въ редакцію журнала,—ѣдетъ, по его словамъ, чтобы быть благороднымъ свидѣтелемъ у своихъ друзей. Начинается въ самомъ дѣлѣ прологъ, увертюра великой оперы, — увертюра, въ которой вы слышите

мотивы всѣхъ тѣхъ арій, которыя звучатъ и въ наши дни. Разсказать внѣшнюю сторону романа—это значитъ не сказать ничего. Да внѣшней стороны у этого романа и нѣтъ. Все дѣло во внутреннемъ содержаніи: въ идеяхъ и борьбѣ современнаго общества. Тутъ всѣ борются; не надѣются или ожидаютъ только, а непремѣнно борются. Нѣтъ ни одного человѣка безъ оружія. Какое это оружіе—это другой вопросъ, но всѣ вооружены. Въ этомъ и все величіе этой небывалой эпохи въ нашей жизни, эпохи исключительной, которая, вѣроятно, и не повторится; по крайней мѣрѣ, не повторится съ тѣмъ же характеромъ сильнаго возбужденія и, если можно такъ выразиться, при слишкомъ сильномъ недостаткѣ пороха...

Я сказалъ, что тогда всѣ имѣли оружіе. Въ большинствѣ этимъ оружіемъ была литература. Не было не только кружка, но и слоя общества, гдѣ бы не интересовались этой литературой и гдѣ бы, по поводу поднятыхъ ею вопросовъ, не возникало такихъ ожесточенныхъ состязаній, какихъ уже не было никогда послѣ. И эти состязанія производились не учащейся молодежью, нѣтъ, а людьми вполнѣ солидными и пожилыми, или хоть и молодыми, но имѣвшими общественное положеніе. Все образованное общество того времени желало и освобожденія крестьянъ, и реформъ, но одни слои этого общества хотѣли освобожденія крестьянъ полегче и реформъ поуже, для собственнаго употребленія. Другой слой желалъ и освобожденія крестьянъ пошире, и реформъ пошире, для общаго употребленія. Но того и другого, какъ я уже сказалъ, желали всѣ. Однако, въ средѣ того же общества были люди,—тогда ихъ было мало,—которые видѣли, что желанія этого общества до нѣкоторой степени очень платоничны; что если его желанія и искренни, то само оно совсѣмъ не съорганизовано въ такой степени, чтобы изъ этихъ желаній могло что нибудь выйти; что, наконецъ, и желанія-то его далеко недостаточны для того, чтобы изъ нихъ вышло что нибудь полезное, будь они и осуществлены. И эти люди заявили и свои желанія, и свои мѣры къ ихъ осуществленію. Такіе люди въ этомъ романѣ Левицкій и Соколовскій и отчасти сотрудникъ журнала, бывшій студентъ-математикъ. Люди широкихъ либеральныхъ стремленій—это богатый помѣщикъ, у котораго въ деревнѣ жилъ Левицкій; изъ типовъ аристократическихъ сторонниковъ реформы—это одинъ сановникъ въ романѣ, присутствующій на обѣдѣ богатаго помѣщика и котораго этимъ обѣдомъ, какъ великаго сластолюбца, склоняютъ подать свой голосъ за болѣе либеральную партію въ комитетѣ по крестьянскимъ дѣламъ.

Былъ еще одинъ романъ у Чернышевскаго — послѣдній, который я знаю—задуманный имъ, можетъ быть и ранѣе, но начатый только въ 1869—1870 г. въ Александровскомъ заводѣ; этотъ романъ далеко еще не былъ оконченъ, и авторъ продолжалъ пи-

сать его на Вилюѣ и, не окончивши, долженъ былъ истребить. Этотъ романъ есть также продолженіе трехъ предыдущихъ. Дѣйствіе его открывается съ 1862—1863 гг. Въ финалѣ событій, которыми кончается романъ „Прологъ", ни одна группа лицъ, ни представители этихъ группъ не остаются удовлетворенными этими событіями и оставляютъ сцену съ желаніемъ продолжать борьбу и противъ общаго порядка, и другъ противъ друга. И вотъ въ эту-то темную ночь наступившей реакціи одно богатое русское семейство удаляется заграницу. Это — семейство того помѣщика, у котораго жилъ Левицкій. Оно состоитъ изъ жены этого помѣщика, взрослаго сына и еще двухъ-трехъ дѣвушекъ — ихъ родственницъ. Мѣстомъ жительства они выбираютъ островъ Сицилію, около Катаніи. Семейство обладаетъ большими денежными средствами и можетъ жить хорошо, открыто. Оно нанимаетъ какой-то дворецъ богатаго аристократа. Но семейство не живетъ тутъ безвыѣздно: это только ихъ зимняя дача. Оно посѣщаетъ столицы и университетскіе города Европы. Оно желаетъ познакомиться съ выдающимися учеными, политическими дѣятелями и представителями различныхъ партій. Цѣль этого семейства—сближаться съ этими людьми, сближать ихъ между собою и помогать, насколько возможно, дѣлу этихъ людей. Семейство надѣется, что къ нимъ скоро явятся и люди изъ Россіи, которые для нихъ, конечно, дороже ихъ иностранныхъ друзей. Но надо имѣть и этихъ: интересы могутъ быть общіе. Романъ начинается и долженъ былъ продолжаться рядомъ разсказовъ о лицахъ и событіяхъ, въ которыхъ заключается весь преобладающій интересъ новѣйшей Европы. Порой эти лица должны и сами являться на сцену со своими идеями и стремленіями. Тутъ есть разсказы и объ итальянскихъ бурбонахъ; долженъ былъ явиться лично и самъ Гарибальди. Къ этому семейству, на дачу около Катаніи, заѣзжаетъ и Флурансъ, когда онъ въ 1863 г. отправляется въ Кандію сражаться за свободу грековъ. Тутъ должны являться и лица изъ Россіи. Между тѣмъ, по зимнимъ вечерамъ, въ сельскомъ уединеніи семейства, ведутся разговоры о научныхъ, политическихъ и нравственныхъ принципахъ, читаются цѣлые рефераты разными лицами изъ среды семейства и ихъ заѣзжими гостями, излагаются предположенія, планы о возможности лучшаго устройства человѣческой жизни. Романъ еще не имѣлъ отдѣльнаго заглавія, и рядъ этихъ разсказовъ назывался только „Расказами изъ Бѣлаго Зала" (такъ называлось одно изъ залъ дачи, гдѣ обыкновенно собиралось общество). Этотъ романъ остался неоконченнымъ,—вѣроятно, потому, что онъ погибалъ два раза: разъ—большая часть—при отъѣздѣ Чернышевскаго на Вилюй, и въ другой разъ—на Вилюѣ. Послѣ его второго истребленія, Чернышевскій и не упоминалъ о его продолженіи. Чернышевскій говорилъ въ Алексан-

дровскомъ заводѣ, что его еще часто прельщала мысль написать нѣчто въ родѣ романа о томъ, какъ группа русскихъ удаляется на одинъ изъ необитаемыхъ островов Тихаго океана*) съ цѣлью испробовать условія совершенно новой жизни и возрастить новое поколѣніе, которое бы уже твердой ногой встало въ этой новой жизни. Напослѣдокъ онъ предполагалъ это ввести, какъ отдѣльный эпизодъ, въ „Разсказы изъ Бѣлаго Зала“.

Сообщилъ **Э. К. Пекарскій.**

Изъ Англіи.

I.

Представителемъ нашего округа въ парламентѣ съ незапамятныхъ временъ былъ старый отставной генералъ. Выслужился онъ гдѣ-то на западномъ берегу Африки; тамъ съ небольшимъ отрядомъ и пятью пушками онъ насадилъ европейскую культуру, т. е. выжегъ столько деревень, вырубилъ столько плодовыхъ деревьевъ и истребилъ столько негровъ и коровъ, что край этотъ пустыненъ до сихъ поръ, хотя прошло уже много, много лѣтъ. Генералъ, покончивъ съ бурями походной жизни, поселился въ нашемъ округѣ, который послалъ его своимъ представителемъ въ парламентъ поддерживать тамъ „настоящій“ консерватизмъ. Въ парламентѣ старикъ былъ раза два, но ознаменовалъ свое присутствіе. Послушавъ рѣчи оппозиціи, старикъ заявилъ, что, собственно говоря, съ ней нужно было бы расправиться „по-африкански“, т. е. впустить нѣсколько солдатъ, вкатить пушечку и затѣмъ: „разъ, два! На право коли, на лѣво руби!“ Рѣчь стараго генерала вызвала гомерическій хохотъ въ рядахъ оппозиціи; свои же были сильно сконфужены и посовѣтовали „по дружески“ старику не пускаться въ чуждую ему область парламентской политики. Старый генералъ обидѣлся и съ тѣхъ поръ въ парламентѣ не показывался почти. Каждый день регулярно, съ поднятой высоко сѣдой, заостренной кверху головой, съ выпяченной грудью, въ длинномъ пальто до земли, стуча толстой палкой, генералъ обхо-

*) Онъ и указывалъ этотъ островъ,—*кажется*, изъ архипелага *Руруту*,—какъ на мѣстность земного шара, болѣе другихъ одаренную благами природы,—нарочно на такую мѣстность, гдѣ бы природа являлась человѣку не врагомъ, съ которымъ еще надо бороться, а сама—помощницей.

дилъ паркъ нашего округа, шамкая что-то отвисшими губами. Но нашъ округъ регулярно на выборахъ посылалъ генерала: онъ такой респектабельный, такой „патріотъ", а нашъ округъ—ультра консервативный. Населеніе его состоитъ изъ трехъ наиболѣе консервативныхъ элементовъ Англіи, консерваторовъ не за страхъ, а за совѣсть, не потому, что имъ нужны „рынки" или охрана помѣщенныхъ въ иностранныхъ предпріятіяхъ капиталовъ, а просто „такъ", потому что это „stilish". Населеніе это: клэрки, „кэды" и кабацкіе пропоицы, потомки населенія, два или три вѣка живущаго въ лютой нищетѣ. Всѣ три элемента, которые такъ сходятся во взглядахъ на внѣшнюю политику, живутъ отдѣльными кварталами, неимѣющими ничего общаго другъ съ другомъ. Клэрки живутъ въ чистенькихъ домикахъ, изъ оконъ которыхъ изъ-за бѣлыхъ занавѣсей непремѣнно выглядываетъ пестрый горшокъ съ пальмой; „кэды" занимаютъ дома въ 12—15 комнатъ, обвитые плющемъ; пропоицы ютятся въ грязныхъ, вонючихъ переулкахъ. На улицѣ, населенной клэрками, четыре церкви; въ кварталѣ „кэдовъ" — пять или шесть спортивныхъ клубовъ, а въ грязномъ лабиринтѣ пропоицъ—неимовѣрное количество кабаковъ, являющихся очагами самаго пламеннаго патріотизма. Но что такое „кэды"? Это—особая разновидность хорошо обезпеченныхъ среднихъ классовъ. Лютый врагъ „кэдовъ", писательница Уида, въ только что вышедшей книгѣ своей такъ характеризуетъ „единственный продуктъ нашего времени": „Нисколько не преувеличивая, можно сказать, что самый бѣдный рабъ въ Элладѣ, ничтожнѣйшій феллахъ въ Египтѣ, смирнѣйшій парія въ Азіи—джентельмэнъ въ сравненіи съ „кэдомъ". ...Взгляните на него въ велодромѣ, когда кэдъ реветъ неистово при видѣ того, какъ одинъ изъ его породы побиваетъ рекордъ, и отвѣтьте, положа руку на сердце, появлялось ли въ прошлыя столѣтія когда-либо существо болѣе низкое, отвратительное индивидуально и болѣе глупое и гнусное коллективно. Илотъ въ Греціи, гладіаторъ въ Римѣ, рубака среднихъ вѣковъ, да что! даже сводникъ временъ Елизаветы были олицетвореніемъ достоинства, благородства и мужества въ сравненіи съ „кэдомъ" начала XX вѣка. Кэдъ своимъ чрезмѣрнымъ чванствомъ и бестіальностью своею наложилъ печать на цѣлую эпоху". (Critical Studies, by Ouida, 1900, p. 238). Писательница нѣсколько хватила черезъ край; но въ ея словахъ много правды.

Итакъ, старый африканскій герой былъ почти двадцать лѣтъ представителемъ нашего округа въ парламентѣ. Но вотъ палата распущена, и назначены новые, „солдатскіе" выборы. Нашъ округъ во время этой войны проявилъ еще больше патріотизма, чѣмъ всегда. Въ церквахъ священники произносили патріотическія проповѣди и доказывали, что Св. Георгъ—первый „Томи Аткинсъ", а Св. Стефанъ—первый „Джэкъ Таръ"; и клэрки, и „кэды" украшали свои дома флагами при каждомъ сообщеніи объ успѣхѣ англій-

скаго оружія. Дамы, по воскресеніямъ, вмѣсто гимновъ: „Іерусалимъ, о градъ священный“, или же „Стремись къ небесамъ, о человѣче“, изображали на фортепіано: „Вотъ солдаты королевы“. „Громи враговъ, Британія“, „God save the Queen“ и др. патріотическія пѣсни. Что же касается лумпенпролетаріата, то каждая побѣда обильно поливалась элемъ и виски въ „Семи звѣздахъ“, въ „Вертоградѣ“, въ „Красной коровѣ“, въ „Свистящей устрицѣ“ и другихъ патріотическихъ учрежденіяхъ нашего округа.

И вдругъ негодущее населеніе узнаетъ, что „про-буры“ желаютъ отвоевать опору патріотизма! На стѣнахъ домовъ появились объявленія съ приглашеніемъ вотировать за неизвѣстнаго кандидата, выставленнаго либералами. Генерала сейчасъ же убрали. Избиратели отлично понимали, что африканскій герой плохъ и ему не справиться съ самымъ немудренымъ противникомъ. А противникъ былъ дѣйствительно не мудреный. Либеральная федерація знаетъ, что нашъ округъ невозможно отбить у консерваторовъ, поэтому не выставляла совсѣмъ своего кандидата. Кандидатъ началъ борьбу на свой собственный страхъ, зная, что потерпитъ пораженіе. Но кандидатура нужна была, какъ путь къ извѣстности, ему, молодому, начинающему адвокату, не стѣсняющемуся въ средствахъ. Генерала убрали. Вмѣсто него округъ выставилъ типичнаго „кэда“, тоже адвоката, настоящаго патріота. Когда либеральный кандидатъ устроилъ первый свой открытый митингъ, онъ могъ убѣдиться, если у него было только малѣйшее сомнѣніе, что надежды на побѣду никакой. Открытый митингъ былъ устроенъ на маленькой площади передъ „Вертоградомъ“, громаднымъ кабакомъ, куда каждую субботу является съ барабаннымъ боемъ и звуками трубъ какая-то конгреція „обстрѣливать діавола“. Увы! діаволъ непобѣдимъ. Напрасно усердствуютъ барабанщики; напрасно во всѣ легкія дуютъ въ мѣдныя трубы музыканты; напрасно дѣвицы, дамы и толстый джентельмэнъ въ цилиндрѣ (повидимому, организаторъ секты) поютъ, какъ можно пронзительнѣе, душеспасительные гимны. Діаволъ не бываетъ посрамленъ. Наоборотъ даже. Очень часто изъ „Вертограда“ выходятъ распухшіе отъ пива джентельмэны и предлагаютъ запѣвалѣ въ цилиндрѣ „промочить горло“, чтобъ лучше потомъ пѣть. Передъ этимъ кабакомъ либеральный кандидатъ обратился къ „джентельмэнамъ“, обличая финансовую политику министерства. Митингъ былъ самый неудачный. Мальчишки и пьяницы изъ кабака не дали говорить.

Въ этомъ письмѣ я не имѣю намѣренія дать анализъ партій и программъ по поводу выборовъ. Я хочу лишь набросать, бѣглыми штрихами при томъ,—нѣсколько сценъ. Отправимся, поэтому, туда, гдѣ избирательная борьба велась наиболѣе упорно. Такимъ пунктомъ былъ южный округъ Лондона—Баттерси. Консерваторамъ во что бы то ни стало хотѣлось завоевать этотъ пунктъ и

забаллотировать делегата — Джона Бернса. Побѣда доказала бы, что рабочій Лондонъ тоже за имперіализмъ и что въ силу этого забаллотированъ коммонеръ, сильнѣе всѣхъ обличавшій войну.

Поѣздка въ Баттерси—цѣлое путешествіе. Вначалѣ мы пересѣкаемъ весь центральный фешенебельный Лондонъ, гордящійся своимъ консерватизмомъ, минуемъ Сити и отъ Лондонскаго историческаго моста беремъ трамвай, который везетъ насъ черезъ Гоби громадной метрополіи, по безконечнымъ улицамъ округа Ламбетъ.

Трудно представить себѣ что либо болѣе печальное, чѣмъ „великая кирпичная пустыня" Южнаго Лондона! Отъ главной грязной улицы, наполненной запахомъ зажаренной на подсолнечномъ маслѣ несвѣжей рыбы и перегорѣлой водки (по этому смѣшанному запаху издали еще, безъ гида и плана, можно въ Лондонѣ найти „slums", т. е. трущобы)—въ обѣ стороны разбѣгаются узкіе, ослизлые, вонючіе переулки. Они кажутся какими-то длинными мрачными, удушливыми корридорами, ведущими къ дворцу властелина этихъ мѣстъ Голода. Домики тянутся одной сплошной, черной, покривившейся отъ времени стѣной. Ни кустика, ни одной зеленой площадки! Лишь покрытый черной копотью кирпичъ, да липкой вонючей грязью камень.

Изъ узкихъ корридоровъ-переулковъ несется гвалтъ и гомонъ гомозящихся на мостовой и отплясывающихъ подъ звуки богъ вѣсть откуда и зачѣмъ забредшей шарманки—дѣтей.

Ребятишки различнаго возраста: отъ изучающихъ еще опытно теорію и практику хожденія на двухъ ногахъ до пятилѣтнихъ замарашекъ, зеленыхъ, испитыхъ, съ носами въ самомъ плачевномъ состояніи. Старше пяти лѣтъ дѣтишекъ почти не видно: они помогаютъ уже матерямъ клеить коробочки для спичекъ или дѣлать искусственные дешевые цвѣты. Дѣвочки еще болѣе оборваны, чѣмъ мальчики; но волосы у нихъ завернуты въ папильотки, къ которымъ лондонская голытьба питаетъ особую слабость. Сегодня суббота. Оборванныя, грязныя женщины съ потрескавшимися кувшинами въ рукахъ идутъ къ кабакамъ за пинтой эля и чтобы посмотрѣть, не сидитъ-ли ужъ тамъ ея „человѣкъ", который сегодня долженъ получить разсчетъ: нужно спасти хоть нѣсколько шиллинговъ. Женщины грязны до послѣдней степени; подъ глазами еще не зажили старые фонари, которые, увы! сегодня вечеромъ замѣнятся новыми; но волосы тоже завернуты въ папильотки. У дверей кабаковъ, заложивъ руки за поясъ плисовыхъ штановъ, перехваченныхъ по мѣстной модѣ ниже колѣна ремешкомъ,— стоятъ распухшіе отъ водки оборванцы и варіируютъ на всѣ лады ругательство „bloody" (проклятый, собственно, кровавый), единственное, кажется, прилагательное, имѣющееся въ ихъ скудномъ лексиконѣ. Мы проѣзжаемъ Ламбетъ, самый дикій, грубый и бѣдный кварталъ Лондона. Населеніе здѣсь состоитъ изъ чернорабочихъ

да изъ людей, по оффиціальной терминологіи принадлежащихъ къ „полупреступному классу“. Разъ въ годъ, въ началѣ осени, Ламбетъ пустѣетъ. Все населеніе, съ женами и дѣтьми, отправляется громаднымъ цыганскимъ таборомъ въ сѣверный Кентъ на хмѣльники собирать хмѣль. Вокругъ хмѣльниковъ выростаютъ временные кабаки, гдѣ пропивается почти все, что зарабатывается. Въ парламентѣ не разъ поднимался вопросъ о томъ, чтобы воспретить продажу крѣпкихъ напитковъ возлѣ хмѣльниковъ. Выяснилось, что кабаки сооружаютъ тѣ пивовары и благородные лорды, которымъ хмѣльники принадлежатъ.

На главной улицѣ видны лавки. Постоянно встрѣчаются вывѣски: „Дешевый гробовщикъ“, „Дешевыя патентованныя лѣкарства отъ всѣхъ болѣзней“. Все говоритъ о недужномъ, бѣдномъ, *кволомъ*, по выраженію поволжанъ, населеніи, которое стараются убрать поскорѣе съ лица земли при наименьшихъ расходахъ. Ламбетъ часто фигурируетъ въ уголовныхъ хроникахъ Лондона. Любопытно изслѣдовать фамиліи преступниковъ, фигурирующихъ въ судахъ. Все это—англичане, конечно; но имена не англійскія: Дарси (Д'Арси), Дебаль (Де Баль) и т. д. Все это потомки родовитыхъ гугенотовъ, явившихся сюда послѣ отмѣны Нантскаго эдикта. Гугеноты тогда поселились въ двухъ деревняхъ близь Лондона, Бетналъ-Гринѣ и Ламбетѣ. Въ первой поселились часовщики, во второй—ткачи, выдѣлывавшіе особое, узорное полотно. Нѣсколько поколѣній благоденствовало: отцы учили своему ремеслу дѣтей; Бетналъ-Гринъ и Ламбетъ были богатыми деревнями, съ чистенькими нарядными домиками, со школами, съ садиками у домовъ. Но вотъ явилось безсознательное, но страшное чудовище—машина. Она вначалѣ убила ткачей Ламбета, затѣмъ пришелъ чередъ и часовщиковъ Бетналъ-Грина. Машина стала изготовлять тысячами тѣ колесики и винты, что прежде выдѣлывались отъ руки. И свистъ паровой машины былъ похороннымъ гимномъ двумъ деревнямъ. Населеніе очутилось на улицѣ. Исчезли чистенькіе домики и сады. Потомки гугенотовъ смѣшались съ пришлымъ англійскимъ населеніемъ, которыхъ „смерть земли“ загнала изъ деревень въ пригороды колоссальной столицы. Черезъ 75 лѣтъ Ламбетъ и Бетналъ-Гринъ превратились въ то, чѣмъ они есть теперь, т. е. стали самыми дикими кварталами Лондона. Если бы я былъ поэтомъ, я выбралъ бы темой для поэмы судьбу гугенотовъ въ Ламбетѣ, борьбу дракона-машины съ человѣкомъ...

За то въ Ламбетѣ много кабаковъ. И всѣ кабаки, какъ всюду въ Лондонѣ, являются очагомъ самаго пламеннаго патріотизма. Съ крыши омнибуса я вижу нѣсколько распухшихъ отъ пива и джина, растрепанныхъ женщинъ, сидящихъ въ кабакѣ. Въ окнѣ—патріотическій плакатъ съ надписью: „Вотируйте за Ридли, истиннаго патріота, а не измѣнника про-бура“. Ламбетъ — опора консерватизма, одинъ изъ Малаховыхъ кургановъ крѣпости торизма.

Въ окнѣ другого кабака — политическая каррикатура (или „картонъ", какъ говорятъ здѣсь), озаглавленная „урокъ радикаламъ". На школьныхъ скамьяхъ, съ вытянутыми лицами, сидятъ Морлей, Гаркортъ, Кэмбель-Баннерманъ и др. министры бывшаго кабинета. „Джо" (т. е. Чэмберлэнъ), въ черной учительской мантіи, съ пучкомъ розогъ за спиной въ одной рукѣ, — другой пишетъ мѣломъ на doскѣ: „Консолидація имперіи", „Сильная армія", „Могучій флотъ", „Уваженіе иностранныхъ державъ", „Разцвѣтъ торговли" и т. д. Это все должно означать плоды политики имперіализма. Вотъ еще политическая каррикатура, тоже въ окнѣ кабака. У закрытыхъ дверей, на которыхъ надпись: „Британская имперія", стоитъ лордъ Сольсбери. Художникъ придалъ необыкновенно свирѣпый видъ расплывшейся, круглой фигурѣ премьера. Лордъ Сольсебри сжалъ кулаки и собирается измолоть въ порошокъ и „зубы на зубы помножить" всѣмъ тѣмъ врагамъ, которые подползаютъ къ дверямъ. Тутъ и Франція, изловчающаяся накинуть удавку, и Россія, и Крюгеръ, и Германія,—словомъ, весь міръ. Забитому, одичалому отъ бѣдности Ламбету внушаютъ, что если бы не кулакъ расплывшагося премьера,—вся Европа пошла бы громить грязныя мурьи квартала!..

Вотъ въ одинъ изъ грязныхъ переулковъ завернула великолѣпная карета, запряженная парой кровныхъ рысаковъ. Лакей съ громаднымъ мѣховымъ воротникомъ на плечахъ, что придаетъ ему видъ выстриженнаго пуделя, соскакиваетъ съ козелъ и отбрасываетъ подножку. Выходятъ двѣ разряженныя, сладко улыбающіяся дамы съ патріотическими кокардами на груди. Къ каретѣ со всѣхъ сторонъ съ гамомъ и крикомъ мчатся запачканные мальчишки и дѣвочки, съ закрученными въ папильотки волосами. Изъ оконъ и дверей выглядываютъ любопытныя головы взрослыхъ. Дамы эти—члены „лиги Подснѣжника", насаждающія истинный патріотизмъ. Они пріѣхали въ „slums" проповѣдовать имперіализмъ и консерватизмъ да раздавать населенію съ агитаціонной цѣлью политическія каррикатуры. Дамы изъ лиги Подснѣжника порой выступаютъ еще болѣе рѣшительно на выборахъ. Я видѣлъ циркуляръ, подписанный Розалиндой Гамильтонъ и разосланный всѣмъ избирателямъ Лондондери - Сити (въ Ирландіи). „Какъ вамъ извѣстно, гласитъ циркуляръ, мужъ мой выступаетъ кандидатомъ юніонистовъ (т. е. консерваторовъ, враждебно относящихся къ національному движенію въ Ирландіи).— Въ силу этого, обращаюсь къ вамъ съ просьбой вотировать за мужа и поддержать, такимъ образомъ, лояльность и патріотизмъ"...

Великая каменная пустыня кончилась. Начался цвѣтущій оазисъ. Дѣйствительно, такимъ именно кажется округъ Баттерси (въ немъ до 165,000 жителей) послѣ Ламбета. Чистыя улицы, чистенькіе домики, умытыя дѣти, масса лужаекъ и садиковъ, три общественныя безплатныя библіотеки, громадный народный поли-

техникумъ, нѣсколько мѣстныхъ газетъ и пр. Все это составляетъ рѣзкій контрастъ съ грязью и тьмою Ламбета. Совѣтъ Баттерси (мѣстный муниципалитетъ) считается самымъ радикальнымъ не только въ Лондонѣ, но и въ Англіи. Онъ организовалъ школы, библіотеки, общественныя чтенія, биржу труда. Онъ муниципализировалъ трамвай, выстроилъ на городской землѣ жилища для работниковъ, сократилъ число кабаковъ, которыхъ въ Баттерси меньше, чѣмъ въ какомъ либо другомъ мѣстѣ съ такимъ же населеніемъ. Совѣтъ Баттерси сдаетъ общественныя работы не подрядчикамъ, а непосредственно артелямъ работниковъ, онъ же принялъ законъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ для всѣхъ служащихъ и постановилъ платить работникамъ не меньше минимума, установленнаго трэдъ-юніонами. Баттерси—предметъ вѣчныхъ жалобъ пивоваровъ и подрядчиковъ. Баттерси, наконецъ, посылаетъ, вотъ уже девять лѣтъ, въ парламентъ своимъ представителямъ Джона Бернса, „нашего Джэка", родившагося 42 года тому назадъ въ томъ же округѣ. Консерваторы на каждыхъ выборахъ употребляютъ всѣ усилія, чтобы отвоевать Баттерси; но покуда безуспѣшно. Округъ посылаетъ въ совѣтъ лондонскаго графства (county council) представителемъ своимъ того же Бернса. Три года тому назадъ, во время послѣднихъ муниципальныхъ выборовъ, „умѣренные" (такъ называетъ себя партія консерваторовъ въ county council) пустили все въ ходъ, чтобы вытѣснить изъ Баттерси Бернса. *Daily Mail* и *Pall Mall* помѣщали ежедневно его имя въ „черномъ спискѣ". Но случилось такъ, что выбрали именно тѣхъ, которые были внесены въ роковой списокъ.

Въ этомъ году противъ Бернса консерваторы выставили богатаго мѣстнаго пивовара Гартона, которому принадлежитъ девяносто кабаковъ. „Патріоты" еще потому желали вытѣснить во что бы то ни стало Бернса, что онъ принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ коммонерамъ, которые рѣзко и рѣшительно высказались прямо противъ войны. Лишь одинъ Бернсъ успѣшно выступалъ на открытыхъ митингахъ въ Баттерси противъ войны, когда всюду митинги „про-буровъ" срывались. Нѣсколько дней тому назадъ извѣстный хорошо у насъ въ Россіи Гобсонъ выступилъ противъ „либеральнаго имперіализма". Истинный либералъ, — говоритъ Гобсонъ,—помогающій либералъ-имперіалисту проникнуть въ парламентъ, причиняетъ, не сознавая того, громадный вредъ. Открытый врагъ—гораздо лучше ложнаго друга. Между имперіализмомъ и либерализмомъ не можетъ быть ничего общаго. Имперіализмъ дѣлаетъ либерализмъ безплоднымъ, отнимаетъ все время, энергію и деньги, необходимыя для внутреннихъ реформъ. Имперіализмъ выдуманъ консерваторами и будто бы либералами. Избиратель, вотирующій за либерала имперіалиста, потому что раздѣляетъ его взглядъ на палату лордовъ, пенсіонъ для престарѣлыхъ, аграрныя реформы и пр.,—содѣйствуетъ составленію такого пар-

ламента, который ни за что не проведетъ ни одной изъ этихъ необходимыхъ реформъ. Онъ содѣйствуетъ также паденію и вырожденію либеральной партіи, такъ какъ имперіализмъ съ его захватомъ и насиліемъ не имѣетъ ничего общаго съ принципами истиннаго либерализма. Лучше ужъ громадная торійская министерская партія, чѣмъ многочисленная „либеральная" оппозиція, состоящая изъ воинствующихъ клерикаловъ, отставныхъ офицеровъ, южно-африканскихъ спекуляторовъ и пр. господъ, добившихся избранія въ парламентъ восхваленіемъ присоединенія республикъ. Имперіализмъ — роковая болѣзнь въ организмѣ либеральной партіи. Всякій голосъ, поданный за либерала имперіалиста,—поддерживаетъ болѣзнь и ускоряетъ смерть либерализма *).

Джонъ Бернсъ вполнѣ раздѣляетъ мысль Гобсона. Пораженіе Бернса на выборахъ означало бы не только простое завоеваніе новаго мѣста, а означало бы также протестъ населенія радикальнаго округа противъ враговъ имперіализма. Въ силу этого для отвоеванія Баттерси были пущены въ ходъ не только парламентскіе пріемы. Кампанія велась не только въ Англіи. Въ „Спеціальномъ Трансваальскомъ изданіи" „Блюмфонтенской Почты", въ номерѣ отъ 17 августа, помѣщена слѣдующая телеграмма изъ Лондона: „Общіе выборы. Кандидаты про-буры. Крюгеровская взятка. Лондонъ. По слухамъ, Крюгеръ далъ милліонъ фунтовъ ст. на покрытіе здѣсь избирательныхъ расходовъ кандидатовъ про-буровъ (т. е. Бернса и Пикерсгиля)". Эта телеграмма наводитъ на слѣдующія размышленія: 1) *Блюмфонтенская Почта* принадлежитъ „Аргусу", компаніи, основанной Родсомъ и Бейтомъ, скупившей всѣ газеты въ Южной Африкѣ. 2) Такъ какъ всѣ газеты въ Трансваалѣ издаются теперь военными властями, то завѣдомо ложной выдумкѣ (ее не рѣшился повторить даже Daily Express) дана правительственная санкція.

II.

Бойкій мальчишка лѣтъ 12 вскакиваетъ на ходу на подножку трамвая и быстро начинаетъ раздавать пассажирамъ маленькіе листки, озаглавленные „Выдержка изъ ненапечатанной исторіи нашего времени". Это—только что вышедшій памфлетъ за № 1843.

„Конецъ XIX вѣка,—читаю я,—ознаменованъ однимъ изъ величайшихъ кризисовъ въ исторіи Англіи. Первымъ министромъ былъ маркизъ Сольсбери; но сердце каждаго настоящаго англичанина чутьемъ угадывало истиннаго вождя и вдохновителя блестящей и успѣшной политики. Съ боевымъ кличемъ: „Чэмберлэнъ и федерація!" грубый житель австралійской пустыни мчался къ

*) Morning Leader, 28 сентября.

холмамъ, занятымъ бурами; съ лозунгомъ на устахъ: „Чэмберлэнъ и торговля Бирмингэма!" канадскій пластунъ изслѣдовалъ Южно-Африканскую степь. Въ ночь освобожденія Мэфкинга крики: „Джо и имперія!" приводили въ восторженное опьяненіе гражданъ. Къ счастью также для Англіи, въ это критическое время,—великій государственный дѣятель, направлявшій министерское колесо, состоялъ главой клана, который насчитывалъ въ составѣ своемъ безчисленное множество братьевъ, племянниковъ и всякаго рода родственниковъ. И всѣ они были пайщиками различныхъ компаній, доставлявшихъ подряды въ военное министерство и адмиралтейство. Такимъ образомъ, въ то время, какъ рѣшалась судьба Англіи, кланъ бралъ самыя высокія цѣны за самые плохіе матеріалы, изготовленные въ Германіи, ради успокоенія общественнаго мнѣнія Европы, должно быть".

Этимъ заканчивается памфлетъ № 1843 и слѣдуетъ перечисленіе пяти торговыхъ фирмъ: „Кайнохъ", „Госкинсъ", „Общество изготовленія ружейныхъ стволовъ", „Бирмингэмская оружейная компанія" и „Элліотъ и К°".

„Страница изъ ненапечатанной исторіи" говоритъ очень многое. Это—указаніе на странное участіе Чэмберлэна и родственниковъ его въ компаніяхъ, поставляющихъ военные заказы. Неподкупность англійскихъ государственныхъ дѣятелей не мало содѣйствовала тому престижу, которымъ пользуется во всемъ мірѣ англійскій парламентъ. Англичане смотрятъ на оппозицію, какъ на необходимую часть парламента (она такъ и называется: „оппозиція ея величества"). Стояли ли у власти тори или радикалы, — англичане знали, что прежде всего у министровъ одна цѣль: интересы Англіи. Господство биржевого капитала привело съ собою значительную перемѣну въ нравахъ; опять возродились обычаи дореформеннаго періода, Англіи до 1832 г., когда не было еще такого широкаго общественнаго контроля надъ парламентомъ. Въ февралѣ 1899 г. коммонеръ ирландецъ Макъ-Нейлъ обратилъ вниманіе на то, что постъ министра ея величества несовмѣстимъ съ мѣстомъ директора акціонерной компаніи. Между тѣмъ, изъ 44 министровъ 22 состоятъ директорами различныхъ компаній. Иногда министръ числится директоромъ двухъ, трехъ и болѣе различныхъ обществъ. Министръ колоній пошелъ дальше еще. Вмѣстѣ со своими родственниками, онъ нашелъ возможнымъ и приличнымъ сдѣлать себя и ихъ директорами и пайщиками обществъ, получившихъ заказы отъ министерства. Прежде всего выплыло дѣло общества „Кайнохъ", бирмингэмской фирмы, доставлявшей военному министерству кордитъ (взрывчатое вещество, отличающееся большою разрушительною силою). Въ 1895 г. либеральное министерство пало, такъ какъ выражено было недовѣріе ему по поводу того, что оно допустило уменьшеніе запасовъ кордита. Чэмберлэнъ тогда заявилъ, между прочимъ, что

онъ вынужденъ заступиться за своихъ согражданъ,—бирмингэмцевъ, которыхъ производство кордита близко касается. Въ началѣ нынѣшняго года стало извѣстно, что большія злоупотребленія допущены въ адмиралтействѣ при пріемѣ кордита отъ фирмы „Кайнохъ". Назначена была парламентская коммиссія, которая выяснила слѣдующее: 1) Адмиралтейство оказывало странное предпочтеніе фирмѣ „Кайнохъ", не смотря на то, что она брала за фунтъ кордита отъ $2^1/_2$—3 шиллинговъ; другія фирмы вызывались доставлять кордитъ по 2 шил. и по $2^1/_4$ шил. за фунтъ, но имъ было отказано. 2) Доставленный фирмой „Кайнохъ" кордитъ очень плохого качества, „далеко ниже по своему достоинству того матеріала, который доставляли прежде другія фирмы",—слова главнаго инспектора. Пріемный комитетъ вынужденъ былъ забраковать 45% доставленнаго кордита. 3) Во главѣ фирмы „Кайнохъ" стоитъ Артуръ Чэмберлэнъ, родной братъ Джозефа Чэмберлэна. 4) Членомъ совѣта адмиралтейства, отъ котораго зависитъ кому сдавать подряды, состоитъ Остинъ Чэмберлэнъ, родной сынъ Джозефа Чэмберлэна. Я забылъ прибавить еще одно. Слѣдственная коммиссія выяснила, что, вопреки точнымъ инструкціямъ правительства употреблять только англійскіе матеріалы, — фирма „Кайнохъ" не только покупала дешевый хлопчатобумажный порохъ въ Германіи, но даже заказывала Нобелю „пасту", т. е. сырой кордитъ, оставляя за собой лишь окончательную отдѣлку.

Результатами, добытыми слѣдственной коммиссіей, воспользовалась оппозиція для обличенія министра колоній. Объясненіе Чэмберлэна было въ томъ смыслѣ, что онъ не отвѣтственъ за поступки своихъ родственниковъ. „Что же касается меня самого,—продолжалъ онъ,—то ни я и ни кто-либо изъ членовъ моей семьи никогда не принимали участія въ какихъ либо казенныхъ подрядахъ".

Черезъ два мѣсяца послѣ этого категорическаго заявленія газета *Morning Leader* *) раскрыла „Тайны фирмы *Госкинсъ* и *К°*", занимающейся доставкой въ адмиралтейство оружія и боевыхъ снарядовъ. Оказывается, что „Госкинсъ и К°"—псевдонимъ. Слѣдуетъ читать: „Чэмберлэнъ съ сыновьями и дочерьми". Въ 1897 г. продавались всѣ акціи фирмы „Госкинсъ и К°" и были пріобрѣтены семьей Чэмберлэнъ. Миссисъ Чэмберлэнъ, жена министра колоній, пріобрѣла 2,000 привилегированныхъ акцій, два сына министра (одинъ изъ нихъ—членъ совѣта адмиралтейства, другой—выставилъ теперь свою кандидатуру въ парламентъ)—4,600 акцій, двѣ дочери — 201 акцію. Адресъ фирмы — частный адресъ сына Чэмберлэна, живущаго вмѣстѣ съ отцемъ. Самъ Госкинсъ, имя

*) 18 сентября 1900 г., статья Mr. Chamberlain's family as admiralty contractors.

котораго фирма носитъ,—имѣлъ всего *одну* лишь акцію и ту продалъ въ 1898 г. малолѣтней дочери Джозефа Чэмберлэна. Тотъ же неутомимый *Morning Leader* черезъ недѣлю раскрылъ, что Чэмберлэны являются пайщиками двухъ другихъ обществъ: „Ружейныхъ стволовъ“ и „Бирмингэмской оружейной К°“, занимающихся казенными подрядами, а еще черезъ два дня опубликовалъ документы относительно фирмы „Эллiотъ и К°“ *). Дѣла этого общества окутаны глубокимъ мракомъ. На собранія ея акціонеровъ—представители прессы не допускаются. О засѣданіяхъ появляется замѣтка лишь послѣ того, какъ они уже состоятся. Даже составитель „Биржевого Ежегодника“ (Stock Exchange Year Book) не могъ получить никакихъ свѣдѣній о дѣятельности общества. Списки директоровъ держатся въ большомъ секретѣ. Общество не помѣщаетъ публикацій въ спеціальныхъ журналахъ. Всѣ старанія, повидимому, направлены къ тому, чтобы объ обществѣ знали возможно меньше. *Morning Leader* отмѣчаетъ слѣдующій фактъ. Въ спеціальномъ спискѣ всѣхъ торговыхъ обществъ „Palmer's Buyer“ значится, что на 53 страницѣ есть объявленіе общества „Эллiотъ и К°“. Но на указанной страницѣ объявленія нѣтъ: оно было, но его изъяли изъ обращенія, чтобы возможно меньше было толковъ. Кто же скрывается въ такомъ глубокомъ мракѣ отъ публики? Общество „Эллiотъ и К°“ возникло въ 1874 г. съ капиталомъ въ $2^1/_2$ милліона рублей, раздѣленнымъ на 1,000 акцій. Въ 1883 г. большія акціи были раздроблены на сто-фунтовыя, а въ 1889 г. на 10 фунтовыя. Джозефъ Чэмберлэнъ появляется въ спискахъ акціонеровъ въ 1886 г.; въ 1898 г. онъ исчезаетъ, за то мы видимъ въ спискахъ жену министра колоній, сыновей его и безчисленныхъ родственниковъ. Въ 1897 г. таинственная компанія выбираетъ главнымъ директоромъ Невиля Чэмберлэна (второго сына министра колоній), а въ товарищи ему—трехъ дядей. Дѣла общества, доставляющаго казенные подряды, сильно расширились, основной капиталъ увеличился. Теперь общество выпустило 20,250 обыкновенныхъ акцій и 7,099 привилегированныхъ; изъ первыхъ—9,260, а изъ вторыхъ—3,841—принадлежатъ Чэмберлэнамъ. Дѣла же правленія всецѣло находятся въ рукахъ Чэмберлэновъ. Вотъ какая длинная исторія заключается въ таинственныхъ на первый взглядъ словахъ: „Кайнохъ, Госкинсъ, Эллiотъ и т. д.“, которыми заканчивается памфлетъ № 1843.

III.

Пора, однако, слѣзать съ трамвая, чтобы побродить по улицамъ Баттерси. Населеніе округа состоитъ изъ двухъ, меньше

*) The Financial history of a Chamberlain Company, «Morning Leader», 28 октября 1900, p. 8.

всего относящихся дружелюбно другъ къ другу, элементовъ. Съ одной стороны, Баттерси населенъ работниками, большею частью, хорошо зарабатывающими: машинистами, плотниками, столярами и т. д. Они всѣ принадлежатъ къ юніонамъ. Вторая часть населенія—мелкіе клэрки, банковые служащіе изъ Сити, забравшіеся сюда потому, что здѣсь квартиры дешевле. Въ обычное время принципалъ относится не то что презрительно къ клэрку, а просто не замѣчаетъ его. Для принципала клэрки—это „руки", одѣтыя въ однообразные черные сюртуки и цилиндры. Клэркъ утромъ уѣзжаетъ на службу, пишетъ цѣлый день счета и возвращается измученный, истомленный домой. Времени хватаетъ лишь на то, чтобы просмотрѣть утромъ Daily Mail, а по воскресеніямъ—номеръ Tit-Bits. Первое изданіе снабжаетъ клэрка политическими свѣдѣніями, второе—научными и литературными. Передъ выборами принципалъ начинаетъ благосклонно улыбаться клэрку, заговариваетъ иногда даже на тему, что у нихъ, *какъ у джентельмэновъ*, есть общіе интересы, интересы патріотическіе, не то что у радикаловъ, потакающихъ черни. И клэркъ одѣваетъ еще болѣе высокіе воротнички, еще тщательнѣе гладитъ старенькій цилиндръ, чтобы еще болѣе походить „на джентельмэна" и отличаться отъ работника. Мелкая буржуазія косна всюду; но въ Англіи, гдѣ уровень умственнаго развитія ея крайне низокъ вслѣдствіе недоступности для массъ университетскаго образованія,—эта мелкая буржуазія совершенно окостенѣла. Въ Баттерси клэрки селятся отдѣльно отъ работниковъ, норовя все забраться въ отдѣльный переулокъ. Въ такомъ переулкѣ домики называются непремѣнно „виллами". Изъ оконъ „виллы" если слышатся звуки піанино, то непремѣнно „Вотъ солдаты королевы", „То былъ славный день боя" и др. патріотическія пѣсни, вынесенныя изъ мюзикъ-холла. Клэркъ непремѣнно запишется въ лигу „Подснѣжника", главнымъ образомъ, для того, чтобы хоть въ однихъ спискахъ числиться съ маркизомъ такимъ-то и съ виконтомъ такимъ-то. Даже поверхностное наблюденіе убѣждаетъ насъ въ Баттерси, что здѣсь подготовляется ожесточенная борьба. Портреты кандидатовъ выставлены почти въ каждомъ окнѣ. Въ „виллахъ" виднѣется Гартонъ, въ котеджахъ—Бернсъ. Подъ портретами короткія обращенія къ избирателямъ, въ родѣ слѣдующихъ: „Послѣ такой долгой и упорной войны, неужели вы поддадитесь Крюгеру и К°? Конечно, нѣтъ. Поэтому вотируйте за Гартона, истиннаго патріота!" „Вотируйте за Бернса и такимъ образомъ вынесите обвинительный приговоръ подлому, продажному и презрѣнному министерству". „Если вы за Бога, за королеву и за патріотизмъ, вотируйте за Гартона!" „Вотируйте за Бернса, врага свэтеровъ". „Вспомните Маджубу и подайте голосъ за Гартона!" и т. д.

Иногда избирательныя афиши болѣе пространны. „Лондонскіе работники, прочтите слѣдующее. Въ Лондонѣ ежегодно восемнад-

цать тысячъ человѣкъ достигаютъ 65 лѣтняго возраста. Чтобы дать шестидесятилѣтнему старику до конца его жизни по 8 шиллинговъ въ недѣлю, требуется 170 фунтовъ. 18,000 × 170 ф. = = 3.060,000 ф. ст. въ годъ. Торійское правительство отдаетъ въ силу „земельнаго закона" болѣе 3 милліоновъ ф. въ годъ *). Почему оно не даетъ ихъ престарѣлымъ бѣднякамъ? Оно отдаетъ деньги лэндлордамъ въ видѣ взятки. Каждый мужчина, женщина и ребенокъ въ Англіи, въ общемъ, вносятъ по 18 пенсовъ въ годъ, чтобы лэндлорды могли имѣть эту взятку". „Вотируйте за Гартона и очищайте палату общинъ отъ измѣнниковъ и про-буровъ"! А вотъ воззваніе не мѣстнаго кандидата, а оппозиціи: „Почему вы платите больше теперь за вашъ чай, за ваше пиво, табакъ и уголь? Увеличеніе налоговъ является результатомъ увеличенія расходовъ. Дороговизна во всемъ вызвана войной. Вы подумайте лишь о томъ, сколько тратило правительство общественныхъ денегъ даже до войны (слѣдуютъ колонны цифръ, набранныя жирнымъ, краснымъ шрифтомъ. Выводъ тотъ, что государственный расходъ въ 1895 г. былъ 94 милл. ф. ст., а въ 1899 г.—108 милл. ф. ст.). Если министерство останется у власти, то расходы станутъ все болѣе и болѣе рости. И тогда не миновать новыхъ налоговъ. Фермеры, берегитесь вотировать за правительство, которое забрало ужъ столькихъ сельско-хозяйственныхъ работниковъ и послало ихъ умирать въ чумныхъ болотахъ тропическихъ странъ. Берегитесь! Если вы подадите голосъ за министерство, армія еще болѣе увеличится. Фабриканты, какъ будете вы производить работы, если Чэмберлэнъ проведетъ билль объ обязательной службѣ въ милиціи? Работники, вотируйте противъ милитаризма и воинствующаго имперіализма, если хотите, чтобы ваши сыновья были такіе же свободные граждане, какъ вы сами. Вотируйте противъ кандидатовъ, поддерживающихъ Чэмберлэна и его политику".

Политическія каррикатуры и рисунки налѣплены всюду, гдѣ ихъ можно было только нацѣпить. Бросается въ глаза громадный рисунокъ, подписанный „Враги внѣшніе и внутренніе". Въ громаднаго Джона Булля нацѣлился въ упоръ буръ, а китаецъ занесъ палашъ. Вдали стоятъ Россія и Франція и тоже собираются напасть; но множество пигмеевъ вцѣпилось въ руки и ноги Джонъ-Булля и не даютъ ему защищаться. У пигмеевъ на рукавахъ надписи: „гомрулеры", „про-буры", „умалители Англіи". Пигмеи—члены оппозиціи. Нѣкоторые изъ нихъ натянули луки и собираются пустить стрѣлы съ надписью „Клевета" въ Джона Булля. А вотъ рисунокъ блестящаго современнаго каррикатуриста Гульда. Всѣ члены министерства: толстый, плѣшивый Сольсбери, Джо съ лицомъ лисицы и стеклышкомъ въ глазу, наивно-разсѣянный Бальфуръ и другіе прячутся за куколку, наряженную въ солдат-

*) Rating Act, проведенный въ 1896 г.

скій мундиръ, и поднимаютъ вверхъ флагъ съ надписью: „хаки!“ „Прячтесь скорѣе за флагъ, говоритъ Сольсбри товарищамъ, и не показывайтесь“.

Больше всего каррикатуръ однако посвящено Джо. На одной испуганный Джо видитъ, что кошка, которую онъ утопилъ было (вопросъ о письмахъ Гаукслп), возвратилась вмѣстѣ съ пятью другими кошками: „Кайнохъ“, „Госкинсъ“, „Элліотъ“ и проч. На другомъ рисункѣ изображенъ скрючившійся Чэмберлэнъ въ солдатскомъ мундирѣ. Онъ поднялъ ружье съ шапкой и надписью „хаки“, отвлекая выстрѣлы отъ пяти пороховыхъ ящиковъ, которые прячетъ тщательно. На ящикахъ, конечно, надписи: „Кайнохъ“, „Госкинсъ“ и т. д. Рисунки имѣютъ цѣлью дать наглядное представленіе о положеніи дѣлъ самымъ не мудренымъ читателямъ.

Такую задачу, очевидно, поставили себѣ составители громадной афиши, которая сразу должна дать представленіе простому читателю о результатахъ финансовой политики министерства. Первыя двѣ строчки заняты изображеніями громаднаго соверэна и—рядомъ съ нимъ—16 шиллинговъ. Это значитъ, что покупательная сила денегъ за годъ понизились на 20%, что прежде можно было купить за 16 шил., теперь стоитъ соверэнъ (т. е. фунтъ ст.). Далѣе слѣдуетъ графическое развитіе того же положенія, съ пояснительнымъ текстомъ къ рисункамъ. Изображены двѣ ковриги, одна побольше, другая поменьше. До войны за пять пэнсовъ можно было купить большой хлѣбъ, теперь—за тѣ же деньги даютъ ковригу на 1/5 меньше. Такимъ же образомъ пояснено, какъ поднялись въ цѣнѣ — сахаръ, кофе, масло, чай, сыръ, ветчина, консервы, составляющіе pièce de résistance обѣда лондонскихъ бѣдняковъ. Галлерея рисунковъ заканчивается громадной свиньей (свинина поднялась на 1/2 пэнса на фунтъ) и традиціоннымъ плумпудингомъ (the *honest* british christmaspudding,—по терминологіи составителя), изъ котораго вырѣзанъ огромный ломоть, такъ какъ мука, сало, коринка и сотня специй, потребныхъ на изготовленіе его, вздорожали. Англичане большіе мастера составлять графическій курсъ политической экономіи и изображать въ рисункахъ, а не въ цифрахъ, бюджетъ.

А вотъ рисунокъ того же Гульда, долженствующій дать представленіе избирателямъ о невыполненныхъ министерствомъ обѣщаніяхъ. Джонъ Булль поднимаетъ „Юніонъ-Джэкъ“ (національный флагъ), подъ который Чэмберлэнъ тщательно старается спрятать какую-то бумагу. Это манифестъ Чэмберлэна къ избирателямъ въ 1895 г., обѣщающій рядъ соціальныхъ реформъ: государственный пенсіонъ для престарѣлыхъ, восьмичасовой рабочій день, сокращеніе продажи крѣпкихъ напитковъ и проч. „Погодите минуту, Джо, — говоритъ Джонъ Булль; — я хочу посмотрѣть, что это вы такъ прячете подъ *юніонъ-джэкомъ*. Я непремѣнно хочу разслѣдовать все“.

IV.

Вечерѣетъ. Сырая, холодная, темная лондонская осенняя ночь наползаетъ все болѣе и болѣе на Баттерси. Вдали замолкли свистки, гуденье и оханье громадныхъ фабрикъ. Молодые люди, повидимому работники, спѣшатъ въ библіотеки и въ „политехникумъ“. Что же создали для себя джентельмэны въ цилиндрахъ, живущіе въ „виллахъ“, въ окнахъ которыхъ видѣнъ портретъ Гартона? Рядомъ съ красивымъ, новымъ зданіемъ ратуши—уродливый, ярко-освѣщенный электричествомъ „мюзикъ-холлъ“, на дверяхъ котораго налѣплена пестрая афиша, изображающая дѣвицу въ маскѣ и короткой юбкѣ до колѣнъ. Афиша гласитъ, что въ мюзикъ-холлѣ, который называется „Шекспировскимъ театромъ“, дается сегодня оперетта „Шаловливая гризетка“. И въ Баттерси „кэдъ“ имѣетъ тѣ же вкусы, что и въ Гановеръ-скверѣ. „Шаловливая гризетка“ когда-то услаждала художественные вкусы „кэдовъ“ центральнаго Лондона, а теперь переѣхала на окраины.

Сегодня два митинга обѣихъ партій. Зайдемъ вначалѣ къ консерваторамъ. Мы въ зданіи, очень напоминающемъ церковь. Дѣйствительно, это и есть церковь методистовъ, воинствующихъ теперь, уступленная консервативному кандидату для митинга. Церковь на половину наполнена джентельмэнами въ черныхъ сюртукахъ, въ желтыхъ галстукахъ съ красной каемкой (патріотическій цвѣтъ *хаки*), съ портретами Робертса на груди. Другая половина публики—въ пиджакахъ, безъ всякихъ патріотическихъ символовъ на груди. На платформѣ—нѣсколько джентельмэновъ въ черныхъ сюртукахъ, три-четыре пастора да пять-шесть разряженныхъ дамъ. Это—члены лиги „Подснѣжника“, явившіеся сюда, чтобы помочь Гартону захватить шевардинскій редутъ радикализма.

Раздаются апплодисменты. Выходитъ красивый, плотный, краснощекій джентельмэнъ, съ лихо, по военному, закрученными усами. Это и есть пивоваръ Гартонъ, надежда консерваторовъ. Кандидатъ начинаетъ говорить. Потому ли, что Гартонъ учился на мѣдныя деньги, или же потому, что онъ считаетъ свою публику совсѣмъ грубой,—онъ обращается такъ, какъ не принято англійскими ораторами.

— Итакъ, милые мои, каждая вещь имѣетъ двѣ стороны,—начинаетъ онъ, хлопнувъ кулакомъ въ ладонь.

— Кромѣ вашего пива, которое имѣетъ одну сторону: оно просто скверно!—вставляетъ отчетливо кто-то въ залѣ.

— Замолчите тамъ, дураки!—густо покраснѣвъ, кричитъ Гартонъ.

— Бу-у-у!—начинаютъ тянуть въ глубинѣ церкви десятки голосовъ. Такимъ образомъ англичане всегда выражаютъ свое презрѣніе.

— Вы можете ревѣть и выть, ребята, сколько влѣзетъ,—совсѣмъ ужъ принимаетъ тонъ хозяина Гартонъ,—а я все же буду бороться на выборахъ за настоящій патріотизмъ. Я—сторонникъ политики благороднаго лорда Сольсбери.

Раздаются апплодисменты и улюлюканье.

— Вы бы лучше стыдились платить вашимъ работникамъ по $4^1/_2$ пенса въ часъ,—укоризненно замѣчаетъ кто-то.

— Стой, погодите, голубчики!—горячится ораторъ.—Я докажу вамъ потомъ, что это враки. Когда я буду избранъ въ палату общинъ, что я сдѣлаю?

— Вы пойдете спать, Гарри Гартонъ,—слышится насмѣшливый отвѣтъ изъ глубины церкви.

— Нѣтъ, чортъ возьми! не то! Я—патріотъ. Всю энергію я отдамъ на то, чтобъ британскій флагъ развѣвался всюду, во всѣхъ концахъ земли. Вмѣстѣ съ величайшимъ государственнымъ дѣятелемъ нашего времени, Джозефомъ Чэмберлэномъ.

— Кайнохъ!—раздается въ одномъ концѣ залы.

— Госкинсъ!—вторятъ басомъ съ хоровъ.

— Бу-у-у-у!

Дамы изъ лиги Подснѣжника нервно ерзаютъ, вскакиваютъ, опять садятся.

— Трижды ура! за Джона Бернса! — предлагаетъ какой-то джентельмэнъ въ твидовомъ клѣтчатомъ пиджакѣ. Предложеніе принято восторженно. Гартонъ продолжаетъ, между тѣмъ, говорить о патріотизмѣ, о славной войнѣ, о необходимости преобразованія арміи, дабы „Англія быстро и рѣшительно могла бы отстоять свои интересы всюду“.

— Ну, а теперь заявляю вамъ, что тотъ, кто сказалъ о $4^1/_2$ пенсахъ въ часъ, отчеканилъ, что ни на есть подлую, гнусную и мерзкую ложь,—заканчиваетъ Гартонъ.

Грубыя и энергичныя выраженія въ рѣчахъ къ избирателямъ ввелъ не разбогатѣвшій малограмотный пивоваръ Гартонъ, а Джозефъ Чэмберлэнъ.

Къ платформѣ быстро подходитъ бѣдно одѣтый парень лѣтъ 23 и обращается къ Гартону:—Слышите, *вы* платили мнѣ по 15 шиллинговъ въ недѣлю, когда я работалъ у васъ. Я получалъ „дѣтскую плату“, хотя работалъ въ ночной смѣнѣ, въ сушильнѣ, гдѣ по причинѣ страшной жары приходится все время быть безъ рубахи.

— Свэтеръ! Свэтеръ!—раздаются всюду крики.

— Ну, вы меня не перекричите!—покрываетъ шумъ громовый басъ Гартона.—Эй, Джонъ Флипотъ! я васъ узналъ! Идите-ка сюда! Скажите, сколько вы получали у меня?

Выходитъ не молодой уже работникъ, робкій, запуганный, плохо одѣтый. Онъ объясняетъ, что началъ съ 9 шиллинговъ въ недѣлю, а потомъ получалъ 23 шиллинга.

— Ну, что?—торжествуетъ Гартонъ.

— А сколько лѣтъ вы работали, Джонъ Флипотъ,—спрашиваетъ кто-то,—покуда стали получать 23 шил.?

— Двадцать лѣтъ.

— И вы ликуете, м-ръ Гартонъ?

— А почему вы уволили Флипота?—допытывается какой-то твидовый пиджакъ. Въ Баттерси, повидимому, всѣ отлично знаютъ другъ друга.

— Да онъ пьяница.

— И это вы открыли лишь черезь двадцать лѣтъ?—спрашиваетъ одинъ.

— Какъ же, напьешься вашей микстурой, приготовленной изъ сахарина! — иронически замѣчаетъ другой. Джонъ Флипотъ громко протестуетъ.

— Сэръ! — вы сказали неправду, — обращается онъ къ Гартону.—Вы уволили меня не за пьянство, а за то, что я старъ и слабъ.

— Свэтеръ! свэтеръ!—тянутъ десятки голосовъ.

— Замолчите! Законопатьте глотки!—машетъ руками Гартонъ. Но шумъ все ростетъ.

Предсѣдатель митинга машетъ рукой, звонитъ, говоритъ что-то публикѣ, а потомъ джентельмэну, сидящему рядомъ. Можно понять лишь, что приведутъ кого-то, что должно явиться какое-то очень важное лицо.

„Приведите Вія!“—приходитъ мнѣ въ голову почему-то. „Вій“ дѣйствительно явился; но только не страшный гномъ, вросшій въ землю, а изящный, надушенный, элегантный молодой человѣкъ, съ ввинченнымъ стеклышкомъ въ глазу,—товарищъ военнаго министра Уиндгэмъ. Но „Вію“ не удается внушить публикѣ почтеніе. Правда, слышны апплодисменты; но еще громче слышны протяжные крики: „бу-у-у!“

Дамы волнуются. Предсѣдатель исполняетъ своимъ колоколомъ цѣлую симфонію. Изящный Уиндгэмъ поднимается и выхоленной рукой подаетъ знакъ, что будетъ говорить:

— Джонъ Бернсъ!..—начинаетъ онъ.

— Трижды *ура!* за нашего Джэка!—восторженно предлагаетъ одинъ.

— Про Бернса мы знаемъ сами, а вотъ вы разскажите намъ про Кайноха?

— А то о Госкинсѣ?

— Или хотя объ Эллiотѣ? Мы съ удовольствiемъ послушаемъ!— Крики опять сливаются въ одинъ гулъ. Уиндгэмъ велитъ поймать какого-то парня (конечно, не полицейскимъ, входъ которымъ въ

залъ, гдѣ происходитъ митингъ, по англійскимъ законамъ, воспрещенъ) и привести къ себѣ.

— Ну, мой парень,—снисходительно-презрительнымъ тономъ спрашиваетъ изящный товарищъ министра:—почему вы кричите? Желаете, быть можетъ, спросить что нибудь?

— Да, сэръ!—совершенно спокойно отвѣчаетъ парень.—Я хотѣлъ просить васъ, когда вы кончите, разсказать намъ про то, какъ мистеръ Чэмберлэнъ доставляетъ подряды въ казну. — Раздается оглушительный хохотъ.

— Хорошо! — презрительно пожимаетъ плечами Уиндгэмъ,— Повидимому, мы не можемъ, говорить; но это не помѣшаетъ уважаемому кандидату попасть въ парламентъ.—Ораторъ садится. Гартонъ заявляетъ, что станетъ излагать теперь свою программу.

— Я спрашиваю васъ: кому быть большакомъ въ Южной Африкѣ—бурамъ-ли или британцамъ?—патетически начинаетъ онъ.

— Свэтеръ, вы бы лучше платили хорошую плату вашимъ собственнымъ работникамъ! Какое вамъ дѣло до Южной Африки,— обличаетъ одинъ.

— Сократите число вашихъ кабаковъ!—совѣтуетъ другой.

— Ступайте лучше спать; зачѣмъ вамъ политика!—Хохотъ, остроты, крики „бу-у-у!“ (это по адресу Джо) покрываютъ резолюцію. Негодующіе джентельмэны въ черныхъ сюртукахъ кричатъ: „къ черту Бернса!“ и начинаютъ пѣть: „God save the Queen“, а потомъ патріотическую пѣсню, вынесенную изъ мюзикъ-холла: „Вотъ солдаты королевы“. Съ платформы предсѣдатель кричитъ въ рупоръ: „трижды *ура!* за Робертса!“

Пойдемъ теперь на другой митингъ, благо, онъ начинается гораздо позже. Двери ратуши заперты еще; но у нихъ дожидается уже громадная толпа поклонниковъ Бернса. Многіе заткнули за ленты шляпъ портреты кандидата. Вотъ изъ густой толпы вверхъ снопомъ взлетѣлъ огромный пукъ агитаціонной литературы: во всѣ стороны падаютъ памфлеты, листки, политическія каррикатуры. Мнѣ попадаетъ въ руки листочекъ за № 1232, памфлетъ, выпущенный „либеральной федераціей“ и озаглавленный: „Карьера мота“. Заглавіе взято изъ серіи гогартовскихъ каррикатуръ. „Министерство лорда Сольсбери,—читаю я, — стало у власти въ періодъ необыкновеннаго промышленнаго развитія страны, когда государственные доходы сильно увеличились, благодаря введенному Гаркортомъ прогрессивному налогу на наслѣдство. Министерство дало торжественное обѣщаніе избирателямъ провести законъ о государственномъ пенсіонѣ для престарѣлыхъ; но предпочло лучше израсходовать весь излишекъ, около 70 милліоновъ ф. ст. въ общемъ, на войны, на подарки лэндлордамъ, священникамъ и конфессіональнымъ школамъ. Военное министерство купило пушки, которыя, по словамъ свѣдущихъ людей, являются „никуда не годными игрушками“, и отдавало подряды своимъ человѣчкамъ,

какъ, напр., въ постыдномъ дѣлѣ Кайноха. Теперь, вмѣсто излишка въ 70 милл. ф. ст., у насъ дефицитъ въ 50 милл. ф. ст., который прибавленъ къ національному долгу. Избиратели, помните Кайноха и страданія англійскихъ солдатъ въ военныхъ госпиталяхъ!"

Но, повидимому, публику не зачѣмъ распропагандировать. Судя по шуткамъ да по отдѣльнымъ восклицаніямъ, она въ достаточной степени заряжена ненавистью къ „бирмингэмской политикѣ". Нѣсколько человѣкъ, одѣтыхъ въ „хаки", раздаютъ публикѣ памфлеты и листки съ портретами Бернса. Я вспоминаю, что „Pall Mall" и „Daily Express" торжественно обличили Бернса въ томъ, что онъ нарядилъ своихъ „канвассеровъ" (избирательныхъ агентовъ) въ „хаки", въ патріотическій цвѣтъ. Бернсъ отвѣтилъ на это, что его канвассеры—настоящіе солдаты-резервисты, возвратившіеся изъ Южной Африки. Они возвратились съ такой ненавистью къ войнѣ и къ министерству, что предложили свои услуги (совершенно безкорыстно) Бернсу. Солдатъ-резервистовъ, въ общемъ, около 70 тысячъ человѣкъ. Говорятъ, что огромное большинство ихъ — противъ министерства. И „Джо" ускорилъ общіе выборы, между прочимъ, для того, чтобъ не дать этимъ резервистамъ, находящимся пока въ Южной Африкѣ, — вотировать противъ министерства.

Въ толпѣ хохотъ. Кто-то затягиваетъ только что сложенные куплеты, пародію на англійскую дѣтскую пѣсенку: „Кто убилъ реполова-Робина?" „Кто затѣялъ войну? Я, старый Джо, для моихъ цѣлей затѣялъ ее"!—поетъ джентельмэнъ въ плоской шапочкѣ, съ великолѣпнѣйшимъ краснымъ галстухомъ. „Кто огралъ публикѣ? Я, Сесиль Родсъ, созидатель имперіи, вралъ" „А кому придется платить за войну? Публикѣ, глупой публикѣ, придется платить!"

Пѣсенка до такой степени понравилась, что тутъ же явились импровизаторы, продолжающіе пародію. „А кто набьетъ карманы послѣ войны? Биржевики набьютъ! Они набьютъ карманы".

V.

Бьетъ восемь часовъ. Двери раскрываются. Толпа огромнымъ живымъ потокомъ хлынула въ залъ и сразу залила всѣ мѣста внизу и на галлереяхъ. Публика, повидимому, отлично знаетъ другъ друга. На платформѣ пока еще только что собираются. Большею частью, это все мѣстные дѣятели, члены приходскаго совѣта, секретари радикальныхъ клубовъ и т. д. Вотъ раздаются громкіе аплодисменты. Привѣтствуютъ высокаго старика, съ выбритыми усами, въ нѣсколько эксцентричномъ костюмѣ. Это— хорошо извѣстный парламентскій дѣятель, бывшій профессоръ политической экономіи, Леонардъ Кортней. Кортней былъ юніо-

нистомъ - либераломъ, т. е. сторонникомъ правительства, но рѣзко разошелся съ нимъ во взглядахъ на Южно-Африканскую войну. Кортней считаетъ ее тяжкимъ преступленіемъ и однимъ изъ первыхъ присоединился къ обществу, протестующему противъ войны. Онъ выступалъ на митингахъ, въ парламентѣ, въ печати. Округъ Бодминъ въ Корнвалисѣ, пославшій Кортнея въ парламентъ,— ультра-джингоистскій. Собственные избиратели потребовали, чтобы Кортней смягчилъ свои обличенія. Старикъ отвѣтилъ, что совѣсть не дозволяетъ ему сдѣлать это, и сложилъ съ себя депутатскія обязанности, какъ сдѣлалъ это по тому же поводу сэръ Эдуардъ Кларкъ, тори по взглядамъ. Сэру Эдуарду предстояло занять постъ верховнаго судьи въ Англіи, т. е. такой же важный постъ, какъ и премьера; но коммонеръ не счелъ возможнымъ скрывать свои взгляды на войну и предпочелъ лучше отказаться отъ красной мантіи. Вы видите, что „старая Англія“, внушающая такое уваженіе всему міру, имѣетъ еще достаточное количество представителей въ обѣихъ партіяхъ. Въ рѣшительный моментъ на полѣ битвы Тарасъ перекликнулся съ куренными:

— Есть еще порохъ въ пороховницахъ? Не ослабѣла ли казацкая сила? Не гнутся ли казаки? — И въ отвѣтъ послышался со всѣхъ концовъ поля:

— Еетъ еще, батько, порохъ въ пороховницахъ; не ослабѣла еще казацкая сила; еще не гнутся казаки!

Если бы въ этотъ рѣшительный моментъ въ исторіи Англіи, когда со всѣхъ сторонъ напираетъ рать представителей биржевого капитала и бирмингэмскихъ политиковъ, возсталъ бы какой нибудь вождь въ родѣ Брайта и кликнулъ бы кличъ, какъ Тарасъ, не мало голосовъ отвѣтили бы ему утвердительно изъ *обѣихъ* партій!...

Леонарда Кортнея травила патріотическая пресса, какъ Daily Mail или Dialy Express, подкупались громилы, которые били стекла старику и преслѣдовали его на улицахъ; но Кортней, какъ настоящій англичанинъ, былъ упоренъ и настойчивъ. Леонардъ Кортней во многомъ расходится во взглядахъ съ Бернсомъ; но они уважаютъ другъ друга и оба стремятся къ общей цѣли: къ благу Англіи. Въ силу этого, Кортней явился на митингъ и занялъ мѣсто на платформѣ... Гремятъ опять аплодисменты. Привѣтствуютъ даму, ведущую за руку маленькаго трехлѣтняго бутуза въ бѣломъ бурнусикѣ. Это—жена и сынъ Бернса.

— Трижды *ура!* за молодого Джэка Бернса!—предлагаетъ кто-то въ залѣ. Мать хочетъ, чтобы мальчикъ поклонился; но бутузъ стоитъ неподвижно, растопыривъ широко толстенькія ножки. Аплодисменты становятся оглушительными. На платформѣ показывается широкоплечій, дюжій человѣкъ съ сѣдой бородой и съ блестящими черными глазами. Это—Джонъ Бернсъ. Я слышалъ его много разъ и въ парламентѣ, и на митингахъ; но Бернса

нужно слушать въ Баттерси, гдѣ, повидимому, между нимъ и слушателями существуетъ тѣсная дружба. Частые ли митинги на открытомъ воздухѣ или избирательная борьба причиной, но сильный голосъ Бернса значительно подался въ послѣднее время. Бернсъ подаетъ знакъ рукой, и все затихаетъ. Ораторъ говоритъ, что ему приходится, противъ желанія, начать о себѣ самомъ. Политическіе враги осыпаютъ его клеветой и приходится, въ силу этого, прежде всего установить истину. Бернсъ говоритъ о томъ, какъ онъ былъ механикомъ, какъ отстаивалъ интересы трудящагося класса по мѣрѣ силъ на митингахъ, покуда населеніе Баттерси не послало его вначалѣ въ совѣтъло ндонскаго графства, а затѣмъ въ парламентъ. „Вся моя жизнь затѣмъ вамъ хорошо извѣстна". Раздаются громкіе апплодисменты. Сосѣдъ сообщаетъ мнѣ, что „Джэку" много разъ предлагали быть директоромъ различныхъ компаній, какъ вообще членамъ парламента; но Джэкъ категорически отказывался, и живетъ на три фунта въ недѣлю, отпускаемые ему избирателями.

— Если вы станете судить меня, какъ человѣка, — продолжаетъ Бернсъ,—вы изберете вновь меня теперь.

— Не робѣйте, Джонъ! Ваше мѣсто въ парламентѣ обезпечено!—кричитъ джентельмэнъ, судя по костюму, землекопъ.

Бернсъ излагаетъ свою программу. „Въ экономическихъ вопросахъ я—коллективистъ, въ политикѣ—демократъ. Я стою за уничтоженіе палаты лордовъ, за націонализацію земли, за пенсіонъ для престарѣлыхъ, восьмичасовой день, свободное обученіе" и т. д. Послѣдняя часть рѣчи Бернса посвящена критикѣ дѣятельности торійскаго министерства. Онъ выясняетъ, какъ оно не сдержало данныхъ избирателямъ обѣщаній, какъ раздавало щедрые подарки лэндлордамъ и священникамъ, и переходитъ, наконецъ, къ войнѣ. Баттерси, по словамъ Бернса, была всегда противъ покушеній капиталистовъ на вольности бургеровъ. Три дня послѣ джемсоновскаго набѣга, на большомъ митингѣ населеніе Баттерси постановило резолюцію, въ которой набѣгъ рѣзко осуждался. Бернсъ главнымъ виновникомъ дѣлаетъ *Джо* и „патріотическую" прессу. Онъ указываетъ на тѣсную связь *Daily Mail* съ агитаціей Сесиля Родса. Ораторъ доказываетъ, что редакторъ газеты долженъ знать, по всей вѣроятности, очень многое и выражаетъ пожеланіе дожить до того дня, когда Гармсвортъ (редакторъ *Daily Mail*) будетъ осужденъ на семь лѣтъ каторжныхъ работъ за шантажъ.

Митингъ при громкихъ аплодисментахъ принимаетъ резолюцію, въ которой выражается довѣріе Джону Бернсу. Но героемъ вечера является не онъ, а другой ораторъ, блѣдный, высохшій, согнувшійся старичекъ въ большихъ круглыхъ очкахъ — д-ръ Клифордъ, одинъ изъ самыхъ популярныхъ во всей Англіи народныхъ ораторовъ. Бернсъ говоритъ очень хорошо; онъ всецѣло

овладѣваетъ публикой, отлично знаетъ ее и умѣетъ во время вставить остроту или каламбуръ, которые англичане такъ любятъ. Но вы постоянно чувствуете, что у оратора все разсчитано и предусмотрѣно заранѣе. Это — искусный механикъ, твердо и спокойно управляющій движеніемъ сложной машины. Джонъ Бернсъ—во всякую минуту, пока говоритъ,—можетъ опредѣлить, нужна ли шутка и какая именно для того, чтобы слушатели лучше поняли доказательства. Онъ шотландецъ до мозга костей, ораторъ, никогда не теряющійся, но никода не становящійся также поэтомъ. Бернсъ импонируетъ публикѣ своей логикой, ясностью аргументовъ, силой ихъ, наконецъ, той преданностью дѣлу, которую цѣнятъ даже политическіе противники его.

Д-ръ Клифордъ—ораторъ-поэтъ. Когда онъ начинаетъ говорить, то преображается совершенно. Предъ слушателями уже не хилый, сгорбившійся старичекъ, а полный силы народный трибунъ. И Бернсъ, и Клифордъ вышли изъ народа. Но Бернсъ сохранилъ свои широкія плечи механика, тогда какъ Клифордъ, который до двадцати лѣтъ былъ ткачемъ и урывками подготовлялся къ экзамену бакалавра,—является лишь однимъ комкомъ нервовъ.

Рѣчь д-ра Клифорда—бурное обличеніе политики правительства, а въ частности Джо.

— Говорятъ, многіе великіе люди, къ несчастью, безчестны. Покуда Джозефъ Чэмберлэнъ (крики бу-у-у-у! и свистки) еще не проявилъ ни въ чемъ своего величія; но, судя по безчестнымъ поступкамъ, онъ, должно быть, великій человѣкъ.

Рѣчь свою д-ръ Клифордъ заканчиваетъ страстнымъ призывомъ къ борьбѣ.

— Я недавно возвратился изъ кругосвѣтнаго путешествія,— говоритъ Клифордъ.—Оно мнѣ дало очень много. Я убѣжденъ, что и Чэмберлэну раскрылось бы многое, если бы онъ путешествовалъ вмѣстѣ со мною. Слышали-ли вы, какой вопросъ задается переселенцу прежде всего, когда онъ прибываетъ въ Америку? — Что вы знаете?—говорятъ ему. Когда вы прибываете въ Бостонъ, къ вамъ обращаются съ вопросомъ: — Кто ваши предки?—Сколько у васъ денегъ?—спросятъ у васъ прежде всего въ Нью-Іоркѣ. А когда вы прибудете въ Чикаго, вамъ зададутъ вопросъ:—Что вы умѣете дѣлать?

Друзья и сограждане! Если бы намъ задали вопросъ: „что мы знаемъ“? — мы отвѣтили-бы такъ: „Мы знаемъ, что народъ проснулся и долженъ требовать свои права на счастье“.

„Кто наши предки?“ Наши дѣды: Мильтонъ, боровшійся за свободу слова, Кромвэль, отстаивавшій свободу совѣсти, Робертъ Оуэнъ. Наши дѣды — чартисты, Брайтъ, Кобдэнъ, наконецъ, послѣдній, но не самый малый (англійская поговорка: last but not least)—Гладстонъ.

Бурные аплодисменты не умолкаютъ минуты двѣ.

— Если бы спросили: „сколько у васъ денегъ?“—продолжаетъ д-ръ Клифордъ,—мы бы отвѣтили: „ну, ихъ у насъ немного. Деньги— у пивоваровъ, у лэндлордовъ, у священниковъ“. За то болѣе категорически мы отвѣтили-бы на вопросъ, который предлагаютъ въ Чикаго.—Что вы умѣете дѣлать?—Мы умѣемъ бороться, друзья мои! Мы умѣемъ отстаивать наши права и сражаться за истину, какъ сражались наши великіе дѣды!—восклицаетъ Клифордъ.

Тщедушный, хилый старикъ выпрямляется. Кажется, онъ выше теперь на цѣлую голову. Онъ, дѣйствительно, производитъ теперь впечатлѣніе законнаго потомка великихъ предковъ. Маленькая старушка въ бѣломъ чепцѣ, въ очкахъ, сидящая на платформѣ, вытираетъ платочкомъ глаза и аплодируетъ сморщенными, высохшими руками. Это—жена д-ра Клифорда, вѣрная подруга его, дѣлившая съ нимъ не мало горя. Д-ръ Клифордъ священникъ-диссентеръ. „Религія, окрашенная въ *хаки*“ стала достояніемъ почти всей англиканской и методистской церквей. Но есть и исключенія, хотя немногія...

Митингъ конченъ. Въ залѣ еще аплодируютъ ораторамъ, но большинство зрителей выходитъ. На улицѣ — громадная, сплоченная толпа. Это—поклонники Бернса, которые за недостаткомъ мѣста не могли попасть въ залъ. Вотъ раздались крики *ура*! и аплодисменты. Показался Бернсъ. Толпа отряжаетъ депутацію, которая проситъ его сказать нѣсколько словъ. Откуда-то моментально явился громадный ящикъ, на который, какъ на трибуну, взобрался Бернсъ.

Опять циркулируютъ въ толпѣ памфлеты, каррикатуры и воззванія.

И присматриваясь ко всѣмъ этимъ рисункамъ, пробѣгая памфлеты, прислушиваясь къ рѣчамъ ораторовъ,—наблюдатель долженъ придти лишь къ одному заключенію.

Пусть то или другое министерство совершаетъ рядъ крупныхъ ошибокъ или даже преступленій противъ основныхъ человѣческихъ правъ. Пусть „Джо“ устраиваетъ разгромъ республикъ; но и министерство коллективно, и Джо въ отдѣльности сознаютъ, что есть *Нѣкто*, могучій, всесильный, хотя, къ несчастью, покуда въ достаточной степени невѣжественный,—согласіе котораго нужно предварительно испросить; которому нужно дать отчетъ во всемъ. Этотъ „Нѣкто“ можетъ быть обманутъ; его согласіе можно тогда испросить на злое дѣло невѣрнымъ изображеніемъ дѣйствительности и лживыми доводами, ибо Нѣкто недавно еще проснулся и въ достаточной степени еще невѣжественъ. Его критическое самосознаніе не успѣло еще выработаться вполнѣ. Но *Нѣкто* великодушенъ по натурѣ своей и научился уже цѣнить независимость. Великана обманули въ этой войнѣ; увѣрили, что борьба имѣетъ цѣлью освобожденіе отъ ига деспотизма. Посмотрите, какъ настой-

чиво повторяютъ въ избирательныхъ рѣчахъ своихъ и Бальфуръ, и „Джо“, что вновь присоединеннымъ колоніямъ дана будетъ самая широкая автономія. И по примѣру Канады и Австраліи мы знаемъ, что такое автономная англійская колонія. Этотъ *Нѣкто сознательно* не допуститъ угнетенія свободы, чужого обычая, вѣры, закона, языка или гоненія на мысль и слово. Посмотрите, какъ во время войны, въ самой Англіи, не смотря на буйные протесты „кэдовъ“, забили въ набатъ по поводу деспотизма англійскихъ генераловъ въ Южной Африкѣ! Всѣ стрѣлы, которыя континентальные обличители пустили въ „деспота Джона Булля“ (увы! какъ часто стрѣльцы могли-бы выбрать мишень и ближе!),—взяты изъ его же собственнаго колчана. Фактъ вскрытія военными властями частнаго письма коммонера Эллиса и присвоеніе содержанія (что на континентѣ и въ мирное время составляетъ обычное явленіе)—вызвалъ черную грозовую тучу недовольства и негодованія, которая неминуемо разразится страшнымъ штормомъ въ парламентѣ при новомъ составѣ министерства. Обратите вниманіе на эти факты и вы согласитесь, что могущественный, настойчивый свободолюбивый *Нѣкто* никогда сознательно не будетъ деспотомъ, гнетущимъ мысль и чужой обычай изъ одной лишь ненависти или изъ озорства.

Кто же этотъ *Нѣкто*?—Демосъ, могучая англійская демократія, полное проявленіе богатыхъ силъ которой мы видимъ въ молодыхъ колоніяхъ. Какъ велики уже завоеванія Демоса въ самой Англіи? Въ любопытномъ сборникѣ политическихъ каррикатуръ и памфлетовъ Джозефа Грего—„History of Parliamentary Elections“ мы находимъ много документовъ, относящихся по времени борьбы за реформы въ 1830 — 1832 гг. Консерваторы выпустили, между прочимъ, тогда иллюстрированный памфлетъ, направленный противъ лорда Грея, предложившаго реформы. Памфлетъ озаглавленъ „Духъ Бриссо“. Судьба казненнаго революціонера напоминается лорду Грею. Бриссо изображенъ съ отрубленной головой подъ мышкой. Онъ обращается къ Грею съ дубовыми стихами, значеніе которыхъ слѣдующее. „Я велъ чернь; въ грозу мятежа я гарцовалъ на любимомъ конькѣ Реформа, который всецѣло слушался меня. Явились однако другіе демагоги, увлекшіе чернь. И тогда я вдругъ очутился не только безъ мѣста въ парламентѣ, но и безъ головы. Примите это къ свѣдѣнію, лордъ Грей“. Дальше пародируется сцена колдованія въ „Макбетѣ“, гдѣ вѣдьма валитъ въ котелъ:

«Жабу, тридцать дней проспавшую,
Острый ядъ въ себя впитавшую,
Злой дурманъ, крыло совиное,
Желчь козла, глаза мышиные,
Волчій зубъ, змѣю холодную,
Страшно-злую подколодную».

Памфлетъ изображаетъ трехъ вѣдьмъ: лорда Грея, Дёргэма и Броугэма. „Кипи, котелъ! шипи! бурли! Огонь, гори! вари! вари!“—заклинаютъ вѣдьмы и кидаютъ въ адскій котелъ, чтобы вышло „дьявольское пойло“ (т. е. билль о реформахъ), вмѣсто „жабы, тридцать дней проспавшей“ и пр. — „мятежъ“, „гражданскую смуту“ и пр. страхи. Вмѣсто „крови младенца“, требующейся по рецепту вѣдьмы въ „Макбетѣ“, три вѣдьмы въ памфлетѣ прибавляютъ въ котелъ потомъ „права честныхъ людей, законы первородства“, справедливость и честь, права церкви и короля *).

Реформы 1832 г. имѣли огромное значеніе, безъ сомнѣнія, для Англіи; но все же слова памфлета ужъ слишкомъ энергичны. И что въ сравненіи съ реформами 1832 г. послѣдующія реформы, которыя очень часто вынуждены были проводить тори! Въ восточномъ Манчестрѣ, въ избирательномъ округѣ Бальфура, на митингѣ, къ лидеру палаты, по обычаю, избиратели обратились съ рядомъ вопросовъ. Послѣдніе крайне любопытны, если принять во вниманіе, что Бальфуръ—тори.

— Какъ вы относитесь къ политической эмансипаціи женщинъ?

— Я всегда вотировалъ за допущеніе женщинъ въ парламентъ,—отвѣтилъ Бальфуръ.

— Признаете ли вы государственный пенсіонъ для престарѣлыхъ работниковъ?

— Я объ этомъ поговорю подробно въ другой разъ; теперь же скажу покуда, что не отказываюсь отъ обѣщаній, данныхъ на выборахъ въ 1895 г.

— Признаете ли вы свободу совѣсти за учителями правительственныхъ школъ?

— Я не думаю, чтобы гдѣ либо поднимался даже вопросъ о томъ, во что вѣруетъ тотъ или другой учитель.

Безъ сомнѣнія, подобные отвѣты привели бы въ оцѣпенѣніе не только тори временъ борьбы за реформы, но даже многихъ чартистовъ. Рядъ требованій, которыя судьи, разбиравшіе дѣло чартистовъ въ 1848 г., называли „безумнымъ бредомъ“, — давно уже осуществились и кажутся теперь совершенно естественными даже крайнимъ консерваторамъ.

VI.

Министерство желало „солдатскихъ выборовъ“. О томъ говорятъ избирательные манифесты наиболѣе видныхъ представителей его. „Мы заканчиваемъ теперь послѣдній актъ великой войны, которая потребовала отъ насъ громадныхъ жертвъ, какъ

*) History of parliamentary elections, pp., 367—368.

жизнями, такъ и деньгами",—говоритъ въ обращеніи къ своимъ избирателямъ Чэмберлэнъ. „За то война отнынѣ знаменита и славна, какъ героизмомъ имперскихъ силъ, такъ и патріотизмомъ всѣхъ классовъ населенія соединеннаго королевства. Война славна также тѣмъ, что впервые въ исторіи имперіи метрополію поддержали наши сограждане, живущіе въ самоуправляющихся колоніяхъ. Васъ просятъ теперь сказать, была ли эта война справедлива и неизбѣжна, или же она является результатомъ политики захвата и угнетенія, какъ говорятъ наши враги. Кромѣ того, вамъ предстоитъ рѣшить, слѣдуетъ ли намъ отказаться отъ плодовъ побѣдъ, добытыхъ доблестью нашихъ солдатъ, безкорыстной поддержкой согражданъ, живущихъ въ различныхъ частяхъ свѣта; нужно ли отказаться отъ завоеваній, за которыя мы заплатили такъ много". Дальше въ манифестѣ говорится о томъ, что враги Англіи, „живущіе не только въ Южной Африкѣ, но и здѣсь",—поспѣшатъ воспользоваться колебаніемъ народа. „Правительства обѣихъ республикъ теперь поплатились за свое дерзкое стремленіе къ захвату и перестали существовать. Нынѣшнее министерство, если оно будетъ возвращено, рѣшило присоединить навсегда и окончательно республики... Есть и другой вопросъ, требующій немедленнаго разрѣшенія... Война открыла недостатки нашей военной системы, которая должна быть рѣшительно преобразована".

Итакъ, избирательный манифестъ окрашенъ въ „хаки". Въ немъ лишь два пункта: присоединеніе республикъ и военная реформа, т. е. какой нибудь видъ конскрипціи. Какая разница съ избирательными манифестами 1895 г., въ которыхъ давались обѣщанія широкихъ соціальныхъ реформъ! „Хаки" былъ также основнымъ тономъ манифестовъ Сольсбери, Бальфура и всѣхъ кандидатовъ. Но дѣйствительность быстро доказала, что, хотя Англія находится еще въ хмѣлю джингоизма,—на одномъ *хаки* на выборахъ выѣхать нельзя. И вотъ, противъ желанія, члены министерства вынуждены были вновь выдвинуть тяжелую батарею соціальныхъ реформъ.

Баттерси залито яркими лучами осенняго солнца. Число афишъ и каррикатуръ увеличилось невѣроятно. Преобладаютъ каррикатуры, выставленныя имперіалистами. Въ особенности густо облѣплены окна кабаковъ, изъ раскрытыхъ дверей которыхъ слышны патріотическія восклицанія и обрывки пѣсенъ въ родѣ „Вотъ солдаты королевы". У стоекъ—непроходимая толпа распухшихъ отъ пива мужчинъ и растрепанныхъ бабъ въ поломанныхъ шляпкахъ. Произносятся спичи за „Джо", за королеву, за гибель измѣнниковъ.

„Кто позорилъ нашихъ солдатъ?—читаю я на афишѣ, выставленной въ окнѣ кабака.—Кто говорилъ, что они грабятъ населе-

ніе? Кто забрасывалъ грязью нашъ *юніонъ-джэкъ*? Кто былъ противъ праведной войны? — Радикалы. Выбросьте изъ парламента измѣнниковъ". А вотъ громадный рисунокъ, изображающій Британію и Крюгера. Бернсъ, Лабушеръ, Кларкъ и др. коммонеры, протестовавшіе противъ войны, даютъ ножъ Крюгеру и говорятъ: „Пырните ее; вы имѣете нашу моральную поддержку". Въ окнѣ другого кабака — грубо нарисованный красными чернилами солдатъ. „Вотируйте за друга арміи Гартона",—значится внизу подпись. Нельзя сказать, чтобы не было каррикатуръ, выставленныхъ сторонниками Бернса. Каррикатуры имѣютъ цѣлью доказать, какъ гибельна для Англіи политика имперіализма.

На улицахъ необыкновенное движеніе. Толпы избирателей идутъ къ „шатрамъ", т. е. къ отдѣленіямъ, гдѣ подаются голоса. Избирателей доставляютъ въ каретахъ, колясках, кэбахъ, автомобиляхъ, крытыхъ повозкахъ и пр. Джентельмэны въ цилиндрахъ и черныхъ сюртукахъ нацѣпили громадныя патріотическія кокарды съ портретами Гартона. Повидимому, они твердо надѣятся на побѣду. *Evening News*, вечернее изданіе *Daily Mail*, предсказываетъ, что „одно усиліе, и патріоты Лондона покроютъ себя надолго славой. Завоеваніе Баттерси будетъ означать окончательное пораженіе умалителей Англіи".

На улицѣ кричатъ „ура!" На велосипедѣ быстро проѣзжаетъ Бернсъ, спѣшащій къ одному изъ „шатровъ".

— Вонъ измѣнникъ!—кричитъ Бернсу въ догонку вышедшая изъ кабака распухшая дама, изъ подъ шляпки которой падаютъ плохо подобранные грязные волосы.

— Ну, что?—спрашиваетъ одинъ прохожій въ плисовой курткѣ другого съ ковровымъ мѣшкомъ съ инструментами на плечахъ.

— Кажется, хорошо. Джони въ безопасности.

А вотъ въ окнѣ цирульника-оптимиста самодѣльный плакатъ, предвидящій побѣду. „За бритье: съ радикаловъ—2 пенса, съ консерваторовъ—3 пенса, потому больше работы: ихъ лица вытянутся, когда изберутъ Джони. Неужели Англіей будутъ править подрядчики изъ компаній Госкинса, Кайноха, Элліота и др.?"

Мѣстная газета обсуждаетъ шансы за и противъ кандидатовъ. За Бернса—всѣ трэдъ-юніонисты и большинство людей либеральныхъ профессій, живущихъ въ округѣ. За Гартона — обитатели „виллъ", т. е. клэрки, многіе лавочники и *берущіе у нихъ на книжку,* затѣмъ кабаки и кабацкая перекатная голь. Слова „берущіе на книжку" очень знаменательны. Законы о подкупахъ избирателей теперь очень строги и предусматриваютъ многіе обходы, практиковавшіеся широко еще въ семидесятыхъ годахъ. Прямой или косвенный подкупъ можетъ повести не только къ признанію выборовъ недѣйствительными, но и къ суровому наказанію (къ каторжнымъ работамъ). Но если законодатель предвидѣлъ всѣ существовавшіе прямые и косвенные пути къ подкупу и закрылъ

ихъ, онъ не могъ предвидѣть, что будутъ подкопаны новыя лазейки... Правда, англичане, къ какой бы партіи они ни принадлежали, относятся съ глубокимъ уваженіемъ къ закону вообще и ко всему тому, что связано съ парламентомъ въ частности. Но исключенія всегда возможны... Чѣмъ больше темнѣетъ, тѣмъ усиливается движеніе на улицахъ. Запоздавшіе избиратели, возвращающіеся съ работъ, спѣшатъ къ „шатрамъ", прежде чѣмъ умылись даже. Бьетъ восемь часовъ. Вотировка закончена. Теперь избирательныя урны переносятся въ ратушу для подсчета. Сторонники обоихъ кандидатовъ собираются громадной толпой передъ ратушей. Бьетъ девять, десять, одиннадцать часовъ. Толпа ждетъ терпѣливо и чинно, какъ настоящіе англичане. Она сама умѣетъ поддерживать порядокъ, безъ полиціи, которая здѣсь совершенно излишня. Бьетъ полночь. Вотъ надъ входомъ освѣщается электричествомъ громадная доска. Сейчасъ появится имя избраннаго кандидата. Въ спокойной толпѣ замѣтно движеніе нетерпѣнія. „Джонъ Бернсъ"—вспыхиваетъ цвѣтная надпись.

— Трижды *ура* за Бернса!—кричитъ толпа:

— Ура! нашъ Джони!

— Честный Джэкъ для Баттерси! ура!

Крики ростутъ. На порогѣ появляется Бернсъ. Его подхватываютъ и несутъ на плечахъ домой.

— Онъ славный, честный парень! — распѣваютъ въ тысячу голосовъ англійскую величальную пѣсню... Побѣда Бернса означаетъ не только простое пораженіе Гартона. Она знаменуетъ, что въ Англіи есть еще мѣста, не опьяненныя брагой имперіализма, выкуренной Чэмберлэномъ. Она доказываетъ, что когда самосознаніе массъ пробудилось, его невозможно затуманить даже въ такіе моменты, какіе переживаетъ Англія теперь.

Діонео.

Кризисъ или вырожденіе?

(Письмо изъ Франціи).

Мнѣ пришло на мысль остановить вниманіе читателей на взглядахъ нѣкоторыхъ современныхъ французскихъ писателей, которые занимаютъ среднее, межеумочное положеніе между оптимистами рождающагося строя и пессимистами отживающаго, а потому, сознавая темныя стороны современнаго склада, вѣрятъ въ возможность улучшенія его, но лишь путемъ частныхъ, вто-

ростепенныхъ, порою ни къ чему не ведущихъ, порою и вовсе фантастическихъ или же возмутительныхъ „реформъ". Сторонники этого общественнаго міровоззрѣнія, основаннаго на нехитрой философіи штопанья Тришкина кафтана, дадутъ намъ возможность, разбирая ихъ планы и предположенія, вскрыть мелкоту и плоскодонность ихъ критики и ничтожность ихъ практическихъ цѣлей. Ихъ общая характеристика, не смотря на значительное различіе ихъ взглядовъ по разнымъ порою немаловажнымъ вопросамъ, заключается въ томъ, что они никогда не рѣшатся согласиться на одну крупную, но необходимую реформу современности, а будутъ проводить время въ изысканіи чисто моральныхъ или же чисто политическихъ мѣръ, долженствующихъ, по ихъ мнѣнію, исправить недостатки настоящаго порядка вещей, не касаясь въ то же время его основанія, его корней и устоевъ.

Тема моей настоящей статьи была именно мнѣ подсказана чтеніемъ двухъ книгъ, изъ которыхъ одна останавливается на нравственной сторонѣ французской текущей современности, другая же исключительно на политической. Одна изъ этихъ книгъ—послѣднее сочиненіе Альфреда Фуйлье о „Франціи съ моральной точки зрѣнія" *); другая—небольшой трудъ Лэузона-ле-Дюка, носящій заглавіе „Полу-республика. Замѣтки и размышленія о политическомъ строѣ Франціи" **). Я сначала охарактеризую по возможности кратко двухъ писателей: это дастъ читателю возможность скорѣе оріентироваться въ смыслѣ ихъ работъ.

О Фуйлье мнѣ много говорить не приходится: русскому читателю этотъ авторъ извѣстенъ и по нѣкоторымъ изъ своихъ сочиненій, переведенныхъ на русскій языкъ (въ томъ числѣ, если не ошибаюсь „Соціальной наукѣ"), и по кой-какимъ этюдамъ о немъ русскихъ писателей. Но мнѣ хотѣлось-бы опредѣлить въ немногихъ словахъ смыслъ и типъ его міровоззрѣнія. Фуйлье—метафизикъ и метафизикъ съ гуманитарнымъ пошибомъ. Эта метафизическая струя усиливается въ немъ на счетъ общественной и даже просто моральной по мѣрѣ того, какъ усталость и годы дѣлаютъ свое дѣло. Я не берусь, мимоходомъ сказать, рѣшить, до какой степени подѣйствовала въ этомъ смыслѣ на Фуйлье и смерть его высокоталантливаго пасынка, Марка Гюйо, сквозь всѣ сочиненія котораго, какъ извѣстно, красной нитью проходитъ идея общества. Какъ-бы то ни было, метафизика справляетъ настоящія оргіи въ послѣднихъ сочиненіяхъ Фуйлье, и тотъ, кому довелось читать, напр., его «Психологію идей—силъ" или „Идеалистическое движеніе", не можетъ ни на минуту отдѣлаться отъ чувства сожалѣнія къ автору, пытливый и не банальный умъ

*) Alfred Fouillée, *La France au point de vue moral;* Парижъ, 1900, 2-е изд.

**) C. Leouzon le Duc, *La Demi-République. Notes et réflexions sur l'état politique de la France;* Парижъ (безъ даты; вышла въ іюлѣ текущаго года).

котораго играетъ на протяженіи цѣлыхъ сотенъ страницъ въ онтологическія бирюльки и силится путемъ чисто логическаго анализа заскочить за предѣлы положительнаго знанія и научныхъ обобщеній. Симпатичная гуманитарно-общественная сторона міровоззрѣнія Фуйлье,—даже не говоря о расплывчатомъ характерѣ ея,—достигается поэтому цѣною такихъ блужданій въ эмпиреяхъ идеализма, что привыкшій къ трезвому мышленію читатель готовъ, въ концѣ концовъ, выбросить за бортъ всю эту пресловутую „философію надежды“, какъ называетъ свою систему нашъ мыслитель, занимающійся эквилибристикой на „идеѣ свободы“, вытянутой въ тонкую-претонкую нить между „детерминизмомъ“ и „индетерминизмомъ“.

Въ самомъ дѣлѣ, какое намъ дѣло до того, что Фуйлье приглашаетъ насъ смотрѣть на всю вселенную, какъ на „формирующееся общество“, когда для этого вывода ему приходится приписать своимъ „идеямъ-силамъ“ чуть-ли не такую-же чудотворную мощь, какою неоплатоники надѣляли своихъ λόγοι? Что можетъ быть привлекательнаго въ этой, такъ сказать, космологической солидарности, когда Фуйлье заводитъ неопытнаго читателя на ложный и глубоко ненаучный путь, казалось-бы, уже пройденной идеалистической метафизики, согласно которой само механическое движеніе есть лишь отраженіе „умственнаго состоянія“ міра? Съ насъ вполнѣ достаточно было-бы простой солидарности въ человѣческомъ обществѣ, не говоря уже о томъ, что эта якобы глубокомысленная идея о движеніи, какъ объ отраженіи психики вселенной, въ сущности, сводится къ слѣдующему тривіальному положенію: всѣ мы люди, всѣ человѣки и потому, когда мы говоримъ о механическомъ движеніи, это *мы* говоримъ, *мы* мыслимъ его, — удивительная новость!.. Что-же касается до элемента солидарности въ философіи Фуйлье, то это начало никогда не переходитъ у него за предѣлы горизонта, характеризующаго добродѣтельнаго Б... буржуа... Я чуть было не сдѣлалъ невольнаго каламбура, написавъ сначала слово „буржуа“ съ прописной буквы, ибо вспомнилъ о почтенномъ радикальномъ дѣятелѣ, г. Леонѣ Буржуа, угощающемъ насъ многочисленными варіаціями на тему именно „солидарности“. Дѣйствительно, у Фуйлье, какъ у прочихъ Буржуа съ прописной или маленькой буквы, солидарность не есть живая коллективная дѣятельность соціальнаго организма, а моральная проповѣдь, обращаемая ими къ личности во имя прописной любви къ ближнему. Этого читатель не долженъ забывать, пробѣгая слѣдующія страницы...

Что касается до второго автора, мосье Леузона-ле-Дюка, то объ немъ придется сказать еще менѣе. Я не знаю, въ какихъ отношеніяхъ родства или свойства онъ стоитъ къ писателю того-же имени, умершему лѣтъ десять тому назадъ и писавшему о Россіи, скандинавскихъ странахъ и т. п. Во всякомъ случаѣ,

нынѣ благополучно живущій и пишущій г. Леузонъ-ле-Дюкъ имѣетъ въ своемъ литературномъ багажѣ всего, если не ошибаюсь, десятокъ—другой журнальныхъ статей, напечатанныхъ имъ по большей части въ органахъ консервативнаго направленія и посвященныхъ критикѣ политическаго механизма Франціи. Не безъ нѣкоторой комичной гордости авторъ величаетъ себя „позитивистомъ“; но если присмотрѣться къ нашему позитивисту, то, сквозь эту плохо сидящую на немъ маску, вы безъ труда различите черты столь распространеннаго теперь во Франціи типа политическаго реакціонера, фификающаго надъ парламентаризмомъ во имя якобы жизненныхъ интересовъ страны, а на самомъ дѣлѣ ради своихъ цезаристскихъ и шовинистскихъ вожделѣній.

Представивъ читателю обоихъ авторовъ, я перейду теперь къ нѣкоторымъ главнѣйшимъ вопросамъ, поднимаемымъ ими въ уже упомянутыхъ книгахъ.

Фуйлье ставитъ въ своемъ послѣднемъ трудѣ задачу изслѣдовать причины и слѣдствія современнаго „нравственнаго кризиса“, переживаемаго Франціей, и отыскать лѣкарство противъ этихъ моральныхъ золъ. Въ противоположность рѣшительнымъ пессимистамъ, а также заграничнымъ ненавистникамъ Франціи, которые во имя свирѣпаго шовинизма всячески позорятъ великую страну и пророчатъ ей близкое и окончательное паденіе, Фуйлье, не закрывая глазъ на „критическое состояніе“ своего отечества, видитъ въ этомъ лишь преходящую фазу его исторической жизни, фазу, которая отнюдь не предрѣшаетъ дальнѣйшаго будущаго Франціи и не даетъ изслѣдователю права отчаяваться въ ея грядущей судьбѣ. Вопросъ, которымъ задается нашъ авторъ, можно вкратцѣ резюмировать въ двухъ словахъ, поставленныхъ мною въ заглавіи этой статьи: „кризисъ или вырожденіе“; и на этотъ вопросъ Фуйлье отвѣчаетъ, признавая кризисъ, но отрицая вырожденіе *).

Въ качествѣ философа-моралиста, имѣющаго дѣло главнымъ образомъ съ абстрактными идеями, Фуйлье сводитъ упомянутый кризисъ къ двумъ формамъ: кризису собственно нравственному и кризису религіозному. Причина нравственнаго кризиса лежитъ, по его мнѣнію, въ томъ, что

> среди столь общительнаго народа, какъ французскій, но отличающагося при этомъ болѣе элементами ума и страсти, чѣмъ воли, все, что увеличиваетъ столкновеніе идей или чувствъ, производитъ гораздо болѣе деморализующее дѣйствіе, чѣмъ среди націй, сосредоточенныхъ въ самихъ себѣ и привязанныхъ къ извѣстному нравственному правилу ради самого правила. Благодаря

---

*) Этотъ вопросъ авторъ уже ставилъ въ своей предпослѣдней книгѣ, посвященной «Психологіи французскаго народа» (вышла и по русски).

черезчуръ отрицательной работѣ предшествовавшихъ поколѣній, намъ въ настоящее время предлагаютъ не одну какую-нибудь идею, но тысячи противорѣчивыхъ идей. Начиная съ самой школы и гимназіи, молодой французъ видитъ, какъ предъ нимъ проходитъ цѣлая пестрая толпа ихъ, такъ что онъ не можетъ составить себѣ прочныхъ убѣжденій; а позже онъ присутствуетъ при свалкѣ всевозможныхъ мнѣній въ печати *).

И, въ противоположность болѣе глубокой и, такъ сказать, болѣе соціологической точкѣ зрѣнія нѣкоторыхъ новѣйшихъ мыслителей Франціи въ родѣ Дюркгейма, объясняющихъ нравственную неурядицу отраженіемъ неурядицы въ самихъ общественныхъ отношеніяхъ, Фуилье видитъ, наоборотъ, причину моральнаго замѣшательства своихъ современниковъ въ отсутствіи прочнаго нравственнаго ученія:

...Какъ выработать, какъ осуществить ее (мораль), если мы не отдѣлимъ, въ самомъ зданіи нашихъ теоретическихъ и практическихъ идей, прочныя части отъ разрушенныхъ? И не есть-ли это дѣло разума, дѣло научной и философской доктрины? Совокупность идей, вотъ что нужно прежде всего внушить цѣлому обществу. Какой народъ могъ, не измѣняя своихъ руководящихъ идей, измѣнить свои учрежденія и характеръ своей цивилизаціи? Исторія не даетъ намъ ни одного такого примѣра. Городъ будущаго будетъ построенъ изъ идей настоящаго. Мы всегда платимся за невѣжество и заблужденіе; сколько ложныхъ идей, столько же и пораженій для народовъ и индивидуумовъ. Какова мысль, таково и дѣло **).

Читатель могъ видѣть изъ моихъ корреспонденцій, что не одинъ разъ я вооружался противъ черезчуръ узкаго истолкованія общественной жизни при помощи лишь однихъ такъ называемыхъ матеріальныхъ интересовъ; и что, анализируя тѣ или другія явленія современной французской жизни, я всегда старался представить сложную игру и взаимодѣйствіе реальныхъ и идеальныхъ— вѣрнѣе, психологическихъ—факторовъ. Но именно эта точка зрѣнія даетъ мнѣ право съ неменьшею энергіею возстать противъ той схоластической кабинетной точки зрѣнія Фуилье, которая сводитъ грандіозный міръ общественной психологіи на вопросъ „разума“ и „научной и философской доктрины“. Когда обращаешь вниманіе на то, какимъ незначительнымъ островкомъ личное и общественное сознаніе выступаетъ по настоящее время изъ огромнаго и шумнаго океана традицій, аффектовъ и всевозможныхъ „безсознательныхъ умозаключеній“ и рефлективныхъ дѣйствій, то просто останавливаешься въ недоумѣніи передъ безмѣрнымъ интеллектуализмомъ философа-моралиста, который оставляетъ въ этомъ отношеніи далеко за собою самого Бокля: тотъ, по крайней мѣрѣ, отрицалъ всякое прямое дѣйствіе вѣчно прогрессирующаго ума на якобы застывшую, неподвижную, окристаллизовавшуюся нравственность; Фуилье же серьезно полагаетъ,

*) Fouillée, стр. 26.
**) Ibid., стр. 27—28.

что чистая идея, голая доктрина, философское ученіе способны сами по себѣ, безъ всякаго посредства переходить въ область морали и превращаться въ руководящій принципъ живой дѣятельности.

И это, замѣтьте, пишетъ тотъ самый авторъ, который сейчасъ же послѣ вышеприведенной цитаты принужденъ говорить о „политическомъ и соціальномъ кризисѣ, присоединившемся къ нравственному" и который выражается по поводу Токвиля слѣдующимъ образомъ, приводя изъ этого писателя знаменательныя цитаты:

Уже съ 1847 г. Токвиль предвидѣлъ крупную роль, которая должна была выпасть въ будущей Франціи на долю соціальныхъ вопросовъ и первѣйшаго изъ нихъ, порядка собственности. «Наступитъ время, говорилъ онъ, когда страна снова раздѣлится на двѣ великія партіи... Въ настоящее время, когда среди нивеллированнаго общества остается цѣлымъ лишь одно право собственности, оно одно и должно выдерживать натискъ демократическихъ взглядовъ... Скоро политическая борьба возгорится между имущими и неимущими. Великимъ полемъ битвы станетъ собственность, и главнѣйшіе вопросы политики будутъ касаться болѣе или менѣе глубокихъ измѣненій въ правѣ собственниковъ... Тогда мы снова увидимъ великую политическую агитацію и великія партіи *).

Казалось бы, нашъ авторъ и въ настоящемъ нравственномъ кризисѣ долженъ видѣть именно отраженіе великаго столкновенія великихъ общественныхъ партій изъ-за коренного вопроса современности, предвидѣннаго уже Токвилемъ. Казалось бы, онъ долженъ понять, что отсутствіе общей моральной доктрины указываетъ на непримиримую разницу въ міровоззрѣніяхъ людей будущаго и защитниковъ настоящаго; что даже общечеловѣческая справедливость, которой передовая Франція принесла въ послѣдніе годы такія жертвы, защищалась идейнымъ меньшинствомъ привилегированныхъ. классовъ вопреки ихъ непосредственнымъ интересамъ.

Но не тутъ-то было: Фуилье дѣлаетъ изъ интересныхъ соображеній Токвиля слѣдующій банальный выводъ, безъ котораго не можетъ, кажется, обойтись въ послѣднее время ни одинъ буржуазный писатель, трактующій во Франціи общественные вопросы:

Наша универсально-общественная и всѣмъ симпатизирующая чувствительность, вмѣстѣ съ нашею нетерпѣливою волею, игнорирующею условія времени, должна была предрасположить насъ ко всяческимъ абстрактнымъ утопіямъ, касающимся общественнаго строя. Въ первой половинѣ этого вѣка,

---

*) Fouillée стр. 29—30. Кстати сказать, это значеніе собственности было извѣстно уже древнему міру: «нѣкоторымъ кажется, говоритъ Аристотель (Pol. II, 4, 1266a), что всего важнѣе устроить надлежащимъ образомъ имущественныя отношенія, ибо изъ-за нихъ, утверждаютъ они, происходятъ и всѣ возстанія».

когда положеніе рабочихъ было какъ разъ наиболѣе жалкимъ, эти утопіи сохраняли еще благородную и филантропическую, чисто французскую форму; но въ наши дни, когда положеніе рабочихъ скорѣе улучшилось, онѣ черезчуръ часто выливаются, подъ вліяніемъ нѣмецкаго соціализма, въ воинствующую, насильственную и ненавистническую форму и т. д.

Читатель, конечно, уже въ сотый разъ встрѣчается съ этимъ противоположеніемъ французскаго и нѣмецкаго соціализма, противоположеніемъ, надъ которымъ изощряютъ свое глубокомысліе и полузнаніе, а то и прямое невѣжество, почтенные соціологи и моралисты буржуазной Галліи, забывающіе, что „нѣмецкій соціализмъ“ (дѣло, несомнѣнно, идетъ о Марксѣ и его ученикахъ) является лишь логическимъ выводомъ, лишь систематизированіемъ, лишь точкою надъ і по отношенію къ ученіямъ французскихъ соціалистовъ начала этого вѣка, не говоря уже о томъ, что само видоизмѣненіе и переходъ филантропическаго, „аполитическаго“ соціализма въ общественно-практическое направленіе произошли главнымъ образомъ на французской почвѣ и подъ сильнымъ вліяніемъ „воинствующаго и ненавистническаго“ поведенія самой буржуазіи. Я не буду говорить о столь извѣстныхъ трагическихъ столкновеніяхъ труда и капитала въ октябрьскіе дни 1831 г. (въ Ліонѣ), іюльскіе 1848 г. и майскіе 1871 г. (въ Парижѣ). Но вся тактика третьяго класса вела къ тому, чтобы политическій индифферентизмъ утопистовъ смѣнился, наконецъ, у ихъ продолжателей болѣе трезвымъ пониманіемъ связи между экономическими привилегіями и классовымъ правленіемъ мѣщанства. Не типично-ли для правительственной системы буржуазіи, что хотя бы во время ліонскаго возстанія ткачей, вспыхнувшаго, можно сказать, въ медовый мѣсяцъ царствованія „короля-гражданина“, мѣстныя власти и депутаты Ронскаго департамента обвиняли въ революціонныхъ замыслахъ и даже прямой фабрикаціи ружейныхъ патроновъ тѣхъ самыхъ мирныхъ сен-симонистовъ, которые, наоборотъ, выбивались изъ силъ, стараясь остановить мятежъ и приглашая „высшіе классы“ проявить „иниціативу“ по улучшенію быта „низшихъ классовъ“, ибо эти классы, молъ, „могутъ возвыситься лишь постольку, поскольку высшіе протянутъ имъ руку помощи“ *).

Но это будь сказано мимоходомъ, такъ какъ Фуйлье обнаруживаетъ такое непониманіе связи современнаго нравственнаго кризиса съ соціальной задачей настоящаго и ея исторической выработкой, что спорить съ нимъ по этому поводу было бы совершенно излишнимъ. Авторъ вывертываетъ на изнанку дѣйствительное положеніе вещей и, что называется, ставитъ плугъ впереди

*) См. стр. 136—137 и прим. на стр. 137 интересной съ фактической стороны книжки Шарлети о сен-симонистахъ: Sébastien Charléty, *Histoire du Saint-Simonisme* (1825—1864); Парижъ, 1896.

быковъ. Приходится лишь отмѣтить этотъ излюбленный пріемъ буржуазныхъ моралистовъ и пройти дальше.

Фуйлье становится интереснѣе тамъ, гдѣ говоритъ о „религіозномъ кризисѣ". Но интересъ этотъ лежитъ не въ положительной сторонѣ его разсужденій, а въ отрицательной, въ изображеніи и критикѣ настроенія современной Франціи въ области религіозныхъ вопросовъ. Мнѣ нѣсколько разъ приходилось бесѣдовать съ читателемъ объ отчаянной борьбѣ, которую клерикализмъ ведетъ здѣсь противъ духа свѣтской цивилизаціи. Я указывалъ въ одной изъ сравнительно недавнихъ своихъ корреспонденцій, что въ сущности клерикализмъ есть логическое слѣдствіе и практическое выраженіе католицизма; и что различать между этими двумя столь близкими, почти тожественными началами значитъ умышленно закрывать глаза на угрожающую Франціи опасность. Не безъ нѣкотораго удовлетворенія поэтому я слѣдилъ за полемикой, завязавшейся на этихъ дняхъ между умѣренными и крайними республиканцами какъ разъ по поводу уже давно интересующаго меня вопроса, причемъ искренніе сторонники свободной мысли стали именно на точку зрѣнія, которую я развивалъ передъ читателями, приравнивая католицизмъ клерикализму, тогда какъ умѣренный и аккуратный органъ крупной буржуазіи—я назвалъ „Temps"—вотъ уже съ недѣлю блуждаетъ въ трехъ соснахъ различенія неразличимаго; а „добрый католикъ" и остроумецъ Корнэли изъ „Фигаро" хватилъ, по дружбѣ, словно булыжникомъ, такимъ опредѣленіемъ прямо въ лобъ защищаемому имъ міровоззрѣнію, что сбилъ съ него маску чисто религіознаго догмата и показалъ подъ нею знакомую всѣмъ и столь ненавистную физіономію клерикализма: „католикъ это симпатичный намъ клерикалъ, а клерикалъ это антипатичный намъ католикъ".

Тѣмъ интереснѣе прислушаться къ тому, что говоритъ о религіозномъ кризисѣ Франціи такой писатель, какъ Фуйлье, міровоззрѣніе котораго можетъ подлежать самой рѣзкой критикѣ, но мыслящее отношеніе котораго къ наблюдаемымъ явленіямъ вообще нельзя оспаривать.

Авторъ констатируетъ тотъ фактъ, что внѣшнимъ образомъ во Франціи

> положеніе католицизма еще сильно. Если Парижъ не есть центръ католической власти, то все же онъ главный очагъ католической мысли и дѣятельности. Три четверти его населенія крещены и были хоть разъ въ жизни причастниками. Двѣ трети погребаются съ религіозными обрядами, и на могилѣ ихъ стоитъ крестъ. Рядомъ съ первоклассными церквами нельзя, въ дни торжественныхъ католическихъ празднествъ, опустить безъ вниманія очень люд-

ныхъ народныхъ приходовъ, которые насчитываютъ не менѣе 100,000 жителей *).

И при этомъ не надо забывать, продолжаетъ авторъ, что,

> говоря вообще, католицизмъ не носитъ у вѣрующихъ во Франціи того поверхностнаго и формальнаго характера, которымъ онъ черезчуръ часто отличается въ Италіи и Испаніи; Франція до сихъ поръ заслуживаетъ въ этомъ отношеніи названія величайшей изъ католическихъ націй **).

И однако... и однако рядомъ съ казовымъ концомъ дѣла Фуйлье ставитъ передъ читателемъ и обратную сторону положенія. Непосредственно за приведенной нами цитатой онъ продолжаетъ:

> Тѣмъ знаменательнѣе обратить вниманіе на то, что, вообще, *экстенсивное* распространеніе католицизма во Франціи мало соотвѣтствуетъ *интенсивности* религіознаго чувства у многихъ вѣрующихъ. Сама эта интенсивность безпрестанно все уменьшается и уменьшается... Пусть иностранецъ развернетъ наши самыя распространенныя газеты, пусть онъ примется читать наши наиболѣе популярныя книги, пусть онъ присутствуетъ на народномъ собраніи или сходкѣ буржуазіи, на засѣданіи парламента, онъ будетъ удивленъ незначительною ролью, которую религія играетъ въ нашей политикѣ, литературѣ, составленіи нашихъ законовъ, во всѣхъ проявленіяхъ мысли и общественной дѣятельности... Войдите въ любую деревенскую церковь: почти повсюду вы встрѣтите у обѣдни только женщинъ; мужчины работаютъ въ полѣ или же идутъ въ кабакъ. Если они еще крестятъ своихъ дѣтей, вѣнчаются въ церкви, то лишь потому, что смотрятъ на эти дѣйствія какъ на обычную церемонію и, до извѣстной степени, актъ традиціонной вѣжливости, которая ни къ чему не обязываетъ. Для нихъ священникъ это—человѣкъ, который креститъ, вѣнчаетъ, хоронитъ, приготовляетъ дѣтей къ первому причастію,—которое зачастую будетъ и послѣднимъ,—исповѣдуетъ женъ и дочерей, но долженъ самихъ мужчинъ оставить въ покоѣ... Религія французскаго крестьянина, это—или замаскированное язычество или индифферентизмъ въ дѣлахъ вѣры. Что касается до рабочаго въ большихъ городахъ, то его религіею очень часто является враждебное чувство именно противъ религіи, презрѣніе или ненависть къ священнику ***).

Но чѣмъ же объяснить усиливающуюся въ послѣднее время успѣшность пропаганды католицизма, возрастаніе числа людей, которые стоятъ за католическіе обряды, интересъ, и толки, и даже прямое сочувствіе, возбуждаемое въ большой публикѣ агитаціей клерикаловъ, — словомъ весь тотъ походъ противъ свѣтской цивилизаціи, свободнаго режима, демократической республики, который я неоднократно характеризовалъ въ своихъ письмахъ? Это кажущееся противорѣчіе разрѣшается авторомъ, какъ и слѣдовало ожидать, указаніемъ на соціально-политическій характеръ религіозной реакціи, которая охватываетъ главнымъ образомъ имущіе классы, буржуазію и работающихъ на ея вкусы мыслителей и художниковъ, всѣхъ этихъ Мельхіоровъ

---

*) Ibid, стр. 48.

**) Ibid.

***) Ibid., стр. 49—52, pas.

де-Вогюэ, Полей Бурже, Брюнетьеровъ. И если Фуйлье, стѣсняемый въ свою очередь буржуазнымъ же міровоззрѣніемъ, не формулируетъ высказанной мною мысли съ достаточною рѣзкостью и опредѣленностью, то смыслъ его аргументаціи во всякомъ случаѣ несомнѣненъ. Пусть судитъ самъ читатель:

...Если сблизить всѣ свидѣтельства, въ томъ числѣ и исходящія отъ самого духовенства, то не трудно видѣть, до какой степени нео-католическое движеніе носитъ по существу поверхностный и свѣтскій, скорѣе политическій, чѣмъ религіозный характеръ, чуждый какъ избранной долѣ мыслителей, такъ и народнымъ массамъ. Конечно, въ виду опасностей, нависшихъ надъ нашей страной вслѣдствіе политическихъ и общественныхъ страстей, равно какъ вслѣдствіе религіознаго фанатизма, значительное число семей подчеркнули въ нѣкоторомъ родѣ возвращеніе къ религіознымъ обрядамъ, или, во всякомъ случаѣ, стремленіе къ школамъ, дающимъ католическое воспитаніе; но все это остается на поверхности и отнюдь не проистекаетъ изъ настоящей внутренней вѣры въ католическіе догматы. Эти люди просто на просто думаютъ, что для народа нужна религія,—политическое вѣрованіе, прикрывающее теологическое невѣріе. Если дѣйствительно вы хотите, чтобы я вѣровалъ, *si vis me credere*, то начните вѣровать сами *).

А между тѣмъ во имя этихъ-то эгоистичныхъ сословныхъ интересовъ, пріукрашенныхъ пустой модой или фешіонэбельными претензіями, значительная часть нѣкогда вольнолюбивой буржуазіи играетъ въ руку чудовищнымъ притязаніямъ клерикализма и устами академика Брюнетьера, вдохновившагося возлѣ папской туфли благочестивыми мыслями о „банкротствѣ науки", не стыдится провозглашать предъ лицомъ всего цивилизованнаго міра тожество интересовъ Франціи и интересовъ католицизма. Тѣмъ пріятнѣе слышать хотя бы половинчатый протестъ метафизика Фуйлье противъ этихъ невѣроятныхъ разсужденій:

...Что Франція олицетворяетъ прежде всего въ цѣломъ мірѣ, такъ это извѣстные принципы всеобщаго права и всеобщаго братства, надъ которыми иностранцы (какіе? троглодиты и антропофаги шовинизма? Н. К.) могутъ подсмѣиваться, но величіе которыхъ они признаютъ въ сущности. Эти-то принципы и составляютъ честь и силу Франціи. Мы не думаемъ поэтому, чтобы можно было отожествлять судьбы нашего отечества и судьбы католицизма **).

Ради этого отпора, который Фуйлье даетъ клерикальному истолкованію роли Франціи, можно простить странныя соображенія нашего автора о необходимости „уваженія" католицизма, „морализирующаго націю" ***), равно какъ погруженіе читателей въ туманы „универсальной религіи" ****).

---

*) Fouillée стр. 64.
**) Ibid., стр. 62.
***) Ibid., supra.
****) Ibid., стр. 77.

Буржуазное морализированіе очень сильно сказывается въ тѣхъ главахъ книги, которыя Фулье посвящаетъ печати, ея функціямъ и вліянію. Можетъ быть, нигдѣ не отражается такъ сильно паденіе политическихъ и гражданскихъ идеаловъ мѣщанства, какъ въ этихъ мѣстахъ сочиненія. Мыслебоязнь; избитыя разсужденія о свободѣ, переходящей въ распущенность; страхъ передъ пропагандой разрушительныхъ идей въ прессѣ; приглашеніе хорошенько подтянуть печать различными мѣрами въ родѣ быстраго и спеціальнаго суда, колоссальныхъ штрафовъ и т. п. съ цѣлію сократить порнографію, клевету и диффамацію, — все это въ изобиліи находится на страницахъ, трактующихъ о печати... Правящій республиканскій элементъ въ современной Франціи не можетъ изъявлять ни малѣйшихъ претензій на свободу отъ критики, хотя-бы самой рѣзкой, со стороны управляемыхъ. Теоретически вчерашніе правители могутъ сдѣлаться въ свою очередь простыми гражданами, а вчерашніе простые граждане стать, выражаясь возвышенно, у кормила правленія. Надо, значитъ, оставаться послѣдовательными и терпѣливо выносить, мало того выносить — принимать къ свѣдѣнію, а при случаѣ и къ исполненію,—самый рѣзкій разборъ ихъ дѣятельности въ печати. Законодательство 1881 г. поэтому совершенно логически не преслѣдуетъ, въ противоположность предшествовавшимъ законодательствамъ,

ни возбужденія ненависти и презрѣнія къ правительству, ни нападокъ на конституцію, ни апологіи фактовъ, считаемыхъ преступными, ни нападеній на собственность, семью, признанныя религіи, и т. п. *).

Современное законодательство преслѣдуетъ лишь нѣкоторые опредѣленные акты, совершаемые гражданами при помощи печатнаго слова, напримѣръ, прямое подстрекательство къ убійству, грабежу, поджогу и вообще преступленіямъ противъ безопасности государства, диффамацію и оскорбленіе, проступки противъ нравственности, и т. п. И при этомъ большинство преступленій по дѣламъ печати судятся судомъ присяжныхъ, который фактически признаетъ въ большинствѣ случаевъ безнаказанными даже и такіе опредѣленные акты, какъ поношеніе личности президента республики. Съ другой стороны, если диффамація преслѣдуется судомъ исправительной полиціи, и доказательство вѣрности позорящихъ личность обстоятельствъ вообще не допускается, то исключеніе сдѣлано какъ разъ для диффамаціи чиновниковъ и лицъ, находящихся на общественной службѣ, по отношенію къ которымъ отвѣтчикъ сохраняетъ право доказательства.

Интересно, что когда оппортунистское большинство въ палатѣ рѣшило внести въ это законодательство ограниченія, направленныя противъ „анархистовъ", то эти дополненія прошли (въ 1894 г.)

---

*) Simonet, стр. 56.

лишь послѣ гомерической борьбы и отчаяннаго сопротивленія не только крайнихъ партій, но и старыхъ искреннихъ республиканцевъ въ родѣ Бриссона; а за самими новыми законами осталась популярная кличка „злодѣйскихъ законовъ“. Злоупотребленія, выростающія изъ неопредѣленности самихъ терминовъ и каучуковой растяжимости ихъ приложенія, такъ, дѣйствительно, дискредитировали этотъ неудачный придатокъ къ цѣльному въ общемъ законодательству 1881 г., что мало-мальски республиканское министерство старается по возможности не вынимать такого оружія изъ арсенала карательныхъ мѣръ, и многіе изъ выдающихся инціаторовъ „злодѣйскихъ законовъ“, въ родѣ Трарьё, Рэйнака посыпаютъ нынѣ пепломъ раскаянія свою повинную голову.

И вотъ именно этотъ-то моментъ Фуйлье выбираетъ, чтобы печаловаться о распущенности французской прессы, и печаловаться въ слѣдующихъ обоюдоострыхъ фразахъ:

клевета и диффамація влекутъ за собою два неизбѣжныя слѣдствія: первое, это—колебать законную власть, которая, не смотря на всѣ свои недостатки и пороки, все же лучше анархіи; второе, это—обезкураживать избранную часть націи, часть, которая осуждается на тѣмъ большее безсиліе, что ея честь, чувство которой принимаетъ у нея тонкія и деликатныя формы, подвергается и бо́льшей опасности быть запятнанной клеветнической печатью *).

Фуйлье съ худо скрытой досадой принужденъ констатировать, что республиканское правительство не согласится, даже изъ-за чисто тактическихъ цѣлей самосохраненія, нанести ударъ свободѣ печати, потому что,

къ несчастію, газета въ настоящее время, какъ говоритъ г. Бонзонъ, служитъ опорою правительству, подобно тому, какъ кабатчикъ является его великимъ избирателемъ. Кто возбуждаетъ ихъ недовольство, тотъ находитъ въ этомъ свою гибель **).

Мы можемъ оставить въ сторонѣ это лестное сравненіе журналиста съ цѣловальникомъ, потому что это завело бы насъ слишкомъ далеко: извѣстно, что въ кругахъ кабинетныхъ ученыхъ считается хорошимъ тономъ презрительно отзываться о нашемъ братѣ, публицистѣ, хотя многіе изъ насъ—будь сказано безъ всякой лишней гордости—не менѣе учены, чѣмъ жрецы мнимой науки, отъ которой у читателя только глаза на лобъ выскакиваютъ, а ужъ по части талантовъ имъ до многихъ изъ насъ, какъ до звѣзды небесной, далеко... Что интересуетъ въ данномъ случаѣ читателя въ упомянутой цитатѣ, такъ это признаніе со стороны Фуйлье того факта, что республиканское правительство отнюдь не думаетъ ковать новые перуны противъ печати, видя въ ней, наоборотъ, могущественную поддержку современной демократіи. И

*) Fouillée, стр. 95.
**) Ibid., стр. 97—98.

это понятно. Не случайно всѣ искренніе республиканцы грудью защищаютъ неприкосновенность прессы, такъ какъ они увѣрены въ томъ, что лишь широкая гласность и самая неограниченная свобода печати вообще въ состояніи противодѣйствовать клеветѣ и постыднымъ нападеніямъ реакціонной части ея. Не случайно также политическіе ихтіозавры, въ родѣ Кассаньяка, потираютъ себѣ руки отъ удовольствія и иронически поощряютъ республиканское правительство всякій разъ, какъ оно проявляетъ поползновеніе ограничить свободные аллюры демократической прессы: требуя для себя неограниченной свободы, рыцари реакціи тѣмъ не менѣе стараются уличить республику всякій разъ въ непослѣдовательности и измѣнѣ своимъ принципамъ. Сколько разъ уже эта клика бросала умѣреннымъ республиканцамъ упрекъ въ томъ, что, находясь у власти, они отбрасываютъ догматы, исповѣдуемые ими въ оппозиціи, и, такимъ образомъ, своимъ поведеніемъ подтверждаютъ преимущество „сильной власти“ надъ „республиканской анархіей“ и принципа „авторитета“ надъ принципомъ „свободы“.

И, въ самомъ дѣлѣ, многіе изъ оппортунистовъ только потому и успѣли пробраться въ правящія сферы республики, что громили произволъ и деспотизмъ имперіи, т. е. „колебали власть“ Наполеона III. На какомъ же основаніи теперь, ставъ, благодаря этой непримиримой критикѣ, создавшей имъ популярность, руководителями демократіи, они осмѣливаются возставать противъ критики ихъ режима, объявляя и его, и даже самихъ себя священными предметами, до которыхъ нельзя касаться безъ вреда для общества? Что за странное самомнѣніе, а главное, что за малодушіе и маловѣріе! Второй имперіи угодно было утверждать, что она, подобно женѣ римскаго Цезаря, не можетъ быть даже и подозрѣваема въ чемъ-либо. Неужели республика должна подражать этимъ архаическимъ претензіямъ и обезьянить сваленный ею строй? Не зажимая врагамъ рта, а борясь съ ними въ газетномъ бою, искренняя демократія можетъ отстоять себя отъ нападеній коварныхъ и безстыдныхъ противниковъ. И всякій разъ, когда защитники республики, рѣшительно отбрасывая подражаніе отжившимъ режимамъ, развертывали все свое знамя и противоставляли неограниченно свободной аттакѣ и неограниченно свободную защиту, они брали верхъ надъ коалиціей темныхъ силъ.

Въ самомъ дѣлѣ, я не скрывалъ отъ читателей могущественнаго вліянія реакціонной и шовинистской печати на французскую націю, не умалчивалъ о систематическомъ отравленіи массъ, о гипнотизированіи ихъ призракомъ „измѣны отечеству“. И однако, изъ моихъ же писемъ читатель могъ видѣть, что противъ этой человѣконенавистнической прессы побѣдоносно возстала идейная демократическая пресса, и что тотъ самый Золя, который заклеймилъ, словно каленымъ желѣзомъ, „омерзительную печать“ (la

presse immonde), самъ прибѣгъ къ печати, чтобы бросить предъ лицомъ всего цивилизованнаго міра въ лагерь безстыдной реакціи свое знаменитое „я обвиняю!“ Фуйлье какъ разъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ о дѣлѣ Дрейфуса. Смѣю увѣрить почтеннаго философа-моралиста, скорбящаго о нравахъ печати, что если бы защитники права и справедливости разсчитывали на возможность силою заткнуть пасть волкамъ націонализма, а не противоставили этому постыдному вою громкое провозглашеніе своихъ принциповъ, то въ настоящее время военно-клерикальная клика была бы у власти, а всѣ искренніе защитники общечеловѣческихъ идеаловъ гдѣ-нибудь недалеко отъ Дрейфуса, на Чортовомъ островѣ или въ сосѣднихъ злачныхъ мѣстожительствахъ.

Должны поражать всѣхъ искреннихъ борцовъ за прогрессъ и чувствительныя сѣтованія Фуйлье на судьбу нѣжныхъ и хрустально-чистыхъ, но диффамируемыхъ душъ, у которыхъ „честь“ представляетъ особотонкую филиграновую работу, а потому разбивается при малѣйшемъ толчкѣ клеветника, въ родѣ знаменитой вазы въ очень популярномъ стихотвореніи Сюлли-Прюдомма, вазы, по которой навѣки прошла трещина, хотя „никто не касался ея“. Богъ мой! что за нравственныя недотроги, что за мимозы стыдливыя, моментально прячущія свои лепестки, всѣ эти чувствительныя натуры! Во-первыхъ, стоитъ-ли обращать вниманіе на диффамацію и клевету, когда вы хорошо знаете, что въ ожесточенной борьбѣ партій „грабителемъ“, „негодяемъ“ и „предателемъ“ называется теперь во Франціи человѣкъ, который не раздѣляетъ взглядовъ „омерзительной печати“. Недаромъ арабская поговорка гласитъ: собака лаетъ, а караванъ продолжаетъ свой путь. Во-вторыхъ, почему уважающій себя человѣкъ прогресса не отвѣтитъ на завѣдомую клевету своихъ противниковъ разоблаченіемъ подлинныхъ мерзостей, совершающихся въ противоположномъ лагерѣ,—какъ будто есть недостатокъ въ такихъ поступкахъ среди защитниковъ лжи и безправія? Вы грозите мнѣ сочиненными исторіями насчетъ меня самого, моей жены, моихъ дѣтей, моихъ родныхъ въ восходящей и нисходящей линіи. Очень хорошо! На эту вашу ложь я, можетъ быть, не сочту нужнымъ и отвѣчать, какъ старый республиканецъ и честный человѣкъ Бриссонъ не отвѣтилъ на клевету Рошфора и Дрюмона, которые обвиняли его въ томъ, что онъ въ позапрошломъ году уморилъ съ голоду свою мать, на самомъ-то дѣлѣ умершую на рукахъ своего сына чуть не двадцать лѣтъ тому назадъ. Но вы позволите, мой дорогой врагъ, чтобы въ свою очередь я разсказалъ уже не ложь, а истинную правду о томъ, какъ вы были самымъ обыкновеннымъ шпіономъ при имперіи (Дрюмонъ); какъ вы проживаете ежегодно въ Монтекарло, игорныхъ притонахъ и на скачкахъ не одну сотню тысячъ франковъ, наживаемыхъ вами клеветой и подлаживаніемъ подъ вкусы парижской улицы, вы,

неподкупный демократъ, убѣжденный „соціалистъ“ и идолъ „патріотовъ“ (Рошфоръ); какъ вы, французскій генералъ, мошенничали по подрядамъ съ англійскими фирмами (Мерсье); какъ вы живете прибыльной проституціей своей сестры (Андрэ Вервортъ); вы, тайными субсидіями отъ турецкаго, испанскаго правительствъ, покупающихъ у васъ за деньги молчаніе о звѣрствахъ ихъ внутренней политики... Словомъ, sursum corda, „горѣ сердца“, о чувствительныя натуры, о филигранно-тонкія души! Перестаньте ежиться, перестаньте плакаться на злокозненную прессу, а сами возьмите въ руки хорошее, отточенное идейною ненавистью къ врагамъ перо, и на удары отвѣчайте ударами-же!..

За этимъ лирическимъ отступленіемъ я чуть было не забылъ еще одного упрека, который Фуйлье дѣлаетъ свободной печати, а именно порнографическаго характера произведеній, разсчитанныхъ на большую публику (стр. 89—93). Но чѣмъ серьезнѣе вы вдумываетесь въ это обвиненіе, тѣмъ яснѣе становится для васъ, насколько неосновательно, насколько бьетъ въ сторону такое осужденіе печати. Вотъ ужъ, можно сказать, предметъ, въ которомъ пресса не только не проявляетъ иниціативы, но рабски идетъ на буксирѣ у общества, прислушиваясь къ его спросу и стараясь въ точности удовлетворить его. Потому-то, когда представители общественной морали поднимаютъ руки къ небу и съ комичнымъ ужасомъ призываютъ его мщеніе на „деморализирующую весь народъ прессу“, вамъ такъ и хочется остановить эти іереміады громкими словами: врачу, исцѣлися самъ! Читатель не можетъ заподозрѣть меня въ томъ, что я легкомысленно и небрежно смотрю на разработываніе печатью грязныхъ сюжетовъ. Но меня глубоко возмущаетъ лицемѣріе оффиціальныхъ моралистовъ, которые не хотятъ или не желаютъ понять, что корни порнографіи глубоко лежатъ въ культурныхъ слояхъ самого общества; а потому приниманіе карающихъ порокъ позицій и добродѣтельное негодованіе столь-же раціональны, сколь раціональны охи и ахи садовода, остановившагося передъ кустомъ чертополоха и удивляющагося, почему на немъ не растутъ розы. Да, почему? А почему-же вы, о садоводъ, изумленно падающій съ неба идеала на землю дѣйствительности, такъ лелѣяли этотъ самый чертополохъ и даже находили въ немъ нѣкоторыя пріятныя „національныя“, „чисто-галльскія“ свойства?

Я безъ малаго двадцать лѣтъ живу во Франціи, другъ-читатель, и въ общемъ горячо люблю этотъ многими своими сторонами по истинѣ великій народъ. Но меня всегда непріятно поражало въ французахъ это смакованіе, это разработываніе „сладкаго грѣха“. И говоря такъ, я совершенно оставляю въ сторонѣ вопросъ темперамента, по отношенію къ которому строгимъ моралистамъ можно посовѣтовать лишь имѣть побольше снисхожденія къ народамъ, какъ и личностямъ: „могій вмѣстити да вмѣ-

ститъ"... Но что надоѣдаетъ вамъ здѣсь, такъ это именно „слова, слова, слова", масса разговоровъ, которая тратится въ этой области, и какая-то академическая обстоятельность, съ которою обсуждается практика амурныхъ отношеній, точно мы еще живемъ въ наивныя времена „судовъ любви", а не въ эпоху ожесточенной конкурренціи, которая неимовѣрно натягиваетъ нервы, требующіе потому и сугубаго щипанія, и превращаетъ этимъ путемъ средневѣковую наивность въ современную эротическую „словесность". Присутствуя при такихъ турнирахъ, вамъ вчужѣ становится жалко за эту высоко-культурную націю, великолѣпный энтузіазмъ которой отчасти, можетъ быть, потому и горитъ зачастую соломеннымъ огнемъ, потому и лишенъ устойчивости, что масса нервнаго напряженія разряжается путемъ головной работы надъ пикантными сюжетами.

Но все только-что сказанное относится главнымъ образомъ къ культурнымъ классамъ, и въ этомъ отношеніи надо быть жестокимъ лицемѣромъ, чтобы не видѣть, что дѣло тутъ не въ печати, а въ самомъ характерѣ этой части націи, словесно-эротическому складу которой не только не мѣшаютъ религіозные и нравственные принципы, но даже какъ будто помогаютъ, благодаря на первый взглядъ странному, но несомнѣнному родству мистицизма и эротизма. Развѣ, напр., Барбэ д'Оревилли, защищавшій вмѣстѣ съ Гранье-де-Кассаньякомъ тронъ (бонапартистскій) и алтарь (католическій), не совершалъ въ своихъ романахъ экскурсій на островъ Лесбосъ? Развѣ его въ извѣстномъ смыслѣ продолжатель, пресловутый Саръ-Пеладанъ, не разрабатываетъ противоестественныхъ формъ любви подъ соусомъ католическаго мистицизма? И развѣ пишущему эти строки не приходилось уже лѣтъ пятнадцать тому назадъ слышать отъ священника одного изъ богатѣйшихъ приходовъ Парижа, что какъ разъ та самая категорія изящныхъ дамъ, которая съ особенною сладостью и умиленіемъ льетъ слезы раскаянія на исповѣди, исчерпала, можно сказать, всю гамму эротическихъ ощущеній вплоть до самыхъ невѣроятныхъ и унизительныхъ для человѣческаго достоинства?

Съ другой стороны, здоровое общественное направленіе, какая-нибудь крупная и могучая идея, захватывающая лучшую часть культурныхъ слоевъ, дѣйствуетъ самымъ освѣжающимъ образомъ на нравственную атмосферу и наноситъ порнографіи гораздо болѣе чувствительные удары, чѣмъ всѣ эти „лиги противъ распущенности улицы" и филиппики буржуазныхъ моралистовъ противъ порнографической литературы. Я былъ свидѣтелемъ превращенія хотя бы, напр., студенчества латинскаго квартала въ теченіе послѣднихъ десяти-пятнадцати лѣтъ. Я живо помню, какъ въ 80-хъ годахъ публичныя собранія посѣщались чуть не единственно мелкими служащими и особенно рабочими, тогда какъ студенты отправлялись туда со своими „студентками" (такъ на

жаргонѣ веселой учащейся молодежи называются прозаическія преемницы Лизетъ и иныхъ поэтическихъ созданій Беранже и Мюссэ), отправлялись для того, чтобы „забавляться“, стараясь покрывать голоса ораторовъ ревомъ, мяуканьемъ, лаемъ и прочими удачными подражаніями нечленораздѣльному языку животныхъ. Теперь студенты являются однимъ изъ главныхъ элементовъ этихъ собраній; и увлеченіе демократическими идеями и міровоззрѣніемъ труда оттѣснило на задній планъ тотъ педантически-добросовѣстный, умѣренный и аккуратный развратъ дѣтей мѣщанства, которому всѣ эти будущіе адвокаты, нотаріусы, врачи и инженеры считали долгомъ посвящать немало часовъ въ первые годы своего парижскаго студенчества.

Да и не одна учащаяся молодежь подверглась этому благодѣтельному воздѣйствію новаго міросозерцанія: въ большей или меньшей степени его вліяніе сказалось и на всѣхъ культурныхъ классахъ и заставило ихъ внести въ обычное традиціонное житье-бытье извѣстную вдумчивость, извѣстное сознательное отношеніе.— А вмѣстѣ съ тѣмъ и французская порнографія—этотъ самый распространенный видъ здѣшняго „нана-турализма“, по удачному выраженію французовъ же, — потеряла три четверти своей привлекательности. Такимъ образомъ жалобы Фуйлье на безнравственную прессу, во-первыхъ, основаны на поверхностномъ смѣшеніи причины и слѣдствія, во-вторыхъ, опоздали на нѣсколько лѣтъ и звучатъ страннымъ анахронизмомъ. Ибо, если въ чемъ можно видѣть теперь своеобразную форму умственнаго разврата въ современной французской печати, такъ это въ томъ кровожадномъ садизмѣ, который распространяютъ „патріотическіе“ органы прессы, гипнотизируя толпу и печатнымъ разсказомъ, и краснорѣчиво - суздальскими гравюрами, посвященными изображенію военныхъ сценъ и подвиговъ европейцевъ въ колоніяхъ, избіенію женъ и дѣтей, сожженію хижинъ „нисшихъ расъ“ и т. п. „пріобщенію“ дикарей къ цивилизованному міру...

Но пора покончить съ этою частью разсужденій философа-моралиста, которому философія не помогла разобраться въ сложной, но необходимой для республиканскаго режима роли свободной печати, а мораль не помѣшала противопоставить вою и укусамъ „омерзительной прессы“ убѣжденіе въ необходимости идейной борьбы за общечеловѣческій идеалъ...

Остальная, гораздо большая часть книги Фуйлье не заслуживаетъ того, чтобы стоило долго на ней останавливаться. На этихъ почти 300 страницахъ авторъ говоритъ о возрастаніи преступности во Франціи, особенно среди молодыхъ людей, а главнымъ образомъ, о „воспитаніи демократіи“, т. е. о тѣхъ пріемахъ, при помощи которыхъ, по его мнѣнію, можно вывести страну изъ состоянія нравственнаго кризиса. Читателю будетъ достаточно самаго бѣглаго указанія, чтобы схватить смыслъ и характеръ

этихъ соображеній. Подвергнувъ, по обыкновенію буржуазныхъ мыслителей, самой поверхностной и бьющей мимо цѣли критики вырисовывающійся теперь идеалъ всесторонняго, или,—какъ выражаются нѣсколько педантично французскіе соціалисты школы Малона—„интегральнаго“ воспитанія, Фуйлье приходитъ къ заключенію, что въ народной школѣ надобно, кромѣ нѣкоторыхъ самыхъ элементарныхъ свѣдѣній, обучать лишь морали; въ средней школѣ, отбросивъ греческій, но сохранивъ въ „надлежащихъ размѣрахъ“ латинскій, культивировать главнымъ образомъ математику, физику и „общественныя и моральныя науки“; а въ университетѣ опять таки обратить вниманіе на „мораль, философію и общественную науку“. Оставляя въ сторонѣ собственно вопросы образованія и воспитанія, которымъ я думаю посвятить когда-нибудь спеціальную статью, я не могу оставить, однако, этой доли разсужденія Фуйлье безъ того, чтобы не указать на кабинетный, чисто-профессорскій планъ „воспитанія демократіи“, какъ будто курсы морали и каѳедры философіи могутъ существенно измѣнить психологію народа... Тѣмъ пріятнѣе, что этотъ книжный идеалъ не мѣшаетъ Фуйлье, хотя и съ различными оговорками, подсказываемыми ему мѣщанской средой, признать въ числѣ темныхъ сторонъ закатывающагося XIX-го вѣка „реакцію милитаризма, грубаго завоеванія и силы противъ права“, „реакцію цезаризма подъ именемъ имперіализма“, „реакцію папства, провозглашеннаго непогрѣшимымъ, противъ философіи и современныхъ идей“, „реакцію плутократіи противъ формирующейся еще только демократіи“, „реакцію старой расовой и классовой ненависти противъ идеи человѣчества“ (стр. 410—411). Я пропускаю нѣсколько другихъ очень неудачныхъ примѣровъ „реакціи“, которые показываютъ, что Фуйлье, думая защищать интересы „вѣчной“ морали, защищаетъ очень нерѣдко интересы буржуазной среды, къ которой принадлежитъ. Во всякомъ случаѣ, въ сбивчивой, противорѣчивой, половинчатой формѣ, но мысль Фуйлье все же выбивается изъ оковъ непосредственно окружающихъ его общественныхъ условій и на послѣдней же страницѣ книги выливается въ пророчество относительно важной роли XX-го вѣка, который будетъ „вѣкомъ по преимуществу человѣчнымъ“, „вѣкомъ соціальнаго вдохновенія и соціальныхъ реформъ“:

Все, что мы замѣчаемъ въ настоящее время въ неорганическомъ и анархическомъ состояніи—нравственная наука и философія, политическая свобода и всеобщая подача голосовъ, промышленное производство и распредѣленіе, всякаго рода ассоціаціи въ нѣдрахъ демократіи, ищущей еще своего пути, отношенія международнаго права,—все это, наконецъ, будемъ надѣяться, получитъ начало раціональной организаціи *)...

Было бы, пожалуй, жестоко съ нашей стороны на основаніи

*) Fouillée, стр. 412.

только-что процитированныхъ строкъ проводить параллель между нашимъ философомъ-моралистомъ и библейскимъ Валаамомъ, который трижды покушался проклинать ненавистный ему народъ, и трижды изъ его устъ вырывались слова благословенія...

Что касается до книжки Лэузона-ле-Дюка, то она интересна лишь какъ знаменіе времени, какъ выраженіе политической реакціи, охватывающей все сильнѣе и сильнѣе большинство буржуазіи въ то самое время, какъ передовое меньшинство этого класса посылаетъ все болѣе и болѣе перебѣжчиковъ въ лагерь труда или же, по крайней мѣрѣ, усваиваетъ хоть нѣкоторыя стороны новаго міровоззрѣнія. Приглядываясь къ небольшому и претенціозному этюду о „Полуреспубликѣ“, вы можете даже опредѣлить, какія формы современная реакція принимаетъ исключительно подъ давленіемъ далеко продвинувшагося впередъ разложенія старыхъ политическихъ партій и стремленія массъ къ новому общественному идеалу. Не смотря на мнимо-научныя претензіи Лэузона-ле-Дюка, его книжка представляетъ собою продуктъ цезаристской демагогіи, ищущей своихъ опоръ въ цезаризмѣ, шовинизмѣ и милитаризмѣ. Какого поля ягода нашъ авторъ,—читатель можетъ безошибочно заключить по нѣкоторымъ типичнымъ разсужденіямъ этого строгаго критика „Полу-республики“. Такъ онъ во имя позитивной (?!) общественной науки мечетъ громъ и молніи противъ современнаго индивидуализма, но при сей вѣрной оказіи выдаетъ свои затаенные, задушевные планы, которые очень не далеко отстоятъ отъ сумбурныхъ идеаловъ какого-нибудь Дерулэда, Коппэ или Баррэса. Въ самомъ дѣлѣ, сердито вскипаетъ и клокочетъ „патріотическій“ горшокъ г. Лэузонъ-ле-Дюка:

Франція есть единственная страна, въ которой индивидуалистическій раціонализмъ является государственной религіей. Другія страны, Германія Бисмарка и Вильгельма II, Англія Солисбери, Россія, даже Бельгія, обладаютъ традиціоннымъ правительствомъ, предметомъ котораго служитъ благо государства и которое сопротивляется разнымъ внушеніямъ идеологіи. Возможно, что у насъ буржуазія, все болѣе и болѣе раздѣляющаяся на партіи, оставитъ на долю народа, всегда пребывающаго вѣрнымъ воспоминаніямъ революціи и одинаково равнодушнымъ ко всѣмъ умозрѣніямъ доктринеровъ, возстановить режимъ, который остался въ его традиціяхъ. Возможно еще, что она сгруппируется въ большинствѣ вокругъ того человѣка, который, будучи поддержанъ и вынесенъ самою значительною частью народа, вырветъ власть у господствующей олигархіи съ обязательствомъ исправить то, что она унизила, и возстановить то, что она потеряла. «Когда злополучная слабость и безконечная перемѣнчивость обнаруживаются въ совѣтахъ власти; когда, уступая по очереди вліянію противоположныхъ партій и живя со дня на день, безъ опредѣленнаго плана, безъ увѣреннаго въ себѣ направленія, она обнаружила вполнѣ свою недостаточность, и самые умѣренные граждане принуждены сознаться, что государство никѣмъ больше не управляется; когда, наконецъ, къ

его ничтожности внутри правительство присоединяетъ наибольшую вину, какую только оно можетъ имѣть въ глазахъ гордаго народа,—я разумѣю униженіе извнѣ,—тогда неопредѣленное безпокойство распространяется въ обществѣ, его начинаетъ волновать потребность самосохраненія и, бросая взоры само на себя, оно какъ бы ищетъ человѣка, который бы могъ спасти его» (Наполеонъ. *Мемуары*). Эти явленія, предшествовавшія 18-му Брюмера, виновникъ котораго такъ чудно анализировалъ ихъ, воспроизводятся въ нашу эпоху согласно наблюденію одного современнаго министра, который, замѣчая, что однѣ и тѣ же причины вызываютъ одни и тѣ же дѣйствія, сказалъ: «я уже слышу шаги лошади». Каковы бы ни были перипетіи будущаго, дойдетъ-ли эта лошадь до Елисейскаго дворца, произойдетъ ли революція на улицѣ или же свершится медленно въ умахъ, которые мало по малу станутъ, подъ вліяніемъ лучшей научной культуры, враждебны урокамъ реакціоннаго раціонализма, наступитъ день, когда надъ старою индивидуалистическою и разорванною на части политикою, вдохновлявшеюся частными интересами группы, касты или класса, восторжествуетъ новая политика, цѣлью которой будетъ удовлетвореніе общихъ потребностей коллективности. Этотъ день будетъ днемъ наступленія демократіи *).

Вотъ она, вотъ цѣликомъ теорія современнаго цезаризма, которая рядится въ павлиньи перья научности и даже крадетъ нѣкоторые свои аргументы у передового міровоззрѣнія, лишь придавая имъ свойственную ей самой ребячески-каррикатурную форму и коверкая первоначальную мысль до неузнаваемости. Говоря недавно объ „эволюціи политическихъ партій во Франціи", я замѣтилъ, что реакція нашихъ дней отказалась, повидимому, отъ надежды восторжествовать надъ страной въ архаической одеждѣ, но тѣмъ съ большею охотою драпируется въ трехцвѣтное знамя націонализма и военщины, надѣясь подъ этимъ покровомъ войти въ республиканскую цитадель. Не мѣшаетъ поэтому приглядѣться къ тѣмъ сшитымъ бѣлыми нитками софизмамъ, которые разсчитаны на глупость и звѣриные инстинкты улицы. Нѣтъ ничего лучше для пониманія совершающагося вокругъ насъ общественнаго прогресса, какъ отмѣтить, какимъ же именно добромъ бьетъ челомъ современная реакція передовому воззрѣнію.

Обратите вниманіе хотя бы на ожесточенную критику „индивидуализма". Что это, какъ не каррикатурное воспроизведеніе критики, обращенной людьми новыхъ идеаловъ противъ буржуазнаго индивидуализма? Софистицирующій цезаризмъ лишь старается запамятовать—и сообщить это запамятованіе своимъ наивнымъ и свирѣпымъ приверженцамъ, — что новое міровоззрѣніе борется противъ соціально-экономическаго, но отнюдь не психологическаго индивидуализма; и что, наоборотъ, это міровоззрѣніе потому и стоитъ за усиленіе коллективнаго элемента въ общежитіи, что лишь при этихъ условіяхъ можетъ вполнѣ развернуться человѣческая индивидуальность, живая личность, которая, какъ никакъ, представляетъ единственно сознающій, чувствующій и дѣйствующій элементъ общественнаго строя.

*) C. Léouzon-le Duc, *La Demi-République;* стр. 261—263.

Или, напр., противоставленіе буржуазіи народу. Что это, какъ не каррикатурное отраженіе научной теоріи борьбы общественныхъ классовъ, теоріи, которая, можно сказать, сложилась впервые на французской почвѣ подъ вліяніемъ не только мыслителей первой половины этого вѣка, — особенно, Сэнъ-Симона, — но и буржуазныхъ историковъ, каковы Минье, Огюстэнъ Тьерри, Гизо? И въ то время, какъ люди новаго идеала, въ противоположность буржуазнымъ мыслителямъ, пріурочиваютъ эту неизбѣжную борьбу не только къ прошлому, но и къ настоящему, жалкіе софисты цезаризма, въ сущности говоря, противоставляютъ буржуазію и народъ—и противоставляютъ не только теоретически, но практически: вспомните хотя бы исторію декабрьскаго переворота—лишь съ цѣлью обоснованія права „спасителей отечества“ на coup d'Etat, который отнюдь не уничтожаетъ противорѣчивыхъ интересовъ классовъ, но зажимаетъ ротъ всѣмъ имъ во имя личной диктатуры и якобы безпристрастной, безсословной, парящей надъ партіями власти. Тѣмъ, вѣдь, и отличается демагогъ-тиранъ отъ искренняго демократа, что опирается на народъ съ цѣлью подавить его свободное развитіе и пріобрѣсти возможность самовольно думать и дѣйствовать за него, якобы во имя народныхъ интересовъ, а на самомъ дѣлѣ въ виду эгоистичныхъ интересовъ правящей клики.

Подробности строя, который проектируетъ авторъ „Полуреспублики“, вырисовываются во многихъ мѣстахъ книги и позволяютъ читателю заранѣе вкушать то блаженство, какимъ Франція будетъ наслаждаться подъ скипетромъ „спасителя отечества“ и копытомъ его лошади, которая прямехонько привезетъ его въ Елисейскій дворецъ: какъ не пожалѣть, что конь генерала Рожэ не послушался полтора года тому назадъ „патріотическихъ“ увѣщаній Дерулэда! Въ самомъ дѣлѣ, по мнѣнію Лэузона-ле-Дюка, „господствующая каста“,

не помня столь дорого стоющихъ уроковъ, благопріятствуетъ кишѣнію патогеническихъ микробовъ космополитизма *),

тогда какъ народъ, по словамъ нашего автора, прежде всего націоналистъ:

изъ всѣхъ органовъ армія, орудіе его защиты, есть тотъ органъ, который народъ расположенъ лучше всего и питать **).

Нашъ цезаристъ не можетъ никакъ переварить, что въ „одномъ недавнемъ обстоятельствѣ“—намекъ на дѣло Дрейфуса—нашлись во Франціи такіе люди, которые

---

*) La Demi-République, стр. 266.
**) Ibid., стр. 267.

не преминули найти предлогъ, чтобы противоставить—и съ какою энергіей!—права человѣка требованіямъ коллективной жизни *)

и съ ужасомъ констатируетъ, что

въ теченіе трехъ лѣтъ во Франціи не пренебрегали ничѣмъ, чтобы подорвать авторитетъ военныхъ властей. Не только генералы подвергались страстнымъ нападкамъ; но, не уважая ихъ, люди могли дать поводъ думать, что они и не достойны уваженія. Въ самомъ дѣлѣ, съ трудомъ снаряжаютъ армію, возлагаютъ на народъ тяжелую воинскую повинность, а потомъ отнимаютъ у него уваженіе къ начальникамъ и на его глазахъ ссаживаютъ ихъ съ лошади прямо въ грязь **).

Какъ видите, лошадь и различныя позиціи „спасителей отечества" вокругъ лошади играютъ важную роль въ соціологическихъ размышленіяхъ автора, который влагаетъ ихъ, впрочемъ, на послѣднихъ страницахъ книги въ уста своего друга, не менѣе знаменитаго „позитивиста" Баррэ-Дэминьера. Не мудрено, что, въ концѣ концовъ, эти лошадиныя мысли приводятъ нашего автора и къ вполнѣ достойнымъ этого храбраго, но глупаго животнаго „патріотическимъ" нотамъ негодованія на современное правительство, которое, молъ, продаетъ страну иностранцамъ. Въ самомъ дѣлѣ, враги Франціи.

всегда старались вліять на управленіе страной, чтобы овладѣвать, отвращать отъ должной цѣли или дѣлать безплодными ея усилія. Часто они успѣвали въ этомъ. Въ традиціяхъ англійской политики всегда имѣть соучастниковъ въ правительствѣ Франціи. Еще не забыто, что англичане платили пенсію кардиналу Дюбуа. Они даютъ также субсидіи французскимъ политическимъ дѣятелямъ и публицистамъ... Нечего думать, чтобы иностранцы отказались отъ такой выгодной практики; какъ то бывало, они до сихъ поръ имѣютъ свой голосъ въ нашемъ правительствѣ, и можно задаться вопросомъ, кто же получаетъ теперь пенсію Дюбуа? ***)

Послѣ такой блистательной исторической экскурсіи въ прошлое, доказывающей примѣромъ блаженной памяти Дюбуа, что, несомнѣнно, и современный кабинетъ на откупѣ у Англіи—кстати сказать, кардиналъ Дюбуа жилъ и дѣйствовалъ при регентствѣ, т. е., значитъ, чуть не двѣсти лѣтъ тому назадъ, когда не было и въ поминѣ ни „классоваго правленія буржуазіи", ни парламентаризма, — послѣ этой экскурсіи, говорю я, авторъ ставитъ слѣдующимъ образомъ діагнозъ и лѣченіе современной Франціи:

Счастливыя общества очень легко отдаются сладости жизни. Соціализмъ и кафе-шантаны берутъ въ нихъ большую часть занятій и заботъ, политиканы забавляютъ ихъ и обдѣлываютъ по своему. Гарантировать народъ противъ ядовъ, вкусъ къ которымъ привитъ ему ими, работа очень продолжительная. Но при помощи строгой дисциплины, сильная власть и прочно функціонирующее правительство въ состояніи поддержать нравственное единство націи ****).

---

*) Ibid., стр. 244.
**) Ibid., стр. 298.
***) Ibid., стр. 300.
****) Стр. 301.

Для этого нужны только кой-какія мѣры, исходящія отъ рекомендуемаго Лэузономъ-ле-Дюкомъ „спасителя отечества". Это, не говоря уже объ общемъ покорномъ слѣдованіи декретамъ „сильной власти", рядъ мѣръ, имѣющихъ цѣлью подтянуть хорошенько

иностранцевъ, ихъ агентовъ и ихъ кліентовъ, а, слѣдовательно, потребность измѣнить въ нашей странѣ касающееся ихъ законодательство, возстановить прежнюю «великую натурализацію» и т. д. **).

Это, съ другой стороны, уже не столько трагическое, сколько комическое декретированіе

позитивнаго преподаванія въ общественныхъ школахъ... Да, нужно сдѣлать школы свѣтскими! Нужно изгнать изъ нихъ всякое «клерикальё»! На порогъ ихъ уже запрещено переступать тѣмъ изъ клерикаловъ, которые носятъ черныя скуфьи; остается изгнать изъ нихъ тѣхъ, которые носятъ красный колпакъ. Догматы государственной религіи, катехизисъ индивидуализма должно замѣнить уроками соціальной науки... Когда люди подкрѣпятъ свои инстинктивныя тяготѣнія познаніями, когда они узнаютъ, что такое раса, организованное общество, народъ, его условія существованія, условія существованія отечества, предписанія политической гигіены, тогда всѣ ферменты разложенія потеряютъ свою вредоносность, митридатизированный коллективный организмъ перенесетъ безъ всякой болѣзни токсины всѣхъ микробовъ космополитизма, и его нравственное здоровье станетъ самымъ крѣпкимъ **).

Можно себѣ представить, что за проясненіе мозговъ принесетъ съ собою эта „позитивная" галиматья націонализма, которая будетъ вознесена на степень оффиціальной науки объ обществѣ, „спасенномъ" не то новымъ цезаремъ, не то его лошадью, возведенною въ сенаторы—въ Римѣ бывали и такіе примѣры! Ибо единственно, что можно понять изъ этой „митридатизированной" противъ здраваго смысла прозы, такъ это, что жрецы новой апробованной „патріотами" соціологіи будутъ проповѣдывать и безъ того еще не угасшую звѣриную ненависть между людьми не одной „расы" и не одного „отечества", будутъ травить идеалы „космополитизма", т. е. общечеловѣческой цивилизаціи; да еще то, что первыми жертвами педагогической реакціи падутъ головы, носящія „красный колпакъ". Недаромъ, когда Жюлю Леметру начинаютъ указывать на католическихъ клерикаловъ, онъ съ комичною важностью передразнивающаго престарѣлаго ребенка отвѣчаетъ вамъ указаніемъ на „красныхъ клерикаловъ", на „изувѣровъ свободной мысли и масонства".

И во имя этой-то цезаристской республики люди осмѣливаются критиковать современную „полу-республику", которая, конечно, далеко не представляетъ собою идеальнаго общественнаго строя...

Н. Кудринъ.

---

*) Стр. 299.
**) Ibid., стр. 301.

Политика.

I.

Много лѣтъ приходится мнѣ періодически бесѣдовать съ читателями о дѣлахъ политическихъ, волнующихъ нашъ цивилизованный, а подчасъ и нецивилизованный міръ. Цѣлыя вереницы событій, радостныхъ и печальныхъ, важныхъ и мелкихъ, громкихъ и молчаливыхъ, опасныхъ и благодатныхъ, были своевременно заносимы мною на эти страницы (въ этомъ и другихъ изданіяхъ). Излагая и обсуждая историческія событія современности, нельзя не испытывать на себѣ ихъ отраженнаго вліянія, нельзя въ чувствахъ и воображеніи не переживать этихъ сложныхъ человѣческихъ драмъ, изъ сцѣпленія которыхъ слагается всемірная исторія земного человѣчеста. Слѣдя за никогда не останавливающимся и не отдыхающимъ потокомъ человѣческихъ идей, страстей и дѣяній, невольно переживаешь всевозможныя чувства, надѣясь и опасаясь, радуясь и скорбя, негодуя и умиляясь, благословляя и проклиная... Это естественно и неизбѣжно. Объ этомъ не стоило бы и говорить, если бы, послѣ тридцати слишкомъ лѣтъ моей сочинительской работы, я не натолкнулся, при созерцаніи современной исторіи, на нѣчто совершенно новое, совершенно непохожее на прежнія чувства, естественно внушаемыя каждому наблюдателю. Радоваться и умиляться, конечно, въ настоящее время нечему; нечего и благословлять. Однако, и не столько негодованіе, печаль или проклятія вызываетъ современная политика, сколько чувство прямого отвращенія. *Противно* наблюдать это самооплеваніе, которому съ такимъ усердіемъ предаются націи, считающіяся благороднѣйшими представительницами человѣчества. Истекшее лѣто свидѣтельствуетъ объ этомъ усердіи съ такою поразительною силою, что не знаешь, чему больше удивляться въ этой оргіи дикихъ инстинктовъ, овладѣвшихъ умами и сердцами свободныхъ и просвѣщенныхъ народовъ.

Когда XVIII вѣкъ, съ своей великой просвѣтительной литературой, приближался къ концу, казалось, что онъ передаетъ новому вѣку преображенный міръ. Казалось, великія идеи XVIII вѣка покорили умы народовъ и освободили міръ отъ тѣхъ дикихъ инстинктовъ вражды, нетерпимости и жестокости, которыя въ предыдущіе вѣка заливали кровью всетерпѣливую почву Европы. Казалось, суевѣріе и предразсудокъ разсѣялись, какъ предразсвѣтный туманъ, предъ свѣтомъ разума; нетерпимость и жесто-

кость, какъ зимній ледяной покровъ историческаго потока, растаяли подъ горячими лучами свободы, братства и гуманности. Многіе великіе умы не сомнѣвались въ этомъ. Многіе великіе дѣятели вкладывали душу свою въ осуществленіе на землѣ этого царства разума, правды и братства. Наступленіе его предвозвѣщалось и въ государственныхъ реформахъ эпохи такъ называемаго просвѣщеннаго деспотизма, и въ стремленіяхъ культурныхъ классовъ всѣхъ цивилизованныхъ націй. Это наступленіе казалось уже осуществляющимся въ революціяхъ, американской и французской. Скоро, очень скоро человѣчество горько, очень горько разочаровалось въ своихъ надеждахъ, иллюзіяхъ и упованіяхъ. Тираннія Бонапарта и солдатчина, ставшая закономъ европейской жизни; германское патріотическое возрожденіе подъ попечительнымъ руководствомъ австрійской и прусской полиціи; абсолютистско-клерикальная реставрація подъ охраною священнаго союза; тираннія мелкихъ деспотовъ Испаніи, Италіи и Германіи; властное возрожденіе навсегда, казалось, оставленныхъ предразсудковъ и суевѣрій, навсегда, казалось, исчезнувшихъ нетерпимости и жестокости,—вотъ печальное содержаніе печальной исторіи первой трети XIX вѣка. Культурное меньшинство, которое, опираясь на глухое недовольство подавленныхъ народныхъ массъ, вызвало революціонную волну, по прежнему, одно и осталось при своей новой просвѣщенной и гуманной культурѣ. Некультурныя, полудикія массы, вынесенныя этою революціонною волною на историческую сцену, очень недолго оставались подъ вліяніемъ и руководствомъ своихъ освободителей, Для этого онѣ были слишкомъ далеки другъ отъ друга; между ними лежало разстояніе многихъ вѣковъ культурной исторіи. Другое дѣло — патеръ ближайшей церкви, монахъ ближайшаго монастыря, сержантъ съ орденомъ въ петличкѣ: это все свои люди, ближніе и доступные массѣ, которая призвана была дѣлать исторію. Немудрено, если эта исторія пошла не тѣмъ путемъ, котораго чаяли ученики Вольтера и Руссо. Здѣсь основная причина разбитыхъ иллюзій великаго просвѣтительнаго движенія XVIII вѣка. Очевидно, первая задача XIX в. заключалась не въ осуществленіи просвѣтительныхъ и гуманныхъ идей XVIII в., а въ подъемѣ народныхъ массъ до уровня этихъ идей и задачъ. Отвратительная картина, которую мы теперь, на границѣ XX в., видимъ въ такой ничѣмъ не стѣсняющейся наготѣ, не показываетъ-ли, что XIX в. не успѣлъ совершить своей проблеммы. „Внемля въ мірѣ царящіе звуки“ и теперь такъ же „плохо вѣрится въ силу добра“, какъ и тогда, когда на порогѣ еще новаго XIX в. раздались мощные звуки байроновской поэзіи, этого крика ужаса и протеста культурнаго человѣка противъ человѣчества, такъ постыдно всѣ свои человѣческія пріобрѣтенія предавшаго въ руки обскурантизма и тиранніи. И въ XIX в. человѣчество имѣло свои большія пріобрѣтенія, свои великіе успѣхи,

свои свѣтлыя радости, періоды надеждъ и упованій! Кому же оно передало ихъ, что стоитъ теперь обнаженное отъ всѣхъ этихъ надеждъ и упованій, отъ всякой гуманности и терпимости? На порогѣ XIX в. это были патеры и сержанты, для кого было принесено въ жертву все великое, недавно съ такимъ энтузіазмомъ и жертвами завоеванное. На порогѣ XX в. это такъ именуемый „желтолицый космополитъ“, нѣкогда носившій названіе золотого тельца, потомъ долгое время разныя презрительныя клички, а теперь, казалось-бы, невозбранно воцарившійся въ сердцахъ и умахъ народовъ и столь же властно и повелительно освобождающій ихъ отъ всѣхъ завоеваній просвѣтительнаго, освободительнаго и гуманистическаго движенія XIX вѣка, какъ столѣтіе тому назадъ ту же благодарную миссію относительно культурныхъ завоеваній XVIII в. совершали обскурантизмъ и опирающаяся на солдатчину тираннія кleликарно-феодальныхъ классовъ. На помощь этихъ клерикально-феодальнымъ классамъ, по существу своему исполненнымъ космополитизма, явилось уже и тогда безсознательное, расовое чувство національной исключительности и нетерпимости, которое позже получило названіе „національзма“. И теперь „желтолицый космополитъ“ беззастѣнчиво пользуется услугами того же національзма, нынѣ выросшаго, окрѣпшаго и вполнѣ созрѣвшаго. Это уже не тотъ младенецъ, не знавшій родства и свойства, для котораго всѣ были свои, и Кернеръ, и Гарденбергъ, и Гарибальди, и Бисмаркъ, и Шевченко, и О'Доннель... Теперь уже въ его средѣ нѣтъ мѣста для Гарибальди или Шевченко, но за то просторно: и для всѣхъ клекирально-феодальныхъ пережитковъ, еще утомляющихъ міръ своими притязаніями; и для всѣхъ рабовъ желтолицаго космополита, уже позорящихъ міръ своей беззастѣнчивостью; и для всѣхъ некультурныхъ элементовъ въ средѣ культурныхъ націй; и для всѣхъ дураковъ, бахваловъ и даже мошенниковъ всего цивилизованнаго міра. „Торжество картечи и штыковъ“— это не ново, хотя ужасно. Ново и вмѣстѣ съ тѣмъ омерзительно это торжество дураковъ и мошенниковъ, откровенныхъ дураковъ, какъ Деруледъ, и откровенныхъ плутовъ, какъ Чемберленъ. Побѣдный пэанъ этихъ новыхъ формацій „націоналистовъ“ наполняетъ собою современность и вызываетъ въ наблюдателѣ именно чувство брезгливости, смѣшанное порой съ чувствомъ глубокаго состраданія къ темной массѣ, слѣдующей за этими вождями, и съ чувствомъ смущенія за будущность этой великой и благородной цивилизаціи, такъ жестоко унижаемой ея лучшими націями, ея творцами и носителями.

И позоръ южно-африканской драмы, и столпотвореніе вавилонское въ Китаѣ, и внутреннія дѣла великихъ націй Европы и Америки, все соединилось въ этомъ 1900 году, какъ въ фокусѣ, чтобы до боли ярко освѣтить эти стыдныя обнаженія современности.

II.

Начнемъ съ выборовъ въ Англіи, на шесть-семь лѣтъ утвердившихъ у власти то правительство, которое унизило свое великое отечество южно-африканскимъ разбоемъ и которое ведетъ теперь тоже двусмысленную игру въ Китаѣ. Выбрано на октябрскихъ генеральныхъ выборахъ:

Консерваторовъ (тори)	332
Либераловъ-уніонистовъ	69
Итого министерскихъ	401
Либераловъ малобританцевъ	105
Либераловъ имперіалистовъ	79
Ирландскихъ націоналистовъ	82
Соціалистовъ	3
Итого оппозиціи	269

Изъ общаго числа 670 избраній.

Пять лѣтъ тому назадъ на генеральныхъ выборахъ 1895 года министерская партія провела 411 кандидатовъ, а соединенная оппозиція только 259. Однако въ теченіе пяти лѣтъ частные выборы постепенно усилили соединенную оппозицію до 271 голоса, понизивъ число министерскихъ голосовъ до 399, такъ что, если на нынѣшнихъ выборахъ оппозиція и выиграла, сравнительно съ генеральными выборами 1895 года, десять мѣстъ, то сравнительно съ положеніемъ наканунѣ распущенія потеряла два мѣста. Та громадная имперіалистская эволюція, театромъ которой именно въ эти пять лѣтъ была британская имперія, придаетъ особое значеніе этому генеральному опросу британскаго населенія. Въ виду этого считаю весьма поучительнымъ и важнымъ дать по возможности детальный анализъ октябрскихъ выборовъ этого года. Для болѣе яснаго представленія и пониманія хода и смысла этихъ выборовъ, необходимо предварительно напомнить тѣ довольно непохожія на континентальную практику постановленія, которыя регулируютъ выборы въ Англіи и которыя въ значительной степени отклоняются отъ общепринятой въ другихъ странахъ равноправности избирателей и избирательныхъ округовъ.

Нынѣшняя избирательная система въ Англіи сложилась постепенно посредствомъ осторожнаго реформированія средневѣковой системы, господствовавшей до 1832 года. До Генриха VI графства (села) пользовались всеобщимъ избирательнымъ правомъ, но въ эту эпоху парламентъ ограничилъ избирательное право

имущественнымъ цензомъ. Графства имѣли, однако, незначительное численное представительство, именно 74 депутата при 332 депутатахъ отъ городовъ и мѣстечекъ. Дѣло въ томъ, что каждое графство, каждый городъ и каждое мѣстечко избирали одинаково по два депутата. Возникновеніе новыхъ городовъ и привилегированныхъ мѣстечекъ вызывало постепенное увеличеніе депутатовъ, но только городскихъ, тогда какъ 37 графствъ Англіи по прежнему представлялись 74 депутатами. Общее же число депутатовъ достигло къ началу XVIII в. цифры 503; въ 1707 году къ нимъ присоединились 47 отъ Шотландіи, а въ концѣ XVIII в. еще 100 отъ Ирландіи, всего къ началу XIX в. 650 членовъ. Реформа 1832 года не посягнула на это исторически сложившееся число, а только перераспредѣлила его нѣсколько справедливѣе. Не вводя новой системы, разсчитанной на соотвѣтствіе между числомъ избирателей и числомъ избираемыхъ ими представителей, реформа только устранила слишкомъ яркія несоотвѣтствія. Были мѣстечки, избиравшія по два депутата, но фактически уже совсѣмъ не существовавшія. За нихъ назначали депутатовъ мѣстные лендлорды. Были другія мѣстечки, обратившіяся въ маленькія деревеньки, но неизмѣнно посылавшія по два депутата, столько же, сколько и Лондонъ, или одно изъ 57 графствъ, на которыя къ этому времени была раздѣлена вся Англія. Такія несоотвѣтствія и были устранены парламентскою реформою 1832 года. Прежде всего увеличено число графствъ до цифры 82 и въ ихъ составъ включено 56 мѣстечекъ съ населеніемъ менѣе 2000 жителей, лишившихся особаго представительства. Кромѣ того, 21 мѣстечко съ населеніемъ отъ 2 до 4 тысячъ жителей сохранили лишь по одному представителю (вмѣсто прежнихъ двухъ). 22 города, возникшіе въ новое время и не имѣвшіе вовсе представительства, получили по два депутата и 24—по одному. Шотландіи было прибавлено 8, Ирландіи—3 мѣста въ парламентѣ. Въ такомъ видѣ избирательная система просуществовала до 1867 года.

Реформа 1867 года была отвѣтомъ, въ значительной степени вынужденнымъ все возраставшей агитаціей въ средѣ рабочихъ классовъ, на потребность современнаго англійскаго общества демократиризовать свои учрежденія. Въ этомъ отношеніи, реформа достигла многаго. Въ городахъ всѣ квартиронаниматели, уплачивающіе налогъ для бѣдныхъ, получили избирательноо право. Это почти всеобщее избирательное право. Число городскихъ избирателей болѣе, чѣмъ утроилось. Въ графствахъ былъ удержанъ имущественный цензъ, слегка пониженный; число избирателей возрасло процентовъ на тридцать. Нѣкоторыя, но очень незначительныя, модификаціи были сдѣланы въ смыслѣ болѣе справедливаго перераспредѣленія представительства. Несоотвѣтствія оставались, однако, изъ самыхъ несообразныхъ. Такъ, сто тридцать

депутатовъ большихъ городовъ являлись представителями 11 милліоновъ жителей, 283 депутата графствъ представляли 19 милліоновъ, тогда какъ три милліона избирателей мелкихъ городовъ посылали 230 представителей. Въ послѣднихъ одинъ депутатъ являлся представителемъ 13 тысячъ жителей, а въ графствахъ—67 тысячъ, въ большихъ городахъ—даже свыше 80 тысячъ! Несоотвѣтствіе, приблизительно пятикратное... И внутри этихъ крупныхъ группъ оставалось много несправедливости. Такъ, 12 милліоновъ жителей однихъ графствъ имѣли 125 депутатовъ (одинъ представитель отъ приблизительно 90 тыс. жителей), а 7 милліоновъ жителей другихъ графствъ—158 представителей (одинъ на 44 тыс.) и т. д. Справедливость, какъ мы увидимъ позже, невыгодна консерваторамъ, которые, однако, были авторами реформы 1867 года. Эта реформа была, за всѣмъ тѣмъ, такимъ всетаки большимъ успѣхомъ, что либералы ее поддержали. Гладстонъ ее дополнилъ въ 1872 году введеніемъ тайной подачи голосовъ. Въ такомъ видѣ избирательная система просуществовала до 1885 года, когда новая, послѣдняя по времени, реформа внесла въ нее новыя, весьма существенныя улучшенія, все еще окончательно не устранивъ только что указанныхъ пережитковъ средневѣковой избирательной системы, основанной не на общемъ правѣ, а на частныхъ привилегіяхъ.

Реформа, проведенная Гладстономъ въ 1885 году, имѣла своей главной задачей распространить на сельское населеніе тѣ избирательныя права, которыя въ 1867 году получило городское населеніе. Теперь, уже повсемѣстно, въ городахъ и графствахъ, господствуетъ одно и тоже избирательное право. Избирателемъ признается 1) всякое лицо мужского пола, занимающее, въ качествѣ собственника или нанимателя, отдѣльное жилое помѣщеніе, обложенное налогомъ; и 2) всякое лицо мужского пола, нанимающее непосредственно отъ владѣльца часть жилого помѣщенія съ платою не менѣе 10 фунтовъ стерлинговъ въ годъ (около 95 рублей) и прожившее въ данномъ избирательномъ округѣ не менѣе двѣнадцати мѣсяцевъ (ограниченіе, исключающее не малое число городскихъ рабочихъ). Реформа увеличила численность избирателей съ трехъ милліоновъ до 5,709,000 въ 1886 году, а естественный приростъ населенія довелъ въ 1900 году эту цифру до 6.600,000 голосовъ. И однако реформъ-билль 1885 года все еще не далъ всеобщаго избирательнаго права, принятаго во Франціи, Германіи и Америкѣ. Исключены, кромѣ лицъ, проживщихъ меньше года въ избирательномъ округѣ, еще всѣ совершеннолѣтніе, проживающіе у родственниковъ; прислуга и другія лица, проживающія по частному найму въ чужихъ квартирахъ; сельскохозяйственные батраки; лица, занимающія помѣщенія въ гостинницахъ и меблированныхъ домахъ. Тѣмъ не менѣе громадное большинство совершеннолѣтнихъ мужского пола поль-

зуются избирательными правами и вопросъ о реформѣ для расширенія избирательныхъ правъ, вѣроятно, надолго сошелъ съ очереди.

Къ реформъ-биллю 1885 года былъ приложенъ спеціальный актъ *Restribution Act*, какъ необходимое дополненіе. Въ этотъ билль о распредѣленіи представительства вошли многія существенныя улучшенія. Графства были раздѣлены на округа по 50 тысячъ жителей въ каждомъ и каждому такому округу предоставлено по одному представителю. Это уравнивало представительство въ средѣ графствъ, но не уравняло ихъ съ городами, которые продолжаютъ и теперь пользоваться преимуществомъ болѣе сильнаго представительства. Еще больше несправедливости удержалось въ средѣ самихъ городовъ, гдѣ численность избирателей въ округахъ колеблется отъ полуторы до пятнадцати тысячъ, избирающихъ однако все же по одному представителю. Чтобы вполнѣ ясно представить, до какой степени эти пережитки средневѣковья отражаются на исходѣ выборовъ, довольно сказать, что на настоящихъ выборахъ 1900 года консервативные депутаты представительствуютъ въ среднемъ $5^1/_2$ тыс. избирателей, а либеральные свыше 10 тыс. Привилегированные округа большею частью держатся консервативнаго образа мысли. При совершенно справедливомъ распредѣленіи представительства въ полномъ соотвѣтствіи съ распредѣленіемъ избирателей, число либеральныхъ депутатовъ должно бы было возрасти процентовъ на тридцать, не меньше. Это не дало бы оппозиціи большинства, потому что нѣтъ такого большинства и въ избирательномъ корпусѣ, но значительно смягчало бы впечатлѣніе этого торжества разнузданности и разбоя, которое производитъ выборы 1900 года.

III.

Палата общинъ въ Англіи избирается на семь лѣтъ, но, по установившемуся обычаю, никогда не доживаетъ полнаго своего срока. Слишкомъ большая законная продолжительность полномочій палаты вполнѣ объясняетъ и оправдываетъ этотъ обычай, но вмѣстѣ съ тѣмъ вводитъ въ политическую жизнь страны элементъ избирательной политики, неизвѣстный другимъ парламентскимъ странамъ. Партія, находящаяся при власти, имѣетъ возможность по собственному произволу выбирать наиболѣе для себя удобный моментъ для распущенія парламента и назначенія новыхъ генеральныхъ выборовъ. Четырнадцатому парламенту королевы Викторіи, избранному въ 1895 году, оставалось еще два года законныхъ полномочій. Министерство въ немъ распологало внушительнымъ большинствомъ, вполнѣ ему вѣрнымъ и послушнымъ. Что же могло побудить министерство распустить

эту преданную палату и обратиться къ новому опросу избирателей? Исключительно только увѣренность, что настоящій моментъ гораздо благопріятнѣе сторонникамъ министерства, чѣмъ всякій иной, возможный въ будущемъ. Это, конечно, маневръ, рѣшительно немыслимый въ странахъ съ болѣе благоразумными сроками полномочій, но обычай освятилъ обращеніе къ такимъ избирательнымъ маневрамъ, которые, однако, не могутъ не отражаться вредно на политической жизни.

Когда въ концѣ 1878 года графъ Биконсфильдъ и маркизъ Сольсбери возвратились съ берлинскаго конгресса, окруженные ореоломъ: торжества надъ Россіей; захвата Кипра; покупки суэцскихъ акцій; протектората надъ Турціей; разгрома Афганистана, наказаннаго за сочувствіе Россіи; грома провозглашенія королевы Викторіи императрицей Индіи и т. д., и т. д., въ это время друзья министерства совѣтовали распустить парламентъ и сдѣлать выборы, когда избирательный корпусъ находится подъ впечатлѣніемъ этихъ торжествъ и успѣховъ. Графъ Биконсфильдъ предпочелъ, однако, управлять страною, опираясь на готовый уже, преданный и послушный парламентъ. Онъ распустилъ его только черезъ два года. Избирательный корпусъ уже успѣлъ почувствовать на своихъ карманахъ дороговизну всѣхъ этихъ имперіалистскихъ успѣховъ, всего этого блеска, оплачиваемаго чистою монетою. А съ другой стороны, время дало возможность противникамъ собрать богатый матеріалъ для безпощадной критики биконсфильдовскаго режима. Въ результатѣ выборы 1880 года нанесли пораженіе имперіализму и передали власть либераламъ. Палата 1874 года заключала 350 консерваторовъ противъ 302 всѣхъ оппозиціонныхъ партій. Выборы 1880 года послали въ палату 349 либераловъ противъ 235 консерваторовъ и 68 ирландскихъ націоналистовъ, тогда еще одинаково враждебнымъ обѣимъ великимъ англійскимъ партіямъ. Весьма возможно, что въ концѣ 1878 или въ началѣ 1879 годовъ шансы были бы другіе, и что графъ Биконсфильдъ могъ бы продержаться при власти лишнихъ три-четыре года. Не невозможно, что исторія Европы сложилась бы въ такомъ случаѣ нѣсколько иначе. Причиной, что это графу Биконсфильду не удалось, то обстоятельство, что онъ не рѣшился прибѣгнуть къ избирательному маневру, къ которому нынѣ въ 1900 году рѣшились прибѣгнуть маркизъ Сольсбери и Джозефъ Чэмберлэнъ. Какъ и въ 1878 году, теперь въ 1900 году избиратели находятся въ упоеніи успѣхами имперіализма, но еще не почувствовали, какъ въ 1880 году, стоимости этого упоенія. Оппозиція не имѣла времени изучить дѣятельность торжествующаго министерства и не могла, слѣдовательно, и разъяснить ее избирательному корпусу. Медлить со стороны министерства было бы неблагоразумно, и въ сентябрѣ 1900 года королева Викторія подписала декретъ о распущеніи своего четырнадцатаго парламента

и о созывѣ избирателей на 29 сентября по 15 октября для избранія пятнадцатаго парламента этого много видавшаго правленія. Срокъ отъ распущенія до выборовъ былъ назначенъ наименьшій законный, все съ тою же цѣлью не дать времени для развитія оппозиціонной критики. Нѣкоторый расколъ въ средѣ оппозиціонныхъ партій еще болѣе поощрялъ министерство, которое не скрывало, что разсчитываетъ прямо раздавить своихъ противниковъ, низвести нѣкогда могущественную либеральную партію до совершеннаго ничтожества, до quantité negligeable, какъ измѣнницу отечества. Таковы были замыслы и съ такими надеждами, если не вся консервативная партія, то значительная ея часть и особенно Чэмберлэновскіе уніонисты приступили къ генеральнымъ выборамъ. Избирательный корпусъ даровалъ побѣду министерству, но пылкихъ надеждъ Джозефа Чэмберлэна и его почитателей не оправдалъ. Около двухъ милліоновъ избирателей все еще оказываютъ приверженность измѣнникамъ, не одобряютъ торжествующаго разбоя и не смѣшиваютъ разбоя съ патріотизмомъ.

Общіе итоги выборовъ мы привели выше. Теперь мы обратимся къ анализу деталей, изъ которыхъ многія весьма поучительны. Англійскій избирательный корпусъ естественно распадается на нѣсколько обособленныхъ группъ. Это, во-первыхъ, Шотландія, Ирландія и Уэльсъ, имѣющія каждая свою особую избирательную физіономію. Во-вторыхъ, Лондонъ съ его четырехмилліоннымъ населеніемъ и всемірно господствующею плутократіей долженъ быть выдѣленъ. И наконецъ, въ третьихъ, въ Англіи собственно надо различать города и графства, рѣдко консонирующія въ своихъ симпатіяхъ.

Лондонъ имѣетъ 62 депутата, изъ коихъ въ 14 округахъ издавна выборами распоряжается консервативная партія, и въ настоящемъ году либералы тамъ и не выставили своихъ конкуррентовъ. Преобладаніе консерваторовъ и въ другихъ округахъ Лондона весьма замѣтно. Въ противоположность другимъ столицамъ Европы, Лондонъ всегда отличался консерватизмомъ. Вотъ итоги послѣднихъ пяти генеральныхъ выборовъ; избрано:

	1885	1886	1892	1895	1900
Либералы	25	11	25	8	8
Консерваторы . .	37	49	36	51	53
Уніонисты . . .	—	2	1	3	1
S =	62	62	62	62	62

Такимъ образомъ, въ настоящее время либеральная партія удерживаетъ едва 1/8 столичныхъ полномочій и никогда не достигала ихъ половины. Сравнительно съ выборами 1895 года оппозиція ничего не потеряла. Въ средѣ министерской партіи

чистые консерваторы, старые тори выиграли на счетъ чэмберлэновскихъ soi disant либераловъ-уніонистовъ.

Англійскіе города вообще болѣе слѣдуютъ Лондону, нежели другія группы избирателей. Это видно изъ нижеслѣдующей таблицы:

	1885	1886	1892	1895	1900
Либералы	86	49	68	41	38
Консерваторы . .	75	93	81	99	102
Уніонисты . . .	—	19	12	21	21
S =	161	161	161	161	161

Быть можетъ, не мѣшаетъ напомнить, что въ 1885 году либеральная партія еще не выдѣлила изъ себя уніонистовъ. Еще объединенная, она имѣла нѣкоторое большинство въ городахъ Англіи, но съ 1886 года и въ настоящее время не можетъ соединить и 1/4 избирательнаго корпуса этого разряда. Въ отличіе отъ Лондона здѣсь сохраняютъ силу и чэмберлэновскіе уніонисты. Сюда входитъ ихъ плацдармъ, богатый и вліятельный Бирмингамъ.

Англійскія села даютъ слѣдующія числа представителей:

	1885	1886	1892	1895	1900
Либералы	135	69	104	67	79
Консерваторы . .	98	131	113	139	132
Уніонисты . . .	—	33	16	27	22
S =	233	233	233	233	233

Тенденція, обнаруженная графствами, нѣсколько иная, чѣмъ въ Лондонѣ и городахъ. Тамъ, сравнительно съ выборами 1895 года, либералы проиграли, здѣсь выиграли. Проиграли-же и консерваторы, и уніонисты. Менѣе зависимое отъ коммерческихъ успѣховъ, связанныхъ съ имперіализмомъ, сельское населеніе и меньше обольщается блескомъ этихъ успѣховъ. Всетаки, покоренное имперіализмомъ, оно высказываетъ, однако, нѣкоторую тенденцію къ отрезвленію и по сравненію съ прошлымъ, и по сравненію съ городами, хотя все-же его настоящее состояніе соотвѣтствуетъ настоящему и другихъ двухъ группъ англійскихъ избирателей. Для Англіи вообще тѣ-же данныя:

	1885	1886	1892	1895	1900
Либералы	246	129	197	116	125
Консерваторы . .	210	273	230	289	287
Уніонисты . . .	—	54	29	51	44
S =	456	456	456	456	456

Общая тенденція выборовъ вполнѣ ясна. Англія предана имперіализму, но не въ такой мѣрѣ имъ обольщена, какъ то вообра-

жали чэмберлэновцы. Около одной четвертой части представителей отдала Англія оппозиціи, не больше, но не только не уменьшила ея численность сравнительно съ прошлымъ парламентомъ, напротивъ, увеличила на девять голосовъ, отнявъ ихъ преимущественно не у старыхъ тори, а у чэмберлэновскихъ уніонистовъ.

Любопытную эволюцію предъявляетъ намъ Шотландія, эта недавняя неприступная цитадель либерализма. Вотъ цифры:

	1885	1886	1892	1895	1900
Либералы	63	42	51	39	35
Консерваторы . .	7	10	9	18	17
Уніонисты . . .	—	18	10	13	18
S =	70	70	70	70	70

Либеральное большинство, еще удержанное даже въ 1895 году, потеряно въ 1900 году. Есть, впрочемъ, нѣкоторое основаніе думать, что шотландскіе либералы-уніонисты остались ближе къ либерализму, нежели англійскіе и что изъ нихъ значительное число не можетъ быть зачислено въ контингентъ чэмберлэновской команды. Замѣчательно, что и въ Шотландіи города даютъ примѣръ этой эволюціи отъ либерализма къ имперіализму.

Кромѣ большой шотландской цитадели либерализма на сѣверѣ Великобританіи, на родинѣ Гладстона, либерализмъ всегда имѣлъ небольшое, но стойкое укрѣпленіе на юго-западѣ въ маленькой горной странѣ кельтическаго Уэльса, котораго свободолюбивое и мужественное населеніе оставалось всегда глухо ко всѣмъ обольщеніямъ всѣхъ консерваторовъ, джингоистовъ и имперіалистовъ всего британскаго міра. Вотъ современныя данныя для характеристики избирательной физіономіи Уэльса:

	1885	1886	1892	1895	1900
Либералы	28	23	28	22	26
Консерваторы . .	3	5	3	8	5
Уніонисты . . .	—	3	—	1	—
S =	31	31	31	31	31

Уэльсъ остался вѣренъ своимъ прогрессивнымъ и гуманнымъ традиціямъ. Онъ можетъ гордиться къ тому-же, что два лучшихъ и достойнѣйшихъ вождя англійскаго либерализма, Вильямъ Гаркортъ и Джонъ Морлей, засѣдаютъ въ парламентѣ, какъ представители маленькаго, но отнюдь не ничтожнаго кельтическаго уголка Англіи.

Изъ вышенамѣченныхъ избирательныхъ группъ остается еще разсмотрѣть Ирландію, изъ пяти графствъ которой одно, именно Эльстеръ (Ulster) съ главнымъ городомъ Бельфастомъ, населено протестантскимъ большинствомъ и является опорнымъ пунктомъ уніонизма. Англофилы пробуютъ еще свои силы и въ нѣкоторыхъ

кварталяхъ Дублина. Остальная Ирландія въ неоспоримой власти ирландцевъ націоналистовъ. Здѣсь или происходятъ выборы безъ оппозиціи, или состязаются между собою разныя фракціи ирландскихъ націоналистовъ. На выборахъ 1892 и 1895 годовъ существовалъ рѣзкій расколъ въ средѣ ирландскихъ націоналистовъ, дѣлившихся на парнеллистовъ и антипарнеллистовъ. Извѣстно, что въ началѣ 1900 года этому расколу положенъ конецъ, и партія снова объединилась подъ предводительствомъ Редмонда, бывшаго до этого лидеромъ парнеллистской фракціи. Это событіе очень упростило избирательную кампанію въ Ирландіи. Результаты ея выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ:

	1885	1886	1892	1895	1900
Націоналисты . .	86	85	81	83	83
Консерваторы . .	16	15	17	15	16
Либ.-уніонисты . .	—	2	4	4	3
S =	102	102	102	102	102

Націоналисты удержали свои позиціи, а консерваторы выиграли одно мѣсто на счетъ уніонистовъ Чэмберлэна. Хотя ирландскихъ націоналистовъ воодушевляютъ чувства и направляютъ идеи иныя, чѣмъ либераловъ Великобританіи, но въ практической политической жизни съ 1886 года это вполнѣ союзныя, если и не всегда солидарныя, группы, вѣрно поддерживающія либераловъ и горячо ратующія противъ консерваторовъ и чэмберлэновцевъ. Поэтому, сводя въ нижеслѣдующей таблицѣ всѣ вышеприведенныя цифры, я присоединяю націоналистовъ къ либераламъ. Но прежде этой сводной таблички надо упомянуть еще объ одной группѣ избирателей, доселѣ нами не введенной ни въ одну табличку. Я разумѣю университеты, которые въ видѣ средневѣкового пережитка пользуются привилегіей автономнаго представительства въ палатѣ общинъ. Если сообразить, что здѣсь вмѣсто нѣсколькихъ тысячъ избирателей посылаютъ представителя, а иногда и двухъ, какихъ-нибудь нѣсколько десятковъ теологовъ, медиковъ и юристовъ, то совершенная ненормальность этого пережитка не можетъ не бросаться въ глаза. Значеніе интеллектуальныхъ вождей должно сказываться не привилегіями, а естественнымъ вліяніемъ ихъ умственнаго превосходства. Англійскіе университеты, Оксфордскій и Кембриджскій, имѣютъ по два представителя, Лондонскій—одного. Изъ этихъ пяти академическихъ депутатовъ Англіи три консерватора и два либерала-уніониста. Изъ двухъ академическихъ депутатовъ Шотландіи одинъ консерваторъ, одинъ либералъ-уніонистъ. Два академическихъ представительства отъ Ирландіи (оба отъ протестантскаго дублинскаго университета) тоже подѣлены между консерваторомъ и либераломъ-уніонистомъ (извѣстный философъ Лекки). Такимъ образомъ,

всѣ девять академическихъ представителей принадлежатъ министерской партіи, поддерживаютъ имперіализмъ и одобряютъ южно-африканскій разбой!

Сводимъ данныя воедино (безъ университетовъ):

	1885	1886	1892	1895	1900
Либераловъ . . .	423	279	357	260	269
Консерваторовъ .	236	303	259	331	325
Уніонистовъ . .	—	77	43	68	65
S =	659	659	659	659	659

Съ университетами 668 избраній.

Итоги показываютъ, что въ эти детальные подсчеты не введены еще не полученныя данныя о двухъ избирательныхъ округахъ. Валовые итоги, принесенные телеграфомъ, даны выше въ началѣ статьи. Предложенный же здѣсь подсчетъ даетъ достаточно матеріала для сужденія о ходѣ и исходѣ этихъ знаменательныхъ не для однихъ англичанъ выборовъ.

IV.

Значеніе обсуждаемыхъ нами теперь выборовъ прежде всего заключается въ закрѣпленіи у власти настоящаго консервативно-уніонистскаго министерства, а съ другой стороны, въ сохраненіи ему въ парламентѣ искусной, убѣжденной и не безсильной оппозиціи. Оба эти факта, или вѣрнѣе, обѣ эти стороны одного факта имѣютъ въ высокой степени большое значеніе для исторіи ближайшаго пятилѣтія всего земного міра. Ни консерваторы, ни чэмберлэновскіе уніонисты не имѣютъ, отдѣльно взятые, большинства въ палатѣ. Консерваторамъ не хватаетъ всего четырехъ голосовъ до половины голосовъ. Немного это, но всетаки не хватаетъ. Такимъ образомъ, коалиція становится по прежнему необходимою, и однородность кабинета остается по прежнему невозможною. Эта необходимость коалиціи имѣетъ своимъ послѣдствіемъ два факта: съ одной стороны, внѣшняя предпріимчивость и беззастѣнчивость чэмберлэновскаго имперіализма будетъ по прежнему умѣряема болѣе культурными традиціями маркиза Сольсбери, Бальфура и другихъ вождей стараго торизма; а съ другой стороны, разладъ между теоретическими принципами, исповѣдуемыми двумя союзными партіями, сдѣлаетъ по прежнему вниманіе къ внутреннимъ вопросамъ и задачамъ весьма мало плодотворнымъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма затруднительнымъ и даже невозможнымъ. Продолженіе застоя во внутреннихъ дѣлахъ и тѣмъ болѣе настойчивое отвлеченіе національнаго вниманія къ дѣламъ внѣшнимъ, такова есте-

ственная политика англійскаго правительства въ теченіе ближайшихъ пяти-шести лѣтъ. Въ чемъ будетъ заключаться эта активная иностранная политика Англіи, будетъ въ значительной степени зависѣть отъ исхода президентскихъ выборовъ въ Соединенныхъ Штатахъ и отъ того очень важнаго обстоятельства, насколько прочно положеніе Чэмберлэна и его партіи въ кабинетѣ и насколько склонны будутъ консерваторы и либералы-имперіалисты вступить въ союзъ, тѣмъ разрушивъ союзъ консерваторовъ и либераловъ-уніонистовъ. Въ высокой степени важно констатировать, что выборы 1900 года, сохранивъ для консерваторовъ необходимость коалиціи, открыли имъ возможность выбора и освободили ихъ отъ неизбѣжнаго присутствія въ кабинетѣ Чэмберлэна и его клевретовъ.

Я уже говорилъ выше, что частью консерваторы, но главнымъ образомъ Чэмберлэнъ и либералы-уніонисты, начиная избирательную кампанію 1900 года, разсчитывали раздавить либеральную гладстоніанскую оппозицію. Въ качествѣ либераловъ, чэмберлэновцы могли разсчитывать замѣнить гладстоніанцевъ и, вмѣстѣ съ прежними своими голосами, образовать въ парламентѣ однородное либерально-чэмберлэновское большинство. Не только этого ожидали сами чэмберлэновцы, но этого опасались и либералы, и консерваторы. Кабинетъ Чэмберлэна казался близкимъ, и его шансы, составъ и программа открыто обсуждалась, какъ весьма вѣроятная комбинація. Избирательный корпусъ судилъ иначе. Онъ прислалъ въ парламентъ только 69 чэмберлэновцевъ вмѣсто 340, на которыхъ minimum разсчитывали (большинство составляетъ 336), и взамѣнъ 70 засѣдавшихъ въ распущенной палатѣ. Комбинація съ кабинетомъ Чэмберлэна разсѣялась, какъ дымъ. Избиратели возобновили свое довѣріе министерству, но больше Сольсбери и Бальфуру, чѣмъ Чэмберлэну, оставивъ ему лишь ту долю значенія и вліянія, которая дается необходимостью для консерваторовъ имѣть союзниковъ. Необходимость имѣть союзникомъ непремѣнно Чэмберлэна стала для консерваторовъ далеко не столь настоятельною, какъ была раньше, такъ что желанные выборы не только не укрѣпили, но даже ослабили положеніе Чэмберлэна, уже предвкушавшаго прелесть единоличнаго господства. Образованіе фракціи либераловъ-имперіалистовъ можетъ быть тому причиною и можетъ повести къ паденію Чэмберлэна и вѣроятному въ такомъ случаѣ распаденію всей его фракціи, хотя въ настоящее время отношеніе и либераловъ имперіалистовъ къ кабинету и его политикѣ настолько отрицательное и порою даже страстное, что необходимо нѣкоторое время для наступленія возможности новой комбинаціи. Она еще не созрѣла, но сама группа либеральныхъ имперіалистовъ заслуживаетъ съ нашей стороны нѣкотораго вниманія, какъ возможный вліятельный факторъ современной исторіи.

Прежде всего, не мѣшаетъ напомнить, что многіе вліятельные либералы выступили горячими противниками всякаго имперіализма. Вмѣсто британской имперіи, этой Greater Britain панбританистовъ, они девизомъ своимъ выдвинули сохраненіе неприкосновенною безъ всякихъ инородныхъ придатковъ старой исторической Британіи. Отсюда и названіе *малобританцевъ*, нерѣдко употребляемое то въ примѣненіи къ большинству либеральной партіи, то къ наиболѣе радикальнымъ ея элементамъ. Это-то движеніе малобританизма и вызвало среди болѣе умѣренныхъ либераловъ движеніе великобританизма и даже не столько движеніе, сколько отмежеваніе себя отъ малобританизма. Это прежде всего графъ Розберри, недавно лидеръ всей либеральной партіи и вѣрный гладстоніанецъ. Затѣмъ очень выдвинулся тоже видный гладстоніанецъ, бывшій министръ послѣдняго либеральнаго кабинета, Асквитъ. Заявленная ими внутренняя программа вѣрно либеральная, до ирландскаго гомруля включительно; во внѣшней политикѣ они страстно порицаютъ вѣроломную политику Чэмберлэна въ Южной Африкѣ, но присоединяются къ ея задачамъ. Таже двойственность и въ другихъ внѣшнихъ вопросахъ. Либеральныхъ имперіалистовъ избрано, какъ выше упомянуто, семьдесятъ девять, т. е. десятью больше, нежели чэмберлэновскихъ либераловъ - уніонистовъ. Очевидно, фракція либерально-имперіалистская достаточно сильна, чтобы замѣнить въ случаѣ надобности фракцію Чэмберлэна въ коалиціонномъ кабинетѣ. Покамѣстъ она не желаетъ выдѣляться изъ либеральной партіи, и это было бы для нея совершенно возможно и даже не затруднительно при господствѣ внутреннихъ вопросовъ, но при господствѣ вопросовъ иностранной политики либеральнымъ имперіалистамъ будетъ очень трудно уживаться въ одной партіи съ малобританцами. Авторитетъ Гладстона заставлялъ уживаться вмѣстѣ и не такіе диссонансы, но гдѣ теперь такой авторитетъ? Баннерманъ-Кэмпбель довольно удачно эквилибрируетъ между либеральными имперіалистами и малобританцами, но эквилибрированіе это показываетъ большое политическое искусство почтеннаго лидера парламентскихъ либераловъ, но не импонируетъ авторитетомъ. Весьма возможно поэтому, что черезъ нѣкоторое время мы увидимъ выдѣленіе либеральныхъ имперіалистовъ изъ состава либеральной партіи и образованіе новой фракціи, въ которую могутъ войти и болѣе чистые изъ нынѣшнихъ либеральныхъ уніонистовъ. Что касается возможной, затѣмъ, коалиціи либеральныхъ имперіалистовъ съ консерваторами съ замѣною Чэмберлэна графомъ Розберри, то, не гадая о возможной и вѣроятной программѣ такой коалиціи, можно сказать и теперь уже одно, что это внесло бы больше корректности въ политику Англіи, иностранную и особенно колоніальную.

Въ заключеніе этого обзора октябрьскихъ выборовъ въ Ан-

глiи остановимся на нѣсколькихъ частныхъ эпизодахъ избирательной борьбы. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить пораженіе сэра Ораса Плёнкета, министра земледѣлія Ирландіи, бывшаго до сихъ поръ представителемъ единственнаго оранжистскаго округа Дублина. Его замѣстилъ ирландскій націоналистъ Мунэй. Это очень чувствительная неудача для консерваторовъ, которыхъ вожди энергически поддерживали сэра Плёнкета. Большинство въ округѣ, какъ уже упомянуто, оранжистское, т. е. уніонистское. Этотъ непріятный для консервативныхъ министровъ казусъ произошелъ вслѣдствіе корректности, съ которою они не хотѣли разстаться съ однимъ чиновникомъ въ департаментѣ Плёнкета, именно нѣкіимъ Джилемъ, удаленія котораго со службы потребовали оранжисты Дублина. Вина Джиля была въ томъ, что онъ по своимъ убѣжденіямъ ирландскій націоналистъ, даже парнеллистъ. Это не мѣшало ему быть исправнымъ чиновникомъ, и маркизу Сольсбери, Бальфуру и Плёнкету показалось некорректнымъ его увольненіе безъ всякой вины съ его стороны. Чэмберлэнъ, вѣроятно, поступилъ бы иначе, а Плёнкетъ былъ за это забаллотированъ, такъ какъ нѣкоторая часть оранжистовъ округа предпочла націоналиста корректному министру. Вѣроятно, Плёнкету придется оставить свой постъ. Другіе интересные выборы были въ Нортгемптонѣ въ Англіи. Городъ имѣетъ двухъ депутатовъ и въ 1895 году послалъ въ палату одного либерала (извѣстнаго Лабушера) и одного консерватора (нѣкоего мистера Дэркера). Лабушеръ въ послѣднее время за свои сношенія съ государственными людьми Оранжа и Трансвааля былъ разславленъ измѣнникомъ отечества, и велась самая беззастѣнчивая агитація съ цѣлью, опираясь на эту клеветническую басню самого великаго Чэмберлэна, не допустить переизбранія Лабушера. Нортгемптонскіе избиратели не оправдали, однако, этихъ благородныхъ надеждъ патріотовъ своего отечества. Они не только переизбрали ненавистнаго либерала, но и въ товарищи ему дали, вмѣсто консерватора, еще одного либерала. За то другой депутатъ, виновный въ сношеніяхъ съ государственными людьми южно-африканскихъ республикъ, Кларкъ, не переизбранъ къ великому торжеству имперіалистовъ. Къ еще большему ихъ торжеству не переизбранъ Лаусонъ, старый испытанный либералъ, сподвижникъ Гладстона. Непростительное преступленіе почтеннаго депутата заключалось въ томъ, что онъ предложилъ вычеркнуть изъ бюджета жалованье министру колоній, т. е. самому Чэмберлэну, за его южно-африканскую политику.

Быть можетъ, еще не мѣшаетъ отмѣтить, что число голосовъ, поданныхъ на выборахъ 1900 года, по сравненію съ выборами 1895 года, уменьшилось и у министерской коалиціи, и у оппозиціи. Въ 1895 году за министерскихъ кандидатовъ въ Великобританіи (безъ Ирландіи) было подано—2.267,555 голосовъ и за

оппозиціонныхъ—2,012,583, всего—4,280,138, а въ 1900 году за первыхъ—2.106,556 (меньше на 164 тыс.) и за вторыхъ—1.899,033 (меньше на 118½ тыс.), всего — меньше на 280 тыс... Перевѣсъ министерскихъ голосовъ надъ оппозиціонными въ 1895 году выразился цифрою 255 тыс. голосовъ, а въ 1900 году—212½ тыс. Эти цифры показываютъ, что въ 1900 г. интересъ къ выборамъ былъ приблизительно процентовъ на пять меньше, нежели въ 1895 году. Внутреннія же отношенія силъ соперниковъ остались почти безъ измѣненія.

Имѣлъ я добрыя намѣренія побесѣдовать съ читателями и о другихъ волнующихъ человѣчество современныхъ политическихъ вопросахъ, но англійскіе выборы отняли у насъ столько времени и мѣста, что перваго совсѣмъ не осталось, а второго очень мало. Приходится отложить.

С. Южаковъ.

Хроника внутренней жизни.

I. Изъ событій на дальнемъ Востокѣ.—Правительственное сообщеніе.—Приказы военнаго губернатора Амурской области.—По поводу мнѣній о культурѣ.—II. Сообщеніе министерства финансовъ.—Проектъ преобразованія уѣздной и сельской полиціи.—Изъ практики городской полиціи.—III. Роль закона въ жизни обывателя.—Мѣстные законы и ихъ значеніе.

I.

Въ хроникѣ прошлаго мѣсяца мы приводили состоявшееся 30 іюля постановленіе военнаго губернатора Амурской области относительно изъятія занятаго русскими войсками района Манчжуріи изъ вѣдѣнія китайскихъ властей, подчиненія этого района русской власти и заьонамъ и установленія въ немъ временнаго управленія. Вскорѣ послѣ того, какъ это постановленіе появилось въ столичной печати, въ газетахъ было обнародовано слѣдующее правительственное сообщеніе: „Въ заграничной печати въ послѣднее время появились извѣстія о состоявшемся будто бы присоединеніи къ Россіи сосѣднихъ манчжурскихъ областей. Преслѣдуемыя императорскимъ правительствомъ на дальнемъ Востокѣ задачи опредѣленно указаны были въ опубликованныхъ оффиціальныхъ сообщеніяхъ, и изъ содержанія сообщеній этихъ съ достаточною ясностью вытекаетъ, что приведенныя выше извѣстія овключеніи Манчжуріи въ предѣлы имперіи лишены всякаго

основанія“ *). Нѣсколько ранѣе сибирскія газеты сообщали, что военный губернаторъ Забайкальской области генералъ Мацѣевскій получилъ 6 сентября отъ при-амурскаго генералъ-губернатора Гродекова телеграмму слѣдующаго содержанія: „Военный министръ сообщилъ: Государь Императоръ въ видахъ скорѣйшаго возстановленія дружескихъ отношеній къ Китаю соизволилъ рѣшить не присоединять какой-либо части Китая къ русскимъ владѣніямъ, а ограничиться принятіемъ мѣръ, необходимыхъ для спокойнаго и прочнаго пользованія желѣзными дорогами, проводимыми нами черезъ Манчжурію, и для свободнаго плаванія нашихъ судовъ по Амуру“ **).

Какого рода мѣры будутъ признаны необходимыми для достиженія этихъ задачъ, покажетъ будущее. Пока же во всякомъ случаѣ до возстановленія дружескихъ отношеній съ Китаемъ еще далеко, и военныя дѣйствія въ Манчжуріи идутъ своимъ чередомъ. Характеръ этихъ военныхъ дѣйствій въ значительной мѣрѣ выясняется уже изъ опубликованныхъ распоряженій военнаго губернатора и командующаго войсками Амурской области ген.-лейт. Грибскаго. 1 августа онъ обратился къ населенію Манчжуріи съ особой прокламаціей. „Населеніе Манчжуріи!—говорилось въ ней. — До послѣдняго времени русскіе и манчжуры жили одни рядомъ съ другими въ мирѣ и это было выгодно и полезно особенно для васъ. Но мѣсяцъ тому назадъ вы сдѣлали дерзость и безуміе начать нападеніе на г. Благовѣщенскъ и жителей Россіи, забывъ, какъ страшно силенъ Великій Русскій Государь землями, людьми и оружіемъ. За это вы страшно наказаны. Гор. Айгунъ и деревни по берегу Амура, которыя смѣли напасть на русскихъ,—сожжены, войска ваши разбиты, Амуръ грязенъ отъ массы манчжурскихъ труповъ. Никто изъ жителей Манчжуріи да не посмѣетъ вернуться въ деревни, на берегу Амура находившіяся! Но жители тѣхъ городовъ и деревень, которые не поднимаютъ оружія противъ насъ, русскихъ,—не бойтесь и слушайте! Русскіе скоро придутъ во всѣ ваши города и деревни. Но вотъ вамъ крѣпкое слово: не стрѣляйте въ насъ и не причиняйте вреда нашимъ войскамъ и мирнымъ работникамъ, строющимъ желѣзную дорогу,—тогда и мы не тронемъ васъ ни пальцемъ, и вы будете совершенно спокойно жить на вашихъ поляхъ, такъ же, какъ жили всегда прежде. Но если въ какой-нибудь деревнѣ кто-нибудь будетъ имѣть дерзость стрѣлять или колоть русскаго, горе вамъ. Такая деревня или городъ будетъ уничтоженъ огнемъ, и никто изъ людей не останется въ живыхъ! По-

*) «Россія», 19 сент. 1900 г.

**) «Забайк. Обл. Вѣдомости». Цитируемъ по «Н. Времени», 26 сент. 1900 г.

этому еще разъ говорю вамъ: останьтесь на вашихъ мѣстахъ, живите спокойно, какъ прежде, работайте и торгуйте! Русскій Царь любитъ послушныхъ. Не слушайтесь дурныхъ совѣтовъ. Кто заставляетъ васъ воевать съ нами, тѣ враги ваши; отъ нихъ вамъ раззореніе и смерть! Горе вамъ, если вы будете дѣлать иначе, чѣмъ мы вамъ говоримъ" *). 28 іюля ген.-лейт. Грибскій, въ качествѣ наказного атамана амурскаго казачьяго войска, издалъ по этому войску приказъ, въ которомъ констатировалъ тотъ фактъ, что казаки организованной имъ въ іюнѣ „охранной стражи для охраны селеній, телеграфной линіи и складовъ пароходскихъ дровъ", „находясь все время въ напряженномъ состояніи при своихъ постахъ и не разъ молодецки дѣлая переправы на китайскую сторону, уничтожали китайскіе вооруженные пикеты и этимъ самымъ способствовали нашимъ регулярнымъ войскамъ въ быстрой очисткѣ Амура къ свободному и безбоязненному плаванію по нему пароходовъ, которое было на время нарушено нашимъ вѣроломнымъ сосѣдомъ". „Нынѣ, — продолжаетъ приказъ, — съ уничтоженіемъ всѣхъ китайскихъ пикетовъ и селеній, китайцы удалились въ горы и лѣса, гдѣ, образуя вооруженныя шайки, могутъ иногда выходить къ берегу рѣки и вновь тревожить наши поселки, а равно и идущіе по Амуру пароходы. Потому, чтобы доканать врага окончательно, такъ, чтобы онъ не только не могъ возвращаться шайками на самый берегъ Амура и этимъ тревожить населеніе и пароходы, но даже не могъ бы объ этомъ и помышлять, я призываю молодцовъ-казаковъ, свободныхъ отъ своихъ работъ, при всякомъ удобномъ случаѣ дѣлать переправы за Амуръ и производить поиски китайскихъ вооруженныхъ шаекъ, уничтожать таковыя шайки вмѣстѣ съ ихъ жильемъ всѣ безъ остатка, а отобранное оружіе и огнестрѣльные припасы забирать и перевозить въ станицы, гдѣ хранить впредь до особаго съ моей стороны распоряженія, а также, если представится возможнымъ, забирать съ собою и всѣ продовольственные ихъ запасы" **). Такимъ образомъ, наряду съ дѣйствіями регулярныхъ войскъ въ Манчжуріи, по своимъ пріемамъ уже достаточно далекими отъ обычаевъ европейскихъ войнъ, на Амурѣ организована и партизанская война, еще болѣе истребительная и безпощадная.

Въ предъидущей хроникѣ намъ приходилось уже говорить о томъ, что китайское и манчжурское населеніе г. Благовѣщенска, окрестныхъ деревень и всего зазейскаго района частью бѣжало въ китайскіе предѣлы, въ гораздо-же большей части своей было истреблено. Обработанныя земли, находившіяся въ обладаніи этого населенія, объявлены теперь, въ количествѣ 15,000 десятинъ, соб-

---

*) «Амурскій Край», 2 авг. 1900 г.
**) «Сѣв. Кур.», 12 сент. 1900 г.

ственностью казны и на первое время сдаются въ аренду желающимъ на условіяхъ половничества *).

Разъ у созрѣвшаго хлѣба не оказалось владѣльцевъ, всего лучше, конечно, было позаботиться о томъ, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, не пропалъ безъ всякой пользы. Другой вопросъ, однако, насколько необходимы и полезны были мѣры, которыя создали изчезновеніе владѣльцевъ этого хлѣба. Всего за двѣ недѣли до печальныхъ событій, ознаменовавшихъ начало іюля въ Благовѣщенскѣ, мѣстная газета высказывала увѣренность въ томъ, будто китайскіе и манчжурскіе обитатели города „сами должны радоваться, что переживаемый и ими тягостный историческій моментъ захватилъ ихъ какъ разъ на нашей территоріи, гдѣ,—они должны быть увѣрены,—ихъ жизнь пойдетъ столь-же мирно и тихо, какъ шла до сихъ поръ" **). Какъ извѣстно, эта увѣренность не оправдалась, и благовѣщенскимъ китайцамъ не пришлось радоваться своему пребыванію на русской территоріи. Но если избіеніе китайцевъ въ Благовѣщенскѣ хотя отчасти находитъ себѣ объясненіе въ паникѣ, охватившей населеніе и властей города, то къ позднѣйшимъ событіямъ непримѣнимо и такое, нужно сознаться, довольно плачевное объясненіе. Сожженіе ряда расположенныхъ на русской территоріи манчжурскихъ деревень, сопровождавшееся истребленіемъ множества жителей, которые съ своей стороны не брались за оружіе, не могло быть вызвано и соображеніями военной предосторожности и, очевидно, преслѣдовало лишь цѣли наказанія и устрашенія. Не остались безъ выполненія и угрозы, обращенныя къ манчжурамъ ген.-лейт. Грибскимъ въ его прокламаціи. По словамъ „Приамурскихъ Вѣдомостей", въ 20 верстахъ отъ Сянсина былъ убитъ китайцами агентъ пароходства Восточно-Китайской дороги, отставной полковникъ Винниковъ, руководившій отступленіемъ изъ Сянсина небольшой русской команды въ 17 человѣкъ. Въ наказаніе за это китайскій городъ, въ районѣ котораго сожгли русскую колонію и убили полковника Винникова, сожженъ, и на окраинахъ его выставлены объявленія, поясняющія, за что онъ подвергся сожженію *). Легко представить себѣ, что частое повтореніе такихъ дѣйствій грозитъ обратить Манчжурію въ пустыню. Конечно, война уже сама по себѣ всегда составляетъ большое зло, но если при существующихъ условіяхъ такое зло и является неизбѣжнымъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что оно не должно быть по возможности смягчаемо и ограничиваемо. Культурному европейскому народу едва-ли пристало отрекаться отъ успѣховъ, достигнутыхъ въ этомъ отношеніи цивилизаціей, и возвращаться къ первобытному азіатскому

---

*) «Ам. Край», 18 авг. 1900 г.
**) «Ам. Край», 16 іюня 1900 г.
***) Цитируемъ по «Моск. Вѣдомостямъ», 13 сент. 1900 г.

способу веденія войны, не различающему мирнаго гражданина отъ вооруженнаго воина и при малѣйшемъ сопротивленіи сметающему съ лица земли все враждебное населеніе. Къ тому-же примѣненіе этого способа войны въ столкновеніяхъ съ Китаемъ не можетъ найти себѣ оправданіе и въ той нуждѣ, которая, согласно поговоркѣ, мѣняетъ законы. Какъ выяснили военныя событія, китайцы пока все еще очень плохіе воины и во всякомъ случаѣ не могутъ быть приравнены къ какимъ-либо смѣлымъ и дерзкимъ хищникамъ, какихъ порою удается держать въ уздѣ лишь страхомъ безпощадной кары. Но, не будучи вызванъ прямою необходимостью, подобный способъ войны вмѣстѣ съ тѣмъ легко можетъ повлечь за собою результаты, прямо противоположные тѣмъ, какихъ отъ него ожидаютъ, и весьма мало соотвѣтствующіе задачѣ возстановленія добрыхъ отношеній на русско-китайской границѣ. Путемъ безпощадной партизанской войны и массовыхъ каръ, постигающихъ безразлично все населеніе тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ оказывается сопротивленіе, возможно, конечно, распространить паническій страхъ въ занятыхъ войсками областяхъ и достигнуть временнаго ихъ замиренія, но, въ концѣ концовъ, эти средства создадутъ среди побѣжденнаго народа чувства злобы и ожесточенія, которыя при первомъ удобномъ случаѣ вновь вспыхнутъ яркимъ пламенемъ. По замѣчанію одной изъ мѣстныхъ газетъ **), „какъ съ китайской, такъ и съ нашей стороны настоящее столкновеніе приняло характеръ народной войны, войны тѣмъ болѣе ожесточенной, что между воюющими сторонами лежитъ цѣлая пропасть, созданная расовымъ, историческимъ и экономическимъ антагонизмомъ“. Было-бы благоразумнѣе, однако, не обострять еще болѣе такой характеръ войны, а по возможности смягчать его. Вспышки расовой вражды, выразившіяся въ различныхъ мѣстностяхъ Сибири насиліями надъ китайцами, успѣли уже принести свои естественные плоды. Истребленіе и бѣгство многочисленнаго китайскаго и манчжурскаго населенія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Амурскаго края вызвало своего рода экономическій кризисъ, для устраненія котораго въ настоящее время приходится принимать экстренныя мѣры. Дальнѣйшее развитіе такой вражды у обѣихъ борющихся теперь сторонъ грозитъ еще болѣе серьезною опасностью. Создать на китайской границѣ такія отношенія, которыя въ ближайшемъ будущемъ могутъ разрѣшиться новымъ враждебнымъ столкновеніемъ двухъ расъ, значило бы рисковать интересами внутренняго развитія не одной только Сибири. Объ этомъ достаточно убѣдительно свидѣтельствуетъ опытъ послѣднихъ мѣсяцевъ, ознаменовавшихся пріостановкою цѣлаго ряда подготовленныхъ уже мѣропріятій во внутренней жизни страны. Между тѣмъ именно безпощадныя кары,

*) «Ам. Край», 12 іюня 1900 г.

разсчитанныя на устрашеніе, скорѣе всего способны раздуть и укрѣпить національную вражду и тѣмъ подготовить почву для новыхъ печальныхъ столкновеній, надолго задерживающихъ дѣло мирнаго прогресса. При встрѣчѣ съ стихійными народными движеніями, подобными тому, какое породило настоящія событія въ Китаѣ, важно не столько разыскать и покарать виновниковъ волненія, сколько по возможности устранить коренныя его причины. Но это послѣднее достигается въ сущности не силою оружія, а культурнымъ воздѣйствіемъ, которое не должно быть устраняемо совершенно даже и во время вооруженнаго столкновенія. Нельзя же, дѣйствуя во имя культуры, отрекаться отъ самыхъ элементарныхъ и вмѣстѣ основныхъ ея завѣтовъ.

Быть можетъ, однако, говорить это—значитъ „расточать лестные эпитеты по адресу китайской дворцовой партіи и проповѣдывать всю прелесть китайщины“? По крайней мѣрѣ, такъ, повидимому, думаютъ „Новости“, убѣждающія насъ бросить это занятіе и предоставить его „людямъ противоположнаго намъ лагеря“. Этими убѣжденіями мы обязаны предъидущей нашей хроникѣ, въ которой намъ случилось высказаться по поводу проекта „Новостей“ относительно суда дипломатіи надъ китайскимъ императорскимъ дворомъ. Наши замѣчанія на этотъ проектъ огорчили газету и она теперь жалуется, что мы „посадили ее на скамью подсудимыхъ рядомъ съ Вл. Соловьевымъ, Вильгельмомъ II и прочими жертвами неумѣстнаго публицистическаго азарта“. Въ своемъ огорченіи газета не замѣтила, что въ нашей статьѣ рѣчь идетъ исключительно о русской печати и ни одного слова не говорится о Вильгельмѣ II. Этотъ странный способъ изложенія чужихъ статей не мѣшаетъ „Новостямъ“ утверждать, что онѣ ничего не имѣютъ противъ критики ихъ взглядовъ, но настаиваютъ на томъ, чтобы эта критика „оставалась на почвѣ дѣйствительно высказанныхъ ими мнѣній, а не фантазій противниковъ“. Должно быть, въ видахъ большаго доказательства своего уваженія къ критикѣ газета вслѣдъ затѣмъ присвоиваетъ пишущему эти строки, который осмѣлился критиковать ея мнѣнія, эпитеты „журнальнаго прокурора“ и „судебнаго слѣдователя, совмѣщающаго двойное амплуа обвинителя и судьи“. Правду сказать, подобные пріемы спора не внушаютъ намъ особенной охоты продолжать его. Но въ отвѣтѣ, обращенномъ газетой по нашему адресу, есть и кое-что, относящееся къ существу занимающаго насъ вопроса, въ чемъ стоитъ нѣсколько разобраться.

Прежде всего необходимо точнѣе опредѣлить позицію, занятую въ этомъ вопросѣ „Новостями“. Газета упрекаетъ насъ въ томъ, что наша критика ея мнѣній основана на нашихъ же „фантазіяхъ“, благодаря чему мы распускаемъ про нее „явныя нелѣ-

пости". Въ предыдущей статьѣ своей мы привели однако лишь подлинныя слова „Новостей". Правда, газета утверждаетъ теперь, что въ этихъ словахъ мы совершенно произвольно усмотрѣли плохо замаскированный призывъ къ казнямъ и кровожадные замыслы, о которыхъ ей „даже и вымолвить страшно". Газета взывала только къ суду и „никакъ не могла предположить, чтобы въ представленіи прогрессивнаго и гуманнаго органа „судъ" и „веревка" представляли одно и то же" *). Такъ ли это однако въ дѣйствительности? Вотъ что писали „Новости" не такъ давно: „По словамъ „National Zeitung", та часть циркулярной депеши графа Бюлова, въ которой говорится о невозможности вполнѣ обнаружить даже главныхъ руководителей китайскаго движенія, показываетъ, что на выдачѣ вдовствующей императрицы не будутъ настаивать. Выводъ довольно странный! Имя китайской императрицы такъ часто упоминалось въ воззваніяхъ „Большихъ кулаковъ" и вице-королей, совершавшихъ безчеловѣчныя насилія надъ европейцами, что и безъ всякихъ судебныхъ разслѣдованій не трудно установить, что она именно главная вдохновительница и прямая виновница всего китайскаго движенія". Указавъ еще на другихъ виновныхъ въ лицѣ китайскихъ сановниковъ, газета заключала: „честь всѣхъ союзныхъ державъ требуетъ, чтобы вопросъ о наказуемости (?) китайскихъ агитаторовъ былъ поставленъ и рѣшенъ по возможности скорѣе и чтобы никакихъ послабленій въ этомъ отношеніи не было сдѣлано" **). Въ другой разъ „Новости" утверждали, что „Times" неправъ, замѣчая, будто „противъ императрицы и всей дворцовой клики существуютъ лишь нравственныя улики, которыхъ недостаточно для ихъ обвиненія. Это не вѣрно—писали онѣ: —всѣ, напротивъ, убѣждены, что императрица—главная виновница движенія боксеровъ, и она первая должна быть привлечена къ отвѣтственности. Несомнѣнно, что если только союзныя правительства серьезно пожелаютъ добраться до истинныхъ причинъ китайскихъ безпорядковъ, то, кромѣ нравственныхъ уликъ, они добудутъ и всякія другія". Но сверхъ того „вообще въ примѣненіи къ Китаю теорія нравственныхъ уликъ должна быть оставлена. Европейскія державы не судъ присяжныхъ, и преступленіе, въ которомъ обвиняется китайское правительство, выходитъ изъ рамокъ обыкновенныхъ уголовныхъ преступленій. Отъ всякихъ послабленій Китаю нужно отказаться, какъ вредныхъ и опасныхъ" ***). Итакъ, нужно требовать выдачи китайской императрицы и другихъ агитаторовъ, вина которыхъ ясна и безъ всякаго судебнаго разбирательства, и предать ихъ суду, который отказался бы отъ обыкновенныхъ пріемовъ судеб-

*) «Новости», 24 сентября 1900 г.
**) «Нов.», 8 сентября 1900 г.
***) «Нов.», 9 сентября 1900 г.

наго изслѣдованія, но паче всего заботился бы о томъ, чтобы не допустить ни малѣйшаго послабленія. Кажется, трудно возникнуть сомнѣнію насчетъ того, что можетъ скрываться за такою формою суда, который „Новости“ не безъ остроумія, надо думать, впрочемъ, безсознательнаго, называютъ „формальнымъ судомъ“, и мы едва-ли были неправы, говоря о припадкахъ кровожадной свирѣпости, овладѣвшихъ этой газетой. Незавидно, конечно, положеніе публициста, вводящаго своего читателя въ заблужденіе насчетъ дѣйствительнаго характера обсуждаемыхъ фактовъ, но, думается, изъ сказаннаго ясно, что въ такомъ положеніи находимся не мы. Вычитывая въ чужихъ статьяхъ то, чего въ нихъ нѣтъ, публицисты „Новостей“ въ то же время плохо помнятъ содержаніе статей собственнаго органа и мало сообразуютъ съ нимъ свои рѣшительныя утвержденія.

Мы склонны думать, впрочемъ, что „Новости“ не совсѣмъ случайно вычитали въ нашей статьѣ отсутствовавшую въ ней критику китайской политики Вильгельма II. Дѣло въ томъ, что изъ всѣхъ органовъ русской прессы названная газета, кажется, наиболѣе рѣшительно высказывалась въ смыслѣ идей, легшихъ въ основаніе германской политики по китайскому вопросу, и, быть можетъ, именно поэтому она разсматриваетъ встрѣчаемыя ею возраженія, какъ направленныя противъ германскаго императора. Въ справедливости этихъ идей газета не допускаетъ никакихъ сомнѣній. „Россія не можетъ мѣшать Германіи настаивать на выполненіи ея справедливыхъ требованій“,—писала она, когда руководители германской политики предъявили требованіе о выдачѣ нѣсколькихъ китайскихъ сановниковъ. Возраженія, послѣдовавшія на это требованіе со стороны другихъ державъ, повергли „Новости“ въ недоумѣніе: въ германской нотѣ, увѣряли онѣ, „все такъ ясно, просто и справедливо“. Несогласныя съ этимъ мнѣнія американскихъ политиковъ газетѣ представляются „безсмысленными“, а колебанія американскаго правительства она, не обинуясь, именуетъ „безтолковыми“ *). Спеціально же обращаясь къ намъ, газета задаетъ рядъ патетическихъ вопросовъ. „Русское Богатство“— пишетъ она—всегда чутко стояло на стражѣ культурныхъ и гуманныхъ завѣтовъ Запада. Отчего же на Дальнемъ Востокѣ оно внезапно перемѣняетъ тактику и неожиданно беретъ подъ свою защиту шайку заядлыхъ реакціонеровъ, усиленно тормозящихъ всякій прогрессъ и беззастѣнчиво высасывающихъ соки изъ угнетеннаго китайскаго населенія? Неужели изъ дружелюбія къ привилегированной шайкѣ сановныхъ преступниковъ слѣдуетъ отказаться отъ мысли—открыть Китай для европейской культуры?.. Отчего международный судъ внушаетъ такое неизъяснимое отвращеніе „Русскому Богатству“?

*) «Нов.», 8 и 9 сентября 1900 г.

Въ сущности всѣ эти вопросы имѣютъ значеніе реторической фигуры, такъ какъ газета прекрасно знаетъ нашъ отвѣтъ, данный еще въ предъидущей нашей статьѣ. „Насъ упрекаютъ—говоритъ она—въ противорѣчіи основнымъ предпосылкамъ международнаго права. Помилуйте, за что же? Допустимъ, что международное право не предусматриваетъ такого случая, когда правительство нарушитъ всѣ основныя международныя правила, совершитъ рядъ возмутительныхъ злодѣяній, обагритъ землю кровью сотенъ и тысячъ ни въ чемъ неповинныхъ жертвъ. Спрашивается: неужели, по мнѣнію „Русскаго Богатства", такое правительство должно остаться безнаказаннымъ?" Итакъ, газета, повидимому, на-половину сознаетъ уже свою ошибку, но тѣмъ не менѣе продолжаетъ настаивать на ней и требуетъ новаго ея разъясненія. Признаться, мы сильно сомнѣваемся въ пользѣ такого разъясненія. Сомнѣваемся потому, что еще недавно „Новости" доставили намъ лишній случай убѣдиться въ оригинальности ихъ пониманія международнаго права. Въ томъ самомъ номерѣ, въ которомъ содержится только что приведенная страстная тирада по нашему адресу, „Новости" снисходительно поучаютъ французскихъ, а за одно и всѣхъ другихъ дипломатовъ, истинному пониманію международнаго права. „Г. Делькассэ — пишетъ газета — считаетъ китайское правительство признаннымъ въ качествѣ законнаго и предполагаетъ, что оно можетъ начать переговоры о мирѣ и назначить для этого уполномоченныхъ. Этотъ взглядъ рѣзко противорѣчитъ обычной международной практикѣ. Столица Китая занята союзными войсками, китайское правительство бѣжало и скрывается въ глубинѣ провинціи Шанси, упорно отвергая самыя настойчивыя приглашенія возвратиться и вступить въ непосредственные переговоры. Съ юридической точки зрѣнія прячущееся правительство въ сущности не существуетъ и державы, поддерживая съ нимъ сношенія, систематически повторяютъ ошибку, которая, къ сожалѣнію, была допущена съ самаго начала". Итакъ, по мнѣнію „Новостей", трансваальское правительство перестало существовать съ момента занятія Преторіи англичанами? Стоя на этой точкѣ зрѣнія, надо будетъ признать, что и Наполеонъ I допустилъ въ свое время серьезную ошибку, не объявивъ послѣ занятія Москвы „въ сущности несуществующимъ" правительство Александра I, которое тоже вѣдь „упорно отвергало самыя настойчивыя приглашенія" вступить въ переговоры. Очевидно, съ просвѣщенными юристами „Новостей" сговориться довольно трудно.

Во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній попытаемся, однако, объяснить сущность нашихъ разногласій. Мы, конечно, не питаемъ никакихъ особенныхъ симпатій ни къ китайской династіи, ни къ мандаринамъ. Не отрицаемъ мы и права державъ требовать удовлетворенія за происшедшія въ Китаѣ событія. Но намъ представляется невозможнымъ, чтобы такое удовлетвореніе вы-

лилось въ форму международнаго суда надъ членами ли китайской династіи или надъ отдѣльными сановниками, такъ какъ въ подобномъ судѣ неизбѣжно отсутствовало бы основное требованіе всякаго суда—безпристрастіе, въ виду отсутствія равенства между подсудимыми и судьями и соединенія въ лицѣ послѣднихъ обвинителей и судей. Но сверхъ того мы склонны думать, что истребованіе удовлетворенія въ той или иной формѣ составляетъ лишь наименѣе важную часть задачи, созданной послѣдними событіями на дальнемъ Востокѣ. Разсматривать эти событія, какъ результатъ лишь одного „каприза будирующихъ сановниковъ" Китая, значитъ обнаруживать непростительную близорукость. Въ дѣйствительности они являются плодомъ большого и сложнаго движенія, корни котораго глубоко залегли въ общихъ условіяхъ жизни современной Азіи и Европы. И мы отказываемся понять, какъ можно подходить къ этому движенію съ простой мѣркой уложенія о наказаніяхъ, во имя культуры проповѣдывать отступленіе отъ обычаевъ этой самой культуры и во имя гуманности требовать казней. Воинственные политики „Новостей" не отдаютъ себѣ, повидимому, вполнѣ яснаго отчета и въ томъ, чьимъ собственно интересамъ должна служить защищаемая ими система дѣйствій. Европейскую культуру едва ли удобно вполнѣ отожествлять съ европейской торговлей и промышленностью. Во имя интересовъ послѣдней можно требовать, какъ это дѣлаютъ „Новости", насильственнаго обращенія Китая въ „общедоступную страну", уподобляющуюся „общедоступному саду". Во имя культуры такого требованія нельзя предъявлять, не говоря уже о томъ, что открытіе новыхъ рынковъ для европейскихъ товаровъ далеко не равносильно успѣхамъ культуры. Съ своей стороны, нисколько не отрекаясь отъ культурныхъ завѣтовъ Запада, мы именно въ силу этихъ завѣтовъ привыкли расчленять понятіе европейской цивилизаціи и знаемъ, что не всѣ интересы, входящіе въ ея составъ, равно примиримы съ требованіями гуманности и справедливости.

Сказаннаго, думается, достаточно для выясненія нашей точки зрѣнія, неожиданно повергшей „Новости" въ такое недоумѣніе. Какъ мы старались уже показать въ предыдущей статьѣ, тотъ или иной исходъ событій на китайской границѣ самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ интересами нашей внутренней жизни. Но кромѣ того у насъ было и еще одно побужденіе, заставлявшее насъ съ особеннымъ вниманіемъ отнестись къ оцѣнкѣ этихъ событій. Тѣ общіе взгляды, съ высоты которыхъ совершается подобная оцѣнка, въ свою очередь играютъ немаловажную роль въ нашей общественной жизни, и въ виду этого представляется далеко небезполезнымъ прослѣдить ихъ разнообразныя проявленія и лишній разъ провѣрить цѣнность достигаемыхъ ими результатовъ. Въ частности и то неопредѣленное и смутное представле-

ніе о культурѣ и ея требованіяхъ, о какомъ сейчасъ шла рѣчь нерѣдко опредѣляетъ собою характеръ требованій и пожеланій обращаемыхъ къ самой русской жизни.

II.

Въ газетахъ опубликовано слѣдующее сообщеніе министерства финансовъ: „Въ виду вновь появляющихся въ иностранныхъ газетахъ ложныхъ свѣдѣній, будто бы русское правительство ищетъ заключить заграничный заемъ, министерство финансовъ считаетъ необходимымъ вновь заявить, что русское правительство не ищетъ и не намѣревается дѣлать никакихъ займовъ по той причинѣ, что текущіе доходы и наличные рессурсы вполнѣ покрываютъ какъ обыкновенные расходы, такъ и расходы, вызванные событіями на Дальнемъ Востокѣ. Всѣ слухи о русскомъ займѣ, помѣщаемые въ сообщеніяхъ телеграфныхъ агентствъ и въ газетахъ, исходятъ отъ различныхъ спекулянтовъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно, но вполнѣ безуспѣшно, навязываютъ свои услуги министерству финансовъ". Итакъ, финансовое вѣдомство, не предполагая прибѣгнуть къ заключенію внѣшняго займа, разсчитываетъ удовлетворить всѣ экстренныя нужды государства путемъ произведеннаго уже повышенія косвенныхъ налоговъ. Мы имѣли ранѣе случай высказаться объ избранной министерствомъ финансовъ системѣ и не будемъ теперь возвращаться къ вопросу объ общемъ ея значеніи. Отмѣтимъ лишь, что если добытыя этимъ путемъ средства и оказались, по свидѣтельству министерства, достаточными для покрытія текущихъ и экстренныхъ расходовъ, то это не помѣшало вызванной недостаткомъ средствъ пріостановкѣ цѣлаго ряда подготовленныхъ уже мѣропріятій и реформъ, начиная съ расширенія дѣятельности попечительствъ о народной трезвости и кончая увеличеніемъ района дѣйствій суда присяжныхъ. Несомнѣнно, въ скоромъ времени придется позаботиться объ изысканіи новыхъ средствъ, необходимыхъ для осуществленія этихъ отложенныхъ мѣропріятій.

Тѣмъ не менѣе и въ настоящее время не всѣ намѣченныя преобразованія пріостановлены. Нѣкоторыя изъ нихъ, признаваемыя, очевидно, наиболѣе важными, приводятся въ исполненіе и при существующихъ, не вполнѣ удовлетворительныхъ, условіяхъ государственнаго хозяйства. Таковы именно реформы въ области мѣстнаго управленія. Съ 1 января 1901 г. будетъ осуществлено предположенное введеніе института земскихъ начальниковъ въ губерніяхъ Западнаго и Сѣверо-Западнаго края. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ сообщали недавно провинціальныя газеты, министерство внутреннихъ дѣлъ подготовляетъ и другое преобразованіе въ области мѣстнаго управленія, долженствующее коснуться боль-

шинства мѣстностей имперіи. На этотъ разъ дѣло идетъ объ измѣненіяхъ въ устройствѣ уѣздной и сельской полиціи. По сообщенію газетъ, министерство обратилось къ начальникамъ губерній съ особымъ циркуляромъ, предлагая имъ высказать свои соображенія по этому поводу. Съ своей стороны министерство указываетъ на то, что съ момента изданія временныхъ правилъ и штатовъ полиціи въ губерніяхъ, управляемыхъ по общему губернскому учрежденію, минуло уже болѣе 37 лѣтъ и за это время какъ въ служебной дѣятельности полиціи, такъ и въ общихъ условіяхъ жизни произошли значительныя перемѣны. Въ виду этого оклады содержанія, присвоенные полицейскимъ чинамъ въ 1862 г. и въ свое время представлявшіеся достаточными, теперь въ большинствѣ случаевъ покрываютъ лишь самыя необходимыя издержки этихъ чиновъ. Между тѣмъ произведенныя съ той поры частныя повышенія этихъ окладовъ коснулись главнымъ образомъ городскихъ поселеній, штаты же уѣздной полиціи остаются почти безъ измѣненія. Соотвѣтственно такому положенію дѣлъ министерство признаетъ своевременнымъ возбудить вопросъ о пересмотрѣ вообще временныхъ правилъ и штатовъ полиціи, установленныхъ въ 1862 г., причемъ проектируемое преобразованіе должно коснуться главнымъ образомъ уѣздной полиціи, а городской только для тѣхъ мѣстностей, для которыхъ послѣ 1862 г. не было издано отдѣльныхъ штатовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ министерство находитъ своевременнымъ реформировать и сельскую полицію, предполагая въ основу этой реформы положить полное отдѣленіе названной полиціи отъ мѣстныхъ общественныхъ органовъ. Для достиженія этой цѣли проектируется упразднить должности полицейскихъ сотскихъ и десятскихъ, замѣнивъ ихъ особыми наемными сельскими стражниками, подчиненными непосредственно полицейскимъ урядникамъ, и по возможности сложить полицейскія обязанности съ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, оставивъ за ними преимущественно обязанности по общественной службѣ. При этомъ каждому стражнику предполагается предоставить извѣстный районъ, размѣры котораго будутъ установлены въ соотвѣтствіи съ цифрою населенія и величиной территоріи. Обязанности же такихъ стражниковъ министерство опредѣляетъ „приблизительно сферою обязанностей, предоставленныхъ нынѣ городовымъ въ городскихъ поселеніяхъ“. Это преобразованіе полиціи, согласно проекту министерства, не относится ни къ спеціальнымъ ея органамъ, какъ горная и фабрично-заводская, ни къ чинамъ полиціи, содержимымъ на средства, отпускаемыя не изъ государственнаго казначейства. Передавая этотъ проектъ на обсужденіе губернаторовъ, министерство обязало ихъ сообщить результаты такого обсужденія къ 1 ноября текущаго года. Въ свою очередь губернаторы обратились къ совѣщаніямъ съ высшими чинами уѣздной полиціи, которой касается министерскій проектъ, и въ нѣкоторыхъ губер-

ніяхъ для детальнаго обсужденія этого проекта созываются даже съѣзды исправниковъ *).

Подготовляемая такимъ путемъ реформа, несомнѣнно, представляетъ извѣстный интересъ съ точки зрѣнія не только мѣстныхъ полицейскихъ чиновъ, но и мѣстнаго общества. Въ самомъ дѣлѣ, существующій порядокъ отбыванія полицейской службы въ селеніяхъ, нося въ своей организаціи явственные слѣды того архаическаго періода, къ которому относится его возникновеніе, оставляетъ желать весьма многаго. Содержаніе сельской полиціи въ настоящее время обезпечивается при помощи натуральной повинности крестьянскаго населенія, обязаннаго путемъ выборовъ поставлять изъ своей среды полицейскихъ десятскихъ и сотскихъ. Составляя немаловажное бремя въ бюджетѣ крестьянскихъ міровъ, эта повинность вмѣстѣ съ тѣмъ не удовлетворяетъ въ надлежащей мѣрѣ и интересамъ полицейской службы, такъ какъ крестьянскія общества весьма часто, руководясь исключительно хозяйственными соображеніями, выбираютъ на названныя должности совершенно неподходящихъ людей. Съ другой стороны, и органы крестьянскаго общественнаго самоуправленія, въ лицѣ сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ, въ настоящее время подъ вліяніемъ испытываемаго ими давленія вынуждены главное вниманіе обращать на полицейскія свои функціи и отодвигать на задній планъ всѣ тѣ заботы о хозяйственныхъ нуждахъ населенія, къ которымъ они призваны закономъ. На неудобство такого порядка, перелагающаго тяжесть обще-государственной потребности на плечи одного крестьянскаго сословія и придающаго выборнымъ органамъ его общественнаго управленія преимущественно полицейскій характеръ, неоднократно дѣлались указанія въ печати и, повидимому, сознаніе этого неудобства проникло, наконецъ, и въ правительственныя сферы. Проектируемая министерствомъ замѣна выборныхъ сотскихъ и десятскихъ наемными стражниками повлечетъ за собою значительное облегченіе для бюджетовъ крестьянскихъ обществъ въ томъ случаѣ, если содержаніе этихъ стражниковъ будетъ принято на счетъ казны. Равнымъ образомъ въ интересахъ крестьянскихъ обществъ и сокращеніе полицейскихъ функцій, обременяющихъ теперь выборныхъ представителей ихъ общественнаго управленія и нерѣдко создающихъ ненормальныя отношенія между этими послѣдними и избравшимъ ихъ на должности обществомъ.

Гораздо труднѣе рѣшить, насколько можетъ улучшиться въ результатѣ предположенной реформы самое отправленіе полицейской службы въ деревняхъ. Не слѣдуетъ забывать, что существующая организація сельской полиціи ставитъ ее подъ извѣстный контроль со стороны мѣстнаго крестьянскаго общества. Какъ

*) «Од. Нов.», 10 авг.; «Смол. Вѣстникъ», 11 авг. 1900 г.

ни недостаточенъ этотъ контроль и какъ ни примитивно онъ организованъ, за нимъ все же не приходится отрицать нѣкоторое сдерживающее значенiе. Проектируемая министерствомъ реформа въ корнѣ устраняетъ этотъ контроль, не замѣняя его никакимъ другимъ, сколько-нибудь напоминающимъ его по своему характеру. Вновь создаваемые наемные стражники непосредственно подчиняются уряднику и, не имѣя никакой связи съ мѣстнымъ обществомъ, являются лишь низшими представителями общей уѣздной полицiи. Правда, одновременно съ этимъ предполагается увеличенiе штатовъ уѣздной полицiи, которое должно способствовать повышенiю ея уровня. Возможно однако серьезно сомнѣваться въ томъ, что одно это средство само по себѣ окажется способнымъ достигнуть цѣли и устранить вредныя послѣдствiя ослабленiя общественнаго контроля надъ дѣятельностью сельской полицiи. Въ общемъ проектъ министерства внутреннихъ дѣлъ стремится поставить сельскую и уѣздную полицiю въ такое же положенiе, въ какомъ находится полицiя городская, и съ этою цѣлью даже приравниваетъ сельскихъ стражниковъ къ городовымъ. Но едва-ли мыслимо утверждать, что городская полицiя въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ въ настоящее время, является вполнѣ достойнымъ подражанiя образцомъ и не нуждается въ свою очередь въ серьезныхъ преобразованiяхъ.

Не такъ давно иркутскiй полицiймейстеръ, оставляя службу, счелъ нужнымъ въ прощальномъ приказѣ разъяснить своимъ подчиненнымъ высокое значенiе полицейской дѣятельности и преподать имъ нѣкоторые добрые совѣты. „Въ рѣдкой дѣятельности—писалъ онъ—приходится такъ непосредственно, такъ осязательно проявлять любовь къ человѣку, какъ въ полицейской... Что можетъ быть выше и благороднѣе, какъ защита человѣка отъ опасности, какъ отъ злыхъ людей, такъ и происходящей отъ силъ природы или стеченiя несчастныхъ обстоятельствъ,—или устраненiе всего того, что мѣшаетъ человѣку пользоваться спокойствiемъ и имущественными благами? Исполняя эту высокую обязанность, прежде всего уважайте право другого, какъ свое собственное; дѣлайте все по долгу и совѣсти, а не только по предоставленному вамъ праву; исполняйте не только по буквѣ, но и по духу закона; будьте справедливы, терпѣливы и спокойно выслушивайте всякое заявленiе, жалобу или объясненiе, какъ-бы оно ничтожнымъ ни казалось, и ничего не оставляйте безъ вниманiя; проявляйте свою дѣятельность тамъ только, гдѣ въ ней нуждаются, и въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, а иначе она будетъ беззаконнымъ вмѣшательствомъ въ чужiя дѣла. Нижнимъ полицейскимъ чинамъ приказываю: всегда и со всѣми быть вѣжливыми и предупредительными; не позволять себѣ обращаться грубо, а тѣмъ болѣе позволять насилiя или побои задерживаемыхъ по разнымъ случаямъ лицъ. Знайте, что своевольная расправа—

гадкое, возмущающее душу дѣло" *). Спеціалисты вообще бываютъ склонны преувеличивать значеніе того круга занятій, въ которомъ протекаетъ ихъ дѣятельность. Въ виду этого не приходится, пожалуй, удивляться и тому, что г. иркутскій полиціймейстеръ считаетъ полицейскую дѣятельность наиболѣе подходящею для проявленія любви къ человѣку. Но если это его мнѣніе и можетъ быть оспариваемо, то выводимые изъ него совѣты все-же сохраняютъ свое значеніе. Не подлежитъ сомнѣнію, что такія явленія, какъ неуваженіе къ праву, незаконныя дѣйствія, грубость, а тѣмъ болѣе побои „задерживаемыхъ по разнымъ случаямъ лицъ" несовмѣстимы не только съ любовью къ человѣку, но и съ прямыми обязанностями полиціи. Но не подлежитъ точно также сомнѣнію и то, что дѣйствительныя отношенія между обывателями и чинами полиціи плохо укладываются въ рамки идиллической картины, нарисованной въ приказѣ г. иркутскаго полиціймейстера.

Любопытнымъ подтвержденіемъ этого могутъ служить нѣсколько приказовъ по полиціи, изданныхъ за послѣдніе мѣсяцы въ различныхъ городахъ нашего отечества. Кіевскій полиціймейстеръ издалъ недавно одинъ за другимъ два приказа, направленные къ устраненію „самовольной и часто незаконной расправы городовыхъ и полицейскихъ служителей съ арестантами". Оба эти приказа предупреждали чиновъ полиціи, что всякая жалоба на нанесеніе побоевъ и оскорбленій околоточными надзирателями и городовыми будетъ разслѣдована и передана въ губернское правленіе для преданія виновныхъ суду или увольненію отъ службы, причемъ будутъ подвергнуты отвѣтственности и дежурные надзиратели, на дежурствѣ которыхъ произошло незаконное обращеніе съ арестантами **). Въ Смоленскѣ послѣ многихъ и тщетныхъ напоминаній городовымъ о необходимости вѣжливаго обращенія съ публикой додумались, наконецъ, до устройства съ этою цѣлью особаго рода просвѣтительныхъ бесѣдъ. Мѣстный полиціймейстеръ призналъ именно „полезнымъ и необходимымъ не менѣе одного раза въ недѣлю собирать городовыхъ въ участки, гдѣ бы пристава поочередно съ своими помощниками подтверждали его приказы и инструкціи, знакомя городовыхъ въ то же время и съ обязательными постановленіями, изданными для гор. Смоленска, и внушали имъ о долгѣ вѣжливости въ обращеніи съ публикой" ***). Въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ задачу обученія полицейскихъ чиновъ вѣжливому обращенію съ обывателями приходится принимать на себя уже высшимъ властямъ. Въ Тулѣ весною нынѣшняго года мѣстный губернаторъ распорядился подвергнуть поли-

*) «Вост. Об.», 13 сент. 1900 г.
**) «Од. Нов.», 5 сентября 1900 г.
***) «Н. Время», 2 октября 1900 г.

цейскаго пристава Мазаракія и его помощника Щеглова аресту при гауптвахтѣ—перваго на 4 дня и второго на 2 дня—за грубое обращеніе съ публикой во время крестнаго хода 3 мая *). Въ Одессѣ во время празднованія Пушкинскаго юбилея „помощникъ полиціймейстера Дидрихсъ, наблюдавшій за сохраненіемъ общаго порядка, замѣтивъ, что присутствовавшая на улицѣ толпа стала проявлять попытки нарушить установленный полиціей порядокъ и готова была прорваться черезъ образованную полиціей цѣпь, и желая предотвратить могущія произойти отъ этого несчастія и безпорядки, прибѣгъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ въ отношеніи попавшагося передъ нимъ случайно пом. прис. пов. Нотеса, а именно сбилъ съ него шляпу, громко прикрикнулъ на него, назвалъ нахальнымъ его образъ дѣйствій и отправилъ его въ участокъ для удостовѣренія его личности и возбужденія противъ него судебнаго преслѣдованія". „Въ этихъ дѣйствіяхъ Дидрихса одесскій градоначальникъ усмотрѣлъ лишь недостатокъ должнаго самообладанія и сдержанности и ограничился поэтому наложеніемъ на Дидрихса дисциплинарнаго взысканія, подвергнувъ его двухдневному аресту въ помѣщеніи канцеляріи градоначальства". Правительствующій Сенатъ, разсматривавшій не такъ давно это дѣло по жалобѣ г. Нотеса, нашелъ однако, „что Нотесъ не давалъ никакого повода къ столь грубой и неумѣстной расправѣ Дидрихса и что въ дѣйствіяхъ Дидрихса, т. е. въ нанесеніи Нотесу оскорбленія дѣйствіемъ и взятіи его подъ стражу безъ всякихъ достойныхъ уваженія причинъ усматриваются признаки преступленій по должности". Въ виду этого Сенатъ постановилъ отмѣнить распоряженіе одесскаго градоначальника и поручить ему передать дѣло о привлеченіи помощника полиціймейстера Дидрихса къ отвѣтственности въ Херсонское губернское правленіе для разсмотрѣнія въ установленномъ порядкѣ **).

Нѣтъ недостатка, такимъ образомъ, въ заботахъ объ устраненіи черезчуръ „рѣшительныхъ мѣръ" изъ практики чиновъ городской полиціи въ ихъ отношеніяхъ къ обывателямъ. Объ этомъ заботятся и мѣстные полиціймейстеры, и начальники отдѣльныхъ губерній, и Правительствующій Сенатъ. И тѣмъ не менѣе всѣ эти заботы не увѣнчиваются сколько-нибудь замѣтнымъ успѣхомъ. Не приводятъ къ цѣли ни взысканія, ни угрозы отставкой, ни даже просвѣтительныя бесѣды на тему о необходимости вѣжливаго обращенія съ обывателемъ. Вѣжливое обращеніе упорно не прививается, а рѣшительныя мѣры продолжаютъ процвѣтать и примѣняются въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Не проходитъ мѣсяца, въ теченіе котораго газеты не принесли бы нѣсколькихъ извѣстій о характерныхъ судебныхъ процессахъ, наглядно свидѣтель-

*) «Южн. Обозр.», 16 мая 1900 г.

**) «Сѣв. Кур.», 1 іюля 1900 г.

ствующихъ, какъ мало гарантированъ обыватель отъ примѣненія къ нему подобныхъ мѣръ, въ корнѣ отрицающихъ элементарныя права, признанныя за нимъ закономъ. Напомнимъ нѣкоторые изъ такихъ процессовъ.

Въ Смоленскѣ, томъ самомъ Смоленскѣ, въ которомъ городовымъ читаютъ спеціальныя лекціи о пользѣ вѣжливости, судился недавно городовой Лыбинъ за нанесеніе шашкой раны крестьянину, осмѣлившемуся „разговаривать съ полицейскимъ" и не дать ему потребованной взятки. Судъ призналъ Лыбина виновнымъ и приговорилъ его къ четыремъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія *). Въ м. Шосткѣ Черниговской губ. „полицейскіе арестовали на базарѣ мѣстнаго жителя Дмитріева, привели за рѣшетку и тамъ изрубили шашками", нанеся ему нѣсколько ранъ. Дѣло это разбиралось выѣздной сессіей нѣжинскаго окружнаго суда, который и приговорилъ четырехъ полицейскихъ служителей къ аресту при полиціи на три недѣли **). Въ Одессѣ домовладѣлецъ Жинскій весною этого года вздумалъ посидѣть вечеромъ на скамейкѣ за воротами своего дома. Вѣроятно, такое препровожденіе времени въ Одессѣ не принято, такъ какъ двое постовыхъ городовыхъ сочли г. Жинскаго за пьянаго и потребовали, чтобы онъ немедленно удалился домой, а, встрѣтивъ съ его стороны отказъ, избили его, сперва у него на дому, а затѣмъ въ участкѣ, настолько основательно, что переломили ему три ребра. Судъ приговорилъ ихъ къ заключенію на 4 мѣсяца въ тюрьмѣ ***). Въ г. Грозномъ мѣстный полицейскій приставъ г. Шавгулидзе, оскорбившись тѣмъ, что одинъ изъ мѣстныхъ обывателей, явившись по своимъ дѣламъ въ полицейское управленіе, стоялъ подбочениввшись, избилъ дерзкаго обывателя плетью и арестовалъ его. Судъ, къ которому обратился потерпѣвшій, не согласился, однако, съ необходимостью столь суровой дисциплины для обывателей и приговорилъ г. Шавгулидзе къ аресту на двѣ недѣли ****).

Житейская практика знаетъ такимъ образомъ рядъ непредусмотрѣнныхъ закономъ преступленій обывателя, возбраняя ему „разговаривать", сидѣть вечеромъ за воротами, подбочениваться и т. д., и налагаетъ на него рядъ каръ, опять-таки закономъ непредвидѣнныхъ и сводящихся въ большинствѣ случаевъ къ тѣлесному наказанію, которое порою переходитъ въ истязаніе. Увѣковѣченный въ литературѣ Мымрецовъ, не допускающій „дебоша", благополучно здравствуетъ и въ дѣйствительной жизни. Для того, чтобы установить передъ лицомъ Мымрецова свое право на „разговоръ", обывателю приходится обращаться къ помощи суда.

*) «Р. Вѣд.», 18 сент. 1900 г.

**) «Сѣв. Кур.», 3 марта 1900 г.

***) «Од. Нов.», 26 сент. 1900 г.

****) «Нижег. Лист.», 6 іюня 1900 г.

Тѣмъ хуже, конечно, положеніе обывателя, когда онъ не ограничивается разговоромъ, а позволяетъ себѣ и поступки. Одному изъ жителей г. Ѳеодосіи случилось въ нетрезвомъ видѣ ударить старшаго городового Макара Маніа. Мѣсяцъ спустя онъ былъ безъ всякаго повода арестованъ и въ участкѣ, куда его привели, Маніа, при помощи своихъ товарищей, такъ жестоко высѣкъ его оплетенной проволокой нагайкой, что онъ послѣ того девять дней вылежалъ въ больницѣ. На судѣ, которому предшествовало удаленіе Маніа отъ должности, оказалось, что подобные случаи не были въ Ѳеодосіи единичнымъ явленіемъ. Какъ выяснило судебное слѣдствіе, мѣстный приставъ „допускалъ возможность жестокаго самосуда со стороны Маніа", который „пользовался полнымъ довѣріемъ и завѣдывалъ, по распоряженію пристава, арестованными". „Помощники пристава не провѣряли постановленій о задержаніи. Свидѣтели показали, что Маніа вообще билъ арестованныхъ"; равнымъ образомъ, по словамъ свидѣтелей, наносили побои арестованнымъ и помощники пристава, и самъ приставъ **). Само собой разумѣется, не всѣ разряды обывателей въ равной мѣрѣ подвергаются такому обращенію. На долю нѣкоторыхъ изъ нихъ оно выпадаетъ болѣе по недоразумѣнію. Въ Баку д-ръ Довято, попытавшись освободить избиваемаго городовыми на улицѣ человѣка, самъ подвергся избіенію. Въ участкѣ, куда онъ обратился, этотъ случай „не вызвалъ никакого удивленія, а виновный городовой съ полной откровенностью заявилъ, что онъ не зналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, а то бы не сталъ толкать и ругать" *). Подобныхъ примѣровъ можно привести не мало и они достаточно убѣдительно свидѣтельствуютъ о томъ, что въ практикѣ полицейскихъ чиновъ наряду съ закономъ существуетъ своего рода обычное право, не только знающее непредусмотрѣнныя закономъ преступленія, но и разсматривающее эти преступленія совершенно различнымъ способомъ, въ зависимости отъ того, какое соціальное положеніе занимаетъ ихъ авторъ.

Не менѣе поучительныя явленія можно наблюдать и въ области пресловутаго полицейскаго дознанія. Время отъ времени оно поставляетъ на судъ въ качествѣ уличенныхъ преступниковъ такихъ лицъ, которые въ лучшемъ случаѣ были свидѣтелями преступленія или только слышали объ немъ. Такъ, по словамъ „Волыни", въ камерѣ одного изъ житомірскихъ судей фигурировалъ недавно въ качествѣ обвиняемаго въ неосторожной ѣздѣ по городу каменьщикъ, никогда даже не имѣвшій лошадей и провинившійся лишь тѣмъ, что попытался задержать другого, дѣйствительно, неосторожно ѣхавшаго, крестьянина **). Бываетъ и такъ,

*) «С. От.», 25 апр.; «Сѣв. Кур.», 28 апр. 1900 г.

**) «Спб. Вѣд.», 16 мая 1900 г.

***) Цитируемъ по «Сѣв. Кур.», 17 сент. 1900 г.

что дознаніе открываетъ преступника при отсутствіи самаго факта преступленія. Въ Твери полиціймейстеръ какъ-то арестовалъ одного изъ дворниковъ и для вытрезвленія отправилъ его на ночь въ участокъ, а затѣмъ привлекъ его къ суду по обвиненію въ нарушеніи общественной тишины и порядка На судѣ, однако, выяснилось, что обвиняемый въ моментъ своего ареста былъ совершенно трезвъ и никакого нарушенія порядка не произвелъ *). Подобные результаты полицейскаго дознанія стоятъ въ самой тѣсной и непосредственной связи съ тѣми пріемами, которые практикуются при немъ. Когда объектами такого дознанія, производимаго городской или уѣздной полиціей, являются лица, принадлежащія къ низшимъ общественнымъ классамъ, въ немъ почти съ фатальною неизбѣжностью воскресаютъ пріемы слѣдствія, знакомые намъ по учебникамъ исторіи, какъ принадлежность XVIII-го и другихъ болѣе раннихъ вѣковъ. Весьма не рѣдко поэтому зала суда становится свидѣтельницею странно звучащихъ въ ней признаній. Въ г. Острѣ весною этого года разбиралось дѣло по обвиненію двухъ крестьянъ въ кражѣ лошадей. Одинъ изъ обвиняемыхъ сознался въ кражѣ, но добавилъ, что совершилъ ее одинъ, а оговорилъ другаго обвиняемаго исключительно по требованію полицейскаго урядника, сопровождавшемуся истязаніемъ и угрозами избіенія до смерти **). Такая же исторія въ началѣ этого года произошла въ Томскомъ окружномъ судѣ. Изъ пяти крестьянъ, посаженныхъ на скамью подсудимыхъ по обвиненію въ кражѣ пассажирскаго багажа и покупкѣ украденнаго и признавшихся въ этихъ преступленіяхъ, на судѣ сознался въ кражѣ лишь одинъ, заявивъ при этомъ, что остальныхъ онъ оговорилъ лишь затѣмъ, чтобы избавиться отъ истязаній, производившихся надъ нимъ жандармскимъ унтеръ-офицеромъ Веретенниковымъ. Признаніе оговоренныхъ, какъ оказалось на судѣ, было вынуждено тѣмъ же г. Веретенниковымъ, который выворачивалъ имъ руки, мялъ уши и т. п. ***). Въ Ставрополѣ-Кавказскомъ недавно судили нѣсколькихъ калмыковъ по обвиненію въ грабежѣ. „Въ общемъ— разсказывали газеты—дѣло произвело на всѣхъ присутствовавшихъ въ судебной залѣ такое впечатлѣніе, что, послѣ заявленія пострадавшихъ объ ограбленіи, были просто-на-просто схвачены пять первыхъ попавшихся калмыковъ и посажены въ тюрьму. Хотя на судѣ были допрошены и потерпѣвшіе, и становой приставъ, и урядникъ, производившіе дознаніе, нельзя было уяснить себѣ, по какому поводу были арестованы подсудимые, что подало основаніе подозрѣвать ихъ въ совершеніи грабежа... Подсудимые категорически заявили, что они вынуждены были дать

*) «Сѣв. Кур.», 5 сент. 1900 г.

**) «Сѣв. Кур.», 30 апр. 1900 г.

***) «Нижег. Лист.», 8 февр. 1900 г.

„сознаніе“ подъ вліяніемъ невыносимыхъ побоевъ, которые наносились имъ приставомъ Раевскимъ и урядниками“ *).

Въ виду этихъ фактовъ, являющихся лишь образчиками массы аналогичныхъ явленій, едва ли многіе изъ обывателей согласятся съ мнѣніемъ г. иркутскаго полиціймейстера, что въ полицейской дѣятельности наиболѣе ярко и полно проявляется любовь къ человѣку. Крайняя простота и патріархальность пріемовъ, наблюдаемая въ этой дѣятельности, составляя подчасъ рѣзкое противорѣчіе требованіямъ закона, въ немалой мѣрѣ способствуетъ подрыву значенія послѣдняго въ глазахъ обывателя. Поставленный лицомъ къ лицу съ этою дѣятельностью, обыватель оказывается вынужденнымъ въ самыхъ элементарныхъ основахъ своего существованія разсчитывать не на имѣющееся за нимъ право, а на болѣе или менѣе счастливую случайность. И для устраненія этихъ случайностей, для возстановленія значенія закона, отодвинутаго житейскою практикой на задній планъ, недостаточно, какъ показываютъ факты, ни частныхъ распоряженій начальствующихъ лицъ, ни приговоровъ судебныхъ мѣстъ, какъ бы ни были авторитетны эти послѣднія. Въ указанной практикѣ, очевидно, сказывается одинъ изъ тѣхъ „маленькихъ недостатковъ механизма“, исправленіе которыхъ не достигается путемъ маленькихъ средствъ. Серьезнымъ препятствіемъ на пути къ такому исправленію служитъ прежде всего тотъ взглядъ, въ силу котораго полицейская, какъ и вообще административная, дѣятельность поставлена у насъ въ совершенно исключительныя условія по отношенію къ обывателю. Не такъ давно въ Смоленскѣ разбиралось дѣло одного глухонѣмого юноши, обвинявшагося въ нанесеніи побоевъ городовымъ. На судѣ выяснилось, что обвиняемый былъ ранѣе избитъ тѣми же городовыми. По словамъ отца обвиняемаго, послѣдній, какъ глухонѣмой отъ рожденія, мало развитъ и потому не зналъ, что городовой не такой человѣкъ, какъ всѣ другіе, и что на побои съ его стороны нельзя отвѣчать. Взглядъ, выраженный въ этомъ случаѣ въ черезчуръ оголенной и потому нѣсколько анектодичной формѣ, въ сущности пользуется широкимъ распространеніемъ и имѣетъ нѣкоторое фактическое основаніе. Въ силу установившейся практики за обывателемъ не признается возможности не только сопротивляться требованію полицейскихъ властей, оставаясь на почвѣ закона, но даже и настаивать на разъясненіи такого требованія. Благодаря этому личная неприкосновенность обывателя, даже въ установленныхъ закономъ предѣлахъ, имѣетъ весьма проблематическій характеръ. Не далѣе, какъ на дняхъ, въ газетахъ сообщалась такая поучительная исторія. Нѣкто г. Р., служащій на одной изъ московскихъ фабрикъ, былъ приглашенъ въ управленіе мѣстнаго участка и тамъ арестованъ, причемъ ему

*) «Россія», 13 іюля 1900 г.

было предъявлено отношеніе одного изъ уѣздныхъ полицейскихъ управленій, адресованное въ московскую полицію и заключавшее въ себѣ просьбу арестовать г. Р., обвиняемаго въ грабежѣ, и препроводить его въ городъ Е. Отношеніе это было написано неграмотно и не на бланкѣ, но тѣмъ не менѣе не возбудило никакого подозрѣнія въ участкѣ. Г. Р. тщетно просилъ телеграфировать въ полицейское управленіе или немедленно отправить его въ г. Е. подъ конвоемъ на его счетъ, съ тѣмъ, чтобы выяснить правильность предписанія объ его арестѣ. Просьба его не была уважена, и онъ провелъ въ одиночномъ заключеніи 4 дня въ части и 12 дней въ пересыльной тюрьмѣ, пока выясиилось, что бумага объ его арестѣ была подложная и никакого уголовнаго дѣла объ немъ не производилось. Тѣмъ временемъ онъ потерялъ свой заработокъ, такъ какъ на фабрикѣ въ виду его отсутствія занимаемое имъ мѣсто отдали другому лицу *). Не допуская провѣрки требованій и дѣйствій полицейскихъ чиновъ, практика тѣмъ менѣе поощряетъ какое бы то ни было вмѣшательство въ эти дѣйствія со стороны не заинтересованныхъ въ нихъ непосредственно обывателей. На этой почвѣ возникаетъ не малое количество столь частыхъ у насъ процессовъ объ оскорбленіи чиновъ полиціи при отправленіи ими своихъ служебныхъ обязанностей. Иногда самое скромное замѣчаніе о неправильности того или иного распоряженія полиціи вызываетъ судебное преслѣдованіе. Правда, значительная часть такихъ процессовъ и заканчивается оправданіемъ привлеченныхъ къ отвѣтственности лицъ, но уже одна возможность оказаться на скамьѣ подсудимыхъ, хотя бы и съ надеждой сойти съ нея оправданнымъ, въ глазахъ громаднаго большинства обывателей составляетъ серьезную угрозу, подъ вліяніемъ которой у нихъ рождается чувство, заставляющее ихъ въ однихъ случаяхъ безпрекословно исполнять всѣ обращенныя къ нимъ требованія, въ другихъ—пугливо жаться къ сторонѣ, памятуя мудрое изреченіе о находящейся съ краю хатѣ. Нехорошее это чувство, но у проникнутаго имъ обывателя есть и нѣкоторое оправданіе. Оно заключается въ неудобствахъ того пути, на которомъ ему приходится отыскивать свое право въ случаѣ нарушенія послѣдняго. Далеко не всегда онъ можетъ воспользоваться для этой цѣли ближайшей и внушающей наименѣе сомнѣній дорогой судебнаго разслѣдованія. Какъ извѣстно, такъ называемыя преступленія по должности могутъ быть разбираемы судомъ лишь послѣ согласія на это непосредственнаго начальства обвиняемаго въ такомъ преступленіи лица. Даже прокуратура не возбуждаетъ своею властью судебнаго преслѣдованія противъ заподозрѣнныхъ въ уголовныхъ преслѣдованіяхъ полицейскихъ чиновниковъ, а лишь сообщаетъ собранныя ею свѣдѣнія

*) «Русскій Листокъ». Цитируемъ по «Сѣв. Кур.», 11 окт. 1900 г.

объ ихъ дѣйствіяхъ мѣстному губернскому правленію. Частнымъ же лицамъ предоставлено приносить жалобы на дѣйствія полицейскихъ чиновъ ихъ начальству, которое и рѣшаетъ вопросъ о томъ, въ судебномъ или административномъ порядкѣ должно разсматриваться данное дѣло. Столь сложная и мѣшкотная процедура, едва-ли сколько-нибудь необходимая въ интересахъ сохраненія авторитета власти, значительно затрудняетъ обывателю обращеніе къ суду, и, пока она сохраняетъ свою силу, такое обращеніе, естественно, не можетъ быть ни очень частымъ, ни особенно плодотворнымъ. Осужденный въ своемъ отношеніи къ дѣятельности полиціи на исключительно почти пассивную роль, обыватель лишенъ возможности сколько-нибудь способствовать улучшенію формъ этой дѣятельности путемъ отстаиванія закона отъ того неписаннаго права, образцы котораго мы видѣли выше, и этимъ въ значительной степени, если не вполнѣ, объясняется его инертность. Между тѣмъ въ необходимости такого улучшенія сомнѣваться не приходится.

III.

Недавно въ газетахъ появился любопытный приказъ командующаго войсками кіевскаго военнаго округа, ген.-адъютанта Драгомирова. „Начальникъ —ской команды—гласитъ этотъ приказъ — предалъ въ іюнѣ сего года кіевскому военно-окружному суду нижняго чина, срока службы 1900 года, за неисполненіе приказанія, и судъ, признавъ его виновнымъ въ этомъ, но только по невнимательности, приговорилъ къ переводу въ разрядъ штрафованныхъ. Нижній чинъ этотъ, будучи строевымъ, былъ взятъ начальникомъ команды въ январѣ сего года въ казенную прислугу. Обучать не считали нужнымъ, вниманію и исполненію приказаній не учили, а суду предали съ легкимъ сердцемъ. Кто же больше виноватъ: начальникъ команды или нижній чинъ, который зналъ, что его противозаконно взяли въ казенную прислугу, не обучили требованіямъ военной службы и за неисполненіе приказанія предали суду... Предлагаю начальствующимъ лицамъ какъ самимъ строго исполнять требованія военной службы, такъ и вкоренять это въ своихъ подчиненныхъ“ *).

Мы позволили себѣ привести этотъ приказъ цѣликомъ, такъ какъ онъ, даже независимо отъ того частнаго случая, къ которому онъ непосредственно относится, является крайне поучительнымъ и способенъ навести на серьезныя размышленія. Совѣты, которые ген. Драгомировъ счелъ нужнымъ преподать подчиненнымъ ему военнымъ чинамъ, могли-бы найти себѣ полезное

*) «Сѣв. Кур.», 6 окт. 1900 г.

приложеніе не въ одной лишь средѣ военной службы. Въ самомъ дѣлѣ, хотя одна изъ статей основныхъ законовъ и гласитъ, что незнаніемъ закона никто въ Россіи отговориться не можетъ, не такъ легко опредѣлить ту роль, какую въ дѣйствительности играетъ законъ въ жизни современнаго русскаго обывателя. Оригинальное опредѣленіе этой роли дано было недавно „Моск. Вѣдомостями". Устами одного изъ постоянныхъ своихъ сотрудниковъ, г. Бодиско, названная газета жаловалась, что чиновники „гадятъ" народъ, сообщая ему содержаніе законовъ, и утверждала, что тамъ, гдѣ мало еще такихъ чиновниковъ, народъ остается пока неиспорченнымъ. Такимъ образомъ реакціонная газета, откровенно полагая свой идеалъ въ беззаконіи, вмѣстѣ съ тѣмъ не сомнѣвается въ существованіи такихъ мѣстностей, для которыхъ этотъ идеалъ является реальною дѣйствительностью. Сдѣланное въ столь категорической формѣ, утвержденіе газеты представляется, пожалуй, нѣсколько рискованнымъ, хотя нельзя отрицать, что въ основѣ его лежитъ извѣстная доля истины. То значеніе, какое въ теоріи принадлежитъ закону въ установленіи порядковъ нашей общественной жизни, на практикѣ нерѣдко отрицается, и за послѣднее время въ различныхъ областяхъ этой жизни все чаще встрѣчаются явленія, выростающія не на почвѣ закона. Къ этимъ явленіямъ, въ своей совокупности образующимъ довольно замѣтную струю въ теченіи современной жизни, стоитъ присмотрѣться внимательнѣе, и съ этою цѣлью мы остановимся на нѣсколькихъ относящихся сюда фактахъ.

Какъ извѣстно, наряду съ общеимперскими законами у насъ существуютъ т. н. законы мѣстные, признанные законодателемъ, но имѣющіе силу лишь въ опредѣленной мѣстности, для которой они являются своего рода наслѣдіемъ, уцѣлѣвшимъ отъ ея историческаго прошлаго. Но въ послѣднее время къ этому историческому наслѣдію присоединяются еще новыя и оригинальныя наслоенія. Въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи приходится наблюдать новые случаи возникновенія своего рода мѣстныхъ законовъ, исходящихъ, однако, не отъ законодательной, а отъ административной власти и, не смотря на это, или, быть можетъ, именно поэтому, становящихся въ рѣшительное противорѣчіе съ общимъ законодательствомъ. Съ особенною энергіею, повидимому, ведется дѣло созданія такихъ новыхъ законовъ въ Бессарабской губерніи. Плоды этой энергіи прежде всего испытали на себѣ мѣстные хлѣботорговцы. По распоряженію губернатора, полиція г. Аккермана обязала торговцевъ прекратить при покупкѣ хлѣба у крестьянъ выдачу т. н. „квитаріусовъ" или ордеровъ на кассу и производить такую покупку исключительно на наличныя деньги. Какъ и слѣдовало, впрочемъ, ожидать, созданный такимъ путемъ порядокъ оказался не особенно прочнымъ. Торговцы выдали требуемыя съ нихъ подписки въ исполненіи названнаго распоряже-

нія, но продолжали практиковать старый порядокъ покупки хлѣба съ выдачей „квитаріусовъ“. Тогда къ нимъ предъявлено было обвиненіе въ судѣ по 29 ст. за неисполненіе распоряженій полиціи. Разбиравшій дѣло городской судья нашелъ, однако, что „для примѣненія къ обвиняемымъ 29 ст. Ул. о нак. необходимо установить, что они не исполнили требованія полиціи, и притомъ требованія законнаго“. Между тѣмъ „аккерманская полиція считаетъ свои требованія законными лишь на основаніи предписанія г. бессарабскаго губернатора, признавшаго означенный выше способъ покупки хлѣба незаконнымъ, не указавъ, однако, закона, на основаніи коего этотъ способъ считается незаконнымъ. Въ уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій нѣтъ указаній на то, чтобы полиція имѣла право устанавливать тотъ или иной способъ расплаты при куплѣ-продажѣ. Купля-продажа хлѣба относится къ разряду сдѣлокъ, имѣющихъ чисто гражданскій характеръ, и интересы продавца охраняются гражданскими законами. Если-же допустить, что при такомъ способѣ покупки хлѣба могутъ быть злоупотребленія, носящія характеръ уголовнаго проступка, то таковыя предусмотрѣны спеціальнымъ уголовнымъ закономъ и за нихъ въ законѣ положены опредѣленныя наказанія, а при такихъ условіяхъ примѣненіе 29 ст. ул. о нак. имѣть мѣсто не можетъ“. Наконецъ, подписка, отобранная полиціей отъ обвиняемыхъ, сама по себѣ не является законнымъ распоряженіемъ полиціи. На этихъ основаніяхъ судья оправдалъ ослушныхъ торговцевъ *), и такимъ образомъ изобрѣтенный было простой способъ измѣненія условій хлѣбной торговли путемъ административнаго распоряженія потерпѣлъ рѣшительную неудачу.

Послѣдняя не охладила, однако, законодательнаго рвенія въ Бессарабской губерніи. Какъ сообщила недавно мѣстная газета, начальникъ этой губерніи усмотрѣлъ „недомолвку“ въ Положеніи о земскихъ учрежденіяхъ и рѣшилъ восполнить ее своею властью. Съ этою цѣлью онъ издалъ слѣдующее распоряженіе: „Статья 122-я Полож. о земск. учреж., возбраняя предсѣдателямъ и членамъ земскихъ управъ принимать участіе въ разрѣшеніи земскими собраніями цѣлаго ряда вопросовъ, не упоминаетъ о тѣхъ земскихъ гласныхъ, которые служатъ при управахъ по найму. На эту недомолвку закона, вызвавшую въ практикѣ нѣкоторыхъ земствъ крайне ненормальное явленіе участія служащихъ въ земскихъ управахъ лицъ (секретарей, бухгалтеровъ, страховыхъ агентовъ и т. п.) въ выборахъ предсѣдателя и членовъ управъ, отъ которыхъ лица эти всецѣло зависятъ, въ опредѣленіи размѣра содержанія своимъ непосредственнымъ начальникамъ и т. п., было обращено вниманіе двумя годами позже, при изданіи Городового Положенія 11-го іюня 1892 года, въ 120-й ст. котораго

*) «Од. Новости», 18 сент. 1900 г.

ограниченіе участія, при разсмотрѣніи въ думѣ нѣкотораго рода дѣлъ, установлено не только для городского головы и членовъ управы, *но и для всѣхъ прочихъ лицъ*, занимающихъ должности по городскому общественному управленію. Признавая безусловно недопустимымъ участіе всѣхъ служащихъ по земскому общественному управленію лицъ при разрѣшеніи въ земскихъ собраніяхъ вопросовъ, перечисленныхъ въ ст. 122-й Полож. о зем. учр., а также *въ выборахъ предсѣдателя и членовъ земской управы* (курсивъ подл.) и членовъ ревизіонной коммиссіи, я имѣю честь просить управу доложить объ этомъ предстоящему земскому собранію, съ тѣмъ, чтобы тѣ члены его, которые занимаютъ должности по приглашенію управы (въ случаѣ таковые имѣются, т. е. состоятъ одновременно и земскими гласными, и на службѣ по земскому общественному управленію), устраняли себя при разрѣшеніи земскими собраніями означенныхъ дѣлъ или, въ случаѣ отказа, были устраняемы властью предсѣдателя собранія" *).

Какъ указываетъ самый текстъ этого распоряженія, бессарабскій губернаторъ считаетъ за собою право не только толковать законъ, но и кореннымъ образомъ измѣнять его содержаніе. „Р. Вѣдомости" замѣтили уже по поводу этого распоряженія, что самая ссылка его автора на 120 статью Городового Положенія не вполнѣ удачна, такъ какъ эта статья предписываетъ гласнымъ, занимающимъ должности по городскому общественному управленію, „устранять себя отъ участія въ рѣшеніи думою возбужденныхъ объ ихъ дѣйствіяхъ вопросовъ" и воспрещаетъ имъ участіе въ „постановленіи опредѣленій о назначеніи содержанія по занимаемымъ ими должностямъ и о послѣдствіяхъ ревизіи отчетовъ управы", но не ограничиваетъ ихъ права на участіе въ производимыхъ думами выборахъ. Слѣдовательно, распоряженіе бессарабскаго губернатора не только распространяетъ дѣйствіе Городового Положенія на земскія учрежденія, но и создаетъ совершенно новый порядокъ. „Очевидно, — заключаютъ „Р. Вѣдомости", — начальникомъ Бессарабской губерніи упущена изъ вида ст. 65 основныхъ государственныхъ законовъ, согласно которой „законы должны быть исполняемы по точному и буквальному смыслу оныхъ, безъ всякаго измѣненія или распространенія. Всѣ безъ изъятія мѣста, не исключая и высшихъ правительствъ, во всякомъ случаѣ должны утверждать опредѣленія свои на точномъ смыслѣ законовъ, не перемѣняя въ нихъ, безъ доклада Императорскому Величеству, ни единой буквы и не допуская обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій".

Весьма вѣроятно, что черезъ нѣкоторое время г. бессарабскій губернаторъ при помощи Прав. Сената сознаетъ свою ошибку. Но ст. 65 основныхъ законовъ въ настоящее время упускается

*) «Бессарабецъ». Цитируемъ по «Р. Вѣд.». 11 сент. 1900 г.

изъ вида не въ одной лишь Бессарабской губерніи и бываютъ случаи, когда такое упущеніе безпрепятственно продолжается въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, не вызывая противъ себя никакихъ мѣропріятій. Вскорѣ послѣ открытія Нижегородской ярмарки въ нынѣшнемъ году газеты напомнили о существованіи на ней особаго ярмарочнаго полицейскаго суда, учрежденнаго болѣе десяти лѣтъ тому назадъ и благополучно существующаго до сихъ поръ, хотя онъ не предусмотрѣнъ никакимъ закономъ. Этотъ судъ состоитъ изъ помощника полиціймейстера, которому иногда дается на подмогу членъ ярмарочнаго биржевого комитета. Разборъ дѣлъ производится ими частью публично, частью безъ публики, въ особой комнатѣ. Характеръ дѣятельности этого суда вполнѣ соотвѣтствуетъ порядку его возникновенія и простотѣ его организаціи. На разборъ его поступаютъ, главнымъ образомъ, дѣла по жалобамъ подрядчиковъ на рабочихъ и обратно, причемъ онъ рѣшаетъ ихъ „очень быстро, руководствуясь тѣмъ, что обычная судебная процедура затянетъ процессъ". Но, кромѣ того, онъ разбираетъ и дѣла по торговымъ недоразумѣніямъ, особенно такія, которыя „въ мировомъ судѣ по бездоказательности могутъ быть проиграны". Иногда же помощникъ полиціймейстера, „чтобы не обременить себя работой", совершенно не принимаетъ къ разбору „дѣлъ чисто гражданскихъ по взысканіямъ, подкрѣпляемымъ документальными доказательствами" *). Итакъ, этотъ необыкновенно простой по своей организаціи судъ разсматриваетъ очень сложныя дѣла и въ томъ числѣ даже такія, которыя оказались бы безнадежными въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ. Какого рода результаты возникаютъ изъ этого—легко догадаться. Яркою иллюстраціей ихъ можетъ служить эпизодъ, разыгравшійся въ Нижнемъ-Новгородѣ въ августѣ настоящаго года. Къ полицейскому ярмарочному суду былъ вызванъ торговецъ г. Шуши г. Мюлькьянцъ по обвиненію въ неуплатѣ долга за товаръ нѣсколькимъ персамъ, причемъ это дѣйствіе г. Мюлькьянца судъ квалифицировалъ, какъ мошенничество. Г. Мюлькьянцъ не отрицалъ своего долга, но откладывалъ его уплату до провѣрки счетовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отказался подчиниться рѣшенію неустановленнаго закономъ суда. Тогда члены послѣдняго послали сообщеніе прокурору о привлеченіи г. Мюлькьянца къ суду за мошенничество. Прокурорскій надзоръ разошелся однако во мнѣніяхъ съ полицейскимъ судомъ и, не найдя въ дѣйствіяхъ г. Мюлькьянца состава преступленія, заключилъ, что жалоба персовъ можетъ быть разсмотрѣна лишь въ порядкѣ гражданскаго иска. Но ранѣе того „нѣсколько дней лавка Мюлькьянца была оцѣплена городовыми, и владѣлецъ ея не могъ производить въ ней торга" **).

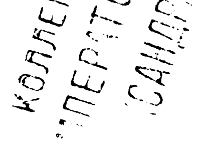
*) Изъ отчета о дѣятельности полицейскаго суда за 1899 г., помѣщеннаго въ «Нижег. Почтѣ». Цитируемъ по «Р. Вѣд.», 16 сент. 1900 г.
**) «Р. Вѣд.», 23 и 25 авг. 1900 г.

Стремленіе къ созданію непредусмотрѣнныхъ закономъ порядковъ проникло и въ Полтавскую губернію. Здѣсь переяславскій исправникъ г. Калиновичъ попытался собственною властью образовать всесословную волость, предписавъ обывателямъ селеній всѣмъ безъ различія отбывать натуральныя повинности. Когда же два мѣстныхъ дворянина и одинъ штатный псаломщикъ отказались идти по назначенію урядника въ обходъ, они были вызваны въ волостной судъ, и, за неявкою ихъ, послѣдній наложилъ на нихъ денежный штрафъ *). Чѣмъ закончился этотъ любопытный опытъ, газеты не сообщили. Надо думать, однако, что онъ не увѣнчался полнымъ успѣхомъ, и г. Калиновичу, не смотря на обнаруженную имъ энергію, не удалось на свой страхъ усовершенствовать русскіе законы. Иного рода дополненіе закона, касающееся уже только крестьянскаго сословія, произведено въ Балахнинскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи. Здѣсь, какъ выяснилось на послѣднемъ земскомъ собраніи, на крестьянъ наложена непредусмотрѣнная закономъ натуральная повинность, носящая названіе „телеграфной“. На мѣстныхъ крестьянъ возложена обязанность караулить проволоки телеграфныхъ линій, причемъ для отправляющихъ эту повинность лицъ не устроено никакихъ особыхъ помѣщеній въ видѣ караулокъ, и они должны находиться все время на воздухѣ, а за всякую отлучку несутъ наказанія. Земское собраніе, ознакомившись съ характеромъ этой повинности, постановило возбудить ходатайство объ освобожденіи населенія отъ нея**). Но и общественныя учрежденія въ наше время не всегда бываютъ чужды стремленія упростить законодательство, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ его частяхъ, которыя касаются низшихъ общественныхъ классовъ. Такъ, въ Нижнемъ-Новгородѣ городская управа составила недавно проектъ обязательныхъ постановленій для извознаго промысла, предоставляющій полиціи право налагать на извощиковъ наказанія по жалобамъ уважаемыхъ въ городѣ лицъ. На этотъ разъ на защиту закона выступило губернское присутствіе, которое и разъяснило нижегородскому головѣ, г. Меморскому, къ слову сказать, бывшему присяжному повѣренному, что въ Россіи для разбора жалобъ и наложенія наказаній существуетъ судъ ***).

Ограничимся приведенными фактами. Уже изъ нихъ можно съ достаточною ясностью видѣть, что въ различныхъ мѣстностяхъ нашего отечества и въ разныхъ областяхъ его общественной жизни въ настоящее время нерѣдко приходится наблюдать одно и то же общее стремленіе—къ замѣнѣ закона административнымъ усмотрѣніемъ и надѣленію представителей послѣдняго широкими

*) «Сѣв. Кур.», 2 авг. 1600 г.
**) «Недѣля», № 39, 24 сент. 1900.
***) «Р. Вѣд.», 8 авг. 1900 г.

полномочіями. Не всегда такое стремленіе вполнѣ достигаетъ своей цѣли и успѣшно справляется съ встрѣчающимися на его пути препятствіями въ видѣ традицій и учрежденій, доставшихся намъ въ наслѣдство отъ „эпохи великихъ реформъ", сравнительно высоко державшей знамя закона. Но по мѣрѣ того, какъ ослабѣваютъ традиціи и видоизмѣняются учрежденія, входящія въ составъ этого наслѣдства, увеличиваются и шансы названнаго стремленія. Уже и въ настоящее время нерѣдки случаи расширенія области административнаго усмотрѣнія и соотвѣтственнаго сокращенія авторитета закона. Едва ли только эти все учащающіеся случаи возможно привѣтствовать съ какой-либо точки зрѣнія, за исключеніемъ развѣ лишь указанной выше точки зрѣнія „Моск. Вѣдомостей". Чрезмѣрно простыя формы правовыхъ отношеній отжили свой вѣкъ и въ современной, все усложняющейся жизни страны, онѣ способны породить не опредѣленный и ясный порядокъ, а хаосъ „самопроизвольныхъ толкованій", объ опасности которыхъ предупреждаетъ законъ и краснорѣчиво свидѣтельствуютъ факты современной дѣйствительности.

ОПЕЧАТКИ:

въ статьѣ **Роль психическаго автоматизма въ «новомъ искусствѣ»** (№ 9 „Русскаго Богатства"):

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
97	12 снизу	**техническимъ автоматизмомъ.**	**психическимъ автоматизмомъ.**
98	11—12 сверху	техническаго автоматизма.	психическаго автоматизма
101, примѣчаніе.	8 снизу	технику поэтовъ,	психику поэтовъ

Редакторы-Издатели: { *Вл. Г. Короленко.* / *Н. К. Михайловскій.*

ГАЗЕТЫ,

ВЫРАЗИВШІЯ ЖЕЛАНІЕ НА ВЗАИМНЫЙ ОБМѢНЪ ИЗДАНІЯМИ И ОБЪЯВЛЕНІЯМИ

на 1900 г.

въ г. *Астрахани:*

„АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *В. И. Склабинскій.* На годъ 7 р. 50 к., на 1/2 года 5 р., на 1 мѣс. 1 р. 25 к.

въ г. *Асхабадѣ:*

„АСХАБАДЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *З. Д. Джавровъ.* На годъ 7 р., на 1/2 года 4 р., на мѣс. 1 р. 50 к.

въ г. *Баку:*

„КАСПІЙ“ (ежедневно). На годъ 8 р. 50 к., на 1/2 годъ 5 р., на 1 мѣс. 1 р. 50 к.; за границу на годъ 13 р., на 1/2 года 7 р.

въ г. *Благовѣщенскѣ:*

„АМУРСКІЙ КРАЙ“ (три раза въ недѣлю). Редакторъ-издатель *Г. И. Клитчогло.* На годъ 9 р., на 1/2 года 5 р., на мѣс. 1 руб.

въ г. *Вильнѣ:*

„ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *П. Бывалькевичъ.* На годъ 8 р., на 1/2 года 4 р., на 1 мѣс. 1 р.

„СѢВЕРО-ЗАПАДНОЕ СЛОВО“ (ежедневно). Редакторъ-издатель *Г. Е. Клочковскій.* На годъ 8 р., на 1/2 года 4 р. 50 к., на мѣс. 1 р.

въ г. *Владивостокѣ:*

„ВЛАДИВОСТОКЪ“ (разъ въ недѣлю). Редакторъ-издатель *Н. В. Ремезовъ.* На годъ 11 р. 50 к., на 1/2 года 7 р., на 3 мѣс. 4 р.,